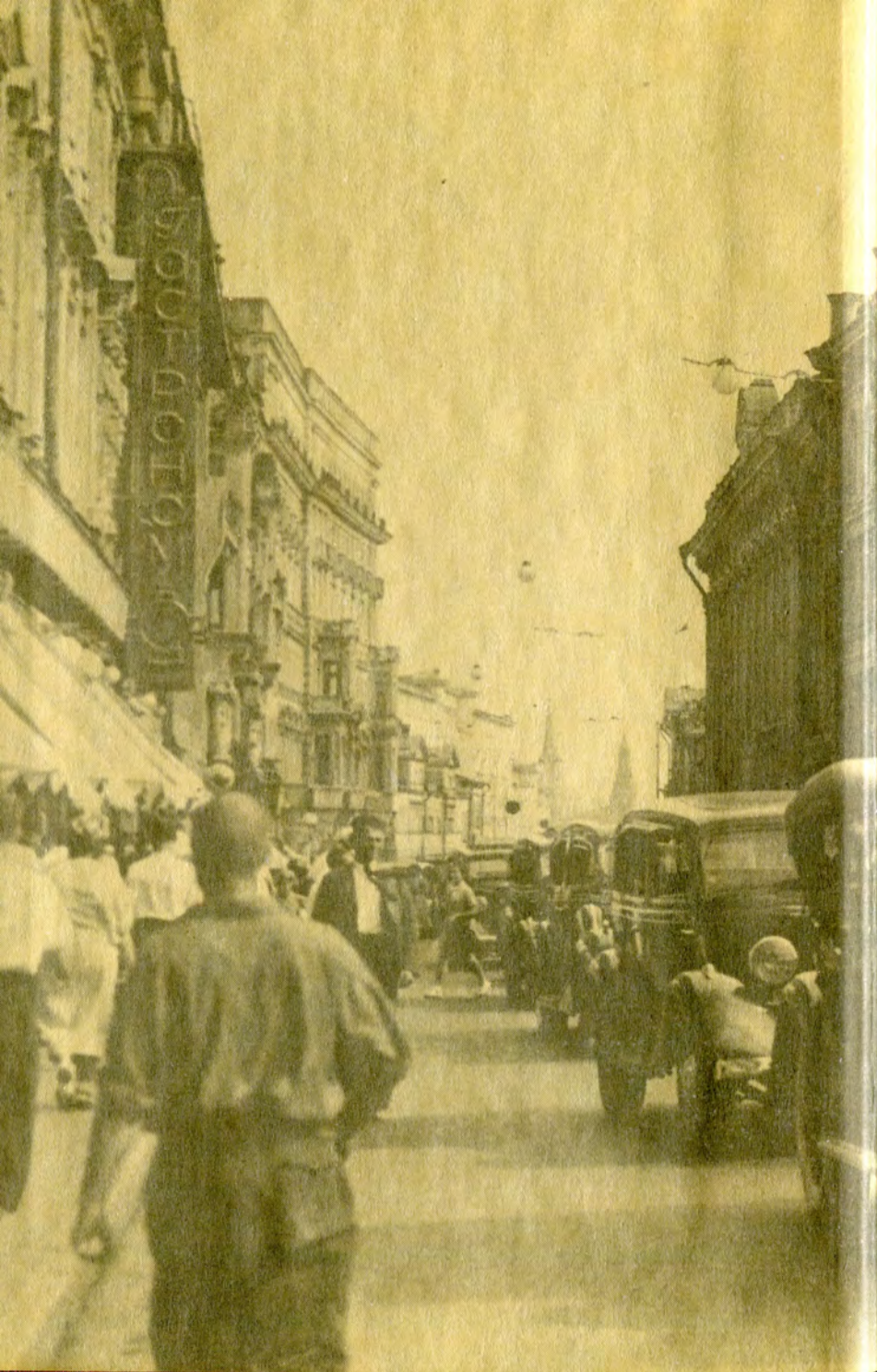
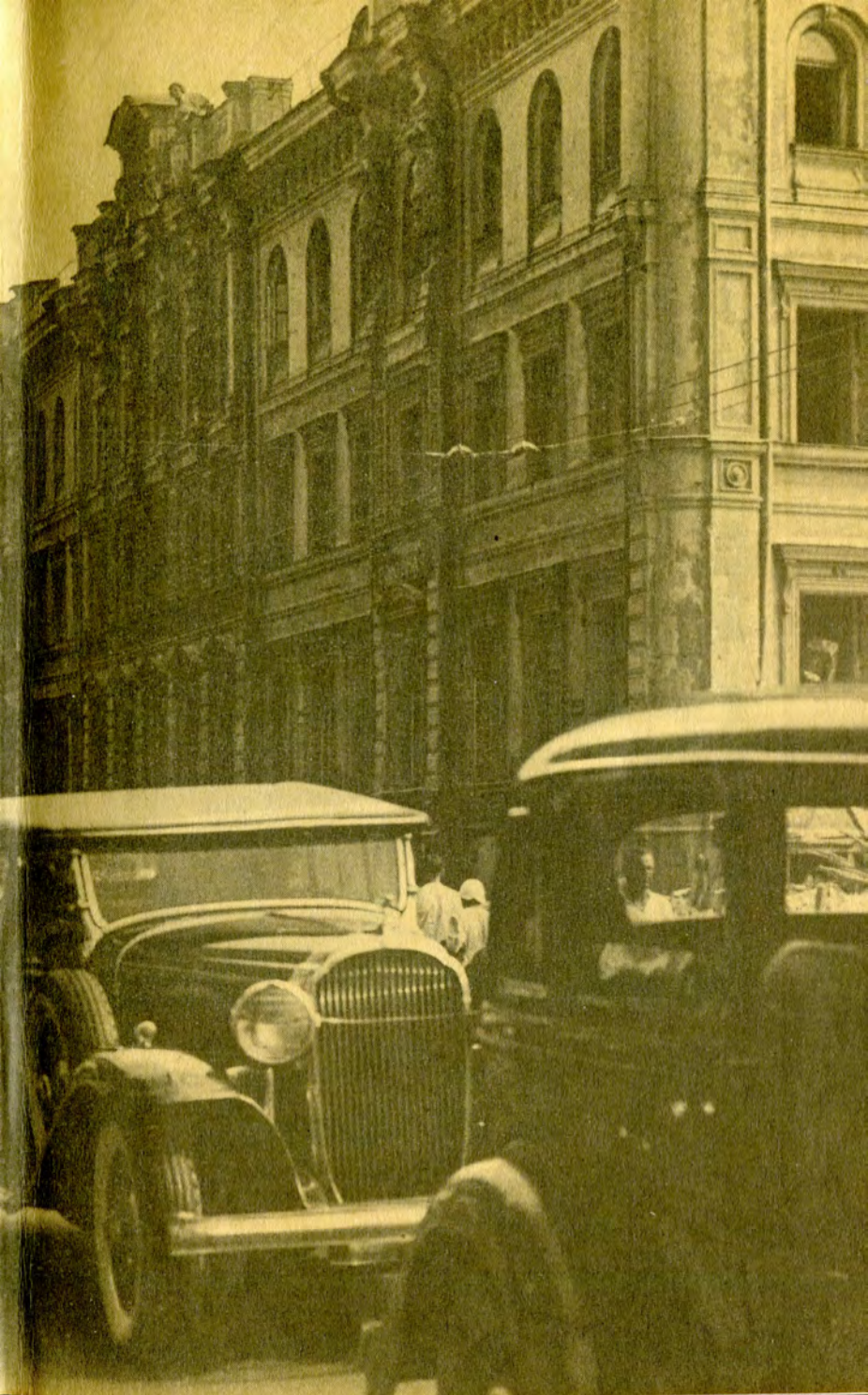

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Багровый остров

М. Бураков

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ВИКТОР ПЕТЕЛИН

*Составление,
предисловие, подготовка текста*

1

ДЬЯВОЛИАДА

2

РОКОВЫЕ ЯЙЦА

3

СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ

4

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

5

БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

6

КАБАЛА СВЯТОШ

7

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

8

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН

9

МАСТЕР И МАРГАРИТА

10

ПИСЬМА

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ
ПЯТЫЙ

БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

ПЬЕСЫ, ПОВЕСТЬ,
ЧЕРНОВЫЕ ВАРИАНТЫ РОМАНА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»
1928 — 1931

Москва
«ГОЛОС»
1997

УДК 882
ББК 84/2Рос-Рус/6
Б 90

Редакционный совет издательства:

**АЛЕШКИН П. Ф. — председатель,
ГОЛУБЕВ В. С., КОДОЛОВ В. И., КОЗЛОВ В. Б., КОНОВКО А. В.,
КОШЕЛЬ П. А., КУЗЬМИН Г. М.,
МЕНЬКОВ А. Т., ПЕТЕЛИН В. В. (зам. председателя),
ТИМОФЕЕВ В. В., ФОМИН И. Р., ФОМИНА Л. Р., ФОМИН Р. И.**

Художник РАСТОРГУЕВ Г. Д.

ISBN 5-7117-0309-9 (т. 5)
ISBN 5-7117-0304-8

© Составление. Петелин В. В., 1997
© Оформление. Издательство
«Голос», 1997

ГОДЫ ПЕРЕЛОМА В ВЕЛИКОЙ СУДЬБЕ

«В этом году исполняется десять лет с тех пор, как я начал заниматься литературной работой в СССР. Из этих десяти лет последние четыре года я посвятил драматургии, причем мною были написаны 4 пьесы. Из них три («Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Багровый остров») были поставлены на сценах государственных театров в Москве, а четвертая — «Бег», была принята МХАТом к постановке и в процессе работы Театра над нею к представлению запрещена, — писал Булгаков в заявлении генеральному секретарю партии И. В. Сталину, председателю ЦИ комитета М. И. Калинину, начальнику Главискусства А.И.Свидерскому, Алексею Максимовичу Горькому... — Ранее этого подверглись запрещению: повесть моя «Записки на манжетах». Запрещен к переизданию сборник сатирических рассказов «Дьяволиада», запрещен к изданию сборник фельетонов, запрещены в публичном выступлении «Похождения Чичикова». Роман «Белая гвардия» был прерван печатанием в журнале «Россия», т.к. запрещен был самый журнал.

По мере того, как я выпускал в свет свои произведения, критика в СССР обращала на меня все большее внимание, причем ни одно из моих произведений, будь то беллетристическое произведение или пьеса, не только никогда и нигде не получило ни одного одобрительного отзыва, но напротив чем большую известность приобретало мое имя в СССР и за границей, тем яростнее становились отзывы прессы, принявшие наконец характер неистовой брани.

Все мои произведения получили чудовищные, неблагоприятные отзывы, мое имя было ошельмовано не только в периодической прессе, но в таких изданиях, как Б.Сов. Энциклопедия и Лит. Энциклопедия.

Бессильный защищаться, я подавал прошение о разрешении, хотя бы на короткий срок, отправиться за границу. Я получил отказ...

Мои произведения «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» были украдены и увезены за границу. В г. Риге одно из изда-

тельств дописало мой роман «Белая гвардия», выпустив под моей фамилией книгу с безграмотным концом. Гонорар мой за границей стали расхищать.

Тогда жена моя Любовь Евгеньевна Булгакова вторично подала прошение о разрешении ей отправиться за границу одной для устройства моих дел, причем я предлагал остаться в качестве заложника.

Мы получили отказ.

Я подавал много раз прошение о возвращении мне рукописей из ГПУ и получал отказы или не получал ответа на заявления.

Я просил разрешения отправить за границу пьесу «Бег», чтобы ее охранить от кражи за пределами СССР.

Я получил отказ.

К концу десятого года силы мои надломились, не будучи в силах более существовать, затравленный, зная, что ни печататься, ни ставиться более в пределах СССР мне нельзя, доведенный до нервного расстройства, я обращаюсь к Вам и прошу Вашего ходатайства перед Правительством СССР ОБ ИЗГНАНИИ МЕНЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ СССР ВМЕСТЕ С ЖЕНОЙ МОЕЙ Л.Е. БУЛГАКОВОЙ, которая к прошению этому присоединяется».

Это письмо М.А.Булгаков направил в высшие инстанции Российского государства в июле 1929 года, отправил тогда, когда утрачены были все надежды на благополучный исход ожесточеннейшей литературной борьбы. Начинались годы великого перелома...

А ведь всего три года тому назад только началась его известность сначала в литературных, потом театральных кругах, а затем пришла и европейская слава... И все началось с премьеры «Дней Турбиных»...

Драматическая судьба «Белой гвардии», ставшей «Днями Турбиных», привлекла всеобщее внимание к спектаклю в знаменитом МХАТе. Казалось бы, и это уже успех, которого даже маститые подолгу ждут. Но вслед за успешно, через день, идущими «Днями Турбиных» последовала «Зойкина квартира», а в работе уже и «Багровый остров», «Бег»... Вернемся же на несколько месяцев назад и расскажем о продолжении периода в жизни Михаила Афанасьевича, который назвал я счастливой порой.

Булгаков уже в полную силу работал над «Белой гвардией» и слух об острейшей пьесе пошел по всей Москве, когда к нему на «голубятню», «покосившийся флигелек» по Чистому переулку, пришли Алексей Дмитриевич Попов и Василий Васильевич Куза и предложили написать для Вахтанговского театра комедию.

1 января 1926 года заключен договор, а 11 января Булгаков прочитал текст пьесы в Театре Вахтангова. «Пьеса принята единогласно», — сообщает Булгакову В. В. Куза, поздравляя с успехом.

Не успел Михаил Афанасьевич отойти от комедийных и драматических событий «Зойкиной квартиры», как Камерный театр предложил ему написать пьесу на тему «Багрового острова», фельетона, несколько лет тому назад опубликованного в газете «Накануне». 30 января Камерный театр подписывает договор, по которому Булгаков должен к 15 июня 1926 года представить пьесу «Багровый остров», к тому же зашел разговор и об инсценировке повести «Роковые яйца». Ленинградские театры тоже готовы заключить договора на постановку «Белой гвардии» и «Зойкиной квартиры». Возникает и замысел «Бега».

И вместе с тем Булгаков принимает активное участие в литературной жизни: 12 февраля он выступает в Колонном зале, 21 февраля — в Политехническом музее, 1 марта — в ГАХНе с чтением сатирического рассказа «Похождение Чичикова» с постоянным успехом.

К репетициям во МХАТе прибавились еще и репетиции в Театре Вахтангова. Но, как всегда, пьеса все еще нуждалась в доработке. 29 марта 1926 года В. Куза шлет записку Булгакову: «Что же Вы с нами делаете? Андрей Дмитриевич ждет вставок в 4-й акт, а я вынужден отменять репетиции. Помните, что среда 31/III крайний срок». Конечно, Булгаков понимал, что у Театра свои законы и требования, в спектакле участвуют столько разных художников, с разным порой видением своих ролей, но так хотелось, чтобы эти разные артисты прежде всего поняли его художническую задачу...

А скорее всего ему предстоит немало побороться за воплощение на сцене своего творческого замысла. На одной из первых репетиций режиссер-постановщик А. Д. Попов высказал свое мнение о пьесе, свое видение этой пьесы на сцене... Так уже произошло и с «Белой гвардией»... Поначалу все складывалось просто замечательно. Прослушали, одобрили, распределили роли, стали репетировать, а потом началось. Так и в Театре Вахтангова... С удивлением и грустью слушал Михаил Афанасьевич Попова:

— Что это за пьеса? Есть ли она комедия нравов или комедия о нэпе? Мы на это ответим отрицательно. Сердцевина пьесы в другом. Пошлость, разврат и преступление являются тем жутким треугольником, который замыкает в себе персонажей этой пьесы. Этот треугольник и есть тот прицел, по которому должен бить театр. Причем по такой цели бить неуверенно и мягко нельзя, иначе это будет неприятное и общественно вредное сюсюканье на очень большую тему. Поэтому резец театра, которым он работает эту тему, должен быть крепким и острым...

Булгаков недоумевал: «Что за военная терминология... Уж не полигон ли он устраивает из сцены театра... Давай, режиссер, давай, слушаем...»

— Мы естественно пришли к тому тембровому звучанию спектакля, которое называли трагифарсовым. Конечно, элемент трагического не в том, что переживают персонажи, — Гусь теряет любовницу, Обольянинов страдает от условий жизни, Зойку арестовывают, Гуся убивают, — а в том, что люди скатились до пределов человеческого падения, внешне пытаясь сохранить фиговое достоинство.

Булгаков слушал и все более недоумевал и возмущался тому, что так односторонне режиссер раскрывает сложный замысел его пьесы. Да, образы должны толковаться сообразно профессиональному признаку... Да, актер должен исчерпывающе вникнуть в текст, понять сложные характеры персонажей и разобраться в их поступках в ходе пьесы. Прав, конечно, режиссер и в том, что всякая неясность в толковании образов будет противоречить творческому ее замыслу, а значит, и не достигнет своей цели и постановка спектакля. Но почему в «Зойкиной квартире» каждый актер должен быть художником-прокурором для своего образа?

— Все типы в пьесе отрицательны, — вновь услышал Булгаков уверенный голос режиссера. — Исключение представляют собой агенты Угрозыска, которых следует толковать без всякой идеализации, но делово и просто. Это группа действующих лиц положительна тем, что через нее зритель разряжается в своем чувстве протеста.

...В декоративном оформлении спектакля нагрузка делается на пышное безвкусице и пошлую роскошь обстановки «Зойкиной квартиры». Гримы должны быть заострены в реалистическом гротеске...

После выступления Попова многие актеры не приняли его категоричность, прямолинейное толкование образов как чисто отрицательных, «нутром» чувствуя сложность и противоречивость драматургического материала, дающего больший простор для игры воображения, чем только что услышанное задание.

А Булгаков был просто возмущен: «Даже музыкально-шумовая красота в пьесе, по уверению Андрея Дмитриевича, должна помочь общей задаче театра — подчеркнуть пошлость и комизм происходящего надрыва, как в веселье, так и в страданиях завсегдатаев Зойкиной квартиры. Разве мои персонажи только лишь отрицательны? Разве Аллу я написал без сочувствия и сострадания? Алла — молодая женщина из хорошей семьи. Очень красива. Конечно, ни служить, ни работать не может. Но... воспитанна и умна. А Зойка? Обольянинов? Аметистов? Только ли в них отрицательное?!»

А между тем работа над пьесой продолжалась, как и репетиции в Театре Вахтангова.

4 марта 1926 года появилось сообщение в «Известиях»: «Начались работы по постановке новой пьесы М.Булгакова «Зойкина квартира».

При встречах с артистами, принимавшими участие в «Зойкиной квартире», Булгаков неустанно рассказывал о творческом замысле своей пьесы, говорил, что не надо артисту быть прокурором, надо просто показывать своих персонажей такими, какими их задумал автор. Зойка должна быть необыкновенно обаятельной, не понимающей всей преступности своего поведения, Гусь, Алла, Манюшка живут своей нормальной жизнью, тоскуют, чего-то хотят добиться в этой неустроенной повседневной жизни, но сила обстоятельств разрушает их помыслы, оставляя ни с чем... Не надо выпрямлять, доводить до примитивной «дремучести» своих героев, надо разобраться в том, что такое трагикомедия, надо понять основное условие автора: пьеса должна быть сделана тонко, а это вовсе не означает, что каждый образ пьесы — жуткая гримаса, как любит выражаться наш высокочтимый режиссер и к чему вас всех призывает...

А с Рубеном Симоновым Булгаков разгрызвал целые сценки из пьесы, где действует Аметистов, которого с увлечением исполнял собеседник. Или начинали рассказывать друг другу биографию Аметистова, каждый раз придумывая что-то новое. И, наконец, решили, что Аметистов — незаконнорожденный сын великого князя и кафешантанной певицы. Все это, конечно, сопровождалось неистощимым юмором, поиском красок жизненной достоверности, потому что оба понимали, какие богатые возможности для актера предоставляет литературная канва пьесы. И Булгаков был совершенно спокоен за Аметистова: Рубен Симонов играл того, кого он изобразил: лихость, энергия, дар лицедейства и перевоплощения, неиссякаемая комическая сила авантюриста... Булгаков видел, как Рубен Симонов-Аметистов, принимая заказы в мастерской, так однажды шлепнул по манекену, что тот завертелся, как волчок, а эффект оказался потрясающий: в этом жесте проявилась истинная натура, характер незаурядного героя.

24 апреля 1926 года состоялась первая генеральная репетиция «Зойкиной квартиры», на которой присутствовала не только публика, но и высокое начальство, театральные критики, чиновники из Главреперткома, Наркомпроса и пр. и пр. «Зойкину квартиру», как и «Белую гвардию» перед этим, высокое начальство запретило, высказав множество мелких и крупных замечаний. Особенно настойчиво высказывался за запрещение постановки Луначарский, предостерегая театр, чтобы он «не сел в лужу», как МХАТ с «Белой гвардией».

А теперь несколько слов о «Зойкиной квартире», против постановки которой так горячо возражал Луначарский.

Ведь в основе пьесы — реальные эпизоды жизни, которыми были переполнены сообщения газет. Вот, например, недавно милиция раскрыла карточный притон, а днем это была обыкновенная пошивочная мастерская во главе с обаятельной Зоей Бу-

яльской... А как раскрыли? А что там могло произойти? Что обратило на себя внимание милиции?

И воображение художника «заработало», возникал сюжет увлекательной и злободневной пьесы, наполненной стремительным действием, резко индивидуальными характерами, сталкивающимися между собой в драматическом единоборстве...

Ничего не изменилось в этом мире для множества людей. Они сменили только внешнюю форму, приспособились к новым условиям и стали извлекать выгоду из новой действительности... По-прежнему наверху жизни иной раз действуют пронырливые, верткие дельцы под личиной добропорядочных людей. Годы нэпа предоставили им благоприятную почву для своих махинаций ради иной жизни. Вот и Зойка с графом Обольяниновым задумали сбежать из Советского Союза, сбежать не просто так, а с деньгами. Зойка открывает пошивочную мастерскую, нанимает манекенщиц, администратора. Пусть дело поставлено на широкую ногу, но ей нужен миллион, а честным путем в пошивочной таких денег не заработаешь. И начинается погоня за миллионом... Каждое из действующих лиц стремится к тому, что жизнь дать ему не может... А так хочется добиться цели, добиться любыми средствами, чаще всего аморальными. Но выглядеть все должно благопристойно. Начинается игра, у каждого своя роль, каждый перестает быть самим собой и играет заданную ему роль, вживаясь в чуждые ему формы жизни. Вот крупный советский служащий Гусь, которому мастерская обязана своим существованием, приходит к Зое. Он знает, чем она занимается, Зоя знает, чего он хочет. Но разговор ведут в формах благопристойности. Нет, он пришел вовсе не для того, чтобы поразвлечься с какой-нибудь манекенщицей, как на самом деле, он пришел сюда по делу — ему нужен парижский туалет, «какой-нибудь крик моды». И весь их диалог построен так, что каждый из них говорит одно, а думает другое. Такое противоречие между внешним и внутренним и стало движущей силой комедии. Вот уж поистине — словами можно лгать, вводить в заблуждение относительно истинных своих намерений... Он пришел сюда развлекаться, но он женат, а хочет выглядеть благопристойным. И не только Зоя, но и директор-распорядитель Аметистов, аферист и ловкач, тоже превосходно понимает ситуацию и начинает демонстрировать ему манекенщиц — какая больше подойдет такому богатому и влиятельному гостю, который платит большие деньги за посещение...

Но как сделать, чтобы поверили в то, что происходит на сцене, ведь это из ряда вон выходящий случай жизни, ее искривление, искажение нормальных форм... И Булгакову приходит замечательная мысль... Вот эта погоня за деньгами, жажда наживы — это как бы мираж для некоторых персонажей, они

все живут как бы в полусне. И этот мотив полусна, полубреда, где все предстает в каком-то зыбком, тревожном, призрачном свете, проходит через всю пьесу.

Граф Оболянинов действует как автомат, как запрограммированное существо, он ходит, разговаривает, играет в представлении отведенную ему роль, его сознание окутано каким-то туманом, но в минуты внезапного озарения у него вырываются тоскующие слова: «Я играю, горничная на эстраде танцует, что это происходит...» Он страшно далек от происходящего на его глазах чудовищного обмана, он еще в том мире, из которого его насильственно выбросили. Аметистов пытается вернуть его к современности, но ничего у него не получается. Булгаков представил графа строго одетым, во фраке, корректным, вежливым, снисходительным, благородным, знающим себе цену. Он вежливо просит Аметистова называть его по имени и отчеству, а не фамильярно «маэстро»: «Просто это непривычное обращение режет мне ухо, вроде слова «товарищ». Аметистов пытается его развеселить, вывести из строгой задумчивости и недовольства этим юрким и беспокойным миром, где постоянно нужно заматываться не тем, чем хочется. Оболянинов и Аметистов никак не могут найти общего языка.

В этом фальшивом мире самой колоритной фигурой, пожалуй, является Аметистов, враль, болтун, гениальный пройдоха, самый бессовестный перевертыш и приспособленец. Вся его жизнь — это постоянные попытки вылезти из собственной «шкуры». Он не хочет быть самим собой. Он постоянно придумывает себе биографию. Разным людям он говорит прямо противоположное: то он служил при дворе, и, дескать, этим можно объяснить его умение шикарно и красиво жить, то он вспоминает о своих будто бы странствиях по Шанхаю, где собирал материалы для большого этнографического труда и откуда вывез китайца Херувима, преданного старого лакея, отличающегося только одним качеством — «примерной честностью». Лжет он беззастенчиво, но и бескорыстно. Выдумывать свою биографию — это у него от артистизма, от игры, которая у него, так сказать, в крови. Зойка уговаривает его не врать и не говорить по-французски. Зойка не понимает его характера. Вранье — это его натура. Он в мыслях своих бывал и в Шанхае, и при дворе, и в Париже. Половина Зойкиного богатства сделана его «ручонками». Он тоже мечтает выбраться отсюда. Голубая его мечта — Ницца, море, и он «на берегу его в белых брюках». Зойка более прозаична. Она не понимает, что он не может отказаться от выдуманного им мира: «Я с десяти лет играю в шмэндефер, и на тебе, плохо говорю по-французски». Зойка же несколько прямолинейна, правдива. Она что думает, то и говорит. Врать — «кому это нужно?». Самому Аметистову — без вранья он не может и дня прожить — станет скучно,

однообразно... И эта правда, которую она ему высказывает, — «пакость», он не хочет этой правды. «Будь моя власть, я бы тебя за один характер отправил в Нарым».

И вот всему приходит конец, катастрофа, которую все почувствовали, но боялись в этом признаться.

Весной 1926 года Михаил Афанасьевич и Любовь Евгеньевна на Белозерская, переехавшие к тому времени из своей «голубятни» в Малый Левшинский, 4 («...У нас две маленькие комнаты — но две! — и хотя вход общий, дверь к нам все же на отшибе. Дом — обыкновенный московский особнячок, каких в городе тысячи тысяч: в них когда-то жили и принимали гостей хозяева, а в глубинку или на антресоли отправляли детей — кто побогаче — с гувернантками, кто победней — с няньками. Спали мы в синей комнате, жили — в желтой. Тогда было увлечение: стены красили клеевой краской в эти цвета, как в 40-е и 50-е годы прошлого века. Кухня была общая, без газа: на столах гудели примусы, мигали керосинки. Домик был вместительный и набит до отказа...»), — вспоминала впоследствии Л. Е. Белозерская), решили, не выдержав московской сутолоки, поехать на юг, в Мисхор, но и здесь, прожив всего лишь месяц, разочарованные, вернулись в Москву. А лето было в самом разгаре, и столько планов осталось неисполненными. И прежде всего — «Зойкина квартира».

Встретились с Николаем Николаевичем Ляминам, одним из ближайших друзей Булгаковых, и он рассказал им, что живет в Крюкове, на даче Понсовых... Булгаковы поехали посмотреть дачу и остались довольны. Вскоре они уже жили на даче Понсовых, у которых было пятеро детей, теннисная площадка, а кругом — лес с грибами. Так что можно было отдыхать, а главное — работать Михаилу Афанасьевичу. «Нам отдали комнату — пристройку с отдельным входом. Это имело свою прелесть, например, на случай неурочного застолья. Так оно и было: у нас не раз засиживались до самого позднего часа», — вспоминала Л. Е. Белозерская.

В это лето бывало много гостей на даче Понсовых, добрых и хлебосольных хозяев. Бывали соседи с других дач, очень славные и симпатичные люди, бывали артисты, художники, ученые, журналисты...

«Центр развлечений, встреч, бесед — теннисная площадка и возле нее, под березами скамейки. Партии бывали серьезные: Женя, Всеволод Вербицкий, Рубен Симонов, в ту пору тонкий и очень подвижный. Отбивая мяч, он высоко, по-козлиному поднимал ногу и рассыпчато смеялся. Состав партий менялся. Михаил Афанасьевич как-то похвалился, что при желании может обыграть всех, но его быстро «разоблачили». Лида (одна

из дочерей Понсовых. — В. П.) попрекала его, что он держит ракетку «пыром», т.е. она стоит перпендикулярно к кисти, вместо того, чтобы служить как бы продолжением руки. Часто слышался голос Лидуни: «Мака, опять ракетка «пыром»!» Но раз как-то он показал класс: падая, все же отбил трудный мяч — эти слова — драгоценные свидетельства Л. Е. Белозерской о повседневных буднях на даче Понсовых в Крюкове. «Мы все, кто еще жив, помним крюковское житье. Секрет долгой жизни этих воспоминаний заключается в необыкновенно доброжелательной атмосфере тех дней. Существовала как бы порука взаимной симпатии и взаимного доверия. Как хорошо, когда каждый каждому желает только добра!..»

И как хорошо работалось Михаилу Афанасьевичу Булгакову в этой доброжелательной обстановке: все понимающая и любимая жена, грибы, теннис, вечерние розыгрыши, смех молодежи, песни под гитару. Все это ничуть не отвлекало его от работы, он уже привык к шуму в городских квартирах, а здесь шум был совсем другого характера, шум, который не отвлекал, а помогал работать... Как крики детей на детской площадке... А потом так увлекательно было «закручивать» детективно-комедийный сюжет, придумывать события, которые разворачивались на Зойкиной квартире...

Дело в том, что 6 июля заседал Совет Вахтанговского театра, на котором, суммируя все многочисленные замечания после просмотра генеральной репетиции, были предложены необходимые переделки. Летом 1926 года Алексей Попов, находясь на отдыхе в селе Зубриловке Саратовской губернии, сообщает Булгакову: «Здравствуйте, дорогой Автор! Пишет Вам Ваш злейший враг, ненавидимый Вами режиссер. Весной перед отъездом моим из Москвы Вы меня надули, обещая позвонить мне или зайти в студию, чтобы показать выверенный Вами экземпляр (помните наш уговор у окна?! А?!). Я уехал на 4 дня позднее обещанного, но так Вас и не дождался, а адреса Вашего не мог вспомнить. Уехавши в деревню, я пытался Вам писать... и вот вчера я получил письмо от Кузы, в котором он сообщает мне Ваш разговор с ним и проекты переделок «Зойкиной квартиры» и просит меня написать Вам свое мнение, что я и делаю.

1. Умоляю, в интересах дела, в интересах успеха спектакля и пьесы свести ее к 3 актам, т.е. так, как предлагал Вам совет, и на что Вы не согласились и предлагаете оставить 3-й акт («Китайская любовь» и «Тоска»). Если в Вашем решении играют роль %% с лишнего акта, то смотрите, не ошибитесь в расчетах, успех пьесы в целом компенсирует с избытком потерю %% за выброшенный акт, я в этом глубоко убежден. Одним словом, я целиком согласен с проектом переделки, предложенным советом студии и еще к этому прибавил бы следующее: 1-ю и 2-ю картины II акта я бы соединил в одну картину, т.е. скомбини-

ровал бы текст этих двух картин так, чтобы он перемежался между собой, — для этого Зойку отделил бы от «фабрики» маленькой ширмочкой. Эта комбинация сохранила бы нам обе картины, т.е. «фабрику на ходу» и сцену «Алла-Зоя», и сэкономила бы время и перестановку и сгустила бы эти две вялые картины в одну густую компактную картину... А главное, это — сведите пьесу по плану совета к 3 актам, и вы увидите, какая это получится крепкая, насыщенная (без воды) пьеса.

Буду рад, если Вы, «стиснув зубь», ответите мне по адресу до 5 августа...» (См.: Попов А. Д. Творческое наследие. М., ВТО, 1986, т.3, с.306 — 307.)

В подробном ответе на эти требования переделок Булгаков категоричен и даже резок: «Здравствуйте, дорогой режиссер! Письмо Ваше от 16 июля получил... По-видимому, происходит недоразумение: я полагал, что я передал студии пьесу, а студия полагает, что я продал ей канву, каковую она (студия) может поворачивать, как ей заблагорассудится.

Ответьте мне, пожалуйста, Вы — режиссер, как можно 4-актную пьесу превратить в 3-актную?!

1-й акт. Приезд Аметистова.

2-й акт. Кончается демонстрацией (по плану Вашего Совета).

Из задачника Евтушевского: спрашивается, что должно происходить в 3-м (последнем) акте?! Куда я, автор, дену китайцев, муровцев, тоску и т.д.? Куда?

...Коротко: «Зойкина» — 4-актная пьеса. Невозможно ее превратить в 3-актную. Новую трехактную пьесу я писать не буду. Я болен (во 1-х), переутомлен (во 2-х), в 3-х же, публика, видевшая репетиции, совершенно справедливо говорит мне: «Не слушайте их (Совет, извините!), они сами во всем виноваты».

В 4-х, я полагал, что будет так: я пьесы пишу, студия их ставит. Но она не ставит! О, нет! Ей не до постановок! У нее есть масса других дел: она сочиняет проекты переделок. Ставить же, очевидно, буду я! Но у меня нет театра! (К сожалению!)

Итак: я согласился на переделки. Но вовсе не затем, чтобы устроить три акта. Я сейчас испытываю головные боли, очень больной задерганный и затравленный сию над переделкой. Зачем? Затем, чтобы убрать сцену в МУРе. Затем, чтобы довести «Зойкину» до блеска. Затем, чтобы переносить кутеж в 4-й акт. Я не нанимался решать головоломки для студии. Я писал пьесу!

Одна возня с кутежом может довести до белого каления (изволь писать новый текст для 4-го акта и для 3-го!!). В одном мы сходимся: сцену «фабрики» и «Аллы-Зои» можно вести как первую картину. Это я устрою. Вам будет удобно.

О вялости этих сцен мне говорить неудобно. Не смею спорить, ведь я — автор. Но, увы, публика спорит за меня...

Зрители:

«Вы будете переделывать?! Бросьте! Зачем Вы их слушаете? Сцена Аллы-Зои очень хороша, но они совершенно никак ее не сыграли! Они кругом виноваты! Они не переварили нисколько Вашего текста!»

Вот что говорят дерзкие зрители! Этого мало. Я еще молчу о том, что у меня безжалостно вышибали лучшие фразы из текста: где «Зойка — вы черт?», где «ландышами пахнет» и т.д. и т.д. Где?.. Где?.. Понижение к концу пьесы? А публика (квалифицированная, отборная, лучшая — театральная!) говорит, что я даром себя мучаю. 3-й и 4-й акты просто не сыграны. Стало быть, незачем и переделывать.

Но ладно. Я переделываю, потому что, к сожалению, я «Зойкину» очень люблю и хочу, чтобы она шла хорошо.

И готовлю ряд сюрпризов. Не 3 акта будет, а как было 4. Но Газолин будет увеличен, кутеж будет в 4-м акте, МУРа (сцены с аппаратами) не будет. В голове теперь форменная чертовщина! Что мне делать с Аллилуйей? Где будет награждение червонцами? И т.д.?! Я болен. Но переделаю.

%% не играют никакой роли! Просто я написал 4-актную, а не 3-актную. Я бы рад и 2 акта сделать, но не делается.

Сообщите мне наконец: будут вахтанговцы ставить «Зойкину» или нет? Или мы будем ее переделывать до 1928 года? Но сколько бы мы ни переделывали, я не могу заставить актрис и актеров играть ту Аллу, которую я написал. Ту Зойку, которую я придумал. Того Аллилуйю, которого я сочинил. Это Вы, Алексей Дмитриевич, должны сделать.

Я надеюсь, что Вы не будете на меня в претензии за некоторую растрепанность этого письма. Я очень спешу (оказия в Москву), я переутомлен.

На днях я студийной машинистке начну сдавать для переписки новую «Зойкину», если не сдохну. Если она выйдет хуже 1-й, да ляжет ответственность на нас всех (Совет в первую очередь!).

Пишу Вам без всякого стискивания зубов. Вы положили труд. Я тоже.

Привет. Ваш М. Булгаков. Адрес: Москва, Мал.Левшинский пер., 4, кв.1. В Москве я часто бываю. Приезжаю с дачи. 26 июля 1926 г.). (Публиковалось по автографу в книге: Петелин Виктор. Россия — любовь моя. Издание второе, дополненное. М., 1986. Там же было указано, что автограф хранится в ЦГАЛИ, ф.2417, оп.1, ед.хр.528.)

3 августа Попов настаивает на своем: «Здравствуйте, уважаемый Михаил Афанасьевич!

Большое письмо Ваше получил и очень сожалею, что переутомление, нервность, а главное, Ваше недоверие к театру, в который Вы отдали пьесу, мешает деловой и продуктивной работе. Результат этого недоверия — то, что Вы видите злую волю совета в том, что он напряженнейшим образом работает над пьесой и привлекает Вас к этой работе. В своем недоверии и раздражении Вы доходите до того, что сомневаетесь в том, что мы хотим ставить Вашу пьесу. Что за глупости?! Михаил Афанасьевич! И при чем здесь 1928 год?! Пьеса в работе находилась два с половиной месяца и будет кончена в обычный для нас срок (три с половиной-четыре месяца), и Вы это прекрасно знаете...

...Относительно того, что последние два акта просто не сыграны, а стало быть, и не нуждаются в переделке, — я думаю так — если сыграны 1-й и 2-й акты, то почему не быть сыгранным 3-му и 4-му актам? А? Может быть, они труднее? И требуют большего мастерства от актеров и режиссера?

Думаю, что, несмотря на Ваше пленение «квалифицированной публикой», у Вас есть своя голова на плечах и Вы прекрасно знаете, что 3-й и 4-й акты гораздо легче в смысле актерском и режиссерском.

...1. У нас не может быть желания угробить автора, ибо тем самым мы угробливаем себя.

2. У нас не может быть желания «канителиться» с пьесами, ибо это бьет по бюджету.

3. И, наконец, у нас не может быть меньшего чутья, опыта и знания, чем у «квалифицированной публики», ибо тогда она бы «ставила», а мы бы смотрели.

...Нужно и можно сделать три акта. Газолина, третьестепенную фигуру, увеличивать преступно, т.к. это противоречит основным нашим желаниям, т.е. стремительному разворачиванию интриговой пружины во второй части пьесы, а мы будем заниматься «характеристикой» третьестепенного персонажа.

...Невыполнение плана совета в целом поведет к мешанине, к тому, что и у режиссера, и у актера осенью вспухнет голова (как у автора сейчас), и вместо работы будет сплошная «дискуссия». ...Помню Ваши слова, когда Вы «на перекладных» писали пьесу и говорили: «Излишнее многословие вы всегда можете сократить».

А то, что «ландышами пахнет» и «Зойка — вы черт!» являются «лучшими фразами», позвольте Вам, Михаил Афанасьевич, не поверить и приписать это вкусам «высококвалифицированной», а не Вашему личному вкусу.

Ну, желаю Вам по возможности поправиться на даче. Если Вы мне черкнете вкратце о переделках и последовательно их изложите, то я был бы Вам благодарен., т.к. смог бы здесь кой-что «прикинуть» и поработать, а то осенью будет спешка, а

здесь хорошо работается и думается. Я здесь до 20 — 22 августа. Жму Вашу руку. А. Попов».

11 августа Булгаков подробно описывает ход работы над пьесой: «Переутомление, действительно, есть. В мае всякие сюрпризы, не связанные с театром, в мае же гонка «Гвардии» в МХАТе 1-м (просмотр властями!). В июне мелкая непрерывная работишка, потому что ни одна из пьес еще дохода не дает, в июле правка «Зойкиной». В августе же все сразу. Но «недоверия» нет. К чему оно? Силы студии свежи, Вы — режиссер и остры и напористы (совершенно искрение это говорю). Есть только одно: Вы на моих персонажей смотрите иными глазами, нежели я, да и завязать их хотите в узел «немного» не так, как я их завязал. Но ведь немного! И столковаться очень можно.

Что касается Совета, то он, по-видимому, непогрешим.

Я же, грешный человек, могу ошибиться, поэтому с величайшим вниманием отношусь ко всему, что исходит от Вас. Надеюсь, что ни дискуссии, ни войны, ни мешанина нам не грозят. Я не менее Студии желаю хорошего результата, а не гроба!

И вот в доказательство сводка того, над чем я сейчас сижу: «Увеличение Газолина» преступно. Побойтесь Бога! Да разве я не соображаю, что, когда нужно сжимать и оттачивать пьесу, речи быть не может о раздувании 2-го персонажа? Я просто думал, что Вы поймете меня с полуслова. Дело вот в чем: ведь МУРа (учреждения) не будет, и Газолин наведет из мести Херувиму МУР на квартиру Зойки.

Не бойтесь: никакого количественного увеличения, а эффект много. На вас же работаю, на Совет! На поднятие финального акта. Согласны? Но лучше по порядку...»

И Михаил Афанасьевич подробно рассказывает режиссеру, что он сделал, что сократил, убрал совсем, особенно подробно говорит о значительности четвертого акта, который требовали резко сократить:

«4-й акт. Начинается громом кутежа. Фокстрот на сцене и т.д. Но вот в чем дело: скандал Аллы с Гусем на публике (как этого хочет Совет) провести крайне трудно. Я уже примерял, комбинировал, писал, зачеркивал (продуктивная работа, Алексей Дмитриевич). Гостей нужно удалить (Роббер, Мертвое тело) после награждения червонцами, и тогда уже тоскующему неудовлетворенному Гусю Аметистов подает Аллу как сюрприз. На закуску, так сказать. Их скандал, тоска Гуся, убийство, побег Херувима, Манюшкин, Аметистова и появление Газолина с Пеструхиным, Ванечкой и Толстяком. Газолин бушует: «как вы пустили (упустили) бандиты Херувима». Мифическую личность из пьесы вон! Берут Аллилуя, всех уводят, квартира угасает. Конец.

Так: 3-й и 4-й акты одновременно в работе. Завтра машинистка уже начнет переписывать 1-й и 2-й акты.

При всем моем добром желании впихнуть события в 3 акта, не понимаю, как это сделать. Формула пьесы, поймите, четырехчленна!

Во всяком случае, поднятия последних актов мы добьемся. У актера и режиссера голова пухнуть не будет (у меня она уже лопнула). Рад, если пьеса пойдет «срочно»...

В крайнем случае, Булгаков советует Попову 3-й и 4-й акты пустить в виде двух картин (одни акт). Просит извинить за небрежность письма: «Спешу: «Зойкина» задавила» (ЦГАЛИ, ф.2417, оп. 1, ед.хр.528. Впервые в книге: Петелин В. Россия — любовь моя. Издание второе, доработанное. М., 1986, с.256 — 258).

Булгаков работал быстро и самоотверженно; вскоре второй вариант первой редакции «Зойкиной квартиры» был перепечатан, а вернувшийся из Саратовской деревни Алексей Попов приступил к репетициям. И вот тут начались мучения. Режиссер по-прежнему добивался от артистов, чтобы они были «прокурорами» своих персонажей, обвиняя и разоблачая их в каждой реплике, в каждом жесте, а Булгаков всеми средствами пытался внушить все тем же актерам, что пьесу надобно играть «тоньше», не так вульгарно социологически, как это предлагал режиссер. Да и по своим идеологическим убеждениям они, Попов и Булгаков, были разными, если не враждебными...

Н. Зоркая в книге «Алексей Попов» подробно рассказывает о становлении идейно-художественных взглядов замечательного режиссера, оставившего добрую память о себе и в театре, и в кино...

Еще в юности Попов целыми часами мечтал «о будущей жизни в театре, о высоких, благородных чувствах», которые ему «хотелось пробуждать в людях — зрителях». Попов — из бедной семьи, из саратовской «глубинки», из среды, казалось бы, далекой от искусства. Свою трудовую жизнь он начал чертежником в конторе Рязано-Уральской железной дороги. В четырнадцать лет он впервые побывал в театре, посмотрел «Без вины виноватые» и был покорен этим «волшебством» — театральным представлением. Наконец, увидев в «Гамлете» замечательного трагика Дмитрия Карамазова, последнего из могикан, по словам Н. Зоркой, «сценического романтизма», твердо решил стать актером, посвятить свою жизнь театру. В жизни своей он был застенчив и самолюбив, знал «башмаки дырявые», его привлекали героика и романтизм, характеры крупные, сильные, положительные в своей созидательности.

7 июля 1919 года Алексей Попов в письме своему другу А. Чебану признается: «Я, как говорится, «из оптимизма не вылезаю». Убеждения мои коммунистичны до крайности. Живя в дыре, сталкиваясь с «властью на местах», живя впроголодь, чувствуя на спине своей разруху, уставши от революций, я все же говорю: да здравствует Советская власть или, вернее,

власть пролетариата!!! Я буду грустен и убит, если произойдет переворот... Я дошел до того, что не могу себе представить честного и объективного интеллигента, который хотел бы победы Колчака, Деникина или союзников, этих авторов Версальского мира... Я бы хотел служить человечеству, но это возможно будет через 200 лет, когда будет царство социализма, а сейчас нам, слугам господствующего класса, приходится служить тому классу, который берет власть, и я предпочитаю служить классу пролетариата, потому что этот класс ведет к раскрепощению людей, потому что этот класс, победив противника, убьет его и тем самым прекратит всякую возможность борьбы, а если победит класс угнетателей, то он не убьет своего врага, потому что ему это невыгодно, а поработит его и тем самым создаст причину новых и новых потрясений и битв. Нет ничего подлее нашей интеллигенции и нашего технического персонала, который работал при Николае в 100 раз больше и не кричал, что ему мешают и его душат и что он не может в таких условиях что-либо творить, а теперь сидит и ждет... и шипит и стал ужасно «свободолюбив», «принципиален». Раб! С рабской психикой! Раб, которого освобождают от господина, но он так привязан и предан, что отказывается принять «вольную»...» (См.: Н. Зоркая. Алексей Попов. М., Искусство, 1983, с.85 — 86.)

В своих творческих поисках он склоняется к масштабным, героическим фигурам, к сценическому романтизму. «Мне хотелось решить такую задачу — изнутри найти какие-то национальные, родные характеры из нашей советской действительности и развернуть эти характеры на родной природе...» (Там же, с.151.)

И не случайно в 1925 году он поставил «Виринею» по повести Лидии Сейфуллиной. Образ главной героини повести привлек его яркостью и обаянием; в этой простой женщине, изломанной сиротством и грязью повседневной женской доли, Попов увидел высокую страстность цельной натуры, ум, красоту, женское обаяние и душевную чистоту. Все тот же Луначарский, который с такой неприязнью отрицавший героев Булгакова, писал: «...если Виринею в книге я не склонен был признать большим положительным типом, а лишь чем-то стоящим на рубеже, на пороге к нему, то Виринею театра я готов во всякое время провозгласить одним из самых светлых, поучительных образов, какие дало нам послереволюционное искусство». («Красная газета», вечерний выпуск, Л., 1928, 20 января.)

Строгим и целомудренным художником называет биограф Н. Зоркая Алексея Дмитриевича Попова, а успех «Виринеи» исключительным. В книге отзывов появилась запись: «По-моему, пьеса — выхваченный из живой жизни кусок жизни. Артисты, видимо, способнейшие люди; может быть, не так много у них

искусства, как у артистов МХАТ, но жизненности, кипучей жизненности у них больше. В общем, хорошо, даже великолепно. И. Сталин». И не только Сталин, но и другие члены правительства и партии побывали на спектакле и высоко отозвались. А Луначарский не устал говорить на всех совещаниях, что «Виринея» указала путь советскому театру.

Так что Алексей Попов, работая над «Зойкиной квартирой», мог надеяться на повторение успеха. Этой постановкой Алексей Попов стремился показать и разоблачить «гримасы нэпа», «пошлость, разврат и преступление»... «Самая большая ошибка театра будет в том случае, если он из «Зойкиной квартиры» сделает комедию с претензией на легкую веселость. В данной трактовке пьеса потеряет всякую общественно-социальную значимость и станет вредной пьесой», — такова была установка Алексея Попова как режиссера.

И эта прямолинейность режиссерского замысла, «черно-белая двуцветность трагифарса» (Н. Зоркая) входила в противоречие со стиливой манерой драматурга, требующей большего богатства красок в изображении смены настроений, оттенков, тонов и обертонов.

Персонажи Булгакова — это обычные, нормальные люди, сбившиеся с пути во время революционной бури, когда ураганный ветер смел все привычные устои быта и ничего нового и устойчивого еще не сформировал для них. Их заставляют жить в том обществе, в каком они не хотят жить, они пытаются найти выход, но законного выхода из драматического положения найти не могут... Это, конечно, не относится к преступникам-китайцам...

К главным героям пьесы Булгаков относится с долей сочувствия, а не отвращения, которое испытывал режиссер, разоблачая социально-чуждого ему «элементов» с классовых позиций пролетариата, установившего свою власть.

Историки театра утверждают, что вахтанговцы после «Виринеи» были на подъеме, их поощряют чаще, чем ругают. «После «Виринеи» вахтанговцам дали дотацию. Летом 1926 года первый раз перестроили театральный зал: партер удлинили, надстроили балкон, мест стало вдвое больше. Задумано было и увеличение сцены. Молодой коллектив сумел доказать, что может работать самостоятельно...» (Н. Зоркая, с.146).

Так что забота партии и правительства обязывала Театр Вахтангова соответствовать задачам времени. А партия жестко диктовала условия своей материальной поддержки: «Основное устремление в подборе репертуара должно быть направлено на отбор репертуара, ставящего актуальные вопросы текущего периода, в особенности художественно-ценных произведений драматургии, насыщенных содержанием, соответствующим мировоззрению пролетариата (пролетарской драматургии)» — гово-

рилось в резолюции совещания в ЦК партии. (См.: Пути развития театра. (Стенографический отчет и решения партийного совещания по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКПб в мае 1927 г.) М.-Л., 1927, с.486.)

Ни в подборе репертуара, ни в трактовке «Зойкиной квартиры» Алексей Попов не потрафил ни времени, ни драматургу, ни артистам. А потому, вспоминая много лет спустя, признается: «Режиссера-сатирика из меня не вышло. «Зойкина квартира» показала мне, что когда я в своем творчестве зол, желчен, то становлюсь как художник неинтересен, теряю убедительность». И действительно, пытаясь обнажить «гнилую сердцевину каждого персонажа», «убожество «жертв» пролетарского государства, «мерзость этой «социальной слякоти», Алексей Попов достиг обратного результата: на спектакль повалила «нэпманская публика» благодаря тому, что талантливые молодые артисты играли булгаковских персонажей, чутьем распознав глубинную суть творческого замысла гениального художника.

«Зойкина квартира» была поставлена А. Д. Поповым 28 октября 1926 года в Театре Вахтангова, шла два года с большим успехом. «Надо отдать справедливость актерам, — вспоминает Л. Е. Белозерская, — играли они с большим подъемом. Конечно, на фоне положительных персонажей, которыми была перенасыщена советская сцена тех лет, играть отрицательных было очень увлекательно. (У порока, как известно, больше сценических красок!) Отрицательными здесь были все: Зойка, деловая, разбитная хозяйка квартиры, под маркой швейной мастерской открывшая дом свиданий (Ц. Л. Мансурова), кузен ее Аметистов, обаятельный авантюрист и веселый человек, случайно прибывший к легкому Зойкиному хлебу (Рубен Симонов). Он будто с трамплина взлетал и садился верхом на пианино, выдумывал целый каскад трюков, смешивших публику; Обольянинов, Зойкин возлюбленный, белая ворона среди нэпмановской накипи, но безнадежно увязший в этой порочной среде (А. Козловский), председатель домкома Аллилуя, «Око недреманное», пьяница и взяточник (Б. Захава). Хороши были китайцы из соседней прачечной, убившие и ограбившие богатого нэпмана Гуся (Толчанов и Горюнов). Не отставала от них в выразительности и горничная (В. Попова), простонародный говорок которой как нельзя лучше подходил к этому образу. Конечно, всех их в финале разоблачают представители МУРа...»

Вслед за этим успехом — «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» шли одновременно в двух ведущих театрах! — начались нападки критиков: методически из номера в номер, в газетах, журналах, публичных выступлениях и обсуждениях говорилось о пьесах и других произведениях Михаила Афанасьевича

ча Булгакова как «контрреволюционной вылазке врага революции», а о нем самом как представителе нэпманской буржуазии, как о «лукавом капитулянте», который «сдавал все позиции, но требовал широкой амнистии и признания заблудившихся борцов, стоявших по другую сторону баррикад», «старался устроить панихиду по этой соломе и реабилитировать эту белую офицерскую солому, растоптанную сапогами Красной Армии».

А. Орлинский в «Правде» (13 ноября 1926 года), резко критикуя «Зойкину квартиру», договорился до того, что заявил, что в спектакле, как и в самой пьесе, есть «мягкость и лиричность в обрисовке бывших людей и нэповских дельцов». И чуть ли не все критические замечания сводились к тому, что автор будто бы призывает зрителей «посочувствовать бедным приличным дамам и барышням, в столь тяжелое положение поставленным большевиками». А раз сочувствует этим «бывшим», значит, враждебно настроен к пролетарской революции, значит, враг. И тут уж все средства дозволены, все средства хороши, чтобы разоблачить врага, уничтожить его. И на Булгакова посыпались критические словеса, приобретающие зачастую злобный смысл: «Литературный уборщик Булгаков ползает на полу, бережно подбирает объедки и кормит ими публику», — писал 29 октября 1926 года в «Киевском пролетарии» С. Якубовский. А через две недели, 13 ноября 1926 года, в «Комсомольской правде» Уриэль, ничуть не сомневаясь, что комедия Булгакова — «бесталанный, нудный пустячок», писал: «Зойкина квартира» написана в стиле сборника пошлейших обывательских анекдотов и словечек».

В отделе рукописей Российской Государственной библиотеки хранится альбом вырезок из различных изданий того времени, сделанный самим М. А. Булгаковым. В чем только не обвиняли автора «Дней Турбиных» и «Зойкиной квартиры» — в клевете на советскую действительность, в антисоветских настроениях, в обывательском злопыхательстве, в оголтелом мещанстве...

В книге «Воспоминания и размышления о театре» (М., ВТО, 1963. С. 187) режиссер-постановщик А. Д. Попов, с которым так ожесточенно спорил М. А. Булгаков, вспоминал о «Зойкиной квартире»: «Написана она была с присущим Булгакову талантом, острой образностью и знанием природы театра. Все это казалось великолепным материалом для актеров и режиссера. По замыслу автора, «Зойкина квартира» должна была явиться сатирой на нэпманские нравы того времени. Нэп с его «прелестями», спекуляцией, аферами нашел в пьесе довольно богатое и остроумное отражение».

А не поняли пьесу и спектакль скорее всего потому, что к тому времени восторжествовали вульгарно-социологические

принципы критического анализа художественных произведений. По рецептам вульгарных социологов, нужно было не только разоблачить зло, вывести на «чистую» воду нэпманов, но и противопоставить им здоровые силы, которые в конце спектакля должны были торжествовать на сцене, то есть нужно было, чтобы и эта пьеса «оканчивалась непременно помахиванием красным флагом», как зло высмеял Вс. Мейерхольд всякие попытки вульгарных социологов вмешиваться в живое театральное дело. (См.: Ежегодник института. 1959. С. 131.)

Невозможно сейчас всерьез опровергать все эти обвинения, которые сыпались на Булгакова в то время. Сама пьеса не давала никакого для этого повода. Да и сам Булгаков, яростный противник нэпманов, их пошлой и разгульной жизни, не раз выступал в фельетонах, разоблачая всю эту дрянь и накипь. Но одно дело фельетон, совсем другое — пьеса, которую нужно ставить в театре. Иные задачи, как художник, ставил перед собой Булгаков, более сложные и глубокие. Плакатные средства в разоблачении этой дряни оказывались бессильными.

Не плакатными, а живыми получились образы пьесы, и в каждом из персонажей органически сливались хорошие и плохие, положительные и отрицательные черты характера и деятельности. Особые страсти кипели и кипят вокруг образа Аметистова, пожалуй, самого удачного образа в этой комедии. В письме к переводчице госпоже Рейнгардт 1 августа 1934 года Булгаков писал: «Аметистов Александр Тарасович: кузен Зои, проходимец и карточный шулер. Человек во всех отношениях беспринципный. Ни перед чем не останавливается.

Смел, решителен, нагл. Его идеи рождаются в нем мгновенно, и тут же он приступает к их осуществлению.

Видел всякие виды, но мечтает о богатой жизни, при которой можно было бы открыть игорный дом.

При всех его отрицательных качествах почему-то обладает необыкновенной привлекательностью, легко сходится с людьми и в компании незаменим. Его дикое вранье поражает окружающих. Обольянинов почему-то к нему очень привязался. Аметистов врет с необыкновенной легкостью в великоленной, талантливой актерской манере. Любит шеголять французскими фразами (у Вас английскими), причем произносит по-английски или по-французски чудовищно».

Аметистов — «пестрый», «пегный», в нем есть и обаяние, которое покорило окружающих. Вот этого-то и не могли «протистить» вульгарные социологи.

«Зойкина квартира» — это кусок реальной жизни, где органически сливались трагическое и комическое, подлинное, «всамделишное», и призрачное, «показушное», где действуют и умирают нэпманы и власть имущие, несчастные и бойкие авантюристы, где «бывшие», не умея или не желая приспособливаться,

хотят сбежать из родного дома... Вроде бы бежать из родного дома нехорошо... А если в него вторглись «чужаки» и негодяи и выстудили его, опаскудили, надругались над святынями?.. И здесь слышится боль, сострадание, сочувствие к униженным и оскорбленным, здесь слышится исконно русское — «и милость к падшим призывал». Булгаков ненавидел фальшь в любых ее проявлениях. Особенно ненавистна ему была фальшь в советских должностных лицах, таких, как Гусь, председатель домкома Аллилуя. Таких людей он ненавидел в жизни и беспощадно разоблачал в литературе. «Ты видишь, что я с портфелем? — грозно спрашивал Аллилуя. — С кем разговариваешь? Значит, я всюду могу проникнуть. Я лицо должностное, неприкосновенное». Взяточник и негодяй, председатель домкома Аллилуя, разоблаченный как пособник Зои Денисовны Пельц, падает на колени и умоляет муровцев: «Товарищи! Я человек малосознательный!.. Товарищи, принимая во внимание мою темноту и невежество как наследие царского режима, считать приговор условным».

Могу себе представить, с каким удовольствием Булгаков смотрел на падающего на колени председателя домкома: сколько принесли ему горя такие вот «выдвиженцы» и «малосознательные» активисты пролетарской революции, получившие, в сущности, неограниченную власть: «Я лицо должностное, неприкосновенное».

Некоторые критики, зрители, ученые в «Зойкиной квартире» увидели лишь легкую развлекательную комедию, некую «забавную несуслаицу», «никчемную суету». Даже постановщик пьесы А. Д. Попов в своих воспоминаниях сожалел, что «подлинной сатиры, разоблачительной силы, ясности идейной программы в пьесе не оказалось. Она представляла собой скорее «лирико-уголовную комедию». И успех-то спектакля постановщик определял как «успех особого, скандального рода». «Спектакль «работал» явно не в том направлении, в каком был задуман театром: он стал приманкой для нэпманской публики, чего никак не хотела ни студия, ни я как режиссер. Едва ли ожидал этого и автор пьесы» (Воспоминания и размышления. С. 187). Значит, речь идет опять-таки все о том же непременном помахивании красным флагом, о котором говорил Мейерхольд. Если этого нет ни в пьесе, ни в спектакле, то, следовательно, нет ясности идейной программы, нет острой сатиры, язвительной иронии, разоблачительного сарказма.

Жаировое своеобразие «Зойкиной квартиры» в том, что перед зрителем разворачивается «трагический фарс», нечто вроде трагикомедии.

В остросюжетной комедии, где носители старого терпят закономерный крах, а гениальный мошенник, изворотливый и удачливый, выходит из «передряг», как сухим из воды, где

много эксцентрики, буффонады, парадоксальных ситуаций, каламбуров и острот, Булгаков стремился представить жизнь как «смесь» серьезного и смешного, именно как трагический фарс, который чаще всего возникает в переходный период, когда старое, погибая, все еще цепляется за жизнь, пытается приспособиться к новым формам жизни, невольно вступает в конфликт с законами возникающего общества.

Булгаков высмеивал, а не разоблачал. Вспомним ремарки, которые сопровождают проделки «гениального» Амелистова на сцене. Подробную и довольно точную характеристику этого персонажа «Зойкиной квартиры» впервые дал Д. С. Лихачев в статье «Литературный «дед» Остапа Бендера» (см. в его сб. Литература — реальность — литература. Л., СП, 1984. С. 161 — 166): Высказав любопытную мысль, что «Амелистов — русская трансформация образа Джингла» (Альфред Джингл, напомним, — персонаж романа «Пиквикский клуб» Диккенса. — В. П.), Д. С. Лихачев писал в 1971 году: «Оба худы и легковесны, легко двигаются и любят танцевать. Амелистов в ремарках от автора «пролетает», «улетает», «проносится», через сцену, «летит», «исчезает», «летит к зеркалу, охорашивается», «выскакивает», «вырастает из-под земли». На обоих одежда с чужого плеча и слегка мала, у обоих недостаток белья... Оба вначале невероятно бедны и голодны, но оба выдают себя за людей состоятельных... Оба ведут себя экспансивно, любят принимать участие в общих увеселениях, легко завязывают знакомства, стремясь быть на одной ноге со своими новыми друзьями. Амелистов уверяет даже, что он запанибрата с М. И. Калининым. Обращаясь к портрету Маркса, он говорит: «Слезай, старнчок...» Оба склонны к выпивке, особенно за чужой счет... Пожалуй, больше всего объединяет обоих персонажей их речь: отрывистая, быстрая, стремительная, вульгарная, развязная и бессвязная. Оба опускают сказуемые, повторяют восклицания, любят иностранные слова, пышные выражения, которые причудливо соединяют с вульгаризмами, прибегают к постоянным преувеличениям». Возможно, что Амелистов ведет свое происхождение и от Альфреда Джингла, но мне больше по душе те наблюдения исследователей, которые ведут происхождение Амелистова от Хлестакова и Расплюева. К. Рудницкий, пожалуй, впервые заметил, что в репликах Амелистова «то и дело слышны хлестаковские и расплюевские интонации, и звучат они вполне свежо и естественно» (в сб. Вопросы театра. М., ВТО, 1966. С. 134).

Амелистов, как и другие персонажи «Зойкиной квартиры», — это не образ-маски, застывшие в плоскостном изображении, это динамические, полнокровные фигуры, многогранно очерченные художником-реалистом.

Роль Амелистова исполнял Рубен Симонов, актер острой характерности, доходивший в своей игре до откровенного гротес-

ка, но нигде не впадая в преувеличение, в бессмысленное трюкачество и безвкусное кривляние.

Спектакль ругали, но это лишь подогревало интерес зрителей: театр всегда был полон. И успех спектакля был вовсе не скандального характера. Зрители на сцене увидели тех, кого они наблюдали в повседневной жизни, с кем сталкивались в непримиримых конфликтах, а тут на сцене артисты темпераментно и яростно осмеивают тех, кто чувствует себя господином в жизни, в частности Гуся и управдома...

Ничто еще не предвещало драматического конца этого талантливого спектакля. Ругали критики, с которыми мало кто считался. В. Э. Мейерхольд писал А. А. Гвоздеву о том, что актеры и режиссеры, «сработавшие» спектакль «Учитель Бубус» по пьесе А. Файко, «не могут принять всерьез ни единого замечания Бескина, Вл. Блома, Загорского, Хр. Херсонского. Ведь эти критики не знают, что такое театр. А главное, не знают театра в целом, театра, в котором не могут отдельно жить два мира: мир сцены и мир зрительного зала.

Эти критики пишут, болтаясь вне законов театроведения, говорят о личном вкусе, возникшем в условиях вчерашнего безразличия.

Критикам мы дадим бой...» (Мейерхольд Вс. Переписка. М., 1976. С. 244.)

«Критикам мы дадим бой» — с этим чувством уверенности жил в эти месяцы и Михаил Булгаков.

Наконец-то давняя мечта Михаила Булгакова — еще со времен Владикавказа — осуществилась: два ведущих столичных театра поставили его пьесы, которые идут с шумным успехом. И «Дни Турбиных», и «Зойкину квартиру» он любил, каждая из них по-своему ему была близка, но пьесы появились на сцене искалеченными, и это раздражало. «Пьеса выхолощена, оскотелена и совершенно убита», — признавался Булгаков в минуты откровенности. Но зрители валом повалили в театр, рассказывали о своих впечатлениях друзьям и товарищам, привлекая в театр все новых и новых зрителей. О. Ф. Головина, дочь председателя Первой Государственной думы, 6 декабря 1926 года, сообщая о «сенсационном успехе» пьес Булгакова, писала М. Волошину, в частности, и о «Зойкиной квартире»: «Помоему, это блестящая комедия, богатая напряженной жизненностью и легкостью творчества, особенно если принять во внимание, что тема взята уж очень злободневная и избитая и что игра и постановка посредственны. Жаль, что его писательская судьба так неудачна и тревожно за его судьбу человеческую» (РО ИРЛИ, Ф. 562, оп. 3, ед. хр. 431. См.: М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени, М., 1988, с. 423).

А для тревоги были все основания: критики просто «разбушевались» доходя в своих ругательствах и домыслах до прямого доносительства.

Тон критики определился после публикации «Открытого письма Московскому Художественному академическому театру (МХАТ-1)» в «Комсомольской правде» 14 октября 1926 года, в котором Александр Безыменский, вспоминая своего брата Бенедикта Ильича Безыменского, убитого «в Лукьяновской тюрьме, в Киеве, в 1918 году, при владычестве Скоропадского, немцев... и Алексея Турбиных», в резком тоне продолжал свои обвинения: «Я не увидел уважения к памяти моего брата в пьесе, которую вы играете... Старательно подчеркиваю. Я ничего не говорю против автора пьесы Булгакова, который чем был, тем и останется: новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы. Но вы, Художественный театр, вы — другое дело».

Выделенные здесь слова подчеркнул сам М. Булгаков, прочитав это письмо, и наклеил в альбом отзывов о своем творчестве

Неоднократно выступал Луначарский, устно и письменно, с критикой пьес Булгакова. В одном из докладов он сказал: «Ему нравятся сомнительные остроты, которыми обмениваются собутыльники, атмосфера собачьей свадьбы вокруг какой-нибудь рыжей жены приятеля...» (Программа государственных академических театров, № 55, 1926.)

«Знакомая московскому зрителю насквозь мещанская идеология этого автора здесь распустилась поистине в махровый цвет», — писал В. Павлов (Жизнь искусства, № 46, 1926, с.11). Журнал «Печать и революция» обвинял Булгакова в сочувствии «бедным приличным дамам и барышням, в столь тяжелое положение поставленным большевиками» (1926, № 10, с.99).

Михаил Булгаков, по словам Л. Е. Белозерской и Е. С. Булгаковой, аккуратно вырезал отзывы из газет и журналов и вклеивал в упомянутый альбом. Наиболее глупые и гнусные сначала вывешивал на стены для общего обозрения, посмеивался над откровенным злопахательством, разыгрывал интермедии на тут же придуманные темы... Но в душе копилась боль... Недоволен был Булгаков не только критиками, но и режиссером-постановщиком А. Поповым, который все более и более призывал исполнителей к явно сатирической оценке своих персонажей. «А героине, Зойке, нос наклеили... Зачем? Она гораздо лучше без носа. Я в крайне раздраженном состоянии», — признавался он не только самому себе, но с юмором рассказывал о постановке «Зойкиной квартиры» и своим друзьям-мхатовцам. Станиславский, которому спектакль понравился, тем не менее иронизировал по поводу «уточкой» наклеенного носа у Зойки — Мансуровой: «Прибегают к носам, когда внутреннего

рисунка в роли нет» (см.: Виноградская И. Жизнь и творчество К. С. Станиславского: Летопись. Т.4, М., с.335).

Нет, рисунок роли был: Цецилия Мансурова «была необыкновенно обаятельной, не понимающей всей преступности своего поведения», и вообще «на сцене злобы не было никогда», — вспоминала М. Синельникова «Зойкину квартиру» (см.: книгу «Первая Турандот», ВТО, М., 1967, с.210).

Видимо, успех у зрителей повлиял и на решение Главреперткома: «На этот раз наши и Ваши мучения, кажется, окончились». Главрепертком приветствовал спектакль, назвал его интересным и общественно ценным. Сделаны только две поправки — о них завтра скажу при свидании», — писал Булгакову В. Куза (РО ИРЛИ, ф.369, цитирую по книге: М. А. Булгаков — драматург и художественная культура его времени, М., 1988, с.107).

И здесь хочется привести несколько хвалебных слов о роли В. В. Кузы в театральной жизни своего времени. Лев Славин в своих воспоминаниях о Вахтанговском театре писал, в частности: «У Кузы был своеобразный талант — вдохновлять писателей. Михаил Булгаков как-то сказал мне:

— Знаете, это не я написал «Зойкину квартиру». Это Куза обмакнул меня в чернильницу и мною написал «Зойкину квартиру». (См.: Рубен Симонов. Театральное наследие... М., 1981, с.467.)

И действительно, в архивах Москвы и Петербурга хранится множество записок, телеграмм и писем, в которых В. В. Куза извещает М. А. Булгакова о событиях, связанных с его «Зойкиной квартирой». И дружеская озабоченность их не вызывает сомнений.

7 февраля 1927 года в театре Вс. Мейерхольда состоялся диспут по поводу постановок пьес «Дни Турбиных» М. Булгакова и «Любовь Яровая» К. Тренева. На диспуте взял слово М. Булгаков, крайне редко выступавший в дискуссиях.

Много лет спустя об этом выступлении рассказывают Эм. Миндлин и С. Ермолинский. Из их рассказов можно сделать только один вывод: на этом диспуте выступали два совершенно непохожих друга на друга Булгаковых. В «Нашем современнике» (1967, № 2), вспоминая о шумной и очень нелегкой славе М. Булгакова после постановки двух пьес, Э. Миндлин рассказывает о негодующих статьях, появлявшихся тогда чуть ли не ежедневно на страницах газет и журналов: «...более других неистовствовал видный в Москве журналист Орлинский. В короткий срок этот человек прославился своими фанатичными выступлениями против Булгакова и его пьесы «Дни Турбиных». И с этим нельзя не согласиться. Но вот как Э. Миндлин запомнил подробности поведения Михаила Булгакова на этом дис-

путь и, главное, выступление, с которым писатель якобы обратился к президиуму собрания: «Он (то есть Булгаков. — В. П.) медленно, преисполненный собственного достоинства, проследовал через весь зал и с высоко поднятой головой взойшел по мосткам на сцену. За столом президиума уже сидели готовые к атаке ораторы и среди них — на председательском месте «сам» Орлинский. Михаил Афанасьевич приблизился к столу президиума, на мгновение застыл, с видимым интересом вглядываясь в физиономию Орлинского, очень деловито, дотошно ее рассмотрел и при неслышанной тишине в зале сказал:

— Покорнейше благодарю за доставленное удовольствие. Я пришел сюда только затем, чтобы посмотреть, что это за товарищ Орлинский, который с таким прилежанием занимается моей скромной особой и с такой злобой травит меня на протяжении многих месяцев. Наконец-то я увидел живого Орлинского, получил представление. Я удовлетворен. Благодарю. Честь имею.

И с гордо поднятой головой, не торопясь, спустился со сцены в зал и с видом человека, достигшего своей цели, направился к выходу при оглушительном молчании публики. Шум поднялся, когда Булгакова уже не было в зале».

С. Ермолинский (Театр, 1966, № 9) утверждал, что он слышал Булгакова на этом диспуте в 1926 году, а диспут, повторяю, состоялся 7 февраля 1927 года: «Возбужденный и нервный, — вспоминал С. Ермолинский, — ...он выкрикивал: «Я рад, что наконец вас увидел! Увидел наконец! Почему я должен слушать про себя небылицы? И это говорится тысячами людей, а я должен молчать и не могу защищаться!» Взмахнув рукой, все такой же встревоженный, такой же нервный, с порозовевшим лицом, он исчез. В зале царило молчание. Ни одного хлопка. Ни единого возгласа. Какая-то странная тишина, которую сразу нарушить было почему-то неловко».

Как видим, по-разному вспоминают о М. Булгакове на этом диспуте С. Ермолинский и Э. Миндлин, многое стерлось из их памяти. И все же в их воспоминаниях верно одно: М. Булгаков действительно выступил с речью и всю ее посвятил полемике с А. Орлинским, много сделавшим для того, чтобы извратить творческий замысел драмы «Дни Турбиных». И если бы случайно не сохранилась стенограмма диспута, нам пришлось бы верить мемуаристам на слово.

Сейчас, пожалуй, невозможно установить: медленно проследовал М. Булгаков через весь зал и взойшел на сцену или, напротив, возбужденно взлетел на сцену. Да это и не важно. Важно другое: сохранилось живое слово писателя, запечатленное в стенограмме, хранящейся в ЦГАЛИ (РГАЛИ), ф.2355, оп.1, ед.хр.5).

Выступление Булгакова впервые было опубликовано в моей статье «М. А. Булгаков и «Дни Турбиных», в 1969-м, в журнале «Огонек» № 11, с указанием точного адреса стенограммы. Чуть

ли не на следующий день после выхода статьи в свет К. Симонов поехал к директору ЦГАЛИ и попросил перепечатать всю стенограмму. И вскоре подарил ее Е. С. Булгаковой. Так копия стенограммы попала в ОР РГБ.

Не буду приводить здесь выступление М. А. Булгакова, оно широко известно: во всех моих книгах печаталось полностью, а в этом издании будет опубликовано в 10-м томе.

Приведу еще только информацию, опубликованную по свежим, так сказать, следам в журнале «На литературном посту»: «Автор «Дней Турбиных» Михаил Булгаков пытался защищаться и рассказывал о том, как все его «обижали», и Орлинский, и МХАТ, и т.д. Он продолжал бы и дальше, но публике надоело: «Довольно личных счетов!»

Весной 1927 года Булгаков заканчивал «Багровый остров», продолжал работать над окончанием «Белой гвардии» и новой пьесой, «рисующей эпизоды борьбы за Перекоп».

Еще в конце февраля Таиров поторапливает Булгакова с окончанием комедии; 3 марта снова Камерный театр обращается с просьбой поторопиться: «Вы обещали Александру Яковлевичу вчера прислать пьесу. Соответственно этому он сговорился с Реперткомом, что сегодня доставит туда пьесу. Увы! Ему нечего доставлять. А между тем сейчас очень удобный момент и настроение, которое, конечно, Александр Яковлевич очень хочет использовать. Очень прошу Вас переслать нам с посланным экземпляры пьесы... Момент этот упускать нельзя, так как через несколько дней состав весь меняется и провести пьесу будет много труднее...» И Булгаков, сраженный серьезными доводами и намеками, на следующий же день сам приносит два машинописных экземпляра пьесы «Багровый остров», вокруг постановки которой разворачивается обычная для булгаковских вещей драма. 10 марта Горький спрашивает А. Н. Тихонова: «А что Булгаков? Окончательно запрещен к богослужению? Нельзя ли познакомиться с его пьесой?» 25 марта Тихонов сообщает Горькому: «Булгаков пробует ставить свою пьесу «Багровый остров», но пока безуспешно. Постараюсь выслать Вам экземпляр пьесы. Работает над романом «Белая гвардия» — переделывает почти заново...»

В это же время МХАТ, утратив надежду на постановку пьесы по повести «Собачье сердце», заключает с Булгаковым договор на постановку новой пьесы:

«1. М. А. Булгаков обязуется представить МХАТу для постановки на Большой сцене свою пьесу «Рыцарь Серафимы» («Изгон»).

2. М. А. Булгаков обязуется представить свою пьесу «Р. С.» не позднее 20 августа 1927 года...

3. Гонорар выплачивается как за 4-актную пьесу.

4. Аванс в размере 500 рублей, который был получен М. А. Булгаковым по ныне аннулированному договору, который был заключен с дирекцией МХАТа 2 марта 1926 г. о постановке пьесы «Собачье сердце», должен считаться выданным в счет его авторского гонорара по пьесе «Рыцарь Серафимы» (РО ИРЛИ, ф. 369, № 143. Альбом постановок «Бега». Цитирую по кн.: Проблема театрального наследия М. А. Булгакова. Сборник научных трудов, Л., 1987, с.39).

И еще одно очень важное для Булгаковых событие произошло летом 1927 года: 1 августа Булгаков заключил договор об аренде квартиры из трех небольших комнат, кухни и ванной на Большой Пироговской, 35а, кв. 6.

И 5 сентября 1927 года Булгаков пишет сестре: «Дорогая Надя, все эти дни собираюсь к тебе и не могу собраться из-за хлопот с новой квартирой. Дорогая Надя, пожалуйста, не сердись на нас за переход Маруси: ни я, ни Люба ничего не сделали для того, чтобы «смантть» ее. Наоборот, я все время говорил о том, что она не может оставить Надежду Афанасьевну на произвол судьбы (между нами!). Ответ неизменный:

— Я все равно собралась уходить.

Кстати: выпиши ее, она прописалась к нам... Приезжай к нам...» Далее следует приписка Л. Е. Белозерской: «Целую вас всех и прошу не считать меня за «интриганку», совесть моя чиста. Ей-богу. Приезжай! Люба».

И в этой сфере, казалось бы, далекой от литературных схваток, жизнь Булгаковых протекает небезоблачно.

Прекрасные детали и подробности меблировки и быта на последней совместной квартире вспоминает Л. Е. Белозерская, да простят мне читатели эту подробную характеристику «последнего гнезда»: «Наш дом (теперь Большая Пироговская, 35а) — особняк купцов Решетниковых, для приведения в порядок отданный в аренду архитектору Стуй. В верхнем этаже — покои бывших хозяев. Там была молельня Распутина, а сейчас живет застройщик-архитектор с женой.

В наш первый этаж надо спуститься на две ступеньки. Из столовой, наоборот, надо подняться на две ступеньки, чтобы попасть через дубовую дверь в кабинет Михаила Афанасьевича. Дверь эта очень красива, темного дуба, резная. Ручка — бронзовая птичья лапа, в когтях держащая шар... Перед входом в кабинет образовалась площадочка. Мы любим это своеобразное возвышение. Иногда в шарадах оно служит просцениумом, иногда мы просто сидим на ступеньках как на завалинке. Когда мы въезжали, кабинет был еще маленький. Позже сосед взял отступного и уехал, а мы сломали стену и расширили комнату М. А. метров на восемь плюс клетушка для сундуков, чемоданов, лыж.

Моя комната узкая и небольшая: кровать, рядом с ней маленький столик, в углу туалет, перед ним стул. Это все. Мы верны себе: Макин кабинет синий. Столовая желтая. Моя комната — белая. Кухня маленькая. Ванная побольше.

С нами переехала тахта, письменный стол — верный спутник М. А., за которым написаны почти все его произведения, и несколько стульев. Два экзотических кресла, о которых я упоминала раньше (7 мая 1926 года при обыске эти кресла переворачивали. А Булгаков высказал опасения: а вдруг они выстрелят. — В. П.), кому-то подарили. Остальную мебель, временно украшавшую наше жилище, вернули ее законному владельцу Сереже Топленинову. У нас осталась только подаренная им картина маслом, подписанная: «Софоново, 17 г.». Это натюрморт, оформленный в темных рембрандтовских тонах, а по содержанию сильно революционный: на почетном месте, в серебряной вазе, — картошка, на переднем плане, на куске бархата, — луковица; рядом с яблоком соседствует репа. Добрые знакомые разыскивали мебель: на Пречистенке жила полубезумная старуха, родственники которой отбыли в далекие края, оставив в ее распоряжение большую квартиру с полной мебелью, а старуху начали теснить, пока не загнали под лестницу. От мебели ей надо было избавляться во что бы то ни стало. Так мы купили шесть прекрасных стульев, крытых васильковым репсом, и раздвижной стол — «сороконожку». Остальное — туалет, сервант, кровать, приобретали постепенно, большей частью в комиссионных магазинах, только диван-ладью купили у знакомых (мы прозвали ее «закорюкой»). Старинный торшер мне добыла Лена Понсова. Вся эта мебель находится у меня и по сей день радует глаз своей нестареющей элегантностью.

Надежда Афанасьевна, Макина сестра, наша всегдашняя «палочка-выручалочка», направила к нам домашнюю работницу. Пришла такая миловидная, чисто русская женщина, русая голубоглазая Маруся. Осталась у нас и прожила несколько лет до своего замужества. Была она чистоплотна и добра. Не шпыняла кошек. Когда появился пес, полюбила и пса, называла его «батюшка» и ласкала.

...Устроились мы уютно. На окнах повесили старинные шерстяные, так называемые «турецкие» шали... Кабинет — царство Михаила Афанасьевича. Письменный стол (бессмертный «босвой» товарищ» в течение восьми с половиной лет) повернут торцом к окну. За ним, у стены, книжные полки, выкрашенные темно-коричневой краской. И книги: собрания русских классиков — Пушкин, Лермонтов, Некрасов, обожаемый Гоголь, Лев Толстой, Алексей Константинович Толстой, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Лесков, Гончаров, Чехов. Были, конечно, и другие русские писатели, но просто сейчас не припо-

мню всех. Две энциклопедии — Брокгауза-Эфрона и Большая Советская под редакцией О. Ю. Шмидта, первый том которой вышел в 1926 году, а восьмой, где так небрежно написано о творчестве М. А. Булгакова и так неправдиво освещена его биография, — в 1927 году.

Книги — его слабость. На одной из полок — предупреждение: «Просьба книг не брать...»

Мольер, Анатоль Франс, Золя, Стендаль, Гете, Шиллер... Несколько комплектов «Исторического Вестника» разной датировки. На нижних полках — журналы, газетные вырезки, альбомы с многочисленными ругательными отзывами, Библия. На столе — канделябры — подарок Ляминых — бронзовый бюст Суворова, моя карточка и заветная материнская красная коробочка из-под духов Коти, на которой рукой М. А. написано: «Война 191...» дальше клякса. Коробочка хранится у меня.

Лампа сделана из очень красивой синей поповской вазы, но она — инвалид...» (Л. Е. Белозерская-Булгакова. Воспоминания, М., 1990, с.136 — 139).

И еще немало драгоценных свидетельств о житье-бытье рассказано в книге Любви Евгеньевны, из которых можно с уверенностью сказать, что все еще продолжается счастливая пора их супружеской жизни. Слава и материальный достаток, надежды на еще больший успех как прозаика и драматурга и все новые и новые знакомства с интересными людьми своего времени — вот главное, чем живы и счастливы Любовь Евгеньевна и Михаил Афанасьевич Булгаковы. Ничто еще не предвещало их будущих страданий. Купили шубу из хорька и золотой портсигар, начали учить английский язык. «Мы оба с М. А. делали успехи», познакомились с композитором Александром Афанасьевичем Спендиаровым и его семьей, побывали у него на даче в Судаке... 1928 год. Апрель. Неуверенная серая московская весна. Незаметно даже, набухли ли на деревьях почки или нет. И вдруг Михаилу Афанасьевичу загорелось ехать на юг, сначала в Тифлис, а потом через Батум на Зеленый Мыс. Мы выехали 21 апреля днем в международном вагоне, где, по словам Маки, он особенно хорошо отдыхает» (там же, с.143). И вновь — драгоценные подробности об этом путешествии четы Булгаковых, тонкие наблюдения о личности и привычках Михаила Афанасьевича.

В это время дом Булгаковых посещали Ильф и Петров, Николай Эрдман, Юрий Олеша, Евгений Замятин, актеры Яншин, Хмелев, Кудрявцев, Станицын, художники, композиторы... «Пока длится благополучие, меня не покидает одна мечта. Ни драгоценности, ни туалеты меня не влекут. Мне хочется иметь маленький автомобиль», — и Любовь Евгеньевна пошла на курсы автомобилистов, настолько была уверена в своем будущем: идут сразу три пьесы Булгакова; в Париже вышел первый том «Белой гвардии», готовится второй; Булгаков работает над

последними двумя главами, переделывая их так, чтобы всем сюжетным линиям придать законченный характер; трилогию не дадут ему написать, это уже было ясно, но в борьбу за постановку «Бега» включились могущественные силы во главе с Горьким...

Увлекались лыжными прогулками, Любовь Евгеньевна брала уроки верховой езды: «Ненадолго мы объединились с женой артиста Михаила Александровича Чехова, Ксенией Карловной, и держали на паях лошадь «Нину», существо упрямое, туповатое, часто становившееся на задние ноги, делавшее «свечку», по выражению конников. Вскоре Чеховы уехали за границу, и Нина была ликвидирована.

За Михаилом Афанасьевичем, когда ему было нужно, приезжал мотоцикл с коляской, к удовольствию нашей Маруси, которая сейчас же прозвала его «черепашкой» и ласково поглядывала на ее владельца, весьма и весьма недурного собой молодца» (там же, с.154).

Но были и огорчения... Так Административный отдел Моссовета отказал в поездке за границу, в Берлин и Париж: в Берлине Булгаков намеревался привлечь к ответственности З. Каганского, спекулировавшего именем Булгакова и поставившего его в «тягостнейшее положение», а в Париже он должен был вести переговоры о постановке «Дней Турбиных» и «Бега», принятой МХАТом как раз в это время, в феврале 1928 года. «Отказ в разрешении на поездку поставит меня в тяжелейшие условия для дальнейшей драматургической работы», — заканчивал Булгаков свое ходатайство о поездке в Берлин и Париж 21 февраля 1928 года.

1 марта 1928 года МХАТ подписал новый договор с Булгаковым, в котором «Рыцарь Серафимы» («Изгой») получил свое окончательное название — «Бег».

3 марта 1928 года Михаил Афанасьевич сообщает сестре Надежде: «Обещаю читать «Бег» (скоро)».

И несколько лет будет продолжаться история с постановкой «Бега»: то Театр начинает репетиции, то прекращает, потому что очередная инстанция не разрешает постановку пьесы о гражданской войне, о трагической судьбе тех, кто неумолимо был вовлечен в нее водоворотом закономерных событий.

И эта неопределенность, даже противоречивость позиции власть имущих по отношению к «Бегу» — один разрешает, другой запрещает — вскоре окончательно колебнется в пользу запрещения: Сталин, прочитав пьесу, отнесет ее к «антисоветским явлениям». В ответ на письмо Билль-Белоцерковского Сталин 2 февраля 1919 года скажет: «Бег» есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины, — стало быть, попытка оправдать или полуоправдать белогвардейское дело» (Сочинения, т.II, с.327).

Сталин лишь сформулировал то, что давно уже носилось в воздухе литературных сражений: критики вульгарно социологического толка не уставали писать о Булгакове как об апологете белогвардейского движения во время гражданской войны. И сколько бы Булгаков ни повторял, что он в своих сочинениях прилагает «великие усилия», чтобы «стать бесстрастно над красными и белыми», все равно он получил «аттестат белогвардейца-врага».

Так что уже в 1928 году повеяло «холодом» с вершин власти, хотя все три его пьесы все еще шли в театрах...

И это веяние Булгаков почувствовал и стал еще более острожен в исполнении своих творческих планов... В апреле 1928 года в Ленинграде он договорился с Евгением Замятиным, что напишет статью о театральных делах и нравах. Но 27 сентября 1928 года он сообщает Замятину: «Дорогой Евгений Иванович!

На этот раз я задержал ответ на Ваше письмо именно потому, что хотел как можно скорее на него ответить».

К тем семи страницам «Премьеры», что лежали без движения в первом ящике, я за две недели приписал еще 13. И все 20 убогих страниц, выправив предварительно на них ошибки, вчера спалил в той печке, возле которой вы не раз сидели у меня.

И хорошо, что вовремя опомнился.

При живых людях, окружающих меня, о направлении в печать этого опуса речи быть не может.

Хорошо, что не послал. Вы меня извините за то, что я не выполнил обещания, я в этом уверен, если я скажу, что все равно не напечатали бы ни в коем случае.

Не будет «Премьеры»!

Вообще упражнения в области изящной словесности, по-видимому, закончились.

Плохо не это, а то, что я деловую переписку запустил.

Человек разрушен...» (См.: Письма, с.135 — 136.)

Лишь можно предположить, что эти 20 страниц — первоначальный замысел «Театрального романа» или повести «Тайному другу», тоже неоконченной...

Битва вокруг «Бега» продолжалась с переменным успехом... Горький, критик В. Полонский, начальник Главискусства А. И. Свидерский выступали за постановку драмы Булгакова. Свидерский прямо говорил, что: «Если пьеса художественная, то мы, марксисты, должны считать ее советской... такие пьесы лучше, чем архисоветские. Пьесу эту нужно разрешить, нужно, чтобы она поскорее была показана на сцене...» Вскоре после этого МХАТ вновь приступил к репетициям. Но вскоре выступления Киришона, Авербаха, Раскольниковова и других «вождей» РАППа вновь повернули «колесо истории» вспять. С криками: «Ударим по булгаковщине! Бесхребетная политика Главискусст-

ва. Разоружим классового врага в театре, кино и литературе» — центральная печать торжественно отметила запрещение «Бега».

«Драма виноватых», «Бегство отступников», «Бегство в пустоту» — так называются рецензии на фильм «Бег», по мотивам произведений М. А. Булгакова (сценарий и постановка А. Алова и В. Наумова). «Путь в бездну» — так первоначально называли свой фильм и его авторы. Так ли это? Соответствует ли такое отношение к героям драмы, их действиям и поступкам, мыслям и чувствам, творческому замыслу самого М. Булгакова? Разве в бездну бегут герои Булгакова?

Что хотел своей драмой сказать М. Булгаков и что показали в фильме А. Алов и В. Наумов? Только Голубков и Серафима вернулись в Советскую Россию, а Хлудов остался на чужбине, на своем привычном месте, на берегу моря, устремивши свой взгляд туда, где раскинулась его родная Россия. Значит, струсил, значит, все его рассуждения, его раскаяние, его мучительные страдания, вызванные отрывом от Родины, — все-все этим его последним поступком перечеркнуто, как перечеркнут и весь его характер, как и вся драма в целом. И это нарушение творческого замысла не единственное в фильме.

Поражает своей безвкусицей, нарочитостью эпизод, взятый из «Белой гвардии», когда три офицера готовятся к самоубийству. Трагедия обернулась пошлым фарсом, совершенно разрушившим замысел Булгакова. Так смеяться над гибелью русских офицеров могут только бездушные и очерстевшие люди. Ведь они же не показаны злодеями, палачами, пролившими море братской крови. Они вообще нам неизвестны. Зрители не знают, как к ним относиться. И вдруг — актеры смерть превращают в насмешку, в издевательство. И еще об одном. М. А. Булгаков, по словам Л. Е. Белозерской, которая была его женой как раз в то время, когда он работал над «Бегом», очень любил монолог Корзухина о долларе, придавал ему большое идейное значение. А в фильме его совсем нет, что, естественно, обеднило образ Корзухина. Есть и другие неточности и несообразности. Вот один пример. Несколько минут мы смотрим, как, утопая в перекопской грязи, идут красноармейцы. А через несколько эпизодов Хлудов говорит главнокомандующему: «Перекоп замерз, красные перешли... как по паркету». И таких неточностей в фильме много.

После просмотра фильма я долго разговаривал с Любовью Евгеньевной Белозерской (в кинотеатре мы сидели рядом). Казалось бы, все выяснили. И все-таки в процессе работы над книгой накопилось много вопросов. Тут же я получил ответ от Л. Е. Белозерской.

«Многоуважаемый Виктор Васильевич, срочно уезжаю на несколько дней за город. Вернувшись, постараюсь ответить на Ваши вопросы о «Беге». Многое есть в моих воспоминаниях —

Вам надо просто приехать и перечесть эти страницы и послушать некоторые дополнения (я не все сказала). Что касается Константинополя (в фильме — «кляква»), у меня около тридцати страниц рукописи, из которых явствует, что это именно так. Мне очень хочется, чтобы развязные молодые люди — Алов и Наумов — были хоть кем-то одернуты. Я так люблю «Бег», и все фальшивое доставляет мне настоящее страдание. За то, что Вы в своей статье так любовно и доброжелательно пишете о Михаиле Афанасьевиче, я Вам очень благодарна.

Но это еще не все. За мной более полные впечатления и некоторые критические замечания о Вашей интересной статье.

Всего доброго. Приеду — позвоню.

Любовь Белозерская.
29 января 1971 г..

Через две недели получил еще одно письмо:

«Многоуважаемый Виктор Васильевич, по-видимому, тех страничек, которые в моих «Воспоминаниях о Михаиле Афанасьевиче Булгакове», посвященных пьесе «Бег», Вам показалось мало и Вы обратились ко мне с целой серией вопросов.

Сначала несколько строк предыстории. В 19 — 20 гг. молодая петербурженка-петроградка встретила с человеком намного старше себя и связала с ним свою судьбу. С ним же она попала в эмиграцию и проделала весь «классический путь»: Константинополь, Париж, Берлин...

Вернувшись в начале 1924 года, она (я) вышла замуж за Михаила Афанасьевича Булгакова, с которым прожила восемь с половиной лет. Мои встречи, странствия, впечатления он слушал с большим интересом и считал, что их надо записать. Собственно ручно по моим рассказам он написал план предполагаемой книги и назвал ее «Записки эмигрантки».

Когда Вы прочтете мои воспоминания о Константинополе, Вам будет ясна творческая лаборатория пьесы «Бег»... Это моя любимая пьеса, и я считаю ее произведением необыкновенной силы, самой значительной из всей драматургии писателя. Вы поймете, с каким интересом я отнеслась к фильму.

Итак, «Бег» подвергся экранизации («подвергся операции» — пишут в истории болезни). Авторы сценария понятия не имели о Константинополе тех лет, о его специфике, которая делает — должно делать — достоверным кинозрелище. Однако, когда на «Мосфильме» несколько лет тому назад впервые возникла мысль о постановке «Бега» и осуществление ее предполагалось поручить Абраму Матвеевичу Ромму, он, узнав, что я связана с М. А. и в частности с этой пьесой, приехал ко мне и просил всесторонне осветить жизнь и быт Константинополя, если он займется этим фильмом.

В Турции в те годы еще существовало многоженство, гаремы, было обязательным закрывать чарчафом лица турчанок. На весь миллионный город одна жена дипломата-турка ходила с открытым лицом и носила шляпу. Ее знал весь Константинополь. Мало того: в трамвае существовало специальное отделение. Когда входила турчанка, кондуктор задерживал занавеску. А в картине на переднем плане гуляют с открытыми лицами две фантастически задрапированные в черный шелк особы. Женское платье тех лет неуклюжее, всегда темного цвета, с пелериной и косынкой из той же материи. Чарчаф тоже темный, но более прозрачный...

Извозчики только парные (упряжка с дышлом).

Верх шарманки густо украшен пестрыми бумажными цветами.

Что это за старинный дом с окнами «модерн» и с балконом типа паровой палубы, где происходит драка?

Серафима идет по Пере. Это не значит в ожидании «покупателя» встать у какой-то загадочной стены — такой на Пере и нет. Пера — главная улица столицы с нарядными магазинами, посольскими особняками, с пестрой европейской и восточной толпой.

Вообще на всех бытовых просчетах м.б. и не стоит так подробно останавливаться. Поговорим о странностях сценарного замысла, о его неорганичности и неумении вжиться в авторскую мысль. Втиснутые посторонние куски (из «Дней Турбиных» и др.) не врастают в ткань произведения. Получился типичный, выражаясь по-современному, — барьер несовместимости.

Разве случайно действия пьесы «Бег» названы автором снами? Не давало ли это ключа постановщикам, налагая, конечно, на них особую ответственность? Правда, они дали сновиденье Хлудову, но злоупотребили повторениями.

Несколько слов об обращении с текстом. Оно непонятно, потому что обедняет игру артистов. Листая пьесу, видишь, как много пропущено во вред фильму. Во вред фильму и произвольное обращение с образом Хлудова (кстати, по-настоящему не передал своей игрой замысла автора Дворжецкий, изображающий этого генерала). Сценаристы оставили его в эмиграции, что значит совершенно не понять и исказить образ Хлудова. Даже Чарнота, лихой кавалерист по преимуществу, при всей своей примитивности говорит Хлудову, узнав, что тот хочет вернуться в Россию:

«— А! Душа суда требует! Ну что ж, ничего не сделаешь!»

Даже Чарнота понял, что Хлудов ищет искупления, а сценаристы не поняли. Прототип Хлудова — генерал Слащов, книгой которого пользовался Мих. Аф. Были у нас и два других военных источника, но за давностью лет названий их я не

помню, а генерал Александр Андреевич Свечин, наш хороший друг, давно погиб. Он-то, знаток военной истории, мог бы сразу подсказать истину...

Вспомним, что пьеса «Бег» была посвящена основным исполнителям «Дней Турбиных». Хлудов, Чарнота, Серафима, Голубков — все они оформились в творческом сознании автора, нацеленном на актеров, с таким блеском сыгравших в этой пьесе (Н. П. Хмелев, Б. Г. Добронравов, В. С. Соколова, М. М. Яншин).

Что касается «тараканьих бегов», то они родились из сказки Аверченко. На самом деле никаких тараканьих бегов не существовало. Это горькая гипербола и символ — вот, мол, ничего эмигрантам не остается, кроме тараканьих бегов. С особым вниманием М. А. отнесся к моему устному портрету Владимира Пименовича Крымова, петербургского литератора. Он чем-то заинтересовал писателя и ВЫЛИЛСЯ позже в окариатуренный (но не в такой степени, как в фильме) образ Парамона Ильича Корзухина.

Владимир Пименович Крымов был редактором и соиздателем петербургского журнала «Столица и усадьба» и автором неплохой книги «Богомолы в коробочке», где рассказывал свои впечатления о кругосветном путешествии. Происходил он из сибирских старообрядцев. Из России уехал, как только запахло революцией, «когда рябчик в ресторане стал стоять вместо сорока копеек — шестьдесят, что свидетельствовало о том, что в стране неблагополучно» — его собственные слова. Будучи богатым человеком, почти в каждом европейском государстве приобретал он недвижимую собственность (вплоть до Гонолулу).

Сцена в Париже у Корзухина написана под влиянием моего рассказа о том, как я села играть в девятку с Владимиром Пименовичем и его компанией (в первый раз в жизни) и всех обыграла. Крымов был страстный игрок. Он не признавал женской прислуги. Дом его обслуживал б. военный — Клименко. В пьесе — Антуан Грищенко. (Совершенно непонятно, почему Корзухина в Париже должны охранять какие-то телохранители?)

Конец фильма так скомкан — кроме скачки по снегам, — что вызывает недоумение и недоразумение. Например, говорили, что Голубков так резко решил уехать, даже не поговорив с любимой женщиной, потому, что приревновал Серафиму к Хлудову!

Все восхваляют Ульянова (Чарнота). Я же категорически возражаю против такой игры. Это Штамп с большой буквы. А уж балаган, который они развели с Корзухиным, можно лишь объяснить желанием «потрафить» самой невзыскательной публике. Вообще я давно заметила: когда не хватает вкуса и средств для изображения тонких психологических эмоций, актеры впадают в шарж и гротеск, что дается легче, а аплодисментов вызывает больше.

Вот те беглые замечания о фильме «Бег», которыми я хотела поделиться с Вами, Виктор Васильевич.

Всего Вам доброго!

Л. Белозерская, 12 февраля 1971 г.

Что это за история с гробами? Может быть, Вы мне можете разобраться? Откуда? Почему? Об этом же просит родная племянница Миханла Афанасьевича, доктор филологии Елена Андреевна Земская-Булгакова. Мы обе будем Вам признательны. (Она только что была у меня и читала мои замечания.)». (Эти письма впервые опубликованы в книге: Петелин Виктор. Родные судьбы. М., Современник, 1976 г.)

Драма «Бег» была написана в 1928 году. Высоко оценил ее А. М. Горький: «...Не вижу никакого раскрашивания белых генералов. Это — превосходнейшая комедия, я ее читал три раза и читал и другим товарищам. Это — пьеса с глубоким, умело скрытым сатирическим содержанием. Хотелось бы, чтобы такая вещь была поставлена на сцене Художественного театра... «Бег» — великолепная вещь, которая будет иметь анафемский успех...»

В. Немирович-Данченко также говорил о том, что в пьесе очень много комедийного: «Что касается ролей, вызвавших сомнения, то если Чарнота — герой, то только в том смысле, как и герои — Хлестаков, Сквозник-Дмухановский. И он будет высмеян так же, как типы гоголевских комедий. Самый важный момент в пьесе — появление Хлудова. Сразу чувствуется, что он болен. Он сознает, что делает неправое дело, и продолжает его делать. И этим он болен».

В этих словах великих художников, возможно, и справедливых для своего времени и спасающих пьесу от запрещения, но сейчас в них слышится лишь часть правды: глубинное же проникновение в творческий замысел возможно лишь при условии выделения в нем не только комической, сатирической стороны, но и мощного трагедийного звучания, особенно в монологах и судьбе Хлудова вообще.

«Бег» — драма самостоятельная по своему замыслу, но если посмотреть более внимательно, то нельзя не заметить, что эта пьеса может быть рассмотрена как вторая часть «Дней Турбиных», как ее продолжение, продолжение, конечно, не сюжетное, а социально-философское. Здесь Булгаков даст картины деградации белогвардейского движения. То, что было только намеком в «Днях Турбиных», стало основным, главным. Пьеса раскрывает нравственный облик центральных действующих лиц — от Верховного главнокомандующего до рядовых офицеров и солдат. Те же вопросы и проблемы волнуют их — что нужно сейчас делать, чтобы быть вместе с Россией, служить ей верой и правдой? Борьба против большевиков — это борьба за Россию или против Рос-

сии, это борьба с взбунтовавшейся чернью или борьба с русским народом? Вот главный вопрос, который решают для себя честные и преданные России персонажи этой драмы. Это не простой вопрос. Он требует больших раздумий, спокойной обстановки, а времени нет, нужно решать быстро, незамедлительно.

В центре драмы — те же интеллигенты, что и в «Днях Турбиных». Только здесь они показаны не в уютной чеховской квартирке, а в скитаниях по России. Их гонит ветер революции по трудным дорогам лишений и неожиданных случайностей. Человек в это время не принадлежит самому себе. История воорвалась в его дом и разрушила все устоявшееся в быту, разрушила семейные и человеческие отношения. И Булгаков изображает эту бурную жизнь со всей полнотой и многосторонностью, допустимыми в этом жанре. Булгакову в драме удастся соединить трагическое и комическое. Талант юмориста здесь проявился во всем блеске. В постоянном соединении смеха и слез — редкая черта дарования Булгакова.

Особенно это сказалось в «Беге». Комическое сразу входит в драму. Мрачный колорит первого сна нарушается комическим приключением генерала Чарноты, случайно попавшим в смешную переделку. Блистательная игра Михаила Ульянова в фильме делает Чарноту действительно колоритной, яркой фигурой и в то же время именно таким, каким представлял его Булгаков: душевным, сердечным, бескорыстным, храбрым, но не способным на какие-то глубокие и серьезные чувства. М. Ульянов сыграл эту свою роль совершенно неповторимо. Чарнота ничего всерьез не воспринимает. Ему ничего не стоит обмануть, соврать. Все ему кажется простым и будничным.

Другое впечатление производит Голубков и Серафима. Это натуры цельные, содержательные. Они не могут притворяться. Здесь внешнее и внутреннее органически слиты. Они не могут управлять своими поступками, действиями. Все зыбко, все как в землетрясении, рушатся устои, исчезают понятия о чести, о долге, побеждает человек, в котором шкурнические интересы превыше всего... И вот в этом мире полного отказа от нравственных обязанностей эти два человека остаются такими же, какими были: не лгут, хранят верность, не бросают в беде. Они кажутся чужаками, потому что придерживаются старых моральных норм в тот момент, когда идет неумолимый процесс их разрушения.

Революция подняла многих людей с насиженных мест, заставила отказаться от всего привычного и в столкновении с грубой действительностью словно попыталась проверить, на что способны ее герои. Голубков, чуткий и честный, чуть-чуть не от мира сего, подлинный сын профессора-идеалиста, столкнувшись с реальной действительностью, поначалу оторопел от ее сюрпризов: то красные, то белые заставляют его прятаться в свою скорлупу — так неумолимо и беспощадно всякое проявление насилия.

Ему кажется диким и непонятным, что Корзухин отказывается от жены, генерал приказывает сжечь вагоны с пушным товаром. Он человек идеальный, а столкнулся с грубым реальным миром. Его поступки основаны на духовной самостоятельности, многие поступки он совершает в поисках справедливости и гуманности. У него не пропадает эта вера. И то, что он возвращается на родину, как бы символизирует, что такой человек обретает самого себя снова только у себя дома, в новой жизни.

Распалась связь времен, а вместе с этим рухнула старая государственность со всеми ее институтами и кодексам поведения. Булгакову очень важно было показать, что человек должен всегда оставаться человеком, какие бы лишения ему ни пришлось переносить. Серафима и Голубков столкнулись с военной властью и чуть-чуть не погубили себя, нелепо и безрассудно. Серафима со всей наивностью молодости бросает Хлудову жесткие в своей правдивости слова. Она преодолела в себе страх, почувствовала себя человеком, не желающим уннжать и растаптывать в себе свое личное, индивидуальное. Но сколько после этого она должна была выстрадать и претерпеть! В эту лихую для мира и человека годину только тяжелыми испытаниями проверялась человечность в отношениях между людьми. Война научила многих приспособливаться, фальшивить... Голубков и Серафима не поддались этому, сохранили в себе нравственную чистоту и веру в правду и свою Родину.

В конце концов «Бег» был поставлен в различных театрах у нас и за рубежом. Но эта сложнейшая по своему творческому замыслу драма еще ждет своего постановщика, ждет исполнителя главной роли — роли Хлудова, одного из трагических характеров русской драмы.

«Булгаков — едва ли не самый яркий представитель драматургической техники. Его талант вести интригу, держать зал в напряжении в течение всего спектакля, рисовать образы в движении и вести публику к определенной заостренной идее — совершенно исключителен», — писал Вл. Немирович-Данченко (газ. «Горьковец», 1934, 15 февраля). Булгаковым-драматургом восхищались Горький, Станиславский, Качалов, Хмелев, А. Попов, А. Таиров. Возлагая большие надежды на Булгакова как на режиссера в связи с его поступлением на работу во МХАТ, К. Станиславский писал: «Он не только литератор, но он и актер. Сужу по тому, как он показывал актерам на репетициях «Турбиных». Собственно — он поставил их, по крайней мере дал те блески, которые сверкали и создавали успех спектаклю» (СС., Т.8. М., 1961. С.269). А Паустовский в своих воспоминаниях о Булгакове говорит о его необыкновенном даре к перевоплощению, о силе видения своего вымышленного мира, которые и привели его к

драматургии, к театру: «От общения с Булгаковым осталось впечатление, что и прозу свою он сначала «проигрывал». Он мог изобразить с необыкновенной выразительностью любого героя своих рассказов и романов. Он их видел, слышал, знал насквозь. Казалось, что он прожил с ними бок о бок всю жизнь. Возможно, что человек у Булгакова возникал сначала из одного какого-нибудь услышанного слова или увиденного жеста, а потом Булгаков «выигрывался» в своего героя, щедро прибавлял ему новые черты, думал за него, разговаривал с ним (иногда буквально умываясь по утрам или сидя за обеденным столом), вводил его, как живое, но «не имеющее фигуры» лицо, в самый обиход своей, булгаковской жизни» («Наедине с осенью». С.154).

События конца 20-х годов резко меняют литературную обстановку. Сокращается количество кооперативных и частных издательств, люют Главрепертком... Крикливые деятели РАППа, имеющие серьезные связи с ЦК ВКП(б) и оказывавшие своей напористостью и демагогией влияние на исход литературной борьбы, сначала одолели Воронского, покинувшего пост главного редактора журнала «Красная новь», единственного официального прибежища для тех, кого называли «попутчиками», а потом попытались завоевать монополию власти во вновь созданной Федерации объединения советских писателей (ФОСП), в которую вошли: РАПП, «Перевал», «Кузница», «Леф», Всероссийский союз писателей (ВСП), Всероссийский союз крестьянских писателей (ВСКП). От каждой организации входили уполномоченные объединений, которые и составляли правление Федерации.

Но объединение всех советских писателей в «Федерацию» носило формальный характер: каждая из вступивших в «Федерацию» групп существовала во многом еще самостоятельно, опасаясь командного тона со стороны «налитпостовцев».

И эти опасения были совершенно оправданы в связи с тем, что все писатели были свидетелями только что разыгравшейся битвы между Воронским и Авербахом. Дуэль была не на жизнь, а на смерть: столько было сказано каждым из «противников».

Обвинения со стороны Леопольда Авербаха и его единомышленников со всех сторон сыпались на Александра Воронского. Л. Авербах в чем только не обвинял его: в клевете на пролетарскую литературу, в потере всякого «чутья и такта», в издевке «над требованиями стопроцентной идеологической выдержанности», в пропаганде надклассовой критики и надклассовой культуры, в предательстве коммунизма, в измене марксизму

Клевета, передержки, подтасовки и другие недопустимые средства сведения личных счетов были использованы Авербахом и его единомышленниками. И, конечно, Воронскому пришлось отвечать на все эти огульные обвинения. В фельетоне

«Мистер Бритлинг пьет чашу до дна» А. Воронский показыва-ет, до какой низости опускаются авторы журнала «На литера-турном посту», и прежде всего — Л. Авербах. «Наклеветав до отвалу», Л. Авербах путает «передержку с выдержкой, литера-турный спор с литературным доносом, а критику с пасквилем», ведет «допрос с явным и нехорошим пристрастием»; в итоге «метод Маркса на практике» опошил «до последнего предела». «Орудя этим якобы марксовым методом, — писал А. Ворон-ский, — вы способны изрекать только такие истины: Булга-ков — черная сотня, Толстой — сменовеховец, Горький — люмпен-пролетарий или пролетарий, Успенский — разночинец-народник и т.д. Вы не понимаете, что даже тогда, когда вы близки в своих определениях к истине, эти ваши истины убоги, убийственно плоски и тощи, как семь библейских коров. Не-мудрено, что каждое отступление от общих избитых мест ка-жется вам предательством» (Воронский А. Мистер Бритлинг пьет чашу до дна. Круг. 1927. С.15. Далее указания с. в тексте).

Разящие удары наносит А. Воронский по группе Л. Аверба-ха: «Почему об Авербахе и его сочинениях? Мелкотравчаты и убоги его наскоки, скучно рыться во всех этих измышлениях и благоглупостях. Но, во-первых, Авербахи — не случайность. Он — из молодых, да ранних. Нам примелькались уже эти фи-гуры вострых, преуспевающих, всюду поспешающих, неугомон-ных юношей, самоуверенных и самонадеянных до самозабвения, ни в чем не сомневающих, никогда не ошибающихся. Разуме-ется, они клянутся ленинизмом, разумеется, они ни на йоту ни-когда не отступают от тезисов. В нашей сложной, пестрой жизни их вострота подчас принимает поистине зловещий отте-нок. Легкость и немудрость их багажа конкурируют с готовнос-тью передернуть, исказить, сочинить, выдумать. Они уверены, что бумага все стерпит, оттого такая прыткость, развязность тона. Они метят в Катоны, но мы-то знаем, что в них больше от Хлестакова и Ноздрева. Одно они усвоили твердо: клевети, от клеветы всегда что-нибудь да останется...» (с. 17).

А. Воронский чувствовал, что борьба идет серьезная, но воспринимал все эти нападки с юмором, весело разоблачая невежественные измышления на свой счет. Снится будто бы Во-ронскому сон: гоняется за ним с булатным ножом Юрий Либед-инский, заявивший, что нечего удивляться ошибкам главного редактора «Красной нови», ибо «всегда Воронский был доста-точно чужд марксизму», за Либединским стоит группа «На ли-тературном посту», хватают своего недруга за шиворот, Либед-инский раскладывает преогромнейший костер из своих произ-ведений, бросает Воронского в костер: «Я радуюсь тому, — от-кровенно и смело издевается над своими невежественными не-приятелями талантливый Воронский, — что горят евонные ру-кописи и книги, но ужасаюсь своей гибели. Новонапостовцы

устраивают вокруг костра дикий победный каннибальский танец, медленно поджаривая меня на огне...» (с. 50).

Он и не предполагал, что не пройдет и нескольких месяцев, как «сон» его сбудется и налитпостовцы во главе с Авербахом будут торжествовать свою победу. Уже был такой момент в литературной борьбе, когда Воронский оказался «на обеих лопатках», по выражению Д. Фурманова, но тогда, в конце 1924-го в начале 1925 г. Воронскому удалось «выкрутиться»: это было время подготовки известного решения ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года, а поэтому, указав на необходимость «выпрямления» линии «Красной нови», Воронского оставили на посту главного редактора. Но, как время показало, ненадолго: 18 апреля 1927 года на расширенном заседании коллегии отдела печати ЦК РКП(б) главный редактор журнала «Красная новь» подвергся разностной критике. Предчувствуя этот «разнос» при виде собравшихся, среди которых много было «напостовцев», А. Воронский сказал: «В связи с этим — у меня явилось подозрение, что сейчас здесь мне хотят устроить голгофу и произвести допрос с пристрастием. Я привык к допросам с пристрастием, но все же считаю нужным это отметить, чтобы товарищи знали мою точку зрения...» Так оно и оказалось: Воронскому устроили «голгофу», а ведь за последнее время он напечатал в журнале «Дело Артамоновых» Горького, «Разин Степан» Чапыгина, «Вор» Леонова, «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого, рассказы Всеволода Иванова, «Расстратчики» Вал. Катаева, рассказы П. Романова, повести В. Линдина, Л. Завадовского. После совещания в отделе печати ЦК РКП(б) была утверждена новая редколлегия «Красной нови» в следующем составе: Воронский, Фриче, Раскольников и Васильевский. Ф. Раскольников был одним из ярых налитпостовцев; «вожди» налитпостовцев торжествовали победу, повсюду разглашая, что новая редакция «Красной нови» будет работать под их руководством. С такой редакцией Воронский работать не мог. Вскоре положение его стало крайне тяжелым: в начале 1928 года он был исключен из партии за участие в выступлениях антипартийной троцкистской оппозиции.

После ухода Воронского из журнала «Красная новь» и расправы с ним как членом партии резко меняется литературная обстановка в пользу напостовцев и налитпостовцев, все громче они заявляют свои права на главенствующее положение в литературе, в общественной жизни вообще. Замелькали лозунги: «Острая классовая борьба на литературном фронте», «С кем и за что мы будем драться в 1929 году?», «Бои на литературном фронте» и пр. и пр. Военная терминология все чаще употребляется в журналах и газетах. Становилось нормой литературной жизни кого-то разгромить, кому-то учинить допрос с пристрастием и с намеками, кого-то похода «лягнуть», просто

так, на всякий случай, чтобы не задавался... «Идеологический фронт и литература», доклады, статьи, выступления были пронизаны военной терминологией. И действительно, шли бои... В эти годы первенствующее положение занял Л. Авербах. Напостовцы изгнали из своих рядов наиболее однозвучных, скомпрометировавших себя комчванством и ошибками пролеткультовского толка. Ловко перекрасились напостовцы, объявив реализм «материалистическим художественным методом», а себя приверженцами реалистической школы в искусстве. И Лев Толстой был провозглашен учителем пролетарских писателей.

30 апреля 1928 года начал свою работу Первый съезд пролетарских писателей, на котором сделали доклады Л. Авербах, А. Луначарский, В. Сутырин, Ю. Либединский, А. Фадеев. На съезде был организован РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей. Доклады были собраны в сборник «Творческие пути пролетарской литературы», вышедший в свет в 1929 году. Примечательно, что было сказано в послесловии к сборнику: «Авторы настоящего сборника принадлежат к определенному литературно-критическому течению, именуемому напостовством...» Объединенные общностью взглядов в области политики, «мы занимаем общую позицию и по вопросам художественной платформы, рассматривая себя как одну из формирующихся школ пролетарской литературы; мы работаем над созданием школы, ставящей себе задачу выработки последовательного диалектико-материалистического художественного метода. Мы выступаем под знаменем реалистического искусства, срывающего с действительности все и всяческие маски (Ленин о Толстом), реалистического искусства, разоблачающего там, где романтик надевает покровы, лакируя действительность» (Творческие пути пролетарской литературы. М.-Л.: Госиздат, 1929. С. 302 — 303).

Исследователь литературной борьбы этого времени С. И. Шешуков в книге «Неистовые ревнители» (М., 1984), подробно анализируя факты беспринципного поведения этой «формирующейся группы пролетарской литературы», приходит к такому выводу: «Как видим, очень спаянной, дружной, крепкой была напостовская группа, стоявшая в руководстве РАПП. Но во имя чего? Очень часто дружба напостовцев перерастала в чисто групповые приятельские отношения, и предавалось забвению главное — принципиальность в отношениях. Вместо того чтобы сразу же признать серьезные ошибки в «Рождении героя», рапповцы любую критику этого произведения встречали в штыки, со всеми, кто критиковал роман, решительно расходились и разругивались. Лишь позднее, под давлением всеобщего мнения, они признали в конце концов «Рождение героя» ошибочным произведением. Апелляция рапповцев к справедливости, человечности, гуманисти тех, кто так резко критиковал

Либединского, обвиняя его в бергсонианстве и правом оппортунизме, не имела успеха. Эти качества надо было усвоить прежде всего самим рапповцам, чья дубинка, вплоть до ее устранения в 1932 году, колотила правого и виноватого с одинаковым бессердечьем. Кто мог серьезно поверить призыву рапповцев бережно относиться к писателю, если незадолго до этого призыва журнал «На литературном посту» похвалялся в своей передовой: «Мы вовсе не поставили в дальний угол нашу, столь популярную у наших противников, напостовскую дубинку. Она, к нашему великому удовольствию, всегда с нами» (см.: Шешуков С. Неистовые ревнители. М., 1984. С. 181 — 182).

Во второй половине 20-х годов и особенно в начале 30-х обострились все формы классовой борьбы, от идеологических дискуссий до прямой и непосредственной расправы с «инакомыслящими». Все заметнее ощущалась гнетущая атмосфера нарастающего культа личности И. В. Сталина, четко обозначившаяся в ходе празднования его 50-летия. Уже к этому времени начало формироваться мнение о непогрешимости всех его суждений, высказываний, а кадровые вопросы решались в зависимости от личной ему преданности.

К этому времени относится письмо Владимира Наумовича Билль-Белоцерковского И. В. Сталину, в котором известный драматург недоумевает, почему так часто ставят на сцене пьесы Булгакова, Репертком пытается запрещать их и не «пускать» на сцену, а начальник Главискусства А. И. Свидерский допускает Булгакова и ему подобных «буржуев» до театральных подмостков. Ответ И. В. Сталина, повторяю, широко известен: «Бег» — «антисоветское явление», а «Багровый остров» — «макулатура», «действительно буржуазного Камерного театра» (С. М., 1955. Т. 11. С. 326 — 329).

Естественно предположить, что только после получения этого письма В. Н. Билль-Белоцерковского И. В. Сталин через «Правду» (см. от 24 октября 1928 г., а 11 октября в той же «Правде» было напечатано разрешение о постановке «Бега») запретил постановку «Бега», а уж после того, как это письмо стало известным в широких кругах литературной и театральной общественности, можно было снять и «Багровый остров» из репертуара «действительно буржуазного Камерного театра»: 11 декабря 1928 года состоялась премьера «Багрового острова», а через четыре месяца спектакль исключили из репертуара якобы по решению художественного совета театра.

В книге «О, мед воспоминаний» Л. Е. Белозерская дает яркую характеристику спектакля и некоторые жизненные обстоятельства создания юмористической пьесы «Багровый остров»: «Идет 1927 год. Подвернув под себя ногу калачиком по семейной привычке (так любит сидеть тоже и сестра М. А. Надежда), зажегши свечи, пишет чаще всего Булгаков по ночам. А днем иногда чи-

тает куски какой-либо сцены из «Багрового острова» или повторяет какую-нибудь особо полюбившуюся ему фразу: «Ужас, ужас, ужас», — часто говорит он, как авантюрист и пройдоха Кири-Куки. Его самого забавляет калейдоскопность фабулы. Герои Жюль Верна — действующие лица пьесы — хорошо знакомы и близки ему с юношеских лет, а блестящая память и фантазия преподнесут ему образы в неувядающих красках.

Борьба белых арапов и красных туземцев на Багровом острове — это только пена, кружево, занятный фон, а сущность пьесы, ее глубинное значение в судьбе молодого писателя, в его творческой зависимости от «зловещего старика» цензора Саввы Лукича.

Помнится, на сцене было много музыки, движения, авторского озорства. Хороши были декорации Рындина, и, как всегда, в Камерном театре особенно тщательно было продумано освещение.

Запомнился мне артист Ганшин в роли писателя. Савву Лукича загримировали под Блюма, сотрудника Главреперткома, одного из ревностных гонителей Булгакова.

Помню, через партер к сцене проходил капельдинер и сообщал почтительно и торжественно:

— Савва Лукич в вестибюле снимает галоши!

Он был горд, что выступает в театре. И тут с нарастающей силой перекачиваются эти слова, как заклинание, от оркестра к суфлеру, от суфлера дальше на сцену:

— Савва Лукич в вестибюле снимает галоши! — возвещают и матросы с корабля. Директор театра, играющий лорда, хватаясь за голову, говорит:

— Слышу, слышу. Ну, что ж, принять, позвать, просить, сказать, что очень рад.

От страха и волнения его снесло в «Горе от ума» на роль Фамусова. В эпилоге зловещий Савва обращается к автору:

— В других городах-то я все-таки вашу пьеску запрещаю... Нельзя все-таки... Пьеска и вдруг всюду разрешена...

Постановка «Багрового острова» осуществлена А. Я. Таировым в Камерном театре в 1928 году. Пьеса имела большой успех, но скоро была снята.

Основной для пьесы послужила публикация в «Накануне» («Литературная неделя») в апреле 1924 года: «Багровый остров». Роман тов. Жюль Верна с французского на эзоповский перевод Михаил А. Булгаков».

Смысл этой смелой аллегии достаточно был ясен: Михаил Булгаков — за красных эфиопов, за их примирение с белыми арапами, за невмешательство во внутренние дела острова со стороны европейского берега. Но тогдашние читатели, особенно работники Главреперткома не поняли «Багрового острова», углядели в нем хулу на недавние революционные события и за-

претили спектакль. Сделать это было легко после характеристики этого спектакля как «макулатуры, почему-то охотно пропускаемой для действительно буржуазного Камерного театра», как выразился И. В. Сталин.

К середине 1929 года из репертуаров театров исчезли пьесы М. Булгакова «Багровый остров», наконец, и «Дни Турбиных».

В журналах и газетах критики не церемонились, когда речь заходила о Булгакове. Эти отзывы бульварного толка я не раз уже приводил здесь. Но, пожалуй, впервые Л. Е. Белозерская обратила наше внимание на отзывы В. Маяковского о М. А. Булгакове. В своей уже не раз цитированной книге «О, мед воспоминаний» она рассказывала, как не один раз Булгаков и Маяковский сражались в бильярдной, а она сидела на возвышении, наблюдала за игрой и думала, какие они разные: «Начать с того, что М. А. предпочитал «пирамидку», игру более тонкую, а Маяковский тяготел к «американке» и достиг в ней большого мастерства. Думаю, что никакой особенной симпатии они друг к другу не питали, но оба держались корректно, если не считать того, что М. А. терпеть не мог, когда его называли просто по фамилии, опуская имя и отчество. Он считал это неоправданной фамильярностью, а Маяковский, видимо, другого обращения себе и не представлял. Когда хор кусающихся и улюлюкающих разросся, Маяковский в стихотворении «Буржуй-нуво» (1928) не преминул куснуть Булгакова:

На ложу
 в окно
театральных касс
 тыкая
ногтем лаковым,
 он
дает
социальный заказ
на «Дни Турбиных» —
Булгаковым

Он — это новый буржуа.

Даже допустив поэтическую гиперболу, все же непонятно, где в Советском Союзе водились такие буржуи, да еще с лаковыми ногтями. Но вот, оказывается, они не только водились, но были настолько сильны и многочисленны, что могли давать социальный заказ на «Дни Турбиных» — кому? И уж совсем пренебрежительно во множественном числе: Булгаковым.

В 1928 году вышла пьеса Маяковского «Клоп». Одно из действующих лиц, Зоя Березкина, произносит слово «буза».

«Профессор. Товарищ Березкина, вы стали жить воспоминаниями и заговорили непонятным языком. Сплошной словарь умерших слов. Что такое «буза». (Ищет в словаре.) Буза...

Буза... Буза... Бюрократизм, богоискательство, бублики, богема, Булгаков...»

Если в стихотворении «Буржуй-нуво» Маяковский говорил, что «Дни Турбиных» написаны на потребу изпманам, то в «Клопе» предсказывалась писательская смерть М. А. Булгакова. Плохим пророком был Владимир Владимирович. Булгаков оказывается в словаре не умерших, а заново оживших слов, оживших и зазвучавших с новой силой.

И наконец появляется письмо Булгакова Сталину, Калинину, Свидерскому и Горькому, с которого я начал свое повествование о счастливой поре Булгакова, которая так печально закончилась: полным запрещением его пьес и снятием их из репертуаров театров.

Это письмо Булгаков написал в июле 1929 года, а 14 октября того же года дирекция МХАТа потребовала «возвратить полученный по этой пьесе аванс в сумме 1000 рублей» «ввиду запрещения Главреперткомом постановки пьесы «Бег».

Наступала черная пора; Булгаков понял, что писать о современности ему запрещено вообще; чувствуя безысходность своего положения, Булгаков и попросил власти изгнать его «за пределы СССР». Но изгнать его за пределы СССР тоже не топились...

В таком душевном состоянии Булгаков начал писать роман, получивший впоследствии название «Мастер и Маргарита».

В этом томе напечатаны сохранившиеся черновики от первой редакции романа, который он сжег в 1930 году в минуты отчаяния, опасаясь нового обыска: настолько накалилась обстановка вокруг его имени.

Это издание стало возможным благодаря СВЕТЛАНЕ ВИКТОРОВНЕ КУЗЬМИНОЙ и ВАДИМУ ПАВЛИНОВИЧУ НИЗОВУ, молодым и талантливым руководителям АКБ «ОБЩИЙ», благодаря директору производственно-коммерческого предприятия «РЕГИТОН» ВЯЧЕСЛАВУ ЕВГРАФОВИЧУ ГРУЗИНОВУ, благодаря председателю Совета ПРОМСТРОЙБАНКА, президенту корпорации «РАДИОКОМПЛЕКС» ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ ШИМКО и председателю Правления ПРОМСТРОЙБАНКА ЯКОВУ НИКОЛАЕВИЧУ ДУБЕНЦКОМУ, оказавшим материальную помощь издательству «ГОЛОС», отважно взявшемуся за это уникальное издание.

Виктор ПЕТЕЛИН

ЗОЙКИНА КВАРТИРА

Пьеса в трех актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Зоя Денисовна Пельц, вдова, 35 лет.
Павел Федорович Оболянинов, 35 лет.
Александр Тарасович Аметистов, администратор, 38 лет.
Манюшка, горничная Зои, 22-х лет.
Анисим Зотикович Аллилуя, председатель домкома, 42-х лет.
Ган-Дза-Лин, он же Газолин, китаец, 40 лет.
Херувим, китаец, 28 лет.
Алла Вадимовна, 25 лет.
Борис Семенович Гусь-Ремонтный, коммерческий директор треста тугоплавких металлов.
Лизанька, 23-х лет.
Мымра, 35 лет.
Мадам Иванова, 30 лет.
Роббер, член коллегии защитников.
Фокстротчик.
Поэт.
Курильщик.
Мертвое тело Ивана Васильевича.
Очень ответственная Агнесса Феррапонтовна.
1-я Безответственная дама.
2-я Безответственная дама.
3-я Безответственная дама.
Закройщица.
Товарищ Пеструхин.
Толстяк.
Ванечка.
Швея.
Голоса.

Действие происходит в городе Москве в 20-х годах XX столетия.
1-й акт в мае, 2-й и 3-й — осенью, причем между 2-м и 3-м актами проходит три дня.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сцена представляет квартиру Зои — передняя, гостиная, спальня. Майский закат пылает в окнах. За окнами двор громадного дома играет как страшная музыкальная табакерка.

Шалыпин поет в граммофоне:
«На земле весь род людской...»

Голоса:

«Покупаем примуса!»

Шалыпин:

«Чтит один кумир священный...»

Голоса:

«Точим ножницы, ножи!»

Шалыпин:

«В умилении сердечном,
прижавля истукан...»

Голоса:

«Паяем сивовиры!»

«...Вечерняя Москва» — газета!»

Трамвай гудит, гудки. Гармоника играет веселую польку.

З о я (*одевается перед зеркалом громадного шкафа в спальне, напевает польку*). Есть бумажка, есть бумажка. Я достала. Есть бумажка!

М а н ю ш к а. Зоя Денисовна, Аллилуя к нам влез.

З о я. Гони, гони его, скажи — меня нет дома...

М а н ю ш к а. Да он, проклятый...

З о я. Выставь, выставь. Скажи — ушла и больше ничего. (*Прячется в зеркальный шкаф.*)

А л л и л у я. Зоя Денисовна, вы дома?

М а н ю ш к а. Да нету ее, я ж вам говорю — нету. И что это вы, товарищ Аллилуя, прямо в спальню к даме! Я ж вам говорю — нету.

А л л и л у я. При советской власти спален не полагается. Может, и тебе еще отдельную спальню отвести? Когда она придет?

М а н ю ш к а. Скудова ж я знаю? Она мне не докладывается.

А л л и л у я. Небось к своему хахалю побежала.

М а н ю ш к а. Какие вы невоспитанные, товарищ Аллилуя. Про кого это вы такие слова говорите?

А л л и л у я. Ты, Марья, дурака не валяй. Ваши дела нам очень хорошо известны. В домкоме все как на ладо-

ни. Домком — око недреманное. Поняла? Мы одним глазом спим, а другим видим. На то и поставлены. Стало быть, ты одна дома?

Манюшка. Шли бы вы отсюда, Анисим Зотикович, а то неприлично. Хозяйки нету, а вы в спальню заползли.

Аллилуя. Ах ты! Ты кому же это говоришь, сообрази. Ты видишь, я с портфелем? Значит, лицо должностное, неприкосновенное. Я всюду могу проникнуть. Ах ты! *(Обнимает Манюшку.)*

Манюшка. Я вашей супруге как скажу, она вам все должностное лицо издерет.

Аллилуя. Да постой ты, юла!

Зоя *(в шкафу)*. Аллилуя, вы свинья.

Манюшка. Ах! *(Убежала.)*

Зоя *(выходя из шкафа)*. Хорош, хорош председатель домкома. Очень хорош!

Аллилуя. Я думал, что вас в сам деле нету. Чего ж она врёт? И какая вы, Зоя Денисовна, хитрая. На все у вас прием...

Зоя. Да разве с вами можно без приема, вы же человека без приема слопаєте и не поморщитесь. Неделикатный вы фрукт, Аллилуйчик. Гадости, во-первых, говорите. Что это значит «хахаль»? Это вы про Павла Федоровича?

Аллилуя. Я человек простой, в университете не был...

Зоя. Жаль. Во-вторых, я не одета, а вы в спальне торчите. И в-третьих, меня дома нет.

Аллилуя. Так вы ж дома.

Зоя. Нет меня.

Аллилуя. Дома ж вы.

Зоя. Нет меня.

Аллилуя. Довольно-таки странно...

Зоя. Ну, говорите коротко — зачем я вам понадобилась.

Аллилуя. Насчет кубатуры я пришел.

Зоя. Манюшкиной кубатуры?

Аллилуя. Ги... ги... уж вы скажете. Язык у вас.. уж... и язык...

Зоя. Что? Опять уплотнение?

Аллилуя. Само собой. Вы одна, а комнат шесть.

Зоя. Как это одна? А Манюшка?

Аллилуя. Манюшка — прислуга. Она при кухне шестнадцать аршин имеет.

Зоя. Манюшка! Манюшка! Манюшка!

Манюшка (*появляясь*). Что, Зоя Денисовна?

Зоя. Ты кто?

Манюшка. Ваша племянница, Зоя Денисовна.

Аллилуя. Племянница. Ги... ги... Это замечательно. Ты же самовары ставишь.

Зоя. Глупо, Аллилуя. Разве есть декрет, что племянницам запрещается самовары ставить?

Аллилуя. Ты где спишь?

Манюшка. В гостиной.

Аллилуя. Врешь!

Манюшка. Ей-богу!

Аллилуя. Отвечай, как на анкете, быстро, не думай. (*Скороговоркой*.) Жалования сколько получаешь?

Манюшка (*скороговоркой*). Ни копейки не получаю.

Аллилуя. Как же ты Зою Денисовну называешь?

Манюшка. Ма тант¹.

Аллилуя. Ах, дрянь девка! Вот дрянь!

Манюшка. Мне можно идти, Зоя Денисовна?

Зоя. Иди, Манюшечка, ставь самовары, никто тебе запретить не может.

Манюшка хихикнула и упорхнула.

Аллилуя. Так, Зоя Денисовна, нельзя. Я вас по дружбе предупреждаю, а вы мне вола вертите. Манюшка — племянница! Что вы, смеетесь? Такая же она вам племянница, как я вам тетя.

Зоя. Аллилуя, вы грубиян.

Аллилуя. Первая комната тоже пустует.

Зоя. Простите, он в командировке.

Аллилуя. Да что вы мне рассказываете, Зоя Денисовна! Его в Москве вовсе нету. Скажем объективно: подбросил вам бумажку из Фарфортреста и смылся на весь год. Мифическая личность. А мне из-за вас общее собрание сегодня такую овацию сделало, что я еле ноги унес. Бабы орут — ты, говорят, Пельц укрываешь. Ты, гово-

¹ Ma tante. — Тетя. (*Франц.*)

рят, наверное, с нее взятку взял. А я, не забудьте, кандидат.

Зоя. Чего ж хочет ваша шайка?

Аллилуя. Это вы про кого так?

Зоя. А вот про общее ваше, про собрание.

Аллилуя. Ну знаете, Зоя Денисовна, за такие слова и пострадать можно. Будь другой кто на моем месте...

Зоя. Вот в том-то и дело, что вы на своем месте, а не другой.

Аллилуя. Постановили вас уплотнить. А половина орет, чтобы и вовсе вас выселить.

Зоя. Выселить? *(Показывает шиш.)*

Аллилуя. Это как же понимать?

Зоя. Это как шиш понимаете.

Аллилуя. Ну, Зоя Денисовна! Я вижу — вы добром разговаривать не желаете. Только на шишах далеко не уедете. Вот чтоб мне сдохнуть, ежели я вам завтра рабочего не вселю! Посмотрим, как вы ему шиши будете крутить. Прощенья просим. *(Пошел.)*

Зоя. Аллилуя, Аллилуйчик! Дайте справочку: почему это у вас в доме жилищного рабочего товарищества Борис Семенович Гусь-Ремонтный один занял в бельэтаже семь комнат?

Аллилуя. Извиняюсь, Гусь квартиру по контракту взял. Заплатил восемьсот червей въездных, и дело законное. Он нам весь дом отапливает.

Зоя. Простите за нескромный вопрос: а вам лично он сколько дал, чтобы квартиру у Фирсова перебить?

Аллилуя. Вы, Зоя Денисовна, полегче, я лицо ответственное: ничего он мне не давал.

Зоя. У вас во внутреннем кармане жилетки червонцы лежат серии Бэ-Эм, номера от 425900 до 425949 включительно. Выпуска 1922 года.

Аллилуя расстегнулся, достал деньги, поблелел.

Алле-гоп! Домком — око. Недреманное. Домком — око, а над домкомом еще око.

Аллилуя. Вы, Зоя Денисовна, с нечистой силой знаете, я уж давно заметил. Вы социально опасный элемент!

Зоя. Я социально опасный тому, кто мне социально опасный, а с хорошими людьми я безопасный.

Аллилуя. Я к вам по-добрососедски пришел, как говорится, а вы мне сюрпризы строите.

Зоя. А! Ну, это другое дело. Прошу садиться.

Аллилуя (*расстроен*). Мерси.

Зоя. Итак: Манюшку и Мифическую личность нужно отстоять.

Аллилуя. Верьте моей совести, Зоя Денисовна, Манюшку невозможно. Весь дом знает, что прислуга, и, стало быть, ее загонят в комнату при кухне. А Мифическую личность можно: у его документ.

Зоя. Ну ладно. Верю. На одного человека самоуплотняюсь.

Аллилуя. А на остальные-то комнаты как же? Ведь сегодня срок истекает.

Зоя. На остальные комнаты мы, прелесть моя, мы вот что сделаем. (*Достает бумагу.*) Натэ.

Аллилуя (*читает*). «Сим разрешается гражданке Зое Денисовне Пельц открыть показательную пошивочную мастерскую и школу...» Ого-го...

Зоя. И школу.

Аллилуя. Понимаем, не маленькие... (*Читает.*) «...для шитья прозодежды для жен рабочих и служащих... гм... дополнительная площадь... шестнадцать саженей... при Наркомпросе». (*В восхищении.*) Елки-палки! Виноват. Это... это кто же вам достал?

Зоя. Не все ли равно?

Аллилуя. Это вам Гусь выправил документик. Ну, знаете, ежели бы вы не были женщиной, Зоя Денисовна, прямо б сказал, что вы гений.

Зоя. Сами вы гений. Раздели меня за пять лет вчитую, а теперь — гений. Вы помните, как я жила до революции?

Аллилуя. Нам известно ваше положение. Неужто, в самом деле, ателье откроете?

Зоя. Почему же нет? Вы поглядите, я хожу в штопанных чулках. Я, Зоя Пельц! Да я никогда до этой вашей власти не только не носила штопаного, я два раза не надела одну и ту же пару.

Аллилуя. Нога у вас какая...

Зоя. Туда же! Нога! Ну вот что, уважаемый товарищ, копию с этой штуки вашим бандитам и кончено.

Меня нет. Умерла Пельц. Больше с Пельц разговоров нету.

Аллилуя. Да, с такой бумажкой что же. Теперь это проще ситуация. У меня как с души скатилось.

Зоя. С души бремя скатится, сомнение далеко, — и верится, и плачется... Кстати, дали мне у Мюра сегодня пятичервонную бумажку, а она фальшивая. Такие подлецы! Посмотрите, пожалуйста. Вы ведь спец по червонцам...

Аллилуя. Ах, язык. Ну уж и язык у вас. *(Смотрит бумажку на свет.)* Хорошая бумажка.

Зоя. А я вам говорю — фальшивая.

Аллилуя. Хорошая бумажка.

Зоя. Фальшивая! Фальшивая! Не спорьте с дамой, возьмите эту гадость и выбросьте.

Аллилуя. Ладно, выбросим. *(Бросает бумажку в свой портфель.)* А может, и Манюшку удастся отстоять...

Зоя. Вот это так. Молодец, Аллилуя. В награду можете поцеловать меня в штопаное место. *(Показывает ногу.)* Закройте глаза и вообразите, что это Манюшкина нога.

Аллилуя. Эх, Зоя Денисовна, эх... какая вы!

Зоя. Что?

Аллилуя. Обаятельная...

Зоя. Ну, будет. К стороне. Дорогой мой, до свиданья. До свиданья. Мне нужно одеваться. Марш. Марш.

Рояль где-то отдаленно и бравурно играет Вторую рапсодию Листа.

Аллилуя. До свиданья. Только уж вы сегодня решите, кем самоуплотнитесь, я найду попозже. *(Идет к двери.)*

Зоя. Ладно.

Рояль внезапно обрывает бравурное место, начинает романс Рахманинова. Нежный голос поет:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной...

Аллилуя *(остановился у двери, говорит глухо)*. Что ж это? Выходит, что Гусь номера червонцев записывает?

Зоя. А вы думали как?

Аллилуя. Ну народ пошел! Вот народ! (*Уходит.*)

Обольянинов (*стремительно входит, вид его ужасен*). Зойка! Можно?

Зоя. Павлик. Павлик! Можно, ну конечно, можно! (*В отчаянии.*) Что, Павлик, опять?

Обольянинов. Зоя, Зоя, Зойка! (*Заламывает руки.*)

Зоя. Ложитесь, ложитесь, Павлик. Я вам сейчас валерианки дам. Может быть, вина?

Обольянинов. К черту вино и валерианку! Разве мне поможет валерианка?

Голос поет:

Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальний...

Зоя (*печально*). Чем же мне вам помочь? Боже мой!

Обольянинов. Убейте меня!

Зоя. Нет, я не в силах видеть, как вы мучаетесь! Бороться не можете, Павлик? В аптеку! Рецепт есть?

Обольянинов. Нет, нет. Этот бездельник-врач уехал на дачу. На дачу! Люди погибают, а он по дачам разъезжает. К китайцу! Я больше не могу. К китайцу!

Зоя. К китайцу. Да... да... Манюшка, Манюшка!

Манюшка появилась.

Зоя. Павел Федорович нездоров. Беги сейчас же к Газолину. Я напишу записку... Возьми раствор. Поняла?

Манюшка. Поняла, Зоя Денисовна...

Обольянинов. Нет, Зоя Денисовна! Пусть он сам сюда придет и при мне разведет. Он мошенник. Вообще в Москве нет ни одного порядочного человека. Все жулики. Никому нельзя верить. И голос этот льется, как горячее масло за шею... Напоминают мне они... другую жизнь и берег дальний...

Зоя (*отдает Манюшке записку*). Сейчас же привези. На извозчике поезжай.

Манюшка. А как его дома нету?

Обольянинов. Как нет? Как нет? Должен быть! Должен! Должен!

Зоя. Где хочешь достань! Узнай, где он. Беги. Лети.

Манюшка. Хорошо. (*Убегает.*)

Зоя. Павлик, родненький, потерпите, потерпите. Сейчас она его привезет.

Голос упорно поет. «..Напоминают мне они...»

Оболянинов. Напоминают... мне они... другую жизнь. У вас в доме проклятый двор. Как они шумят. Боже! И закат на вашей Садовой гнусен. Голый закат. Закройте, закройте сию минуту шторы!

Зоя. Да, да. *(Закрывает шторы.)*

Наступает тьма.

КАРТИНА ВТОРАЯ

...Появляется мерзкая комната, освещенная керосиновой лампочкой. Белье на веревках. Вывеска: «Вхот в санхайскую працесную». Ган-Дза-Лин (Газолин) над горящей спиртовкой. Перед ним Херувим Ссорятся

Газолин. Ты зулик китайский. Бандит! Цесуцю украл, кокаин украл. Где пропадал? А? Как верить, кто? А?

Херувим. Мал-мала, малци! Сама бандити есть. Московски басак.

Газолин. Уходи, сицас, уходи с працесной. Ты вор. Сухарски вор.

Херувим. Сто? Гониси бетни китайси? Сто? Мене украли сесуцю на Светном, кокаин отбил бандит, цуть мал-мала меня убиваль. Смотри. *(Показывает шрам на руке.)* Я тебе работал, а тепель гониси! Кусать сто бетни китаси будет Москве? Палахой товалис! Убить тебе надо.

Газолин. Замалси. Ты, если убивать будешь, комунистай полиций кантрами тебе мал-мала будет делать.

Херувим. Сто, гониси, помосники гониси? Я тебе на волотах повесусь!

Газолин. Ты красть-воровать будешь?

Херувим. Низт, низт...

Газолин. Кази... и-богу.

Херувим. И-богу.

Газолин. Кази и-богу есё.

Херувим. И-богу, Богу... Господи.

Газолин. Надевай халат, будись работать.

Херувим. Голодни, не ел селый день. Дай хлепса.

Газолин. Бери хлепча, на пецки.

Стук.

Кто? Кто?

Манюшка *(за дверью)*. Открывай, Газолин, свои.

Газолин. А, Мануска! *(Впускает Манюшку.)*

Манюшка. Чего ж ты закрываешься? Хороша прачешная. Не достучишься к вам.

Газолин. А, Манусэнька, драсти, драсти.

Манюшка. Ах, какой хорошенький. На херувима похож. Это кто ж такой?

Газолин. Помосиники мой.

Манюшка. Помощник. Ишь ты! На, Газолин, тебе записку. Давай скорей лекарство.

Газолин. Сто? Навелно, Обольян больной?

Манюшка. У, не дай Бог! Руки лежит кусает.

Газолин. Пяти рубли стоит. Давай денг.

Манюшка. Нет, они велели, чтоб ты сам пришел и при них распустил, а то, говорят, что ты у себя жидко делаешь.

Газолин. Моя не мозит сицас сама итти.

Манюшка. Нет, уж ты, пожалуйста, пойди. Мне без тебя не велено приходить.

Херувим. Сто? Молфий?

Газолин *(по-китайски)*. Ва-ля-ва ля.

Херувим *(по-китайски)*. У ля у ля... Ля да но, ля да но.

Газолин. Мануска. Она пойдет, сделает сто надо.

Манюшка. А она умеет?

Газолин. Умент, не бойси. Ты, Манусенька, отвернись мало-мало.

Манюшка. Что ты все прячешься, Газолин? Знаю я все твои дела.

Газолин *(поворачивает Манюшку)*. Так, Мануска. *(Херувиму.)* Калаули двери. *(Уходит и возвращается с коробочкой и склянкой.)* Ва ля ва ля...

Херувим. Сто ты уцись мене? Идем, деуска.

Газолин *(Манюшке)*. А сто деньги не даесь?

Манюшка. Не бойся, там заплатят.

Газолин *(Херувиму)*. Пяти рубли пириноси. Ну, Мануска, до свидани. А когда за меня замузь пойдешь?

Манюшка. Ишь! Разве я тебе обещала?

Газолин. А, Мануска! А кто говорил?

Херувим. Хороси деуска, Мануска.

Газолин. Ты малаци. Иди, иди. Ты пиралицно види, веи. Ты, Мануска, его смотли. Белье возьми.

Херувим. Сто муциси бетни китайси? *(Берет фальшивый узел с бельем.)*

Манюшка. Что ты его бранишь? Он тихий, как херувимчик.

Газолин. Он, Хелувимчик — бандит.

Манюшка. Прощай, Газолин.

Газолин. До свидани, Мануска. Пириходи скорее... я тебе угосю.

Манюшка. Ручку поцелуй даме, а в губы не лезь. *(Уходит с Херувимом.)*

Газолин. Хоросая деуска, Мануска... *(Напевает китайскую песню.)* Вкусная деуска, Мануска... *(Угасает.)*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Вспыхивает спиртовка в квартире Зои. Херувим с полотенцем и подносом

Зоя. Минутку терпения, Павлик. Сейчас. *(Делает укол в руку Обольянинову.)*

Пауза.

Обольянинов. Вот. *(Оживает.)* Вот *(Ожил.)* Вот. Напоминают мне они... иную жизнь и берег дальний... Зачем же, Зойка, скрыли закат? Я так и не повидал его. Откройте шторы, откройте.

Зоя. Да, да... *(Открывает шторы.)*

В окне густой майский вечер. Окна зажигаются одно за другим. Очень отдаленно музыка в «Аквариуме»

Обольянинов. Как хорошо, гляньте... У вас очень интересный двор... И берег дальний... Какой дивный голос пел это...

Зоя. Хорошо сделан раствор?

Обольянинов. Изумительно. *(Херувиму.)* Ты честный китаец. Сколько тебе следует?

Херувим. Семи рубли.

Зоя. Прошлый раз у вас же покупали грамм — четыре рубля стоил, а сегодня уже семь. Разбойники.

Обольянинов. Пусть, Зоя, пусть. Он достойный китаец. Он постарался.

Зоя. Павлик, я заплачу, погодите.

Обольянинов. Нет, нет, нет. С какой стати...

Зоя. Ведь у вас, кажется, нет больше.

Обольянинов. Нет... у меня есть еще... В этом... как его... в пиджаке, дома...

Зоя (*Херувиму*). На.

Обольянинов. Вот тебе еще рубль на чай.

Зоя. Да не нужно, Павлик, он и так содрал сколько мог.

Херувим. Сапасиб.

Обольянинов. Черт возьми! Обратите внимание, как он улыбается. Совершенный херувим. Ты прямо талантливый китаец.

Херувим. Таланты мал-мала... (*Интимно Обольянину.*) Хочешь, я тебе казды день пириносить буду? Ты Ган-Дза-Лини не говори... Все имеем... Молфий, спирт... Хочись красиви рисовать буду? (*Открывает грудь, показывает татуировку — драконы и змеи. Становится страшен и страшен*)

Обольянинов. Поразительно. Зойка, посмотрите.

Зоя. Какой ужас! Ты сам это делал?

Херувим. Сам. Санхаи делал.

Обольянинов. Слушай, мой херувим: ты можешь к нам приходить каждый день. Я нездоров, мне нужно лечиться морфием... Ты будешь готовить раствор... Идет?

Херувим. Идет. Бетни китайси любит холосий квартир.

Зоя. Вы смотрите, Павлик, осторожнее. Может быть, это какой-нибудь бродяга.

Обольянинов. Что вы — нет. У него на лице написано, что он добродетельный человек из Китая. Ты не партийный, послушай, китаец?

Херувим. Мы белье стираем.

Зоя. Белье стираешь? Приходи через час, я с тобой условлюсь. Будешь гладить для мастерской.

Херувим. Ладано.

Обольянинов. Знаете что, Зоя, ведь у вас есть мои костюмы. Я хочу ему брюки подарить.

Зоя. Ну что за фантазии, Павлик. Хорошо он будет и так.

Обольянинов. Ну, хорошо. Я в другой раз тебе подарю. Приходи же вечером. Желаю тебе всего хорошего. Ты свободен, китаец.

Херувим. Холоси кварлтир.

Зоя. Манюшка! Проводи китайца.

Манюшка *(в передней)*. Ну что? Сделал?

Херувим. Сиделал. До савидани, Мануска. Я через час приходить буду. Я, Мануска, каздый день пириходи. Я Обольяну на службу поступил.

Манюшка. На службу? На какую службу?

Херувим. Ликалство. Мал-мала пириносить буду. Мене Обольян шибко шанго бируки дарить будет.

Манюшка. Ишь, ловкач.

Херувим. Ти мене поцелуй, Мануска.

Манюшка. Обойдется. Пожалте.

Херувим. Я когда богатый буду, ты меня целовать будись. Мене Обольян бируки даст, я карасиви буду. *(Выходит.)*

Манюшка. До чего ты оригинальный. *(Уходит к себе.)*

Обольянинов *(в гостиной)*. Напоминают мне они...

Зоя. Павлик, а Павлик. Я достала бумагу. *(Пауза.)* Граф, следует даме что-нибудь ответить, не мне вас этому учить.

Обольянинов. Напоминают... Простите, ради Бога, я замечтался. Так вы говорите — граф. Ах, Зоя, пожалуйста, не называйте меня графом с сегодняшнего дня.

Зоя. Почему именно с сегодняшнего?

Обольянинов. Сегодня ко мне в комнату является какой-то длинный бездельник в высоких сапогах, с сильным запахом спирта и говорит: «Вы бывший граф». Я говорю — простите... Что это значит — «бывший граф»? Куда я делся, интересно знать? Вот же я стою перед вами.

Зоя. Чем же это кончилось?

Обольянинов. Он, вообразите, мне ответил: «Вас нужно поместить в музей революции». И при этом еще бросил окуроч на ковер.

Зоя. Ну, дальше?

Оболянинов. А дальше я еду к вам в трамвае мимо Зоологического сада и вижу надпись: «Сегодня демонстрируется бывшая курица». Меня настолько это заинтересовало, что я вышел из трамвая и спрашиваю у сторожа: «Скажите, пожалуйста, а кто она теперь, при советской власти?» Он спрашивает — «Кто?» Я говорю: «Курица». Он отвечает: «Она таперича пятах». Оказывается, какой-то из этих бандитов, коммунистический профессор, сделал какую-то мерзость с несчастной курицей, вследствие чего она превратилась в петуха. У меня все перевернулось в голове, клянусь вам. Еду дальше, и мне начинает мерещиться: бывший тигр, он теперь, вероятно, слон. Кошмар!

Зоя. Ах, Павлик, вы неподражаемый человек!

Оболянинов. Бывший Павлик.

Зоя. Ну, бывший, дорогой мой, нежный Павлик, слушайте, переезжайте ко мне.

Оболянинов. Нет, милая Зойка, благодарю. Я могу жить только на Остоженке, моя семья живет там с 1625 года... триста лет.

Зоя. Придется, видно, Лизаньку или Мымру прописать, ах, как бы мне этого не хотелось! Ну ладно. Ответьте, Павлик, а на предприятие вы согласны? Имейте в виду, мы разорены.

Оболянинов. Согласен. Напоминают мне они...

Зоя. Сегодня дала взятку Аллилуе, и у меня осталось только триста рублей. На них мы откроем дело. Квартира, это все, что есть у нас, и я выжму из нее все. К Рождеству мы будем в Париже.

Оболянинов. А если вас накроет эта... как ее...

Зоя. Умно буду действовать — не накроет.

Оболянинов. Хорошо, я не могу больше видеть бывших кур. Вон отсюда, какую угодно ценой.

Зоя. О, я знаю, вы таете здесь как свеча. Я вас увезу в Ниццу и спасу.

Оболянинов. Нет, Зоя, на ваш счет я ехать не хочу, а чем я могу быть полезен в этом деле, я не представляю.

Зоя. Вы будете играть на рояли.

Оболянинов. Помилуйте, мне станут давать на чай. А не могу же я драться на дуэли с каждым, кто предложит мне двугривенный.

Зоя. Ах, Павлик, вас действительно нужно поместить в музей. А вы берите, берите. Пусть дают. Каждая копейка дорога.

Голос глухо и нежно где-то поет под рояль «Покинем, покинем край, где мы так страдали...» Потом обрывается.

В Париж! К Рождеству мы будем иметь миллион франков, я вам ручаюсь.

Обольянинов. Как же вы переведете деньги?

Зоя. Гусь!

Обольянинов. Ну, а визы? Ведь мне же откажут.

Зоя. Гусь!

Обольянинов. По-видимому, он всемогущий, этот бывший Гусь. Теперь он, вероятно, орел.

Зоя. Ах, Павлик... *(Смеется.)*

Обольянинов. У меня жажда. Нет ли у вас пива, Зоя?

Зоя. Сейчас. Манюшка! Манюшка...

Манюшка. Что, Зоя Денисовна?

Зоя. Принеси, детка, пива побыстрей...

Манюшка. Я в Мисильпроме возьму. Сколько?

Зоя. Бутылки четыре.

Манюшка. Счас. *(Упорхнула и забыла закрыть дверь в передней.)*

Обольянинов *(таинственно)*. Манюшка посвящена?

Зоя. Конечно. Манюшка мой преданный друг. За меня она в огонь и воду... Молодец девочка!

Обольянинов. Кто же еще будет?

Зоя *(таинственно)*. Лизанька, Мымра, мадам Иванова... Пойдемте ко мне, Павлик.

Уходят. Зоя опускает портьеру, глухо слышны их голоса. Голос тонкий и глупый поет под аккомпанемент разбитого фортепиано:

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал
Шел по улице...

Аметистов *(появился в передней)* .малютка.

Голос:

Боже, говорил малютка,
Я озяб и есть хочу.
Кто накормит, кто согрет,
Боже добрый...

Сироту. (*Ставит замызганный чемодан на пол и садится на него.*)

Аметистов в кепке, рваных штанах и френче с медальоном на груди.

Фу, черт тебя возьми! Отхлопать с Курского вокзала четыре версты с чемоданом, это тоже номер, я вам доложу. Сейчас пива следовало бы выпить. Эх, судьба ты моя загадочная, затащила ты меня вновь в пятый этаж, что-то ты мне тут дашь? Москва, матушка. Пять лет я тебя не видал. (*Заглядывает в кухню.*) Эй, товарищ! Кто тут есть? Зоя Денисовна дома?

Пауза. Глухо слышны голоса Оболянинова и Зон. Аметистов подслушивает.

Ого-го...

Оболянинов (*за сценой, глухо*). Для этого я совершенно не гожусь. На такую должность нужен опытный прохвост.

Аметистов. Вовремя попал!

Манюшка (*с бутылками*). Батюшки! Двери-то я не заперла! Кто это? Вам что?

Аметистов. Пардон-пардон. Не волнуйтесь, товарищ. Пиво? Чрезвычайно вовремя! С Курского вокзала мечтаю о пиве!

Манюшка. Да кого вам?

Аметистов. Мне Зою Денисовну. С кем имею удовольствие разговаривать?

Манюшка. Я племянница Зои Денисовны.

Аметистов. Очень приятно. Очень. Я и не знал, что у Зойки такая хорошенькая племянница. Позвольте представиться: кузен Зои Денисовны. (*Целует Манюшке руку.*)

Манюшка. Что вы. Что вы. Зоя Денисовна!

Входит в гостиную, Аметистов за нею с чемоданом.
Выходят Зоя и Оболянинов.

Аметистов. Пардон-пардон! Лучшего администратора на эту должность вам не найти. Вам просто свезло, господа. Дорогая кузиночка, же ву салю!¹ Прошу извинения, что перебил столь приятную беседу.

¹ Je vous salue! — Я вас приветствую! (*Франц.*)

Познакомьте же меня, кузиночка, с гражданином.

Зоя. Ты... вы... Павел Федорович, позвольте вас познакомиться. Мой кузен Аметист...

Аметистов. Пардон-пардон. (*Обольянинову.*) Пу-тинковский, беспартийный, бывший дворянин.

Обольянинов (*поражен*). Очень рад...

Аметистов. Кузиночка, позвольте мне попросить вас на два слова а парт¹, как говорится.

Зоя. Павлик... извините, пожалуйста. Мне нужно перемолвиться двумя словами с Александром Тарасовичем...

Аметистов. Пардон! Василием Ивановичем. Прошел ничтожный срок, и вы забыли даже мое имя! Мне это горько. Ай, яй, яй.

Зоя. Павлик...

Обольянинов (*поражен*). Пожалуйста, пожалуйста... (*Уходит.*)

Зоя. Манюшка, налей Павлу Федоровичу пива.

Манюшка уходит.

Тебя же расстреляли в Баку, я читала!

Аметистов. Пардон-пардон. Так что из этого? Если меня расстреляли в Баку, я, значит, уж и в Москву не могу приехать? Хорошенькое дело. Меня по ошибке расстреляли, совершенно невинно.

Зоя. У меня даже голова закружилась.

Аметистов. От радости.

Зоя. Нет, ты скажи... ничего не понимаю.

Аметистов. Ну, натурально, под амнистию подле-тел. Кстати об амнистии, что это у тебя за племянница?

Зоя. Ах, какая там племянница. Это моя горничная Манюшка.

Аметистов. Так-с. Понимаем. В целях сохранения жилплощади. (*Зычно.*) Манюшка!

Манюшка, появляясь.

Милая, приволоки-ка мне пивца. Умираю от жажды. Какая же ты племянница, шут тебя возьми!

¹ А парт. — В сторону. (*Фрагм.*)

Манюшка (*расстроено*). Я... сейчас... (*Уходит.*)

Аметистов. А я ей руку поцеловал. Позор-позор!

Зоя. Ты где же собираешься остановиться? Имей в виду, в Москве жилищный кризис.

Аметистов. Я вижу. Натурально, у тебя.

Зоя. А если я тебе скажу, что я не могу тебя принять?

Аметистов. Ах, вот как! Хамишь, Зойка. Ну что ж, хами... хами... Гонишь двоюродного брата, пешком першого с Курского вокзала? Сироту? Гони, гони... Что ж, я человек маленький. Я уйду. И даже пива пить не стану. Только вы пожалеете об этом, дорогая кузиночка.

Зоя. Ах, ты хочешь испугать. Не беспокойся, я не из пугливых.

Аметистов. Зачем пугать? Я, Зоя Денисовна, человек порядочный. Джентльмен, как говорится. И, будь я не я, если я не пойду и не донесу в Гепеу о том, что ты организуешь в своей уютной квартирке. Я, дорогая Зоя Денисовна, все слышал!

Зоя (*стала бледна, глухо*). Как ты вошел без звонка?

Аметистов. Дверь была открыта.

Зоя. Судьба — это ты!

Манюшка входит с пивом.

Ах, Манюшка, Манюшка! Ты дверь не закрыла?

Манюшка (*расстроено*). Извините, Зоя Денисовна, забыла.

Зоя. Ах, Манюшка, ах. Ну ничего, ничего. Иди. Извинись перед Павлом Федоровичем...

Манюшка ушла.

Аметистов (*пьет пиво*). Фу, хорошо! Прекрасное пиво в Москве! В провинции такая кислятина, в рот взять нельзя. Квартиру-то ты сохранила, я вижу. Молодец, Зойка.

Зоя. Судьба. Видно, придется мне еще нести мой крест.

Аметистов. Ты что ж хочешь, чтобы я обиделся и ушел?

Зоя. Нет, постой. Что ты хочешь прежде всего?

Аметистов. Прежде всего — брюки.

Зоя. Неужели у тебя брюк нет? А чемодан?

Аметистов. В чемодане шесть колод карт и портреты вождей. Спасибо дорогим вождям, ежели бы не они, я бы прямо с голоду издох. Шутка сказать, в почтовом поезде от Баку до Москвы. Понимаешь, захватил в культотделе в Баку на память пятьдесят экземпляров вождей. Продавал их по двугривенному.

Зоя. Ну, ты и тип!

Аметистов. Чудное пиво. Товарищ, купите вождя! Один буржуй пять штук купил. Я, говорит, их родным раздарю. Они любят вождей.

Зоя. Карты крапленые?

Аметистов. За кого вы меня принимаете, мадам?

Зоя. Брось, Аметистов. Где ты шатался пять лет?

Аметистов. Эх, кузина!.. Эх... В Чернигове я отделом искусств заведовал.

Зоя. Воображаю.

Аметистов. Белые пришли. Мне, значит, красные дали денег на эвакуацию в Москву, а я, стало быть, эвакуировался к белым в Ростов. Ну, поступил к ним на службу. Красные, немного погода. Я, значит, у белых получил на эвакуацию и к красным. Поступил заведующим агитационной группой. Белые; мне красные на эвакуацию, я к белым в Крым. Там я просто администратором служил в одном ресторанчике в Севастополе. Ну, и напоролся на одну компанию, взяли у меня пятьдесят тысяч в один вечер в железку.

Зоя. У тебя? Ну, уж это, значит, специалисты были.

Аметистов. Темные арапы, говорю тебе, темные! Нуте-с, и пошел я нырять при советском строе. Куда меня только не швыряло, Господи! Актером был во Владикавказе. Старшим музыкантом в областной милиции в Новочеркасске. Оттуда я в Воронеж подался, отделом снабжения заведовал. Наконец, убедился за четыре года: нету у меня никакого козырного хода. И решил я тогда по партийной линии двинуться. Чуть не погиб, ей-богу. Дай, думаю, я бюрократизм этот изживу, стажи всякие... И скончался у меня в комнате приятель мой Чемоданов Карл Петрович, светлая личность, партийный.

Зоя. В Воронеже?

Аметистов. Нет, уж это дело в Одессе произошло. Я думаю, какой ущерб для партии? Один умер, а другой

на его место становится в ряды. Железная когорта, так сказать. Взял я, стало быть, партбилетик у покойника и в Баку. Думаю, место тихое, нефтяное, шмендефер можно развернуть — небу станет жарко. И стало быть, открывается дверь — и знакомый Чемоданова — шашть. Дамбле! У него девятка, у меня жир. Я к окнам, а окна во втором этаже.

Зоя. Узнаю коней ретивых...

Аметистов. Ну, не везло, Зочка, ну что ж ты делаешь. Возьмешь карту — жир, жир... Да... На суде я заключительное слово подсудимого сказал, веришь ли, не только интеллигентная публика, конвойные несознательные и те рыдали. Ну, отсидел я... Вижу, нечего мне больше делать в провинции. Ну, а когда у человека все потеряно, ему нужно ехать в Москву. Эх, Зойка, очерствела ты в своей квартире, оторвалась от массы.

Зоя. Ну ладно. Все понятно. Раз уж ты притащился, ничего с тобой не сделаешь. Слушай, я тебя оставляю... Все слышал?

Аметистов. Свезло, Зочка.

Зоя. Я не только тебя пропишу, но дам место администратора в предприятии...

Аметистов. Зочка!

Зоя. Но в квартире мне о картах не будет и речи. Понял?

Аметистов. Что она делает, товарищи? Зоя, это не марксистский подход! Ведь у тебя ж карточная квартира. Да дай ты мне сюда спецов штук пять, у них теперь деньги...

Зоя. Карт не будет.

Аметистов. Эх!

Зоя. И работать будешь под строгим контролем. Смотри, Аметистов, ой смотри. Если ты выкинешь какой-нибудь фокус, я, уж так и быть, рискну всем, а посажу тебя. Ты вздумал меня попугать. Не беспокойся, за меня найдется кому заступиться, а ты... ты слишком много о себе рассказал.

Аметистов. Итак, я грустную повесть скитальца доверил змее. Мон дье!¹

¹ Mon Dieu! — Боже мой! (Франц.)

Зоя. Молчи, болван. Где кольцо, которое ты перед самым отъездом в восемнадцатом году взял продать?

Аметистов. Колье? Постой, постой... Это с бриллиантами?

Зоя. Ах ты, мерзавец, мерзавец!

Аметистов. Спасибо, спасибо. Видали, как Зочка родственников принимает!

Зоя. Документы-то у тебя есть?

Аметистов. Документов-то полный карман, весь вопрос в том, какой из этих документов, так сказать, свежей. *(Достает бумажки.)* Чемоданов Карл... об этом речи быть не может. Сигурадзе Антон... Нет, это нехороший документ.

Зоя. Это ужас, ужас, честное слово. Ты же Путинковский!

Аметистов. Нет, Зочка, я спутал. Путинковский в Москве — это отпадает. Пожалуй, лучше всего моя собственная фамилия. Я думаю, что меня уж забыли за пять лет в Москве. На, прописывай Аметистова. Постой, тут по воинской повинности у меня еще грыжа где-то была...

Зоя достает из шкафа великолепные брюки.

(Надевая штаны.) Бог благословит твое доброе сердечко, сестренка. Отвернись.

Зоя. Очень ты мне нужен. Потрудишься штаны вернуть, это Павла Федоровича.

Аметистов. Морганатический супруг?

Зоя. Попрошу держать себя с ним вежливо. Это мой муж.

Аметистов. Фамилия ему как?

Зоя. Оболянинов.

Аметистов. Граф? У-у, это карась. Впрочем, у него уж, наверное, ни черта не осталось. Судя по физиономии, контрреволюционер... *(Выходит из-за ширм, любуется штанами, которые на нем надеты.)* Гуманные штанишки! В таких брюках сразу чувствуешь себя на платформе.

Зоя. Сам выпутывайся с фамилией. В нелепое положение ставишь. Павлик! Голубчик!

Оболянинов входит.

Извините, милый, что бросили вас одного. По делу говорили.

Аметистов. Увлеклись воспоминаниями детства. Ведь мы росли с Зоечкой. Я сейчас прямо рыдал.

Оболянинов (*смотря на брюки*). Напоминают мне они...

Аметистов. Пардон-пардон. Обокрали в дороге. Свистнули в Ростове второй чемодан. Прямо гротеск! Я думаю, вы не будете в претензии? Между дворянами на это нечего смотреть.

Оболянинов. Пожалуйста, пожалуйста. Я их все равно хотел подарить китайцу...

Зоя. Вот, Павлик, Александр Тарасович будет у нас работать администратором. Вы ничего не имеете против?

Оболянинов. Помилуйте, я буду очень рад. Если вы рекомендуете Василия Ивановича...

Аметистов. Пардон-пардон, Александра Тарасовича. Вы удивлены? Это, видите ли, мое сценическое имя, отчество и фамилия. По сцене — Василий Иванович Пунтиковский, а в жизни Александр Тарасович Аметистов. Известная фамилия, многие представители расстреляны большевиками. Тут целый роман. Вы прямо будете рыдать, когда я расскажу.

Оболянинов. Очень приятно. Вы откуда изволили приехать?

Аметистов. Откуда я приехал, вы спрашиваете? Из Баку в данный момент. Лечился от ревматизма. Тут целый роман.

Оболянинов. Вы беспартийный, разрешите спросить?

Аметистов. Кель кестьон!¹ Что вы!

Оболянинов. А у вас на груди был этот портрет... Впрочем, может быть, мне это показалось.

Аметистов. Это для дороги. Знаете, в поезде очень помогает. Плацкарту вне очереди взять. То, другое.

Манюшка (*появилась*). Аллилуя пришел.

Зоя. Зови его сюда. (*Аметистову.*) Имей в виду: председатель домкома. Поговори с ним как следует.

¹ Quelle question! — Что за вопрос! (*Франц*)

Аллилуя. Добрый вечер, Зоя Денисовна. Здравствуйте, гражданин Обольянинов.

Обольянинов. Мое почтение.

Аллилуя. Ну, что? Надумали, Зоя Денисовна?

Зоя. Да, вот, пожалуйста, документы. Пропишите моего родственника Александра Тарасовича Аметистова. Только что приехал. Он будет администратором школы. *(Подает Аллилуе документы.)*

Аллилуя. Очень приятно. Послужить, стало быть, думаете.

Аметистов. Как же, я старый закройщик, товарищ, по специальности. Стаканчик пива, уважаемый товарищ?

Аллилуя. Мерси. Не откажусь. Жарко, знаете, а тут все на ногах, да на ногах.

Аметистов. Да, погода, как говорится. Громадный у вас дом, товарищ дорогой. Такой громадный!

Аллилуя. И не говорите. Прямо мученье. Ну, что ж, документы в порядке. А по воинской повинности грыжа у вас?

Аметистов. Точно так. Вот она. *(Подает бумажку.)* Вы партийный, товарищ?

Аллилуя. Сочувствующий я.

Аметистов. А! Очень приятно. *(Надевает медальон.)* Я сам, знаете ли, бывший партийный. *(Тихо, Обольянинову.)* Деван ле жан¹. Хитрость.

Аллилуя. Отчего же вышли?

Аметистов. Фракционные трения. Несогласен со многим. Я старый массовик со стажем. С прошлого года в партии. И как глянул кругом, вижу — нет, не выходит. Я и говорю Михаил Ивановичу...

Аллилуя. Калинину?

Аметистов. Ему! Прямо в глаза. Я старый боевик, мне нечего терять кроме цепей. Я одно время на Кавказе громадную роль играл. И говорю, нет, говорю, Михаил Иванович, это не дело. Уклонились мы — раз. Утратили чистоту линии — два. Потеряли заветы... Я, говорит, так, говорит, так я тебя, говорит, в двадцать четыре часа, говорит, поверну лицом к деревне. Горячий старик!

¹ *Devant les gens.* — Не при чужих. *(Франц.)*

Оболянинов (*дико изумлен*). Он гениален, клянись.

Зоя. Ах мерзавец, ах мерзавец! (*Вслух.*) Довольно политики. Итак, товарищ Аллилуя, с завтрашнего дня я разворачиваю дело.

Аллилуя. Ну что ж, в добрый час. Таперича я спокоен.

Аметистов. Итак, мы начинаем! За успех показательной школы и за здоровье ее заведующей, товарища Зои Денисовны Пельц. Ура!

Пьют пиво.

А теперь здоровье нашего уважаемого председателя домакома и сочувствующего Анисима Зотиковича... Да. Я говорю, Зотиковича... (*Зое.*) Как бишь его фамилия?

Зоя (*тихо*). Аллилуя.

Аметистов. Вот я и хотел сказать: Аллилуя, Аллилуя, Ал-ли-луя! И пожелать ему...

Радостные мальчишки во дворе громадного дома запели:
«Многая лета! Многая лета!»

Вот именно — многая лета! Многая лета!

Манюшка появилась в дверях. За ней Херувим.

Аллилуя. Это что ж за китаец?

Херувим. Я присел договаривать.

Зоя. Потом. Да это новый работник моей мастерской. (*Аллилуе.*) Будет гладить юбки в мастерской.

Аллилуя. Ага.

Аметистов (*вручает Херувиму стакан пива*). Кричи многая лета тов. Аллилуя! Манюшка, племянница, что стоишь, как китайская стена? Ура!

Оболянинов (*раздавлен*). Это выдающийся человек.

Зоя. Ах ты, мерзавец. Ах, мерзавец.

Аметистов. Многая лета, многая лета!

Херувим. Миноги и лета.

З а н а в е с .

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Гостиная в квартире Зои превращена в мастерскую. На стене портрет Карла Маркса. Манекены, похожие на дам, дамы, похожие на манекенов Швея трещит на машине. Волны материн. Дело под вечер.

Первая (*примеряет мантию*). Фалдит, фалдит, дорогая моя. Уверяю вас, безумно фалдит. И на боку линия западает.

Закройщица. Да, линия немножечко неправильная. Мы здесь в припосадочку возьмем.

Первая. Ах нет, миленькая, нужно весь угол вынуть. А то ужасное впечатление, будто у меня не хватает двух ребер. Ради Бога, выньте, выньте!

Закройщица. Хорошо. (*Размечает мелом на даме.*)

Вторая. ...И говорит мне: «Прежде всего, мадам, вам нужно остричься». Я моментально бегу на Арбат к Жану и говорю: «Стригите меня, стригите». Он остриг меня, я бегу к ней, она надевает на меня спартри, и, вообразите себе, у меня физиономия моментально становится как котел.

Третья. Хи-хи.

Вторая. Ах, миленькая. Вам смешно, а на самом деле это печально. И представьте, какая наглость с ее стороны...

Первая. И по-моему, у воротника нужно сделать вытачки, чтобы не морщило.

Закройщица. Помилуйте, какие же здесь могут быть вытачки, мадам! Ворот не позволяет.

Первая. А если так?

Вторая. Наглость, наглость, наглость. Это, говорит, оттого, мадам, что у вас широкие скулы. Как вам это нравится? Как по-вашему, у меня широкие скулы?

Третья. Хи. Да! Широкие.

Вторая. Простите, это у вас самой широкие скулы.

Третья. Право, не знаю. Я не имею возможности каждый месяц делать себе новую шляпу, так что не могла проверить.

Вторая. Простите, кто это вам насплетничал, что я каждый месяц делаю новую шляпу?

Третья. Извиняюсь, я сплетен не слушаю. Просто ваш муж служит в тресте, стало быть получает червонцев семьдесят пять.

Вторая. Простите, муж получает спецставку — сорок червонцев, и больше никаких доходов у него нету.

Аметистов (*пролетая*). Пардон-пардон. Я не смотрю.

Вторая. Мосье Аметистов!

Аметистов. Вотр сервитер¹, мадам?

Вторая. Скажите, пожалуйста, как по-вашему, у меня широкие скулы? Неужели это правда?

Аметистов. У кого? У вас? Ха-ха. Скулы? У вас. Ха-ха. У вас совсем нету скул! Пардон-пардон. Долг службы. (*Улетает.*)

Первая. Кто это такой?

Закройщица. Главный администратор школы.

Первая. Шикарно поставлено дело.

Аметистов (*в передней*). Извините, товарищ, ничего не могу сделать. Апсольман². Ежели бы у вас было удостоверение с биржи труда. Место-то есть...

Голос (*утомлен*). А на бирже говорят, дайте удостоверение с места службы, тогда запишем. А пойдешь заниматься, говорят, дай с биржи. Что ж, удавиться мне прикажете?

Аметистов. Закон-с. А закон для меня свят. Ничего не могу. До свидания. (*Пролетает через сцену.*) Пардон-пардон! Я не смотрю. Манто ваше очаровательно. (*Исчезает.*)

Первая. Какое там очаровательно. (*Смотрится в зеркало.*) Неужели у меня такой зад? Этого не может быть.

Швея (*тихо*). Зад, как рояль. Только клавиши приделывать, и в концертах можно играть.

Закройщица. Тише. Варвара Никаноровна. (*Первой.*) Я беру с боков.

Звонок.

¹ Votre serviteur. — Ваш слуга. (*Фринц*)

² Absolument. — Абсолютно. (*Фринц*)

Аметистов (*пролетая*). Пardon-пardon, я не смотрю.

Третья. Какой бойкий!

Аметистов (*из передней*). Что, место? Вы — член профсоюза?

Голос. То-то, что нет.

Аметистов. Тогда, виноват, ничего не могу сделать.

Голос. Как же быть? В союзе говорят — поступите на службу, тогда запишем, а вы говорите, дай из союза, тогда примем. Быть-то как же?

Аметистов. Обратитесь, товарищ, в юридическую консультацию.

Голос. Эхо-хо.

Аметистов. Честь имею кланяться. (*Проносится.*) Пardon-пardon, я не смотрю.

Звонок.

(*В сторону.*) Ах, чтоб тебе сдохнуть. (*Улетает.*)

Третья. Какое громадное дело у мадам Пельц.

Закройщица (*снимает с первой манти*). Ну ладно, так и сделаем.

Первая. Только, пожалуйста, миленькая, чтобы к среде было готово.

Закройщица. К среде невозможно, мадам, Варвара Никаноровна не успеет.

Первая. Ах, Боже, это ужасно! (*Швея.*) Варвара Никаноровна! Голубчик! К среде!

Швея. Немыслимо, мадам. Шесть туалетов на очереди. (*Стучит на машинке.*)

Первая. Ах, это ужасно... А к пятнице?

Швея. Постараюсь. (*Стучит.*)

Первая. До свиданья... До свиданья. (*Уходит.*)

Аметистов выходит из передней.

Первая. Мосье! К пятнице!

Аметистов. Все, что в моих силах, все будет сделано.

Первая. До свиданья. (*Уходит.*)

Аметистов. О ревуар¹, мадам.

¹ Au revoir... — До свидания... (*Франц.*)

Чтоб тебя громом убило! (*Улетает.*)

Вторая. Простите, кажется, моя очередь?

Третья. Ваша.

Аметистов (*в передней*). Место? А вы член профсоюза?

Голос. Член!

Аметистов. А на бирже, позвольте узнать, дорогой товарищ, состоите?

Голос (*победоносно*). Состою!

Аметистов. К сожалению, ни одного места нет.

Голос (*потрясен*). Неужели? Я партийную рекомендацию могу представить.

Аметистов. Обязательно. Мы и не берем никого без партийной рекомендации. Разве можно? У нас мастерская показательная. Бог знает кто придет.

Голос. Я ведь швея хорошая...

Аметистов. Охотно верю, но места, увы, нет. До свидания, дорогой товарищ.

Вторая. Голубушка, только запах должен быть больше, больше!

Закройщица. Но ведь это вас будет толстить.

Вторая. Ах, толстить? Тогда не надо, не надо.

Третья. К полным не идет большой запах.

Вторая. Простите, вы полнее меня.

Третья. Хи-хи.

Аметистов (*проносясь*). Пардон-пардон, я не смотрю.

Вторая. Скажите, пожалуйста, месье Аметистов, какой запах мне больше пойдет, большой или малый?

Аметистов. Запах? Ага... да, запах. Угу... Всякий запах вам очень пойдет. Пардон-пардон, дела. (*Улетает.*)

Швея (*третьей*). Пожалуйста, мадам. (*Примеряет на третьей.*)

Третья. Вот теперь хорошо.

Аметистов (*летит*). Товарищ Манюша. Никого не принимайте. Восемь часов уже. (*В передней.*) Ах, очень приятно, очень приятно...

Манюшка (*пролетая*). Зоя Денисовна, Агнесса Ферапонтовна приехали! (*Исчезает.*)

Аметистов (*входит*). Милости просим, Агнесса Ферапонтовна...

Агнесса. Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Аметистов.

Аметистов. Присаживайтесь, Агнесса Ферапонтовна.

Агнесса. Мерси, я на минуту. (*Закройщице.*) Здравствуйте, дорогая.

Закройщица. Здравствуйте, Агнесса Ферапонтовна.

Зоя (*выходит*). Очень рада, очень рада...

Агнесса. Здравствуйте, милая Зоя Денисовна.

Зоя (*тихо, третьей*). Прошу вас, уступите вашу очередь Агнессе Ферапонтовне. Она, наверно, спешит...

Третья. Простите, Зоя Денисовна, почему я должна уступать свою очередь?

Аметистов (*на ухо ей*). Это жена... (*Шепчет.*)

Вторая. Я могу уступить очередь.

Третья. Нет уж, пожалуйста. Пожалуйста, я уступаю.

Зоя. Пожалуйста, Агнесса Ферапонтовна.

Агнесса (*третьей*). Очень вам признательна. Меня машина ждет. (*Развязывая сверток.*) Вот видите. Бант поместили слишком низко. Ужасное уродство.

Вторая. Ах, какая прелесть. Парижское?

Агнесса. Парижское.

Закройщица. Это нетрудно переставить. Вы примеряете сейчас?

Агнесса. Нет, нет, я спешу.

Закройщица. Мы на манекене переставим. Варвара Никаноровна!

Аметистов. Эн момэн¹, мадам. (*Надевает платье на манекен.*)

Вторая. Вы давно из Парижа, мадам?

Агнесса. Две недели. (*Швее.*) Вот сюда, милая, сюда.

Вторая. Простите, ваш супруг не мог бы оказать некоторое содействие к получению визы в Париж? Я

¹ Un moment... — Одно мгновенье... (*Франц.*)

тоже собираюсь съездить. Мой муж, моя фамилия Сепурахина, правда, беспартийный, но занимает видное положение в Электротресте...

Агнесса. Извините, пожалуйста, я очень тороплюсь. Мой муж, к сожалению, ничего не может сделать. Он не имеет никакого отношения к выдаче виз... Зоя Денисовна, у меня большая просьба, нельзя ли к завтрашнему дню?

Зоя. О да, это несложно. Варвара Никаноровна?

Швея. Поспеем...

Агнесса. Очень вам признательна, очень. Всего хорошего, Зоя Денисовна. Ну, как идут дела?

Зоя. Как видите, совершенно завалены.

Вторая (*сбрасывая мантию*). Извините, нескромный вопрос, вы сейчас куда?

Агнесса (*удивленно*). На Кузнецкий мост.

Вторая. Ах, нам по дороге. Вы ничего не будете иметь против, если я вас провожу?

Аметистов (*тихо*). Вот чертова баба, пристала как банный лист.

Агнесса. Очень вам благодарна, но я, видите ли, в машине.

Аметистов. Агнесса Ферапонтовна в машине.

Вторая. Ничего, я вас по лестнице провожу.

Агнесса. Не затрудняйтесь, пожалуйста. До свидания, Зоя Денисовна.

Вторая. Я завтра зайду, Зоя Денисовна. Всего хорошего. (*Летит за Агнессой.*)

Третья. Боже, какая особа.

Закройщица. Как рак вцепилась. Хи.

Третья. Ужас. До свидания. Я завтра зайду.

Закройщица и швея снимают с третьей мантию.

Мерси, милая. Зоя Денисовна, сколько я вам должна?

Зоя. Восемьдесят пять рублей.

Третья. Пожалуйста. Пятьдесят. А остальные я во вторник принесу. Хорошо?

Зоя. Пожалуйста.

Третья. Всего хорошего, Зоя Денисовна.

Зоя. До свидания. Все?

Закройщица. Все!

Зоя. Ну, прекрасно, кончайте. (*Уходит.*)

А метистов *(входит)*. Уф! Ну-с, дорогие товарищи, закрывайте лавочку. Устали?

Закройщица. Ужасно устала.

Швея. Человек тридцать было сегодня.

А метистов. Отдыхайте, товарищи, дорогие, согласно Кодекса труда. Отдыхайте. Предайтесь разумным развлечениям, съездите на Воробьевы горы...

Швея. Какие тут горы, Александр Тарасович. До постели бы только добраться!

А метистов. Я вас понимаю. Я сам мечтаю только об одном, как бы лечь. Лягу, почитаю на ночь что-нибудь по историческому материализму и усну. Не надо убирать, Варвара Никаноровна, товарищ Манюша все сделает.

Закройщица. Прощайте, Александр Тарасович.

Швея. До свидания.

Уходят.

А метистов. До свидания, до свидания... У, черт, замучили окаянные. В глазах только одни зады и банты, больше ничего нет. *(Достает из шкафа бутылку коньяка, выпивает рюмку.)* Фу... Зюечка! Дорогая директриса!

Зюя *(выходит)*. Ну?

А метистов. Ну вот что, кузина. Дела важные. Аллу Вадимовну даешь в срочном порядке.

Зюя. Не пойдет. Я уже думала об этом.

А метистов. Пардон-пардон. Ты меня слушай. Финансовые дела у нее последнее время швах. Она тебе сколько задолжала?

Зюя. Около пятисот рублей.

А метистов. Ну вот и козырек.

Зюя. Заплатит.

А метистов. Не заплатит, я тебе говорю. Ты меня слушай. У нее глаза некредитоспособные. По глазам всегда видно, есть у человека деньги или нет. Я по себе сузу: когда я пустой, я задумчивый, философия нападает, на социализм тянет. Говорю тебе, баба задумывается, на отлете она. Ежели женщина задумывается, это означает только одно из двух, или она с мужем разводится, или из СеСеРе лататы хочет дать. Деньги ей нужны до зареза, а денег нет. Ты подумай, экземпляр какой. Украшение

квартиры. Мадам Ивановой панданчик¹. А Мыпра твоя и Лизанька только и умеют визжать.

Зоя. Они — второй сорт.

Аметистов. Так нельзя же, шер маман², все на втором сорте отъезжать.

Звонок.

Еще кого-то черт несет. Ты Аметистова слушай. Аметистов большой человек. Ежели он ставит дело, то на хозрасчете, то на широкую ногу...

Манюшка. Алла Вадимовна спрашивает, можно к вам?

Аметистов. Во! Случай. Жми ее, жми.

Зоя. Ладно, не суетись. (Манюшке.) Проси сюда.

Алла (ослепительная женщина входит). Здравствуйте, Зоя Денисовна. Простите, если я не вовремя.

Зоя. Нет, нет, очень рада. Пожалуйста.

Аметистов. Целую ручку, обожаемая Алла Вадимовна. Платье? Что сказать о вашем платье, кроме того, что оно очаровательно!

Алла. Это комплимент Зое Денисовне.

Аметистов. Алла Вадимовна. Уверяю вас, что, увидав те модели, которые мы сегодня получили из Парижа, вы выбросите это платье за окно. Даю вам в этом честное слово бывшего кирасира.

Алла. Вы были кирасиром?

Аметистов. Мез'уй³.

Алла. Вы разрешите мне, Зоя Денисовна, потом взглянуть на модели?

Зоя. Конечно, Алла Вадимовна.

Аметистов. Ну-с, я лечу, покидаю вас.

Алла. Все хлопочете?

Аметистов. Как же, как же. Как говорится, того согрей, тем свету дай и всех притом благословляй. (Зое, тихо.) Жми ее, жми. (Исчезает.)

Алла. Превосходный у вас администратор, Зоя Денисовна. Он положительно создан для этой должности. Скажите, он действительно бывший кирасир?

¹ Pendant. — В пару. (Франц.)

² Chère maman. — Мамочка. (Франц.)

³ Mais oui. — Ну, разумеется. (Франц.)

Зоя. Не могу вам сказать точно, к сожалению. Присаживайтесь, Алла Вадимовна. Чаю хотите?

Алла. Благодарю вас, нет. Не беспокойтесь. (Пауза.) Я к вам по важному делу, Зоя Денисовна.

Зоя. Я слушаю вас, Алла Вадимовна.

Алла. Я хотела переговорить с вами, во-первых, относительно моего долга. Я ведь должна вам, если не ошибаюсь...

Зоя (открыв книгу). Пятьсот один рубль.

Алла. Пятьсот один. Да, совершенно верно. Да. Дорогая Зоя Денисовна, я наносу вам большой ущерб тем, что задерживаю уплату? (Пауза.) Вопрос мой, впрочем, нелеп, простите меня. Я сама это прекрасно понимаю. Но дело в том, что финансовые мои обстоятельства в последнее время очень неважны. Я крайне стеснена. Как никогда еще. И мне очень совестно, Зоя Денисовна. (Пауза.) Вы меня убиваете вашим молчанием, Зоя Денисовна.

Зоя. Что же я могу сказать, Алла Вадимовна? Это очень печально.

Алла. Тогда... вы простите меня, Зоя Денисовна... Вы, конечно, правы. Я попрошу у вас дня два или три и употреблю все усилия, чтобы достать эту сумму. Мне очень совестно, поверьте. (Пауза.) До свидания, Зоя Денисовна.

Зоя. До свидания, Алла Вадимовна.

Алла идет к двери.

Алла Вадимовна, минуточку. Вы же хотели посмотреть модели.

Алла. Зоя Денисовна, вы шутите. Но это, я бы сказала, суровая шутка. Мне нечем уплатить за то, что я сшила, я не знаю, как быть, а вы...

Зоя. Ах, Алла Вадимовна, ну что же сделаешь? Я ведь сама в очень неважном положении. Ну что ж, не плакать же? Нельзя же все время говорить о деньгах. Мне приятно показать вам, ведь эти нэпманши хуже кухарок. А вы одна из очень немногих женщин в Москве с огромным вкусом. Гляньте, ведь это прелесть.

Открывает зеркальный шкаф, в нем ослепительная гамма туалетов.

Смотрите, вечернее...

Алла. Изумительно. Пакэн?

Зоя. Пакэн.

Алла. Я узнала сразу. О, великий художник!

Зоя. Но это не на всякие плечи. На ваши это годилось бы. А вот сиреневое. Обратите внимание на отделку пояса. Просто, не правда ли?

Алла. Гениальная простота. Сколько оно стоит?

Зоя. Тридцать два червонца. (Пауза.) Так плохи дела, детка?

Алла. Зоя Денисовна, это уже переходит границы шутки.

Зоя. О нет, Аллочка, так нельзя, милая! Я к вам добром, а вы мне отвечаете холодом. Это не годится. И дело не в пятистах рублях. Мало ли кто кому должен. Дело в тоне. Вот если бы вы пришли ко мне, сказали бы просто и дружелюбно: Зоя, дела мои паршивы, мы бы вместе подумали, как выпутаться из них... Но вы вошли ко мне как статуя свободы. Я, мол, светская дама, а ты Зоя-коммерсантка, портниха. Ну, а если так, я плачу вам тем же.

Алла. Зоя Денисовна. Дорогая. Это вам показалось, честное слово. Просто я настолько была подавлена, что не знала, как вам смотреть в глаза. Мой долг меня мучает.

Зоя. Ладно, садитесь. Довольно о долге. Поговорим по-иному. Итак, денег нет. Отвечайте просто и откровенно, как другу: сколько надо?

Алла. Много надо. Даже под ложечкой холодно, так много.

Зоя. Ну сколько?

Алла. Сто пятьдесят червонцев.

Зоя. Зачем?

Алла. Я хочу уехать за границу.

Зоя. Понятно. Значит, здесь ни черта не выходит?

Алла. Ни черта.

Зоя. Ну, а он, ваш этот... Я не хочу знать, кто он, имя его мне не нужно, одним словом — он. Разве у него нет денег, чтобы прилично вас устроить здесь?

Алла. С тех пор, как умер мой муж, у меня никого нет, Зоя Денисовна.

Зоя. Ой!

Алла. Правда.

Зоя. Ой? Странно! Чем же вы жили до сих пор?

Алла. Продавала свои бриллианты. Но их больше нет.

Зоя. Ну ладно, верю. Итак: сто пятьдесят червей достать можно.

Алла. Зоя Денисовна.

Зоя. Не волнуйтесь, товарищ. Слушайте, вам в визе отказали три месяца назад?

Алла. Отказали.

Зоя. Ну вот, а я берусь вам устроить это. И к Рождеству вы уедете, я вам за это ручаюсь.

Алла. Зоя. Если вы это сделаете, вы обяжете меня на всю жизнь. И клянусь, за границей я верну вам всю сумму до копейки.

Зоя. Ах, не нужны мне ваши деньги. Я вам дам возможность их заработать, и очень легко.

Алла. Милая Зочка, мне кажется, что в Москве у меня нет возможности заработать не только сто пятьдесят червонцев, но даже сто пятьдесят копеек, то есть, я подразумеваю, сколько-нибудь приличным трудом.

Зоя. Ошибаетесь. Мастерская — приличный труд. Поступите у меня манекенщицей.

Алла. Зочка. Но ведь за это же платят гроши!

Зоя. Понятие о грошах растяжимо. Ну, вот что: ни слова никому никогда о том, что я вам предложу, даже если вы откажетесь, что, кстати говоря, будет крайне глупо. Ни слова?

Алла. Ни слова.

Зоя. Честное слово?

Алла. Честное слово.

Зоя. Я вам буду платить шестьдесят червонцев в месяц, кроме того, аннулирую долг в пятьсот рублей, кроме того, достану визу. Ну? *(Пауза.)* Заняты только вечером, и то не каждый день. *(Пауза.)* Ну?

Алла *(потясь)*. Вечером. Вечером? Зоя, это штука! Это штука!

Зоя. До Рождества только четыре месяца. К Рождеству вы свободны как птица, в кармане у вас виза и не сто пятьдесят червонцев, а втрое, вчетверо больше, я не буду контролировать вас и никто... никогда. Слышите, никто не узнает, как Алла работала манекенщицей... Весной вы увидите Большие бульвары. На небе над Пари-

жем весною сиреневый отсвет, точь-в-точь такой. (*Выбирает из шкафа сиреневую матерью.*)

Голос под рояль поет глухо: «Покинем, покинем край, где мы так страдаем...»

Знаю. Знаю... В Париже любимый человек.

Алла. Да.

Зоя. Весною под руку с ним по Елисейским полям. И он никогда не будет знать, никогда.

Алла (*в ошеломлении*). Вот так мастерская! Поняла. Вечером. Знаете, Зойка, кто вы? Вы черт! И никому и никогда?

Зоя. Клянусь!

Алла. Это фокус.

Зоя. Ну? (*Пауза.*) Как в воду, сразу, вниз головой... алле...

Алла. Зойка, никому, и я через три дня приду.

Зоя. Ап! (*Раскрывает шкаф.*) Выбирайте. Мой подарок. Любое!

Алла. Сиреневое!

Сцена гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Вечер.

Аметистов (*хохочет*). Видали, что значит Александр Аметистов? Я же говорил!

Зоя. Ты не глуп, Александр Аметистов.

Аметистов. Не глуп. Вы слышите, товарищи — не глуп. Что, Зочка, хорошо я работаю?

Зоя. Да, ты исправился и поумнел.

Аметистов. Ну, Зочка, половина твоего богатства сделана моими мозолистыми руками, и визу ты мне выправишь. Ах, Ницца, Ницца, когда же я тебя увижу? Лазурное море, и я на берегу его в белых брюках! Не глуп! Я — гениален!

Зоя. Слушай, гениальный Аметистов, об одном тебя попрошу, не говори ты по-французски. По крайней мере, при Алле не говори. Ведь она на тебя глаза таращит.

Аметистов. Что это значит? Я плохо, может быть, говорю?

Зоя. Ты не плохо говоришь... ты кошмарно говоришь!

Аметистов. Это нахальство, Зоя. Пароль донер¹! Я с десяти лет играю в шмендефер и на тебе. Плохо говорю по-французски!

Зоя. И еще: зачем ты врешь поминутно? Какой ты, ну какой ты, к черту, кирасир? И кому это нужно?

Аметистов. Нету у тебя большего удовольствия, чем какую-нибудь пакость сказать человеку. Вот характер! Будь моя власть, я бы тебя за один характер отправил бы в Нарым.

Зоя. Но так как власть не твоя, так готовься скорее. Не забудь, сейчас Гусь будет. Я иду переодеваться. (*Уходит.*)

Аметистов. Гусь? Что ж ты молчишь? (*Впадает в панику.*) Гусь, Гусь, Гусь! Господа, Гусь! (*Лезет вверх по лестнице, снимает портрет Маркса.*) Слезайте, старичок, нечего вам больше смотреть. Ничего интересного больше не будет. И где это Ласточкино гнездо, Небесная империя?! Племянница Манюшка!

Манюшка (*появляясь*). Вот она я.

Аметистов. Мне интересно, чего ты там сидишь? Я, что ль, один все буду двигать?

Манюшка. Я посуду мыла.

Аметистов. Успеешь с посудой. Помогай!

Квартира под руками Аметистова и Манюшки волшебным образом преображается. Звонок три раза.

Мазстро. Открывай.

Манюшка. Здравствуйте, Павел Федорович.

Обольянинов (*во фраке*). Здравствуй, Манюша. Здравствуйте.

Аметистов. Мазстро, мое почтение.

Обольянинов. Простите, я давно хотел попросить вас: называйте меня по имени и отчеству.

Аметистов. Чего ж вы обиделись? Вот чудак человек! Между людьми одного круга... Да и что плохого в слове «мазстро»?

¹ Parole d'honneur! — Слово чести! (*Франц.*)

Обольянинов. Просто это непривычное обращение режет мне ухо, вроде слова «товарищ».

Аметистов. Пардон-пардон. Это большая разница. Кстати о разнице: нет ли у вас папиросочки?

Обольянинов. Конечно, прошу вас.

Аметистов. Мерси боку¹.

Обольянинов. Зоя, к вам можно?

Зоя (*за сценой*). Нет, Павлик, погодите, я еще не одета. Как вы себя чувствуете?

Обольянинов. Сносно, мерси.

Аметистов (*Манюшке*). Давай нимфу.

Манюшка. Сейчас. (*Выдвигает из-за занавеса картину обнаженной женщины.*) Ги...

Аметистов. Вот это я понимаю! Хорошая картиночка. Граф, что вы скажете про этот сюжетик? Манюшка. Не чета тебе?

Манюшка. Бесстыдник. А может, я лучше. (*Скрывается.*)

Аметистов. Вуаля!² Ведь это рай. А? Граф, да вы гляньте, развеселитесь, что вы сидите, как квашня!

Обольянинов. Что это такое — квашня?

Аметистов. Ну, с вами не разговоришься! Как квартиру находите? А?

Обольянинов. Очень уютно. Отдаленно напоминает мою прежнюю квартиру.

Аметистов. Хороша была?

Обольянинов. Очень хороша, только у меня ее отобрали.

Аметистов. Да неужели?

Обольянинов. Какие-то с рыжими бородами выкинули меня...

Аметистов. Это печальная история

Зоя. Павлик! Здравствуйте! Вы сегодня бледный. Нука, идите к свету, я погляжу на вас... Тени под глазами...

Обольянинов. Нет, это пустяки. Просто я сегодня слишком долго спал.

Зоя. Ну, идемте ко мне, посидим до гостей. (*Скрывается с Обольяниновым.*)

Условный звонок — три долгих, два коротких.

¹ Merci beaucoup. — Благодарю. (*Франц.*)

² Voilà! — Смотрите-ка! (*Франц.*)

Аметистов. Вот он, черт его возьми... Где ты про-
падал?

Херувим *(с узлом)*. Я мал-мала юпки гладил.

Аметистов. Ну тебя к Богу с твоими юбками. Ко-
каину принес?

Херувим. Да.

Аметистов. Давай, давай! Слушай, ты, Сам-Пью-
Чай, смотри мне в глаза.

Херувим. Смотрю тебе галаза.

Аметистов. Отвечай по совести: аспирину подсы-
пал?

Херувим. Низт... Низт...

Аметистов. Ох, знаю я тебя. Бандит ты! Ну, если
только подсыпал, Бог тебя накажет! *(Нюхает.)*

Херувим. Мал-мала наказит.

Аметистов. Да не мал-мала, а он тебя на месте
пришибет. Стукнет по затылку, и нет китайца! Не сыпь
аспирин в кокаин. Нет, хороший кокаин. Чувствую.
Мысли яснее. При такой чертовой гонке порядочному че-
ловеку невозможно без кокаина. Ну, уважаемый сын
Поднебесной империи, переодевайся.

Херувим. Счас. *(Надевает китайскую кофту и ша-
почку.)*

Аметистов. Совершенно другой разговор. И како-
го черта вы, китайцы, себе косы бреете. С косой тебе со-
вершенно другая цена была бы!

Звонок условный.

Ага. Мымра. Эта аккуратнее всех.

Херувим. Мымла присла.

Аметистов. Цыть ты! Какая она тебе Мымра?

Мымра. Здравствуйте, Александр Тарасович. Здрав-
ствуй, Херувимчик! Сегодня как-то особенно нарядно.
Ах, какая прелесть! Хризантемы. Это мой любимый цве-
ток. Обожаю. *(Поет.)* И на могилу обещаю ты приносить
мне хризантемы...

Аметистов. Шли бы вы одеваться, Наталия Нико-
лаевна, а то поздно. Сегодня большой день: новые моде-
ли будем демонстрировать.

Мымра. Прислали? Ах, какая прелесть! *(Убегает.)*

Херувим зажег китайский фонарь в нише, дымит курением.

Аметистов. Не очень налегай.

Херувим. Я не буду налегай. (*Хлопочет, исчезает.*)

Звонок.

Лизанька. Почтение администратору этого монастыря.

Аметистов. Бон суар¹, Лизанька. Летите, переоденьтесь, сейчас будет важное лицо.

Лизанька. Ну? Мне?

Аметистов. Это уж от него зависит.

Лизанька. А то я в последнее время почему-то в загоне. (*Исчезает.*)

Звонок.

Аметистов (*летит к зеркалу, охоракивается*).
Здравствуйте, мадам Иванова...

Иванова. Дайте мне папироску.

Аметистов. Манюшка. Папиросы!

Пауза.

Холодно на дворе?

Иванова. Да.

Аметистов. У нас сюрприз: модели пришли из Парижа.

Иванова. Это хорошо.

Аметистов. Изумительные. Прямо пальчики оближешь.

Иванова. Ага.

Аметистов. Вы в трамвае приехали?

Иванова. Да.

Аметистов. Народу много в трамвае?

Иванова. Да.

Манюшка (*подает папиросы*). Вот.

Аметистов. Вот-с. Прошу.

Иванова. Спасибо. (*Уходит.*)

Аметистов. Вот женщина! Ей-богу. Всю жизнь с такой можно прожить и не соскучишься. Не то что ты — тарактишь, тарактишь.

Манюшка. Я ведь необразованная.

¹ Bonsoir. — Добрый вечер. (*Франц.*)

Аметистов. А-ты образовывайся, деточка. А ты только с китайцами умеешь перемигиваться.

Манюшка. Ничего я не перемигиваюсь...

Властный звонок.

Аметистов. Он! Узнаю звонок коммерческого директора. Великолепно звонит! Открывай, впускай. Потом сейчас же лети переодеваться. Херувим будет подавать.

Херувим *(возбужден)*. Гусь идет. *(Исчезает.)*

Манюшка. Ах, батюшки! Гусь! *(Бежит открывать.)*

Аметистов. Зоя, Гусь! Зоя, Гусь! Принимай. Я исчезаю. *(Исчезает.)*

Зоя *(в роскошном туалете)*. Как я рада, милый Борис Семенович!

Гусь. Здравствуйте, Зоя Денисовна, здравствуйте!

Зоя. Садитесь сюда, здесь уютнее. Ай, яй, яй, какой же вы нехороший!

Гусь. Вы мне говорите, что я нехороший? Это замечательно. Вся Москва мне твердит на всех перекрестках, что я именно хороший, и только вы одна находите, что это наоборот.

Зоя. Ах, Борис Семенович. Москва лстива. Она преклоняется перед людьми, занимающими такое громадное положение, как ваше, а я бедная портниха, мне все равно. Ай, яй! Сосед, близкий знакомый, а хоть бы раз зашел.

Гусь. Поверьте мне, я с удовольствием, но у меня...

Зоя. Я шучу... Я знаю, что у вас дела по горло.

Гусь. Не по горло, а вот сколько. Утром заседание, в полдень заседание, днем — заседание. вечером заседание, а ночью...

Зоя. Тоже заседание.

Гусь. Нет, бессонница.

Зоя. Бедненький, вы переутомитесь.

Гусь. Уже.

Зоя. Ну, вот видите. Вам нужно развлекаться!

Гусь. О том, чтобы я развлекался, не может быть и речи... *(Увидел картину.)* Ай, замечательный художник. Замечательный художник... прямо замечательный.

Зоя. Французская школа.

Гусь. Замечательная школа. Вот это школа! Скажите, вы не хотите продать эту картину?

Зоя. А вы хотели бы ее купить?

Гусь. Да, я ничего бы не имел против. Я люблю картины. У меня теперь большая квартира, а стены, извините за выражение, голые.

Зоя. Так вы бы хотели на голую стену повесить голую женщину? Я и не знала, что вы такой.

Гусь. Вы пикантная женщина.

Зоя. Ах, какая там пикантная. Старость, старость, дорогой Борис Семенович. Картину я не собираюсь продавать, но когда я буду уезжать за границу, я вам ее подарю.

Гусь. С какой же стати?

Зоя. Вы обидите меня отказом. Ни слова. Вы так много сделали для меня. Мастерская обязана вам своим существованием.

Гусь. Ах, это пустяки. Кстати, о мастерской. Я ведь к вам отчасти по делу. Только это между нами. Мне нужен парижский туалет. Знаете, какой-нибудь крик моды, червонцев на двадцать или двадцать пять.

Зоя. Понимаю. Подарок?

Гусь. Между нами.

Зоя. Ах, плутишка! Влюблен! Ну, сознавайтесь. Влюблен?

Гусь. Между нами.

Зоя. Не бойтесь. Не скажу супруге. Ах мужчины, ах мужчины!

Гусь. Замечательный художник.

Зоя. Хорошо, сейчас мы все это устроим. Только уговор: это тоже между нами. Мой администратор покажет вам модели, и вы выберете все, что вам нужно. А потом будем ужинать. Сегодня вы мой, я вас не выпущу.

Гусь. Мерси. У вас есть администратор? Это замечательно. Посмотрим, посмотрим, какой у вас такой администратор.

Зоя. Сейчас вы его увидите. *(Скрывается.)*

Аметистов *(во фраке, внезапно)*. Кан он парль дю солей, он вуо ле рейон. Что в переводе на русский язык означает: когда говорят о солнце, видят его лучи.

Гусь. Это вы мне про лучи?

Аметистов. Вам, глубокоуважаемый Борис Семенович. Позвольте представиться — Аметистов.

Гусь. Гусь.

Аметистов. Желаете иметь туалетик? Доброе дело задумали, доброе дело задумали, многоуважаемый Борис Семенович. Могу вас уверить, что такого выбора вы нигде в Москве не встретите. Херувим!

Херувим появляется.

Гусь. Позвольте. Это же китаец!

Аметистов. Точно так. Китаец, с вашего позволения. Не обращайтесь на него внимания, почтеннейший Борис Семенович. Обыкновенный сын Поднебесной империи и отличается только одним качеством — примерной честностью.

Гусь. А зачем китаец?

Аметистов. Преданный, старый мой лакей, драгоценнейший Борис Семенович. Вывез я его из Шанхая, где долго странствовал, собирая материалы.

Гусь. Это замечательно. Для чего материалы?

Аметистов. Для большого этнографического труда. Впрочем, я вам как-нибудь после расскажу о своих скитаниях, глубочайше уважаемый мною Борис Семенович. Вы прямо будете рыдать. Херувим! Дай нам чего-нибудь прохладительного.

Херувим. Сицас. *(Исчезает и тотчас появляется с шампанским.)*

Аметистов. Прошу.

Гусь. Это шампанское? Замечательно вы поставили дело, гражданин администратор.

Аметистов. Же панс¹! Поработав у Пакэна в Париже, можно приобрести навык.

Гусь. Вы работали в Париже?

Аметистов. Пять лет, любезнейший Борис Семенович. Херувим, можешь идти.

Херувим исчезает.

Гусь. Вы знаете, если б я верил в загробную жизнь, я бы сказал, что он действительно вылитый херувим.

Аметистов. Глядя на него, невольно уверуешь. Ваше здоровье, глубоко и искренне уважаемый мною Борис Семенович! А также здоровье вашего почтенного

¹ Je pense! — Я думаю! *(Фрипц.)*

треста тугоплавких металлов! Ура, ура и ура! Нет, нет, до дна, не обижайте фирмы.

Гусь. У вас замечательно поставлено дело.

Аметистов. Будьте спокойны. Итак, она блондинка, шатенка?

Гусь. Кто?

Аметистов. Пардон-пардон. Та уважаемая особа женского пола, для которой предназначается туалет.

Гусь. Между нами — она светлая брюнетка.

Аметистов. У вас есть вкус. Прошу вас еще бокальчик, а также попрошу привстать.

Гусь. Так?

Аметистов. Мерси, благодарю вас. К этой визитке светлая брюнетка прямо сама просится. Гигантский вкус у вас, Борис Семенович! Иначе, впрочем, и быть не может.

Гусь. Позвольте, а если я сниму визитку?

Аметистов. Если вы снимете вашу уважаемую визитку, мы к ней подберем такой пандан из области брюнеток, что вы будете поражены.

Гусь. Я уже поражен вашей постановкой.

Аметистов. Херувим!

Херувим появился.

Попроси маэстро, а также мадемуазель Лиз.

Херувим. Сицас. *(Исчезает.)*

Обольянинов выходит.

Аметистов. Конт¹ Обольянинов. Располагайтесь поудобнее, милейший Борис Семенович. Миндалю? *(Затемняет сцену. Хлопнув в ладоши.)* Ателье!

Обольянинов у рояля. Играет печальное. Открывается освещенная эстрада, и на ней появляется Лизанька в зеленом туалете.

Изображает замерзающую девушку. Херувим сыплет на нее снег.

(Монотонно.) Что вы плачете так, одинокая, бедная девочка.

(Пауза.) Кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы.

¹ Comte. — Граф. *(Франц.)*

Лизанька умирает возле уличной урны.

Ваш сиреневый трупик закроет саваном мгла.

Лизанька оживает, танцует бурно.

Анфан террибль¹. Мерси, мадмазель.

Лизанька. Вытряхиваться?

Аметистов. Вытряхайтесь, Лизанька.

Лизанька исчезает. Обольянинов прекращает музыку. Занавеску
закрывает Аметистов.

Что вы скажете, драгоценнейший Борис Семенович?

Гусь. Да-а...

Аметистов. Бокальчик?

Гусь. Мерси. Нет, вы прямо обаятельная личность.

Аметистов. Знаете, Борис Семенович. Пообтесался
в свое время. Потерялся при дворе.

Гусь. Вы были при дворе?

Аметистов. Точно так. Я, знаете ли, если расска-
жу вам некоторые тайны своего деторождения, вы прямо
изойдете слезами.

Гусь. Это замечательно. Э... у вас есть, может быть,
что-нибудь более...

Аметистов. Закрытое...

Гусь. Открытое...

Аметистов. Узнаю ваш вкус, почтеннейший Борис
Семенович. И поверьте фирме. *(Берет скрипку.)* Ателье!

Мы м р а на эстраде в роскошном и открытом туалете кормит
искусственных голубей. Аметистов играет на скрипке ноктюрн Шопена
под аккомпанемент Обольянинова.

Не выгибайтесь так, Наталья Николаевна. Вечер еще
впереди.

Мы м р а. Не смейте мне делать замечания!

Аметистов *(играя)*. Больше жизни, мадмуазель На-
тали!

Музыка прекращается.

Фить!

Мы м р а *(исчезая)*. Невежа!

¹ *Enfant terrible*. — Ужасное дитя. *(Франц.)*

Аметистов (*ей вслед*). Ву зет тре земабль¹. Как вы находите, очаровательнейший Борис Семенович?

Манюшка появляется на эстраде в русском костюме.

Мадемуазель Мари, стиль русс! Маэстро!

Обольянинов играет «Светит месяц». Манюшка танцует. Аметистов играет на балалайке.

Херувим (*интимно*). Мануска! Когда танцуиси, мене самалатли, гости не самалатли.

Манюшка (*интимно*). Уйди, черт ревнивый!

Обольянинов. Я играю, горничная на эстраде танцует... Бывшие куры... Что происходит в Москве?

Аметистов. Цсс. Манюшка, скатывайся с эстрады, накрывай ужин в два счета. (*Гусю.*) Э бьен?²

Гусь (*восторженно*). Ателье!

Аметистов. Совершенно верно, обаятельнейший Борис Семенович!

Иванова появляется на эстраде в роскошном и рискованном платье. Обольянинов играет страстный вальс.

Что скажете, Борис Семенович? Моя постановочка. (*Вбегает на эстраду, танцует с Ивановой. В паузе показывает.*) Декольте сюр ле бра³. (*Танцует. В паузе.*) Декольте... (*Ищет складку.*) ...сюр ле до⁴. (*Танцует.*) В сущности, я очень несчастлив, мадам Иванова. Моя мечта уехать с любимой женщиной в Ниццу, туда, где цветут рододендроны...

Иванова (*танцует*). Болтун.

Аметистов (*заканчивая танец, бросает Иванову к ногам Гуся*). Я — палач!

Музыка обрывается.

Херувим (*выбегает из-за занавески, аплодирует*). Постановсика! Постановсика! Аметистова!

Аметистов (*скромно*). Ну что ты. Что ты.

¹ Vous êtes très aimable. — Вы очень любезны. (*Франц.*)

² Eh bien? — Ну как? (*Франц.*)

³ Décolleté sur les bras. — Дескольтированные плечи. (*Франц.*)

⁴ Décolleté sur le dos. — Открытая спина. (*Франц.*)

Что вы скажете, чудеснейший Борис Семенович, по поводу разрезов на этом платье?

Гусь. Где вы их видите, гражданин администратор?

Аметистов. Мадам, продемонстрируйте мосье разрезы. Пардон-пардон. *(Исчезает)*

Иванова. Вам угодно видеть разрезы, мосье?

Гусь. Очень вам признателен, до глубины души...

Иванова *(внезапно садится к Гусю на колени)*. Ах, что вы делаете! Дерзкий. Не смейте держать меня!

Гусь. Кто вам сказал, что я вас держу?!

Иванова. Дерзкий! В вас есть что-то африканское!

Гусь. Вы мне льстите. Я никогда даже не был в Африке.

Иванова. Ну, может быть, читали про нее. *(Целует Гуся.)* Что вы делаете? Нет, вы безумно дерзкий. Не трогайте меня, сейчас войдут сюда. Вы знаете, мне нравятся такие, как вы. Для вас, наверное, не существует препятствий. *(Целует.)* Я пропала...

Аметистов *(появился внезапно)*. Пардон!

Иванова. Ах! *(Исчезает.)*

Гусь *(исступленно)*. Ателье!!

Аметистов. Пардон. Ан-тракт!

Занавес.

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Осенний вечер в квартире Зои. Цветы в вазах. Аметистов в фраке Аллилуя *(тихо и шепчет)*.

Аметистов. Какая же ехидна это говорила?

Аллилуя. Да что ж, ехидна! Люди болтают. Народ, говорят, ходит в квартиру.

Аметистов. Уважаемый лорд-мэр, как же им не ходить, ежели у нас мастерская?!

Аллилуя. Фокстроты по ночам. В мое положение тоже нужно входить.

Аметистов. Фокстроты! Вы слышите, товарищи, фокстроты? Призываю вас в свидетели, вы видели когда-

нибудь фокстрот в этой квартире? Удивляюсь! Люди не умеют отличить сонаты Бетховена от фокстрота, а туда же лезут с рассуждениями.

Аллилуя. Сонаты или не сонаты, но ведь и в мое положение тоже нужно входить.

Аметистов. Кстати о положении. Зоя Денисовна, кажется, вам осталась должна за электричество два червонца?

Аллилуя. Три.

Аметистов. Два с половиной.

Аллилуя. Нет, три.

Аметистов. Ну, три так три. Прошу.

Аллилуя. Квитанцию я вам завтра пришлю.

Аметистов. К черту этот бюрократизм и волокиту. Не беспокойтесь. *(Икает.)* Ик! А, чтоб тебя!

Аллилуя. Что, икается все? Поминает вас кто-то.

Аметистов. Только вот не знаю кто!

Аллилуя. Так уж вы, пожалуйста, Александр Тарасович, потише с фокстротами, а то долго ли до беды. У вас, что ж, сегодня гости опять будут?

Аметистов. Да, легонькие именины.

Аллилуя. Ну, прощенья просим.

Аметистов. Рукопожатия отменяются. Хи-хи. Шучу-с. Ревуар!

Аллилуя уходит.

Видал я взяточников на своем веку, но этот Аллилуя экстраординарное явление в нашей жизни. Ик! А, черт тебя возьми! Селедки я, что ли, переложил за обедом?

Оболянинов входит как тень, скучный, во фраке.

Ик! Пardon.

Звонит телефон.

Херувим, телефон.

Херувим *(по телефону)*. Слушаю. Да, да. Тебе Гусь зовет.

Аметистов *(по телефону)*. Товарищ Гусь? Здравия желаю, Борис Семенович. В добром ли здоровье? В делах, в делах все. Как же, обязательно, сегодня ждем. День, можно сказать, такой выдающийся. Часикам... Ик! Пардон!.. К десяти... Вспоминали вас, вспоминали вас, вспо-

минали. Когда же, говорит, я увижу этот ассирийский профиль?! Хи-хи. Секрет, секрет. Сюрприз есть. Ждем, ждем. Честь имею кланяться. Ик!

Обольянинов. Удивительно вульгарный человек этот Гусь. Вы не находите?

Аметистов. Да, не нахожу. Человек, получающий двести червонцев в месяц, не может быть вульгарным. Ик! Какому черту я понадобился? Уважаю Гуся. Кто пешком по Москве таскается — вы!

Обольянинов. Простите, месье Аметистов. Я хожу, а не таскаюсь.

Аметистов. Да не обижайтесь вы, вот человек! Ну, ходите. Вы ходите, а он в машине ездит. Вы в одной комнате сидите, пардон, пардон, — может быть, выражение «сидите» неприлично в высшем обществе, — так восседаете, а Гусь в семи! Вы в месяц наколотите, пардон, пардон, наиграете на вашем фортепиано десять червяков, а Гусь две сотни. Кто играет — вы, а Гусь танцует!

Обольянинов. Потому что эта власть создала такие условия жизни, при которых порядочному человеку существовать невозможно!

Аметистов. Пардон, пардон. Порядочному человеку при всяких условиях существовать возможно. Я — порядочный, однако же существую. Я, извините за выражение, в Москву без штанов приехал. У вас же, папаша, пришлось брючки позаимствовать. Помните, в клеточку, а теперь я во фраке.

Обольянинов. Простите, но какой я вам папаша?

Аметистов. Да не будьте вы таким недотрогой! Что за пустяки между дворянами? Ик!

Обольянинов. Простите меня. Вы действительно дворянин?

Аметистов. Мне нравится этот вопрос! Да вы сами не видите, что ли?

Обольянинов. Ваша фамилия мне, видите ли, никогда не встречалась.

Аметистов. Мало ли что не встречалась! Известная пензенская фамилия. Эх, синьор, да если бы вы знали, что я вынес от большевиков, у вас бы волосы стали дыбом. Имение разграбили, дом сожгли.

Обольянинов. У вас в каком уезде было имение?

Аметистов. У меня-то? Вы говорите, у меня, которое...

Обольянинов. Ну да, которое сожгли.

Аметистов. Ах это... В этом... Не хочу даже вспоминать, потому что мне тяжело. Белые колонны, как сейчас помню... Эн, де, труа¹, фир, фюнф, зехс...² Семь колонн, одна красивее другой. Эх! Да что говорить! А племенной скот, а кирпичный завод!

Обольянинов. У моей тетки был превосходный конский, у Варвары Николаевны Бяратниковой.

Аметистов. Что Бяратникова, тетка. У меня лично был, да какой! Да что вы так приуныли? Приободритесь, отец!

Обольянинов. Многое вспомнилось. У меня была лошадь Фараон. Я вам очень сочувствую.

Аметистов. Да как же не сочувствовать. Злодей, и тот посочувствует.

Обольянинов. У меня тоска.

Аметистов. Вообразите, у меня тоже. Почему, неизвестно! Предчувствия какие-то. От тоски карты помогают хорошо.

Обольянинов. Я не люблю карт, я люблю лошадей. Фараон. В тринадцатом году в Петербурге он взял гран-при. Напоминают мне они...

Голос глухо поет: «Напоминают мне они...»

Камзол красный, рукава желтые, черная перевязь — Фараон.

Аметистов. Я любил заложить фараон. Пойдет партнер углами гнуть, вы, батюшка, холодным потом обольетесь, но уж как срежете ему карточку на полном ходу, и ляжет она как подкошенная! Хлоп, как серпом! Аллилуйя, что ли, меня расстроил... Эх, убраться бы из Москвы поскорей!

Обольянинов. Да, поскорей. Я не могу здесь больше жить.

Аметистов. Эх! Бросьте раскисать, братишка! Три месяца еще, и мы уедем в Ниццу. Вы бывали в Ницце, граф?

Обольянинов. Бывал много раз.

¹ Un, deux, trois. — Один, два, три. (Франц.)

² Vier, fünf, sechs... — Четыре, пять, шесть... (Нем.)

Аметистов. Я тоже, конечно, бывал, но только в глубоком детстве. Моя покойная матушка, помещица, возила меня. Две гувернантки с нами ездили, нянька. Я, знаете ли, с кудрями. Интересно, бывают ли шулера в Монте-Карло? Наверное, бывают.

Обольянинов. Я не знаю. *(В тоске.)* Ах, я не знаю.

Аметистов. Схватило. Вот черт! Экзотическое растение. Граф, коллега! Знаете что, времени у нас вагон, до прихода гостей прошвырнемся в «Баварию». Пиво при тоске прямо врачами прописано.

Обольянинов. О, мой Бог! Вы меня совершенно ошеломяете вашими словами. В пивных грязь и гадость.

Аметистов. Вы, стало быть, не видели раков, которых вчера привезли в «Баварию». Хорошенькая «гадость»! Каждый рак величиной... ну, с чем бы вам сравнить, чтоб не соврать... с гитару... Ползем, папая!

Обольянинов. Хорошо, идем.

Аметистов. Вот это правильно. Херувим!

Херувим. Сто?

Аметистов. Если Зоя Денисовна вернется раньше нас, скажи, чтобы не беспокоилась. Скоро придем. Понял?

Херувим. Мало-мало понял.

Аметистов. По глазам вижу, что ничего не понял. Одним словом, через двадцать минут придем. Первое — шампанское поставить в ледник и водку тоже, а красное наоборот, в теплое место в кухню. Второе... Одним словом, дорогой мажордом желтой расы, поручаю тебе квартиру и ответственность возлагаю на тебя. Граф! Алле-ву-зан¹. Во — раки!.. *(Выходит с Обольяниновым.)*

Херувим. Мануска... Усли!

Манюшка *(выбегает, целует Херувима)*. Чем ты мне понравился, в толк не возьму. Желтый ты, как апельсин, но вот понравился! Вы, китайцы, лютеране?

Херувим. Лютеране, белье мало-мало стираем. Стой, Мануска. Я тебе сейчас важный дела говорить буду. Ми скоро уехать будем, будем, Мануска! Я тебе беру Санхай.

Манюшка. В Шанхай? Не поеду я.

¹ Allez-vous-en. — Пошли вон. *(Франц.)*

Херувим . Поедиси.

Манюшка . Да не поеду я.

Херувим . Поедиси. Казу — едиси.

Манюшка . Фу ты какой. Ишь, что ты командуешь? Что я тебе, жена, что ли?

Херувим . Я тебе зеню, Мануска, Санхай. Красиви Санхай.

Манюшка . Меня нужно спросить, пойду я за тебя или нет. Что я тебе, контракт подписывала, что ли? Ишь, косой.

Херувим . А! Ты Газолини зенить хочеси?

Манюшка . А хотя бы и Газолина. Я девушка свободная. Ты если ухаживаешь, ухаживай вежливо, чтобы я согласилась. Ишь, буркалы шанхайские выпятил. Крикун, я тебя не боюсь!

Херувим . Газолини?

Манюшка . Нечего, нечего...

Херувим (*становится страшен.*) Газолини?!

Манюшка . Что ты, что ты...

Херувим . Ап! (*Берет Манюшку за глотку.*) Я тебе сейчас резать буду.

Манюшка задыхается

Ты кази, Газолини цировала?

Манюшка . У... у... пусти глотку, ангелок.

Херувим (*выхватил нож*). Газолини цировала?

Манюшка . Судьбинушка моя горькая. Помяни, Господи, рабу Марию во царствии твоём.

Херувим . Цировала?!

Манюшка . Херувимчик, хрустальный... Один разок. Не режь сиротку, пожалей ты мою юную жизнь.

Херувим (*спрятал нож*). Зенить будешь на Газолини?

Манюшка . Нет, нет, нет.

Херувим . Кем будешь зити, мало-мало?

Манюшка . Зарекусь, ни с кем не буду.

Херувим . Со мною зить будеси?

Манюшка . Нет, нет... буду, буду. Что ж это такое, товарищи, он делает?

Херувим . Я тебе предлозение делал.

Манюшка . Вот так предложение. Ай, предложение шанхайское! Ай, женишок с ножичком!

Херувим. Я тебе люблен. Осень люблен. Мы с тобой дело имеют Санхай. Опиум торговать будем. Весело. Ты будешь родить ребенки китайски, мало-мало, много ребенки, сесть, восемь, десять.

Манюшка. Десять, да я удавлюсь.

Херувим. Ниет, ниет. Тут каздый скучный Москве, давится, в Санхае китайский зивет веселый.

Манюшка. Ты меня бить будешь.

Херувим. Ниет, ниет. Никто бить. Я тебе, если цловать чужой китайцы будешь, горло только буду резать.

Манюшка. Спасибо.

Херувим. Пожалуйста. Ты силюсай теперь. Мы скоро ехать будем. Я думал денг доставать, много сирвонси.

Манюшка. Где?

Херувим. Молци.

Манюшка. Ой, Херувимка, что-то ты затеваешь?

Херувим. Затеваисси...

Звонок.

Манюшка. Катись на кухню.

Херувим исчезает. Манюшка открывает дверь.

Ой, Господи Боже мой!

Газолин. Здрасьте, Мануска.

Манюшка. Ой, уйди, Газолин!

Газолин. Нет, я зачем уйди? Я не уйди. Ты одна, Мануска? Я к тебе пришел предложение делать.

Манюшка. Что, предложение?

Газолин. Воскресенье. Прачесный закрыт.

Манюшка. Газолинушка, куда ты лезешь? Уйди, уйди.

Газолин. Нет, зацем уйди? А, Мануска. Ты мне сто говорила, а? Говорила любиен. Обманула Газолини.

Манюшка. Что врешь, ничего я тебе не говорила. Уходи, сейчас же уходи. Что ты нахальничаешь. Вот я кликну Зою Денисовну.

Газолин. Ты вресь. Никого дома нет. Ты, Мануска, много вресь. Каждый день мал-мало вресь, а я тебе люблен.

Манюшка. Ты с ножом? Ты говори, если с ножом, я прямо буду караул кричать.

Газолин. Я с ножом. Предложение делать.

Херувим *(внезапно)*. Кто предложение?

Газолин. А-а-а... Вот он, помосники, а помосники. Ах ты, сукин сын!

Херувим. Ты иди с квартиры, иди! Это моя квартира, Зойкина, моя.

Манюшка. Ой, что это будет!

Газолин. Твоя? Бандиты! Захватил квалтилу Зойкину. Я тебя подобраль, ты как собака был, а ты... Не месай. Я предложение буду делать Мануське!

Херувим. Я узе делал. Она моя зена. Со мною зивет.

Газолин. Врешь, со мною зивет.

Манюшка. Врет, врет, врет! Херувимчик, голубчик бриллиантовый, раз поцеловались.

Херувим. Врес! Уходи из моей квартиры.

Газолин. Ты уходи! Я милиции все расскажу, какой ты китайский тип!

Херувим. Милиции рассказы?

Манюшка. Зайчики, миленькие! Только не режьтесь, дьяволы!

Херувим и Газолин шипят.

Херувим *(бросается на Газолина с ножом)*. Ап.

Манюшка. Караул, караул, караул!

Газолин. Караул! *(Бросается в зеркальный шкаф.)*

Херувим бросается в шкаф с ножом. Вдруг звонок.

Манюшка. Слава тебе, Господи! Брось ножик, черт окаянный! На каторгу тебя заберут! Позвонили, дурак! Беги в кухню!

Херувим *(закрывая шкаф на ключ)*. Я его потом дорежу! *(Прячет ключ в карман и исчезает.)*

Манюшка. Ох ты, Господи, Господи! *(Бежит в переднюю.)* Вам кого, товарищ?

Входят Пеструхин, Толстяк и Ванечка.

Толстяк. Это не у вас, товарищ, караул кричали?

Манюшка. Что вы, что вы, какой караул. Это я пела.

Толстяк. Хороший голос у вас, товарищ.

Манюшка. А вам кого, товарищ?

Пеструхин. Мы, товарищ, комиссия из Наркомпроса. Покажите-ка нам мастерскую.

Манюшка. Заведующей сейчас нету, сегодня воскресенье, занятые нет.

Толстяк. А вы кто ж такая сами будете?

Манюшка. Я ученица-модельщица.

Пеструхин. Ну, вот вы и покажите, а то нам времени нету.

Манюшка. Ну, тогда пожалуйста.

Толстяк. Здесь что же помещается?

Манюшка. А это примерочная.

Толстяк. Хорошая комнатка. Вы что же, только на дам шьете?

Манюшка. Зачем только на дам, и на женщин шьем, прозодежду для пролетариата.

Пеструхин. Покажите-ка нам прозодежду.

Манюшка. Пожалте.

Отдергивает занавеску, среди юбок сидит Херувим.

Толстяк. Вот так прозодежда! Китаец.

Манюшка. Это из прачечной к нам ходит, юбки гладит.

Пеструхин. А, юбки.

Толстяк. Ты что же, ходя, сдельные получаешь?

Херувим. Сидельни.

Толстяк. Ну, гладь, гладь, мы тебе не будем мешать. *(Задерживает занавеску.)*

Пеструхин. Тэке, брекекекс. Здесь кто живет при самой мастерской?

Манюшка. Пельц, заведующая, а потом администратор Александр Тарасович Аметистов.

Толстяк. Красивая фамилия. А еще кто?

Манюшка. А еще я.

Пеструхин. Вы сами кто будете, товарищ, по происхождению?

Манюшка. Мой папаша крестьяне были.

Толстяк. А теперь они кто?

Манюшка. Померли.

Толстяк. Какая жалость, а мамаша?

Манюшка. Они чернорабочие.

Толстяк. Где работают?

Манюшка. Они в Тамбове на базаре ларек имеют.

Толстяк. Молодец ваша мамаша. Ну, товарищ дорогой, покажите-ка нам остальное помещение.

Манюшка. Пожалуйста. Вот малая примерочная. *(Уходит с Толстяком.)*

Ванечка *(шепотом)*. Товарищ Пеструхин, так невозможно. Ну, хорошо, на горничную напали, на дуру, а будь Аметистов здесь, ведь это безобразие. Я ему говорю: давай, говорю, наркомпросовскую бородку с клинышком, чтоб под Главполитпросвет была сделана, а он сует спецовскую экономическую жизнь. *(Снимает бородку.)* Натереть ему морду этой бородой. Халтурщик. Гнать таких надо парикмахеров.

Пеструхин. Не гудите, Ванечка. Приступайте.

Ванечка надевает бороду, оживает, как ртуть, вынимает отмычку, осматривает столы, отдергивает занавески, обнаруживает картину обнаженной женщины.

Го-го-го, сюжетец.

Ванечка. Абсолютно. Говорил я, товарищ Пеструхин, квартирка.

Пеструхин. Не гудите, Ванечка. Действуйте.

Ванечка открывает шкаф с Газолином.

Газолин *(глухо)*. Караул.

Пеструхин. Что это такое? Куда ни плюнешь — китаец.

Ванечка. Абсолютно.

Пеструхин. Сидишь?

Газолин. Сидю.

Пеструхин. Ты что здесь делаешь?

Газолин. Я мало-мало прятался. Мене сейчас Херувимка-бандити резать будет.

Пеструхин. Как резать?

Газолин. Он тут, бандит Херувимка, Сен-Дзин-По.

Пеструхин. Это который сейчас рядом сидел?

Газолин. Да, да. Меня мало-мало спасите.

Пеструхин. Спасем, спасем, не расстраивайся.

Ванечка. Абсолютно.

Пеструхин *(шепотом)*. А зачем же Херувимка в квартире бывает?

Газолин. Он мерзавец, бандит. Сюда опиум таскает. Здесь опиум в квартире курят. Танцуют все, танцуют в квартире. Он разбойник. Я милицию беги, беги. Вы меня спасите.

Пеструхин. Тэке, тэке, брекекекс. Ну вот что, дорогой мой. Ты, я вижу, малый проворный. Ты сам кто будешь?

Газолин. Я Ган-Дза-Лин, цесный китаец, я горничной предложение делал, он меня цють не зарезал мало-мало.

Ванечка. Где живешь?

Газолин. У меня працесная на Садовой.

Пеструхин. Ну вот что, дружок. Выкатывайся из шкафа, лети к себе домой и там жди. Мы к тебе сейчас будем. Все расскажешь. Только ты, уважаемый, ходу не вздумай дать. Мы тебя на дне моря найдем.

Ванечка. Абсолютно.

Газолин. Я не убегу. Только вы Херувима заберите, он бандит, он узе одного человека резал, его милиций ишет.

Пеструхин. Будь благонадежен. Ну, прыгай домой.

Газолин исчезает. Ванечка закрывает за ним входную дверь.

Ну дела. *(Закрывает шкаф на ключ.)*

Толстяк *(входя с Манюшкой)*. Прекрасно. И светло, и ясно. Отлично устроено помещение, товарищ Пеструхин.

Пеструхин. Да, это верно. А скажите, дорогой товарищ, тут в шкафу что у вас?

Манюшка. Тут... тут... тряпки разные. Да у меня ключа нету, ключ-то у заведующей.

Пеструхин. Ну, не беспокойтесь тогда. В другой раз как-нибудь посмотрим. Ну вот что, товарищ модельщица. Передайте заведующей, что была комиссия из Наркомпроса, осмотрела все, нашла мастерскую в образцовом порядке. Мы им бумагу пришлем официальную.

Толстяк. Кланяйтесь.

Ванечка. Абсолютно.

Пеструхин. До свиданья.

Выходят. Манюшка закрывает за ними дверь и возвращается.

Херувим *(вылетает как буря, с ножом)*. Усли! Милиция рассказы. Я тебе расскажу! *(Бросается к шкафу.)*

Манюшка. Дьявол! Караул!

Херувим открывает шкаф, в нем пусто

Что же это такое делается?!

Выпучив глаза, смотрит на Херувима. Херувим на нее. Сцена гаснет.
Тьма.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Ночь. Квартира ярко освещена. Шампанское. Цветы. Во всех комнатах идет пир. При открытии занавеса звенит гитара, звенят бокалы.
Мужчины-гости в смокингах.

Лизанька (*стоя на столе, поет под аккомпанемент Аметистова на гитаре*). Отчего, да почему, да по какому случаю, коммуниста я люблю, а беспартийных мучаю!

Аметистов. Эх, раз, еще раз!

Роббер. } Браво, Лизанька! Эх, раз!
Поэт. }

Аметистов (*кричит хроматической гаммой*).
Делай! Ах-тах-тах-тах-тах.

Бурные взрывы хохота за сценой, звон битого стекла.

Зойка (*появляется в ослепительном туалете*). Господа, кому угодно еще шампанского? Александр Тарасых, не забывайте гостей.

Аметистов. Ни в коем случае я их забыть не могу. Клиент нашей фирмы должен чувствовать себя, как на лоне природы. Херувим!

Распахивается занавес, показывается ниша, превращенная в курильню с китайским бумажным фонарем. Виден курильщик в качалке.

Курильщик (*стонет*). Нирвана...

Зойка исчезает.

Херувим (*появляется из ниши. Он странен, великолепен*). Сто?

Аметистов. Шампанского!

Херувим исчезает.

Лизанька.

Я ли милую мою из могилы вырою,
Вырою, обмою...

Аметистов *(с пафосом)*. И опять зарюю!
Роббер. } Эх, раз, еще раз! Лизанька, браво, браво!
Поэт. } *(Аплодируют.)*

Херувим подает шампанское, исчезает в нишу, задерживает
курильщика. Взрыв хохота за сценой. Слышен глухой вопль
Мертвого тела. Хохот Мымры,
хохот Ивановой.

Зойка *(за сценой)*. Господа, что вы!

Поэт. Лизанька, Лизанька! Нет, у меня нет слов,
чтобы выразить вам мой, мой... Что я хотел сказать...
восторг. Вот книжка моих стихов. Прочтите. Вы поймете,
что у меня вселенская душа.

Аметистов. Браво, браво!

Лизанька *(принимает книжку стихов)*. Мерси.
(Засовывает книжку в чулок.)

Роббер. Лизанька, поцелуйте меня!

Поэт. Нет, меня!

Роббер. Виноват, молодой человек. Виноват.

Поэт. Лизанька, неужели мои стихи не стоят поце-
луя?

Аметистов. Пардон, пардон, кто же в этом сомне-
вается?

Роббер. Лизанька, долой поэта! Молодой человек,
что вы прилипли?

Поэт. Простите, я имею такое же право, как и вы!
(Явно пьян.)

Аметистов. Виноват, миль пардон. Лизанькин по-
целуй такого сорта, что спор неизбежен. Если б я вам
рассказал, какие люди добивались ее поцелуя...

Лизанька *(пьяна)*. И добились.

Аметистов. Пардон, пардон...

За сценой начинается фокстрот под рояль. Слышно, как шаркают
ногами — танцуют.

Пардон, пардон. Я Лизаньку поцеловал однажды и после
этого рыдал два месяца. Ой! Пардон.

Роббер. Лизанька, я жду.

Поэт. А я? Да разве эта черствая душа в пенсне...

Роббер. Молодой человек, полегче.

Аметистов *(вскакивает на стол, зажигает над Ли-
занькой лампу, придает Лизаньке позу)*. Рынок невольниц
в Алжире или Тунисе, по желанию почтенной публики.

Поцелуй Лизаньки продается с аукциона! Основная цена пять... рублей.

Роббер. Шесть.

Аметистов. Я принимаю вашу цену. Шесть — раз.

Лизанька (*с гитарой*). Еще раз!

Аметистов. Шесть — два! (*Стучит молотком.*)

Поэт. Семь рублей.

Аметистов. У пианино — семь рублей. Благодарю вас семь раз.

Лизанька. Еще много, много раз!

Роббер. Восемь!

Поэт. Девять.

Аметистов. Благодарю вас. Девять.

Распахивается занавес, и из ниши выходит курильщик.

Курильщик (*смеется страшным смехом*). Десять.

Аметистов. Благодарю вас. В нише — десять.

Курильщик. Одиннадцать.

Аметистов. Вы восхищаете меня. Одиннадцать — раз. Одиннадцать — два.

Роббер. Держу.

Зойка (*внезапно*). Поцелуй Лизаньки за одиннадцать рублей! Я стыжусь за вас, господа. Тогда я даю пятнадцать.

Аметистов. Гран мерси¹. Фирма бьет. Фирма не уступит. Пятнадцать — раз, пятнадцать — два.

Зойка исчезает, все время звучит фокстрот за сценой.

Роббер. Держу.

Курильщик. Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, еще раз...

Лизанька. Еще много, много раз...

Аметистов. Ниша ведет. В нише двадцать. В нише — два червонца — раз, в нише два червонца — два...

Роббер. Уступаю.

Аметистов. Здесь уступают, ниша получает шанс. Я завидую вам. Два червонца — два...

¹ Grand merci. — Большое спасибо. (*Франц.*)

Поэт. Лизанька, я вас теряю. Лиза, прочти книгу моих стихов.

Аметистов. Двадцать — три. Я поздравляю вас, счастливцев.

Курильщик достает бумажник. Зойка появляется как из-под земли, принимает два червонца. Один из них протягивает Лизаньке, та прячет его в чулок.

Курильщик *(поднимается на стол разочарованно)*
Ах, я думал, что это мальчик.

Роббер *(саркастически)*. Пропали ваши денежки, молодой человек.

Лизанька. Это нахальство.

Зойка исчезает.

Аметистов. Пардон, пардон. Желание клиента в этом доме — непреложный закон. За неисполнение — расстрел. *(Интимно Курильщику.)* В следующий раз будет громадная партия мальчиков.

Курильщик. Да, да *(уходит медленно, бормочет)*.
Мой златокудрый Аполлон. *(Скрывается в нише.)* Дарю.

Поэт. Я понимаю этого человека. Лизанька, он подарил ваш поцелуй мне.

Роббер. Объедочками питаетесь, молодой человек *(Уходит.)*

Поэт целует Лизаньку, обнимает ее и в фокстроте уносится с нею.

Аметистов *(философски)*. Пардон, пардон, не оскорбляйте фирмы. *(Исчезает.)*

Фокстрот за сценой принимает несколько дикий характер. Взрывы хохота. Опять глухой вопль Мертвого тела. Не разберешь, что он кричит. В фокстроте вылетает Иванова с Фокстротчиком.

Фокстротчик *(танцуя)*. Вы танцуете совершенно исключительно. *(Напевает.)* Пам-пам-пам...

Иванова. В вашем профиле есть что-то греческое.

Лизанька проносится в фокстроте с Поэтом.

Поэт. Лизанька, в этом фокстроте звучит что-то inferнальное. В нем нарастающее мученье без конца.

Лизанька. Лам-ца-дрица-а-ца-ца..

Улетают.

Мымра (*проносится в фокстроте с Роббером*). Вы, вероятно, страшно страстный. Ах, мужчины в пенсн-меня волнуют!

Роббер. Благодарю вас. (*Уносятся.*)

Мертвое тело (*выплывает с хриплым пением*). Из-за острова на стрежень, на простор речной волны... Басы, полегче... Выплывают расписные — тенора, тише — Стеньки Разина челны...

Херувим выходит из ниши.

Позвольте вас спросить, мадам.

Херувим. Я не мадама есте.

Мертвое тело. Что за черт! К кому ни ткнешься, все не мадам да не мадам... а сулили девочек.

Херувим исчезает.

И за борт ее бросает в набежавшую волну... (*Подходит к манекену.*) Ага, наконец-то дама. Мадам, один тур. Улыбаетесь? Улыбайтесь, улыбайтесь, только смотрите, чтоб вам потом плакать не пришлось. Вы, может быть, думаете, что я пьян? Жестоко ошибаетесь.

За сценой ликует фокстрот.

(*Обнимает манекен за талию и танцует с ним.*) Сколько вам лет, милочка? Неужели? Никогда бы не дал. Никогда в жизни не держал в руках такой талии. (*Танцует, рыдая, кричит тоскливо.*) Долой присяжного поверенного Роббера, захватившего всех дам! Уйди, подлец! (*Бросает манекен на диван.*) Глаза б мои на тебя не смотрели.

Аметистов (*внезапно*). Пардон, пардон. Чего же вы расстроились, почтенный Иван Васильевич? Что вы, что вы? Чего вам не хватает в жизни?

Мертвое тело. Погоди, погоди! Вот придут наши, я вас всех перевешаю. (*Поет уныло.*) Пароход идет прямо к пристани, будем рыб мы кормить коммунист...

Аметистов. Неудобно, неудобно, Иван Васильевич. Позвольте я вам нашатырного спирта накапаю.

Мертвое тело. Так, так. Новое оскорбление. Все пьют шампанское, а мне нашатырного спирту!

Аметистов. Пардон, пардон, Иван Васильевич. Вы переутомились.

Роббер. Боже мой, Иван Васильевич! Нарезался, как зонтик. Ну, как тебе не стыдно! Ну, ты подумай. Где ты? В «Новой Баварии», что ли? Ты посмотри, какие женщины!

Мертвое тело. Да, спасибо. (*Указывает на манекен.*)

Роббер. Иван Васильевич, постыдись!

Мымра (*появляется*). Иван Васильевич, миленький, что с вами?

Аметистов. Иван Васильевич, пожалуйста в столовую, вам необходимо подкрепиться.

Мымра. Негодный, я буду вашим спутником, хоть вы этого не заслужили.

Мертвое тело. Пойди ты от меня к черту. Ты предатель!

Мымра. Противный, вы не узнаете меня? Я сидела рядом с вами за ужином.

Мертвое тело. Ну и что ж, что сидела? И она сидела. (*Указывает на Аметистова.*) А какой толк?

Роббер. Опозорил ты меня навеки, Иван Васильич. Наталья Николаевна, примите мое глубочайшее извинение. Вы хотите — я на колени стану!

Мымра. Ах, что вы, что вы!

Роббер (*на коленях*). Не сердитесь на него. У него, в сущности, золотое сердце. Он из Ростова-на-Дону, домовладелец, симпатичнейшая личность. Но, понимаете, вот...

Мертвое тело. Унижайся, унижайся, как насекомое.

Аметистов (*Мымре*). Наталья Николаевна, берите его под ручку. Иван Васильевич, пожалуйста, пожалуйста.

Мертвое тело. Спасибо тебе. Один ты порядочный человек. Я тебя знаю, подлец — ты из Воронежа.

Аметистов. Мерси, Жоржик. Наталья Николаевна, действуйте, а то что в самом деле Иван Васильевич как беспризорный.

Мымра увлекает Мертвое тело.
Аметистов устремляется за ними.

Зоя (*вырастает из-под земли*). Справились?

Роббер. Зоя Денисовна, примите мои глубочайшие извинения, от имени Ивана Васильевича тоже.

Зоя. Ну, какие пустяки. Бывает, бывает.

Роббер. У него острое малокровие. Он из Ростова-на-Дону, шампанское бросилось в голову. На коленях молю у вас...

Зоя. Ах, что вы, что вы! Ну, какие пустяки. Бывает. Только... я не знаю, как я с ним распрощаюсь. Он плохо отдает себе отчет в происходящем...

Роббер. Помилуйте, Зоя Денисовна. Я сию же секунду улажу этот вопрос. Сколько я вам должен?

Зоя. Двести десять рублей.

Роббер. Слушаюсь. Иван Васильевич тоже?

Зоя. Да.

Роббер. Слушаю. *(Достает деньги.)* Двести десять и двести десять — это четыреста...

Зоя. Двадцать.

Роббер. Точно так. Какие у вас математические способности, Зоя Денисовна! Мерси, мерси. От имени Ивана Васильевича тоже. Ваш вечер поразителен.

За сценой гремит фокстрот.

Зоя Денисовна, окажите мне честь. Один тур.

Зоя. Ах, я стара.

Роббер. Ах, что вы. Это звучит кошунственно.

Устремляется в танце с Зоей.

Херувим в позе китайского божка остается в нише. В его агатовых глазах забота.

Манюшка *(пробегает с подносом.)* Ты что ж, дурачок, такой скучный сидишь?

Херувим. Я, Мануска, мало-мало думаю. Куда Га-золини пропал?

Манюшка. Ну, куда пропал? Ключ в кармане был, отпер да выскочил.

Херувим. Нет, Мануска. Мы мал-мало скоро бези будем.

Манюшка. Куда там бези! *(Убегает.)*

Аметистов *(входя).* Херувим, сейчас должна прийти Алла Вадимовна. Понял? Задержи ее в передней и вызови меня или Зою Денисовну. Понял?

Херувим. Понял.

Аметистов исчезает. Херувим уходит за занавеску. За сценой буйно и весело, под рояль поют «Светит месяц».

Гусь. Гусь, ты пьян. До чего ты пьян, коммерческий директор тугоплавких металлов, не может изъяснить язык. Ты один только знаешь, почему ты пьян, но никому не скажешь, ибо мы, Гуси, гордые. Вокруг тебя Фрины и Аспазии вертятся как легкие сильфиды, и все увеселяют тебя, директора. Но ты не весел. Душа твоя мрачна. Почему? Ответь мне. *(Манекену.)* Тебе одному, манекен французской школы, я доверяю свою тайну. Я...

Зоя *(внезапно)*. Влюблен.

Гусь. А, Зойка! Вот так мастерская! Ай да пошивочная. Ну, ничего, ничего. Ты — гениальная женщина. Хочешь, я выдам тебе удостоверение — предъявительница сего есть действительно гениальная предъявительница. Иди, я тебя расцелую, в твои щеки французской школы. Но никому, никому и никогда. Ах, Зоя! Змея обвила мое сердце, и я догадываюсь, что она дрянь.

Зоя. Гусь, стоит ли мучиться? Ты найдешь другую.

Гусь. Ах, Зоя! Покажи мне кого-нибудь, чтобы я хоть на время забыл про нее и вытеснил ее из своего сердца, потому что иначе в Москве произойдет катастрофа: Гусь разрушит на Садовой улице свою семейную жизнь с двумя малютками и уважаемой женой... двумя малютками, похожими на него, как червонец на червонец.

Зоя. О, мой Гусь, мой старый приятель! Подожди только несколько минут, и ты увидишь такую женщину, что забудешь все на свете. И она будет твоя, потому что кто же с тобой, Гусем, может тягаться!

Гусь. Спасибо тебе, Зойка, за такие слова. Зойка, я хочу тебя наградить. Сколько я должен тебе?

Зоя. Такие вечера мы устраиваем в складчину, но вы мой друг и гость. Я с вас ничего не возьму.

Гусь. Ах, ты не хочешь брать? Но а я хочу давать. Гусь широк, как Волга, когда пылает его душа. Зоя, бери триста рублей.

Зоя. Мерси.

Гусь. И зови их всех, сзывай, сзывай сюда всех.

Зоя *(кричит)*. Лизанька, мадам Иванова.

Гусь *(играет на губах кавалерийский сигнал)*. Я буду всех награждать.

А метистов *(вырос из-под земли)*. Всякий труд достоин награды. Пардон, пардон.

Гусь. Администратор! Ты устроил на Садовой улице, в Москве, Париж, в котором отдохнула моя измученная душа! Прими!

Аметистов. Данке зэр¹. (*Манит пальцами кого-то из-за занавески.*)

Лизанька и Иванова появляются.

Гусь. Вы прямо весталки. (*Дает деньги.*)

Лизанька. Рады стараться, ваше превосходительство.

Гусь (*целует Иванову*). На!

Иванова. В вас есть что-то азиатское!

Гусь (*Лизаньке*). На!

Лизанька. Мерси.

Херувим входит.

Гусь. А, китаец. Получай, Херувим. Кому бы мне еще дать? Покажите мне еще кого-нибудь, чтоб я мог его озолотить.

Манюшка появилась.

Зоя. Не надо, Борис Семенович. Ваша щедрость не по советским временам.

Гусь. Не бойся, Зоя. Трудно Гуся выставить из денег. (*Манюшке.*) Светит месяц, говоришь? Ну, свети, свети. (*Дает деньги.*)

Манюшка. Мерси.

Поэт (*выскакивает с криком*). Лизанька, где же вы?

Гусь. На!

Поэт. Что вы, уважаемый Борис Семенович?

Гусь. Не возражать!

Поэт. Тогда разрешите, уважаемый Борис Семенович, поднести вам книжку моих стихов.

Гусь. Не разрешаю! Обратись к секретарю!

Аметистов (*отдернул занавеску, выводит Обольянинова*). Месье Обольянинов!

Гусь (*Обольянинову*). На!

Обольянинов. Мерси. Когда изменятся времена, я вам пришлою моих секундантов.

¹ Danke sehr. — Благодарю. (*Нем.*)

Гусь. Дам, дам, и им дам!

За сценой взрыв мужского хохота.

(Манекену.) На!

Аметистов. Маэстро, марш в честь Бориса Семенича.

Оболянинов играет на пианино марш,
под него все торжественно выходят.

Аллилуя появился внезапно из передней, изумлен.

Зоя. Что это значит, любезнейший? Как вы пробрались без звонка?..

Аллилуя. Извиняюсь. У меня ключи от всех квартир. Ай да Зоя Денисовна, ай да показательная! Ну, теперь все понятно! Открыли вы, Зоя Денисовна...

Зоя. Аллилуя, вы наглец! (Дает ему деньги.) Молчать! (Шепотом.) Все уладим, Аллилуя, не волнуйтесь.

Аллилуя. Это другой разговор. (Исчезает.)

Аметистов (появляется). Маэстро, прошу в залу к роялю. Гости просят уан-стэп.

Оболянинов. Хорошо.

Зоя. Павлик, Павлик, потерпите, потерпите.

Оболянинов. Я терплю. Напоминают мне они.

Зоя, Аметистов и Оболянинов уходят. Тихий звонок.

Херувим пробегает в переднюю, потом таинственно обратно.

Зоя пробегает в переднюю. В это время Херувим задерживает занавеску и закрывает двери.

Зоя. Ну, скорее проходите на эстраду, я вас сейчас, Аллочка, выпущу сюрпризом для них.

Алла (в вуали). Сюда?

Зоя. Сюда.

Проходят За сценой говор, гул.

Аметистов. Пардон, пардон. Прошу, господа.

За Аметистовым выходят: Поэт, Лизанька, Мымра, Иванова, Фокстротчик, Зоя, Роббер под ручку с Мертвым телом, Гусь.

Пожалуйста. (Отдергивает занавеску.)

Выходит Курнильщик, все усаживаются.

Роббер. Вы прямо фея, Зоя Денисовна. Гениально! Мертвое тело. Как не гениально. Нашатырным спиртом. В Ростове за такие вещи морду бьют.

Роббер. Это ужас. Зоя Денисовна, простите.

Зоя (Гусю). Сюда, Борис Семенович, пожалуйста.

Усаживаются.

Аметистов (у занавеса). Сиреневый туалет! Демонстрирован на вечере у президента Французской республики. Цена шесть тысяч франков. Ателье!

Херувим отдергивает занавес. На эстраде сирень.

Мазстро, прошу!

Обольянинов начинает страстный вальс.

Алла на эстраде выступает под музыку.

Все: bravo, bravo.

Гусь. Что такое?! Это она... Очень хорошо!..

Поэт. Очень хорошо!

Все. Bravo, очень хорошо!

Алла. Ах!

Гусь. Ах! Как вам нравится этот «ах»! Очень хорошо! Замечательно. Алла Вадимовна!

Все аплодируют.

Алла. Это вы?

Гусь. Нет, это мой сосед!

Алла. Как вы попали сюда?!

Гусь. Как вам это понравится? А? Она спрашивает, как я сюда попал, в то время, когда я должен спросить ее, как она сюда попала!

Роббер. Вот так штука!

Алла. Я поступила модельщицей.

Гусь. Модельщицей! Женщина, которую я люблю, женщина, на которой я, Гусь-Ремонтный, собираюсь жениться, бросив супругу и пару малюток, очаровательных ангелков, — она поступает в модельщицы! Да ты знаешь ли, несчастная, — да, именно несчастная, — куда ты поступила?

Алла. Конечно, знаю. В ателье.

Гусь. Ну да. Оно пишется ателье, а выговаривается Веселый Дом!!!

Все. Что такое, что такое, что такое?

Гусь. Видали вы, дорогие товарищи, такое ателье, где костюмы показывают под музыку!

Мертвое тело. Правильно! Бей их!

Аметистов. Пардон, пардон...

Поэт. Что такое произошло?

Зоя. Ага. Теперь понятно. «У меня никого нет, Зоя Денисовна, с тех пор, как умер мой муж...» Ах вы, дрянь, ах вы, ломака! Ведь я же вас спрашивала. Предупреждала. Спасибо, Аллочка, за скандал!

Поэт. В чем дело?

Роббер. Понятно в чем. Хи-хи.

Поэт. Уважаемый Борис Семенович!

Гусь. Вон! Спасибо вам, Зоя Денисовна. Спасибо, спасибо! Вы мне в качестве моделищицы выставили мою невесту! Мерси.

Мертвое тело. Слава тебе, Господи! Развеселились...

Алла. Я не невеста вам!

Гусь. Я с нею живу, между нами.

Мертвое тело. Ура!

Аметистов. Пардон, пардон, Иван Васильевич.

Роббер. Интереснейшая история!

Гусь. Зоя, убери их всех. Убери эту рвань!

Фокстротчик. Позвольте!

Мымра. Ах! (*Обморок.*)

Роббер. Ну, уж вы будьте добры, полегче, Борис Семенович!

Поэт. Это задевает достоинство!

Лизанька. Сюрприз!

Гусь. Все вон!

Обольянинов (*оборвал вальс*). Что такое?

Зоя. Господа, господа! Мне крайне неприятно. Маленькое недоразумение, оно сейчас разъяснится! Господа, я очень прошу всех в зал. Александр Тарасович, уладьте.

Аметистов. Пардон, пардон. Прошу, господа. Пожалуйста. Маэстро, в зал! Господа, такие происшествия не редки в высшем свете. Прошу!

Зоя. Павлик, фокстрот немедленно в зале. Мадам Иванова...

Иванова (Фокстротчику). Идемте. (Обхватывает его.)

Зоя. Сашка, уладь, уладь, уладь! (Исчезает, закрывает за собою дверь.)

Курильщик уходит с Херувимом. На сцене остаются Алла и Гусь, через некоторое время появляется Аметистов и во все время объяснения выглядывает из-за занавески. За сценою начинается фокстрот, слышно, как танцуют.

Гусь. Ателье! Ты, ты...

Алла. А как же вы попали в это ателье?

Гусь. Кто? Я? Я?! Я — мужчина! Я хожу в брюках, а не в платье, на котором разрез до самой шеи. Я хожу сюда потому, что ты выпила из меня всю кровь! А ты? А ты зачем?

Алла. За деньгами.

Гусь. Ты это сделала сознательно?

Алла. Совершенно сознательно.

Гусь. Так-с. Видали вы, граждане, сознательную женщину? Сознательные поступки, нечего сказать! Зачем тебе деньги?

Алла. Я уеду за границу.

Гусь. Не дам! Опять эта чертова заграница?! Не дам!!

Алла. Вот я и хотела здесь взять.

Гусь. А, за границу? Как же, за границей уже все ждут. Отчего это Алла Вадимовна не едет? Президент в Париже волнуется!

Алла. Да, волнуется. Только не президент, а мой жених.

Аметистов. Скажи, пожалуйста!

Гусь. Кто, кто, кто? Жених? Ну знаешь, если у тебя есть жених, тогда ты знаешь, кто ты? Ты — дрянь!

Алла. Нет, я не дрянь! Не смейте оскорблять меня! Я поступила нехорошо тем, что скрыла это, но ведь я никак не полагала, что вы влюбитесь в меня. Я хотела взять у вас деньги на заграницу и уехать.

Гусь. Бери, бери, но только оставайся!

Алла. Ни за что! Где угодно достану и уеду!

Гусь. А, теперь, когда она в моих кольцах, так она в другом месте достанет. Ты посмотри на свои пальцы!

Алла. Натё, нате! (Бросает кольца.)

Гусь. К черту кольца! Отвечай, сколько времени ты здесь?

Алла. В первый раз сегодня.

Гусь. Лжешь, кобра!

Алла. И не думаю лгать. Мне так надоело лгать.

Гусь. Ну, хорошо. Сию секунду слезай с этого постома. Ты поедешь со мной или нет?

Алла. Нет. Не поеду!

Гусь. Нет? Считаю до трех. Раз, два! Ты отвечай! Считаю до десяти!

Алла. Бросьте это, Борис Семенович! И до сорока не поеду, не люблю.

Гусь. Ты — проститутка!

Алла плчет в Гуся.

(В исступлении.) Попрошу не плевать!

Аметистов. Пардон, пардон, и не курить. Разменом денег на затруднять, через переднюю площадку не входить! Борис Семенович...

Гусь. Виноват. Прошу вас выйти отсюда!

Аметистов. Пардон, пардон.

Гусь. Я вам говорю, виноват!

Зоя (как фурия). Спасибо, спасибо! Великосветская дрянь!

Алла. Не смейте оскорблять меня, Зоя Денисовна! Мне в голову не пришло, что Борис Семенович может посещать мастерскую. Туалет я вам верну.

Зоя. Я вам его дарю. За глупость. Идиотка!

Алла. Что?! Что?!

Гусь. Стой! Куда? За границу?

Алла. Издохну, но сбегу!

Гусь. Ну, так вот. Не будь я Гусь-Ремонтный, если вы не получите шиш вместо заграницы. Увидите вы визу!

Алла. Без визы удеру!

Мертвое тело в дверях.

Мертвое тело. Позвольте. Самое интересное без меня!

Роббер. Иван Васильевич! (Увлекает его назад.)

За сценою фокстрот.

Гусь. Без визы? Не удастся!

За сценою шум, фокстрот оборвался.

Обольянинов *(в дверях)*. Я попрошу не оскорблять женщину!

Гусь. Пианист, уйди.

Обольянинов. Простите, я не пианист.

Зоя. Павлик, сейчас же играйте. Что вы делаете?

Обольянинов исчезает.

Гусь. Будете вы вещи на Смоленском рынке продавать! Вы попадете в больницу, и посмотрю я, как вы в вашем сиреновом туалете... Ах, ах...

Фокстрот то обрывается, то вспыхивает вновь.

Аметистов. Алла Вадимовна, прошу. Манюшка, выпусти!

Манюшка в дверях.

Гусь. Алла, люблю! Алла, вернись! Я тебе визу достану! Визу... *(Ложится на ковер ничком.)*

Зоя. Успокаивай, успокаивай! *(Исчезает.)*

Аметистов. Коврик грязный! Все устроится. Одна она, что ли, на свете? Плюньте! Она даже и не красива. Так, ординер!

Гусь. Скройся! Оставь меня одного. Я буду тосковать.

Аметистов. Отлично, потоскуйте. Я возле вас здесь ликерчик поставлю и папироски. Потоскуйте. *(Исчезает, закрыв двери.)*

Глухо фокстрот.

Гусь. Гусь тоскует. Ах, до чего Гусь тоскует! Отчего ты, Гусь, тоскуешь? Оттого, что ты потерпел непоправимую драму. Ах я, бедный Борис! Всего ты, Борис, достиг, чего можно и даже больше этого. И вот ядовитая любовь сразила Бориса, и он лежит, как труп в пустыне, и где? На ковре публичного дома! Я, коммерческий директор! Алла, вернись!

Аметистов. Пардон, пардон. Тихонечко, а то внизу пролетариат слышит. *(Скрывается.)*

¹ Ordinaire. — Обычная. *(Франц.)*

Гусь. Ах я, несчастный. Алла, вернись.

Херувим, крадучись.

Уйди, я тоскую.

Херувим. Тоскуеси. Зачем тоскуеси? Ты очинь вазный. Цего тоскуеси мало-мало?

Гусь. Не могу видеть ни одного человеческого лица, только ты один симпатичный, Херувим, китайский человек. Печаль меня терзает, и от этого я нахожусь на ковре.

Херувим. Пицаль? Я тозе пицаль.

Гусь. Ах, китаец! Чего тебе печалиться? У тебя еще все впереди. Ты еще в профсоюз можешь вступить. Алла!

Херувим. Мадама обманула. Все мадамы sibko нехоросие мал-мало. Ну, сто? Другую мадаму забираись. Много мадама на Москве.

Гусь. Нет, не могу я себе достать другую мадаму!

Херувим. Тебе диенге нет?

Гусь. Ах ты, симпатичный китаец! Разве может быть такой случай на свете, чтобы Гусь не имел денег! Но вот одного не может голова придумать, как эти деньги превратить в любовь! Ах, китаец мой. На, смотри.

Херувим. Сикольки много цирвонцев.

Гусь. Утром получил пять тысяч, а вечером такой удар, от которого я свалился. Я лежу на большой дороге, и пусть каждый в побежденного Гуся плюет, как Гусь плюет на червонцы! Тьфу, тьфу!

Херувим. Плпоесь деньги. Смешной. У тебя деньга есть, мадама нет. У меня мадама есть, деньга нет. Дай погладить червонцы.

Гусь. Гладь.

Херувим. А, цирвончики, цирвончики миленьки.

Гусь. Как мне забыться? Алла!

Херувим ударяет Гуся под лопатку ножом. Гусь умирает.

Херувим. Цирвонци. Теплы Санхай. *(Усаживает Гуся в нише в качалку и дает в руки трубку.)*

Аметистов *(выглянул)*. Где он?

Херувим. Тс, я ему дал курить. Никто не ходи. Он теперь сапакойни.

Аметистов. Молодец, ходя. *(Исчезает.)*

Херувим. Мануска, Мануска.

Манюшка. Чего тебе?

Херувим. Тс, Мануска. Сицяс — Санхай беzi, беzi вокзал.

Манюшка. Что ты, очумел?

За сценой Мымра поет: «Покинем, покинем край, где мы так страдали». Аплодисменты.

Херувим. Сицяс моклая беда будет. Цирвонци имеем.

Манюшка. Ты что такое сделал, черт?

Херувим. Гуся резал.

Манюшка. А-а-а! Дьявол! Господи Иисусе, Царнца небесная!

Херувим. Беги, тебе резать будем!

Манюшка. Господи! *(Исчезает с Херувимом в переднюю.)*

Аметистов. Борис Семенович. Пардон, пардон. Лежите? Ну, лежите, лежите, только как же это он вас одного оставил? Вы с непривычки можете перекурить. Ну вот, и ручка холодная. А-а? Что-о?! Сукин кот! Бандит! Этого в программе не было. Как же теперь быть? Все засыпались разом, крышка, гроб! Херувим, Херувим! Ну конечно: ограбил и ходу дал. А я-то идиот! Что теперь делать, дорогие товарищи? Деньги на текущем. Завтра его хватятся. Вот тебе и Ницца, вот тебе и заграница. Аминь! Чего же это я сижу? А? Ходу! Верный мой товарищ, чемодан. Опять с тобою вдвоем, но куда? Объясните мне, теперь куда податься? Судьба ты моя, судьба! Звезда ты моя горемычная! Прикупил к пятерке — дамбле. Ходу! Ну, Зочка, прощай! Прощай, Зойкина квартира!

Зоя. Александр Тарасович! Александр Тарасович! А... Борис Семенович. Один? Вы не сердитесь на меня? Я совершенно не понимаю Аллы Вадимовны. *(Глухо вскрикивает.)* Что это такое, что это такое? *(Видит брошенный фрак.)* Да неужели это он! Негодяй! Судьба моя! Манюшка, Манюшка, Манюшка! *(Мечется.)* И они! Это невозможно! *(Открывает дверь, зовет.)* Павел Федорович, Павел Федорович, на минутку! Господа, простите!

Обольянинов. Что такое, Зочка?

Зоя. Павлик, стряслась беда! Эти негодяи, китаец с Аметистовым, убили Гуся! Ужас! И Манюшка с ними участвовала, и пока мы там сидели, бежали.

Обольянинов. Как вы странно шутите, Зоя.

Зоя. Опомнитесь, Павлик! В качалке труп. Он в крови. Мы пропали!

Обольянинов. Позвольте, но ведь это ужасно! Нас же никто не может обвинить в убийстве. Если эти мерзавцы... При чем же мы здесь? Я не постигаю...

Зоя. Не только не могут, но наверное обвинят. Павлуша, нельзя терять ни одной минуты! Документ есть. Деньги в спальне. *(Бросается в спальню.)*

За сценой глухая музыка, изредка аплодисменты.
Оболянинов бросается вслед за Зоей. Пауза.
Из передней появляются: Пеструхин, Ванечка,
Толстяк и Газолин.

Все, кроме Газолина, в смокингах и в пальто.

Пеструхин. Тэкс, брекекекс.

Газолин. Херувимка всегда ножом ходит. Херувимку надо брать первого.

Толстяк. Тише, не расстраивайся.

Пеструхин *(указывая на Гуся)*. Это что ж, накурился?

Ванечка. Да, фатерка.

Пеструхин. Тише.

Прячутся в передней за занавеской.

Зоя *(вбегает со взломанной шкатулкой)*. Нет денег! Прохвост, прохвост! Сашкина работа! Вор и убийца... Идем!

Оболянинов. Зоя, я ничего не постигаю.

Зоя. Некогда постигать!

Оболянинов. А эти гости?

Зоя. Павлушка, черт с ними! Бежим! *(Бросается к передней.)*

Пеструхин. Виноват. Попрошу не спешить, гражданочка.

Зоя. Ах!

Пеструхин. Мадам Пельц?

Ванечка. Абсолютно. Она.

Зоя. Кто это? Кто вы? Павлушка, это бандиты! Они зарезали Гуся!

Ванечка. Спокойно, мадам. Никого не режем. Мы с мандатом.

Зоя. А, позвольте. Я поняла! Это Уголовный розыск.

Пеструхин. Вы угадали, мадам Пельц.

Ванечка. Абсолютно.

Зоя. Ага. Я не понимаю, как вы успели. Ну, вот что. Я и Оболянинов никакого отношения к убийству не имеем. Это китаец, он приходил гладить юбки в мастерскую. Я даже не знаю, как его зовут, — и негодяй Аметистов, которого я приютила. Они убили и бежали.

Пеструхин. Кого убили?!

Зоя. Гуся.

Все бросаются к труп Гуся.

Газолин. Херувимка безал!!

Пеструхин. Эге-ге. Ванечка, эх вы. Говорил я, сразу надо было брать Херувимку.

Газолин. Ванецка, Херувимку выпустил! Ванецка!

Толстяк. Тише, тише, тише, тише, не расстраивайся.

Суета.

Пеструхин. Кто за дверями?

Зоя. Гости, у меня именины.

Пеструхин. Ага, так.

Зоя. Это никакого отношения к убийству не имеет!

Пеструхин. Ванечка!

Ванечка (*открывает двери*). Ваши документики, граждане.

За сценой сразу обрывается фокстрот.

Толстяк (*по телефону*). Шесть-шестьнадцать-два нуля, добавочный одиннадцать. Товарищ Каланчев. Я говорю. Ну я, я. Следователя и доктора. Садовая, 105, квартира 104. На все вокзалы, Аметистова... Сен-Дзин-По — по кличке Херувим.

Из внутренних дверей высыпают гости, все.

Роббер. Виноват. Тут недоразумение. Я совершенно случайно попал...

Поэт. Боже мой, Боже мой!

Лизанька (*Мыре*). Наташка, засыпались!!

Иванова. Вот так номер!

Пеструхин. Пожалуйста, пожалуйста документики, гражданчики.

Суета Фокстротчик попытался улизнуть.

Толстяк. Виноват, виноват. Куда ж так спешить?

Фокстротчик. Я только танцевал, видите ли...

Роббер. Простите, в чем дело? Я не совсем понимаю. Семейные именины. Это законом не преследуется. Я сам юрист.

Толстяк. В квартирке убийство, гражданин юрист.

Роббер. Что? Виноват...

Все. Что, что такое? Господа, позвольте!..

Мымра. Гуся убили! (*Падает в обморок.*)

Роббер. Помилуйте, это чудовищно! Я совершенно не представляю, в чем дело...

Поэт. Господи Иисусе. *(Крестится.)*

Суэта.

Иванова. Муж! Что ж мне делать?

Лизанька. Сидеть будем без конца, лам-ца-дрица, о-ца-ца!

Мертвое тело *(выплывает)*. Слава тебе, Господи, наконец-то! Сулили — барышень, то, другое. Скука дьявольская: ни танцев, ни пения, ничего. Раздевайтесь, братцы, раздевайтесь, братцы. Мы сейчас такой тарарам устроим...

Роббер. Заткнись, идиот. В квартире убийство!

Суэта.

Пеструхин. Ванечка, осмотрите, нет ли еще кого.

Ванечка *(в дверях)*. Никого нету, сухо, товарищ Пеструхин.

Газолин. Выпустили Херувимку, выпустили Херувимку!!

Зоя. Ах, вот что. Понимаю. Донос. Вот судьба. В самом деле, вы, ловкачи в смокингах, кого же вы берете?

Мертвое тело. Кого берете, товарищи, а? Раздевайтесь!

Зоя. Вполне приличного человека и гостей, а убийцы бежали, бежали.

Толстяк. Что вы, мадам. Куда это они убегут? По СССР бегать не полагается. Каждый должен находиться на своем месте.

Ванечка. Абсолютно.

Звонок.

Пеструхин. Тише. Ванечка, впустить. Граждане, никаких разговоров о происшествии, за это строго ответите. Попрошу соблюдать прежнее настроение.

Звонок повторяется.

Мертвое тело. Совершенно правильно. Никаких разговоров. Шампанского! Человек!

Ванечка выпускает Аллилуя.

Аллилуя. Здрасьте, граждане. Зоя Денисовна, вечерок еще не кончился? Поздновато. Соседи обижаются. Ну, да, впрочем, дело имянинное.

Толстяк. Вы кто такой, гражданин?

Аллилуя. Довольно странно. Это я вас, председатель домкома, могу спросить, кто вы такой?

Мертвое тело. Верно. Я знаю, эта каналья из Воронежца!

Аллилуя. Довольно грубо, гражданин гость.

Толстяк. Гуся знаешь?

Аллилуя. Да что это вы в самом деле? Я к Зое Денисовне. Пропустите, пожалуйста.

Пеструхин. Отвечай, гражданин, на вопрос.

Аллилуя. А вы кто ж это сами-то будете? А? Гуся? Как же, как же, знаю. Они в нашем доме проживают, товарищи. Я, товарищи дорогие, давно начал замечать. Подозрительная квартирка. Все как будто тихо, мирно. А вот не нравится. Сосет у меня сердце и сосет. Я и сейчас, товарищи дорогие, для наблюдения прибыл. Подозрительная квартирка.

Зоя (*внезапно*). Для наблюдения! Ах ты, мерзавец! Слушайте, вы! Ну, уж если на то пошло, прекрасно он все знал, что в квартире делается. Я ему деньги платила. У него и сейчас в кармане моя десятичервоная бумажка, и я знаю номер!

Аллилуя засунул в рот червонец.

Толстяк. Ты что же это? Дефективный, что ли? Червонцы жуешь!

Аллилуя. Я, товарищи, человек малосознательный, от станка. Испугался.

Толстяк. Испугался. У тебя под носом Гуся режут, а ты червонцами закусываешь, председатель свинячий!

Аллилуя. Господи Иисусе! (*Падая на колени.*) Товарищи, принимая во внимание темноту и невежество, как наследие царского режима, а равно также... считать приговор условным... Что такое говорю, и сам не понимаю.

Толстяк. Поднимайся.

Аллилуя. Товарищ...

Роббер. Нельзя ли по телефону мне позвонить?

Толстяк. Нет, телефон — это отпадает.

Пеструхин. Ванечка, забирайте. Граждане, пожалуйста.

Ванечка. Пожалуйста ехать.

Суета.

Зоя. Это мой муж. Он очень тяжело болен, не может жить без морфия. Я заберу с собой лекарство. Уж вы, пожалуйста, не обижайте его.

Толстяк. Пожа, пожа, там его в лазарет поместят.

Обольянинов. Понимаю. Теперь у меня прояснилось в голове... Вас подослали, но скажите, почему вы в смокинге?

Ванечка. Полагали в числе гостей побывать.

Обольянинов. К смокингу не надевают желтых ботинок.

Ванечка. Ах, халтурщик, говорил я ему...

Пеструхин. На лестнице, граждане, никаких разговоров. За это ответите.

Роббер. Какие уж тут разговоры, разве что о погоде.

Иванова. Лизанька, что мне делать, Лизанька?! Муж, муж...

Мертвое тело. Ура, правильно. Ехать так ехать, сказал попугай, а то тут сдохнуть можно в этой квартире, от скуки.

Валится к пианино и играет бравурный марш.

Толстяк. Переложили, гражданин.

Пеструхин. Забрать его.

Начинается выход всех, все бормочут.

Все. Боже мой, Боже мой, что это такое.

Аллилуя. Зойка, Зойка, первопричиной всякого зла, целиком и полностью, дорогие товарищи.

Пеструхин. Уберите последнего. Наружное наблюдение сюда, в квартиру и по телефону на все вокзалы.

Газолин. Херувимку ловить, ловить!!

Обольянинов. Зоя, неужели нас ведут в тюрьму? Зоя, вот видите.

Зоя. Павлуша, будьте женщиной. Я вас не брошу в тюрьме. Прощай, прощай моя квартира!!!

З а н а в е с .

К о н е ц .

Москва, 1926 г.

БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

Генеральная репетиция пьесы гражданина Жюль Верна в театре Геннадия Панфиловича. С музыкой, извержением вулкана и английскими матросами.

В 4-х действиях с прологом и эпилогом.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Геннадий Панфилович, директор театра, он же лорд Эдвард Гленарван.

Василий Артурович Дымогацкий, он же Жюль Верн, он же Кири-Куки, проходимец при дворе.

Метелкии Никанор, помощник режиссера, он же слуга Паспарту, он же ставит самовары Геннадию Панфиловичу, он же говорящий попугай.

Жак Паганиель, член географического общества.

Лидия Иванна, она же леди Гленарван.

Гаттерас, капитан.

Бетси, горничная леди Гленарван.

Сизи-Бузи Второй, белый арап, повелитель Острова.

Ликки-Тикки, полководец, белый арап.

Суфлер.

Ликуй Исаич, дирижер.

Тохонга, арап из гвардии.

Кай-Кум, первый положительный туземец.

Фарра-Тете, второй положительный туземец.

Музыкант с валторной.

Савва Лукич.

Арапова гвардия (отрицательная, но раскаялась), красные туземцы и туземки (положительные и несметные полчища), гарем Сизи-Бузи, английские матросы, музыканты, театральные кадристы, парнкахеры и портные.

Действие 1-е, 2-е и 4-е происходят на необитаемом острове, действие 3-е — в Европе, а пролог и эпилог — в театре Геннадия Панфиловича.

ПРОЛОГ

Открывается часть занавеса, и появляется кабинет и гримировальная уборная Геннадия Панфиловича. Письменный стол, афиши, зеркало. Геннадий Панфилович, рыжий, бритый, очень опытный, за столом. Расстроен.

Где-то слышна приятная и очень ритмическая музыка и глухие ненатуральные голоса (идет репетиция бала).

Метелкин висит в небе на путаных веревках и поет
«Любила я, страдала я, а он, подлец, сгубил меня...»

Д с н ь

Геннадий. Метелкин!

Метелкин (*сваливаясь с неба в кабинет*). Я, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Не приходил?

Метелкин. Нет, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Да на квартиру-то к нему посылали?

Метелкин. Три раза сегодня курьер бегал. Комната на замке. Хозяйку спрашивает, когда он дома бывает, а та говорит: «Что вы, батюшка, да его с собаками не сыщешь!»

Геннадий. Метелкин!

Метелкин (*сваливаясь с неба в кабинет*). Я, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Не приходил?

Метелкин. Нет, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Да на квартиру-то к нему посылали?

Метелкин. Три раза сегодня курьер бегал. Комната на замке. Хозяйку спрашивает, когда он дома бывает, а та говорит: «Что вы, батюшка, да его с собаками не сыщешь!»

Геннадий. Писатель! А! Вот черт его возьми!

Метелкин. Черт его возьми, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Ну, что квакаешь, как попугай? Делай доклад.

Метелкин. Слушаю. Задник у «Марии Стюарт» лопнул, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Что же, я, что ли, тебе задники чинить буду? Лезешь с пустяками. Заштопать.

Метелкин. Он весь дырявый, Геннадий Панфилич. Намедни спустили, а сквозь него рабочих на колосниках видать...

На столе звенит телефон.

Геннадий. Заплату положи. *(По телефону.)* Да. Театр. Контрамарок не даем. Честь имею. *(Кладет трубку.)* Удивительное дело. В трамвай садится, небось, он у кондукторши контрамарки не просит, а в театр он почему-то священным долгом считает ходить даром. Ведь это нахальство! А?

Метелкин. Нахальство.

Геннадий. Дальше.

Метелкин. Денег пожалте, Геннадий Панфилович, на заплату.

Геннадий. Сейчас отвалю. Червонцев пятьдесят, как этому гусю уже отвалил!.. Возьмешь, вырежешь... *(Телефон.)* Да?.. Контрамарок не даем. Да. *(Кладет трубку.)* Вот типы! Возьмешь... *(Телефон.)* Никому не даем. *(Вешает трубку.)* Наказание божеское! Возьмешь, стало быть, задник... *(Телефон.)* Ах, чтоб тебе треснуть!.. Что? Никому не даем!.. Виноват... Евгений Ромуальдович! Не узнал голоса. Как же... с супругой? Очаровательно! Прямо без четверти восемь пожалуйста в кассу. Всего добренького. *(Вешает трубку.)* Метелкин, будь добр, скажи кассиру, чтобы загнул два кресла посередине во втором ряду этому водяному черту.

Метелкин. Это кому, Геннадий Панфилович?

Геннадий. Да заведующему водопроводом.

Метелкин. Слушаю.

Геннадий. Возьмешь, стало быть... Дыра-то велика?

Метелкин. Никак нет, маленькая. Аршин пять-шесть.

Геннадий. По-твоему, большая — это версты в три? Чудак! *(Задумчиво.)* «Иоанн Грозный» больше не пойдет... Стало быть, вот что. Возьмешь ты, вырежешь подходящий кусок. Понял?

Метелкин. Понятно. *(Кричит.)* Володя! Возьмешь из задника у «Иоанна Грозного» кусок, выкроишь из него заплату в «Марию Стюарт»!.. Не пойдет «Иоанн Грозный»... Запретили... Значит, есть за что... Какое тебе дело?..

Телефон.

Геннадий *(слушает)*. Нет, не дам. *(Вешает трубку.)* Еще что?

Метелкин. Велите вы школьникам, Геннадий Панфилович, ведь это безобразие. Они жабами лица вытирают.

Геннадий. Ничего не понимаю.

Метелкин. Выдал я им жабы на «Горе от ума», а они вместо тряпок ими грим стирают.

Геннадий. Ах, бандиты! Ладно, я им скажу. *(Телефон звенит. Не снимая трубки.)* Никому контрамарок не даем. *(Телефон умолкает.)* Ступай.

Метелкин. Слушаю. *(Уходит.)*

Геннадий. Первый час. Но если, дорогие граждане, вы хотите знать, кто у нас в области театра первый проходимец и бандит, я вам сообщу. Это — Васька Дымогацкий, который пишет в разных журнальчиках под псевдонимом Жюль Верн. Но вы мне скажите, товарищи, чем он меня опоил? Как я мог ему довериться?

Метелкин *(быстро входит)*. Геннадий Панфилич! Пришел!

Геннадий *(хлещко)*. А! Зови его сюда, зови, зови!

Метелкин. Пожалуйте. *(Уходит.)*

Дымогацкий *(с грудой тетрадей в руках)*. Здравствуйте, Геннадий Панфилич!

Геннадий. А, здравствуйте, многоуважаемый товарищ Дымогацкий, здравствуйте, месье Жюль Верн!

Дымогацкий. Вы сердитесь, Геннадий Панфилич?

Геннадий. Что вы? Что вы? Ха-ха! Я сержусь? Хи-хи! Я в полном восторге! Прямо дрожу от восхищения!

Дымогацкий. Болен я был, Геннадий Панфилич... Ужас, как болен...

Геннадий. Скажите, пожалуйста. Ах, ах! Скарлатиной?

Дымогацкий. Жесточайшая инфлуэнца, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Так, так.

Дымогацкий. Вот, я принес, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Какое у нас сегодня число, гражданин Дымогацкий?

Дымогацкий. Восемнадцатое, по новому стилю.

Геннадий. Совершенно верно. И вы мне дали честное слово, что пьесу в исправленном виде доставите пятнадцатого.

Дымогацкий. Всего три дня, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Три дня! А вы знаете, что за эти три дня произошло? Савва Лукич в Крым уезжает! Завтра в 11 часов утра!

Дымогацкий. Да что вы?

Геннадий. Вот оно и «да что вы»! Стало быть, ежели мы сегодня ему генеральную не покажем, то получим вместо пьесы кукиш с ветчиной! Вы мне, господин Жюль Верн, сорвали сезон! Вот что! Я, старый идеалист, поверил вам! Когда вы аванс в пятьсот рублей тяпнули, у вас, небось, инфлуэнцы не было по новому стилю! Так писатели не поступают, дорогой гражданин Жюль Верн!

Дымогацкий. Геннадий Панфилич! Что же теперь делать?

Геннадий. Что теперь делать? Не говоря уже о том, что я вам пятьсот рублей всучил, как в бреду, я еще на декорации потратился, я вверх дном театр поставил, я весь производственный план сломал! Метелкин! Метелкин!

Метелкин *(вбегают)*. Я, Геннадий Панфилич!

Геннадий. Вот что: что они там делают?

Метелкин. Сцену бала репетируют.

Геннадий. К черту бал! Вели прекратить, и чтобы ни один человек из театра не уходил!

Метелкин. Разгримировываться?

Геннадий. Некогда! Все нужны! Как есть!

Метелкин. Слушаю. *(Убегает.)* Володька! Вели швейцару, чтобы ни одного человека из театра не выпускал!

Геннадий *(вслед)*. Все школьники нужны! Оркестр!.. Первый час в начале. Ну, Господи, благослови! *(По телефону.)* 16-17-18. Савву Лукича, пожалуйста! Директор театра Геннадий Панфилич... Савва Лукич? Здравствуйте, Савва Лукич. Как здоровьице? Слышал, слышал. Починка организма, как говорится. Переутомились. Хе-хе! Вам надо отдохнуть. Ваш организм нам нужен. Вот какого рода дельце. Известный писатель Жюль Верн представил нам свой новый опус «Багровый остров». Как умер? Он у меня в театре сейчас сидит. Ах... хе-хе. Псевдоним. Гражданин Дымогацкий. Подписывается Жюль Верн. Страшный талантище...

Дымогацкий вздрагивает и бледнеет.

Так вот, Савва Лукич, необходимо разрешеньице. Чего-с? Или запрещеньице? Хи! Остроумны, как всегда! Что? До осени? Савва Лукич, не губите! Умоляю посмотреть се-

годня же на генеральной... Готова пьеса, совершенно готова. Ну, что вам возиться с чтением в Крыму? Вам нужно купаться, Савва Лукич, а не всякую ерунду читать! По пляжу походить, Савва Лукич, убиваете! В трубу летим! До мозга костей идеологическая пьеса! Неужели вы думаете, что я допущу что-нибудь такое в своем театре?.. Через двадцать минут начинаем. Ну, хоть к третьему акту, а первые два я вам здесь дам просмотреть. Крайне признателен. Гран мерси! Слушаю, жду! *(Вешает трубку.)* Уф! Ну, теперь держитесь, гражданин автор!

Дымогацкий. Неужели он так страшен?

Геннадий. А вот сами увидите. Я тут наговорил — идеологическая, а ну как она вовсе не идеологическая? Имейте в виду, я в случае чего беспощадно вычеркивать буду, тут надо шкуру спасать. А то так можно вляпаться, что лучше и нельзя! Репутацию можно потерять... Главное горе, что и просмотреть-то ведь некогда. *(Разбирает тетради.)*

Дымогацкий. Я старался, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Как стараться! Итак, стало быть, акт первый. Остров, населенный красными туземцами, кои живут под властью белых арапов... Позвольте, это что же за туземцы такие?

Дымогацкий. Аллегория это, Геннадий Панфилич. Тут надо тонко понимать.

Геннадий. Ох уж эти мне аллегии! Смотрите! Не любит Савва аллегорий до смерти! Знаю я, говорит, эти аллегии! Снаружи аллегория, а внутри такой меньшевизм, что хоть топор повесь! Метелкин! Метелкин!

Метелкин *(вбегая)*. Чего изволите?

Геннадий. На монтировку пьесы назначаю тебя. Получай, дружок, экземпляр. Первый акт. Экзотический остров. Бананы дашь, пальмы... *(Дымогацкому.)* Он в чем живет? Царь-то ихний?

Дымогацкий. В вигваме, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Вигвам, Метелкин, нужен.

Метелкин. Нет вигвамов, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Ну, хижину из «Дяди Тома» поставишь. Тропическую растительность, обезьяны на ветках, трюбочки с кремом и самовар.

Метелкин. Самовар бутафорский?

Геннадий. Э, Метелкин, десять лет ты в театре, а все равно как маленький! Савва Лукич придет генеральную смотреть.

Метелкин. Так, так, так...

Геннадий. Ну, значит, сервируешь чай. Скажи буфетчику, чтобы составил два бутерброда побогаче, с кетовой икрой, что ли.

Метелкин *(в дверь)*. Володя! Сбегай к буфетчику! Самовар на генеральную.

Геннадий. Вот оно! Не пито, не едено, а уже расходы начинаются! Смотрите, господин автор! Какой-то доход от вашей пьесы будет, еще неизвестно, да и вообще будет ли он? Да-с... Вулкан! А-а... без вулкана обойтись нельзя?

Дымогацкий. Геннадий Панфилов! Помилуйте! У меня извержение во втором акте. На извержении все построено.

Геннадий. Эх, авторы, авторы! Пишете вы безо всякого удержу! Хотя извержение — хорошая штука! Кас-совая! Публика любит такие вещи. Вот что, Метелкин! Гор ведь у нас много?

Метелкин. Горами хоть завались. Полный сарай.

Геннадий. Ну, так вот что: вели бутафору, чтобы он гору, которая похуже, в вулкан превратил. Одним словом, действуй!

Метелкин *(уходя, кричит)*. Володя, крикни бутафору, чтобы в Арарате провертел дыру вверху и в нее огню! Что? Да, с дымом. А ковчег скиньте.

Лидия *(стремительно входит)*. Здравствуй, Геня.

Геннадий. Здравствуй, котик, здравствуй. Да... вот позволь тебя познакомить... Василий Артурыч Дымогацкий, Жюль Верн. Известный талант.

Лидия. Ах, я так много слышала о вас!

Геннадий. Моя жена, гран-кокетт.

Дымогацкий. Очень приятно.

Лидия. Вы, говорят, нам пьесу представили?

Дымогацкий. Точно так.

За сценой музыка внезапно прекращается.

Лидия. Ах, это очень приятно. Мы так нуждаемся в современных пьесах! Надеюсь, Геннадий Панфилов, я занята? Впрочем, может быть, я не нужна в вашей пьесе?

Дымогацкий. Ах, что вы! Очень, очень приятно.

Геннадий. Конечно, душончик, натурально. Вот — леди Гленарван!.. Очаровательнейшая роль. Вполне твоего типажа женщина. Вот, бери!

Лидия (*овладевая ролью*). Наконец-то! Мой Геннадий из-за того, чтобы не подумали, что он дает мне роли вследствие родства, совершенно игнорирует меня. В этом сезоне я была занята только восемь раз...

Геннадий. Театр, матушка, это храм, этого тоже не следует забывать.

Метелкин (*врывается*). Механик спрашивает: корабль с парусами?

Геннадий. Василий Артурыч!

Дымогацкий. С парусами и с трубой. Шестидесятых годов.

Метелкин (*улетая*). Володя!..

Геннадий (*ему вслед*). Метелкин! Всех на сцену! Всех срочно!

Метелкин (*за сценой*). Володя!..

Слышны отчаянные электрические звонки. Занавес раздвигается и скрывает кабинет Геннадия. Появляется громадная пустынная сцена.

Посередине ее стоит вулкан, сделанный из горы, и изрыгает дым.

Метелкин (*отступая задом*). Живет! Володя! Ставь его на место!

Вулкан скромно уезжает в сторону. На сцену начинает выходить труппа: дирижер Ликуй Исаич во фраке, суфлер, Ликки во фраке, Сизи-Бузи во фраке, какие-то тонконогие барышни с накрашенными губами... Гул, говор... Женские голоса:

«Новая пьеса... новая пьеса...»

Сизи. В чем дело? Репетиция?

Женские голоса: «Говорят, страшно интересно!..» Появляются Геннадий, Лидия и Дымогацкий. С неба мягко спускается банан и садится на Дымогацкого.

Дымогацкий. Ах!

Геннадий. Легче, черти, автора задавили!

Женские голоса: «Володя!.. Володя!»

Метелкин. Володька, легче! Убери его назад! Рано.

Банан уходит вверх.

Геннадий (*становится на уступ вулкана и взмахивает тетрадьми*). Попрошу тишины! Я пригласил вас, товарищи, с тем, чтобы сообщить вам...

Сизигий. Пренеприятное известие...

Лидия. Тише, Анемподист.

Геннадий. ...гражданин Жюль Верн — Дымогацкий разрешился от бремени. (*Кто-то хихикнул.*) А интересно знать, кому здесь смешно?

Голоса. «Мы не смеялись, Геннадий Панфилович!»

Я ясно слышал: «ги-ги». Если среди школьников есть весельчак неукротимый, он может поступить в какой-нибудь смешной театр. Я не буду удерживать. Кстати, я не позволю жабам стирать грим с лица. Это недопустимо, и с виновного я строго взыщу! Итак, Василий Артурыч, колоссальнейший талант нашего времени, представил нашему театру свой последний опус под заглавием: «Багровый Остров»

Гул и интерес.

Попрошу внимания! Обстоятельства заставляют нас спешить. Савва Лукич покидает нас на целый месяц, поэтому сейчас же назначаю генеральную репетицию в гриме и костюмах.

Сизигий. Геннадий! Ты быстрый, как лань, но ведь ролей никто не знает.

Геннадий. Под суфлера. И я надеюсь, что артисты вверенного мне правительством театра окажутся настолько сознательными, что приложат все силы — меры к тому, чтобы... ввиду... и невзирая на очевидные трудности... (*Зарапортовался.*) Товарищ Мухин!

Суфлер. Вот он я.

Геннадий (*вручая ему экземпляр пьесы*). Подавать попрошу четко.

Суфлер. Слушаю...

Геннадий. По дороге будут исправления.

Суфлер. Понятно-с.

Геннадий. Итак, позвольте вам вкратце изложить содержание пьесы. Впрочем, налицо наш талант... Василий Артурыч! Пожалте сюда!

Дымогацкий. Я... гм... кхе... моя пьеса, в сущности, это просто так...

Геннадий. Смелее, Василий Артурыч, мы вас слушаем.

Дымогацкий. Это, видите ли, аллегория. Одним словом, на острове... это, видите ли, фантастическая пьеса... на острове живут угнетенные красные туземцы под властью белых арапов... У них повелитель Сизи-Бузи Второй...

Лидия. Ты знаешь, Адочка, у него вдохновенное лицо.

Бетси. Самое ординарное.

Геннадий. Попрошу внимания.

Дымогацкий. И вот происходит извержение вулкана... но это во втором акте. Я очень люблю Жюль Верна... Даже избрал это имя в качестве псевдонима... поэтому мои герои носят имена из Жюль Верна в большинстве случаев... вот, например, лорд Гленарван...

Геннадий. Виноват, Василий Артурыч! Разрешите мне более, так сказать, конспективно... Ваше дело хе-хе, музы, чернильницы. Итак, акт первый. Кири-Куки — провокатор. Ловят двух туземцев — положительные типы. Хлоп! В тюрьму! Суд! Хлоп! Повесить! Убегают! Приезжают европейцы. Хлоп! Переговоры. Праздник на острове. Конец первого акта. Занавес.

Сизи. Вот это рассказ!

Геннадий. Заметьте, Ликуй Исаич, праздник.

Ликуй Исаич. Не продолжайте, Геннадий Панфилич, я уже понял.

Геннадий. Вот, позвольте познакомить. Наш капельмейстер. Уж он сделает музыку, будьте покойны. Отец его жил в одном доме с Римским-Корсаковым.

Дымогацкий. Очень, очень приятно.

Геннадий. Экзотика, Ликуй Исаич. Туземцы, знаете ли, такие, что не продохнуть, но в то же время аллегория.

Ликуй Исаич. Не продолжайте, Геннадий Панфилич, я уже понял.

Геннадий. Итак, роли...

Гул и интерес.

Сизи-Бузи Второй. Повелитель туземцев, белый арап. Тупой злодей на троне. Ну, если тупой злодей — Сундучков. Получи, Анемподист!

Сизи. Мерси.

Геннадий. Ликки-Тикки, полководец, впоследствии раскаялся в этом, Александр Павлович Ринский, прошу...

Ликки. Фрак снимать, Геннадий?

Геннадий. Некогда, Саша. Сверху костюм. Туземец Кай-Кум, положительный тип... Бондаклеевский. Прощу. Туземец Фарра-Тете. Тоже крайне положительный — Шурков... Получите!

Сизи. Пьеса заканчивается победой арапов?

Геннадий. Она заканчивается победою красных туземцев и никак иначе заканчиваться не может.

Сизи. А меня уже во втором акте нету. Эдак до победных торжеств не доживешь.

Геннадий. Анемподист Тимофеевич! Я тебя убедительно прошу школьников меньшевистскими остротами не смущать. Вообще театр — это храм. Мне юношество вверено государством... Леди Гленарван... гм... ну, это гран-кокетт — значит, Лидия Иванна. Это ясно. Лида... ах, ты уже взяла роль...

Гул в женской группе.

Бетси. Ну, конечно, ясно! Как же не ясно?!

Геннадий. Виноват, Аделаида Карповна. Вы что-то хотите сказать?

Лидия. Я извиняюсь...

Бетси. Нет, так, ничего. Хорошая погода.

Лидия. Есть актрисы, которые полагают...

Бетси. Что они полагают? Они полагают, что женам директоров трудно получать роли.

Геннадий. Медам, я категорически протестую!..

Женский голос: «Сколько всех женских ролей?»

Две.

Гул разочарования.

Бетси, горничная леди Гленарван. Аделаида Карповна, вам!

Бетси. Я, Геннадий Панфилович, десять лет уже на сцене, и выносить подносы мне уже поздно.

Геннадий. Аделаида Карповна! Побойтесь вы Бога!

Бетси. Не далее как вчера на общем собрании вы утверждали, Геннадий Панфилич, что Бога нет, так как присутствовал Савва Лукич. Ну, а как только тот из театра вон, Бог мгновенно появляется на сцене!

Лидия. Ну и характерец!

Геннадий. Аделаида Карповна! Я протестую против такого тона!

Сизи. Говорил я Геннадию, не женись на актрисах... И всегда будешь в таком положении...

Геннадий. Театр — это..

Бетси. Место интриг.

Геннадий. Бетси. Субретка. Дивная роль. Толстенная роль. Понятно? Угодно, или я передаю Чудновской.

Бетси. Пожалуйста! *(Схватывает роль.)*

Геннадий. Жак Паганель, француз. Акцент. Империалист. Суздальцев-Владимирский. Капитан Гаттерас — Чернобоев. Аппетитнейшая ролька.

Гаттерас. Черта пухлого аппетитная! Две страницы!

Геннадий. Во-первых, не две, а шесть, а во-вторых, припомните, что сказал наш великий Шекспир: «Нету плохих ролей, а есть паршивцы актеры, которые портят все, что им ни дай». Лорд Гленарван. Ну, это я сам сыграю. Потружусь для вас, Василий Артурыч. Арап Тохонга, любовник. Соколенко. Паспарту, лакей... Э, черт!.. Старицын-то болен?

Метелкин. Болен, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Плохо, что болен. Гм... Э, некому больше... Метелкин, придется тебе.

Метелкин. Мне ведь монтировать, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Метелкин! Я не узнаю тебя, старый товарищ.

Метелкин. Слушаю, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Ну, теперь главная роль. Проходимец Кири-Куки, церемониймейстер у Сизи-Бузи. Это по праву роль Варравы Аполлоновича Морромехова. Кто не знает Варравы? Любимец публики! Скромность, честность, простота! Старой щепкинской школы человек! На днях предлагали ему звание народного. Отказался Варрава! К чему, говорит, это мне? Варрава Аполлонович!

Голоса: «Его нет! Его нет!»

Как нет? Вызвать срочно! В чем дело?

Метелкин (*интимно*). Они в сорок четвертом отделении милиции, Геннадий Панфилич.

Геннадий. Как в сорок четвертом? Зачем же он туда попал?

Метелкин. Ужинали вчера в «Праге» с почитателями таланта. Ну, шум случился.

Геннадий. Шум случился? Каково?.. У нас экстренный выпуск пьесы, все на посту... и шум случился! А? Да разве это актер? Актер это разве? Босяк он, а не актер! Вот что! Сколько раз я упрашивал... Пей ты, говорю, Варрава, сдержанно.

Метелкин. Звонили по телефону, к вечеру выпустят.

Геннадий. На кой предмет он мне вечером? На какого дьявола?.. Савва будет днем, Савва в Крым уезжает! Он нужен мне сию секунду или никогда не нужен! И ты хорош! В «сорок четвертом»!..

Метелкин. Помилуйте, Геннадий Панфилич! Поил я его, что ли?

Геннадий. К черту все, одним словом! Не будет репетиции, не будет и пьесы! Закрываю театр! Я не могу работать в окружении мещан и алкоголиков! Уходите все! (*Движение.*) Стоп! Куда вы! Назад!

Лидия. Геннадий! Не волнуйся! Тебе вредно расстраиваться!

Ликки. Геннадий! Дай кому-нибудь из школьников прочитать.

Геннадий. Да что ты? Смеешься, что ли? Они только и умеют жабы портить. Все на моих плечах, все на меня валится!.. Народный!.. Пьяница он международный!

Дымогацкий. Геннадий Панфилич!

Геннадий. Оставьте меня все! Оставьте! Пусть идеалист Геннадий, мечтавший о возрождении театра, умрет, как бездомный пес, на вулкане.

Дымогацкий. Если гибнет пьеса, позвольте, я сегодня сыграю Кири-Куки. Я ведь наизусть знаю все роли.

Геннадий. Что вы! Помилуйте! Заменять Морро-мехова!.. (*Пауза.*) Да вы играли когда-нибудь?

Дымогацкий. Я на даче играл.

Геннадий. На даче? *(Пауза.)* Хорошо, рискнем. Пусть все видят, как старый Геннадий спасает пьесу. Роль Кири-Куки, проходимца, исполнит сам автор.

Сизи. Ну, вот и разошлась пьеска.

Лидия. Нечего было и истерику устраивать.

Геннадий *(по тетради)*. Итак: арапы, несметные полчища красных туземцев — заняты все школьники. *(Гул.)* Английские матросы — хор. Говорящий попугай... гм... ну, это Метелкин, натурально. Постарайся, дружок. Ликуй Исаич! Прошу немедленно заняться музыкой... экзотика.

Ликуй Исаич. Не продолжайте, я уже понял. Ребятишки, ссыпайтесь в оркестр!

Музыканты идут в оркестр

Геннадий. Всех на грим! Василий Артуруч, пожалуйста в мою уборную!

Сизи. Портные!

Лидия. Парикмахер!

Актеры разбегаются.

Метелкин. Володя, начинай!

Задник уходит вверх, и открывается ряд зеркал с ослепительными лампами. Появляются парикмахеры. Актеры усаживаются и начинают гримироваться и одеваться.

Ликки *(по телефону)*. Молчать, когда с тобою разговаривают! Ма... Маг... Белые перья мне!

Сизи. Федосеев, мне корону нужно!

Кай-Кус. И всегда мне добродетельная голубая роль достается. Уж такое счастье!

Сизи. А ты слышал, что Шекспир сказал: «Нет голубых ролей, а есть красные». Эй, вы, фашисты! Будет мне корона или нет?

Метелкин *(пролетает бурей)*. Володя!..

Дирижер *(из оркестра)*. А где же валторна? Больна? Я ее вчера видел в магазине. Она носки покупала. Это прямо смешно! Без ножа! *(Голос: «Что без ножа?»)* Зарезала без ножа! Я, право, не понимаю таких музыкантов!

Геннадий *(из своей уборной)*. Сто лет мне штанов дожидаться? Портные! Штаны в крупную клетку!

Метелкин *(на сцене)*. Володя! Давай задник!

Сверху сползает задник — готический храм, в который вшит кусок Грановитой палаты с боярами, закрывает зеркала.

Володька, черт! Ну, что ты спустил? Не готический, а экзотический. Давай океан с голубым воздухом!

Задник уходит, открывает зеркала. Возле них — шум. Парики на болванках.

Ликки. Опять трико лопнуло! Скупердяй этот Геннадий!

Сизи. Режим экономии, батюшка.

Мрачно шумя, опускается океан. В оркестре настраивают инструменты. Зеркала исчезают. Опускаются горящие софиты, какие-то блоки.

Метелкин. Вулкан налево, налево двинь!

Вулкан едет, изрыгая дым.

Дирижер. Увертюра № 17. Приготовьте ноты!
Метелкин. Готовы актеры?

Голоса: «Готовы!»

Володя! Давай занавес!

Идет общий занавес и закрывает сцену

Конец пролога.

АКТ ПЕРВЫЙ

Метелкин (*в разрезе занавеса*). Готово! Ликуй Исач, начинайте! (*Исчезает.*)

Удар гонга.

Дирижер. Тише!

Оркестр начинает увертюру.

Музыкант с валторной появляется в разрезе занавеса. Он опоздал и взволнован.

Дирижер (*опускает палочку, музыка разваливается*). А! Это вы? Очень приятно. Отчего вы так рано? Ах,

вы в новых носках? Ну, поздравляю вас, вы уже оштрафованы. Пожалуйста в оркестр.

Музыкант спускается в оркестр. Увертюра возобновляется. С последним тактом ее открывается занавес. На сцене волшебство — горит солнце, сверкает и переливается тропический остров. На ветках обезьяны, летают попугаи. Вигвам Сизи-Бузи на уступах вулкана окружен частоколом. На заднем плане океан. Сизи-Бузи сидит на троне в окружении одалисок из гарема. Возле него стоят в белых перьях сверкающий Ликки-Тикки, Тохонга и шеренга арапов с копьями.

Сизи. Ай, ай, ай! Мог ли я думать, что мои верно-подданные туземцы способны на преступление, против своего законного государя! Я не верю моим царственным ушам... Где же преступник?

Ликки. В тюремном подземелье, повелитель. Кири-Куки я послал вместе с ними.

Сизи. Зачем?

Ликки. Так он придумал. Чтобы туземцы не догадались о его вероломстве.

Сизи. А, это умно!

Ликки. Прикажете представить злоумышленников, ваше величество?

Сизи. Представь, бодрый генерал.

Ликки. Эй! Тохонга! Вынуть бездельников из подземелья!

Арапы открывают трап и выталкивают Кай-Кума, Фарра-Тете и Кири-Куки.

Тохонга. Выходите на суд властителя!

Сизи. Ай-ай-ай! Ну, здравствуйте, дорогие мерзавцы!

Кири. Здравия желаю, ваше величество!

Кай и Фарра удивлены.

Ликки. Прикажете допросить, ваше величество?

Сизи. Допросим, милый храбрец.

Ликки. Ну-те, красавцы, что вы говорили у маисовых кустиков?

Кай. Мы ничего не говорили.

Ликки. Ах, вот как! Да ты глазами не моргай! Говорил?

Фарра. Нет.

Ликки. Молчать, когда с тобой разговаривают! Говорил? Отвечать, когда тебя спрашивают!

Сизи. Ай-ай-ай! Какие упорные! Если вы будете закираться, бог Вайдуа на том свете накажет вас.

Кай. Мы не верим больше в бога Вайдуа. Нам слишком мерзко живется. Его нет. Иначе он заступился бы за нас.

Сизи. Ах! Поставь их подальше от меня. Если в них ударит молния, она может зацепить и меня.

Ликки. Видно, от них не добьешься толку. Кири, рассказывай ты!

Кай. Брат наш, арап, будь мужественен, молчи.

Кири. Виноват, я вам не брат.

Кай. Как?

Кири. Ваше величество! Ужас, ужас, ужас! Впрочем, я так истомился в подземелье, что не могу говорить. Тохонга, дай мне для подкрепления глоток огненной воды.

Тохонга подает Кири фляжку.

Ух, хорошо! (*Кай и Фарра поражены.*) Итак, ваше величество, давно я стал замечать, что в умах ваших верно-подданных происходит брожение. Угнетенный мыслью о том, что будет с нашим дорогим Островом в случае, если движение примет гибельные размеры, решил я пуститься на хитрость...

Кай. Как?! Кири...

Фарра. Вот оно что! Он провокатор! Все ясно!

Ликки. Молчать!

Кири. Давно уж эти двое молодцов у меня на примете. Сегодня утром подсел я к ним и разговорился. Так, мол, и так. Отчего, ребяташки, вы такие грустные? Аль вам плохо живется?..

Фарра. Кай, мы в руках предателя. Ну, погоди же ты, гнусная гадина!

Кири. Ваше величество, защитите вашего преданного Кири от нападок госпреступников.

Ликки. Молчать!

Сизи. Продолжай, умник.

Кири. Да что же, ваше величество. Ужас, ужас, ужас! Говорить-то страшно... Я и говорю им: чего вы, братцы, мнетесь? К чему эта скрытность между своими? Как, говорят, разве ты наш? Ты — белый арап, состоишь

в свите у Сизи-Бузи, что у тебя общего с нами, бедными рабами-туземцами? Ну, тут я им наговорил с три короба. И что я по виду только арап, а в душе я с ними, с красивыми туземцами...

Кай. О, есть ли на свете мера человеческой подлости!

Кири. ...и что давно я уже, тронувшись стремлениями туземного народа, задумал... вымолвить страшно, ваше величество... да, задумал бунт против вашего величества... и спрашиваю их: «А что, пошли бы вы в случае чего за мной?» — и вообразите, они отвечают: «Пошли бы».

Сизи. Где же ты, небесная молния?! Нету небесной молнии.

Кири. И тут еще народишко подошел, и многие стали сочувствовать... Я прямо в ужас впал от тех дел, что затеваются у нас на Острове... Но вида не подаю и кричу: «Ужас, ужас, ужас! Долой, — кричу, — тирана Сизи-Бузи со сворой белых опричников!» И, что же вы думаете, они мне стали вторить... Долой! Долой! Ну, а потом на этот крик сбежалася стража, как я и велел, и нас всех схватили.

Сизи. И это правда?

Кай. Да, это правда. И никогда еще правда не вылетала из уст более гнусных, чем уста этого человека.

Кири. Видали, что за тип, ваше величество?

Ликки. Заткнуть ему рот!

Кай (*отбиваясь*). Слушай ты, пиявка!

Сизи. Пиявка? Это ты мне?

Кай. Тебе! Почему ты оказался на троне? Почему ты с несколькими сотнями вооруженных бездельников прaviшь несметными толпами туземцев-рабов?..

Ликки. Заткнуть его!

Тохонга затыкает рот Каю.

Фарра. Тысячи туземцев, задавленный, покорный народ ползает по жгучей земле, сеет маис, добывает для тебя жемчуг и собирает черепашьи яйца. Они работают от восхода до заката солнечного бога.

Ликки. Заткнуть и этого!

Кири. Ужас, ваше величество!

Фарре затыкают рот.

Кай (*вырывается*). А ты продаешь все это европейцам и пропиваешь?! Где же справедливость? Туземцы, вы слышите нас?..

Арапы затыкают ему рот наглухо.

Фарра (*вырываясь*). Злодей!

Кири. Удивляюсь вашему долготерпению, ваше величество.

Сизи. Что же мне, уты вашей затыкать, что ли? Тьфу, ваши утой. Трудный текст. Ватой уши... Молчи, негодный!

Фарра. Но трепещи, злодей! Уже светит зловещим пламенем молчавший доселе вулкан Муанганам. Гляди, гляди!

Туча скрывает солнце, и над вулканом показывается зловещий отблеск.

Сизи. Тьфу, тьфу, сухо дерево — завтра пятница! Не смей накликать беду, безбожник!

Туча уходит, светло. Каю и Фарре наглухо затыкают рты.

Кири. Извольте видеть, ваше величество, каких типчиков я вам обнаружил.

Сизи. Спасибо тебе, верный министр Кири. Ты получишь награду.

Кири. Ах, не из-за наград я работаю, ваше величество. Сознание исполненного долга — самая сладкая награда моя. (*Тихо.*) Ловко загнул. (*Вслух.*) Кстати, о наградах, ваше величество. Мне некоторое время не придется показываться на глаза туземцам. Пусть объявят, что я сижу в подземелье.

Сизи. Это умная мысль. Хорошо! Что же мне теперь с ними делать?

Кири. Натурально, повесить на пальме в назидание прочим.

Сизи. Это мысль! Читай приговор.

Кири. Туземцы Кай-Кум и Фарра-Тете за попытку к бунту против законного повелителя Острова... да продлят боги неомраченным светлое царствование его, Сизи-Бузи Второго...

Дирижер подает знак, в оркестре фанфары. Арапы берут на караул.

...приговариваются (*дробь барабана*) к лишению всех прав, конфискации имущества... где помещается ваше имущество? Эй, вынуть тряпку у этого!

Кай. Сволочь ты!..

Кири. Заткнуть!.. И повешению на пальме кверху ногами!

Сизи. Не забудь: «Но, принимая...»

Кири. Эх, ваше величество, избалуете вы их этими «принимая».

Сизи. Я не хочу этим мерзавцам дать повод упрекать меня в жестокости.

Кири. Как бы это они упрекнули, вися на пальме? Висели бы себе тихо... Но, принимая... прав не лишать, повесить со всеми правами и общепринятым способом, вверх головой.

Кай и Фарра вырываются из рук арапов и взбегают на скалу.

Кай. Фарра, нам нечего терять! Лучше смерть в волнах, чем в петле! За мною!

Фарра. Долой тирана!

Бросаются в океан. За сценой грузный всплеск.

Сизи. Ах!

Кири. Что же вы, черти, не держали их?!

Ликки. Поймать!

Арапы бегут.

Кири. К пирогам!

Тохонга. К пирогам! (*Пускает стрелу со скалы. Все убегают. Сизи тоже.*)

Паспарту (*за сценой*). Европейцы, на выход! Волodka! Что же ты корабль не опустил? У, накладчики черти!

Дирижер дает знак.

Матросы (*за сценой с оркестром поют*).

По морям... по морям...

Нынче здесь... завтра там...

С неба на тросах спускается корабль, на нем: Лорд, Леди, Паганель, Паспарту, Гаттерас, матросы. Все в костюмах с иллюстраций к книжкам Жюль Верна.

Матросы (*поют*). Ах, далеко нам до Типперэри...

Пушечный удар.

Земля! Земля! Ура! Ура!

Леди. Лорд Эдвард, земля, земля! О, как я рада!

Лорд. О, йес. Я вижу. Капитан, спускайте нас на берег!

Гаттерас. Трап спустить! Ротозен! Эй! Ты, в штанах клеш, ползешь по трапу, как вошь! А, чтоб тебя лихорадка бросала с кровати на кровать, чтобы ты мог понимать...

Леди. О, Боже мой, как он выражается!

Паганель. Как вы выражаетесь при мадам, мсье Гаттерас.

Гаттерас. Тысячу извинений, леди, я вас не заметил. Спустите трап, ангелочки, спустите, херувимчики, английским языком вам говорю! Трам-та-рам-та-рам... (*Ругается беззвучно.*)

Матросы спускают трап, все сходят на берег.

Леди. Какая дивная земля! Лорд Эдвард, мне кажется, этот остров необитаем.

Паганель. Мадам имеет резон. Остров необитаем. Клянусь Елисейскими полями, я первый заметил это!

Леди. Простите, мсье Паганель, я первая крикнула «необитаемый»!

Лорд. Леди права. Капитан, подать сюда флаг! (*Втыкает английский флаг в землю.*) Йес. Остров английский!

Паганель. Паспарту! Флаг! (*Втыкает французский флаг в землю.*) Уи. Остров французский.

Лорд. Как понимать ваш поступок, сэр?

Паганель. Как хотите понимайте, мсье.

Лорд. Вы — гость на моей яхте, сэр, и я не понимаю вас. Я не могу допустить, чтобы остров валялся на дороге беспризорным.

Паганель. Я тоже не могу допустить такое.

Паспарту. Прошу извинения, джентльмены. Маленький совет: Остров пополам.

Лорд. Согласен. Йес.

Паганель. Уи.

Показывается Снзи и вся остальная компания.

О, вуаля! Смотрите, смотрите!

Лорд. Остров обитаем. Кто вы такие?

Кири. Позвольте поздравить, ваше сиятельство, по поводу прибытия на наш уважаемый Остров.

Лорд. Вы здесь живете?

Кири. Точно так. Прописаны на Острове.

Лорд. Убрать флаги! Кто же владеет Островом?

Сизи (*поместившись на троне*). Я, милостию богов и духа Вайдуа... (*фанфары*)... я, Сизи-Бузи Второй, царствую здесь. Вот гвардия моя, арапы верные и предводитель Ликки-Тикки.

Кири. Честь имею рекомендовать себя. Я, Кири-Куки, церемониймейстер двора его величества.

Лорд. А где же двор?

Кири. А вот, извольте видеть, вигвам на вулкане, а возле него палисадничек. Это и есть двор.

Леди. Ах, какое забавное племя мы открыли!

Сизи. А вы кто такие будете, дорогие гости?

Лорд. Я... (*в оркестре музыка*)... лорд Эдвард Гленарван, владелец замка Малькольм. Со мною леди Гленарван и Гаттерас, мой капитан, с командою.

Паганель. Я... (*в оркестре «Марсельеза»*) ...Жак Элиасин Мария Паганель, секретарь географического общества. Со мной лакей мой...

Паспарту. Паспарту.

Сизи. Сердцу моему приятны знатные гости.

Лорд. Подать сюда складные стулья!

Матросы подают стулья. Европейцы усаживаются.

Где же ваш народ?

Сизи. Народ у нас — красные туземцы. Они живут там, далеко.

Лорд. Много их?

Сизи. О, много... один... два... пятнадцать... и еще много полчищ.

Паганель. Как интересно! (*Записывает.*)

Лорд. Вы управляете, а они работают?

Сизи. Так, дорогой, так.

Лорд. О, это умно! Добрый народ?

Кири. Очаровательнейший народишко, ваше сиятельство! Тут намерении двоих приводили... впрочем, ничего.

Лорд. Остров богат?

Сизи. Слава богам, живем, не жалуемся. На Острове у нас есть маис, рис, черепахи, слоны, попугаи, а в прошлом году объявился жемчуг.

Леди. Жемчуг? О, это крайне интересно!

Паганель. О, да.

Леди. Жемчуг? Вы говорите — жемчуг? И много вы добываете его?

Сизи. Немного, дорогая. Пудов пятьсот каждый год.

Лорд, Леди, Паганель, Гаттерас. Сколь-ко?..

Сизи. Почему вы так удивились, о, знатный иностранец?

Лорд. Мало. И куда вы деваете этот жемчуг?

Сизи. Продали.

Лорд. Кому?

Леди. Продали!

Лорд. Леди, прошу вас помолчать.

Сизи. Немец к нам один приезжал.

Паганель. Всюду этот немец!

Лорд. И сколько он вам заплатил?

Сизи. Пятьсот аршин ситцу, двадцать бочонков пива, одного миссионера, и, кроме того, он подарил Кири-Куки брюки...

Кири. Вот эти самые штаны.

Сизи. А мне он подарил на память пятьсот своих денежных марок, и я ими обклеил свой вигвам.

Лорд. И он забрал пятьсот пудов жемчугу?

Сизи. И увез.

Кири. Я говорил вам, ваше величество, что мы продали.

Паганель. Мошенник.

Кири. Я говорил вам, ваше величество.

Сизи. Неужели он обидел старого Сизи? А ведь он обещал вернуться к нам на своем пыхтящем катере.

Гаттерас. И когда он вернется на этом катере, ты должен послать его обратно в Европу. Ах, чтоб тебя перевернуло килем вверх! И ты хорош, старая образина! Да если он еще раз явится сюда и ты не спустишь его со ржавым якорем на ногах в океан... я прямо...

Лорд. Капитан, успокойтесь.

Гаттерас. Да не могу я, ваше сиятельство, с этими арапами... Господи!

Лорд (*тихо*). Сэр... ведь это что же такое? А? Желаете?

Паганель. Сертенеман. Конечно. Уи.

Лорд. Попролам?

Паганель. Попролам.

Лорд (*вслух*). Ну, вот что... Сейчас есть жемчуг?

Сизи. Сейчас, дорогой, не имеем. Весною будет, через три месяца.

Леди. Покажите, какой он? Образчик.

Сизи. Показать можно. Тохонга, принеси из вигвама жемчужину, которой я забиваю гвозди.

Тохонга приносит жемчужину сверхъестественных размеров

Тохонга. Вот.

Кири. Вуаля!

Леди. Ах, мне нехорошо...

Паганель. Собор Парижской богоматери!

Гаттерас. Пятьсот пудов такого? Такого?

Сизи. Нет, тот был крупнее.

Кири. Гораздо крупнее, ваше сиятельство.

Гаттерас. Я не могу...

Лорд. Ну, вот что. Коротко. Нам сейчас нужно отплывать в Европу. Пойми, король, что у тебя был жулик.

Сизи. Ах, ах! Дух Вайдуга его накажет.

Гаттерас. Конечно, держи карман шире!

Лорд. Капитан, прошу меня не перебивать. Итак! Я покупаю весь ваш жемчуг. И не только тот, что вы добудете весной... Но все, что вы выловите за десять лет. Я заплачу вам...

Паганель. Попролам со мной.

Лорд. Да, попролам с господином Жаком Паганелем... Ты видел когда-нибудь фунт стерлингов?

Сизи. Нет, дорогой. Это что?

Лорд. Это удобная вещь. Всюду, где бы ты ни был на земном шаре, одним словом, эта бумажка... вот она. Всюду, где бы ты ни предъявлял ее, ты получишь груды ситцу, горы табаку, штанов и сколько угодно огненной воды.

Гаттерас. Да, не вонючего жуликова пива...

Лорд. ...а рому! Рому!

Сизи. Боги благословят тебя, иностранец.

Лорд. Слушай. Я дам тебе тысячу таких бумажек. И ты закутаешь свой остров в ситец, как в юбку. Я дам тебе пятьсот бочек коньяку, который горит, как солома, если к нему поднести спичку, я дам тебе тысячу аршин коленкору, тысячу! Понимаешь? Сто... сто... десять раз сто.. Пятьдесят коробок сардинок... Чего ты еще хочешь?

Сизи. Больше ничего не хочу. Ты — великодушный иностранец.

Гаттерас. А я тебе, со своей стороны, дарю трубку с условием, что к моему приезду сукин немец будет висеть здесь на дереве, как гнилой банан.

Кири. А мне чемодан, ваше сиятельство.

Лорд. Хорошо. Я заплачу тебе все это сейчас, вперед, понял?

Сизи. Я люблю тебя, иностранец!

Лорд. Я тебя тоже, только обслюнил ты меня всего. Целуй мсье Паганеля.

Паганель. Мерси, я поцеловался позавчера. И сыт.

Лорд. Подпишись здесь.

Сизи. Я, дорогой, как месяц пробыл в ликвидации неграмотности, все забыл. Помню: Зе — крендель, а остальное вылетело.

Кири. Позвольте мне, лорд. Вот, пожалуйста. Ка и Ки. Кири-Куки.

Леди. О, вы грамотный. *(Тихо.)* Он очень недурен, этот арап. *(Вслух.)* Кто выучил вас?

Кири. Заезжие иностранцы, сударыня.

Лорд *(читает)*. Кири-Куки и... чемодан. Что такое?

Кири. А это я напоминаю. Не забыть бы про чемодан, ваше сиятельство.

Лорд. А! Выдать ему чемодан с блестящими застежками.

Паспарту подает чемодан.

Кири. Какая прелесть! Верить ли мне моим голубым глазам! Ах! Ах! Нет, я не достоин такого чемодана. Позвольте мне обнять вас, лорд.

Лорд уклоняется. Кири обнимает леди.

Леди. Ах вы, дерзкий!..

Лорд. Ну, это лишнее. Итак, получай... *(Выдает толстые пачки денег.)* Вот фунты стерлингов. Но помни:

честным нужно быть! Через три месяца я приеду за жемчугом. Немца, если появится, гнать! Не плутовать! Иначе я рассержусь.

Паганель. Я тоже. Мы сделаем войну.

Сизи. Ах, что пугаешь старого Сизи? Он не обманет.

Лорд. Ну, молодец! Матросы, выдать коленкор, сардины, выкатить ром!

Гаттерас. Даешь ром! Там-тар...

Матросы. Эгей!.. *(Выбрасывают товары, выкатывают бочки.)*

Сизи. Спасибо тебе. Я тебе дарю жемчужину. На!

Леди. Мерси! Ах, чудо! Чудо!

Кири. Тохонга! Поймай для леди попугая!

Тохонга. Сейчас.

Стая попугая взлетает. Тохонга ловит чудовищного и подносит его.

Вот.

Кири. Позвольте вам, сударыня, поднести на память попугая. Приятное украшение вашей гостиной в Европе.

Ликки. Ловок, каналья!

Паганель. Черт! Дикарь галантен!

Леди. Он очарователен, мсье Паганель! Мерси! Мерси! Он говорит?

Кири. Еще как!

Гаттерас. В первый раз в жизни вижу такой экземпляр. Ах, чтоб тебе сдохнуть!

Попугай. Чтоб тебе самому сдохнуть!

Общее изумление.

Гаттерас. Ты это кому? Ах, сатана бесхвостый!

Попугай. Сам сатана!

Гаттерас. Вот я тебя!

Леди. Что вы, капитан? Не смейте обижать мою птичку! Попка дурак!

Попугай. Сама дура!

Леди. Ах!

Лорд. Полегче, Метелкин!

Попугай. Слушаю, Геннадий Панфилич.

Гаттерас. Лорд, солнце садится. Пора ехать. У острова рифы.

Лорд. Поднимайте паруса, капитан.

Гаттерас. Слушаю. Команда, на корабль!

Матросы идут на корабль, и он одевается парусами.

Лорд. Гуд бай!

Сизи. Пока.

Леди. Паспарту! Взять попугая!

Паспарту. Слушаю, леди.

Паганель. Оревуар.

Гаттерас. Трап поднять! Трам-та-ра-рам!

Попугай. Мать-мать-мать...

Гаттерас. Ах, чтоб ты сгорел в камбузе! Завязать ему клюв канатом! Из бухты вон!

Поднимают якорь. Корабль начинает уходить. Солнце садится в океан.

Матросы (*затихая*). По морям... по морям...

Попугай (*поет*). Нынче здесь, завтра там!

Сизи. Уехали. Хорошие иностранцы!

Кири. Честь имею поздравить, ваше величество, с выгодной сделкой!

Ликки. А я тебя с чемоданом! Умеешь ты кланчить, чертов сын!

Кири. Ты знаешь, Ликки, иностранка в меня влюбилась, кажется.

Ликки. Ну, конечно, она никогда не видала такого красавца, как ты!

Сизи. Кири, прими деньги и спрячь.

Кири. Слушаю, ваше величество. (*Прячет деньги в чемодан.*) Как прикажете быть с продуктами?

Сизи. Спрятать в мои кладовые. Арапам выдать по чарке огненной иностранцевой воды.

Арапы. Покорнейше благодарим, ваше величество!

Сизи. Молодцы, ребята!

Арапы. Рады стараться, ваше величество!

Сизи. Хорошо, только замолчите!

Тохонга вскрывает бочку. Она вспыхивает синим огнем в сумерках.

Вот это я понимаю!

Ликки. Ваше величество, следовало бы и туземцам объявить какую-нибудь милость.

Сизи. Милость? Ты думаешь? Ну, что ж! Объявите им, что я их прощаю за бунт. Прощаю и тех двух головорезов, которые потонули. Я на них не сержусь.

Кири. Добрейший государь! *(Тихо.)* Однако хотел бы я наверняка знать, что они потонули.

Сизи. Назначая сегодня вечером праздник всем придворным и верной моей гвардии, и пусть в час восхода ночного светила...

Всходит таинственная луна.

...потешат нас пляскою одалиски из нашего гарема.

Дирижер дает знак, и оркестр бурно играет 2-ю рапсодию Франца Листа. Одалиски начинают пляску. Радостнее всех пляшет Кири-Куки с чемоданом.

Идет занавес и закрывает сцену.

Паспарту *(в прорезе занавеса взмахивает рукою, и музыка прекращается)*. Антракт.

В залу дают свет.

Конец первого акта.

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В оркестре раскаты катастрофы. Открывается занавес. На сцене тьма, и только над вулканом зловещее зарево.

Кири *(с фонариком)*. О! Кто тут есть? Ко мне! Ко мне! Кто это? Полководец, ты?

Ликки *(с фонариком)*. Я! Я! Это ты, Кири?

Кири. Я! Я! Вот так штука! Ты уцелел?

Ликки. Как видишь, благодаря богам!

Кири. Отвечай, погиб Сизи-Бузи?

Ликки. Погиб.

Кири. Сколько раз я твердил старику, убери ты вигвам с этого чертова примуса! Нет, не послушался. «Боги не допустят!..» Вот тебе и не допустили!.. Кто еще погиб?

Ликки. Весь гарем и половина арапов. Все, что были в карауле.

Кири. Хорошенькие дела!

Ликки. Ума не приложу, что же теперь будет...

Кири. Нет, дорогой генерал, тут очень даже придется приложить!

Ликки. Ну, так прикладывай скорее!

Кири. Погоди... Сядем... Ох!

Ликки. Что?

Кири. Кажется, я ногу себе вывихнул. Ох!.. Итак... прежде всего разберемся в том, что произошло. Произошло...

Ликки. Извержение.

Кири. Погоди, не перебивай! Извержение! Да, хлынула лава и затопила царский вигвам. И вот мы остались без повелителя.

Ликки. И без половины гвардии.

Кири. Да, это ужасно, но это факт. Спрашивается, что же теперь произойдет на Острове?

Ликки. А что?

Кири. Я тебя спрашиваю, что?

Ликки. Не знаю.

Кири. А я знаю. Произойдет бунт.

Ликки. Неужели?

Кири. Будь спокоен. Тебе отлично известно, в каком состоянии наш добрый туземный народ, а теперь, когда узнает, что повелителя больше нету, он совершенно взбесится...

Ликки. Не может быть!

Кири. «Не может быть!..» Что ты как ребенок, в самом деле!.. Ой, смотри, еще огонь! Не хлынуло бы сюда!

Ликки. Нет, уже приутихло.

Кири. Ну, брат, я внутри там не был. Черт его знает, утихает он, не утихает... Перейдем-ка вниз на всякий случай...

Перебегают.

Тут спокойнее. Итак, спрашивается, что нужно сделать, чтобы избежать ужасов бунта и безначалия?

Ликки. Не знаю.

Кири. Ну, а я знаю. Необходимо сейчас же избрать нового правителя.

Ликки. Ага! Понял! Но кого?

Кири. Меня.

Ликки. Ты как, в здравом уме?

Кири. Я всегда в здравом, что бы ни случилось.

Ликки. Ты — правитель?!. Слушай, это нахальство!

Кири. Молчи, ты ничего не понимаешь. Слушай меня внимательно: эти двое чертей утонули наверно?

Ликки. Кай-Кум и Фарра-Тете?

Кири. Ну, да.

Ликки. Мне кажется, я видел, как головы их скрылись под водою.

Кири. Хвала богам! Только эти две личности и могли помешать исполнению моего плана, который я считаю блестящим.

Ликки. Кири, ты нагл! Кто ты такой, чтобы лезть в правители?! Скорее уж я, начальник гвардии...

Кири. Что ты можешь? Ну, что ты можешь? Ты умеешь только орать команды и больше ничего! Нужен умный человек!

Ликки. А я не умен? Молчать, когда...

Кири. Ты среднего ума человек, а нужен гениальный.

Ликки. Это ты-то гениальный?

Кири. Не спорь. Ой!.. Слышишь?

Шум за сценой.

Ликки. Ну, конечно, проснулись, черти!

Кири. Да, они проснулись, и, если ты не хочешь, чтобы они тебя вместе с остатками твоей гвардии выкинули в воду, слушайся меня. Коротко! Я пройду в правители. Отвечай мне, желаешь ли ты оставаться у меня начальником гвардии?

Ликки. Это неслыханно! Я — Ликки-Тикки, полководец, буду начальником гвардии у какого-то проходимца!..

Кири. Ах, так! Пропадай же ты, как собака, без церковного даже покаяния! Имей в виду, что план я свой все равно выполню. Я перейду на сторону туземцев, в правители я все равно пройду! Ибо Островом управлять некому, кроме меня. Ну, а ты будешь кормить крабов в бухте Голубого Спокойствия. До свидания! У меня нет времени!

Ликки. Стой, мерзавец! Я согласен!

Кири. Ага, это другое дело.

Ликки. Что я должен делать?

Кири. Собери уцелевших арапов и молчи в тряпочку. Что бы с ними ни происходило! Понял? Молчи.

Ликки. Ладно. Посмотрю я, что из этого выйдет...
Тохонга! Тохонга! Где ты?

Тохонга (*входит*). Я здесь, генерал!

Ликки. Зови сюда всех, кто уцелел!

Тохонга. Слушаю, генерал!

Шум громадной толпы. На сцену — сперва
отдельно, потом толпами — появляются туземцы с красными
флагами. Пламя дрожит, и от этого вся сцена освещается мистическим
светом.

Кири (*вскочив на пустую ротовую бочку*). Эй! Эгей!
Туземцы, сюда! Сюда!

Туземцы. Кто зовет? Что случилось? Извержение?
Кто? Что? Почему?

Тохонга вводит на сцену гвардию с белыми фонарями.

Кири. Я зову! Зову я! Кири-Куки, друг туземного
народа! Сюда! (*Поднимает свой фонарик над головой.*)

1-й туземец. Извержение!

Кири. Да! Извержение! Сюда! Слушайте все, слу-
шайте, что я вам скажу!

Туземцы. Кто это говорит? Кто говорит? Кто?

Кири. Это говорю я, Кири! Друг туземного народа!

Туземцы. Слушайте! Слушайте!

Кири. Тише, друзья мои! Сейчас вы узнаете о том,
что произошло. (*Наступает тишина.*) Сегодня ночью, в
то время, когда бывший царь наш Сизи-Бузи Второй...

В оркестре звуки фанфар.

Арапы. Боги да хранят!..

Ликки. Тише вы!

Кири (*делает отчаянные знаки с бочки, и фанфары
умолкают, а также и арапы*). ... ничего его боги не хра-
нят! Да и не хранили никогда! Да и незачем богам охра-
нять тирана, измучившего свой народ!

Туземцы издают звуки изумления.

Итак, когда Сизи, напившись огненной воды, мирно
спал в своем гареме на уступе, вулкан Муанганам, мол-
чавший триста лет, внезапно отверз свою огненную пасть
и изрыгнул потоки лавы, кои и стерли с лица Острова
как самого Сизи-Бузи, так равно и его гарем и половину

гвардии. Видно, пришел начертанный в книге жизни предел божественному терпению, и волею Вайдуа тирана не стало...

Гул

Ликки. До чего, каналья, красноречив!

Кири. Братья! Я — Кири-Куки, арап по рождению, но туземец по духу, поддерживаю вас! Вы свободны, туземцы! Кричите же вместе со мною — ура! Ура!

Туземцы (*вначале тихо, потом громче*). Ура! Ура! Ура!

Дирижер (*встает и делает знаки*). Ура! Ура! Ура!

Туземцы. Ура! Ура! Ура!

Гул стихает.

Кири. Не будет больше угнетения на Острове, не будет жгучих бичей надсмотрщиков-арапов, не будет рабства! Вы сами теперь хозяева своего Острова, вы сами — владыки! О, туземцы!

2-й туземец. Почему он говорит это, братья? Почему арап из свиты радуется за нас? В чем дело?

1-й туземец. Это Кири-Куки.

3-й туземец. Кто? Кто?

Гул.

Ликки. Говорил я, что ничего не выйдет из этой прелестной затеи! Унести бы только ноги!

4-й туземец. Это Кири!

Кири. Да, это я. Кто-то из вас, возлюбленные мои туземцы, крикнул: «Почему арап радуется вместе с нами?» Ах, ах! Горечь в моем сердце от подобного вопроса! Кто не знает Кири-Куки? Кто не слышал его не далее как вчера у маисовых кустов?

1-й туземец. Да, да, мы слышали!

Туземцы. Мы слышали!

1-й туземец. Где Кай-Кум и Фарра-Тете?

Кири. Тише! Слушайте, что сделал я, истинный друг туземного народа, Кири-Куки! Вчера я был схвачен стражею вместе с другими туземцами Кай-Кумом и Фарра-Тете...

1-й туземец. Где же они? Почему ты один?

Кири. Слушайте! Слушайте! Нас бросили в темницу, а затем привели сюда, к подножию сизиного трона, и здесь верная смерть глядела нам в глаза. Я был свидетелем того, как бедных Кая и Фарра приговорили к повешению. Ужас, ужас, ужас!

3-й туземец. А тебя?

Кири. Меня? Со мною вышло гораздо хуже. Старый тиран решил, что для меня, арапа, изменившего ему, смерть в петле на пальме — слишком легкое наказание. Меня ввергли обратно в подземелье и оставили там на сутки, чтобы изобрести для меня неслыханную по жестокости казнь. Там, сидя в сырых недрах, я слышал, как доблестно Кай-Кум и Фарра-Тете вырвались из рук палачей, бросились с Муанганама в океан и уплыли. Бог Вай-дуа да хранит их в бурлящей пучине!

Ликки (*тихо*). А ну как они выплывут, батюшки мои, батюшки!

1-й туземец. Боги да хранят Кая и Фарра! Да здравствует Кири-Куки, друг туземного народа!

Туземцы. Да здравствует Кири! Да здравствует Кири! Хвала богам!

Кири. Дорогие друзья, теперь перед нами возникает вопрос о том, что делать нам? Неужели цветущий Остров наш останется без правителя? Неужели нам грозит ужас безначалия и анархии?

Туземцы. Он прав, Кири-Куки! Он прав!

Кири. Друзья мои, я предлагаю тут же, не сходя с места, избрать человека, которому мы могли бы без страха доверить судьбу нашего Острова и все богатства его. Он должен быть честен и правдив, друзья! Он должен быть справедлив и милостив, но он, друзья мои, должен быть и образован, чтобы вести сношения с европейцами, нередко посещающими наш плодоносный Остров. Кто же это, друзья?..

Туземцы. Это ты, Кири-Куки!..

Кири. Да, это я! То есть нет! Ни за что! Я недостойн этой чести!

Туземцы. Кири, ты не смеешь отказываться! Кири! Ты не можешь покинуть нас в столь трудную минуту! Ты один образованный человек на Острове.

Кири. Нет! Нет!

Ликки. Вот черт! (*Тихо*.) Кири! Зачем ты ломаешься?

Кири (*тихо*). Пошел вон, болван! (*Громко*.) Неужели мне придется взять на себя эту страшную тяжесть и ответственность? Неужели мне?! Хорошо, я согласен!

Туземцы (*громовыми голосами*). Да здравствует Кири-Куки Первый — друг туземного народа!

Кири. Слезы умиления застилают мне глаза, о, дорогие мои! Хорошо, дорогие туземцы, я приложу все старания, чтобы вы не раскаялись в вашем выборе. И в знак того, что я душой и сердцем с вами, я снимаю с себя белый арапов убор и надеваю ваши прелестные туземные цвета... (*Снимает головной убор, надевает багряные туземные перья.*)

Туземцы ликуют. Музыка.

Я, Кири-Куки Первый, объявляю вам свой первый декрет. В знак радости переименовываю наш дорогой Остров, во времена Сизи-Бузи носивший название Туземного Острова, в Остров Багровый.

Туземцы ликуют.

Теперь возникает вопрос, что делать нам с остатками гвардии Сизи-Бузи? Вот они!

Ликки и арапы растеряны.

Туземцы. В воду их!

Тохонга (*Ликки*). Генерал, ты слышишь?

Ликки. Предатель...

Туземцы. В океан!

Кири. Нет! Выслушайте меня, верноподданные мои! Кто будет защищать Остров в случае нашествия иноплемеников? Кому мы, наконец, поручим охрану меня? Жизнь человека, который, по-видимому, так нужен Острову! Я предлагаю, друзья мои, в случае их раскаяния простить их, забыть им прежнюю службу тирану, взять их на службу к нам. (*Ликки*.) Отвечай, преступный генерал, согласен ли ты раскаться и верою-правдою служить туземному народу и мне?

Ликки молчит.

Отвечай, тумба, когда тебя спрашивают!

Ликки (*тихо*). Ты велел мне молчать...

Кири. Рекомендую тебе быть посообразительнее.

Ликки. Согласен, повелитель.

Кири. Будешь служить?

Ликки. Так точно, ваше величество.

Кири. Не пойдешь против меня и народа?

Ликки. Никак нет, ваше величество!

Кири. Молодец, ты верный старик!

Ликки. Рад стараться, ваше величество!

Кири. Ну, тебя не перекричишь. *(Арапам.)* Согласны?

Арапы. Согласны, ваше величество!

Кири. Прощаю вас и в знак милости переименовываю в заслуженных народных арапов.

Арапы. Покорнейше благодарим, ваше величество!

Кири. А, черт вас возьми! У меня могут барабанные перепонки лопнуть. Прикажи им молчать.

Ликки. Молчать!

Кири. Переодеть их в наш туземный цвет!

Ликки. Слушаю, ваше величество!

Кири. Пожалуйста, без крику! Молчи.

Ликки. Слуш... *(Хлопает в ладоши — с арапов мгновенно сваливаются перья и на голове вырастают багровые. Фонари их вместо белого цвета загораются розовым.)*

Кири. Вот туземный народ, вот твоя гвардия!

Туземцы. Ура!

Ликки. По церемониальному маршу!.. *(дирижер взмахивает палочкой)* ...Шагом... арш!

Оркестр играет марш. Арапы идут мимо Кири церемониальным маршем. Туземцы, несметные полчища, машут фонариками.

Кири. Здравствуйте, гвардейцы!

Арапы. Здр... жел... ваше величество!

Ликки, отмаршировав, становится рядом с Кири.

Кири. Видал?

Ликки. Ты — действительно гениальный человек! Теперь я вижу!

Кири. То-то!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Царственный вигвам Кири-Куки.

Кири. Три дня всего прошло, как я управляю нашим проклятым Островом, а между тем от этого жемчуга у меня голова кругом идет!

Ликки (*закусывая*). Сам виноват:

Кири. Чем же это, спрашивается?

Ликки. Насулил им черт знает чего, теперь отдувайся. (*Иронически.*) Друг туземного народа! (*Жует.*) Кто квакал: всего у нас вдоволь будет, вдоволь и рису, и маису... и огненной воды. Все для вас и все про вас. Вы сами хозяева. Помнишь, как ты им говорил? Ну, вот они и хозяйничают.

Кири. Чудовищнее всего — это требование не отдавать жемчуг англичанам. Хорошенькое дельце! Как же это я не отдам, когда он за них деньги заплатил?

Ликки. И огненную воду. Стало быть, и подавай жемчуг англичанам!

Кири. Да они всерьез не желают отдавать его. Выловить, говорят, выловим, а пусть нам пойдет. У меня мороз по коже продирает при мысли о том, как явится на корабле эта толстая физиономия с рыжими бакенами. Спрашивается, что я буду делать? О, великое счастье, что потонули эти два подстрекателя...

Ликки (*жует*). Да...

Кири. Что ты говоришь?

Ликки. Я говорю — да.

Кири. «Да»! А что — да? Только и умеешь, что молчать. Ты бы лучше совет дал.

Ликки. Это не моя специальность — советы давать. Мне что поручено? Караулить тебя. Я и караулю. А уж ты сам управляй, как тебе нравится.

Кири. Очень хорошо ты поступаешь!

Ликки. Вот при покойном Сизи-Бузи хорошо было!

Кири. Чем, спрашивается?

Ликки. При Сизи они отдавали жемчуг беспрекословно. Порядок был, вот чем!

Кири. Нужно и теперь навести порядок.

Ликки. Теперь трудно, дорогой правитель. Слишком ты их избаловал.

Кири. Ну, нечего скулить! Этим дела не поправишь.

Тохонга (*входит*). Привет тебе, правитель!

Кири. Спасибо. Что скажешь, дорогой мой?

Тохонга. Туземцы опять пришли. Желают лицезреть твою милость!

Кири. Опять? Наказанье, честное слово! Гони ты их... сюда, в кабинет.

Тохонга. Слушаю, повелитель. (*Выходит.*) Входите!

Входят 1-й, 2-й, 3-й туземцы.

Туземцы. Привет тебе, Кири, наш повелитель и друг, да хранят тебя боги!

Кири. А-а! И вас они пусть да хранят то же самое. Очень приятно. Я прямо соскучился по вас. Ведь с самого утра вас не было!

Туземцы. Боги да хранят Ликки-Тикки, храброго полководца народной гвардии.

Ликки. И вас, и вас.

1-й туземец. Ты закусываешь, бравый Ликки?

Ликки. Нет, танцую.

2-й туземец. Наш храбрый Ликки любит пошутить.

Кири. Да, он веселого нрава человек. Кстати, полководец, я нахожу, что ты мог бы разговаривать более приветливо с дорогими моими подданными. (*Ликки ворчит.*) Присаживайтесь, ребятки, на корточки. (*Туземцы усаживаются.*) Чтобы не терять драгоценного времени, излагайте, голуби, что вас привело к моему вигваму в час высшего стояния солнечного бога, когда не только правители, но и простые смертные, утомленные сбором маиса, отдыхают в своих вигвамах? (*Тихо.*) Не понимают, черти, намеков!

1-й туземец. Мы пришли сообщить тебе радостную весть.

Кири. Радуюсь с вами заранее, даже не зная, в чем она заключается.

3-й туземец. Мы пришли сказать, что улов жемчуга сегодня был чрезвычайно удачен. Мы вытащили пятнадцать жемчужин, из которых самая маленькая величиной с мой кулак.

Кири. Я в восторге! И поражает меня только одно, почему вы их не доставили немедленно в мой вигвам, как я уже говорил вам сегодня утром?

1-й туземец. О, Кири-повелитель! Народ очень волнуется по поводу этих жемчужин и послал нас к тебе, чтобы узнать, что ты собираешься сделать с ними?

Кири. Дорогие мои, сейчас очень жарко, чтобы по десяти раз повторять одно и то же. Тем не менее повторяю вам в одиннадцатый — жемчуг должен быть доставлен в мой вигвам, а когда мы накопим пятьсот пудов, за ним придет англичанин и заберет его.

2-й туземец. Кири! Народ не хочет отдавать англичанину жемчуг.

Кири. Тем не менее жемчуг придется отдать. Сизи получил за него уплату полностью и продал англичанину жемчуг.

3-й туземец. Кири, ты знаешь, о чем болтал народ сегодня в бухте во время ловли?

Ликки (*сквозь зубы*). Вот, вот... вот и плоды... Поболтал бы он при Сизи!..

1-й туземец. Что ты говоришь, телохранитель?

Ликки. Нет, ничего. Это я напеваю романс.

Кири. Полководец, вредно петь на жаре.

Ликки. Я молчу, молчу.

Кири. Что же он болтал?

3-й туземец. Он болтал о том, что наш Кири, боги да продлят его жизнь, поступает плохо, настаивая на выдаче жемчуга.

Кири. Дорогие, вы понимаете туземный язык? Англичанин придет с пушками, а бумагу подписал я.

1-й туземец. Кири, друг народа, поступил легкомысленно, подписав бумагу.

Кири. Не находишь ли ты, дорогой мой, что простому туземцу неудобно таким образом говорить о правителе Острова?

1-й туземец. Я говорил любя.

Кири. А я вам любя говорю, чтоб вас... боги хранили, что жемчуг должен быть доставлен сюда.

2-й туземец. Туземный народ не сделает этого.

Кири. А я говорю, что сделает.

Туземцы. Нет, не сделает.

Кири. Нет, сделает.

Туземцы. Нет, не сделает.

Кири. Тохонга!

Тохонга. Чего изволите?

Кири. Дай мне огненной воды. *(Пьет, кричит.)*
Сделает!!!

1-й туземец. Кири, если ты будешь кричать так страшно, у тебя может лопнуть жила на шее.

Кири. Нет, я больше не в силах разговаривать с ними. Тогда придется мне поступить иначе. Вожди! Потрудитесь принять меры, чтобы жемчужный улов был доставлен сюда сейчас же. Я уйду и раскинусь на циновках, чтобы мои истомленные члены отдохнули хоть немного.

Ликки. Стало быть, ты передаешь это дело мне?

Кири. Да. *(Скрывается.)*

Ликки. Слушаю-с. *(Начал засучивать рукава.)*

1-й туземец. Что ты собираешься делать, храбрый начальник?

Ликки. Я собираюсь дать тебе в зубы и для этого засучиваю рукава.

1-й туземец. Верить ли мне моим ушам? Дорогие, вы слышали? Он собирается мне дать в зубы! Мне, свободному туземцу!.. Он, начальник нашей гвардии... дает в зубы!..

2-й и 3-й туземцы. Э-ге-ге! Хе-хе!

Ликки *(дает в зубы 1-му туземцу. 2-й и 3-й садятся в ужасе на землю)*. Будет жемчуг! Будет! Будет!

2-й и 3-й туземцы. Караул!

Ликки. Позвать сюда стражу!

Тохонга. Эй!..

Вбегают арапы.

Ликки. Взять этих негодяев в подвал!

2-й и 3-й туземцы. Как?! Как... нас?!

Страшный шум за сценой Показывается толпа туземцев; сзади — Кай-Кум и Фарра-Тете.

Туземцы. Пустите, пустите-ка нас!

Тохонга. Стой, стой! Куда вы? Куда?

Ликки. Что это значит? Назад! Как вы смее лезть непрошенными в вигвам повелителя?

4-й туземец. Нет, Ликки, ты это брось! Кончились вигвамы! Мы принесли великую новость! Друзья, сюда!

2-й и 3-й туземцы. Караул!..

1-й туземец. Друзья, вы знаете, что произошло?.. Он... Он...

Ликки. Опять с жемчугом? Я вам покажу, как не слушаться законного и вами самими избранного повелителя! Эй!

4-й туземец. Нет, тут дело не в жемчуге. Произошли более интересные события! Где Кири?

Туземцы. Кири! Кири!

Ликки. Да что такое, черт возьми! Прекратить гвалт! Эй, Тохонга! Оттесни их!

4-й туземец. Ну, нечего, нечего...

Туземцы. Кири! Кири!

Кири (*выходит*). В чем дело?

Туземцы (*взволнованно*). Вот он! Вот он! Вот он! А-а!

Кири. Да, я вот он. Здравствуйте, дорогие друзья. Как вас много! Прелесть!

4-й туземец. Мы принесли тебе новость, Кири! Да!

Кири. Друзья мои, я уже выслушал сегодня одну новость. Кроме того, я хочу спать. Но все-таки, в чем дело?

4-й туземец. Сегодня, когда вторая партия ловцов бросилась в бухте в воду, чтобы таскать жемчуг... как ты полагаешь, Кири, что они вытащили, кроме жемчуга?

Кири. Очень интересно! Крабов, наверное, или паршивенькое ожерелье, которое потеряла какая-нибудь туземка, купаясь. Но, право же, эта новость не настолько значительна, чтобы из-за нее вламываться толпой в вигвам повелителя!

4-й туземец. Нет, Кири, мы вытащили не крабов! Мы вытащили двух изнемогающих людей... Смотри! Друзья мои, раздвиньтесь!

Туземцы раздвигаются, и выходят Кай и Фарра. Наступает полное молчание.

Кири (*падает с трона*). Черт возьми!

Ликки. Мое сердце чувствовало это! Теперь будет игра. (*Кири*.) Интересно, что ты будешь теперь делать?

Кай. Царствуешь, Кири? Ты узнаешь нас?

Кири (*всматриваясь*). Нет... гм... нет, не узнаю.

Фарра. Ах подлец, подлец!

Кири. Как вы смаете так говорить с правителем? (*Ликки, тихо*.) Готовь гвардию, сейчас будет скандал.

Ликки. Я знаю, уже знаю. Тохонга! Тохонга!

Кай (*преградив ему дорогу*). Постой, постой! Назад, приятель!

Фарра. Как, не узнаешь?

Кири. Лицо знакомое... но не вспомню, где я видел вашу честную открытую физиономию и идеологические глаза... Уж не во сне ли?

Фарра. Прохвост! Ты видел нас в последний раз на этом самом месте в день суда над нами у Сизи-Бузи. (Ликки.) И ты тоже, палач!

Ликки. Да я ничуть не отказываюсь, я вас сразу узнал, смутьяны!

Кири. Ба! Да где же были мои глаза! Нет, право, мне нужно завести очки, я становлюсь близорук. О, какое счастье! Хвала бессмертным богам!

Кай. Сукин сын!

Кири. Я не понимаю тебя, миленький Кай-Кум! Что ты, Господь с тобой! Зачем ты на меня набрасываешься? Неужели ты забыл, как мы с тобою томились в подземелье? Вот здесь, где сейчас стоят твои честные ноги.

Кай. А вы, ослепленные, темные люди! Кого же вы избрали себе в правители?

Кири. Да, кого? Вот в чем вопрос, как воскликнул великий Гамлет... Ликки, готовь стрелы!

Ликки. Не тяни, лучше сразу начинать драку. Тохонга! Тохонга!.. Копье мне давай!

Кай. Кого? Прохвоста, которого мир еще не видел со дня основания его великими богами. Провокатора, подлеца и проходимца!

Кири. Вы мне объясните только одно: как вы выплыли?

Фарра. Три дня мы плыли в виду Острова, изнемогая от жажды, и, когда уже не было сил бороться со смертью, приплыли в бухту, где верные братья вытащили нас.

Кай. Братья, вот этот негодяй, изукрасивший себя вашими перьями, сам на этом месте прочитал нам смертный приговор. Он, понимаете, этот бесчестный мерзавец, обманул нас и вас тогда у маисовых кустов, прикинувшись другом народа и революционером. Он, он, царский жандарм, сизин!

Кири. Ой, ой!.. Что это будет!

Туземцы. Предатель!

Кай. Смерть ему!

Фарра. Смерть ему и гнусному душителю Ликки-Тикки!

Ликки. Нет, нет! Полегче, я, брат, так не дамся!

1-й и 4-й туземцы. Смерть им!
Кай. Сдавайся, мерзавец!
Туземцы. Сдавайся!
Ликки. Гвардия, вперед!

Дирижер дает знак — слышна труба. Арапы с копьями выбегают на сцену. Суета.

Кай. Ах, так! Братья-туземцы! К оружию! К оружию! Вооружайтесь луками, копьями! У кого их нет — камнями! Все вперед! Убить эту мерзкую змею, пробравшуюся на трон!

Туземцы (*разбегаются с криками*). К оружию!

Фарра. За оружием!

Ликки. Видал, друг народа? Тохонга, запереть ворота! Все к частоколу! Гвардия, стройся!

Арапы бросаются к частоколу.

Кири. Голубчик, Ликки, постарайся, отбей их, красавец, чтобы не успели убежать к пирогам. К оружию, мои верные гвардейцы! К оружию!

Бросается к вигваму и выбегает со своим чемоданом.

Ликки. Ах, чемодан, по-твоему, оружие? Изволь идти вперед, к частоколу! Личным мужеством твоим ты должен показать пример гвардейцам!

Кири. Я лучше отсюда покажу им пример личного му... Господи, как они воют!.. из вигвама...

Ликки. Жалкий трус! Ты причина...

Туземцы (*за сценой*). Сюда, товарищи, сюда! Смерть предателю Кири-Куки, награда за его голову!

Кири. Ты слышишь, что они кричат?.. Ой, ужас, ужас, ужас!

Ликки. Ну, валяйся здесь, презренный трус. Тохонга, ворота заперты?

Тохонга. Так точно, генерал.

Ликки. Гвардия, по наступающим туземцам залпами!..

1-й туземец внезапно показывается над частоколом.

Огонь!

Арапы пускают стрелы.

1-й туземец *(со стрелой в груди)*. Я умираю. *(Исчезает за частоколом.)*

С грохотом вылетает стекло в вигваме.

Кири. Ой, что это?

Ликки. Это первый подарок тебе, друг народа! Камнем в окно. Арапы, не трусь! Огонь! С вами повелитель и военачальник! *(Кири.)* Негодяй! Не смей обнаруживать своей трусости перед гвардией!

Кири. Милый Ликки, я ведь не специалист по военным делам. Теперь твоя очередь. А я пойду в вигвам и обдумаю план дальнейших действий. Тем более что доктор мне строжайше запретил волноваться.

Туземцы *(за сценой)*. Ура!

На сцену вылетает туча туземцевых стрел.

1-й арап. Ах, я умираю!

Ликки. Ободри гвардию каким-нибудь внушительным словом!

Вылетает стекло в вигваме.

Кири. Гвардия! Спасайся, кто может! *(Открывает чемодан, прячется в него и в чемодане ползком уезжает.)*

Ликки. Подлец!

Летят стрелы

Занавес

Конец второго акта.

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Богатая гостиная лорда Глснарвана, обставленная во вкусе 60-х годов. Вечер. Окна гостиной выходят на набережную. Леди поет романс, аккомпанируя себе на фортепиано. Лорд с Паганелем играют в шахматы, а Гаттерас смотрит на игру.

Лорд. Bravo! Bravo! Моя дорогая, вы сегодня в голосе, как никогда! *(Аплодирует.)*

Паганель. Bravo, bravo, мадам!

Гаттерас. Bravo!

Попугай (*в клетке*). Bravo! Bravo!

Паганель. Шах королю!

Лорд. Я так...

Паганель. Шах.

Лорд. Я так...

Паганель. Шах и...

Лорд. Черт возьми! Я сдаюсь, сэр.

Гаттерас. Вам нужно было пешкой ходить, лорд.

Лорд. А дальше что?

Гаттерас. А дальше слонем сюда.

Лорд. А дальше что?

Гаттерас. А дальше... гм!

Попугай. Дурак!

Гаттерас. Я вас уверяю, лорд, этой проклятой птице необходимо свернуть голову. От нее житья нет.

Леди. Что вы, капитан, я ни за что не позволю! Милый мой, я ни за что не расстанусь с тобой! Попочка! Попочка!

Лорд. Угодно реванш?

Паганель. С наслаждением, мсье.

Леди. Ах, пять часов уже! Паспарту! Бетси!

Паспарту и Бетси выглядывают из двух противоположных дверей

Паспарту и Бетси. Что угодно, сударыня?

Леди. Подавайте чай.

Паспарту и Бетси. Слушаю, леди. (*Исчезает и возвращается с чаем и печеньем.*)

Лорд. Нет, что ни говорите, а когда, постранствовав, воротиться опять, то дым отечества нам сладок и приятен.

Паганель. О, да, конечно... У вас чрезвычайно приятно гостить, дорогой лорд. Я очень вам признателен! Очень!

Лорд. Очень рад.

Паганель. Я крайне признателен также леди Гленарван. (*Кланяется.*)

Леди. Крайне приятно.

Паганель. И вам тоже, храбрый капитан.

Гаттерас. Пожа... Пожа...

Паганель (*машинально — Бетси*). И вам... то есть нет... Все.

Лорд. Нет, по-моему, места лучше, чем Европа.

Паганель. О, несомненно!

Гаттерас. Красота!

Леди. Чем вам так нравится Европа, господа? Не понимаю.

Лорд. Как чем? Вы меня поражаете, леди! Удобно, тихо, чисто. Никаких волнений.

Леди. Нет, волнения эти так приятны. По-моему, у нас адская скука.

Лорд. Леди! От кого я слышу это? Разве можно так говорить о родном английском доме? Адская скука! Дом — это храм... Этого тоже не следует забывать... леди.

Леди. Ах, нет, нет! В путешествии гораздо лучше. Попочка, ты помнишь свой Остров?

Попугай вздувает перья.

Леди. Попочка, на Острове лучше? А? Лучше? Хочешь опять на свой Остров?

Попугай. Куа... Куа...

Лорд. Кстати, об Острове. Прелестную покупку мы все-таки сделали с вами, уважаемый сэр. Не правда ли?

Паганель. Очаровательную... Шах королю...

Леди. Ах, у меня до сих пор перед глазами этот удивительный жемчуг... Когда мы поедем за ним? Я жду не дождусь.

Лорд. Через месяц.

Леди. Попочка, через месяц, слышишь? Мы поедем с тобою... Ты опять увидишь родной берег... Ах, как бы я хотела знать, что там происходит теперь. О, далекий, таинственный Остров... он сверкает, как белый кусок сахара на синем шелковом океане. Вы помните, господа, волны с гребешками?

Лорд. Превосходно помню.

Паспарту. Отличнейшие волны, ваше сиятельство.

Лорд. Паспарту, выйди, твоим мнением никто из джентльменов не интересуется.

Паспарту. Слушаю, ваше сиятельство. *(Уходит.)*

Леди *(мечтательно)*. А у нас все-таки ужасно скучно... Душа моя томится... Мне хочется каких-нибудь неожиданных приключений.

Лорд. Мне не везет сегодня. Терпеть не могу неожиданностей.

Резкий колокольчик.

Леди. Бетси! Откройте!

Бетси (*пробегают по гостиной, потом возвращается и пятится задом в ужасе*). Ах!

Лорд. Что такое?

Бетси. Там... там...

Леди. Бетси! Я совершенно не понимаю этих фокусов! Что такое?

Гаттерас. Что за дьявольщина? Посмотрю!

Появляется изумленный Паспарту. Дверь открывается, и входят Ликки, Кири и Тохонга. У Кири в руках его чемодан, а лицо перевязано, как при зубной боли. Ликки хромает.

Кири. Бон суар, ваше сиятельство.

Лорд. Что это означает? Кто вы такой?

Кири. Вы видите перед собою, лорд, злосчастного Кири-Куки с Острова.

Леди. Это он?

Паганель. Клянусь площадью Этуаль, это дикие!

Кири. Точно так, мсье Паганель. А вот это — мужественный полководец Ликки и адъютант его Тохонга.

Лорд. Позвольте узнать, чем я обязан?..

Бетси. Боже мой! Кто это такие, Паспарту?

Паспарту. Молчи, сейчас узнаешь.

Кири. Кхе... вот сидели, сидели на Острове... соскучились... Дай, думаем, проедемся в Европу, навестим нашего лорда. Погода, кстати, отменная. Взяли пироги и поехали.

Лорд (*поражен*). Очень, очень приятно...

Паганель. Черт! Дикие делают визит!

Леди. Помните, я еще на Острове говорила, что он необыкновенно галантен. Это бесконечно мило. Пожалуйста, садитесь.

Кири. Мерси... Садись, Тохонга, лорд добрый...

Леди. Что это у вас такое?

Кири. Ушибся.

Леди. Бедненький! Обо что?

Кири. Об вулкан, многоуважаемая леди.

Леди. Неужели? Вы, наверно, пили огненную воду?

Кири. Что вы, что вы, ваше сиятельство, какое тут питьё!..

Лорд. Мне, конечно, очень приятно, что вы приехали ко мне с визитом, но я все-таки полагал, что вы будете сидеть на вашем Острове и добывать жемчуг.

Кири. Ах, ваше сиятельство!..

Леди. Как поживает добрый толстяк царь? Я забыла его имя.

Кири. Имя... А, да! Как же, Сизи-Бузи, сударыня... Как же... кланялся, видите ли, сударыня...

Ликки (*тихо*). Да не тани ты, чертов врун! Рассказывай, лучше всю правду.

Кири. Видите ли, сударыня, он приказал долго жить.

Паганель. Как приказал долго? Он умер немного?

Ликки. Какое там немного! Начисто старик помер.

Лорд. Ах вот что! Так... так...

Кири. Ах, ваше сиятельство!

Лорд. Да что случилось? Расскажите вы, наконец?

Кири. Ужас, ужас, ужас! Но позвольте уж тогда, дорогой лорд, все изложить по порядку.

Лорд. Я жду.

Кири. Случилось несчастье, дорогой лорд.

Леди. Ах!

Кири. Вулкан вы изволили заметить, когда были у нас на Острове?

Лорд. Не помню.

Кири. Как же, ваше сиятельство, громаднейший вулкан. Вот так — вигвам царский, а сзади него — вулкан невероятных размеров. Муанганам.

Лорд. Ну-с?

Кири. Колоссальнейший... вверху дыра.

Лорд. К черту эти подробности!

Кири. Да... так, стало быть, вулкан... Ох-хо-хо...

Лорд. Ну?

Гаттерас. Ты что, визитер, издеваешься, что ли?.. Позвольте, дорогой лорд, я его по затылку трахну, чтобы из него слова скорее выскакивали.

Ликки. Рассказывай, черт!

Кири. Ах, я так волнуюсь... Так вот, вигвам, то бишь вулкан. И вот в одну прекрасную ночь, как раз после вашего отъезда, произошло величайшее изверже-

ние, ваше сиятельство, и вигвам, и повелителя затопило лавой.

Леди Ах, как интересно!

Кири. Таким образом, повелитель наш Сизи-Бузи Второй погиб.

Лорд. Он один?

Кири. А с ним вместе его гарем и половина араповой гвардии.

Лорд. Понял. Кто же теперь управляет Островом?

Кири. Увы! Увы! Вы видите перед собой, лорд, несчастного повелителя Багрового Острова Кири-Куки Первого.

Леди. Как, вы царь? О, как интересно!

Лорд. О, но почему же вы приехали сюда, в Европу? Вам надлежит сидеть на Острове, добывать жемчуг.

Кири. Увы, ваше сиятельство! Мне теперь нельзя даже показываться на Острове!

Ликки. Тем более что там чума.

Все. Как чума?!

Кири. Ужас! Ужас! После того как погиб Сизи, я, движимый желанием спасти родной Остров от анархии и ужаса безначалия, принял предложение лучшей своей части туземного народа стать их повелителем, но двое бродяг Кай-Кум и Фарра-Тете, осужденные за уголовное и государственное преступление и ускользнувшие из священных рук правосудия, подстрекнули туземные полчища к бунту. Я лично стал во главе своей гвардии, подавал ей пример мужества...

Ликки. Ах, прохвост!

Кири. ...но наши усилия не привели ни к чему. Подавляющие несметные орды взбунтовавшихся рабов атаковали вигвам, и мы еле спаслись с оставшейся гвардией. Ужас! Ужас!

Лорд. Ах, черт возьми! В чьих же руках теперь Остров?

Кири. В руках злодеев — Кая-Кума и Фарра-Тете.

Лорд. Как? Хорошенькую покупку мы сделали, дорогой сэр?

Паганель. Я совершенно потрясен. Но, позвольте, они не отдадут нам жемчуг?

Лорд. О, да.

Леди. Как, пропадет жемчуг?..

Бетси. Боже, как у нее вспыхнули глаза! До чего она жадна!

Паспарту. Молчи!

Кири. Увы, дорогие джентльмены! Из-за этого все началось. Боги видят, что я честно хотел выполнить обязательство перед вами. Но туземцы заявили, что не отдадут жемчуг ни за что!

Леди. Как? Это жемчуг? За который мы заплатили деньги! Лорд! Вы не допустите этого! Их нужно наказать!

Лорд. О, да!

Паганель. О, нет! Я не согласен! Это называется разбой на... как это... большой дороге... клянусь фланелевыми панталонами моей тети!

Лорд. Где оставшаяся гвардия?

Кири. Здесь, ваше сиятельство!

Ликки. Ребята, входите!

Через все окна и двери вламываются арапы с копьями и щитами.

Леди, Бетси с визгом бросаются в сторону.

Лорд
Паганель
Гаттерас } О, черт возьми!

Ликки. Смир-на!

Паганель. О, черт возьми!

Лорд. И это вы ко мне приехали?

Арапы (*оглушительно*). Так точно, ваше сиятельство!

Лорд (*в ужасе*). Спасибо.

Арапы. Рады стараться, ваше сиятельство!

Лорд (*передразнивая леди*). Ах, мне скучно! Я так люблю разные неожиданные приключения! Черт бы их взял! Чем не приключение?

Арапы
Попугай } Так точно, ваше сиятельство!

Леди. О, Боже, как они кричат!

Лорд. Пусть немедлен...

Ликки. Мол-чать!

Арапы. Молчим, ваше сиятельство.

Кири. Вот, дорогой лорд. И это все, что мне осталось, как дивный, чудный сон! Ужас! Волосы встанут дыбом при взгляде на остатки доблестной гвардии, честно защищавшей своего законного правителя. Я бы с удо-

вольствием выпил рюмочку коньяку, до того я изумлен и истомлен!

Лорд и Паганель в изнеможении опускаются друг против друга в кресла.

Леди. Бетси! Бетси! Дайте коньяку его величеству!
Бетси. Слушаю. *(Подает коньяк.)*

Кири выпивает.

Лорд *(очнувшись)*. Извольте объяснить, ваше величество, на сколько времени приехала эта орава?.. То есть гвардия?

Ликки. Насовсем.

Лорд. }
Паганель. }
 } Что?

Гаттерас. Ах, чтоб тебя!

Кири. Виноват, лорд, виноват. Не торопись, мужественный военачальник. Нет, дорогой лорд, мы прибыли только временно в надежде, что вы окажете нам военную и материальную помощь к тому, чтобы вернуться на Остров.

Лорд. Ах, понял. В таком случае поезжайте сейчас. Капитан!

Кири. Увы и увы! Как я уже имел честь доложить, лорд, на Острове сейчас чума. И пока она не утихнет, проникнуть на него нечего и думать!

Лорд. Час от часу не легче!

Паганель. Пест!

Кири. Уи. Пест. На Острове груды трупов после наших битв с туземцами, и от разложения вышеупомянутых трупов произошла гибельная и зловредная чума.

Лорд. Но позвольте! Кто же будет содержать всю эту компанию? У вас есть деньги? Провизия?

Кири. Ах, ах, ах! Какая тут провизия, лорд! Спасибо нужно сказать богам, что хоть ноги-то мы унесли.

Лорд. Как? Выходит, что я должен кормить всю эту банду и, главное, неопределенное время? Выгодную сделку мы учинили, мсье Паганель!

Паганель. О, да!

Кири. Дорогой лорд! Я взываю к лучшим чувствам вашим! К чувствам человека и гражданина. А кроме того, уважаемый лорд, я уверяю вас, что вы ничего не получи-

те с Острова, если какая-нибудь сила не водворит нас вновь на него.

Лорд (*Паганелю*). Что вы скажете по этому поводу, мсье Паганель?

Паганель (*интимно*). Арапский царь имеет резон. Придется принять всю эту компанию и содержать. Но когда их чума кончится, вы посылайте корабль на Остров, водворяйте этого Кири-Куки. Он очень смысленный арап, и весь жемчуг мы получим. Клянусь Комической оперой, иного выхода нет.

Гаттерас. Я готов поставить вашингтонский доллар против польской марки, если французский джентльмен не прав!

Лорд. Кормить пополам.

Паганель. Согласен.

Лорд. Йес. Вашу руку.

Паганель. Кроме того, мы можем их заставить работать здесь, чтобы они не ели даром хлеба.

Лорд. Йес. Вы очень умны. Итак. Я принимаю всю компанию.

Кири. О, благородное сердце! Там, на небе, вы получите награду, сэр, за вашу добродетель!

Лорд. Я предпочитаю получить ее здесь.

Кири. Верные гвардейцы! Лорд принимает вас.

Арапы. Покорнейше благодарим, ваше сиятельство!

Лорд. Тише. Без крику. Но объявляю вам, что вы будете здесь работать и вести себя прилично. Прежде всего, потрудитесь сложить ваше оружие.

Ликки. Как?!

Леди. О, да! О, да! Эдвард! Я ни одной минуты не буду спокойна, пока они с этими ужасными длинными копьями!

Ликки. Кири! Ты слышишь! Он хочет отнять у нас оружие. Позвольте доложить, ваше сиятельство, что так невозможно. Посудите сами, какая же, к дьяволу, это будет гвардия, ежели у нее оружие отобрать. Как же это, спрашивается, мы будем Остров покорять?

Кири. Не спорь, пожалуйста!

Ликки. Да что ты, смеешься?

Гаттерас. Эге-ге-ге... ваше сиятельство... Молчать!

Ропот арапов.

Лорд. Капитан, даь сюда матросов!
Тохонга. Вот так дружеский визит!
Попугай. Дай ему, дай!

Дирижер внезапно появляется за пультом. В оркестре вспыхивает свет.

Гаттерас. Вызвать сюда команду! Трам-тара-рам...
Паспарту!

Паспарту. Сию секунду, капитан!

В оркестре трубы, потом марш. Слышен мерный топот.

Леди. Эдвард! Эдвард! Я убедительно прошу не стрелять! Только не стрелять! Это ужасно! Бетси! Бетси! Где мой одеколон?

Бетси. Сию минуту, леди!

Кири. Братцы, покоритесь! Что вы делаете? Полководец, уйми их!

Ликки. Ну, так ты сам, черт, Остров покоряй с армией без копий!

Распахиваются стены, и появляются шеренги вооруженных матросов.

Тохонга. Вот это приехали в гости! Сила ломит и соломушку! Бросайте, дорогие ситуайены, копья!

Арапы. Э-хе-хе...

Гаттерас. Раз!

Звук трубы.

Леди. Умоляю не стрелять!

Паганель. Европа не любит бунт. Бросайте ваше оружие. Или мы паф-паф будем делать...

Гаттерас. Два!

Арапы бросают копья.

Паганель. Отлично!

Леди. Слава Богу!

Лорд. Ну, нет! За то, что вы устроили скандал сразу же, как приехали, вы будете нести наказание. Целую неделю вы будете без горячей пищи и получать только рис.

Арапы издают стон.

Лорд. А вам, полководец, за то, что вы, вместо того чтобы их образумить, позволили себе противоречить, объявляю наказание: взять его на гауптвахту на все время, пока они будут здесь!

Ликки. Ваше превосходительство! За что же? (Кири.) Ну, спасибо тебе, черт махровый!

Кири. Я тебе говорил, чтобы ты не протестовал.

Двое матросов уводят Ликки.

Гаттерас. А теперь вы, пожалуйста! Марш!

Матросы конвоируют арапов.

Тохонга. Так нам, дуракам, и надо!

Попугай. Так вам, дуракам, и надо!

Кири. Совершенно правильно изволили поступить, ваше сиятельство. Ежели их в страхе божием не держать...

Лорд. Вы сознательный правитель. Я теперь вижу.

Паганель. О, он понимает, этот белый арап!

Кири. Ваше сиятельство! Как же мне не понимать? Слава Богу, побывал в Европе!

Лорд. Вы останетесь у меня жить. Будете мой гость.

Кири. Очень приятно, очень приятно. (Паспарту.) Рюмочку коньяку!

Паспарту. Сейчас! (Подает.)

Кири. Вотр сантэ, мадам! Итак, позвольте провозгласить тост. За здоровье его сиятельства лорда Эдварда Гленарвана, а равно также его очаровательной супруги!

Леди. Право, он изумительно галантен! Бетси, дайте мне носовой платок. Бетси! Ах до чего вы невнимательны!

Бетси (про себя). Вот ломака! (Вслух.) Извольте, леди.

Кири. За покорение Острова и благополучное возвращение лорду Гленарвану и мсье Паганелю затраченных ими средств! Ура!

Паганель. Дикарь, право, мог бы быть дипломатом. Сэр, клянусь Пале-Роялем, вам нужно сказать ответный тост.

Лорд. Йес! (Дает знак оркестру.) Я пью за благополучное возвращение на Остров его законного повелителя Кири-Куки Первого.

Музыка.

Кири (*восторженно*). Ура!
Попугай. Ура! Ура! Ура!

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Вечер в доме лорда Гленарвана. Бетси вытирает чашки у буфета. Кири в европейском костюме, подкрадывается и закрывает Бетси глаза ладонями.

Бетси. Ах! (*Роняет и разбивает чашку.*)

Кири. Угадай, милочка, кто?

Бетси (*вырываясь*). Нетрудно угадать автора глупой шутки. Извольте оставить меня, сударь.

Кири. Милочка, ты нисколько не ошибешься, если будешь называть меня «ваше величество».

Бетси. Ваше величество! Не хватайте меня руками!

Кири. Тише, ты!

Бетси. Мне надоели ваши приставания, сэр с Острова! И, кроме того, кто будет отвечать за разбитую чашку леди?

Кири. За чашку будешь отвечать ты.

Бетси. Как?

Кири. Чему же ты удивляешься? Ведь ты же хлопнула ее!

Бетси. Ну, знаете, сэр, вы такой подлец!

Кири. Как ты смеешь? Ты забыла, с кем разговариваешь! Бетси!

Бетси. Нет, я не забыла, мне кажется, что я разговариваю с подозрительным проходимцем.

Кири. Ах, вот как! Повелителю Багрового Острова такие слова! Ну, ты заплатишься мне за это, моя дорогая кошечка.

Бетси. Я не боюсь вас. И мало того, что не боюсь, но еще и презираю. Сами вы живете у лорда в отличных условиях, в то время как ваши товарищи томятся в каменоломнях! Вы поступили подло...

Кири. ...ваше величество.

Бетси. ...подло, ваше величество!

Кири. Так, так, так... Хорошенькая горничная у леди Гленарван, нечего сказать! Ну, так вот что, моя дорогая, я давно уже заметил, что ты в каких-то подозрительных отношениях с Тохонгой. Да, да, нечего открывать глаза! Кстати, они у тебя голубые... да, голубые... Я видел, как однажды он тащил помойное ведро из каменоломни, и ты подала ему громаднейший кусок хлеба с ветчиной. Кроме того, я однажды видел, как вы шушукались у входа в замок... И будь я не Кири-Куки Первый, а последний босьяк, если его рука не покоилась на твоей талии. Кстати, она очаровательна...

Бетси. Это неправда!

Кири. Не красней, пожалуйста. Впрочем, нет, покрасней еще раз! Ты необыкновенно хорошенькая, когда розовеет твоя кожа... Браво, браво! Ну, плутовочка, вот тебе мои условия. Если ты поцелуешь меня сейчас, Бетси, пять раз... или нет, не пять, а шесть... я никому не сообщу о всех твоих художествах.

Бетси. Прочь от меня, негодяй!

Кири. Постой, постой, постой!

Леди (*входит внезапно*). Ах!

Кири. Кхм... На чем, бишь, я остановился? Да, на разбитой чашке... Напрасно вы убегаете, дорогая Бетси, стараясь скрыть свое преступление. Это очень нехорошо! Бить посуду нельзя!..

Бетси. О подлый человек!

Леди. Что означает эта сцена, ваше величество? Вы гоняетесь за горничными. Это вполне соответствует вашему положению...

Кири. Простите, уважаемая леди, эта уважаемая фамм де шамбр расколола одну из ваших чашек, а когда я хотел ее уличить в этом, бросилась от меня бежать...

Леди. Как? Мою чашку? Любимую чашку! Голубую чашку Мари Антуанетт!.. О!..

Бетси. Сударыня...

Леди. Не смейте перебивать меня! Ваше поведение нестерпимо! Вы только и делаете, что все бьете и ломаете!

Бетси. Сударыня, позвольте...

Леди. Нет! Она еще разговаривает! Она еще расстраивает меня! Это чудовище! Где мой флакон с нюхательной солью?.. Ах!..

Кири. Бетси! Как вам не стыдно! Вы расстраиваете вашу добрую хозяйку. Ужас, ужас, ужас!

Бетси. Подлец!

Кири. Вы видите, леди.

Леди. Чаша моего терпения переполнилась! Довольно! Это неслыханно! Я не могу терпеть больше в доме грубиянку! Вон! Сейчас же вон! Воспользоваться отсутствием лорда, чтобы безнаказанно оскорблять меня в моем доме! О, ваше величество! Извольте хоть вы унять ее!

Кири (*Бетси*). Как вы смеете! Молчать! (*Тихо ей.*) Ну и дура! Нужно было слушаться меня. (*Вслух.*) Ай-яй-яй!..

Бетси. Как, вы гоните меня?

Леди. Да, немедленно потрудитесь оставить мой дом!

Бетси. Ах, так? Вот и награда за верную службу в течение пяти лет... за вставанье ночью на звонки... за прически и подшивания подолов, за... за бесчисленные капризы и сцены с фальшивыми истериками...

Леди. Как? Фальшивые истерики?.. Ваше величество, вы слышите?

Кири (*вслух*). Бетси! Как вы смеете! Ужас, ужас, ужас! (*Тихо ей же.*) Дура, дура, дура.

Бетси. Я не хочу вас слушать, низкий человек!

Леди. Вот ваш паспорт. Вам следует десять шиллингов. За разбитую чашку я вычитаю с вас десять шиллингов. Следовательно, вам причитается... Сэр, сколько ей причитается?

Кири. Сию минуту. Ноль из ноля — ноль. Единица из единицы — ноль... Следовательно, два ноля. Ноль плюс ноль — ноль. Ничего не причитается, леди.

Леди. Да. Прошу вас уложить ваши вещи и покинуть замок.

Кири. И вы не привлекаете ее к ответственности за разбитую чашку, сударыня?

Леди. Нет. Великодушием хочу я заплатить ей за ее поступок.

Кири. Ангельское сердце! (*Тихо — Бетси.*) Идиотка! Нужно было меня поцеловать.

Бетси (*тихо, с чувством*). Мерзавец!

Леди. Вон!

Бетси. Спасибо! Спасибо!

Леди. Молчи!

Попугай. Молчу... молчу...

Бетси выходит рыдая.

Кири. Хе... хе... хе... очень здорово!.. Как вы это...

Леди. Так, так, так... Теперь мне очень бы хотелось поговорить с вами, сэр...

Кири *(тихо)*. Ну, я пропал! Же сюи пердю! *(Вслух.)* О чем же?... С удовольствием... кхе... кхе...

Леди. Не потрудитесь ли вы объяснить мне, что означала эта маленькая мизансцена, которую я застала?

Кири. Я же докладывал, леди... чашечка... вот видите... осколочки... ужас, ужас, ужас...

Попугай *(гнусаво)*. Если ты меня не поцелуешь сейчас, дорогая Бетси...

Леди. Ах, ах, ах!.. Спасибо, попугай, спасибо, верный друг! *(Снимает туфлю и бьет ею по щеке Кири.)* Вот вам, гнусный юбочник!

Кири. Так, распишитесь в получении! То-то я во сне сегодня карты видел, верная примета к мордобою. Милая леди, чертова птица врет!

Леди. О, нет! Мой попочка никогда не врет. *(Бьет его по другой щеке.)*

Кири *(про себя)*. Ах, говорил я тебе, Кири, не связывайся с ледями!.. *(Вслух.)* Леди, опомнитесь! Ужас, ужас, ужас!

Леди. Вы забыли, очевидно, какую жертву я, жена лорда Эдварда Гленарвана, принесла вам, мерзкому простому дикарю! Ведь вы же дикарь!

Кири. Форменный дикарь.

Леди. Ах, я несчастная! Я, забыв стыд, вверила свою честь этому бабнику и Дон-Жуану, я изменила своему мужу!

Кири. Леди, дорогая, умоляю вас! Лорд может сейчас вернуться! *(Тихо.)* То-то сегодня 13-е число! Быть скандалу!

Леди. Я вручила нежный цвет моей любви...

Кири. Услышит кто-нибудь. Тише! Бейте меня лучше, только не по глазу каблуком. Умоляю!

Леди. Что вы нашли в ней? Что?!

Кири. Действительно! Что я в ней нашел? *(Искусственно хихикая.)* Комично прямо!.. Вот сюда, сюда, по

щеке, но только не по зубам! Мерси. У вас железная рука, леди.

Леди. Вульгарные красные щеки! Вздернутый нос!

Кири. Ужас, ужас, ужас! Да! Кровь стынет в жилах при взгляде на ее отвратительную физиономию, а вы говорите — целоваться! (*Тихо.*) Ну, нет! Довольно! Арапки, они проще. Ту самое скорее поколотишь под горячую руку! (*Вслух.*) Обожаемая моя! Очарование мое! Это лукавый попутал меня, клянусь вам в этом всеми святыми!

Леди. О, негодяй!

Кири. Услышат! Леди! (*Падая на колени.*) Леди, уверяю вас, что с этого момента я никогда не взгляну даже на другую женщину!

Леди. Клянитесь!

Кири. Чтоб мне не дожидаться светлого дня возвращения на мой царственный трон на Острове, чтоб мне не сойти... (*Тихо.*) Вот сейчас войдет кто-нибудь, будет тогда номер...

Леди. Поцелуй меня, негодяй!

Кири. С наслаждением, леди. Но только лучше, может быть, в другой раз. Я боюсь, что кто-нибудь может войти сюда...

Леди. Еще раз! Еще!..

Кири целует. Дверь открывается и входят лорд и Паганель.

Паганель. О!

Лорд. Леди!

Кири. Ну, налетели! Я так и знал!.. На чем, бишь, я остановился?.. Да, так я хотел заметить... А кто его знает, что я хотел заметить... Да. Что? Будет мне сейчас, кажется...

Лорд. Вот что, Василий Артурыч... я попрошу вас вычеркнуть эту сцену... Хе-хе... Да... мне эта сцена не нравится...

Кири. Да, дорогой лорд, клянусь вам, что вам показалось...

Лорд. Виноват, Василий Артурыч, вы меня не слышали... я прошу снять эту сцену...

Кири. Но почему же, Геннадий Панфилович... любовная интрига в пьесе...

Лорд. Что говорить... оно талантливо сделано, только, знаете... Савва Лукич... он старик строгий... прицепится — порнография... он лют на порнографию...

Кири. Ну, если так... (*Вытаскивает тетрадь.*)

Леди. По-моему, Геннадий, ты ошибаешься. Это одна из лучших сцен... в пьесе...

Лорд. Я знаю, леди... тьфу, Лида... что, по-твоему, лучшая сцена у тебя везде, когда целуются... Театр, матушка, — это храм... я не допущу у себя «Зойкиной квартиры»!

Леди. Уд-дивляюсь...

Паганель (*интимно — Кири*). Геннадий ревнив, как черт! Вы не удивляйтесь.

Лорд. Не спорьте, леди.

Леди. Не понимаю... (*Вычеркивает в тетради. Интимно — Кири.*) Не расстраивайтесь, милый автор, ваша пьеса прелестна, и я уверена, что поцелуи не уйдут от вас, хотя, быть может, и не на сцене... (*Делает глазки.*)

Кири. К-хем...

Суфлер (*из будки*). Марать, Геннадий Панфилович?

Лорд. Марай. Прошу продолжать.

Суфлер. Откуда?

Лорд. С прекрасной погоды...

Суфлер (*зычно*). Прекрасная погода.

Паганель. Прекрасная погода, леди. И я беру на себя смелость предложить небольшую прогулку в экипаже по окрестностям...

Леди. Я с удовольствием. Тем более что я сегодня расстроилась очень. Я прогнала мою горничную Бетси, лорд... Она стала совершенно нестерпима.

Лорд. Ну, что ж, дорогая, найдем другую.

Леди. А вашему величеству угодно?

Кири. Авек плезир, мадам, Вашу руку...

Паганель. Дикарь стал положительно очарователен в Европе.

Лорд. Паспарту! Вели подать лошадей. Мы прокатимся при лунном свете по эспланаде.

Паспарту. Слушаю, сэр.

Все уходит. Сцена некоторое время пуста. слышно, как глухо на эспланаде играет оркестр. Появляется Бетси. Она с узелком.

Бетси. Ну, вот мой узелок со мной. В нем уложены мои бедные вещи. Куда же я пойду? Куда я денусь? Прощай, замок, злая госпожа выгнала меня, и передо мной

разверзлась черная бездна. Одно остается мне — пойти и броситься с набережной в океан...

Тохонга (*внезапно появляется в окне*). Бетси! Бетси! Бетси. Ах, Боже мой! Это ты, Тохонга?

Тохонга. Я, моя дорогая, я. (*Влезает в окно.*) Ты одна?

Бетси (*печально*). Одна.

Тохонга (*обнимает ее*). О, моя золотая Бетси, как я счастлив, что я застал тебя. Мне нужно поговорить с тобою. Но что это? Твое лицо в слезах? Ты плакала? Что с тобою, дорогая? Признайся, не терзай мое сердце.

Бетси. Ах, Тохонга, леди Гленарван выгнала меня сейчас из дому. Вот мой узелок, сейчас я должна покинуть замок.

Тохонга. Как? Совсем?

Бетси. Да, совсем. Мне некуда деться.

Тохонга. За что?

Бетси. Этот Кири-Куки давно уже преследует меня своими ухаживаниями. Сегодня он обнял меня, а я разбила чашку, и вот...

Тохонга. О, какой подлец! Ну, погоди же, друг туземцев! погоди, мерзкий плут и обманщик, увлекший нас в лордовы каменоломни. Когда-нибудь придет для тебя час расплаты!

Бетси. Да, бедный Тохонга. Теперь некому уже кормить тебя хлебом. Ты будешь томиться в каменоломне... до тех пор, пока вас не повезут на Остров сражаться с туземцами. И там ты, может быть, сложишь свою голову, а я... я... найду себе приют в волнах океана...

Тохонга. Не смей говорить такие ужасные вещи. Все, что ни делается, всегда к лучшему. Хвала богам! Слушай, мы одни?

Бетси. Да, никого дома нет.

Тохонга. Ты любишь меня?

Бетси. Да, я люблю тебя, Тохонга!

Тохонга. О, как я счастлив слышать эти слова! (*Обнимает ее.*)

Бетси. Возле тебя забываю все свои горести... Ты возвращаешь мне силы...

Тохонга. Слушай, моя возлюбленная. Ты согласилась бы разделить со мной трудную участь?

Бетси. О, да!

Тохонга. Так вот что. Бежим со мной на Остров.

Бетси. Но как же?.. Я не понимаю.

Тохонга. Я больше не в силах голодать под бичами гленарвановых надсмотрщиков в каменоломнях. И в последнее время у меня созрел план. Я присмотрел великолепный паровой катер на набережной. Когда закатится луна и ночь станет черной, я отобью замо́к и выйду в море. Лучше миллион раз рисковать переходом океана в утлой скорлупе, нежели влачить здесь жизнь раба.

Бетси. Но ведь туземцы убьют тебя!

Тохонга. Нет, я уверен, что они меня не тронут. Это добрый народ, а я виноват перед ними только в одном, что шел против него, когда служил в гвардии. Но ведь я был слеп. А теперь, когда я сам попробовал на своей шкуре, что значит рабство, я все понял...

Бетси. О, как рискованно все, что ты хочешь сделать, но и как привлекательно!

Тохонга. Я покаюсь в своих грехах перед туземцами, они простят меня. Мы построим вигвам, я возьму тебя в жены, и мы славно заживем на моей родине, где нет ни каменоломен, ни леди Гленарван.

Бетси. Но что я буду делать на чужбине? Ах, Тохонга! Мне страшно... ведь Остров мне чужой!

Тохонга. О, ты быстро привыкнешь. Какое солнце там, какое небо! Там ночи черные и звезды, как алмазы! Там всю ночь океан шуршит и плещется о берега, не заключенный в эспланады... Там так тепло, что ночью можно спать на голой земле! Бетси, бежим! Бежим, Бетси!

Бетси. Ах, будь что будет! Я согласна!

Тохонга. О, моя прелесть! *(Обнимает ее.)*

Ликки *(оборванный и страшный, внезапно появляется в окне)*. Где этот паровой катер?

Бетси. Ах!

Тохонга. Нас подслушали! Кто это? Кто? Ах, боги! Это Ликки-Тикки! Ты подслушал нас?

Ликки. Конечно.

Тохонга *(выхватив нож)*. Так умри же. Ты не унесешь из этой комнаты моей тайны и не помешаешь побегу! *(Бросается с ножом на Ликки.)*

Бетси. Тохонга! Опомнись, что ты делаешь!

Тохонга. Не мешай! Он погубит нас!

Ликки *(вырывает нож)*. Да пойдя ты к дьяволу со своим ножом! Бросается на людей, как бандит! Барышня! Уймите вашего жениха!

Тохонга. Что тебе нужно от нас, храбрый Ликки?

Ликки. Прежде всего мне нужно, чтобы ты не был идиотом. Сядь, чтоб тебе пусто было!

Тохонга. Неужели ты предатель, Ликки? О, все погибло!

Ликки. Нет, он положительно осатанел. Сядешь ты или нет? Молчать!.. Сядешь? Сидеть, когда тебе говорят!

Бетси. Что вы хотите сделать с ним? Я закричу, если вы причините ему зло!

Ликки. Ну, теперь вы еще! Молчать! Сидеть! Пардон, барышня!

Тохонга и Бетси в ужасе садятся.

Отвечай, где катер?

Бетси. Ответь, ответь ему, Тохонга!

Тохонга. Но только, если ты, Ликки... если ты вымолвишь одно хоть слово...

Ликки. Молчать, когда с тобою разговаривают!.. Где катер?

Тохонга. Под окном.

Ликки. Так. Дрова есть?

Тохонга. Хватит.

Ликки. Так. Ну, а ты подумал о том риске, которому ты подвергаешься, оказавшись в открытом море, с женщиной, которая умеет только гладить юбки? Ну, а если начнется шторм? Буря? А если не хватит топлива? А погоня, как ты будешь отбиваться в компании с юной особой, которая всю жизнь только плоила чепцы?

Тохонга. Так, Ликки, ты прав. Но к чему ты ведешь свою речь?

Ликки. К тому, что ты свинья!

Бетси. За что вы оскорбляете его?

Ликки. За то, что он не подумал о других. О том, вместе с ним томится в каменоломне его непосредственный начальник и друг, не раз сражавшийся с ним плечо к плечу.

Тохонга. Ликки! Если бы я знал, что ты с добрыми намерениями...

Ликки. Одним словом, я еду вместе с вами!

Тохонга *(бросается к нему на шею)*. Ликки!

Ликки. Уйди ты в болото! Я что, барышня, в самом деле!..

Тохонга. Постой, Ликки! Но ты не подумал, как тебя примут туземцы?

Ликки. Подумал. Не беспокойся, я не заставлю тебя думать за себя... Итак, времени терять нельзя! Ни секунды! Провизия?

Тохонга. Нету, Ликки.

Ликки (*выглянув в окно*). Луна уходит... Пора! (*Зажигает лампу, снимает со стола скатерть.*) Открывай буфет! (*Тохонга открывает.*) Что есть съестного?

Тохонга. Он полон, Ликки.

Ликки. Давай сюда... Впрочем, нет... Этак мы очень долго провозимся. Запирай его. (*Тохонга запирает.*) Лезь в окно, я буду подавать.

Тохонга. О, с тобою мы не пропадем, Ликки. (*Вылезает в окно.*)

Ликки (*берет буфет и полностью передает его Тохонге*). Грузи в лодку... Где у лорда оружие?

Бетси. В шкафу, здесь.

Ликки. Так. (*Берет шкаф и передает в окно Тохонге.*) Осторожно, оружие.

Бетси. Боже, какая у вас сила!.. Но что скажет лорд?

Ликки. Молчать!.. Пардон, мадемуазель. Что он скажет? Он негодяй и грабитель. Одна жемчужина, которую он уволок с Острова, стоит дороже, чем все это барахло, в пять раз. Принимай! (*Бросает в окно Тохонге кресла, стол, ковер, картины.*)

Бетси. Вы... вы замечательный человек!

Ликки. Молч... когда с тобой... что, бишь, еще... не забыть бы...

Попугай. Не забыть бы.

Ликки. А, старый друг! И ты не останешься здесь. Получай, Тохонга! (*Передает Тохонге клетку с попугаем в окно.*) Не забудь захватить бочонок с пресной водой под окном.

Тохонга (*за окном*). Да, да...

Ликки. Пожалте, барышня. (*Берет Бетси и передает в окно.*)

Бетси. Ах!

Ликки. Молчать, когда с тобой разговар... Да... теперь записку... (*Пишет записку и ножом прикалывает ее к стене.*)

В комнате не остается ни одного предмета, за исключением горячей лампы на стене. Ликки снимает ее и уходит с нею через окно. Сцена во мраке. Слышны за сценой голоса.

Бетси. Вы настолько полно нагрузили, что он может перевернуться!

Ликки. Молчать... когда с тобой... садитесь, барышня, на рояль. Вот так. Погодите, мы его перевернем. *(Грохочут струны в рояле.)* Вот...

Тохонга. Лампу не раздави, лампу...

Ликки. Заводи...

Слышен звук машины в катере.

Попугай *(постепенно утихая, поет)*. По морям... по морям...

Пауза. Потом голоса за сценой.

Лорд. Почему такая тьма?

Леди. Негодная Бетси! Не могла зажечь лампу. Ах, эта прислуга! Ведь я же приказала ей дожидаться моего возвращения.

Гаттерас. Темно, как в... бочке.

Лорд. Паспарту, зажгите лампу.

Паспарту. Слушаю, сэр. *(Все входят.)* Сэр, тут нету лампы. Ничего не понимаю.

Паганель. Паспарту, вы немного пьяны.

Паспарту. Мсье, я ничего не пил...

Леди. Я боюсь натолкнуться на стул...

Гаттерас. Да принесите лампу из соседней комнаты! Кресло сквозь землю провалилось!

Паспарту. Сию минуту. *(Входит с лампой в руке. Все окаменели.)*

Лорд. Что такое?

Паганель. Однако!

Леди. Что это значит?

Паспарту. Сэр, у вас в доме были мазурики.

Леди. Бетси! Бетси!

Гаттерас. Стой! Записка! *(Снимает записку.)*

Лорд. Дайте ее сюда...

Кири. Нож Тохонги! Это работа арапов. Ой, ой, ой! Ужас, ужас, ужас!

Лорд *(читает)*. Спасибо за каменоломни... и за бичи надсмотрщиков... приезжайте на Остров, мы вам

проломим головы... Мерзавцу Кири поклон. Ликки и Тохонга.

Кири. Батюшки!

Паганель. Клянусь... не знаю даже, чем поклясться, это потрясающе!

Лорд. Стойте, здесь еще приписка. Черт, ничего не пойму! Через ять написано. А! Бетси и попугай всем кланяются.

Леди. Мерзавка! Ах!.. мне дурно... дурно...

Паганель. О, мадам, только не падайте в обморок!

Леди. Куда же я упаду, спрашивается?

Гаттерас. Главное то, что комната вылизана, как тарелочка языком голодного боцмана. Чтоб те сдохнуть! Я не видел более чистой работы! Ведь не на подводах же уперли они все это! Лихие ребята, чтоб их смыло в море! Но на чем же они уехали? *(Бросается к окну.)* Ба! Катера нет! Все ясно. Сэр! Черти дали тягу в вашем катере!

Лорд *(остервенившись, ухватил Паспарту за горло)*. Негодяй! Ты должен был смотреть! Смотреть!

Паспарту *(с лампой)*. Караул! Помогите, господин Паганель! При чем тут я?!

Паганель. Мсье, попрошу вас выпустить моего лакея.

Паспарту исчезает, поставив лампу на пол.

Лорд *(бросаясь к Кири)*. А вы, чертово величество! Спасибо вам за всю эту банду, которую вы доставили в мой дом. Я вам... я вам...

Кири. Дорогой лорд! Помилуйте, разве я виноват?.. Я.. *(Прячется за юбку леди.)*

Леди. Лорд, за что вы?.. За что?.. В чем же виновато его величество?

Лорд. Молчать! Не заступаться! «Ах, мне скучно! Ах, я жажду приключений! Ах, ах!»

Паганель. Дорогой лорд, успокойтесь. Необходимо взвесить положение и принять сейчас же меры.

Лорд. Да, вы правы. Недурная покупка! Ни жемчуга, ни вещей, и впереди необходимо завоевывать этот дьяволов Остров!

Кири. Ваше сиятельство!

Лорд. Молчать! *(Кири прячется.)* Сейчас же взвесим положение. *(Думает.)* Эй, капитан Гаттерас!

Гаттерас. Есть, лорд.

Лорд. Корабль! Команду! Всех арапов вооружить копьями! Мы едем на Остров! Я не посмотрю на чуму!

Паганель. Совершенно правильно! Европа не может допустить разбой. Где мой саквояж? Лорд, я вас уверяю, мы вернем жемчуг и вещи.

Гаттерас. Точно так. (*Свистит в свисток.*) Команду, тарам-та-рам-та-рам...

На заднем плане показывается корабль с матросами, весь усеянный электрическими огнями.

Леди. Лорд! Я поеду с вами! Я хочу видеть своими глазами, как схватят эту негодяйку и воровку Бетси!

Лорд. Хорошо. Одевайтесь.

Суэта.

Паспарту (*вбегают, растеряны*). Лорд! Лорд! Лорд!

Лорд. Какая еще пакость случилась в моем замке?

Паспарту. Савва Лукич приехали!

В оркестре немедленно поднимаются любопытные головы музыкантов.

Суфлер (*из будки*). Геннадий Панфилович, Савва Лукич!

Матросы (*с корабля*). Савва Лукич в вестибюле снимает калоши!

Лорд. Слышу! Слышу! Ну, что же, принять, позвать, просить, сказать, что очень рад... Батюшки, сцена голая! Сесть не на чем. Вернуть что-нибудь из мебели!

Паганель бросается в окно и втаскивает попугая на сцену.

Ну, гражданин Жюль Верн... того, этого... что, бишь, я хотел сказать?... Да, театр — это храм... Одним словом, ничего лишнего... Метелкин! Бенгальского давай!

Паспарту. Тигра, Геннадий Панфилович?

Лорд. Не тигра, черт тебя возьми, огню бенгальского в софит!

Паспарту. Володя! В верхний софит бенгальского красного гуще!

Сцена немедленно заливается неестественным красным цветом.

Лорд. Метелкин! Попугай пусть что-нибудь поприятнее выкрикивает. Да не очень бранись. Лозунговое что-нибудь...

Паспарту. Слушаю, Геннадий Панфилович. (*Прячется за попугая.*)

Лорд. Батюшки! Наконец-то! Уж мы вас ждали, ждали, ждали! Здравствуйте, драгоценнейший Савва Лукич!

Савва (*входит*). Хе... хе... извините, что опоздал... дела, дела задержали. Здравствуйте, здравствуйте...

Лорд. Вот, позвольте рекомендовать вам, Савва Лукич, жена моя, гран-кокетт... А это вот гражданин Жюль Верн... автор... страшнейший талант... идеологическая глубина души... светлая личность! В наше время, Савва Лукич, такие авторы на вес золота. Им бы двойной гонорар нужно бы платить, по сути дела... (*Тихо — Кири.*) Это я пошутил.

Савва. Очень, очень приятно... Какие у вас волосы странные, молодой человек...

Кири. Это я в гриме, Савва Лукич.

Савва. Как, сами и играете?..

Лорд. Точно так, Савва Лукич. Ничего не жалел для постановки. Заболел Варрава Аполлонович... и автор согласился сыграть за него. Кири — проходимец.

Савва. Так... так... сразу видно... сразу... ну, что же... продолжайте, пожалуйста.

Лорд. Чайку, может быть, Савва Лукич?

Савва. Нет, уж зачем, в антракте лучше...

Лорд. Слушаю. Позвольте вам вручить экземпляр пьески...

Савва. Какая прелесть, попугай!

Лорд. Специально для этой пьесы заказан, Савва Лукич.

Савва. И дорого дали?

Лорд. Семьсот, пятьсот пятьдесят рублей, Савва Лукич, говорящий. Ни в одном театре нету, а у нас есть!

Савва. Скажите! Здравствуй, попка!

Попугай. Здравствуйте, Савва Лукич, пролетарии всех стран, соединяйтесь, рукопожатия отменяются.

Савва (*в ужасе упал на пол, чуть не перекрестился*). Сдаюсь!

Лорд. Ну, дурак Метелкин! Боже, какой болван!

Савва. Что же это такое? Ничего не понимаю. (Заглядывает за клетку попугая.)

Паспарту перебегает на другую сторону.

Лорд. Не пересаливай, Метелкин!

Паспарту. Слушаю, Геннадий Панфилович.

Савва. Прелестная вещь! Буду рекомендовать всем театрам, кои в моем ведении. Итак, продолжайте... на чем вы остановились?

Лорд. Сейчас на необитаемый остров едем, Савва Лукич. Капиталисты мы. Взбунтовавшихся туземцев покорять. На корабле. Вам откуда угодно будет смотреть? Из партера? Из ложи? Или, может быть, здесь на сцене, за стаканчиком чайку?

Савва. Нет, уж позвольте мне, старику, с вами на корабле... хочется прокатиться на старости лет.

Лорд. Да милости просим! Господа! Прошу продолжать! (Хлопает в ладоши.)

Гаттерас. Корабль готов, лорд.

Лорд. Дать сюда арапов!

Гаттерас. Есть, лорд! (Свисток.)

Стены разламываются, и появляются шеренги арапов с копьями.

Лорд. Здравствуйте, арапы!

Арапы (оглушительно). Здравия желаем, ваше сиятельство!

Савва. Очень хорошо. Еще раз можно попросить? Здравствуйте, арапы!

Арапы. Здравствуйте, Савва Лукич!

Савва потрясен.

Лорд. Арапы! Ваш военачальник совершил гнусную измену. Он только что ограбил мой замок и бежал на Остров с целью передаться туземцам. С ним бежали Тохонга и моя бывшая горничная. Нужно достойно наказать их и непокорных туземцев. Во главе вас станет ваш царь Кири-Куки Первый, а я окажу помощь.

Арапы. Рады стараться, ваше сиятельство!

Лорд. Потрудитесь, ваше величество, показывать им пример личного мужества.

Кири. Слушаюсь. Ну, влопался, черт меня возьми!

Леди. Кири, мой дорогой, не унывайте. Я душою с вами, и я уверена, что вы выйдете победителем.

Кири. Ай, уйди ты от меня, Христа ради! Где мой чемодан?

Паспарту. Извольте, ваше величество! Ого, какой тяжелый!

Кири. В нем два пуда воззваний к моему заблудшему народу.

Лорд. На корабль! Подать трап! Пожалте, Савва Лукич. Ножку не ушибите об трап.

Все входят на корабль. Паганель по дороге выбрасывает попугая в окно.

Лорд. Вперед, и смерть туземцам! Смерть Ликки и Тохонге!

Матросы. Смерть им!

Гаттерас. Из бухты вон!

Дирижер взмахивает палочкой. Оркестр начинает. «Ах, далеко нам до Типперэри...» Лорд за спиной Саввы Лукича грозит дирижеру кулаком. Оркестр мгновенно меняет мотив и играет: «Вышли мы все из народа».

Кири. Геннадий Панфилович, что вы! Английские матросы не могут этого петь!

Лорд (*грозит ему кулаком*). Молчите, злосчастный!

Корабль начинает отходить.

Савва (*красуясь на корабле*). Отличный финальчик третьего акта.

Занавес.

Конец третьего акта.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Остров. Бывший вигвам Кири украшен красным флагом.

2-й туземец (*выбегают*). На горизонте судно! Судно! Товарищи! Кай-Кум! Фарра-Тете! Судно! Судно!

Кай (*выбегают из вигвама*). Где судно? Да, действительно!..

Фарра. Судно. Европейское. Это не пирога.

2-й туземец. Уж не враги ли? Быть может, это англичанин за жемчугом?

Фарра. Возможно. Ну, вот что, друг, созывай сюда туземных воинов. Мало ли что может случиться.

2-й туземец. Эй? Все сюда!

Начинают сбегаться туземцы.

Кай. Не пойму я что-то... Это не может быть корабль лорда. Уж больно мал!

Туземцы. Корабли! Корабли!

Фарра. Друзья! Возможно, что на корабле этом враги... мало ли что принесет нам коварное море... Оружие в порядке ли у вас?

Туземцы. О, Фарра! Мы готовы!

Кай. Ничего не понимаю. Какие-то узлы, а сверху женщина сидит.

Туземцы (*теснясь*). Да, это женщина! Женщина!

Кай. Белая...

3-й туземец. Если бы я не знал, что Ликки-Тикки сейчас в Европе, я бы поклялся, что это он на корме!

2-й туземец. А этот, тоже на корме, вылитый Тохонга!

Туземцы. Что ты околесицу несешь, ну, как Тохонга может очутиться в лодке?..

Фарра. Приготовить стрелы!

Туземцы. Мы готовы.

Кай. Ей-богу... как две капли воды, Ликки!

Фарра. Да что ты, в самом деле!.. Баба, это верно, сидит на каком-то черном ящике с белыми зубами...

Туземцы. И попугай... Ликки! Нет, не Ликки! Ликки! Не Ликки? Что же это такое?

Кай. Ликки!

Катер входит в бухту, и из него выпрыгивают Ликки, Тохонга и Бетси.

Туземцы. Ликки-Тикки!

Ликки. Совершенно верно. Не нужно так орать. Молчать, когда... Ликки!.. Что вы на меня выпятились, как будто в первый раз меня видите?

Кай. Слушай, белый арап, бросай сейчас же оружие и сдавайся народу! Мы будем тебя судить!..

Фарра. Бросай оружие!

Ликки. Что вы, братцы, кричите так?.. А оружие зачем бросать? Оно пригодится...

Кай. Руки вверх!

Ликки, Тохонга и Бетси поднимают руки вверх. Их обыскивают.

Бетси. Ах, Тохонга, я боюсь. Что они сделают с нами?

Тохонга. Не бойся, моя дорогая. Они поймут. Мы им сейчас все объясним. Ликки расскажет им.

Ликки. Сейчас. Гм... Да отойдите от меня! Я не могу говорить, когда пятьдесят человек мне пыхтят в лицо.

Кай. Но если ты вздумаешь тронуть кого-нибудь из туземцев, знай...

Ликки. Молчать, когда... Я все-таки не идиот, чтоб тронуть кого-нибудь из вас... Я один, а вас пятьсот человек!

Кай. Зачем ты явился?

Ликки. Вот я и хочу это объяснить. Где туземец, которого я треснул в зубы?

Фарра. Он убит твоими арапами во время осады...

Ликки. Жаль. Боги да примут его в небесное лоно, и дух Вайдуа незримо да почиет на нем в селениях праведных!

Кай. Аминь. Аминь! Но в чем же дело? Отвечай без лукавства.

Ликки. Я способен выбить человеку зубы, но на лукавство я никогда не пускался. Это могут подтвердить... все.

3-й туземец. Это верно.

Ликки. Итак, он умер. Заочно прошу у него прощения, и у вас тоже. Прошу прощения за то, что вследствие слепоты и недостаточного образования состоял на службе у тирана Сизи-Бузи и был в его руках... Так я говорю?

Бетси. Верно, верно, храбрый Ликки! Продолжайте!

Тохонга. Продолжай, Ликки. Они поймут.

Ликки. Был орудием угнетения. Я — солдат и не отдавал себе отчета в том, что я делал... Во-вторых, что, бияшь, во-вторых?.. Прошу у туземного народа прощения за то, что будучи... будучи обманут проходимцем Кири-

Куки, пошел против народа и треснул в зубы, а равно также был причиной многих смертей.

Туземцы. Он кается! Вы слышите?

Ликки. Да, я каюсь, вы можете меня судить. Мне это все равно.

Тохонга. И обо мне скажи.

Ликки. В том же самом кается и мой адъютант... Тохонга.

Тохонга. Да.

Кай. Кто эта белая женщина?

Тохонга. Не бойся, Бетси... сейчас я скажу... Это горничная лорда. Ее прогнали. Она моя возлюбленная, я на ней женюсь. Она никогда никому не причинила зла, потому что обладает добрым сердцем. Примите и не обижайте ее, даже если вы убьете меня.

Кай. Туземный народ не убивает женщин, ни в чем не повинных.

Ликки и Тохонга. Да.

Бетси. Да, я подтверждаю это.

Фарра. Ликки, Ликки! Нас слишком часто обманывали. Кто поручится, что за твоими словами не кроется предательство?

Ликки. Я тебя уверяю, предательства нет.

Фарра. Кто поручится?

Ликки. Да что ты все — поручится да поручится? Молчать, когда...

Фарра. Как, ты еще кричишь на меня?

Ликки. Ну, что ты придираешься? У меня такая привычка. Я слишком стар, чтобы в пять минут переменить свой характер. Не будь слишком придирчив.

Кай. Это верно. Это верно.

Ликки. Пойми, что, испытав на своей шкуре в Европе все, чему подвергал вас Сизи-Бузи здесь, я все сообразил и более не перейду ни на чью сторону. Рабство меня выучило. Я клянусь!

Тохонга. И меня тоже!

Фарра. И вы докажете это туземному народу?

Тохонга. Да.

Ликки. Да. И даже скорее, чем я бы этого хотел. Смотри, на горизонте...

2-й туземец. Сильный дым!..

Ликки. Да, дым... это зловещий дым! Эй! Кто теперь у вас царь?

Туземцы. У нас нет и не будет более царя!

Ликки. Ну, кто управляет вами?

Туземцы. Они выбраны нами.

Ликки. Я так и полагал. Привет вам, повелители!

Кай, вели вскрыть этот шкаф...

Фарра. Будь осторожен, Кай!

Ликки. Как не стыдно тебе! Я стар и поклялся.

Бетси. О, верьте им, верьте!

Кай. Вскрыть шкаф!

Туземцы вскрывают шкаф.

Туземцы. Оружие! Оружие! Ружья!

Ликки. Да, это английские ружья. Я привез вам их в подарок, и очень скоро они вам пригодятся!..

2-й туземец *(на пальме)*. На горизонте корабль!

Ликки *(громовым голосом)*. Он едет сюда, на Остров, корабль лорда Гленарвана. Он едет сюда, на Остров. На нем арапы, вооруженные до глаз, и команда матросов. Они идут с тем, чтобы истребить вас, посадить негодяя Кири на трон и ограбить вас. И я, Ликки-Тикки, военачальник, перешедший на вашу сторону, явился к вам, чтобы помочь вам отразить их. И посмотрел бы я, как это сделали бы вы без меня, самого искусного полководца на всех островах океана! Разбирайте оружие! Разбирайте!

Фарра. А, теперь мы верим тебе! Ты был зол и страшен, Ликки-Тикки, но ты искупил свои грехи! Народ, простить ли его?

Туземцы. Простить!

Кай *(Ликки и Тохонге)*. Именем народа вы прощены!

Ликки. Спасибо. Вы не раскаетесь в этом.

Фарра. К оружию, братцы! Слушать Ликки! Слушать его!

Туземцы мгновенно разбирают ружья. Слышна труба.

Ликки. У вас чума?

Кай. Она почти кончилась.

Ликки. Есть ли хоть один непогребенный труп?

Кай. О, да!

Ликки. Ну, так вот что! Сейчас же стрелы ваши вы обмакните в чумный яд. Только будьте осторожны, чтобы не заразить себя. Чума — это единственное, чего боятся жадные европейцы. Поняли меня?

К а й. О, Ликки! Ты действительно великий полководец! Слушайте, слушайте его!

2-й туземец (*на пальме*). Он приближается — корабль!

Ф а р р а. Братья! Отравите стрелы и пули!

Происходит страшнейшая суета вооружения. Весь Остров покрывается тучей копий.

Л и к к и. Скройтесь!.. За камни, за кусты!

Играет рожок.

Т о х о н г а. Слушайте приказание! Скройся!

Все скрываются, и сцена пуста. Слышна зловещая музыка, и корабль входит в бухту. Первым с него сходит Савва с экземпляром пьесы в руках и помещается на бывшем троне, так что он царит над Островом.

Л о р д. Леди, прошу вас не высовываться.

Г а т т е р а с. Команда! Слушай!.. Трап подать! Трам-там-там!

Л о р д. Ну-те-с, ваше величество, потрудитесь встать во главе вашего войска. Вы теперь имеете возможность вернуть свой трон, а мне — мой жемчуг.

П а г а н е л ь. О, да. Нам надоело буйство вашего народа. Клянусь Французской республикой!

К и р и (*с чемоданом*). Слушаю, ваше прев.. бла.. фу ты, черт, попал я в положение!.. А ну как добрый мой народ всадит мне стрелу в пузо, будет веселая игра! И зачем я ввязался в это дело?

Л е д и. О, не подвергайте опасности его величество!

Л о р д. Леди, мне начинает казаться странным ваше заступничество. Что это значит? Арапский царь! Что же вы?

К и р и. Иду, иду, достоуважаемый лорд. Иду, у меня ноги подкашиваются от храбрости и нетерпения. Ох-хо!.. Ну, арапчики милые, не выдавайте!

Г а т т е р а с. Арапы, вперед!

Арапы сходят по трапу под звуки военной музыки.

К и р и. Я, ваше сиятельство, сзади пойду, чтобы кто-нибудь из них не вздумал дать ходу... Ведь это такой народ...

Леди. О, вы мало того, что обманщик, вы, оказываетесь, еще и трус! Я презираю вас!

Кири. Очень мне надо теперь, когда моя жизнь висит на волоске!

Леди. Между нами все кончено!

Кири идет вслед за арапами на Остров. Матросы выстраиваются в шеренгу на палубе. Арапы идут с копьями наперевес. Пауза. И внезапно появляется Ликки с револьвером в руке.

Ликки (*грозно*). А куда вы прете, шучьи дети?

Арапы (*в ужасе*). Военачальник!..

Ликки. Да, это я, Ликки-Тикки, прозванный на Островах неустрашимым! Куда?

Арапы (*в полном замешательстве*). Ликки... мы что ж... мы люди маленькие... конечно...

Гул.

Ликки. Молчать, когда с вами разговаривают!..

Паганель. Клянусь флаконом Лоригана, они в замешательстве! Лорд!..

Лорд (*с подозрительной трубой*). Капитан Гаттерас, примите меры.

Гаттерас (*в рупор*). Вперед, сто тысяч чертей и один Вельзевул! Вперед!

Ликки. Назад!.. Когда с вами разговаривают!..

Арапы. Батюшки! Что же это такое делается!..

Замешательство.

Гаттерас. Вперед!

Ликки. Назад!

Туземцы (*за сценой*). Ура!.. Полководец Ликки!

Кай и Фарра (*появляются на скалах*). Ликки! Молодец! Ура, Ликки!.. Не бойся, за тобою весь Остров!

Арапы (*падают мгновенно, как срезанные, с воплем*). Сдаемся!

Ликки. Марш к туземцам!

Арапы. Слушаемся, ваше превосходительство! (*Исчезают со сцены*.)

Туземцы (*издают громовой вопль*). Ура!!!

На острове остается Кири с чемоданом.

Кири. Ваше сиятельство! (*Отчаянно.*) Караул! Караул! Ваше сиятельство!.. Помогите!.. Меня бросили на произвол судьбы! Ужас! Ужас! Ужас!

Ликки (*зловеще*). А-а! Вот где он! Давно, давно я жду этого момента. Ну, молись, подлец, твой смертный час настал!

Кири. Миленький, золотой Ликки! Я сдаюсь! Иль, вернее, уже сдался давным-давно! Плюскамперфектум! Сдался! О, Ликки! Неужели ты убьешь несчастного юного Кири-Куки, который всегда любил тебя нежной любовью?

Ликки. Ах, гнусный подлец!

Паганель. Лорд!.. Они бежали, а туземный царь схвачен!

Леди. О, лорд, мы должны выручить его!

Паспарту. Туземный царь засыпался!

Лорд. Капитан! Капитан!

Гаттерас. Команда, к оружию!

На Ликки направляют пушку. Ликки схватывает Кири и закрывается им, как щитом.

Кири. Ваше сиятельство, дорогой лорд! Что вы делаете? Не стреляйте! Вы в меня попадете!

Леди (*схватив Гаттераса за руки*). О, вы убьете его! Не стреляйте!

Лорд. Леди! Что это значит? Я начинаю подозревать вас!

Кири. Совершенно верно, ваше сиятельство. Я открою вам тайну, только не стреляйте!

Леди. О, гнусная тварь! (*Падает в обморок.*)

Ликки. Ну, видал я прохвостов...

Лорд. Я обесчещен! (*Вынимает револьвер и стреляется.*)

Паспарту. Лорд застрелился.

Паганель. Боже мой! Что такое происходит у этого проклятого Острова! Будь я трижды проклят за то, что я связался с этим жемчугом и поездкой!

Ликки. Эй, туземцы! Все сюда!

Тучей выходят туземцы, арапы и покрывают сцену.

Кай и Фарра. Все сюда!

Ликки. Слушайте вы, европейцы! (*На корабле тишина.*) Вы видите, что попытка покорить Остров при по-

мощи... впрочем, я не оратор, черти бы меня съели!.. Кай, скажи им!

Кай. Слушайте, европейцы. Попытка покорить Остров при помощи обманутых и ослепленных арапов потерпела полную неудачу. Арапы сдались нам на милость победителей. Они прощены и вошли в наше войско. И вот перед вами сплоченный и тесный народ, который будет защищать свое отечество, жизнь и свободу!

Туземцы (*громко*). Верно, верно, Кай!

Фарра. Слушайте, европейцы! Ваши попытки завоевать богатства Острова ни к чему не приведут, потому что несметные и сознательные полчища туземцев вам их не отдадут.

Кай. Жемчуга вам не видать никогда! Он принадлежит свободному туземному народу и более никому!

Кири. Совершенно верно! Правильно, до чего правильно! Я сам так полагал, Кай.

Кай. Молчи, дрянь! Твое дело еще впереди.

Кири. Молчу, как рыба об лед.

Кай. И вот вам последнее наше слово. Перед вами тысячи луков и в них стрелы, отравленные чумой.

Паганель. Как чумой?! Черт возьми!

Фарра. Последнее наше слово. Если сию минуту вы не оставите Остров, мы дадим залп по вас, и вам не помогут никакие дальнобойные пушки... Быть может, вы убьете некоторых из нас, но корабль ваш будет отравлен. В ваших телах вы перенесете заразу в далекую Европу, и, полыхая, как пожар, охватит она ее от края и до края. Мы ждем одну минуту...

Гаттерас. К черту этот поход! Я думал воевать со стрелами и бомбами, а не с чумой.

Паганель. Да, вы правы. Отступаюсь от всего. К черту жемчуг и сомнительные прибыли!

Паспарту. Мсье! Команда волнуется... И еще минута — и вспыхнет бунт. Позвольте подать совет: вам нужно возвращаться в Европу. Матросы не хотят воевать с туземцами.

Паганель. Капитан, домой!

Гаттерас. Из бухты вон!..

С громом поднимают якорь, и корабль начинает уходить. Матросы поют: «По морям... по морям...»

Леди (*встает у борта, тоскует*). О, я несчастная! В один миг я потеряла все... жемчуг, мужа и любовника... Что делать мне?

Паганель. Сударыня, казнитесь, глядя на труп вашего супруга. Общественное мнение Европы убьет вас.

Матросы: «По морям... по морям...» — все глуше и тише. Корабль скрывается. Солнце садится.

Кай (*на сцене*). Братья туземцы! Поздравляю вас! Все испытания наши кончены. Больше Багровому Острову не угрожает никакая опасность. Кричите же радостно — ура!

Все. Ура!!!

Кай. Расступитесь!

Все расступаются и обнаруживают Кири на чемодане.

Кири. Я думал, что меня забудут в общем ликовании. Увы, нет! Видно, я не испил до конца еще моей чаши!

Фарра. Что делать нам с этим негодяем?

Ликки. Убить его. И то мало.

Кай. Что делать с ним?

Туземцы. Что делать?

Кири. Только простить, и больше ничего! Неужели туземные сердца склонны к слепой мести? Неужели вы, дорогие правители Кай-Кум и Фарра-Тете, не понимаете, что нельзя омрачать столь колоссальный народный праздник пролитием крови, хотя бы даже и виновного человека?

Ликки. Тебя можно повесить, не проливая ни одной капли крови.

Кай. Как ты хотел повесить меня и Фарра-Тете...

Кири. О, драгоценный Кай! Не будь злопамятен! О, туземный народ! Ты знаешь, что у меня в чемодане?

Фарра. Что, негодяй?

Кири. Два пуда стерлингов, тех самых, что покойный лорд вручил Сизи за жемчуг. Как видите, я честно сберег народное достояние, не утаив ни копейки.

Кай. Обратить их в народную казну!

Ликки. Сознайся, что ты берег их, чтобы присвоить!

Кири. Но ведь не присвоил! Ах, Ликки, зачем ты топишь человека? Ужас, ужас, ужас!

Ликки. Глаза бы мои на тебя не смотрели! Ну тебя к свиньям! Простите его, братцы! Рук не хочется марать.

Кай. Простить — ради победы и торжества?

Туземцы и арапы. Простить!

Фарра. Вставай. Ты слышал — народ прощает тебя,

Кири. О, боги благословят вас за великодушие! Какая тяжесть спала с моей души! Но стерлингов немножко жалко. Впрочем, жизнь человеческая, хотя и подлая, дороже всяких стерлингов. Позвольте же мне принять теперь участие в ликовании!

Восходит луна.

Кай. Туземцы, вот она, ночная богиня, изливает свой свет на переживший все испытания Остров!.. Встретим же ее радостно!

Вспыхивают бесчисленные фонари. Громадный хор поет с оркестром.

Хор. Испытания закончены,
Утихает океан,
Да живет Багровый Остров —
Самый славный среди всех стран!

Кири. Пьеса закончена.

Фонари и луна исчезают, и на сцену дают полный свет.

Конец четвертого акта.

ЭПИЛОГ

Начинается гул и движение. Туземцы расходятся. На сцену выступают: покойный Лорд, Леди, Паганель, Гаттерас, мелькают матросы, Паспарту... Савва Лукич один неподвижен сидит на троне над толпой. Вид его глубокомыслен и хмур. Все взоры обращены на него.

Лорд. Кхм... ну, что же вам угодно будет сказать по поводу пьески, Савва Лукич?

Гробовая тишина.

Савва. Запрещается.

Проносится стон по всей труппе. Из оркестра вылезают головы пораженных музыкантов. Из будки — Суфлер.

Кири (*болезненно*). Как?..

Лорд (*бледнея*). Как вы сказали, Савва Лукич? Мне кажется, я ослышался.

Савва. Нет. Не ослышались. Запрещается к представлению.

Ликки. Вот тебе и идеологическая! Поздравляю, Геннадий Панфилович, с большими барышами!

Лорд. Савва Лукич! Может быть, вы выскажете ваши соображения?.. Чайку, кстати, не прикажете ли стаканчик?

Савва. Чайку выпью, мерси... А пьеска не пойдет... хе-хе...

Лорд. Паспарту! Стакан чаю Савве Лукичу!

Паспарту. Сейчас, Геннадий Панфилович. (*Подает чай.*)

Савва. Мерси, мерси. А вы, Геннадий Панфилович?

Лорд. Я уже закусил давеча.

Гробовая тишина.

Ликки. Торговали кирпичом, а остались ни при чем... Э-хе-хе...

Паспарту. Кадристы спрашивают; Геннадий Панфилович, им можно разгримироваться?

Лорд (*шипящим голосом*). Я им разгримируюсь... я им разгримируюсь...

Паспарту. Слушаю, Геннадий Панфилович!.. (*Исчезает.*)

Внезапно появляется Сизи, он в штатском костюме, но в гриме царя и с короной на голове.

Сизи. Я к вам, гражданин автор... Сундучков, позвольте представиться.. Очень хорошая пьеска... замечательная... Шекспиром веет от нее даже на расстоянии. У меня нюх, батюшка, я двадцать пять лет на сцене. С покойным Антоном Павловичем Чеховым, бывало, в Крыму... Кстати, вы на него похожи при дневном освещении анфас. Но, батюшка, нельзя же так с царями... ну, что такое?.. В первом акте... исчезает бесследно...

Кири (*смотрит тупо*). Убит...

Сизи. Я понимаю. Я понимаю. Так царю и надо. Я бы сам их поубивал всех. Слава Богу, человек сознательный, и у меня в семье одни только народовольцы... Иных не было... Убей, но во втором акте!..

Ликки. Что у тебя за манера, Анемподист, издеваться над людьми? Ты видишь, человек убит.

Сизи. Как то есть?

Ликки. Ну, хлопнул Савва пьесу.

Сизи. А-а! Так, так... Так! Понимаю! Превосходно понимаю! Ведь разве же можно так с царями? Какой он ни был арап, он все же помазанник...

Лорд. Анемподист! Ты меня очень обяжешь, если помолчишь одну минуту.

Сизи. Неめю. Перед лицом закона немею. Дура лекс...¹ дура.

Попугай. Дура!

Сизи. Это не я, Геннадий Панфилич, это семисотрублевый попугай.

Лорд. Метелкин! Без шуток!.. Савва Лукич! Я надеюсь, это решение ваше не окончательно?

Савва. Нет, окончательно!.. Я люблю чайку попить за работой, в Центросоюзе, верно, брали?

Лорд. В сент.. цаузе... да... Савва Лукич.

Кири *(внезапно)*. Чердак! Так, стало быть, опять чердак! Сухая каша на примусе... рваная простыня...

Савва. Кх.. виноват, вы мне? Я немного туг на ухо... Как вы изволили говорить?

Гробовая тишина.

Кири. Прачка ломится каждый день, когда заплатите деньги за стирку кальсон?.. Ночью звезды глядят в окно треснувшее, и не на что вставить новое!.. Полгода, полгода и горел и холодел, встречал рассвет на Плющихе с пером в руках, с пустым желудком! А метели воют, гудят железные листы... а у меня нет калош...

Лорд. Василий Артурыч!

Савва. Я что-то не пойму.. Это откуда же?

Кири. Это? Это отсюда! Из меня! Из глубины сердца!.. Вот... Багровый Остров! О, мой Багровый Остров!

¹ Закон суров... *(Лит.)*

Лорд. Василий Артурыч, чайку... монолог... Это, Савва Лукич, монолог из четвертого акта!

Савва. Так... так... что-то не помню.

Кири. Полгода... полгода... в редакции бегал, пороги обивал, отчеты о пожарах писал... по три рубля семьдесят пять копеек... да ведь как получал гонорар? Без шапки, у притолоки... *(Снимает парик.)* Заплатите деньги... дайте авансиком три рубля! Вот кончу... вот кончу «Багровый Остров»... И вот является зловещий старик...

Савва. Виноват, это вы про кого?

Кири. ... и одним взмахом, росчерком пера убивает меня... Ну, вот моя грудь, пронзи ее карандашом...

Лорд. Что вы делаете, несчастный?.. Чайку!..

Кири. Ах, мне нечего терять!..

Бетси } Бедный, бедный, успокойтесь!.. Василий Ар-
Леди } турыч!

Лорд. Вам нечего, а мне есть чего! Братцы, берите его в уборную!.. Театр — это храм!.. Паспарту! Паспарту!

Ликки, Сизи, Паспарту увлекают Кири.

Бетси. Василий Артурыч!.. Успокойтесь... все будет благополучно... что вы?

Кири *(вырываясь)*.

А судьи кто? За древностию лет.

К свободной жизни их вражда непримирима,

Сужденья чérпают из забытых газет

Времен колчаковских и покоренья Крыма!

Лорд. Уж втянет он меня в беду! Сергей Сергеич, я пойду... Братцы, берите его!

Леди. Миленький, успокойтесь, я вас поцелую!

Бетси. И я!

Все уводят Кири.

Савва. Это что же такое?

Лорд. На польском фронте контужен в голову... Контужен в голову... громаднейший талантище... форменный идиот... ум, идеология... он уже сидел на Канатчиковой даче раз!.. Театр — это храм!.. Не обращайтесь внимания, Савва Лукич. Вы меня знаете не первый день, Савва Лукич! Не правда ли? Савва Лукич? Пятнадцать тысяч рублей! Три месяца работы!.. Скажите, в чем дело? Нет непоправимых вещей на свете!.. Нет!

Савва. Сменовеховская пьеса.

Лорд. Савва Лукич! Побойтесь бо... что это я говорю!.. Побойтесь... а кого... неизвестно... никого не бойтесь... Сменовеховская пьеса? В моем театре?..

Сизи (*входит*). Уложили... снизу подушку, сверху валерианку... С ним Лидия Иванна.

Лорд. Одна?

Сизи. Да не бойся ты, Аделаида там.

Лорд. Савва Лукич! В моем храме!.. Ха-ха-ха... Да ко мне являлся автор намерения!.. «Дни Турбиных», извольте ли видеть, предлагал! Как вам это понравится? Да я когда посмотрел эту вещь, у меня сердце забилося... от негодования. Как, говорю, кому вы это принесли?

Сизи. Совершеннейшая правда! Я был при этом. Почему вы принесли?.. Где вы принесли?.. Откуда принесли?..

Лорд. Анемподист!

Сизи. Молчу! (*Тихо.*) А сам ему тысячу рублей предлагал.

Лорд. Савва Лукич! В чем дело? На пушечный выстрел я не допускаю сменовеховцев к театру! В чем дело?..

Савва. В конце.

Общий гул. Внимание.

Лорд. Совершенно правильно! Батюшки мои! То-то я чувствую — чего, думаю, не хватает в пьесе? А мне-то невдомек! Да натурально же — в конце! Савва Лукич, золотой вы человек для театра! Клянусь вам! На всех перекрестках твержу, нам нужны такие люди в СССР! Нужны до зарезу! В чем же дело в конце?

Савва. Помилуйте, Геннадий Панфилович! Как же вы сами не догадались? Не понимаю. Я удивляюсь вам...

Лорд. Совершенно верно, как же я не догадался, старый осел, шестидесятник!

Савва. Матросы-то, ведь они — кто?

Лорд. Пролетарии, Савва Лукич, пролетарии, чтоб мне скинуть!

Савва. Ну так как же? А они в то время, когда освобожденные туземцы ликуют, остаются...

Лорд. ...в рабстве, Савва Лукич, в рабстве! Ах, я хретин!

Сизи. Не спорю, не спорю!

Лорд. Анемподист!

Савва. А международная-то революция, а солидарность?..

Лорд. Где они, Савва Лукич? Ах, я, ах, я!.. Метелкин! Если ты устроишь международную революцию через пять минут, понял?.. Я тебя озолочу!..

Паспарту. Международную, Геннадий Панфилич?

Лорд. Международную.

Паспарту. Будет, Геннадий Панфилич!

Лорд. Лети!.. Савва Лукич!.. Сейчас будет конец с международной революцией...

Савва. Но, может быть, гражданин автор не желает международной революции?

Лорд. Кто? Автор? Не желает? Желал бы я видеть человека, который не желает международной революции! (*В партер.*) Может, кто-нибудь не желает?.. Поднимите руку!..

Сизи. Кто против? Хи-хи! Очевидное большинство, Савва Лукич!

Лорд (*с чувством*). Таких людей у меня в театре не бывает. Кассир такому типу билета не выдаст, нет... Анемподист, я лучше сам попрошу, чтобы автор приписал тебе текст в первом акте, только чтобы ты не путался сейчас.

Сизи. Вот за это спасибо!

Лорд. Всех на сцену! Всех!

Паспарту. Володя! Всех — на вариант!

Лорд. Ликуй Исаич, международная!..

Дирижер. Не продолжайте, Геннадий Панфилич. Я уже понял полчаса назад и не расходился.

Лорд. Автора дайте!

Бетси и леди под руки вводят Кири.

Лорд (*свистящим шепотом*). Сейчас будем играть вариант финала... Импровизируйте международную революцию, матросы должны принять участие... если вам дорога пьеса.

Кири. А! Я понял... понял.

Леди. Мы поможем вам все.

Бетси. Да... да...

Раздается удар гонга, и луна всплывает на небе, мгновенно загораются фонарики в руках у туземцев. Сцена освещается красным.

Суфлер. Вот она, ночная богиня...
Кай. ...луна! Встретим же ее ликованием!..
Хор (*поет с оркестром*).

Да живет Багровый Остров —
Самый славный средь всех стран!..

2-й туземец. В море огни!..

Кири. Подождите! Тише! В море огни!

Кай. Что это значит? Корабль возвращается? Ликки,
будь наготове!

Ликки. Всегда готов!

В бухту входит корабль, освещенный красным. На палубе стоят
шеренги матросов, в руках у них багровые флаги с надписями: «Да
здравствует Багровый Остров!» Впереди Паспарту

Паспарту. Товарищи! Команда яхты «Дункан»,
выйдя в море, взбунтовалась против насильников-капита-
листов!.. После страшного боя команда сбросила в море
Паганеля, леди Гленарван и капитана Гаттераса. Я при-
нял команду. Революционные английские матросы просят
передать туземному народу, что отныне никто не поку-
сится на его свободу и честь... Мы братски приветствуем
туземцев!..

Бетси (*на скале*). О, как я счастлива, Паспарту, что,
наконец, и ты освободился от гнета лорда. Да здравству-
ют свободные английские матросы, да здравствует Пас-
парту!

Туземцы. Да здравствуют революци-он-ные ан-
глий-ские мат-ро-сы!.. Ура! Ура! Ура!

Попугай. Ура! Ура! Ура!

Громовая музыка.

Савва встает, аплодирует.

Лорд. Выноси, выноси!.. Ой, ой, ой!..

Хор (*с оркестром поет*).

Вот вывод наш логический —

Не важно — эдак или так...

Финалом

(*сопрано*) победным

(*басы*) идеологическим

Мы венчаем наш спектакль!

Сразу тишина. Кири затыкает уши.

Сизи (*появился*). Может быть, царю можно хоть постоять в сторонке?.. Может, он не погиб во время извержения, а скрылся, потом раскаялся?

Лорд. Анемподист! Вон!

Сизи. Исчезаю... Иди, душа, во ад и буди вечно пленна! О, если бы со мной погибла вся вселенна! (*Освещенный адским светом, проваливается в люк.*)

Лорд. Савва Лукич! Савва Лукич! Савва Лукич! Савва Лу... Вы слышали, как они это сыграли?.. Вы слышали, как они пели?.. Савва Лукич! Театр — это храм!..

Гробовая тишина.

Савва. Пьеса к представлению... (*пауза*) разрешается.

Лорд (*воплем*). Савва Лукич!

Громовой взрыв восторга, происходит страшиейшая кутерьма. Задник уходит вверх. Появляются сверкающие лампы и зеркала, парики на болванках.

Все. Ура!.. Слава те, Господи!.. Поздравляем!.. Браво! Браво!

Ликки. Парикмахеры!..

Сизи (*поднимается из люка в глубине сцены*). Портные!..

Паганель. Эх, здорово звезданули финал!

Гаттерас. Где мои брюки?

Лорд. Василий Артурыч! Встаньте!.. Вас поздравляют!

Кири. Ничего не хочу слышать... ничего. Я убит...

Лорд. Опомнитесь, Василий Артурыч! Пьеса разрешена!

Бетси. Василий Артурыч, милый Жюль Верн!

Леди. Все кончено. Поздравляем! Поздравляем!

Кири. Что?.. Кого?..

Лорд

Бетси

Леди

} Поздравляем! Разрешена!

Кири. Как разрешена?.. О, мой «Багровый остров»! О, мой «Багровый остров»!

Савва. Ну, спасибо вам, молодой человек! Утешили... утешили, прямо скажу. И за кораблик спасибо... Далеко пойдете, молодой человек! Далеко... я вам предсказываю...

Лорд. Страшнейший талант, я же вам говорил?

Савва. В других городах-то я все-таки вашу пьесу запрещаю... нельзя все-таки... пьеска — и вдруг всюду разрешена!

Лорд. Натурально! Натурально, Савва Лукич! Им нельзя давать таких пьесок. Да разве можно? Они не выросли до них, Савва Лукич! (*Тихо — Кири.*) Ну, нет, этого мы им, провинциалам, и понюхать не дадим... Мы ее сами провезем. Кстати, Василий Артурыч, чтоб уж прочнее было, вы в другие театры и не заходите, а прямо уж домой, баиньки! И так я вам пятьдесят червонцев дал, так уж примите еще сотенку... Для ровного счета... А вы мне расписочку... Вот так... Мерси-с! Хе-хе...

Бетси. Какое у него вдохновенное лицо!..

Сизи. Дайте мне сто червей, и у меня будет вдохновенное. В первом акте царя угробили...

Кири (*мутно*). Деньги... червонцы...

Попугай. Червонцы! Червонцы!

Кири. А... Чердак, шестнадцать квадратных аршин; и лунный свет вместо одеяла... О, вы, мои слепые стекла, скупой и жиденький рассвет!.. Червонцы!.. Кто написал «Багровый остров»? Я, Дымогацкий, Жюль Верн. Долой пожары на Мещанской... бродячих бешеных собак... Да здравствует солнце... океан... Багровый Остров!..

Гробовая тишина.

Сизи. А вот таких монологов, небось, в пьесе не пишет!

Все. Тссс...

Кири. Кто написал «Багровый остров»?

Лорд. Вы, вы, Василий Артурыч... Уж вы простите, ежели я наорал на вас под горячую руку. Да... да... Старик Геннадий вспылчив...

Савва. Увлекающийся молодой человек! Я сам когда-то был таков... Это было во времена военного коммунизма... Что теперь...

Кири. А репортеры, рецензенты!.. Ах... так... Дома ли Жюль Верн? Нет, он спит, или он занят, он пишет... его не беспокоить!.. Зайдите позже... Его пылающее сердце не помещается на шестнадцати аршинах, ему нужен широкий вольный свет...

Леди. Как он интересен!..

Дирижер. Оркестр поздравляет вас, Василий Артурыч!

Кири. Мерси... спасибо, данке зер. Прошу вас, граждане, ко мне, на мою новую квартиру, квартиру драматурга Дымогацкого — Жюль Верна, в бельэтаже с зернистой икрой — я требую музыки!..

Дирижер. Не продолжайте, я уже понял...

Оркестр играет из «Севильского цирюльника».

Кири (Лорду). Что, мой сеньор? Вдохновенье мне дано, как ваше мнение?... Что, мой сеньор?

Лорд. Дано, дано, Василий Артурыч... дано, дано!.. Кому же оно дано, как не вам!

Кири. Коль славен наш Господь в Сионе... ах, далеко нам до Типперэри...

Савва. Это он про что?

Паспарту. Осатанел от денег... легкое ли дело!.. Сто червонцев!.. Геннадий Панфилич! Кассир спрашивает, разрешили ли?... Можно ли билеты продавать?

Лорд. Можно, должно, нужно, непременно, немедленно!

Музыка.

Пусть обе кассы торгуют от девяти до девяти!.. Сегодня, завтра, ежедневно!..

Кири. И вечно!

Лорд. Снять «Эдипа».. Идет «Багровый Остров»! Метелкин, даь световые анонсы!

Паспарту. Есть, Геннадий Панфилич!

На корабле, на вулкане, в зрительном зале вспыхивают огненные буквы: «Багровый Остров» сегодня и ежедневно!

Кири. И ныне, и присно, и во веки веков!

Савва. Аминь!

Занавес

БЕГ

ВОСЕМЬ СНОВ

Пьеса в пяти действиях

*Бессмертье — тихий, светлый берег;
Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой когачи бег!*

Жуковский.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Серафима Владимировна Корзухина, лет 25, петербургская дама.

Сергей Павлович Голубков, лет 29, сын профессора-идеалиста.

Высокопреосвященный Африкан, архиепископ Симферопольский и Кара-Базарский, архипастырь именитого воинства, он же, страха ради иудейска, химик Махров.

Паисий — монах.

Баев — товарищ.

Первый буденовец.

Второй буденовец, с фонарем.

Григорий Лукьянович Чарнота, 35 лет, за-порожец по происхождению, генерал-майор, командующий сводной кавалерийской дивизией в армии генерала Врангеля.

Барабанчикова — мадам, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты.

Люська, походная жена генерала Чарноты.

Крапилин, вестовой Чарноты, человек, погибший из-за своего красноречия.

Маркиз де Бризар, обрусевший француз, командир гусарского полка в дивизии Чарноты.

Гусарский ротмистр той же дивизии.

Игумен дряхлый и начитанный.

Монахи.

Роман Валерианович Хлудов, 35 лет.

Голован, есаул, адъютант Хлудова.

Белые штабные офицеры.

Комендант станции.

Начальник станции.

Николаевна, жена начальника станции.

Ольга, дочь начальника станции, 4-х лет.

Корзухин Парамон Ильич, муж Серафимы, лет 45.

Тихий, начальник контрразведки.
Скунский — служащий в контрразведке.
Гаджубаев — то же.
Главнокомандующий вооруженными силами
Юга России.
Его конвойные казаки.
Летчик.
Личико в кассе.
Артур Артурыч — тараканий царь.
Фигура в котелке и в интендантских по-
гонах.
Турчанка-мамаша.
Проститутка-красавица.
Английские, французские и итальянские
моряки.
Трое в павлиньих перьях, с гармошка-
ми.
Турецкие и итальянские полицейские.
Мальчишки (турки и греки).
Муэдзин.
Армянские и греческие головы в окнах.
Антуан Грищенко, лакей Корзухина.
Грек Дон-Жуан.
Сон первый происходит в Северной Таврии, в октябре
1920 года.
Второй сон — где-то в Крыму в начале ноября 1920
года.
Третий и четвертый — в начале ноября в Севастополе
Пятый и шестой — в Константинополе, летом 1921
года
Седьмой — в Париже, осенью 1921 года.
Восьмой, последний — осенью 1921 года, в Константи-
нополе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СОН ПЕРВЫЙ

...Мне снился монастырь...

Слышно, как хор монахов в подземелье поет глухо: «...Святителю отче Николае...» Из тьмы возникает скупо освещенная свечечками, прилепленными у икон, внутренность монастырской церкви, где-то в Северной Таврии. Неверное пламя выдирает из тьмы контурку, в коей продаются свечи, широкую лавку возле нее, окно, забранное решеткою, шоколадный лик святого, полинявшие крылья серафимов, золотые венцы.

За окном безотрадный октябрьский вечер с дождем и снегом. На лавке, укрытая с головою попоной, лежит и страдает мадам Барабанчикова, хмник Махров, в бараньем тулупе, примостился у окна и все силится что-то в нем разглядеть. В высоком игуменском кресле сидит Серафима Владимировна Корзухина. Она в черной шубе. Судя по лицу, Серафиме нездоровится. У ног Серафимы, на скамеечке, рядом с чемоданчиком, сидит Сергей Павлович Голубков, петербургского вида молодой человек, в черном пальто и в перчатках.

Монахи (*поют таинственно*). ... Святителю отче Николае, моли Бога о нас...

Голубков (*прислушавшись*). Вы слышите, Серафима Владимировна? Поют... У них внизу подземелье... пещеры, как в Киеве. Вы бывали когда-нибудь в Киеве, Серафима Владимировна?

Серафима. Нет. Что? В Киеве? Нет.

Голубков. Как странно. Временами мне начинает казаться, что я вижу сон. Бежим мы с вами, Серафима Владимировна, по лесам и городам... Попали в церковь. Я, сидя на чемодане, заскучал по Петербургу. Вдруг вспомнилась так отчетливо моя лампа на Караванной, книги...

Серафима (*шепотом*). Зачем же вы бежали, Сергей Павлович? Нужно было остаться.

Голубков. О нет! Это бесповоротно, и пусть будет, что будет. И потом, вы уже знаете, что скрашивает мой путь... С тех пор, как мы встретились в коридоре вагона, под фонарем, прошло ведь, в сущности, немного времени... один месяц скитаний, а между тем мне кажется, что я знаю вас уже давно. Мне чудится коридор теней, освященных вашими глазами. И когда они со мной, я не чувствую тяжести. Мысль о вас я легко несу через октябрьскую мглу. Пусть нам светит фонарь в теплушке. Я доне-

су вас в Крым и сдам вашему мужу. *(Помолчав.)* А вы будете рады, Серафима Владимировна? Когда увидите его? Молчите? Ну, тогда я вам скажу. Я успокоюсь за вас, но в то же время буду страдать.

Серафима. Почему?

Голубков. Мне станет скучно без вас. Мне иногда мучительно хочется представить себе, каков он. Что это за человек. Скажите, он умен? Он смел? Быть может, добр, красив?

Серафима. Вы же видели его карточку. Он очень богат.

Голубков. И больше никаких слов для него у вас нет? О... печально. Но а зачем же вы связали с ним свою жизнь?

Серафима. Я петербургская женщина. Вышла, ну и вышла.

Голубков. Ну что ж, я думаю, что завтра все разъяснится. Вот близок Крым, я привезу вас и сдам ему.

Серафима молча кладет руку на плечо Голубкову.

(Погладив руку.) Позвольте, да у вас жар!

Серафима. Нет, пустяки.

Голубков. Как пустяки! Жар, ей-богу. Этого еще не хватало!

Серафима. Вздор, Сергей Павлович! Пройдет...

Далеский, мягкий пушечный удар. Все прислушались. Барабанчикова шевельнулась и простионала.

(Вставая.) Послушайте, мадам. Вам нельзя оставаться без помощи. Я или мой спутник проберемся в поселок, там, наверно, есть акушерка.

Барабанчикова. Нет!

Голубков. Я сбегаяю.

Барабанчикова молча схватывает его за полу пальто.

Серафима. Почему вы не хотите, голубушка?

Барабанчикова *(капризно)*. Не надо!

Серафима и Голубков в недоумении.

Махров *(интимно, Голубкову)*. Загадочная, загадочная и весьма загадочная особа...

Голубков *(шепотом)*. Вы думаете, что...

Махров (*уклончиво*). Ничего я не думаю, а так... лихолетье, сударь. Мало ли кого не встретишь на своем пути. Лежит дама, а кто ее положил? Для чего?

Пение под землей смолкает.

Паисий (*появляется бесшумно, черен, испуган*). Отец игумен спрашивает, документы в порядке ли у вас, господа честные? (*Задувает все свечи, кроме одной.*)

Серафима, Голубков и Махров тревожно роются в карманах, достают документы. Барабанчикова высовывает руку из-под попоны и выкладывает на нее паспорт. Слышны шаги, бряцанье шпор.

Баев (*входит, в коротком полушубке, забрызган грязью, возбужден*). А, чтобы их черт задавил этих монахов. У, гнездо! Ты, святой папаша, где винтовая лестница на колокольню?

Паисий. Здесь, здесь, здесь...

Баев (*второму буденовцу.*) Посмотри.

Второй буденовец с фонарем исчезает в железной двери.

(*Паисию.*) Был огонь на колокольне?

Паисий. Что вы, что вы, какой огонь!

Баев. Огонь мерцал. Ему, ежели я что-нибудь на колокольне обнаружу, я вас всех до единого и с вашим седьмым шайтаном вместе к стенке поставлю. Шпионы! Сукины дети!.. Фонарями махали генералу Чарноте?

Паисий. Господи, что вы!

Баев зажигает карманный электрический фонарь, и в снопе света вспыхивает группа — Серафима, Голубков, Махров.

Баев. Это кто такое? Ты, папа римский, брехал, что в монастыре ни одной души посторонней нету? Ну, будет сейчас у вас расстрел!

Паисий. Что вы!! Беженцы они из поселка. Беженцы... Прибежали!

Серафима. Товарищ, нас всех застиг обстрел в поселке. Ну, мы бросились в монастырь. Куда же нам деваться? (*Указывая на Барабанчикову.*) Вот женщина, у нее роды начинаются.

Паисий (*сатанеет от ужаса, держится за ручку двери, каждую минуту готовый улзнуть. Бормочет*). Господи, Господи, только это прonesи. Святый и славный

великомученик Димитрий мироточец, твою же память празднуем сегодня.

Баев (*передая фонарик первому буденовцу*). Свети! (*Берет паспорт Барабанчиковой, читает.*) Барабанчикова... замужняя... Где муж?

Барабанчикова громко и жалобно простонала.

Нашла место-время рожать! (*Швыряет паспорт и обращается к Махрову.*) Документ!

Махров. Вот документики. Я химик из Мариуполя.

Баев. Химик! Химики-ботаники!.. А как ты во фронтовой полосе, ботаник, оказался? Видно, скучно с добровольцем в Мариуполе?

Махров. Я продукты ездил покупать, огурчики...

Баев. Огурчики?..

На железной лестнице загрохотали шаги. Второй буденовец вбегает.

Что? Что?

Второй буденовец (*тревожно*). Товарищ Баев! Товарищ Баев! (*Что-то шепчет Баеву на ухо.*)

Баев. Да что ты врешь! Скудова?

Второй буденовец. Верно говорю... Главное, темно, товарищ командир...

Баев. Ну, ладно, ладно. Марш!..

Оба буденовца исчезают.

(*Швыряет документы и начинает выходить. Проходя мимо Паисия, говорит тому.*) Монахи, стало быть, не вмешиваются в гражданскую войну?

Паисий. Нет, нет...

Баев. Только молитесь? За кого же вы молитесь, сердце твое и печень? За Черного барона или за Советскую власть? А? Ну, ладно, до скорого свидания, химики. У, гнида безбородая! (*Исчезает, погрозив всем на прощание револьвером.*)

За окном глухая команда, топот, и все смолкает, как бы ничего и не было. Паисий часто и жадно крестится, зажигает свечи и исчезает.

Махров. Расточились... В форме... ишь ты, Неда-ром сказано: и даст им начертание на руцех или на челах их... Звезда-то пятиконечная...

Голубков. Что такое случилось здесь? (*Шепотом Серафиме.*) Здесь уже должны быть белые... Местность в

их руках. *(Громко.)* Бой... отчего все это произошло? Отчего?

Барабанчикова *(внезапно)*. Оттого это произошло, что генерал Крапчиков — задница, а не генерал!

Крупная пауза.

(Серафиме.) Пардончик, мадам.

Голубков *(машинально)*. Ну?..

Барабанчикова. Ну что «ну»? Ему прислали депешу, что конница появилась, а он, язви его душу, в преферанс сел играть.

Голубков. Ну?

Барабанчикова. Шесть без козырей объявил Махров. Ого-го-го, до чего интересная особа!

Голубков *(насторожившись)*. Простите, вы не коммунистка?

Барабанчикова. Да ну вас!

Голубков. Простите, вы, по-видимому, в курсе дела. У меня были сведения, что здесь в Курчулане штаб генерала Чарноты стоял?

Барабанчикова. В Курчулане? Вон у тебя какие подробные сведения!

Серафима. Сергей Павлович!

Голубков. Нет, просто интересно узнать, что происходит...

Барабанчикова. Ну, был Чарнота! Как ему не быть! Был и весь вышел.

Голубков. А куда же он отправился?

Барабанчикова. В болото.

Махров. А откуда у вас столько сведения, дама?

Барабанчикова. Очень уж ты, архипастырь, любопытен.

Махров. Почему вы меня именуете архипастырем?!

Барабанчикова. Ну, ладно, ладно, нечего!

Паисий вбегает, подкрадывается к окну, затем гасит все свечи, кроме одной.

Голубков. Что еще?

Паисий. Ох, сударь! И сами не знаем, кого нам еще Господь посылает и будем ли мы живы к ночи. *(Проваливается сквозь землю.)*

Слышен глухой, многокопытный топот.

Махров. Пожаловал кто-то. (*Исподтишка крестится.*)

На окне вспыхивает и танцует пламя.

Серафима. Пожар?

Голубков (*всматриваясь*). Нет, это факелы! (*Прижимается к окну, глядит, потом оборачивается, глаза у него ошалевшие.*) Ничего не понимаю. Серафима Владимировна, белые войска. Клянусь Богом, белые! Офицеры в погонах! (*Вскрикивает.*) Свершилось! Поймите, Серафима Владимировна, — белые!! Мы перешли фронт!

Барабанчикова (*садится, закутанная в попону, говорит кисло*). Ты, интеллигент! Заткнись мгновенно! Здесь не Петербург, а Таврия, коварная страна. «Погонны... погоны...» [Если на тебя погоны нацепить, это еще не значит, что ты стал белый. А ежели я себе красную звезду на голову надену, ты уж будешь передо мной плясать, Интернационал напевать?] А если отряд переодетый, тогда что?

Вдруг мягко ударил колокол, как басовая струна.

Ну, зазвонили. Засыпались монахи-идиоты! (*Голубкову.*) Какие штаны?

Голубков. Красные! А вон еще въехали... у тех синие с красными боками.

Барабанчикова. «Въехали, с боками...» Черт тебя возьми. С лампасами, может быть?

Слышна протяжная картавая команда де Бризара: «...первый эскадрон . слезай...» Шум. Барабанчикова, прислушавшись, меняется в лице.

Что такое? Да быть не может!.. (*Голубкову.*) Кричи «ура», кричи, говорю тебе! Смело кричи! (*Сбрасывает с себя попону и тряпье и вскакивает в виде Чарноты. Он в черкеске, со смятыми серебряными генеральскими погонями. Револьвер засовывает в карман, подбегает к окну, свистит в свисток, кричит.*) Смирно! Здравствуйте, гусары, здравствуйте, донцы! Полковник Бризар, ко мне!

Серафима, Голубков и Махров застывают в неподвижности. Дверь открывается, и первой вбегает Люська. Она в косынке сестры милосердия, в кожаной куртке и в высоких сапогах со шпорами.

Люська. Гриша!.. Гри-Гри!.. *(Бросается на шею Чарноте.)* Не может быть! Не верю глазам!

Вбегает де Бризар в коротком полушубке и красных чакчирах, за ним ротмистр и Крапилин с факелом.

Глядите, господа! Живой! Спасся! *(Подбегает к окну, кричит.)* Полки! Слушайте! Генерала Чарноту отбили у красных!

Де Бризар. Ваше превосходительство! Гриша! *(Целуется с Чарнотой.)*

Люська. Мы по тебе панихиду отслужили. Как ты спасся?

Чарнота. Числил себя в гробу и смерть видел близко, как твою косынку. Сели к Курчулане в карты играть с Крапчиковым, шесть без козырей... Слышу пулеметы. Буденный свалился с небес! Весь штаб перебили, я отстрелялся, вскочил в окно и огородами к учителю Барабанчикову. Давай, говорю, учитель, документы! А он, сукин сын, до того передрефил, что я сюда приползаю под покровом темноты... глядь, бабы документы сунул, женины! Мадам Барабанчикова... и удостоверение — беременная! А у монахов обыск в кельях идет. Говорю — переставаться некогда! Кладите меня, как есть, в церкви. Лежу, рожаю... Слышу, шпорами — шлеп, шлеп...

Люська. Кто?!

Чарнота. Баев, командир буденовского полка.

Люська. Ах...

Чарнота. Думаю, куда же ты, Баев, товарищ, шлепаешь? Ведь смерть твоя лежит под попоной! Бери, думаю, меня скорее за плечико, открывай попону! Будут тебя, командир, хоронить с музыкой... И не тронул попоны!

Люська. А!! *(Визжит.)*

Чарнота. Фу... *(Голубкову.)* Смотришь, петербургский житель? Никогда не видел, как кавалерийские генералы рожают? Ну, больше и не увидишь!

Де Бризар. Орден мадам Барабанчиковой!

Чарнота. А мне кубаночку и шашку!

Ротмистр. Пожалуйста, ваше превосходительство. *(Подает Чарноте свой ятаган.)*

Чарнота. Спасибо, ротмистр!

Снимает с головы Крапилина шапку-кубанку, надевает ее и выходит, за ним устремляется Люська и ротмистр.

Здравствуй, племя казачье! Здорово, станичники!

Покатился вал, рев — в эскадронах и сотнях закричали «ура».

Де Бризар (*Крапилину*). А ну, освети их! Эти откуда? Ну, не будь я краповый черт, если я на радостях кого-нибудь в монастыре не повешу. Я-то уж попону приподниму! (*Махрову*.) Ты, социалист! Видно, красные тебя второпях забыли. Ну, у тебя и документа спрашивать не нужно, твои волосы — твой документ! Крапилин!

Паисий (*вырастает*). Что вы. Это их высокопреосвященство. Высокопреосвященнейший Африкан!

Де Бризар. Что ты, сатана чернохвостая, несешь? Свету больше, Крапилин! Что такое?.. Ваше высокопреосвященство, как вы сюда попали?..

Африкан. В Курчулан ездил, благословлять Донской корпус, и меня нечестивые пленили во время набега. Спасибо игумну, снабдил документиками.

Де Бризар. Прошу извинения... А эти кто?

Африкан. Не знаю, полковник. Бог их ведает!

Де Бризар (*Серафиме*). Женщина, документ!

Голубков. Это...

Серафима. Я — жена товарища министра в правительстве генерала Врангеля. Меня зовут Серафима Владимировна Корзухина. Я застряла в Петербурге, а мой муж уже в Крыму. Теперь я бегу к нему. Вот фальшивые документы, а вот мой настоящий паспорт. (*Подает бумаги*.)

Де Бризар. Черт! Mille excuses, madame!..¹ (*Голубкову*.) А вы, гусеница в штатском! Документ! Впрочем, я не удивлюсь, если вы окажетесь обер-прокурором святейшего синода!

Голубков. Я не гусеница, простите. И отнюдь не обер-прокурор. Я сын знаменитого идеалиста Голубкова. А сам я — приват-доцент при кафедре философии. Бегу из Петербурга к белым, потому что там жить невозможно, и вот сопровождаю Серафиму Владимировну.

Де Бризар. Очень приятно... Ноев ковчег!

Кованый люк в полу открывается, и из него подымается первым дряхлый игумен, а за ним вытекает хор монахов со свечами.

Игумен (*Африкану*). Ваше высокопреосвященство! (*Монахам*.) Братие! Сподобились мы в один день принять две радости. О, день осиянный! Возвращение христо-

¹ Тысяча извинений, мадам! (*Франц*)

любивого воинства видеть и высокопреосвященного владыку от рук нечестивых социалов спасти и сохранить.

Ему подают жезл и мантию со скрижалями. Африкан взволнован, подчиняется, и монахи облачают его в мантию.

Игумен. Владыка, прими вновь жезл сей! Вспомни, владыко, боговдохновенные книги: О, praesul! Attrahe peccantes, rege justos, punge vagantes...¹ (*Бормочет.*)
Прими жезл сей, им же утверждай паству, да правиши, яко и слово имаши отдать за ю нашему Богу во дни суда!

Монахи (*поют хрустальными тенорами*). Тон дэспотин кз архиереа!²

Африкан. Воззори с небес, Боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя...

Монахи (*поют*). Ис поллә эти дэспота!..³

Чарнота вырос в дверях, за ним Люська и Крапилин с факелом.

Чарнота (*потрясен*). Что вы, отцы святые, белены объелись, что ли?! Тьфу, черт! (*Расстерянно крестится.*)
Святые чернецы, вы не ко времени эту церемонию затеяли! Ну-ка хор, того...

Африкан. Братие! Выйдите!

Монахи начинают уходить в зсмло и исчезают.

Чарнота (*Африкану*). Красные сейчас будут здесь.

Африкан. Как, опять?!

Игумен. Что вы! Не допустит Господь всемогущий вторичного надругательства над святым местом.

Африкан. Ваше превосходительство, всепокорнейше прошу поставить меня в известность.

Чарнота. Что ж. Извольте. Буденный режет у нас сейчас тыл. От Крыма нас отрывает.

Африкан. }
Голубков. } От Крыма?!

Чарнота. Карту мне!

Де Бризар (*Крапилину*). Свети!

¹ О, предстоятель! Привлечи грешных, правь праведными, укрепи колеблющихся... (*Лат.*)

² Τον δεσπότην χαί Αρχιερέα! — Господина и архиерея! (*Греч.*)

³ Εἰς πολλὰ ἐτη δεσπота!.. Многая лета, Владыко!.. (*Греч.*)

Чарнота (*тоскует над картой*). Ах, Крапчиков, Крапчиков, беспросветный ты генерал! И где же ты теперь сам, Крапчиков, чтоб ты мог полюбоваться на свою работу, на побитую сводную дивизию, на порезанный штаб!

Де Бризар. Из Курчулана сообщали, что его самого убили...

Игумен. Царствие небесное. В селениях горных...

Чарнота. И чтоб его в этих селениях черти в преферанс обыграли!

Люська. Ах, мать его Крапчикова, мать! Мы что же, в мешке сидим?

Чарнота. В мешке, Люси! (*Внезапно впадает в ярость.*) Прекратить мне этот звон. По станичникам звоните, Буденного на меня приманивает! Так я уж видел его один раз!

Пансий проваливается сквозь землю, и колокол смолкает.

(*В тоске над картой.*) В Курчулане щель искал?

Де Бризар. Заперто!

Чарнота. Амур-могила, белый гроб! (*Отзывая де Бризара в сторону, шепчет.*) Постой. Вот что... Стой... Нет... Стой... на Алманайке брод есть?

Де Бризар (*по карте*). Есть.

Чарнота. Стой, понял! Возьмешь, стало быть, свой полк, пойдешь с ним на Алманайку. Шумно пойдешь, с песнями, а на Алманайке еще больше зашумишь из пулеметов! И сейчас же вернешься на Бабий Гай и переправишься хоть по глотку.

Де Бризар. Понял, ваше превосходительство!

Чарнота (*шепчет*). Я с Запорожским и с донцами подамся в молоканские хутора и хоть позже тебя, я выйду на Арбатскую Стрелу. Там соединимся.

Де Бризар. Понятно, ваше превосходительство. (*Кричит в окно.*) Гусарскому садиться! Песенников вперед!

За сценой слышен шум, глухие команды.

Игумен. Что же это? Белое войско покидает нас?

Чарнота. Покидает, святой отец!

Игумен. Господи Иисусе!

Африкан. Вы в Крым идете?

Чарнота. Слух такой, ваше преосвященство, что вся армия в Крым идет. К Хлудову под крыло!

Африкан. Как же это такое? А? Что стряслось такое?

Чарнота. Неустоечка вышла...

Люська. Призрак ходит в Курчулане, призрак ходит по тылам!

Чарнота. Корпус идет за мной по пятам... Ловит! Драпать надо, ваше высокопреосвященство! А то ароматнейший случай получится, как Буденный нас к морю придушит!

Африкан. Значит, я с вами должен ехать?

Чарнота. Да иначе не выгребетесь!

Африкан *(растерянно)*. Где мой полушубок?

Паисий подбегает, растерянно хлопочет, помогает Африкану снять мантию и надеть полушубок.

Игумен. А как же братия, ваше высокопреосвященства? Монастырь?

Африкан. Всеблагий Господь да будет им защитником и покровителем. Где двуколка? *(Исчезает.)*

Де Бризар *(подавая Чарноте фляжку)*. На дорогу.

Чарнота. Мерси! *(Пьет.)*

Голубков *(очнувшись)*. Что такое? А? *(Чарноте.)* Позвольте... Красные опять занимают местность?

Чарнота *(Голубкову)*. А вы кто такой?

Голубков. Я приват-доцент Голубков, из Петербурга. Мы в Крым бежим. И вот попали в такое положение.

Чарнота. Да, положение... Красные занимают местность надолго.

Голубков. Серафима Владимировна, вы слышите?

Серафима *(в игуменском кресле, глухо)*. Что? Да, слышу. *(Лицо ее розовеет, на щеках пятна, по-видимому, ей очень нездоровится.)*

Люська *(де Бризару)*. Маркиз, дайте мне хлебнуть.

Де Бризар. Ради Бога! *(Подает фляжку.)*

Голубков. Серафима Владимировна, что с вами? У вас жар? *(Отчаянно.)* Серафима Владимировна, возьмите себя в руки хоть на минутку. Послушайте, они уезжают.

Серафима. Ну что ж... Ах, да...

Голубков. Этого еще не доставало!

Люська (*подходит к Серафиме*). Вы — Корзухина? Позвольте познакомиться. Люси Корсакова. (*Указывая на Чарноту.*) Мой муж. (*Расцветает от коньяку.*)

Серафима. Мне очень приятно.

Люська. Если вы не хотите попасть в руки красным, я советую вам сейчас же ехать с нами. Драпаем в Крым!

Голубков. Серафима Владимировна, послушайте меня. Надо ехать, как говорит... (*Люське.*) Позвольте представиться — Сергей Голубков.

Люська. Очень рада. Корсакова. (*Серафиме.*) Э! Да у вас жар!

Голубков. Серафима Владимировна, действительно, надо же как можно скорее решить вопрос. (*Чарноте.*) Господин генерал! Прошу вас, возьмите нас с собою. По-видимому, Серафима Владимировна заболела. А с вами есть лазарет?

Чарнота. Вы в университете учились?

Голубков. Да.

Чарнота. Производите впечатление совершенно необразованного человека. Ну, а если вам пуля в голову попадет на Бабьем Гае? Лазарет вам поможет, да? Интеллигенция! Спит и во сне лазареты видит. (*Де Бризару.*) Полковник. Пора!

Де Бризар. Слушаю. Ваше превосходительство, разрешите, я даму возьму с собою!

Люська. Ну, куда на Алманайку, подстрелят, вот и вся сласть! Уж лучше с Запорожским. Я за ней ухаживать буду. Жаль бабу. Достанется красным!

Де Бризар. Я тоже могу ухаживать.

Чарнота. Брось, граф.

Де Бризар (*Серафиме*). Я не понимаю ваших колебаний, *chère madame*. Позвольте представиться, командир гусарского полка, маркиз де Бризар. По-видимому, вы не отдаете себе отчета в том, что происходит. Сейчас красные захватят монастырь и спустят шку... пардон, спустят кожу с вас, мадам, вместе с монахами.

Игумен. Владычица, заступись! (*В землю.*) Братие, молитесь!

Монахи (*в утробе земли*). Святителю отче Николае, моли Бога о нас!

Серафима (*глухо*). Благодарю вас, господа. Не беспокойтесь. А знаете что, Сергей Павлович, я, кажется, здесь останусь, в монастыре, прилягу.

Голубков *(в ужасе)*. Что вы, Серафима Владимировна, что вы говорите! Что мне делать, господа?

Серафима. А вы одни поезжайте.

Голубков. Нет, это немыслимо.

Де Бризар *(глянув на браслет-часы, в окно)*. Полк, шагом... *(Пауза.)* Отставить! *(Голубкову.)* Ваша дама заболела. *(Серафиме.)* Позвольте представиться — де Бризар. Поймите, сударыня... Впрочем, я говорить не мастер. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

Крапилин. Так точно, ехать надо!!

Де Бризар *(в окно)*. Полк! Шагом марш...

За окном тронулся и запел гусарский полк: «Ты лети, лети, сокол!..»

Стой! Отставить! Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

Крапилин. Так точно, ехать надо!!

Де Бризар. Ну, как угодно, я еду! *(В окно.)* Марш. *(Исчезает.)*

За окном пошел полк и запел: «Ты лети, лети, сокол, высоко и далеко!»

Голубков. Серафима Владимировна, поднимайтесь, поднимайтесь. Опомнитесь, Крым, муж...

Серафима. Да, муж... я пить хочу... и в Петербург.

Голубков. Что, что это такое?

Люська *(победоносно)*. Это сыпняк! Вот что. Ну нет, мне человека жалко. Генерал, вели-ка ее брать.

Чарнота *(взглянув на часы на руке. В окно)*. Донской пошел!

За окном забренчал и пошел донской полк: «Зеленеет степь родная, колосятся волны нив!..»

(Крапилину.) Снимай бурку, возьмешь в обозе шинель.

Крапилин *(передает факел Паисию, снимает бурку)*. Слушаю, ваше превосходительство!

Чарнота. Закутывай, выноси!

Крапилин и Голубков закутывают Серафиму в бурку.

Голубков *(Люське)*. Бога ради, позаботьтесь о ней! Люська. Натурально. Неси!

Крапилин и Голубков уносят Серафиму, за ними бросается Паисий с факелом и Люська. Все исчезают.

Игумен (*простирая руки крестом*). Белый генерал, неужели же ты не отстоишь монастырь, давший тебе приют и спасение!

Чарнота. Что ты, папаша, меня расстраиваешь? Колоколам языки подвяжи!! Садись в подземелье! Прощай! (*Исчез.*)

За окном летит полк. Пост: «Три деревни, два села...»

Паисий (*появился без факела, черен, испуган*). Отец игумен, а отец игумен, что же делать нам, а? Ведь красные прискачут сейчас! А мы белым звонили? Что же нам, венец мученический принимать?

Игумен (*в тоске.*) Поди, Паисий, поди на колокольню, выглянь, может, что видно...

Паисий, схватив свечку, проваливается в железную дверь. Ветер доносит обрывки песен: «И высоко, и далеко...»

Монахи (*поют в подземелье*). Святителю отче Николае...

Игумен. Паисий, что?

Паисий (*откуда-то с неба*). Темно, отец игумен, не видать ничего, темно...

Игумен (*тоскует перед иконой*). O, praesuli Attrahe peccantes, rege justos... Ах, пастырь, пастырь, недостойный, покинувший овцы своя!

Монастырь угасает, расплывается во тьме, и сон первый кончается...

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СОН ВТОРОЙ

...Сны мои стинаются все тяжелее...

Возникает зал на неизвестной и большой станции на севере Крыма. На заднем плане зала необычных размеров окна. За ними чувствуется черная ночь с голубыми электрическими лунами.

Случился зверский, непонятный в начале ноября месяца в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна заledenели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеинные огненные отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные черные печи, горят керосиновые и электрические лампы на столах.

В глубине, над выходом на главный перрон, под верхней лампой надпись по старой орфографии: «Отделение опѣративное». Стеклопанная перегородка, в ней зеленая лампа казенного типа и два зеленых, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей. Рядом со стеклопанною перегородкою, на темном облупленном фоне, белый юноша на коне копьем поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот Георгий Победоносец, и перед ним горит граненая разноцветная лампада. Зал занят офицерами генерального штаба. Большинство из них в башлыках, в наушниках...

Бесчисленны полевые телефоны, штабные карты с флажками, пишущие машины в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают разноцветные сигналы, телефоны поют нежными голосами.

Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы разобрать беспокойный палет на глазах у всех этих людей. И еще одно — страх и надежду можно увидеть в этих глазах, когда они обращаются в то место, где некогда был буфет первого класса.

Там, отделенный от всех высоким буфетным шкафом, за конторкою, на высоком табурете сидит Роман Валерианович Хлудов. Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер, кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые.

На нем плохая солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабы, не то как помещики подпоясывают шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия.

Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дергается, лобит менять интонации. Задаст самому себе вопросы и лобит на них сам же отвечать. Когда он хочет изобразить улыбку — скалится. Он возбуждает страх. Он болен — Роман Валерианович.

Возле Хлудова, перед столом, на котором несколько телефонов, сидит и пишет исполнительный и влюбленный в Хлудова есаул Голован.

Хлудов (*диктует Головану*). «... запятая, но Фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелал, точка. Это не шахматы и не незабвенное Царское Село, точка. Подпись. Хлудов». Все.

Голован. Зашифровать, послать.

1-й штабной (*освещенный красным сигналом, стонет в телефон*). Да, слушаю!.. Буденный? Буденный? (*Угасает.*)

2-й штабной (*стонет в телефон*). Таганаш, Таганаш!.. (*Угасает.*)

Голован (*осветившись сигналом, подает Хлудову трубку*). Ваше превосходительство...

Хлудов (*берет трубку, слушает*). Да! Да! Нет! Да!
(*Возвращает трубку Головану.*) Мне — коменданта.
Голован. Коменданта.

Эхо побежало за стеклянную перегородку: «Коменданта, коменданта!» Комендант, бледный, косящий глазами, растерянный офицер в красной фуражке, пробегает между столами и предстает перед Хлудовым.

Хлудов. Час жду «Офицера» на Таганаш. В чем дело? В чем дело? В чем дело?

Комендант (*мертвым голосом*). Начальник станции, ваше превосходительство, доказал мне, что «Офицер» пройти не может.

Хлудов. Трагедии! Трагедии! (*Коменданту.*) Дайте мне начальника станции.

Комендант (*бежит и на ходу говорит кому-то всхлипывающим голосом*). Я бы его, сукина сына, задавил бы сам! Ну, что ж это?

Хлудов (*Головану*). У нас трагедии начинаются. Бронепоезд параличом разбило. С палкой ходит бронепоезд, а пройти не может! (*Звонит три раза.*)

На стене вспыхивает надпись: «Отделение контр-разведывательное».

На звонок из стены выходит Тихий, он в штатском, останавливается около Хлудова, тих и внимателен. Хлудов обращается к нему.

Никто нас не любит! Никто! И из-за этого трагедии, как в театре все равно!

Тихий тих.

(*Яростно, шипя.*) Печка с угаром, что ли?!

Голован. Никак нет, угару нет!

Перед Хлудовым предстает комендант и за ним начальник станции.

Хлудов (*начальнику*). Вы доказали, что «Офицер» пройти не может?

Начальник (*говорит и движется, но уже сутки человек мертвый*). Так точно, ваше высокопревосходительство. Так точно. Физической силы-возможности нету. Вручную сортировали и забили начисто! Пробка.

Хлудов. Вторая, значит, с угаром?

4-й штабной (*бормочет*). Сию секунду! Выкинуть ее к чертовой матери!

Н а ч а л ь н и к . Угар, угар...

Х л у д о в . Вы, наверное, изучили приказ товарища Троцкого железнодорожникам? Как это там сказано? Очень хорошо: «Победа прокладывает путь по рельсам...» Очень метко сказано. Да вы не бойтесь, поговорите со мной откровенно. У каждого человека свои убеждения, и скрывать их он не должен. Хитрец!

Н а ч а л ь н и к (*говорит вздор*). Ваше высокопревосходительство... У меня детишки. При государе императоре Николае Александровиче... Оля и Павлик детки. Тридцать часов не спал, верьте Богу! И лично председателю Государственной думы Михаилу Владимировичу известен. Но я ему, Родзянко, не сочувствую. У меня дети.

Х л у д о в . Искренний человек? А? Нет! нужна любовь. Любовь. А без любви уже ничего не сделаешь на войне. (*Укоризненно, Тихому.*) Меня не любят! (*Сухо.*) Дать сапер! Толкать, сортировать. Дать пятнадцать минут времени, чтобы «Офицер» прошел за выходной таганашский семафор. Если в течение этого времени приказание не будет исполнено, коменданта арестовать, под военно-полевой суд! А начальника станции повесить на выходном таганашском семафоре, осветив под ним подпись «Саботаж».

Вдали в это время послышался нежный медный вальс. Под этот вальс когда-то гимназистки танцевали на балах.

Н а ч а л ь н и к (*вяло*). Ваше высокопревосходительство, мои дети еще в школу не ходили...

Комендант и Тихий берут начальника под руки и уводят.

Х л у д о в . Вальс?

4 - й ш т а б н о й . Генерал Чарнота идет, ваше превосходительство.

Г о л о в а н (*подавая телефонную трубку*). Ваше превосходительство!

Н а ч а л ь н и к (*за стеклянной перегородкой оживает, кричит в телефон*). Христофор Федорович! Христом-Богом заклинаю: с четвертого и пятого пути все составы вплотную гони на Таганаш! Саперы будут! Как хочешь толкай. Беда у меня! Господом заклинаю!

Николаевна *(выросла возле начальника)*. Что такое, Вася, что?

Начальник. Ох, беда, Николаевна. Беда над семьей! Ольку, Ольку волок на станцию! В чем есть волокни!

Николаевна. Ольку? Ольку? *(Проваливается.)*

Вальс кончается. Дверь на перрон открывается, и вбегает Чарнота Он в бурке, папаче, засыпан снегом. Проходит между столами.
Является перед Хлудовым.

Чарнота. С Чонгарского дефиле, ваше превосходительство, согласно приказания, сводная дивизия подошла! *(Пауза.)*

Хлудов молчит. Смотрит на него.

Ваше превосходительство! Что ж это делается? Ваше превосходительство, с чем уйдем? Как? *(Внезапно становится на колени, снимает папачу.)* Рома, ты генерального штаба! Что ты делаешь?! Рома, прекрати!

Хлудов *(холодно)*. Я вас расстреляю.

Чарнота встает, надевает папачу Молчит.

Обозы, раненых бросите здесь! Рысью пойдете на Карпову балку, станете рядом с Барбовичем и подчинитесь ему!

Чарнота. Слушаю. *(Стоит, молчит.)*

За окнами покати́лся тяжелый рокот буферов, отдельные голоса слышались...

Де Бризар *(вламывается в дверь, за ним Люська, пытается его удержать)*. Виноват, виноват! *(Голова у де Бризара завязана белой марлей.)*

Люська. Куда вы, маркиз, нельзя! Что вы делаете?

Де Бризар. Виноват, виноват!

Среди штабных беспокойное движение.

Правильно, так и надо! Да здравствует чонгарский повелитель генерал Хлудов! *(Напевает из «Пиковой дамы».)* Графиня, ценой одного радеву...

Хлудов *(холодно)*. В чем дело?

Чарнота. Командир гусарского полка, полковник Бризар, контужен на Алманайке в голову, командовать не может!

Хлудов. Эвакуировать.

Люська (*шепотом Чарноте*). Что я, каторжная вам далась! Что же мне — разорваться? Сперва Серафима, потом этот! Бросаю все! В эшелон их и в Севастополь. Ты куда идешь?

Чарнота (*тускло*). На Карпову балку.

Люська. Еду с тобой! К чертовой мамаше бросаю и раненых, и контуженых. Больше не могу! Мерси! Маркиз, маркиз, пожалуйста за мной!

Де Бризара Голован и Люська увлекают вон. Среди штабных движение.

Де Бризар. Виноват, виноват, куда, куда?

Люська (*ему, по дороге*). Маркиз, слушайте, сейчас поедете в Севастополь, в Севастополь... (*Исчезает с де Бризаром.*)

Слышен страдальческий вой бронепоезда, он идет медленно, лязгая.

Начальник (*перед Георгием Победоносцем молится*). Господи, проведи!.. Господи...

Николаевна (*врывается за перегородку, тащит Ольку, закутанную в серый платок*). Вот она, Олька, вот она!

Начальник. Да, да! (*В телефон.*) Христофор Федорович! Дотянул? Спасибо тебе! Спасибо!

Схватывает Ольку на руки, бежит к Хлудову, за ним комендант и Николаевна. Тихий бесшумно уходит в стену.

Хлудов (*начальнику*). Ну что, дорогой? Прошел? Прошел?

Начальник. Прошел, ваше высокопревосходительство, прошел.

Хлудов. Зачем ребенок?

Начальник. Олечка — ребенок. Мой ребенок! Способная девочка. Служу двадцать лет и двое суток не спал.

Хлудов. Да, девочка... Серсо, в серсо играют. А? (*Достает из кармана карамель.*) Девочка, на! Курить доктор запрещает! Нервы расстроены. А? В Севастополе согласны, нервы, мол, у Хлудова! Но не помогают карамельки, все равно курю и курю. Шарлатаны в Севастополе! Бери, девочка, карамельку.

Н а ч а л ь н и к . Бери, Олюшенька, бери! Генерал добрый.

Н и к о л а е в н а . Бери, Олюшенька, бери! Скажи — мерси, мол, ваше превосходительство, мерси!

Начальник жестом гонит Николаевну с Ольгой, н те исчезают.

К о м е н д а н т . Ваше превосходительство, из Кермана особое назначение идет.

Х л у д о в . Да, да.

Командант и начальник убегают за стеклянную перегородку

Н а ч а л ь н и к (*стонет в телефон*). Керман, Керман!

4-й штабной вбегает, подает Хлудову карточку.

Х л у д о в . Впустить.

Опять послышался вальс и стал удаляться.

4-й штабной (*открыв боковую дверь*). Пожалуйста!

В дверь входит Парамон Ильич Корзухин. Это необыкновенно европейского вида, бритый и красивый, но ртом несколько похожий на жабу человек лет сорока пяти, в очках в широкой оправе, в очень дорогой шубе, в боярской шапке, в перчатках и с портфелем

Г о л о в а н . Пожалуйста сюда.

К о р з у х и н (*перед Хлудовым*). Честь имею представиться. Товарищ министра торговли и промышленности Корзухин.

Хлудов молча козыряет ему.

Непосредственно с заседания совета министров командирован к вам в ставку, ваше превосходительство, для решения трех вопросов.

Х л у д о в . Я слушаю.

К о р з у х и н . Совет министров, ваше превосходительство, уполномочил меня обратиться к вам с запросом о судьбе арестованных в Симферополе пяти рабочих по делу пяти, увезенных, согласно вашего приказания, к вам сюда, в ставку.

Х л у д о в . Так. А вы не видели их разве? Ах да, вы с западного перрона. Есаул Голован, предъявите арестованных господину товарищу министра.

Голован *(встает)*. Прошу за мной. *(При общем внимании ставки ведет удивленного Корзухина к главной двери на заднем плане, приоткрывает ее и указывает куда-то.)*

Корзухин вздрагивает и возвращается с Голованом к Хлудову.

Хлудов. Исчерпан первый вопрос? Слушаю второй.

Корзухин *(волнуясь)*. Второй касается непосредственно моего министерства, вследствие чего командирован именно я. Здесь на станции застряли грузы особо важного назначения. Испрашиваю разрешения вашего превосходительства к тому, чтобы их срочно протолкнули в Севастополь.

Хлудов *(мягко)*. А какой именно груз?

Корзухин. Экспортный пушной товар, предназначенный во Францию.

Хлудов *(улыбнувшись)*. Ах пушной экспортный! Попрошу вас, ваше превосходительство, дать мне точные сведения, в каких составах груз.

Корзухин *(подает бумагу)*. Прошу вас.

Хлудов. Есаул Голован! Составы, указанные здесь, выгнать в тупик, в керосин и зажечь!

Голован, приняв бумагу, исчез.

(Мягко.) Покороче, третий вопрос?

Корзухин *(столбenea)*. Положение на фронте?..

Хлудов *(зевнув)*. Ну какое может быть положение на фронте? Бестолочь, из пушек стреляют! Командующему фронтом печку с угаром под самый нос подсунули, кубанцев мне прислал генерал Врангель в подарок, а они босые, сволочи. Ни ресторана, ни девочек! Зеленая тоска, вот и сидим на табуретах, как попуган. *(Внезапно меняя интонацию, шипит.)* Положение... Поезжайте, господин Корзухин, в Севастополь и скажите, чтобы тыловые гниды укладывали чемоданы! На рассвете я открою Буденному Джанкой! И еще скажите, что французским шлохам собольих манжет не видать! Пушной товар, сволочь тыловая! *(Меня интонацию, мягко.)* Не истолкуйте превратно выкрика «сволочь», господин товарищ. О севастопольской сволочи говорю.

4-й штабной *(в гробовом молчании ставки)*. Как французские министры Папе сделали визит...

Корзухин. Неслыханно. *(Травлено озирается.)* Я буду иметь честь доложить об этом командующему.

Хлудов *(вежливо)*. Пожалуйста.

Корзухин *(пятясь, уходит к боковой двери, по дороге спрашивает у 4-го штабного)*. Какой поезд будет на Севастополь сейчас?

Никто ему не отвечает. Слышно, как подходит поезд.

Начальник *(мертвея, предстает перед Хлудовым)*. Принял с Кермана особое назначение.

Хлудов. Господа офицеры!

По окнам пробегают отблески салонов, слышен свист, поезд останавливается. Двери открываются. Первыми появляются двое конвойных казаков в малиновых башлыках. Вся ставка встает. В двери вырастает главнокомандующий. Он в заломленной на затылок папаше, в шинели до пят, с кавказской шашкой, генерал-лейтенантских погонах, в перчатках с раструбами, очень худ.

На лице у него усталость, храбрость, хитрость, тревога. За главнокомандующим казаки вносят четыре свернутых знамени, а за знаменами появляется высокопреосвященнейший Африкан и ставку благословляет.

Главномандующий. Здравствуйте!

Штабные *(шелестят тихо, как лес)*. Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

Хлудов. Попрошу разрешения у вашего высокопревосходительства рапорт представить совершенно конфиденциально.

Главномандующий. Да! Работу ставки приостановить. Всем оставить помещение! Знамена временно вынести. *(Африкану.)* Владыко, у меня будет конфиденциальный разговор с генералом Хлудовым.

Африкан. В час добрый, в час добрый!

Все выходят, за исключением одного штабного где-то в глубине, который, то пропадая в темноте, то освещаемый сигналами, стонет в телефон: «Тиун»... Да... Бронепоезд «Тиун»!

Главномандующий. Слушаю.

Хлудов. Противник взял Юшунь. Большевики в Крыму!

Главномандующий *(становясь тучей)*. Поляки! А... Поляки!

Хлудов. И французы тоже.

Главномандующий. Э, генерал, сейчас не время говорить на вашу излюбленную тему. *(Начинает*

мерить длинными шагами сцену, потом кричит в дверь.)
Владыко!

Африкан, встревоженный, появляется.

Ваше высокопреосвященство, западноевропейскими державами покинутые, коварными поляками обманутые, в самый страшный час на милосердие Божие уповаем. Помолитесь, владыко святой!

Африкан (*перед Георгием Победоносцем*). Всемогуший Господь, за что новое испытание посылаешь чадам своим, Христову именитому воинству? С нами крестная сила, она низлагает врага благословенным оружием.

Начальник тоскует от страха.

(*Главнокомандующий*.) Дерзай, славный генерал, с тобою свет и держава, победе и утверждение, дерзай, ибо ты Петр, что значит камень. (*Благословляет и Хлудова*.) И ты, сын веролюбезный отечества своего.

Хлудов. Сиваш, Сиваш заморозил Господь Бог. [Что же это делается, ваше высокопреосвященство? Вы ему в ноги бух, а он вас на Перекопе в пух!] Фрунзе по Сивашу как по паркету прошел! Видно, Бог от нас отступился. Георгий-то Победоносец смеется!

Африкан. Что вы, доблестный боец?!

Главнокомандующий. Я протестую против такого тона! Вы явно нездоровы, генерал, и я жалею, что вы летом не уехали за границу лечиться, как я советовал.

Хлудов (*ощетинившись*). Ах вот как? А у кого бы, ваше высокопревосходительство, босые солдаты на Перекопе без блиндажей, без бетону, без козырьков вал удерживали? У кого бы Чарнота в этот вечер с музыкой с Чонгара на Карпову балку пошел? Кто бы вешал, вешал бы кто, ваше высокопревосходительство?

Главнокомандующий (*темнея*). Что это такое?

Африкан. Господи, воззри на них, просвети и укрепи. Аще царство разделится, вскоре разорится!

Главнокомандующий. Как быть со знаменами? Я привез знамена для раздачи цветной дивизии.

Хлудов. Раздачу произвести невозможно. И самое пребывание вашего высокопревосходительства здесь немислимо больше. Вам нужно возвращаться в Севастополь.

Главногокомандующий *(глухо)*. Конец?

Хлудов. Конец.

Главногокомандующий. Владыко, помолитесь!

Африкан становится перед иконою на колени и беззвучно молится.

(Вынимает конверт, подлет Хлудову.) Я сейчас уезжаю в Севастополь. Прошу немедленно вскрыть.

Хлудов. А, уже готово? Это хорошо. Ныне отпускаешь раба твоего, владыко? Слушаю. *(Кричит.)* Поезд!

Начальник *(за перегородкой бросается к телефону, стонет в телефон)*. Керман-Кемальчи, дай жезл! Керман!

Хлудов *(кричит)*. Оперативное отделение! Конвой!

Входит вся ставка, входит конвой. Последним врывается с перрона де Бризар, становится во фронт главногокомандующему.

Де Бризар. Здравия желаю, ваше императорское величество!

Главногокомандующий. Что это?

4-й штабной. Маркиз де Бризар, контужен в голову.

Хлудов *(как во сне)*. Чонгар, Чонгар...

Главногокомандующий. В мой поезд, со мною во дворец.

Де Бризар *(увлекаемый штабными)*. Виноват, виноват! *(Исчезает.)*

Главногокомандующий. Командующий фронтом...

Ставка берет под козырек.

...объявит вам мой приказ! *(Дрогнув.)* Да ниспошлет нам всем Господь силы и разум одолеть и переживать русское лихолетие. Всех и каждого предупреждаю, что иной земли, кроме Крыма, у нас нет.

Поворачивается и, сопровождаемый конвоем и Африканом, исчезает.

Пробежали три зеленых глаза фонарей. Свисток. Пробежали окна салонов. Все пропало.

Хлудов *(вскрыл конверт. Прочитал. Оскалился)*. Летчика мне!

Летчик, запакованный, как эскимос, обледенелый, появился.

Полетите к генералу Барбовичу, на Карпову балку, спуститесь, передадите приказ — от неприятеля оторваться, рысью идти на Ялту и грузиться на суда!

По ставке проносится шелест, за ним могильная тишина.

Л е т ч и к . Слушаю, ваше превосходительство! (*Исчез.*)

Х л у д о в (*ставке*). Ординарца к генералу Кутепову: мгновенно оторваться и форсированно идти в Севастополь, Фостикову с кубанцами в Феодосию, Калинин у донцами в Керчь, Чарноту вернуть в Севастополь! Ставку свернуть и в Севастополь! Я сдаю Крым!

Шелест: «...аминь, аминь... Повторение Новороссийска Хватило бы судов...» Мгновенно сворачиваются карты, начинают исчезать телефоны. Поднялась суeta на заднем плане. Пришел какой-то поезд, где-то посыпались стекла.

Г о л о в а н (*появился*). Составы зажжены!

Х л у д о в (*спокойно*). Почему шум?

Г о л о в а н . Солдаты стали громить севастопольский эшелон. Даны залпы.

Дверь на перрон то открывается, то закрывается, порядку больше нет.

Возле Хлудова постепенно тающая кучка штабных. Дверь распахивается, появляется Серафима в бурке, за нею остервеневшийся от ужаса Голубков, за ним Крапилин. Голубков старается оттащить Серафиму за руки.

Г о л у б к о в . Серафима Владимировна, опомнитесь! Это бред, безумие! Тифозная женщина!

К р а п и л и н . Так точно, тифозная!

С е р а ф и м а (*сухо и звонко*). Кто здесь Роман Хлудов?

При этом нелепом вопросе возникает тишина.

Х л у д о в . Ничего, пропустите! Хлудов — это я!

Г о л у б к о в . Не слушайте ее, она больна!

С е р а ф и м а . Из Петербурга бежим. Все бежим, да бежим! Куда? К Хлудову под крыло! Все снится: Хлудов... (*Улыбается.*) Вот и удостоилась лицезреть. Дорога и, куда ни хватит глаз человеческий, все мешки да мешки!

Тишина.

Зверюга, шакал!

Голубков (*отчаянно*). У нее тиф. Из эшелона! С Таганаша мы!

Хлудов звонит. Появляются Тихий и Гаджубаев. Гаджубаев в черкеске.

Серафима. Ну, что же? Они идут! С Арбатской Стрелы, и всех передушат.

В группе штабных шорох: «А-а... агентша!»

Голубков. Что вы! Она — жена товарища министра Корзухина! Это бред! В эшелоне заболела. Мы с дивизией генерала Чарноты пришли! Она не отдаст себе отчета в том, что говорит!

Хлудов. Это хорошо, что не отдает отчета. Когда у нас, отдавая отчет, говорят, ни слова правды не добыешься.

Голубков. Она — Корзухина!

Хлудов. Стоп, стоп, стоп! Корзухина? (*Тихому*.) Если только он не успел уехать, дать мне его сюда. Пушной товар? И если только не посторонняя, а действительно жена, Корзухина повесить! На мою ответственность! Благочестивый случай!

Тихий делает знак Гаджубаеву, и тот исчезает.

Пушной товар! Пушной товар!

Тихий (*мягко Серафиме*). Как ваше имя и отчество?

Голубков. Серафима Владимировна... Серафима...

Боковая дверь раскрывается, и Гаджубаев вводит Корзухина. Тот смертельно бледен, чувствует беду. Корзухин, увидев Серафиму, вздрагивает, озирается.

Вот он — он! Слава Богу! Парамон Ильич! Он выехал навстречу! Наконец-то!

Хлудов. Эта женщина...

Тихий (*тихо*). Виноват, ваше превосходительство, разрешите мне. (*Ласково, Корзухину*.) Ваша супруга Серафима Владимировна приехала к вам из Петербурга.

Корзухин (*поворачивается, смотрит Хлудову в глаза, учуял*). Никакой Серафимы Владимировны не знаю. Эту женщину вижу впервые в жизни. Никого из Петербурга не жду! Это шантаж!

Серафима (*поглядев на него смутно*). Да, в первый раз вижу эту гадину!

Голубков (*отчаянно*). Парамон Ильич, что вы делаете?! Это смерть!

Хлудов. Искренний человек? А? Пушной товар! (*Шипя.*) Вон!

Корзухин исчезает.

Голубков. Умоляю вас допросить нас.

Хлудов (*Тихому*). Взять обоих, допросить, допросить!

Тихий. Заберу в Севастополь! Сейчас уезжаю.

Гаджубаев берет Серафиму под руку.

Голубков. Вы же интеллигентные люди!

Серафима (*кладя голову на плечо Голубкову, бормочет*). Вот один человек нашелся, в дороге. Ну, что ж...

Серафиму и Голубкова увлекают.

Ах, Крапилин, красноречивый человек. Что же ты-то не заступишься? И ты отречешься?

Серафиму и Голубкова увлекают бесследно.

Крапилин (*встав перед Хлудовым*). Точно так! Как в книгах написано — шакал! Только одними удавками войны не выиграешь! За что ты, мировой зверь, порезал солдат на Перекопе? Попался тебе, впрочем, один человек, женщина, пожалела удушенных! Но мимо тебя не проскочишь, не проскочишь, нет. Сейчас ты человека — цап! В мешок! Стервятиной питаешься?

Штабные (*облегченно*). А-а!..

Голован (*беспокойно*). Позвольте убрать каналью, ваше превосходительство.

Хлудов. Нет. В его речи проскальзывают здравые мысли насчет войны. Поговори, солдат, поговори!

Голос недоволен: «Не понимаю этой сцены, не понимаю командующего фронтом». Хлудов голосу.

Кто заговорил со мною без приглашения?

Молчание.

Т и х и й *(тихо)*. Доску.

Появляется широкая белая доска, и Тихий на ней что-то рисует углем.

Х л у д о в. Солдат, как твоя фамилия?

К р а п и л и н *(заносясь в гибельные выси)*. Да что фамилие? Фамилие у меня известное. Крапилин-вестовой! А ты пропадешь, шакал, пропадешь, оголтелый зверь, в канаве, вот только подожди здесь на своей табуретке Буденного! *(Улыбаясь.)* Да нет, убегишь, убегишь в Константинополь. Храбер ты только женщин вешать да слесарей!

Х л у д о в *(убедительно)*. Ты ошибаешься, солдат, я на Чонгарскую Гать ходил с музыкой и на Гати два раза ранен.

К р а п и л и н. Да все губернии плюют на твою музыку и на твои раны. *(Вдруг проснулся. Вздрогнул и опустился на колени, говоря жалко.)* Ваше высокопревосходительство, смилуйтесь над Крапилиным, я в забытьи!

Х л у д о в. Нет, плохой солдат! Ты хорошо начал, а кончил, как свинья! Валяешься в ногах? Доску! Я не могу смотреть на него!

Подручные Тихого мгновенно накидывают на Крапилина черный мешок, и Крапилин исчезает бесследно.

Извольте отправляться, господа, я поеду один! *(Головану.)* Готовь, есаул, мне конвой и вагон.

Все исчезают.

(Один. Берет свой телефон и говорит.) Связь? Командующий фронтом. Начальнику «Офицера» передать, чтобы прошел, сколько может, по линии и огонь... *(Пауза. Яростно.)* Чужих, чужих, своих и посторонних пусть в землю втопчет на прощанье! Пусть рвет на пути, уходит в Севастополь. *(Кладет трубку, сидит один, скорчившись на табурете.)*

Пролетел далекий вой бронепоезда.

Чем я болен? Болен ли я?

Раздается нетеатральный пушечный залп с бронепоезда. Он настолько тяжел, этот залп, что звука не слышно, но электричество мгновенно гаснет в зале станции и обледенелые окна обрушиваются. Обнажая перрон. Залп вымел с него людей. Видны голубоватые электрические

луны. Под одной из них на железном столбе висит длинный черный мешок, под ним доска, на ней надпись: «Вестовой Крапилин — большевик». Хлудов один в полутьме смотрит на Крапилина.

Я болен, болен, только не знаю, чем.

О л ь к а в полутьме появилась, выпущенная в суматохе, тащится в валенках по залу.

Н а ч а л ь н и к *(в полутьме ищет и сонно бормочет)*. Дура, дура Николаевна! Оля-то, Оля-то где же? *(Выкрадывается на сцену)*. Олечка, Оля! Куда же ты, дурочка, куда же ты? *(Схватывает Ольку на руки.)* Иди на ручки, на руки к папе, а туда не смотри... *(Счастлив, что незамечен, проваливается во тьму.)*

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СОН ТРЕТИЙ

...Игла освещает путь Голубкова.

Грустное освещение. Вроде сумерек в начале ноября. Возникает кабинет контрразведки в Севастополе. Одно окно на улицу, уютный письменный стол, шелковый диван, в углу сложены кипами большевнестские газеты.

Г а д ж у б а е в *(у черной портьеры)*. Иди сюда!

Г о л у б к о в входит, в пальто, в руках шапка. Бледен.

Т и х и й *(сидит за письменным столом, в штатском платье)*. Садитесь, пожалуйста.

Г о л у б к о в *(тихо)*. Благодарю вас. *(Садится на стул перед столом.)*

Т и х и й. Вы, по-видимому, интеллигентный человек?

Голубков робко кашлянул.

И я уверен, вы понимаете, насколько нам, а следовательно, и правительству важно знать правду. О контрразведке распространяются глупые и гадкие слухи. На самом же деле это учреждение исполняет труднейшую и совершенно чистую обязанность охраны государственной власти. Согласны ли вы с этим?

Голубков. Я еще не...

Тихий. Вы боитесь меня?

Голубков (*подумав*). Да.

Тихий (*мягко*). Но почему же? Разве вам причинили какое-нибудь зло, пока вас везли сюда в Севастополь?

Голубков. О нет, нет, этого я не могу сказать!

Тихий. Так в чем же дело? Позвольте вам предложить папиросу. Курите?

Голубков. Благодарю вас. (*Закуривает, волнуясь.*) Умоляю вас, скажите, что с ней?

Тихий. Кто вас интересует?

Голубков. Она, она... Серафима Владимировна, арестованная вместе со мною. Клянусь, это же просто нелепо, поймите. У нее припадок был, это же смешно, вы интеллигентный человек!

Тихий. Вы волнуетесь. Курите, успокойтесь. О ней я вам скажу несколько позже. (*Курит.*) Эх, русские интеллигенты! Если бы вы пожелали осмыслить все, что происходит, мы бы, вероятно, не сидели здесь с вами в этих гнусных стенах в Севастополе. Очень возможно, что мы были с вами в Петербурге, вспоминали бы наш университет! Ведь я сам в нем учился. (*Меняет тон внезапно, лицо его вспыхивает.*) Мерзавец, перед кем сидишь? С папирской. (*Ударяет по папирсе Голубкова, и та падает звездой.*) Встать смирно, руки по швам!

Голубков (*в ужасе*). Боже мой!

Тихий. Слушай, падаль, как твоя настоящая фамилия?

Голубков. Я поражен... Моя настоящая фамилия — Голубков.

Тихий вынимает револьвер, целится в Голубкова. Голубков закрывает лицо руками.

Тихий. Тебе еще никогда не делали маникюра в контрразведке? Нет? Ну, а я тебе сделаю. У нас есть специальная игла, мы ее нагреваем, и ею я тебе вычищу ногти. Понимаешь ли ты, что ты в моих руках? Никто тебе не придет на помощь! Понял?

Голубков. Понял.

Тихий. Итак, условимся. Ты будешь говорить чистую правду. При первой же лжи я тебя буду пытаться. Контрразведка знает все, от нее нет тайн.

Голубков. Клянусь...

Тихий. Молчать! Отвечать только на вопросы!

Голубков. Да.

Тихий (*прячет револьвер, берет перо, говорит скучающим голосом.*) Садитесь, пожалуйста. Ваше имя, отчество и фамилия.

Голубков. Сергей Павлович Голубков.

Тихий. Ваше социальное происхождение?

Голубков. Я сын профессора и сам приват-доцент.

Тихий (*пишет, скучно.*) Где проживаете постоянно?

Голубков. В Петербурге.

Тихий. Зачем же вы прибыли в распоряжение белых из Советской России?

Голубков. Я давно уже стремился в Крым, потому что в Петербурге голод, я там работать не могу. И на самом вокзале познакомился с Серафимой Владимировной, которая тоже бежала сюда, и поехал с нею к белым.

Тихий (*зовет*). Гаджубаев!

Гаджубаев (*вырос из земли*). Я!

Тихий (*пишет, скучая, говорит Гаджубаеву*). Согрей иглу и принеси вино.

Гаджубаев. Слушаю. (*Исчез.*)

Голубков (*волнуясь*). Что вы хотите делать? Что вы делаете? Я говорю правду!

Тихий. У вас расстроены нервы, господин Голубков. Я пишу, как видите, и больше ничего не делаю. А правду продолжайте говорить. Зачем прибыла к белым именующая себя Серафимой Корзухиной?

Голубков. Я твердо... я знаю, что она действительно Серафима Корзухина. Она жена товарища министра здесь же, в белом правительстве. Он раньше ее бежал к белым и ее вызвал сюда.

Тихий. Каким образом ей удалось проехать по Советской России?

Голубков. Ее муж, Корзухин, отсюда, из Крыма, прислал ей с человеком фальшивые документы на имя советской учительницы Лашкаревой, будто бы ей нужно в командировку в город Бахмут.

Тихий (*открыл ящик письменного стола, достал документы, показывает их Голубкову*). Эти?

Голубков (*поглядев*). Эти. А вот и подлинный паспорт — Корзухиной. Эти, эти!

Тихий (*прячет документы в стол*). Давно ли она состоит в коммунистической партии?

Голубков (*волнуясь*). Этого не может быть, не может!

Гаджубаев входит и вносит на подносе длинную иглу, которая светит белым фосфорическим светом, и бутылку вина с двумя стаканами

Тихий. Ступай!

Гаджубаев уходит

(*Взяв иглу за деревянную ручку, держит ее так, что она освещает лицо Голубкова, говорит тихим, но грозным голосом.*) Будешь сейчас писать все, что показал, и если ты запнешься, я коснусь тебя иглой. Предупреждение слышал?

Голубков. Слышал.

Тихий. Пиши здесь. (*Диктует.*) «Я, Сергей Павлович Голубков, на допросе в контрразведывательном отделении 31 октября 1920 года старого стиля показал...»

Голубков пишет с неподвижным лицом.

(*Диктует.*) «...Серафима Владимировна Корзухина, жена товарища министра Корзухина Парамона Ильича, запятая, состоящая в коммунистической партии, прибыла из Петербурга в район вооруженных сил Юга России... для коммунистической пропаганды и установления связи с подпольем в городе Севастополе, точка». С красной строки. (*Диктует.*) «Все изложенное показал, руководясь желанием помочь контрразведывательному отделению в его борьбе с большевиками. Подпись полностью, имя, отчество и фамилия, Сергей Павлович Голубков, приват-доцент Санкт-Петербургского университета. Число». Так! (*Прячет лист в стол.*) Вы устали? Выпейте вина! Вы человек интеллигентный, господин Голубков, и я не стану вас предупреждать о том, что вас ждет в случае вашей болтовни. (*Игла начинает угасать, светит красным.*) Есть две возможности. Или вы остаетесь при красных здесь в Крыму, или эвакуируетесь к белым. В первом случае, если проболтаетесь, я перешлю этот документ в Советскую Россию. На большевиков он произведет самое неприятное впечатление. За границей же тем более не советую распускать язык, ибо за границей буду я! Благодарю вас за чистосердечное признание, господин Голубков.

В вашей невинности я убежден. Вы свободны. *(Зовет.)*
Гаджубаев!

Гаджубаев *(появился)*. Я!

Тихий. Выведи этого арестованного на улицу и отпусти. Он свободен.

Гаджубаев. Иди.

Голубков *(останавливается у двери)*. Куда же мне теперь пойти?

Выходит без шапки. Гаджубаев за ним.

Тихий *(зовет)*. Поручик Скунский!

Скунский *(вышел необыкновенно мрачный человек)*. Я.

Тихий *(подавая ему написанное Голубковым)*. Оцени документ. Сколько заплатит Корзухин за него?

Скунский *(мрачен. Зажигает свет на столе, читает документ)*. Если здесь у трапа — тысяч пятнадцать долларов, в Константинополе даст меньше. Кроме того, нужно у Корзухиной получить признание.

Тихий. Пожалуйста, удержи посадку Корзухина под каким-нибудь предлогом на полчаса и дай мне сюда Корзухину. В каком она состоянии?

Скунский. Светлый промежуток. Только, пожалуйста, поскорее. Поздно, конница идет на пристань грузиться.

Тихий. Ладно, ладно, давай ее!

Скунский *(в дверях)*. Гаджубаев, арестованную Корзухину! *(Исчез.)*

Пауза.

Гаджубаев вводит Серафиму. Та в солдатской шинели, накинутой на плечи, входит, тяжело дыша и отдуваясь, и почему-то улыбается.
Гаджубаев исчезает.

Тихий. Садитесь, пожалуйста!

Серафима садится, потом встает и ходит по комнате

Вы больны. Поэтому не стану вас задерживать. Скажите, сколько времени вы состоите в коммунистической партии?

Серафима *(останавливаясь, улыбается)*. Я думала, что вы сразу убьете меня, а вы говорите чепуху. Какая смешная ерунда! Зачем я сюда поехала?

Т и х и й . Ваш сообщник сообщил, что...

Глухо послышался вальс, стал приближаться, а с ним стрекот бесчисленных копыт за окном

С е р а ф и м а . Вальс!

Т и х и й . Ваш сообщник Голубков показал, что вы прибыли сюда для пропаганды.

С е р а ф и м а . Мой сообщник? Вы утомляете меня! *(Отходит в сторону и вдруг ложится на диванчик, тяжело дыша.)* Все уйдите из комнаты и, пожалуйста, не мешайте мне спать.

Т и х и й . Встаньте, прочтите! *(Показывает ей документ.)*

С е р а ф и м а *(щурится)*. Да! *(Напрягается, читает.)* Петербург, лампа... он заболел, что ли? *(Вскрикивает.)* Ерунда! Смешно! *(Берет документ, комкает, сжимает в кулак, прислушивается, подбегает к окну, выбивает стекло, кричит глухо.)* Помогите, помогите! Здесь преступление! Чарнота!

Т и х и й *(тревожно)*. Гаджубаев, сюда!

Гаджубаев вбежал.

Возьми!

Послышались шаги, стук в дверях. Гаджубаев бросается на Серафиму, дверь открывается, и в ней появляется Чарнота в бурке, в папаше, за ним тревожно показываются другие бурки. Гаджубаев выпускает Серафиму.

С е р а ф и м а *(на коленях подползает к Чарноте)*. Чарнота, убей меня сам! На! *(Протягивает ему документ.)*

Скунский вырос в дверях.

Т и х и й *(Чарноте)*. Попрошу вас сейчас же оставить помещение контрразведки!

Ч а р н о т а . Нет, что же оставить... Мне, ваше превосходительство, нужно говорить. Серафима, тебя взяли? Ты что кричишь? А?

Т и х и й . Попрошу вас сейчас же оставить помещение. Поручик, позовите караул!

С е р а ф и м а . Чарнота, убей его!

Чарнота. Что ты кричишь? У тебя жар? Что вы делаете с женщиной? *(Скунскому.)* Я вам покажу караул! Тихий. Поручик, гасите свет.

Свет гаснет, голос Тихого в полной тьме.

Ну, вам дорого обойдется это, генерал Чарнота!

Сон кончается.

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ

..И отправились сыны Израилевы...

Сумерки. Кабинет в Большом дворце в Севастополе. В странном виде этот дворец. Одна портьера на окне наполовину оборвана. На стене беловатое квадратное пятно на том месте, где была большая воснная карта. На полу стоит пустой деревянный ящик. Рядом охапка сена, а пол усеян обрывками бумаги. Горит камин, и у каминя сидит неподвижно де Бризар с перевязанной головой. Дверь открывается, и стремительно входит главнокомандующий.

Главнокомандующий. Греческий?

Де Бризар *(автоматически встал)*. Так точно.

Главнокомандующий. Ваша голова как?

Де Бризар. Не болит, ваше высокопревосходительство. Пирамидону доктор дал.

Главнокомандующий. Так, пирамидон? Садитесь.

Де Бризар. Слушаю. *(Автоматически садится.)*

Главнокомандующий *(сядая в другое кресло)*. Пирамидон, говорите? *(Пауза.)* Как по-вашему, я похож на Александра Македонского?

Де Бризар *(не удивляясь)*. Я, ваше высокопревосходительство, к сожалению, давно не видел портретов его величества.

Главнокомандующий. Про кого говорите?

Де Бризар. Про Александра Македонского, ваше высокопревосходительство.

Главнокомандующий. Величества? Гм... Вот что, полковник. Вы сдайте список конвойному, а сами поезжайте, я больше не хочу вас утомлять.

Де Бризар. Куда прикажете ехать?

Главкомандующий. На корабль! Вы честно исполнили ваш долг. Я о вас позабочусь за границей, [может быть, и даже, наверно, вы еще будете нужны отечеству].

Де Бризар (*подавая список*). Итак, ваше высокопревосходительство, Россия достается черни. (*Пауза.*) Как бы я был счастлив, если бы в случае нашей победы вы — единственно достойный носить царский венец — приняли его в Кремле! Я стал бы во фронт вашему императорскому величеству!

Главкомандующий (*морщась*). Маркиз, сейчас нельзя так остро ставить вопрос. Вы слишком крайних взглядов. Итак, благодарю вас, поезжайте!

Де Бризар. Слушаю, ваше высокопревосходительство. (*Идет к выходу, поворачивается, таинственно поет.*) Графиня, ценой одного randevu...

Главкомандующий. Конвойный!

Конвойный вышел из-под земли

Вот список. Оставшихся посетителей впускать ко мне автоматически. Через три минуты один после другого! Приму, сколько успею. Пошлите казака отконвоировать полковника Бризара ко мне на корабль. И от моего имени сказать судовому врачу, что пирамидон — дерьмо, а не лекарство.

Конвойный. Слушаю, ваше высокопревосходительство! (*Провалился.*)

Главкомандующий (*задумался у камина*). Александр Македонский... Вот сволочи!

Дверь открывается, и входит Корзухин

(*Вглядываясь.*) Вы?

Корзухин. Товарищ министра Корзухин.

Главкомандующий. А! Вовремя. Вызвать вас хотел. [Невзирая на кутерьму.] Господин Корзухин, я похож на Александра Македонского?

Корзухин поражен.

Я вас серьезно спрашиваю. Похож? (*Схватывает с камина газетный лист, тычет его Корзухину.*) Вы редактор этой газеты? Значит, вы отвечаете за все, что в ней напечатано?.. Ваша подпись «Парамон Корзухин»? (*Читает.*)

«Главкомандующий подобно Александру Македонскому ходит по перрону...» Что означает эта свиньяча петрушка? Во времена Александра Македонского были перроны? И я похож? Дальше-с! (*Читает.*) «При взгляде на его веселое лицо всякий червяк сомнения должен рассеяться...» Червяк не туча и не батальон, он не может рассеяться! А я весел? Я очень весел? Где вы набрали, господин Корзухин, эту безграмотную и продажную рвань? И почему у нас министерство торговли редактирует газету? Вы получили миллионные субсидии и это позорище напечатали за два дня до катастрофы! А вы знаете, что писали польские газеты, когда Буденный шел к Варшаве, — «Отечество погибает!» Под суд отдам в Константинополе! Пирамидон принимать, если голова болит. Сволочь!

Резкий телефонный звонок за стеной. Главкомандующий выходит, грянув дверью.

Корзухин (*отдышавшись.*) Все уроки, которые вы должны были получить, дорогой Парамон Ильич, вы получили. Так вам и надо! Сумасшедшая страна! Ну, и я хорош! (*Задумчиво.*) Товары погружены, деньги все переведены, спрашивается, чего меня черт понес во дворец? Одному бесноватому жаловаться на другого? У меня у самого, кажется, начинается помутнение мозгов. Действительно, пирамидон нужен. Что такое? Ну, погибла Серафима Владимировна! Ну, царство небесное. Что же прикажете, чтобы я из-за нее лишился жизни? Александр Македонский — грубиян! Простите, Париж не Севастополь. Впереди Европа, чистая, умная, спокойная жизнь. Итак! Прощай, единая, неделимая РСФСР, и будь ты проклята ныне, и присно, и во веки веков...

Африкан (*появился бесшумно*). Аминь!

Корзухин. А...

Африкан (*благословляет его*). Во имя отца и сына, и святого духа... Господин Корзухин? Что делается, что делается! Главкомандующий здесь?

Корзухин. Здесь.

Африкан. В каком расположении?

Корзухин. Так, ничего... в хорошем.

Африкан (*глядя на ящички*). Господи, Господи! «И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокхоф до шестисот тысяч пеших мужчин, кроме детей...»

Корзухин стал красться к двери.

«...И множество разноплеменных людей вышли с ними, и мелкий, и крупный скот — стадо весьма большое...»

Корзухин в дверях столкнулся со входящим Хлудовым и исчез.

Хлудов (*входит в дохе и штатской шапке*). Совершенно верно!

Африкан. Ваше превосходительство! В какой одежде! А где же господин Корзухин! Только что был...

Хлудов. Улизнул. Здравия желаю! (*Дергается.*) Вы мне прислали Библию в ставку?

Африкан. Как же, как же!

Хлудов. Помню-с! «Ты дунул духом твоим, и покрыло их море: они погрузились, как свинец, в великих водах...» Вот-с как! Про кого это сказано? А? Я-то догадался, хотя и поздно. А чего вы торчите здесь?

Африкан. «Торчите». Роман Валерианович! Уважение к сану терять не следует. Я дожидаясь его высокопревосходительства.

Хлудов. Кто дожидается, тот дождетс! Это в стиле вашей Библии. Читал в купе. Бессонница шестой день, ну, я читаю. Так вот — дождетесь! (*С видом лукавым и загадочным манит Африкана к окну.*)

Африкан. Что такое?

Хлудов. Слышите?

Африкан. Не разберу...

Хлудов. Пулемет... ту-ту-ту...

Африкан. Это что же такое?

Хлудов. В том-то весь и вопрос.

Африкан. Уж не зеленые ли шалят?

Хлудов. Или красные!

Африкан. Что вы, Роман Валерианович, возможно ли?

Хлудов. У Господа все возможно... «Погонюсь...» Память-то у меня хороша? А? Хороша? А он распространяет слухи, будто я ненормальный! Две ночи просидел над боговдохновенной книгой и все запомнил. «Погонюсь, настигну, разделю добычу; насытятся ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя!» (*Таинственно.*) И в самом деле, мы с вами сидим здесь, Священное писание вспоминаем, а Буденный в это время к Севастополю переменной рысью подходит. Вообразите. (*Свис-*

тит в два пальца.) [Ба! Здравствуйте, пожалуйста! Поп во дворе засиделся! А-а! *(Напевает без слов «Интернационал».)* Шлепнуть попа, к стенке попа!

Очень, очень далеко, в туманной мгле маленькое зарево.

Вон, вон оно! На корабль, ваше высокопревосходительство, на корабль!]

Африкан вдруг, осенив себя частыми крестными знаменьями, исчез.

Провалился. *(Задумался, стоя в той же позе, как был.)*

Главкомандующий *(входит)*. А, слава Богу, с нетерпением вас жду, генерал!

Хлудов снимает шапку, кланяется.

Ушли все?

Хлудов. Все ушли.

Главкомандующий. Благополучно?

Хлудов. Конницу Барбовича зеленые начали трепать под Карасу-Базаром. Мгла. Те тучей идут, ну, зеленые из мглы рвут. Но в общем ушли. [Все в портах. Я ехал последним. За мной были только саперы и рвали путь].

Главкомандующий. Почему вы в штатском?

Хлудов. Удобнее сидеть было. Не узнают. Забился в уголок в купе: ни я никого не обижаю, ни меня никто. В общем, сумерки, ваше высокопревосходительство, как в кухне!

Главкомандующий. В кухне? Что? Благодарю вас, генерал. Поезжайте на корабль. [Вам нужно полегчить за границей. Здесь, конечно, не было возможности предоставить вам хорошие условия]. В какой кухне? Что такое?

Хлудов. Да в детстве это было. В кухню раз вошел в сумерки — тараканы на плите. Я зажег спичку — чирк!.. А они и побежали. А спичка возьми да погасни. Слышу, лапками они шуршат, бегут, шур, шур, мур, мур. И у нас тоже — мгла и шуршание. Смотрю и думаю, куда бегут? Как в ведро. С кухонного стола бух! Но... Но я один стрелой пронзил туман.

Главкомандующий. Благодарю вас, генерал, за все, что вы с вашим громадным талантом сделали для обороны Крыма. Благодарю и не задерживаю! Сейчас я переезжаю в гостиницу «Кист», а оттуда на корабль.

Хлудов. В «Кист»? К воде поближе?

Главкомандующий. Если вы не перестанете забываться, я вас арестую!

Хлудов. Предвидел эту возможность и предупреждаю, что со мной в вестибюле мой конвой. Произойдет громаднейший скандал. Я популярен.

Главкомандующий. Нет, тут не болезнь! Нет! Вот уже целый год вы паясничеством прикрываете омерзительную ненависть ко мне!

Хлудов. Не скрою. Ненавижу!

Главкомандующий. Зависть?

Хлудов. О нет, нет! Ненавижу за то, что вы со своими французами вовлекли меня во все это. Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать. Где французские рати? Где Российская империя? Смотри в окно! Ненавижу за то, что вы стали причиной моей болезни! *(Утихая.)* Но я стрелою проник в туман, и теперь вообще не время... Мы оба уходим в небытие.

Главкомандующий. Я бы посоветовал вам остаться. Для вас это чудный способ перейти в небытие.

Хлудов *(улыбнувшись)*. Это мысль! Но все-таки ее нужно хорошенько проверить, а времени мало.

Главкомандующий. Ну что же, проверьте! Вы свободны, я не держу вас, генерал.

Хлудов. Гонишь верного слугу? Император Петр Четвертый! «И аз, иже кровь в непрестанных боях за тя аки воду лях и лях...»

Главкомандующий *(стукнув стулом)*. Клоун!

Хлудов. Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?

Главкомандующий *(при словах «Александр Македонский» пришел в ярость)*. Сию же минуту, если вы...

Внезапно грянул глухой и враждебный трубный сигнал, и словно из-под земли вырос конвойный.

Конвойный. Ваше высокопревосходительство, кавалерийская школа из Симферополя подошла. Все готово.

Главкомандующий *(сразу утихая)*. Да? Хорошо, сейчас! Итак! До свидания, генерал. Разговор мы закончим в Константинополе. Вы едете?

Хлудов. Я, если позволите, посижу здесь. Я устал. Главнокомандующий. Пожалуйста. Весь дворец к вашим услугам. Но напоминаю, что Буденный в Карасу-Базаре!

Выходит... Слышны шаги, потом странные звуки, потом все начинает стихать и пустеть. Тишина. Хлудов снимает доху, оказывается в гимнастерке, в серебряных погонах, со множеством значков на груди, в защитных галифе и крагах. Садится к камину, спиной к двери

Хлудов. Пусто и очень хорошо. *(После паузы встает, беспокойно открывает дверь.)*

Показывается бесконечная анфилада темных и брошенных комнат

(Прислушивается.) Эй! Кто тут есть? Нету. Остаться? Нет. Это не разрешит мой вопрос. Нет, я недодумал... *(Оборачивается через плечо, говорит кому-то.)* Уйдешь ли ты или нет? Ведь это вздор. Я могу пройти сквозь тебя, подобно тому, как вчера стрелой я прошел туман. *(Проходит сквозь что-то.)* Вот я и раздавил тебя! *(Кричит.)* Эй! Сказано, не шлаться. Нет! Нет! *(Садится спиной к двери у камина и задумывается. Молчит.)*

Дверь открывается, и входит Голубков. В пальто, без шапки

Голубков. Ради Бога, позвольте мне войти на одну секунду.

Хлудов *(не оборачиваясь)*. Пожалуйста, пожалуйста, войдите.

Голубков. Я знаю, что эта безумная дерзость, но я ждал два часа, и мне обещали, что допустят меня к вам. Но все разошлись куда-то, и я вошел. Умоляю вас выслушать меня, ваше высокопревосходительство!

Хлудов. Что вам нужно от меня?

Голубков. Я осмелился прибежать сюда, ваше высокопревосходительство, чтобы сообщить об ужаснейших преступлениях, совершающихся в контрразведке. Я прибежал жаловаться на зверское преступление, причину которого является генерал Хлудов. *(Вспоминает какие-то заученные слова.)* Не останьтесь глухи и защитите нас, ваше высокопревосходительство.

Хлудов, оборачиваясь, смотрит на Голубкова. Голубков, узнав Хлудова, пятится.

Хлудов. Это интересно. Впервые вижу живого человека, который бы на меня пожаловался. Вы же не повешены, надеюсь? В чем претензия?

Голубков молчит.

Приятное впечатление производите. Я вас где-то видел. Так будьте любезны, в чем претензия?

Голубков. Контрразведка в Севастополе...

Хлудов. Нет, уж будьте добры оставить контрразведку в покое. Уведомьте, какая жалоба на Хлудова? *(Пауза.)* Не проявляйте трусости. Благоволите составить исключение.

Голубков. Хорошо. Позавчера на станции вы велели арестовать женщину...

Хлудов. Помню! Да! Вспомнил! Я вас узнал. Позвольте, кому же вы хотите здесь жаловаться на меня?

Голубков. Главнокомандующему.

Хлудов. Нету! Там!

Указывает на окно. В окне начинают мерцать огоньки и видно дальнее зарево.

Ведро с водой — и погрузился бы в небытие навсегда! Поздно. На генерала Хлудова более некому пожаловаться! Смотрите мне в глаза! Искренний человек? А? *(Говорит по телефону.)* Вестибюль? Есаул Голован. Слушай, есаул, возьми конвой и в контрразведку! Там за мною записана женщина Корзухина. *(Голубкову.)* Имя?

Голубков. Серафима Владимировна.

Хлудов *(в телефон)*. Серафима Владимировна. Если не расстреляли, сию же минуту невинно доставить ее ко мне сюда. *(Кладет трубку.)*

Голубков. Если не расстреляли, если не расстреляли... Вы понимаете, что вы сказали? Ее расстреляли! Но если вы это сделали... *(Плачет.)*

Хлудов. Не смеет надрываться! Ходите в мужском платье, ведите себя мужчиной!

Голубков. Хорошо, я поведу, я поведу. Если только ее нет в живых, я вас убью! Честное слово!

Хлудов *(вяло)*. Что ж, может быть, это лучший выход. Хотя, нет, нет! Я уже думал об этом сегодня и вижу, что это узел не развяжет. Молчи!

Голубков кладет голову на руки и умолкает

(Обернувшись через плечо, говорит кому-то.) Если ты стал моим спутником, солдат, ты говори со мной. Твое молчание давит меня, хоть и представляется мне, что твой голос должен быть тяжким и медным, как мое бремя. Или оставь меня! Не ходи изменнически по пятам. Пойми, что ты попал в колесо и оно тебя стерло и кости твои сломало. И если бы все было ладно, ты бы не посмел таскаться по большому дворцу, мой неизменный красноречивый вестовой! Но все неладно, ах как неладно!

Голубков. С кем вы говорите?

Хлудов. А? С кем? Сейчас узнаем. *(Рукою разрезает воздух.)* Ни с кем. Сам с собой. Да. На чем мы остановились? Кто она вам? Любовница?

Голубков. Нет! Нет! Нет! Она самый лучший для меня человек на свете, случайно встреченный человек! Но я жалкий безумец, зачем, зачем тогда в монастыре ее, больную, я уговорил ехать в эти дьявольские лапы. Ах, я жалкий человек!

Хлудов. Может быть, вы заблуждаетесь? Если вы случайно встретили ее, ведь вы же не узнали ее как следует. Все женщины наших дней дряни!

Голубков. Не смей так говорить! Убью!

Хлудов. Чего же вы стонете теперь? Молчать! Зачем вы подвернулись мне под ноги? Зачем дьявол вас принес? А теперь, когда машина сломалась, вы явились требовать у меня того, что я вам дать не могу! Нет ее и не будет! Ее расстреляли.

Голубков. Злодей, злодей, бессмысленный злодей.

Хлудов. И вот с двух сторон: живой, говорящий, нелепый, а с другой — молчащий вестовой! Что же я, чугунный постамент, к которому приставили двух часовых, или душа моя раздвоилась, и слова я слышу мутно, как сквозь воду, в которую я погружаюсь, как свинец. Он, он, проклятый, висит на моих ногах и тянет меня, и мгла меня призывает. А... Понял... это совесть!

Голубков. Нет, это я понял все! Ты — сумасшедший! Теперь все понимаю. Лед на Чонгаре, черные мешки, мороз! Судьба! За что ты гнетешь меня? Как же я не сберег мою Серафиму! Вот он, вон он, ее слепой убийца. А что с него взять, если разум его помутился?

Хлудов. Рыцарь! Чудак! *(Бросает револьвер.)* Окажите любезность, застрелите больного! *(В пустое пространство.)* Ну, оставь меня, довольно, я ухожу!

Голубков. Нет, не могу уже стрелять в тебя. Ты мне жалок, и страшен, и омерзителен! Убил!

Хлудов. Что за комедия в конце концов? Благодарите Бога, что вы сами не повешены! Вы слышали, что она сказала командующему фронтом?

Голубков. Да не лги ты хоть сейчас, перед собою, полоумный зверь! Больного человека ни с того ни с сего убил.

Хлудов. Эй, кто там есть? Есаул Голован, где вы застряли? Эй... (*Бормочет.*) ... идет, идет. Все доложит, обстоятельный человек Голован, и первый узелок развяжется, и ты меня отпустишь наконец.

Слышен плеск шагов в пустой анфиладе, входит Голован.

Расстреляна?

Голован. Никак нет!

Голубков. Нет? Нет! Где же она? Где?

Хлудов. Тише. (*Головану.*) Почему не доставили?

Голован косится на Голубкова.

Хлудов. Говорите при нем.

Голован. Слушаю! Генерал Чарнота сегодня, в три часа дня, проходя на пристань со сводной дивизией, ворвался в помещение контрразведки, арестованную эту Корзухину, угрожая вооруженной силой, отбил и увез.

Голубков. Куда? Куда?

Хлудов. Тише! (*Головану.*) Куда?

Голован. Не могу знать.

Хлудов. А я приказывал знать!

Голован. Так точно. Я и докладываю, как узнал. А догадываться могу.

Хлудов. Догадывайтесь!

Голован (*с неудовольствием косясь на Голубкова*). Дивизия генерала Чарноты погрузилась на «Витязя» в четыре с половиной часа дня. В пять «Витязь» вышел на рейд, а после пяти в открытое море.

Хлудов. Довольно. Спасибо. (*Голубкову.*) Итак. Вот! Жива! Значит, жива эта ваша женщина Серафима.

Голубков. Да, да, жива!

Хлудов. Есаул Голован, берите весь конвой и знамя, грузитесь на «Святителя». Я потом приеду.

Голован (*настороженно*). Осмелюсь...

Хлудов. Я в здравом уме! Приеду, не бойтесь, приеду!

Голован. Слушаю. *(Исчез.)*

Хлудов. Ну?

Голубков. Да, да, да! Заклинаю вас, возьмите, непременно возьмите меня в Константинополь! Я еду за ней!

Хлудов. Придите в себя. Подумайте одну минуту. *(Манит Голубкова к окну.)* Там вон Константинополь! Останьтесь здесь. Вас не убьют большевики.

Голубков *(слепо)*. Да, да, да! Константинополь. Я все равно от вас не отстану. Возьмите. Вот огни! Смотрите!

Хлудов. О, черт, черт, черт! Ты чертов груз на моем пути!

Голубков. Хлудов, едем скорее.

Хлудов. Замолчи. *(Утихает.)* Ну, вот! Одного я удовлетворил и теперь на свободе могу говорить с тобой. *(Оборачивается через плечо.)* Чего ты хочешь, чтобы я остался? Остался? Нет. Бледнеет. Отходит. Покрылся тьмой и стал вдали. Значит, едем!

Голубков *(тоскуя)*. Хлудов. Ты болен. Хлудов, это бред! Хлудов, надо спешить, уйдет «Святитель», мы опоздаем!

Хлудов. Черт! Какая Серафима? Константинополь?.. Ну, едем, едем!

Схватывает доху и вместе с Голубковым убегает в анфиладу, и тьма поглощает их.

Конец четвертого сна и третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СОН ПЯТЫЙ

Ялычар сбивит!..

Странная симфония. В музыке нуют турецкие напевы, затем в них вплетается русская «Разлука», потом стоны уличных торговцев, гудение трамваев, гудки автомобилей.

На сцене загорается Константинополь в предвечернем солнце.

Виден господствующий минарет, кровли домов.

Стоит необыкновенного вида сооружение вроде карусели, над коим красуется надпись:

«Стой!
Невиданно в Константинополе!
Sensation á Constantinople!
Тараканьи бера!!
Courses de cafards!!
Races of cock-roaches!!

Русское азартное развлечение с дозволения международной полиции».

Карусель украшена флагами всех стран, за исключением германских. Две кассы с надписями «В ординаре» и «В двойном». Надпись над кассой: «Le commencement á 5 h. du soir»¹. Сбоку ресторан на воздухе под золотушными и пыльными лаврами в кадках. Надпись золотом: «Русский деликатес — Vobla. Порция 50 пиастров».

Над рестораном громадный рак во фраке, обнявший с тараканом.

Над ними надпись: «Пиво»

За каруселью живет в зное лихорадочною жизнью узкий переулок. По переулку валит народ. Идут турчанки в чарчафах и лакированных туфлях, турки в красных фесках, иностранные моряки в белом и элегантные европейцы, прыгают мальчишки, проходят русские в царской военной форме.

Звонят звоночки продавцов лимонада, в лавчонках торгуют кокосовыми орехами. На осликах едут громадные корзины с овощами. Зной. У выхода с переулку на бега Чарнота в черкеске без погон, выпивший слегка, несмотря на жару, и мрачный, торгует резиновыми чертями, тещиными языками и какими-то прыгающими фигурками с лотка, который у него на животе.

Чарнота. Не бьется, не ломается, а только кувыр-кается! Купите красного комиссара для увеселения ваших почтенных турецких детишек-ангелочков! Мадам, мадам! Ашете! Пур вотр анфан!²

Турчанка-мамаша. Ah!.. Бунун фиаты надыр?³
Combien?⁴

Чарнота. Сенкан пиастр, мадам! Сенкан, селеман!⁵

Турчанка-мамаша. О, иох. Бу пахалыдыр!⁶
(Проходит.)

Чарнота (вслед ей). Мадам, карант! Карант!⁷ Ах, чтоб тебе сгореть! Да у тебя и детей никогда не было!

¹ Начало в 5 часов вечера. (Франц.)

² Achetez! Pour votre enfant! — Купите! Для вашего ребенка! (Франц.)

³ Bunun fiyatı nedir? — Сколько это стоит? (Турец.)

⁴ Сколько? (Франц.)

⁵ Cinquante piastres, madame! Cinquante, seulement! — Пятьдесят пиастров, мадам! Только пятьдесят! (Франц.)

⁶ О, yok! Bu pahalıdır! — О, нет. Это дорого! (Турец.)

⁷ Madame, quarante! Quarante! — Мадам, сорок! Сорок! (Франц.)

Ступай в гарем! Геен зи! Геен зи...¹ Боже мой, Господи, до чего ж сволочной город!

Константинополь стонет над Чарнотой. Басы поют в симфонии:
«Каймаки! Каймаки!» Тенора — продавцы лимонов, сладко:
«Амбуляси! Амбуляси!» Мальчишка с пачкой сигарет «*Presse du soir*».
Струится зной. В кассе с надписью «В ординаре» возникает личико.

Чарнота (*личико*.) Мария Константиновна, а Мария Константиновна!

Личико. Что вам, Григорий Лукьянович?

Чарнота. Видите ли, какое дело. Нельзя ли мне сегодня в кредит поставить на Янычара в ординаре?

Личико. Не могу я, Григорий Лукьянович.

Чарнота. Что же я, жучок или фармазон константинопольский, неизвестный вам? Можно бы, кажется, поверить генералу, который имеет свое торговое дело рядом с бегам!

Личико. Так-то оно так... Скажите сами Артур Артуровичу.

Чарнота. Артур Артурович!

Артур выскочил из карусели вверх, как выскакивает Петрушка из-за ширм.

Артур (*во фрачном жилете, мучается, пристегивая воротничок*). В чем дело? Кому я понадобился? А?.. Чем могу?

Чарнота. Видите ли, я хотел вас...

Артур. Нет. (*Скрывается*.)

Чарнота. Что это за хамство! Куда ты скрылся прежде, чем я сказал!

Артур (*появился*). Так ведь я же знаю, что вы скажете.

Чарнота. Интересно — что?

Артур. Гораздо интереснее, что я вам скажу.

Чарнота. Интересно — что?

Артур. Кредит — никому! (*Провалился*.)

Чарнота. Вот скотина!

В карусели проходят трое с гармониками, в шапках с павлиньими перьями, красных рубашках и в плисовых жилетах. В ресторан вваливаются двое французских матросов.

¹ *Gehen Sie! Gehen Sie...* — Пошла ты! Пошла... (*Нем.*)

1-й матрос-француз. Garçon! Un bock!¹

Лакей. А l'instant, monsieur!² (Летит.)

2-й матрос-француз (читает). «Vob-la». Oh! Ces russes! Garçon! Un vobla!³

Лакей. А l'instant, monsieur! (Летит.)

Личико. Клоп по вас ползет, Григорий Лукьянович, снимите!

Чарнота. Да ну его к черту, и не подумаю снимать. Абсолютно бесполезно. Ах, город! Каких я только городов не перевидал, но...

2-й матрос-француз (выплюнул изо рта воблу). Ah! Mais c'est dégoûtant!⁴

1-й матрос-француз (хохочет). Garçon! Un bock!

Чарнота. Видали? Союзнички! Культурный человек воблу не лопаёт! Посолить, посолить надо пиво! Кто пиво несоленое пьёт? Союзники!

Французы-матросы хохочут, солт пиво.

Да, видал я многие города, очаровательные города, мировые!

Личико. Какие же вы города видели, Григорий Лукьянович?

Чарнота. Господи ж! Харьков, Белгород, Киев! Эх, Киев-город! Красота, Мария Константиновна! Вот так — лавра пылаёт на горах, а Днепро, Днепро, неописуемый цвет! Травы! Сеном пахнет! Склоны! Доли! На Днепре черторой! Солнце начнет греть, пулеметные стволы раскаленные... и вши! Вошь — это насекомое!

Личико. Фу, гадость говорите, Григорий Лукьянович!

Чарнота. Гадость? Разбираться все-таки нужно в насекомых! Вошь — животное боевое, военное, а клоп — паразит! Вошь ходит эскадроном в конном строю. Вошь кроет лавой, значит, будут громаднейшие бои... (Тоскует.) Артур!

Артур (выглянул во фраке). Чего вы так кричите?!

¹ Гарсон! Кружку пива! (Франц.)

² Сию минуту, месье! (Франц.)

³ «Воб-ла». О! Эти русские! Гарсон! Вобла! (Франц.)

⁴ Но это отвратительно! (Франц.)

Чарнота. Смотрю я на тебя и восхищаюсь, Артур. Вот уж ты и во фраке. Не человек ты, а игра природы: тараканий царь! Везет тебе. Впрочем, ваша нация вообще везучая!

Артур. Если вы опять начнете разводить антисемитизм, я с вами не стану беседовать!

Чарнота. Тебе-то что? Ты же говорил, что ты венгерец!

Артур. Тем не менее!

Чарнота. То-то я и говорю: везет вам, венгерцам. Вот чего, Артур Артурович: задумал я ликвидировать мое предприятие... *(Указывает на свой лоток.)*

Артур *(сверху)*. Пятьдесят.

Чарнота. Чего?

Артур. Пиастров.

Чарнота. Ты что же, насмешки надо мной строишь? Я штуку продаю по пятьдесят.

Артур. Ну и продолжай!

Чарнота. Ты, стало быть, и далее намерен кровопийствовать?

Артур. Я вам не навязываюсь.

Чарнота. У, счастливый ты человек, Артур! Не попался ты мне в Северной Таврии!

Артур. Здесь, слава Богу, не Северная Таврия!

Чарнота. Возьми газыри!

Артур. Газыри вместе с ящиком две лиры пятьдесят.

Чарнота. У-ух! Бери! *(Вынимает газыри из черкески и вместе с ящиком отдает Артуру.)*

Артур *(вынимает деньги)*. Пожалуйста!

Часы на карусели бьют пять.

Мазстро! Кассы!

Кассы открываются, на флагштоке взвигается русский трехцветный флаг. В карусели оркестр гармоний заиграл царский подмиывающий марш. Публика стала останавливаться у входа на бега.

Чарнота *(личиком)*. Давайте, Мария Константиновна, на Янычара на две лиры пятьдесят. *(Покупает билеты.)*

Через калитку повалила публика. Больше всего моряков. Предприятие Артура пользуется большой любовью. Вламывается группа итальянцев с крейсера, за ними англичане со сверхдредноута «Вице-король

Индии», с ними проститутка-красавица. Полезли жулики интернационального типа, потрепанные русские военные. Мелькнул

негр неестественных размеров. По переулку, как судьба, прошел таинственный монах в хламиде, с тонзурою. Марш гремит, у касс очереди, гул. Голоса в ресторане: «Un bock! Un bock!»

Л а к е й . А l'instant, monsieur! (*Летает.*)

Появился турецкий полицейский и итальянский в треуголке. Артур во фраке и цилиндре взвился над каруселью в картинной позе. Марш смолк.

Артур. Messieurs, dames!¹ Бег открыт! Невиданное нигде в мире русское придворное развлечение! Тараканья бег! Любимая забава покойной императрицы в Царском Селе! Races of cock-roaches! Courses de cafards!! Corso del piatto! L'amusement préféré de la defunte Impératrice de la Russie a Tzarskoe Selo!

Русский монархический голос «Врешь ты, гадина, причем тут императрица!»

Итальянский полицейский. Zitto! Silenzio!²
Голоса. Silenzio!

Артур. Первый заезд! Бегут! Первым номером — Черная жемчужина! Номер второй! Фаворит Янычар!

Итальянцы-матросы (*аплодируют*). Evviva Janitchar!³

Англичане-матросы (*кричат*). Away! Away!⁴

Одинокий пронзительный свисток. Вламывается потная, взволнованная фигура в котелке и в русских интендантских погонах.

Фигура (*хрипло*). Опоздал? Побежали?

Голос. Поспеешь!

Артур. Третий — Баба-Яга! Четвертый — Не плачь, дитя! Серый в яблоках таракан! Пятый — Букашка!

Голос. Темный тараканчик!

Артур. Шестой — Хулиган! Седьмая — Пуговица!

Голос. Лавочка!

Англичане-матросы. Лявочка! It is a swindle! It is a swindle! A trap!⁵

¹ Господа, дамы! (*Франц.*)

² Молчите! Тихо! (*Итал.*)

³ Да здравствует Янычар! (*Итал.*)

⁴ Долой! Долой! (*Англ.*)

⁵ Афера! Афера! Ловушка! (*Англ.*)

Артур. Ай. Бег. Иор. Пардон!¹ Not at all! Ничего подобного! Тараканы бегут на открытой доске с бумажными наездниками. Никаких шансов! Тараканы живут в опечатанном ящике под наблюдением профессора зоологии Казанского университета, еле спасшегося от рук большевиков! Итак, к началу! Maintenant, nous commençons. (*Проваливается.*)

Толпа игроков хлынула в карусель, мальчишки гирляндой висят на каменном заборе. Гул в карусели. Потом мертвое молчание. Затем оркестр гармошек заиграл «Светит месяц». В музыке побежали, шурша, тараканы лапки. Голос в карусели: «Побежали!»

Мальчишка-грек (*похожий на дьяволенка, танцует на стене*). Побезали, побезали!

Голос в карусели: «Янычар сбонт!» Гул в карусели.

Чарнота (*примостившись у кассы, в волнении*). Как сбонт? Быть этого не может!

Голос в карусели: «Не плачь, дитя! Не плачь, дитя!»
Другой голос: «Давай, давай, давай!»

(*Беспокойно.*) Убить Артуру мало!

Личико беспокойно высовывается из кассы. В карусели взрыв аплодисментов, затем сверлящий свист, полицейские проявляют беспокойство.

Турок-полицейский. О, бу, русляр! Шамди гавха оладжан он лар ичин!²

Фигура (*выскакивает из карусели*). Жульничество! Артурка пивом спойл Янычара!!

Чарнота. Ах, сукин сын!

Артур (*вырывается из карусели. Обе фалды фрака у него оторваны и цилиндр превращен в лепешку. Кричит*). Мария Константиновна, зовите полицию!

Итальянец-полицейский исчезает. Личико захлопывает окно кассы и убегает.

Итальянцы-матросы (*вылетают из карусели, гонятся за Артуром*). Ladro! Scroccone! Truffatore!³

¹ I beg your pardon! — Прошу прощения! (*Англ.*)

² О, эти русские! Сейчас начнется потасовка! (*Турец.*)

³ Вор! Жулик! Мошенник! (*Итал.*)

Проститутка-красавица (*вылетает из карусели*). Бей его! Джанни! Ingannatore!¹

Матросы-англичане (*выбегают с победоносными криками*). Hip, hip, hurrah! Long live, Pugowitz!²

Проститутка-красавица (*вскочив на стол в ресторане, кричит*). Братики! Fratelli! Боцманá с «Вице-короля Индии» подкупили Артура, чтобы Пуговицу играть! Фаворит трясет лапками, пьяный, как зюзя, где видано, чтобы Янычар сбоил!.. Oh, you raddle!³

Артур (*отчаянно*). Я вас спрашиваю, где вы видели когда-либо пьяного таракана? Je vous demande un peu, où est-ce que vous avez vu un cafard soûl? Police! Police! Au secours!⁴ Ella sbaglia, signore!⁵ Elle est toguée!⁶

Проститутка-красавица. Mensonge!⁷ Вся публика играла Янычара! Бейте его, мошенника!

Итальянец-матрос (*схватывает Артура за глотку*). Ah, cottigvo soggetto! Ah!⁸

Артур (*томно*). Убивают...

Боцман-англичанин (*итальянцу*). Stop! Keep back! Or else I'll smash you!⁹

Ударяет итальянца так, что тот падает как срезанный.

Итальянцы-матросы. Ah! A soccorso, fratelli!¹⁰

Проститутка-красавица. Бейте, братишки, «Вице-роя Индии»! Итальянцы, на помощь! Oh, bloody good!!¹¹ Ножам их, ножам!

Англичане методически готовятся к бою — выламывают ножи у стульев в ресторане. Бьют стекла, берут шампанские бутылки.

Итальянцы бледнеют и вытаскивают ножи. При виде ножей публика с воем бросается в разные стороны.

¹ Обманщик! (*Итал.*)

² Хип, хип, ура! Да здравствует Пуговица! (*Англ.*)

³ О, сброд! (*Англ.*)

⁴ Полиция! Полиция! На помощь! (*Франц.*)

⁵ Она ошибается, синьор! (*Итал.*)

⁶ Она сумасшедшая! (*Франц.*)

⁷ Ложь! (*Франц.*)

⁸ А! Негодяй! (*Итал.*)

⁹ Стой! Назад! Или ты сейчас получишь! (*Англ.*)

¹⁰ А! На помощь, братцы! (*Итал.*)

¹¹ Английское ругательство.

Мальчишка-грек (*танцует на стене*). Англичанов резут, англичанов резут!

Сцена в карусели летит в одну сторону, публика в другую, и вдруг из переулка влетает личико. За ним, свистя, врзается между англичанами и итальянцами шеренга итальянских полицейских с револьверами. Карусель во тьме проваливается. Настает тишина, и течет новый сон...

СОН ШЕСТОЙ

Мадрид — город испанский.

Появляется двор с кипарисами. Двухэтажный дом с галереей. В стене водоем с краном. Тихо стучат капли воды. Каменная скамья у калитки. Переулок над домиком пустынный.

Солнце садится за балюстраду минарета, нависшего над двориком. Первые фиолетовые предвечерние тени, но очень душно. Константинополь звучит глухо, приятно, и сладкий тенор поет по-татарски: «Ай, вай, лимонад, сусса ика и шарга!»

Чарнота (*входит и присаживается на скамью*). Сукина Пуговица! Впрочем, дело не в Пуговице, а в том, что я пропал бесповоротно. Съест, съест, съест! Убежать, что ли? А куда, если спросить вас, ваше превосходительство, побежите? Здесь вам не Таврия, бегать не полагается. Ай, вай, лимонад!..

Наконец решается и входит во двор. Тотчас дверь на галерейку открывается и из комнаты выходит Люська. Она в незастегнутом платье. Она голодна. От этого глаза ее блестящи, а лицо дышит неземною, но мимолетной красотою.

Люська. А! Здравия желаю, ваше превосходительство. Бонжур, мадам Барабанчикова!

Чарнота. Здравствуй, Люсенька!

Люська. Отчего же вы так рано? Я бы на вашем месте прошлялась до позднего вечера. (*Пауза.*) Тем более что, как вам отлично известно, пищу в этом доме в последний раз принимали вчера в пять часов дня! Прошло более суток! Но счастливые вести написаны на вашем выразительном лице, и ящика нет! Ба! Ящика нет! Неужели, генерал, вы расторговались настолько, что продали товар и с магазином вместе? Какое же может быть иное объяснение? И газыри отсутствуют. Кажется, я начинаю понимать, в чем дело... Словом, аржан сюр ле визаж. Пожа-

луйте деньги! (*Сурово.*) Попрошу вас поторопиться! Я и Симка не ели со вчерашнего дня. Будьте любезны!

Чарнота. А где Сима?

Люська. Не суть важно! Не суть. Она стирает. Стирка не затруднительна. Две рубашки на двоих. Давай деньги!

Чарнота. Случилась катастрофа, Люсенька.

Люська. Неужели? Какая же новая катастрофа поразила беднягу деклассированного генерала? (*Резко.*) Где газыри?

Чарнота. Я, Люси, задумал продавать их и, видишь ли, положил в ящик, на минутку снял ящик на Гран-Базаре и...

Люська. Украл?..

Чарнота. Угу.

Люська. Человек с черной бородой? Не правда ли?

Чарнота (*слабей*). Причем тут человек с черной бородой?

Люська (*огненно*). А он всегда крадет у мерзавцев на Гран-Базаре. Так, честное слово, украл?

Чарнота кивает головой.

Тогда вот что! Ты знаешь, кто ты, Гриша?

Чарнота. Кто?

Люська. Сутенер.

Чарнота (*побелев*). Как ты смеешь?

Серафима выходит с ведром, слушает. Ссорящиеся ее не замечают.

Люська. Смею, смею! Ящик был куплен на мои деньги!

Чарнота. Ты мне жена, у нас общие деньги!

Люська. У мужа от торговли чертями, а у жены от... (*Делает циничный жест.*)

Серафима покрывается пятнами.

Чарнота. Что такое?

Люська. Да ты что — валяешь дурака? Ты что думал? На прошлой неделе в каике на Бебек я с французом псалмы ездила петь? Псалмы? Ты у меня спросил, откуда пять лир появились? И на пять лир неделю жили — ты, я и Сима!

Серафима ставит ведро на землю, хочет что-то сказать, но только прижимает руки к груди.

Но это не все, дорогая Барабанчикова. Ящик с газырями остался не на Гран-Базаре, а на тараканьих бегах! Сегодня гандикап с Янычаром! Макигеау! *(Пауза.)* Ну-с, подведем итоги! Генерал Чарнота, лихой рыцарь рубательного ордена, при эвакуации разгромил контрразведку. За границей за этот подвиг влетел под суд, поссорился с генералом Врангелем, за что и был, как полагается, выброшен из армии, как паршивая собака, под забор...

Чарнота. Ты что же, можешь упрекнуть меня за то, что я женщину от гибели спас? За Симку можешь упрекнуть?

Люська. Нет! А ее, Симку, упрекнуть могу! Могу. *(Закусила удила.)* Пусть живет непорочная Серафима, вздыхает о своем без вести пропавшем Голубкове, пусть живет и блистательный генерал на счет распутной Люськи!

Серафима. Люся!

Люська *(багровея)*. Подслушивать как будто бы и не к лицу тебе, Серафима Владимировна.

Серафима. Что ты, Люся, что ты! Очень хорошо, что я случайно услышала это. Почему же ты раньше мне ничего не сказала насчет пяти лир?

Люська. Что ты лукавишь, Серафима? Что ты слепая или не взрослая?

Серафима. Не смей так говорить! Я никогда не лгу! Я не подозревала! Она права, Чарнота! Ну, Люся, за мной не пропадет! Я отработаю.

Чарнота. Сима!

Люська. Без благородства, пожалуйста! Не чваниться! Не требуется! [Меня же потом будут упрекать, что я стянула на дно благороднейшую женщину.]

Серафима. Ну, хорошо, не будем ссориться! *(Садится на край водоема.)* Выясним положение.

Люська. Положение ясно, как апельсин! Завтра греки нас турнут с квартиры. Жрать абсолютно нечего. Все продано! *(Загорается вновь.)* Нет, я не могу успокоиться! Это он довел меня до белого каления. *(Чарноте.)* Отвечай, проиграл?

Чарнота. Проиграл.

¹ Сутенер! *(Франц.)*

Люська. Ах ты...

Чарнота. Я не могу торговать чертями! Я воевал! Я генерал-майор!

Люська. Видали, добрые люди, генерал-майора?!

Серафима. Люси, брось, брось, ну, брось! Две лиры, ну, чем они нам помогут? *(Все трое стихают.)* А ведь, действительно, какой-то злостный рок травит меня... Сколько тысяч верст я пробежала и зачем?

Люська. Лирика!

Серафима. Какие-то фантастические несчастья, одно громоздится на другое. Встретила человека, и тот куда-то пропал. Словом...

Чарнота *(внезапно Люське)*. Ты была с французом?

Люська. Поди ты к чертовой маме! Он ревнует! Как вам это нравится? Слушай, Серафима! Ты моими словами не обижайся, я все равно пойду по этой дороге! Я не жавши сидеть не буду, у меня принципов нет!

Чарнота. Видели — дочь губернатора?

Серафима. Тише, тише, тише! Не ссорьтесь, дети мои! Сейчас я приннесу ужин! *(Идет на галерею, надевает шляпу.)*

Люська. Брось, Симка, не берись не за свои дела.

Серафима. Нет, ты уж теперь, Люси, оставь!

В отдалении шарманка играет «Разлуку», а потом хрипит какой-то марш.

Люська. Чарнота продаст револьвер!

Чарнота. Симочка, я все продам с себя, штаны продам, только не револьвер. Я без револьвера жить не умею!

Люська. И верно, он тебе голову заменяет! Ну, питайся на женский счет.

Чарнота. Не искушай меня, не искушай!

Люська. Если ты меня тронешь хоть пальцем, я тебя ночью отправлю, так и знай!

Серафима. Перестаньте, Гриша, если ты меня хоть каплю любишь, во имя наших общих бед...

Чарнота. Я тебя уважаю, Сима...

Серафима. Так вот замолчи, понял?

Чарнота. Понял.

Серафима. Ждите меня! *(Уходит.)*

Шарманка поближе играет «Разлуку». Солнце ушло за минарет. Вечерет.

Люська *(кричит)*. Симка, Симка!

Чарнота. Сима! *(Пауза.)*

Люська *(потрясая кулаками)*. У!.. Гнусный город, у... клопы! У!.. Босфор! А ты?! *(Кричит протяжно.)* Симка! *(Пауза.)* Но если кого ненавижу — это себя, тебя и всех русских! Навоз! Изгой! Гнусь! *(Исчезает на галерее.)*

Чарнота. В Париж или в Берлин? Куда хотите? В Мадрид, может быть? Испанский город... Тоже, наверное, дыра! *(Присаживается на корточки, шарит под кипарисом, находит окурки.)* До чего греки жадный народ, до самого мундштука докуривают! *(Зажигает окурки и уходит куда-то медленно.)*

Калитка открывается. Голубков входит. Он в красной феске, в английском френче, в обмотках. На плечах у него шарманка. Ставит шарманку на землю. Начинает играть «Разлуку», потом марш.

Чарнота *(с галереи сверху)*. Перестанешь ли, турецкая морда, мне душу надрывать?!

Голубков *(оборвал «Разлуку», взглянул вверх)*. Что? Гри... Григорий Лукьянович?!

Чарнота *(всматриваясь)*. Что? Кто? Кто такой? Ты — приват-доцент?!

Голубков *(берется за сердце, садится на край водоема)*. Нашел.

Чарнота *(сбегает к нему)*. Меня-то? Нашел. Нашел! Я тебя за турка принял! Здравствуй! *(Целуются.)* На что ты похож? Э... Постарел! Мы думали, что ты в России остался! Где же ты был полгода?

Голубков. Я в тюрьме сидел. Нас всех по хлудовскому делу забрали.

Чарнота. Где?

Голубков. В Чилингисском лагере. Тифом там я заболел, выпустили, я прямо и бросился в Константинополь. Вместе с Хлудовым поехал. Его разжаловали в солдаты.

Чарнота. С шарманкой? Ну, видел я много, а с шарманкой еще никого не было.

Голубков. Мне с шарманкой удобно. Я хожу по дворам и таким образом ищу, ищу! Ну, говори мне сразу, говори, умерла она?

Чарнота. Ах, Серафима? Зачем умерла? Тут она, живехонька!

Голубков. Нашел, нашел!

Чарнота. Жива! Только в трудное положение мы попали, доцент. Вообще все рухнуло! Добегались мы, Сергуня, до ручки!

Голубков. Где Серафима Владимировна?

Чарнота. Да придет. Мужчин пошла ловить на Перу.

Голубков. Что?

Чарнота. Ну что ты на меня выпятился. Сдыхаем в Константинополе: ни газырей, ни денег!

Голубков. Она пошла? Ты лжешь! (*Садится на водоем.*) Пошла на Перу?!

Чарнота. Я сам сегодня не курил полдня. Деньги у тебя есть?

Голубков (*механически*). Деньги? Есть деньги. Вот шесть парá. На Перу?

Чарнота. Я бы сам все бросил... В Мадрид меня кидает! Снился мне сегодня всю ночь Мадрид. А на шесть пара ничего, брат, не сделаешь. Ока хлеба не купишь. А где Хлудов?

Голубков. Хлудов больной. Он здесь, в Константинополе. Придет за мной сюда.

Чарнота. Да и ты больной! Ишь, как вас связало вместе!

Слышны голоса. Калитка открывается и входит Серафима, а за ней грек-донжуан в чесучевом костюме. Грек увешан покупками, и в руках у него бутылки.

Серафима. О нет, нет! Это будет очень удобно. Мы посидим, поболтаем. Правда, мы живем на бивуаках...

Грек-донжуан (*с сильным акцентом*). Оценъ, оценъ мило! Я только боюсь стеснить, мадам...

Серафима (*всматриваясь, не узнает Голубкова*). Позвольте я познакомлю вас... Григорий Лукьянович Чарнота.

Грек-донжуан. Оценъ приятно!

Серафима (*узнает Голубкова*). Боже мой!

Голубков, тяжело морщась, поднимается, подходит к греку и дает ему в ухо. Грек-донжуан роняет покупки, подавлен. Окно открывается, и в нем появляется армянская голова.

Армянская голова. О! Тэр аствац инч сарсепели азк э русск азк!¹

Люська появляется на галерее, смотрит.

Грек-донжуан. Что это? Такое что?

Серафима. Боже мой, позор!

Чарнота. Господин грек...

Грек-донжуан (*печально, догадался*). А... Разбойники. В мухоловку попал, в притон...

Серафима. Простите меня, мсье. Простите, это ужас, недоразумение.

Все окна открываются, и в них появляются греческие и армянские головы.

Чарнота (*берясь за револьвер, ишля, поворачивается к окнам*). Сию минуту провалиться!

Головы проваливаются, и окна закрываются.

Грек-донжуан (*тоскует*). Ой, Боже!..

Голубков (*двинулся к нему*). Ты покупаешь...

Грек-донжуан (*вынув бумажник*). На кошелек и на часы, храбрый человек! Жизнь моя дорогая! У меня семья, магазин! Ах, детки, ах, малые! Ничего не скажу полиции, живи, добрый человек, славь Бога всемогущего...

Голубков. Спрячьте деньги сию минуту и уходите!

Грек-донжуан (*растерялся*). Ай, Константинополь, ай Стамбул! Какой стал... (*Повернулся и пошел.*)

Голубков (*истерически*). Покупки взять!

Грек-донжуан повернулся было взять свертки, но всмотрелся в лицо Голубкова, кинулся бежать и исчез.

Пауза.

Чарнота. Мда...

Люська. Господин Голубков! Хо! А мы вас не далее как час назад вспоминали... Думали, что вы находитесь в РСФСР... Но вы здесь!.. Ваш выход можно считать блестящим... (*Хохочет.*) Ай, русские! Ай, спасибо! Ай, замечательная интеллигенция, чтобы ей сгнить в канаве на Галате! Чарнота, открывай сверток, мое сердце чувствует, что в нем ветчина!

¹ Господи, что за ужасный народ эти русские! (*Арм.*)

Голубков. Я убью всякого, кто прикоснется к этому свертку.

Люська. Что такое? Чарнота, успокой молодого идеалиста. Открывай, я голодна!

Чарнота. Нет, Люси, я сверток не открою!

Люська. Ах вот что! (Голубкову.) Молодой человек, у вас есть деньги?

Голубков. У меня нет денег. Я хожу с шарманкой... все ищу.

Люська. Нахал вы! Нахал!.. Ну, решение мое принято! (Уходит через галерею в комнату.)

Пауза.

Голубков. Вы, Серафима Владимировна... Ах, Серафима Владимировна! Вот я вас нашел, и что же вы сделали с собою? А? Я вас оставил на полгода только, я погнался за вами. А вы, оказывается, что же сделали с собою здесь? Я тифом болел, как и вы. Смотрите, моя голова обрита... Я в тюрьме сидел, и плыл, и бежал, все только за тобою... А ты, что ты делаешь, Сима? Гораздо лучше, ты бы пошла побираться...

Серафима. Кто дал тебе право упрекать меня! Я уже примирилась с мыслью, что ты погиб... Зачем же ты появился опять передо мною? Уходи, [ты только бередишь раны].

Голубков. Глупая женщина, я тебя люблю! Я тебя люблю с той минуты, как ты спала под фонарем... Я за тобою гнался... Я тебя нашел...

Серафима. Нет, это поздно! [Утекло все. Все растеряли во время беге. У меня, Сергуня, есть долги, которые нужно платить. И платить их буду только одна я. Так что, Сергуня, уходи, и каждый из нас будет пропадать по-своему.]

Голубков. Ты это твердо решила?

Серафима. Поверь.

Голубков. Ну, ладно, ты никому не достанешься! Ни за деньги, ни без денег!

Бросается к Чарноте, выхватывает у того кинжал и летит к Серафиме.

Чарнота (мгновенно облатив Голубкова, отнимает кинжал). Ну что ты делаешь?

Серафима. Сумасшедший, сумасшедший!

Люська (*выходит в шляпе, с маленьким чемоданчиком в руках*). Мсье Голубков продолжает представление? Антракт на одну минуту, я кое-что скажу! Ну-с, ваше превосходительство, всего хорошего! Из мужей увольняетесь... Напоминаю вам, что за полгода в Стамбуле мы с вами съели мои серьги, кольца, кулон и белье с метками... И львиная порция у Артурки! На случай, если разбогатеете, пишите в Париж. У Люськи есть знакомство в восточном экспрессе. Объясните, чего полгода я, дура коричневая, сидела здесь? Прощай, Сима! С этим молодым человеком ты не пропадешь, если он тебе, конечно, не пережрет глотку...

Ползут вечерние тени, пианино в соседнем дворе играет из «Севильского цирюльничка».

Бон нюи!! Хой гальсинис!..² (*Напевает в лад с пианино.*) Доброй ночи вам желаю, доброй ночи вам желаю! (*Уходит.*)

Серафима. Но помни, Люська, я иду на Перу! Я тебе деньги вышлю. Я тебе отработаю!

Люська (*из-за калитки*). Не нужно, я тебе долг прощаю!

Серафима. Не принимаю! (*Убегает.*)

Голубков (*сидя на водоеме*). Ах, я несчастный человек! (*Кричит.*) Серафима, остановись! Дай мне только выздороветь! Я достану деньги, я тебя увезу!

Серафима (*появившись наверху, в переулке над двором*). Единственный ты человек на свете, Сергуня. Только поздно! Мы погибли. (*Скрывается.*)

Пауза.

Чарнота. Ты ее любил, оказывается, а я и не знал... (*Тоскует.*) Мадрид, город испанский!..

Мальчишка-турок (*ведет кого-то, манит, избражжает шарманку*). Здесь, здесь...

Хлудов идет за мальчишкой, опирается на палку. Одет он в синий пиджак и белые брюки. Половина головы седая. Дергает щекой и часто оборачивается через плечо.

¹ Bonne nuit! — Спокойной ночи! (*Франц.*)

² Nou gelseniz! — Приятно оставаться! (*Турец.*)

Хлудов. На! *(Дает мальчишке монету, останавливается и долго смотрит на Чарноту, тот на него.)*

Чарнота. Здравствуй, Рома! Что ты смотришь? Вот и ты появился! А я, брат, константинопольский рядовой.

Хлудов *(деревянным голосом)*. Да, вот все так. То ездим, то ходим. Один по следам другого. *(Усмехается, кивает в сторону Голубкова.)* То я его лечил, то он меня. Все носится с мыслью вылечить. На шарманке играет. *(Голубкову.)* Ну, нашел? Теперь уже нашел? Что молчишь? Идем есть!

Голубков. Хлудов! Я и денег больше не попрошу и ехать больше никуда не заставляю. Я знаю, что у тебя больше нет. Хлудов, я сейчас сам еду в Париж. Я разыщу Корзухина, я возьму у него деньги. Он не имеет права. Он ее погубил! Только видишь, я очень ослабел, я не могу гнаться за ней. Она меня не слушает, а ты человек сильный, верни ее и побереги до моего возвращения. Найди ее!

Хлудов. Серафиму? Куда она пошла?

Голубков. На Перу пошла! На панель! А я больше не могу здесь видеть ничего, я сейчас уезжаю в Париж и достану денег!

Хлудов. На чем ты поедешь? Ты посмотри на себя!

Голубков. Я уже знаю, знаю на чем! Я сейчас играл на шарманке в порту, а капитан мне говорит, я вас в трюме заберу, в Марсель. Даром заберу! Побереги ее только до моего возвращения. И все делается совершенно ясным. Там женщина, Хлудов, погибает!

Хлудов. О, моя тяжесть! О, моя совесть! Что еще потребуется от меня?

Голубков. Стереги! Ты видишь, я ослабел.

Хлудов *(поворачивается и уходит. Появляется в переулке над двориком, обращается к Голубкову)*. Так едешь?

Голубков. Да, да!

Хлудов. Если вернешься, найдешь меня на Шишли. Хорошо, я ее задержу! *(Поворачивается, чтобы уйти, опять возвращается, достает деньги.)* Возьми две лиры на дорогу. Больше у меня нет. *(Отстегивает медальон от часов.)* Возьми еще медальон, в крайнем случае заложись! *(Бросает деньги и медальон во дворик и исчезает.)*

Голубков. Тоска сжимает мне сердце. Ночь наступает, а я погибну без нее.

На минарете появляется муэдзин. Поет сладким голосом.

Муэдзин. Ла! Иль алла, иль Махомет! Рассуль алла!¹

Голубков. Вот она, ночь, падает, а я все не сплю после тифа. Ужаснейший город! *(Встает с водоема, беспокойно.)* Да, да, чего я жду! В Париж! На каботажном пароходе сейчас в трюме, в Париж!

Чарнота. Я с тобою поеду. Денег-то мы не достаем, я и не надеюсь, а только вообще куда-нибудь ехать надо. Я уже думал в Мадрид... Но в Париж удобнее. В трюме так в трюме! Только чтобы не здесь!

Голубков *(идет, расстегивает ворот)*. Отчего это мне так душно? Почему никогда нет прохлады? *(Уходит.)*

Чарнота. Париж так Париж. *(Подбирает деньги, уходит вслед за Голубковым.)*

Далекий тенор в высоте отвечает первому муэдзину: «Ла! Иль алла! Иль Махомет!» Мальчишка-турок подбегает к шарманке и крутит ручку, шарманка играет марш.

Муэдзин. Иль Махомет, рассуль алла!

Сумерки обволакивают Константинополь. Загораются огни. На небе всходит золотой рог. Потом тьма. Сон кончается.

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СОН СЕДЬМОЙ

...Три карты, три карты, три карты...

Через два месяца. Осенний закат в Париже. Кабинет господина Корзухина в собственной вилле. Кабинет этот обставлен необыкновенно внушительными вещами. Несгораемая касса. Коллекция оружия. Корзухин сидит за громаднейшим письменным столом. Корзухин в пижаме и золотой ермолке. Рядом с письменным столом карточный, на нем приготовлены карты и две незажженные свечи.

Корзухин. Антуан!

¹ Правильно: «Ля илляха ллаху Мухаммад расулу-л-лахи». — Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед посланник Аллаха. — Призыв к мусульманской молитве.

Входит очень благообразного французского вида лакей в зеленом фартуке.

Мсье Маршан ма́ве аверти киль не вьендра паз ожур-
дюн, не ремюе па ла табль, же ме сервире плю тар.

Антуан молчит.

Репонде донк кельк шоз!¹ Пробаблеман ву не компрене
рьен? Вы ничего не поняли?

Антуан. Так точно, Парамон Ильич, не понял!

Корзухин. Антуан, вы русский лентяй! [Запомните: человек, живущий в Париже, должен знать, что русский язык годится только для того, чтобы выкрикивать на нем разрушительные социальные лозунги и ругаться скверными непечатными словами. Ни то, ни другое в Париже не принято!] Учитесь, Антуан, это скучно. Что вы делаете в настоящую минуту? Ке фет ву а се моман?

Антуан. Же... Я ножи чишу, Парамон Ильич...

Корзухин. Как «ножик», Антуан?

Антуан. Ле куте, Парамон Ильич.

Корзухин. Правильно. Учитесь, Антуан!

Звонок. Корзухин снимает ермолку, расстегивает пижаму, говорит на ходу.

Принять! Может быть, партнер... же сюи а ла мезон².
(*Выходит.*)

Антуан уходит и возвращается с Голубковым. Тот в штатском, потерт и оборван, в руках у него кепка.

Голубков. Же вудре парле а мсье Корзухин...³

Антуан. Пожалуйста вашу визитную карточку.

Голубков. А я вас принял за француза. Вы русский, да?

Антуан. Так точно! Я — Грищенко!

¹ Monsieur Marchand m'avait averti qu'il ne viendra pas aujourd'hui. Ne remuez pas la table. Je me servirai plus tard. Répondez-dons quelque chose! — Мсье Маршан сообщил, что не придет сегодня, со стола не надо убирать, я буду обедать позднее. Да отвечайте же! (*Франц.*)

² Je suis à la maison. — Я — дома. (*Франц.*)

³ Je voudrais parler à monsieur... — Я хотел бы поговорить с мсье... (*Франц.*)

Голубков. Вот дело какое, карточек-то у меня нет! Вы просто скажите, что, мол, Голубков из Константинополя.

Антуан скрывается.

Корзухин *(выходя в пиджаке, бормочет)*. Голубков, Голубков!.. Чем могу служить?

Голубков. Вы, вероятно, не узнаете меня? Мы с вами встретились в прошлом году в ту ужасную ночь на станции в Крыму, когда схватили вашу жену. Она в Константинополе сейчас на краю гибели.

Корзухин. На краю? Простите, во-первых, у меня нет никакой жены, а во-вторых, и станции я не припомню.

Голубков. Как же? Ночь! Еще сделался ужасный мороз! Вы помните мороз? *[Во время взятия Крыма?]*

Корзухин. К сожалению, не помню никакого мороза. Вы изволите ошибаться.

Голубков. Но ведь вы Парамон Ильич Корзухин? Я вас узнал! Вы же были в Крыму?

Корзухин. Действительно, некоторое время я проживал в Крыму как раз тогда, когда бушевали эти полумные генералы. Но, видите ли, я давно уже уехал, связей с Россией никаких не имею и не намерен иметь. Полгода, как принял французское подданство, давно овдовел и должен сказать, что вот уже второй месяц, как у меня в доме проживает в качестве личного секретаря русская эмигрантка, тоже принявшая французское подданство и фамилию Фрежоль. Очаровательнейшее и невиннейшее существо, на котором, по секрету скажу, я намерен жениться. Так что всякие переговоры о якобы имеющейся у меня жене мне неприятны!

Голубков. Фрежоль?.. Вы отказываетесь от живого человека?.. Но ведь она же ехала к вам! Мороз! Помните, ее арестовали? Я понимаю, вы тогда могли отказаться, на станции, из страха смерти, но теперь?..

Корзухин. Ах мороз! Повторение старой истории. Меня уже пытались раз шантажировать, господин Голубков, при помощи легенды о моей жене. Этим занималась контрразведка. Возобновления этой истории я бы не желал!

Голубков. Мороз. Окна, помните?.. Фонарь — голубая луна...

Корзухин. Мороз? Однофамилица, возможно.

Голубков. Ай-ай-ай-ай! Моя жизнь мне снится.

Корзухин. Вне всяких сомнений.

Голубков. Поймите, что... Нет, вы — он, он! Но тогда выслушайте: на пароходе в трюме я два месяца шел в Париж! Шел исключительно с тем, чтобы вас разыскать. В Грецию заходил! И вот, поймите, что ни на кого больше никаких надежд нет, кроме как на вас. Я здесь в Париже с моим спутником, и мы оба обращаемся к вам с просьбой. Хорошо, пусть она не жена. Нет у вас никакой жены! Я понимаю, что вам это почему-то мешает. Так даже лучше. Нет и не было! Я, я люблю ее! Понимаете — я! Но мы, я и спутник, не она, нет, просим у вас взаймы. Мы вам отработаем. Тысячу долларов...

Корзухин. Ах, ну да! Простите, мсье Голубков, я так и предполагал, [что разговор о мифической жене приведет именно к вопросу о долларах]. Тысячу? Я не ослышался?

Голубков. Вы — богатейший человек! Тысячу, и мы вам свято вернем ее!

Корзухин. Ах, молодой русский. Прежде чем говорить о тысяче долларов, я вам скажу, что такое — один доллар. *(Начинает балладу о долларе. Вдохновляется.)* Доллар! Смотрите, вон, вон, горит золотой луч, скользит и падает, а рядом с ним в воздухе согбенная черная кошка. Химера... Notre Dame! Века. Так вот там сверкает, там покоится доллар! Слушайте! *(Таинственно указывает в пол.)* Неясное ощущение... Не шум и не звук, а как бы дыхание нарывающей земли. Там чудовище летит стрелой! Метро. В нем доллар! Теперь закройте глаза и вообразите: мрак, в нем волны ходят, как горы... Мгла и вода. Океан! Он страшен, он сожрет. Но в океане с шипением топок, взрывая миллионы тонн воды, идет, кряхтит... глаза, огни! У топок голые кочегары... Он роет воду, ему тяжело, но в адских топках он несет золотое дитя — свое сердце — доллар! И вдруг — сигнал! Тревожно в мире! И вот с трапов сгружают черных сыновей суданского солнца!

За сценою глухой взрыв труб и марш.

Идут... идут!! Куда? Где-то обидели доллар!

За сценой летит веселый марш и глупые солнечные голоса поют:

«Hallelujah . hallelujah.. »

Корзухин подходит к окну, кричит.

Вив ла Франс! (*Голубкову.*) Сегодня открывают памятник неизвестному солдату! Один солдат! Погиб, защищая божественный доллар. И слышите, как в Париже военные трубы кричат ему: «Аллилуйя!» Он погиб, и за это вечно на его могиле будет пылать гранит неугасимым огнем. Доллар! (*Утихая.*) Итак, господин Голубков, я думаю, что вы сами перестанете настаивать на том, чтобы я вручил неизвестному оборванному молодому человеку, [да еще рассказывающему явно сомнительные вещи], целую тысячу долларов! Вы поняли меня?

Голубков. Да, я понял. Мы погибнем за границей. Но я думаю, господин Корзухин, что вы самый омерзительный, самый бездушный человек, которого я когда-либо видел. Вы получите возмездие! Оно не за горами. Оно идет!

Звонок.

Антуан (*входит*). Женераль-майор Чарнота.

Корзухин. Гм. Русский день. Проси!

Чарнота (*входит. Он в черкеске, но без серебряного пояса и в кальсонах лимонного цвета. На лице выражение человека, которому нечего терять. Развязен*). Здорово, Парамоша!

Корзухин. Мы с вами встречались?

Чарнота. Ну, вот вопрос! Встречались? Да ты что, Парамон, гредишь? А Севастополь?

Корзухин. Очень приятно... А мы с вами пили брудершафт?

Чарнота. Черт его знает, не припомню. Да раз встречались, так уж, наверно, пили.

Корзухин. Прости, пожалуйста... мне кажется, что вы в кальсонах?

Чарнота. А почему тебя это удивляет? Я ведь не женщина, коей этот вид одежды не присвоен.

Корзухин. Вы... Ты, генерал, так и по Парижу шли? По улицам...

Чарнота. Нет! По улице шел в штанах, а потом их в подъезде снял! Что за дурацкий вопрос?

Корзухин. Пардон, пардон...

Чарнота (*тихо Голубкову*). Дал?

Голубков. Нет! И не проси, пожалуйста. Пойдем отсюда.

Чарнота. Куда же мы теперь пойдем? (*Корзухину*.) Что же ты, спишь или что? Твои соотечественники, которые за тебя же боролись с большевиками [перед тобою], а ты отказываешь им в пустяковой сумме? Да ты понимаешь, что там в Константинополе Серафима?

Голубков. Сию минуту замолчи! Я не позволю тебе упоминать о ней! Ты понимаешь, он отрекся от нее! Если ты еще раз упомянешь имя Серафимы, я уйду один, а ты как хочешь. Словом, идем, Григорий!

Чарнота. Ну знаешь, Парамон, грешный человек, нарочно бы в партию записался, чтобы тебя расстрелять.

Корзухин. Однако, генерал, вы шутите довольно странно, и притом в моем доме!

Чарнота. Стало быть, надеяться не на что?

Корзухин. У меня нет, к сожалению, наличных денег, генерал!

Чарнота. Зачем это карты у тебя?

Голубков. Я жду, пойдем, Гриша! Не унижайся, пожалуйста.

Чарнота. Никакого унижения нет. Поговорил по делу, а теперь желаю поболтать. Интересно, вот, про карты. Ты играешь?

Корзухин. Не вижу ничего удивительного в этом. Играю, и очень люблю. Вот только партнер мой заболел и не пришел.

Чарнота. В какую же игру ты играешь?

Корзухин. В девятку, и очень люблю.

Чарнота. Ты — в девятку? Голубков, ты слышал? Ну, сыграй со мной!

Корзухин. Я с удовольствием... Но, видите ли, я люблю играть на наличные.

Голубков. Пойдем, Гриша!

Чарнота. Тебе что сказано? Заложить в крайнем случае... Крайнее этого случая не бывает. Чего ты с ним цацкаешься? Дай хлудовский медальон!

Голубков. На, пожалуйста! Мне теперь все равно! А я уйду!

Чарнота (*Голубкову*). Не будь ты хоть раз в жизни свиньей! Пойдем вместе. Я тебя с такой физиономией не отпущу! Ты еще в Сену нырнешь. (*Протягивает медальон Корзухину*.) Сколько?

Корзухин. Хорошая вещь! Очень, очень хорошая вещь! Ренессанс!

Чарнота. Форменный! У меня много таких вещей в Константинополе. Сколько?

Корзухин. Вы хотите, чтобы я купил? Гм... Пять долларов.

Чарнота. Однако, Парамон! Ну ладно, ладно. Идет! *(Садиться к карточному столу, откатывает рукава черкески, взламывает колоду.)* Как твоего раба зовут?

Корзухин. Антуан.

Чарнота *(зычно)*. Антуан!

Антуан появляется.

Принеси, голубчик...

Антуан, удивленно, но почтительно улыбнувшись, исчез

(Мечет.) На сколько?

Корзухин *(улыбаясь)*. Ну, на эти пять долларов. Попрошу карточку!

Чарнота. Девять.

Корзухин *(платит)*. Прошу вас! На квит!

Чарнота *(мечет)*. Девять.

Корзухин *(улыбаясь)*. Ну, на квит, на двадцать долларов!

Чарнота. Карту желаете?

Корзухин. Да. Семь!

Чарнота. А у меня восемь.

Корзухин *(улыбаясь ему, как ребенку, гуляющему у храма Христа)*. Ну, на квит. Сорок!

Голубков *(внезапно)*. Чарнота! Что ты делаешь? Ведь он удваивает и, конечно, сейчас возьмет у тебя все!

Чарнота. Если ты лучше меня понимаешь игру, садись метать за меня.

Голубков. Я не умею...

Чарнота. Так не засти мне свет! Карту?

Корзухин. Да, пожалуйста. Черт, жир.

Чарнота. У меня три очка.

Корзухин. Вы не прикупаете к тройке?!!

Чарнота. Иногда, как когда.

Антуан вносит закуску и водку. Исчезает.

(Выпив две рюмки.) Голубков. Рюмку?..

Голубков. Я не желаю.

Чарнота жестом предлагает рюмку Корзухину.

Корзухин. Мерси, я обедал уже. Продолжимте.

Чарнота (*мечет*). Угодно карточку?

Корзухин. На квит.

Голубков вздрагивает.

Чарнота. Идет! (*Напевает из «Пиковой дамы».*)
Графиня, ценой одного randevu... Девятка!

Корзухин. Неслыханная вещь! На квит!

Чарнота. Графиня, ценой одного randevu... Попрошу прислать наличные.

Голубков. Брось, Чарнота! Умоляю...

Чарнота. Будь добр, займись каким-нибудь делом...
Альбом посмотри, что ли... (*Корзухину.*) Наличные.

Корзухин. Сейчас. (*Прикасается к несгораемому шкафу ключом.*)

Колокола в шкафу внезапно играют из 2-й Венгерской рапсодии
Листа. Звонок в передней. Свет гаснет. Полная тьма. Свет
возвращается. Из передней появляется Антуан с пистолетом в руках.

Голубков. Что такое?..

Корзухин. Это сигнализация. Антуан, вы свободны, это я открывал.

Чарнота. Незаменимая вещь в хозяйстве! Надо будет купить. А ты же говорил, что у тебя нет наличных денег...

Корзухин (*закрывает кассу*). Продолжимте! На квит — триста двадцать долларов.

Чарнота. Не пойдет. Этой ставки банк не принимает.

Корзухин. Вы хорошо играете! Сколько примет банк?

Чарнота. Четвертной билет примет!

Корзухин. Пошлó.

Сцена становится несколько более лихорадочной. Комнату вдруг
затопляет растопленным парижским солнцем. Чарнота в его свете
становится фантастически красным.

Карту мне! (*Победоносно.*) Девять!

Чарнота. У меня жир!

Корзухин. Пришлите!

Чарнота. Пожалуйста!
Корзухин. Карту! Триста долларов примете? Квит?
Чарнота. Э, Парамоша, ты азартный! Вон она где,
твоя слабая струна! Приму!
Голубков. Чарнота!!
Корзухин. У меня семь!
Чарнота. Семь с половиной. Щучу — восемь!

Голубков со стоном вдруг закрывает уши и ложиться ничком на диван. Корзухин открывает ключом кассу. Рапсодия во тьме. Свет.

Сцена волшебю изменилась. На карточном столе горят две электрические свечи в розовых колпачках. Корзухин без пиджака. Волосы его всклокочены. В окнах теплая тьма, а в ней струится световой хаос илломинаций. Горит Эйфелева башня. Чарнота в растянутой черкеске. Голубков лежит ничком. За сценой воеет военный марш: «Hallelujah..»

(В такт маршу.) Получишь смертельный удар ты... Три карты, три карты, три карты!..

Корзухин. Три тысячи!

Чарнота. Наличные.

Корзухин открывает кассу. Тьма. Рапсодия в течение полминуты, потом свет. Наступило утро: синий рассвет. Корзухин как тень.

Чарнота как тень. Свечи погасли. На полу и на столе пустые шампанские бутылки. Груды карт. Голубков стоит как привидение, провалившимися глазами смотрит на карточный стол.

Корзухин. Знаете что? Сдайте мне наличные, я выдам вам чек.

Чарнота (*сатанински рассмеялся*). Что ты, папаша! Неужели в каком-нибудь из парижских банков выдадут по чеку десять тысяч долларов человеку, который явился в подштанниках. Нет, папа, спасибо.

Голубков (*внезапно*). Смотри! (*Указывает в окно.*) Вон, вон, первый луч скользит и падает, там доллар. Что, Парамон Ильич Корзухин, вы помните мороз? Чарнота, выкупи мой медальон! Я хочу его вернуть...

Корзухин. Триста долларов!

Чарнота. Грабитель.

Голубков. На! (*Швыряет триста долларов.*)

Корзухин швыряет в ответ медальон Голубкову.

Корзухин. Ну, до свидания, Парамоша. Засиделись мы у тебя! Нам в магазины пора!

Корзухин (*загораживая дверь*). Нет! Стойте... у меня жар! Я ничего не понимаю! Вы воспользовались моей болезнью. Вот что: хотите оба по пятьсот долларов?

Чарнота. «Ты шутишь», — зверь вскричал коварный!

Корзухин. Ну, если так, я сейчас же заявлю полиции, что вы ограбили у меня деньги. Вас возьмут через полчаса!

Чарнота. Ты слышал?! (*Вынимает револьвер.*) Ну, Парамон Ильич, молись своей парижской богоматери, твой смертный час настал!

Корзухин (*кричит страдальчески*). Караул! Караул!

Антуан появляется на вопли Корзухина в утренних сумерках. Он в одном белье и похож на привидение.

(*Тоскует.*) Все спят. Вся вилла спит! Никто меня не слышит, как меня грабят русские бандиты! (*Кричит глухо.*) Караул!

Внезапно вспыхивает розовый свет, бархатные портьеры раздвигаются, и в прорезе возникает Люська. Она в чепце, в атласной куртке и в шароварах, в золотых ночных туфлях. Увидев Чарноту и Голубкова, окаменевают. Те тоже.

Вы спите, милая Люси... в вашем уютном гнездышке в то время, как патрона вашего грабят русские бандиты!

Люська. Боже мой, Боже мой! Видно, не испила я еще горькой чаши. Казалось бы, имела я право отдохнуть. Вот он, Париж, чудный, обожаемый Париж! Мягко, тепло... Но нет, нет! Лишь свернешься клубочком, мгновенно кто-нибудь кулаком в бок. Недаром я видела сегодня тараканов во сне, и вот они — живые! Мне интересно только одно: как вы сюда добрались?!

Чарнота (*поражен*). Это — она?

Корзухин (*Люське*). Что это значит, Люси? (*Чарноте.*) Вы знаете мадемуазель Фрежоль?

Чарнота. Фрежоль?

Люська становится на колени за спиной Корзухина, как бы говоря:
«Не предавай».

Голубков. А... Понятно! Лишние мы люди в Париже, Чарнота! Не мешай!

Корзухин (*Чарноте*). Вы знаете мадемуазель Фрежоль?

Чарнота. Как же мне ее... знать? Никакого понятия не имею.

Люська. Так познакомимся же, господа! (*Выходит из ниши.*) Люси Фрежоль! Прежде всего: Антуан, пойдите к дьяволу! В каком виде вы торчите передо мной!

Антуан. Тут сюит, мадемуазель!¹ (*Исчезает.*)

Чарнота. Я прошу извинить, мадемуазель, меня за мой наряд.

Люська (*тяжко махнув рукой*). Пожалуйста, пожалуйста, дорогой генерал. Ну-с, господа, в чем недоразумение? (*Корзухину.*) Крысик мой, жабочка, кто тебя обидел?

Корзухин. Он выиграл у меня десять тысяч долларов.

Люська (*садится на край стола, хохочет*). Ты сел играть с генералом Чарнотой?

Корзухин. Он шулер? Да?

Чарнота. Полегче, господин Корзухин!

Люська. Что вы, что вы, генерал! Что ты, что ты, крысик. Пойми, в Северной Таврии гусарские полки на стоянках ложились в лоск! Он обыгрывал Крапчикова! Он играет! Знаешь ли ты, как он играет?

Корзухин (*подозрительно*). Откуда вы все это знаете, Люси?

Люська. Господи, в газетах читала! Ведь это же очень известная фамилия — Чарнота! Ну, в чем же дело, жабунчик, ну, проиграл?..

Корзухин. Я хочу, чтобы они вернули деньги. Где Антуан покупал карты?!

Люська. Нет, котуся! Милый генерал прав. Будь джентльменом. Ты проиграл. Ну, за то, что ты так неосторожен, ты понесешь наказание! Ты купишь мне брошь.

Корзухин. Брошь?.. Меня грабят.

Люська. Ну ничего, ну ничего, мой мальчик! У тебя под глазами тени! Иди, усни! Господа, деньги принадлежат вам. Никаких недоразумений не будет. Поезжайте спокойно. Антуан!

Антуан появился в брюках и в подтяжках.

¹ Tout de suite, mademoiselle! — Сейчас, мадемуазель! (*Франц.*)

Господа, к сожалению, покидают нас! Антуан, выпустите их. Очень, очень рада была повидать соотечественников. Жалею, что больше не придется встретиться.

Чарнота. О ревуар!¹

Люська. Адье!²

Корзухин *(внезапно)*. Где вы покупали карты, Антуан?!

Антуан. Вы сами их покупали, Парамон Ильич. *(Уходит с Голубковым и Чарнотой.)*

Корзухин. Вон, всех вон! Уволю этого дурака Антуана! Не пускать ко мне больше русских в дом!

Люська. Ну что ты, что ты! Не волнуйся. У тебя будет прилив крови в голове! Вон утро!

Корзухин *(всхлипнув, шатаясь)*. Закройте кассу, Люси, мой друг. *(Выходит.)*

Люська. Хорошо, хорошо, мой друг! Не беспокойся. *(Закрывает пустую кассу. В той тихая музыка. Люська одна, под музыку.)*

Снег... Вшн... Сапоги... Идут... Едут...

Три деревни, два села,

Восемь девок, один я...

Куда девки, туда я!..

Милый Господи! Разве ты не видишь, как я устала! Я больше ничего не хочу. Я туда не вернусь. Я не хочу! Я желаю спать. *(Воровски оглядывается, нет ли Корзухина.)*

На пустынной улице, за окном, слышны шаги.

(Подбегает к окну, открывает его, складывает руки рупором, кричит негромко.) Чарнота!

Шаги стихают

Прощай! Прощай! Голубков! Береги Серафиму! Чарнота! Купи себе штаны!

В окне рассвет. Затем он сменяется тьмой.

Кончен седьмой сон...

¹ Au revoir! — До свидания! *(Франц.)*

² Adieu! — Прощайте! *(Франц.)*

СОН ВОСЬМОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Жили двенадцать разбойничков...

Комната в коврах. Низенькие диваны. Кальян. На заднем плане сплошная стеклянная стена. В ней догорает константинопольский минарет, лавры и неподалеку Артурова вертушка. Никнет солнце, закат, закат...

Х л у д о в *(сидит на полу, на ковре, один и разговаривает с кем-то)*. Ты достаточно меня измучил, но наступило просветление. Да. Просветление. Пойми... Я согласен. Но ведь нельзя же забыть, что ты не один возле меня. Есть живые, повисли на моих ногах и тоже требуют. А? Моя судьба с той ночи завязала их в один узел со мной. Мы выбросились вместе через звенящие мглы, и их теперь не отлепить от меня. Я с этим примирился. Одно мне непонятно. Ты? Как ты отделился один от длинной цепи лун и фонарей! Как ты ушел от вечного покоя? Ведь ты был не один. О нет, вас было много, очень много было! *(Бормочет.)* Ну, помяни, помяни, Господи! А мы не будем вспоминать. *(Думает, стареет, поникает.)* На чем мы остановились? Да... Итак, все это я сделал зря. А потом что было? Потом просто мгла и все благополучно ушли. А потом зной. И вон вертятся карусели, каждый день, каждый день. Но ты, ловец! В какую даль проник за мной и вот меня поймал в мешок, как в невод. Не мучь же более меня. Пойми, что я решил уже. Клянусь. Вот. *(Шевелит пальцами.)* Проданы часы. Больше ничего нет и ничто меня не страшит. Даю слово: лишь только Голубков вернется, я поеду сейчас же. Ну, облегчи же мне душу, кивни! Кивни хоть раз, красноречивый вестовой Крапилин... Так! *(Вскрикивает негромко.)* Кивнул! Решено!

Дверь открывается, и входит С е р а ф и м а. Она в шляпе. В руках у нее сверток.

С е р а ф и м а. Что, Роман Валерианович, опять?

Х л у д о в. Что такое?

С е р а ф и м а. С кем вы говорили? Что я вам велела? Кто в комнате, кроме вас?

Х л у д о в. Никого нет. Вам слышалось. А впрочем, у меня есть манера разговаривать с самим собой. Надеюсь, что она никому не мешает? А?

Серафима (*садится на ковре против Хлудова*). Два месяца я живу за стеной и слышу по ночам ваше бормотание. Вы думаете, это легко? В такие ночи я сама не сплю. А теперь уже и днем? Боже мой, бедный человек...

Хлудов. Прошу извинить. Я достану вам другую комнату, но в этом же доме, чтобы вы были под моим надзором. Я часы продал, есть деньги. Светло в ней и окна на Босфор. Особенного комфорта, конечно, предложить не могу. Вы сами видите — чепуха. Разгром. Войну проиграли. И выброшены. А почему проиграли? Вы знаете? (*Таинственно указывает на плечо.*) Мы-то с ним знаем! Мне самому с вами неудобно рядом. Но я должен держать слово. Я там, оказывается, всякие преступления совершал и вообще...

Серафима. Роман Валерианович! Дорогой... Вы помните тот день, когда уезжал Голубков? Вы догнали меня и силой вернули? Помните?

Хлудов. Прошу извинения. Когда человек с ума сходит, я должен применять силу. Все ненормальные.

Серафима. Мне стало вас жаль, Роман Валерианович. Стало жаль, и из-за этого я вернулась. Неужели же вы думаете, что я стала бы вас обременять?

Хлудов. Мне няньки не нужны.

Серафима. Перестаньте раздражаться! Вы этим причиняете вред только самому себе. Бедный человек!

Хлудов. Да, верно, верно! Я больше никому не могу причинять вреда... А помните, ночь, ставка... Хлудов — зверюга, Хлудов — шакал!

Серафима. Все прошло. Забудем. И не вспоминайте.

Хлудов (*бормочет*). Да, и в самом деле... помани. Господи... а мы не будем вспоминать.

Серафима. Ну вот, Роман Валерианович. Я всю ночь думала... Надо на что-нибудь решиться. Скажите, до каких пор мы будем сидеть этак с вами?

Хлудов. А вот вернется Голубков, и сразу клубочек размотается. Я вас сдаю ему, и каждый тогда сам по себе, врассыпную — и кончено! Душный воздух!

Серафима. Вы знаете, это было безумие его отпустить тогда. Я простить не могу себе этого. Я так тоскую. Это Люська, Люська виновата, я обезумела от ее упреков. А теперь не сплю так же, как и вы, потому что он, наверно, пропал в Париже, а может быть, и умер.

Х л у д о в . Душный город! Тараканьи бега! Позорище русских! Все на меня валят, я ненормальный! А вы зачем отпустили? При чем тут я? В конце концов он взрослый. Деньги там какие-то, у этого, у вашего мужа?

С е р а ф и м а . У меня нет никакого мужа! Вы знаете, мне совестно людям в глаза смотреть, что я была за ним замужем. Он гнусь, подонок, сволочь!

Х л у д о в . Я его держал в руках и выпустил! Ну, словом, что же делать теперь?

С е р а ф и м а . Вот что. В Париж я выбраться не могу. Сергей Павлович пропал. Будем смотреть правде в глаза. И сегодня ночью я решила. Повезут казаков домой, и я вернусь вместе с ними, в Петербург. Я не могу здесь больше оставаться! Зачем я, сумасшедшая, поехала?

Х л у д о в . Домой? В Петербург? Ага. В Россию? *(Оборачивается через плечо и говорит.)* Вот, правильно.

С е р а ф и м а . Разговаривайте только со мной!

Х л у д о в . Умно, очень. Вы очень умный человек. Казаки едут, пароход уже готов. Большевикам вы ничего не сделали, можете возвращаться спокойно.

С е р а ф и м а . Одного только я еще не знаю, одно меня только держит. Это — что будет с вами?

Х л у д о в *(тайно манит ее пальцами. Она приподвигается, и он говорит ей на ухо)*. Сейчас у меня был военный совет, только вы молчите... вам-то ничего, а за мной врангелевская разведка по пятам ходит. У них нюх... *(Шепотом.)* Я тоже поеду в Россию. Можно ехать сегодня же ночью. Ночью пойдет пароход.

С е р а ф и м а . Вы тайком хотите, под чужим именем?

Х л у д о в . Под своим именем. Явлюсь и скажу: я приехал, Хлудов.

С е р а ф и м а . Безумный человек, вы подумали о том, что вас сейчас же расстреляют!

Х л у д о в . Моментально, мгновенно! А? Ситцевая рубашка, подвал, снег. Готово! *(Оборачивается.)* И тает мое бремя. Смотрите, он ушел и встал вдали!

С е р а ф и м а . А! Поняла, что вы задумали! Поняла! Так вот вы о чем бормочете. Это безумие! Подумайте. Оставайтесь здесь. Быть может, вы вылечитесь?..

Х л у д о в . Я вылечился сегодня. Я совершенно здоров. Теперь мне все ясно. Я в ведрах плавать не стану, не таракан — не бегая! Я помню снег, столбы, армии, бои! И все фонарики, фонарики. Хлудов едет домой!

Стук в дверь.

Кто там? Qui est là?

Серафима. Я сейчас, сейчас открою! *(Открывает дверь, отшатывается.)*

Входят Голубков и Чарнота. Оба они одеты одинаково: в серые приличные костюмы и шляпы. В руках у Чарноты чемоданчик. Все четверо долго молчат.

Чарнота *(прерывая паузу)*. Здравствуйте! Что же вы молчите? Вы телеграмму получили?

Хлудов. Нет.

Чарнота. Сукин город! Не то что Париж. Здравствуй, Рома.

Хлудов. Вот. Вот они. Приехали. Все как надо. Отлично. Хорошо.

Голубков. Сима! Ну что, Сима? Здравствуй...

Серафима обнимает Голубкова и плачет беззвучно.

Хлудов *(морицась)*. Пойдем, Чарнота, поговорим! *(Уходит с Чарнотой на балкон сквозь стеклянную стенку.)*

Голубков. Ну, не плачьте, не плачьте, Серафима Владимировна. Вот, я возвратился.

Серафима. Я думала, что вы погибли. И так тосковала. О, если бы вы знали... Теперь все для меня ясно. Но все-таки я дождалась. Вы теперь никуда, Сергуня, не поедете. Мы поедем вместе...

Голубков. Нет, нет! Никуда! Конечно, никуда, ни за что! Все кончено, Сима. И мы сейчас все придумаем. Как же ты жила здесь, Сима, без меня? А? Ну, скажи мне хоть слово...

Серафима. Я измучилась, я два месяца не сплю. Как только ты уехал, я опомнилась и не могла простить себе, что я тебя отпустила. Все ночи сижу, смотрю в окно. На огни... и мне мерещится, что вы ходите по Парижу оборванные, голодные... Я Хлудова нянчила. Он больной, он очень страшный.

Голубков. Не надо, Симочка, не надо!

Серафима. Ты видел мужа моего?

Голубков. Видел, видел. Сима. Он отрекся от тебя. И женщина у него новая. Но не спрашивай меня, кто... Не надо... Так лучше. И слава Богу, забудь о нем. *(Кричит негромко.)* Хлудов! Спасибо!

Хлудов выходит, за ним Чарнота.

Хлудов. Ну вот. Все в порядке? А? Сейчас я вам скажу...

Чарнота. Эх, Роман! На что ты похож.

Хлудов. Деньги есть?

Чарнота. Да, деньги есть! Чарнота не нищий больше. Если тебе нужно, могу дать.

Хлудов. Нет, мне не нужно. (*Голубкову.*) И у тебя есть?

Голубков. Да.

Хлудов. Так вот: заплатите здесь за квартиру. Ты ее любишь? А? Любишь? Ты искренний человек? Советую ехать, как она придумала. Теперь прощайте!

Надевает шляпу, берет свой чемоданчик.

Чарнота. Куда это, смею спросить?

Хлудов. Сегодня ночью пойдет с казаками паром, и я поеду с ними. Только молчите.

Голубков. Роман, одумайся, тебе нельзя!

Серафима. Говорила уже, его не удержишь!

Хлудов. Генерал Чарнота! Может, поедете со мною? А? Бросайте тараканы бегать!

Чарнота. Постой, постой, постой! Только сейчас сообразил! Куда? Домой? Нет! Что? У тебя, генерального штаба генерал-лейтенанта, может быть, новый хитрый план созрел? Но только на сей раз ты просчитаешься. Проживешь ты, Рома, ровно столько, сколько потребуются тебе с поезда снять и довести до ближайшей стенки, да и то под строжайшим караулом! Ну, а попутно с тобой и меня, раба Божьего, поведут, поведут... Ну, а меня за что? Я зря казаков порубал? Верно! Кто, Ромочка, пошел на Карпову балку? Я. Я, Рома, обозы грабил? Да! Но, Рома, фонарей у меня в тылу нет. А ты. Где Крапилин?.. За что погубил вестового?..

Хлудов. Жестоко, жестоко вы говорите мне! (*Оскалившись, оборачивается.*) Я знаю, где он... Но только мы с ним помирились... помирились...

Серафима. Чарнота, разве так можно? Что ты больному говоришь?

Голубков. Роман, оставайся, тебе нельзя возвращаться!

Чарнота. Говорю, чтобы его остановить!

Хлудов. Ты будешь тосковать, Чарнота.

Чарнота. Тосковать? Не тебе это говорить! У тебя перед глазами карта лежит, Российская бывшая империя мерещится, которую ты проиграл на Перекопе, а за спиною солдатишки-покойники расхаживают? А я человек маленький и что знаю, то знаю про себя! Я давно, брат, тоскую! Мучает меня черторой, помню я лавру! Помню бои! От смерти я не бегал, но за смертью специально к большевикам тоже не поеду! У меня родины более нету! Ты мне ее проиграл! Но все же глупо: не ездить! Из жалости говорю!

Хлудов. Ну, прощай! Прощайте!

Ушел.

Серафима. } Хлудов! Хлудов!
Голубков. }

Пауза.

За сценою ударило пять раз на часах. Поползли тени. И слышно, как у Артура на тараканьих бегах хор запел: «Жило двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман!»

Чарнота. Сима, задержи его, он будет каяться...

Серафима. Нет, Чарнота, ничто его не удержит, и пытаться не буду.

Чарнота. А... Ослабел. Ноет душа, суда требует? Ну, ладно! Погибай, Хлудов, если ослабел! А вы что?

Серафима. Поедем, поедем, Сергуня, обратно! Поедем домой!

Голубков. Правильно, Сима! Поедем. В мозгу нет больше крови... Не могу больше скитаться!

Чарнота. Так. Ну, давай делить деньги!

Серафима. Какие деньги? Откуда? Это, может быть, корзухинские деньги?

Голубков. Он выиграл у Корзухина десять тысяч долларов.

Серафима. Не хочу! Ни за что!

Голубков. И мне не надо! И я не хочу! Доехал сюда и ладно. Мы доберемся как-нибудь до России.

Чарнота. Предлагаю в последний раз! Благородство? Ну, ладно. Так едете? Ну, так нам не по дороге. Развела ты нас судьба, кто в петлю, кто в Питер, а я, как Вечный Жид, отныне... Голландец я! Прощайте!

Распахивает дверь на балкон. Слышно, как хор поет: «Много
разбойники пролили крови честных христиан...»

Вот она, заработала вертушка. Здравствуй вновь, тарака-
ний царь Артур! Ахнешь ты сейчас, когда явится перед
тобою во всей парижской славе рядовой — генерал Чар-
нота! *(Исчезает.)*

Голубков *(сидится с Серафимой рядом, обнимает
ее голову и говорит)*. А куда же мы с тобой теперь, моя
бедная Сима... Поедем в Петербург...

Серафима. Да. Да. Непременно...

Голубков. Я так счастлив, что он отрекся. Я счас-
тлив, что тебя нашел во время бега! У тебя теперь никого
нет...

Серафима. Никого, никого, кроме тебя... Кроме
тебя, Сергуни. Что это было, Сергуни, за эти полтора
года? Сны? Сожми мне голову, чтобы я забыла... Вот
так... Куда мы, зачем бежали? Но я нашла тебя. Не будет
больше ни лун на перроне, ни черных мешков, ни зноя. Я
хочу опять на Караванную... Я хочу видеть снег. Я хочу
все забыть, хочу сделать так, как будто ничего не было!

Голубков. Ничего, ничего не было, все мерещи-
лось... Забудь, забудь. Пройдет еще месяц, мы доберемся,
мы вернемся, в это время пойдет снег и наши следы заме-
тет.

На минарете показывается муэдзин, слышен его сладкий голос.

Муэдзин. Ла! Иль алла! Иль Махомед!

Хор у Артурки поет: «Господу Богу помолимся. Древнюю быль
возвестим. .»

Голубков. Проснемся. Все сны забудем, будем
жить дома...

Серафима. Дома... Дома... Домой... Домой...
Конец...

Константинополь угасает навсегда.

Конец

Москва, 1928 г.

ТАЙНОМУ ДРУГУ

Дионисовы мастера. Алтарь Диониса. Сцены.

«Трагедия машет мантией мишурной»

I

ОТКРЫТКА

Бесценный друг мой! Итак, Вы настаиваете на том, чтобы я сообщил Вам в год катастрофы, каким образом я сделался драматургом? Скажите только одно — зачем Вам это? И еще: дайте слово, что Вы не отдадите в печать эту тетрадь даже и после моей смерти.

II

ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

Видите ли: в Москве в доисторические времена (годы 1921 — 1925) проживал один замечательный человек. Был он усеян веснушками, как небо звездами (и лицо, и руки), и отличался большим умом.

Профессия у него была такая: он редактор был чистой крови и божьей милостью и ухитрился издавать (в годы 1922 — 1925!!) частный толстый журнал! Чудовищнее всего то, что у него не было ни копейки денег. Но у него была железная неопишущая воля, и, сидя на окраине города Москвы в симпатичной и грязной квартирке, он издавал.

Как увидите дальше, издание это привело как его, так и ряд других лиц, коих неумолимая судьба столкнула с этим журналом, к удивительным последствиям.

Раз человек не имеет денег, а между тем болезненная фантазия его пожирает, он должен куда-то бежать. Мой редактор и побежал к одному.

И с ним говорил.

И вышло так, что тот взял на себя издательство. Откуда-то появилась бумага, и книжки, вначале тонкие, а потом и толстые стали выходить.

И тотчас же издатель прогорел. Но ведь как? Начисто, форменно. От человека осталась только дымящаяся дыра.

Вы скажете, к чему я все это рассказываю? Еще бы мне не рассказывать! Вы спрашиваете, как я сделался драматургом, вот я и рассказываю.

Да. Так вот, прогорел.

Прогорел настолько, что, когда моя судьба закинула меня именно в тот дом и квартиру, где приютился прогоревший, я видел его единственное средство (по его мнению) к спасению.

Средство это заключалось в следующем. На большом листе бумаги были акварелью нарисованы вожди революции 1917 года, окруженные венком из колосьев, серпов и молотов. Серпы были нарисованы фиолетовой краской, молоты черной, а колосья желтой. Вожди были какие-то темные, печальные и необыкновенно непохожие.

Все это нарисовал собственноручно прогоревший страдалец, за коим в это время числилось начету казенного 18 тысяч (Вы сами понимаете, что основное его дело был, конечно, не этот частный журнал), долгу казне 40 тысяч и частным лицам 13 тысяч.

Зачем?!

Оказалось, изволите ли видеть, что какое-нибудь издательство купит это произведение искусства, отпечатает его в бесчисленном множестве экземпляров, все учреждения раскупят его и развешают по стенам у себя.

Впоследствии я нигде не видел его. Из чего заключаю, что не купили.

Впрочем, и сам автор рисунка недолго просидел в комнате на Пречистенке. После того, как в этой комнате остался только один диван, страдалец бежал. Куда? Мне неизвестно. Может быть, сейчас, когда Вы читаете эти строки, он в Саратове или Ростове-на-Дону, а может быть, и вернее всего, в Берлине. Но где бы он ни был, нет никакой возможности мне получить одну тысячу с чем-то рублей.

Итак: книжка журнала была в типографии, страдалец в Буэнос-Айресе, редактор...

Вы интересуетесь вопросом о том, где же брал мой редактор деньги до встречи со страдальцем?

Теперь этот вопрос выяснен, и догадался я сам (я вижу мысленно, как Вы смеетесь! Если бы Вы были возле меня, наверное, Вы сказали бы, что вряд ли я догадался. Ах, неужто, друг мой, я уж действительно безнадежно глуп? Вы умнее меня, с этим согласен я...) Ну, догадался я: он продал душу Дьяволу. Сын погибели и снабжал его деньгами.

Но в обрез, так что хватало только на бумагу и вообще типографские расходы, авторам же он платил так, что теперь, при воспоминании об этом, я смеюсь над собой.

Когда же дьяволы деньги кончились и страдалец уехал в Ташкент, он нашел нового издателя. Этот не был Дьяволом, не был страдальцем. Это был жулик.

Скажу Вам, мой нежный друг, за свою страшную жизнь я видел прохвостов. Меня обирали. Но такого негодяя, как этот, я не встречал. Нет сомнений, что, если бы такой теперь встретился на моем пути, я сумел бы уйти благополучно, потому что стал опытен и печален — знаю людей, страшусь за них, но тогда... Мой Бог, поймите, дорогая, это не было лицо, это был паспорт. И потом скажите, кому, кому, кроме интеллигентской размазни, придет в голову заключить договор с человеком, фамилия которого Рвацкий! Да не выдумал я! Рвацкий. Маленького роста, в вишневом галстухе, с фальшивой жемчужной булавкой, в полосатых брюках, ногти с черной каймой, а глаза...

Но редактор, ах, редактор.

Я прихожу к нему.

Он говорит:

— Ну, теперь, дружок, поезжайте в контору к Рвацкому и подписывайте с ним договор. Все наладилось! Ах, какая прелесть.

Я ответил:

— Послушайте, Рудольф Рафаилович. Я видел Рвацкого. Я его боюсь. Рудольф Рафаилович, у него фальшивая булавка в галстухе. Лучше я с вами заключу договор.

Он улыбнулся, он сильный человек, он Тореодор из Гренады.

Нарисовал кружок на бумаге и сказал:

— Ребенок! Вы неопытны в жизни, как всякий писатель. Видите кружок? Это вы.

На бумаге появился второй кружок:

— Это я — редактор.

— Так-с.

Третий кружок обозначал, оказывается, издателя Рвацкого.

— Теперь смотрите: я соединяю писателя и с редактором, и с издателем. Видите? Получилась геометрическая фигура — равнобедренный треугольник. От издателя идет нить ко мне, и от него же идет нить к писателю. Мы с вами связаны только художественно: рукопись какую-ни-

будь прочитать, побеседовать о Гоголе... Денежных расчетов мы с вами никаких вести не будем и не можем вести. Я с вами могу говорить об Анатоле Франсе, а с Рвацким... нет, не могу, ибо он не понимает, что такое Анатолий Франс. Но с вами я не могу говорить о деньгах, и по двум причинам — во-первых, деньги не должны интересовать писателя, а, во-вторых, вы в них ничего не понимаете. Голубь, договоры заключаются с издателями, а не с редакторами, и, кроме того, Рвацкий уезжает в 2 1/2 часа дня в Наркомпрос, а сейчас без четверти два, так что поспешите, а не сидите у меня вялый и испуганный...

Вертелось у меня на языке:

— А почему же первый наш договор я подписал с вами?

Но уже надевая свое потертое пальтишко в передней, я спросил все-таки глухо:

— Но вы видели его глаза? У него треугольные веки, а глаза стальные и смотрят в угол.

Ответил он:

— Следующего издателя я достану с такими глазами, как у вас, — хрустальными. Вы, однако, человек избалованный. Внимательно прочтите то, что будете подписывать, а также и векселя.

Не стану Вам, мой друг, описывать контору Семена Семеновича Рвацкого. Одно скажу, поразила меня вывеска: «Фотографические принадлежности». Причем здесь романы? Оглушительнее гораздо было то, что абсолютно ни одной фотопринадлежности в конторе не было. Лежали пять пакетов небольшого размера, и верхний был вскрыт, и я прочитал на коробочках надпись «Фенацетин». Фенацетин, мой друг, как Вам известно, конечно, не что иное, как пара-ацет-фенетидин, и примениться в фотографии может лишь в одном случае — это если у фотографа случится мигрень. Впрочем, я ведь фотографического дела не знаю, другое интересно: во втором углу лежали штук сто коробок килек. Так вот: Рвацкий, по словам редактора, в 2 1/2 часа должен был ехать в Наркомпрос. Кильки в Наркомпросе предлагать? Да? Или наоборот, из Наркомпроса ему выдали кильки, и он хотел предъявить претензию, что они тухлые?

Масса народу толкалась в конторе Рвацкого. Все были в шляпах и почему-то встревожены. Я слышал слова «вексель», «Шапино» и «провокола».

Принял меня Рвацкий как привидение. У меня создалось впечатление, что я его испугал.

Твердо могу сказать, что ему мучительно не хотелось подписывать ни векселя, ни договор. Выходило из его слов такое: что и договор, и векселя это предрассудок и что неужели я думаю, что он не заплатит мне? Представьте себе, был момент, когда я дрогнул... Вижу, как Вы топаете ногой.

Он хотел, чтобы я написал ему бумагу, что разрешаю ему печатать роман. Вы хотите? Погодите. У меня хватило твердости. Я почувствовал, что я бледнею, и пошел к выходу. Тогда он меня вернул, мучительно пожимая плечами; при общих неодобрительных взглядах послал в лавочку за вексельной бумагой. Словом, я вышел из конторы через час, имея в кармане четыре векселя на четыре ничтожных суммы и договор. Страшный стыд терзал меня за то, что я у Рвацкого взял векселя, я писатель, и у меня векселя в кармане!

Вы нетерпеливый пылкий человек и, конечно, знаете, что было дальше: то есть он исчез через месяц, векселя оказались фальшивыми, он не Рвацкий вовсе, роман не вышел...

Нет, нет, ничего такого. Зачем такой примитив. Гораздо хуже вышло.

Врать не стану, по всем четырем векселям я получил, правда, не сполна, а меньше (до сорока их выкупили у меня), роман вышел, но не полностью, а до половины! Рвацкий исчез, это так, но не через месяц, а в тот же день. И не в Наркомпрос он ехал, как я узнал почти случайно, а на поезд. И, понимаете, с тех пор я его не видел никогда (однако, надеюсь, что рано или поздно увижу, если буду жив).

Но из-за того, что я в пыльный день сам залез зачем-то в контору к Рвацкому и как лунатик поставил свою подпись рядом с его, я:

1) принимал у себя на квартире три раза черт знает кого,

2) был в банке три раза,

3) был у нотариуса,

4) был еще где-то,

5) судился с редактором в третейском суде. При этом пять взрослых мужчин, разбирая договоры: мой с редактором, редактора со страдальцем, мой с Рвацким и редактора с Рвацким, — пришли в иступление. Даже Соломон

не мог бы сказать, кто владеет романом, почему роман не допечатан, какие кильки лежали в конторе, куда девался сам Рвацкий.

Однако сообщить удалось одно: что я на три года по кабальному договору отдал свой роман некоему Рвацкому, что сам Рвацкий неизвестно где, но у Рвацкого есть доверенные в Москве, и, стало быть, мой роман похоронен на 3 года, я продать его второй раз не имею права. Кончилось тем, что я расхохотался и плюнул. Курьезная подробность: я своими глазами видел в телефонной книжке телефон Рвацкого С.С. Когда же состоялся суд, я, заглянув в ту же самую телефонную книгу, не нашел там Рвацкого.

Богом клянусь — говорю правду!

Этот номер меня потряс. Каким образом можно вытравить свою фамилию из всех телефонных книг в Москве?

Теперь забегаю вперед: прошло несколько лет, и, как Вы сами догадались, Рвацкий оказался за границей. И там овладел моим романом и пьесой. Каким образом ему удалось провезти за границу роман, увесистый, как надгробная плита, мне непонятно.

Словом, мне стыдно. Такое разгильдяйство все-таки непростительно.

Но послушайте дальше. В один прекрасный день грянула весть, что редактор мой Рудольф арестован и высылается за границу. И точно, он исчез. Но теперь я уверен, что его не выслали, ибо человек канул так, как пятак в пруд. Мало ли кого куда не высылали или кто куда не ездил в те знаменитые годы 1921 — 1925! Но все же, бывало, улетит человек в Мексику, к примеру. Кажется, чего дальше. Ан нет, получишь вдруг фотографию — российская блинная физиономия под кактусом. Нашелся. А этот не в Мексику, нет, говорят, был выслан всего только в Берлин. И ни звука. Ни слуху ни духу. Нет его в Берлине. Нет, и не может быть.

И лишь потом дело выяснилось. Встречаю я как-то раз умнейшего человека. Рассказал ему все. А он и говорит, усмехаясь:

— А знаете, что, ведь вашего Рудольфа нечистая сила утащила, и Рвацкого тоже.

Меня осенило, а ведь верно.

— И очень просто. Ведь сами вы говорили, что Рудольф продал душу дьяволу?

— Так, да.

— Ну, натурально, срок-то прошел, ну, является черт и говорит: пожалуйста...

— Ой, Господи! Где же они теперь?

Вместо ответа он показал пальцем в землю, и мне стало страшно.

III

НЕВРАСТЕНИЯ

Мне приснился страшный сон. Будто бы был лютый мороз и крест на чугунном Владимире в неизмеримой вышоте горел над замерзшим Днепром.

И видел еще человека, еврея, он стоял на коленях, а изрытый оспой командир петлюровского полка бил его шомполом по голове, и черная кровь текла по лицу еврея. Он погибал под стальной тростью, и во сне я ясно понял, что его зовут Фурман, что он портной, что он ничего не сделал, и я во сне крикнул, заплакав:

— Не смей, каналья!

И тут же на меня бросились петлюровцы, и изрытый оспой крикнул:

— Тримай його!

Я погиб во сне. В мгновение решил, что лучше самому застрелиться, чем погибнуть в пытке, и кинулся к штабелю дров. Но браунинг, как всегда во сне, не захотел стрелять, и я, задыхаясь, закричал.

Проснулся, всхлипывая, и долго дрожал в темноте, пока не понял, что я безумно далеко от Владимира, что я в Москве в моей постылой комнате, что это ночь бормочет кругом, что это 23-й год и что уже нет давным-давно изрытого оспой человека.

Хромая, еле ступая на больную ногу, я дотащился к лампе и зажег ее. Она осветила скудность и бедность моей жизни. Я увидел желтые встревоженные зрачки моей кошки. Я подобрал ее год назад у ворот. Она была беременна, а какой-то человек, проходя, совершенно трезвый, в черном пальто, ударил ее ногой в живот, и женщины у ворот видели это. Бессловесный зверь, истекая кровью, родил мертвых двух котят и долго болел у меня в комнате, но не зачах, я выходил его. Кошка поселилась у меня, но меня тоже боялась и привыкала необыкновенно трудно. Моя комната находилась под крышей и была

расположена так, что я мог выпускать ее гулять на крышу и зимой и летом.

А в коридор квартиры я ее не выпускал, потому что боялся, что я из-за нее попаду в тюрьму. Дело в том, что однажды ко мне пристали в темном переулке у Патриарших Прудов хулиганы. Я машинально схватился за карман, но вспомнил, что он уже несколько лет пуст. Тогда я на Сухаревке у одной подозрительной личности купил финский нож и с тех пор ходил всегда с ним. Так вот, я боялся, что, если кто-нибудь еще раз ударит кошку, меня посадят.

Она затосковала, увидя, что я поднялся, открыла глаза и стала следить за мною хмуро и подозрительно. Я глядел на потертую клеенку и растравлял свои раны. Я вспомнил, как двенадцать лет тому назад, когда я был юношей, меня обидел один человек, и обида осталась неотомщенной. И мне захотелось уехать в тот город, где он жил, и вызвать его на дуэль. Тут же вспомнил, что он уже много лет гниет в земле и праха даже его не найдешь. Тогда, как злые боли, вышли из памяти воспоминания еще о двух обидах. Они повлекли за собой те обиды, которые я нанес сам слабым существам, и тогда все ссадины на душе моей загорелись. Я, тоскуя, посмотрел на провод. Он свешивался и притягивал меня. Я думал о безнадежности моего положения, положив голову на клеенку. Была жизнь и вдруг разлетелась как дым, и я почему-то оказался в Москве, совершенно один в комнате, и еще на голову мою навязалась эта обиженная дымчатая кошка. Каждый день я должен был покупать ей на гривенник мяса и выпускать ее гулять, и, кроме того, она рожала три раза в год, и всякий раз мучительно, невыносимо, и приходилось ей помогать, а потом платить за то, чтобы одного котенка утопили, а другого растить и затем умильно предлагать кому-нибудь в доме, чтобы взяли и не обижали.

Обуза, обуза.

Из-за чего же это все?

Из-за дикой фантазии бросить все и заняться писательством.

Я простонал и пошел к дивану. Свет исчез. Во тьме некоторое время пели пружины простуженными голосами. Обиды и несчастья мало-помалу начали расплываться.

Опять был сон. Но мороз утих, и снег шел крупный и мягкий. Все было бело. И я понял, что это Рождество. Из-за угла выскочил гнедой рысак, крытый фиолетовой сеткой.

— Гисы! — крикнул во сне кучер. Я откинул полость, дал кучеру деньги, открыл тихую и важную дверь подъезда и стал подниматься по лестнице.

В громадной квартире было тепло. Боже мой, сколько комнат! Их не перечесть, и в каждой из них важные, обольстительные вещи. От пианино отделился мой младший брат. Смелся, поманил меня пальцем. Несмотря на то, что грудь его была прострелена и залеплена черным пластырем, я от счастья стал бормотать и захлебываться.

— Значит, рана твоя зажила? — спросил я.

— О, совершенно.

На пианино над раскрытыми клавишами стоял клавир «Фауста», он был раскрыт на той странице, где Валентин поет.

— И легкое не затронуто?

— О, какое легкое?

— Ну, спой каватину.

Он запел.

От парового отопления волнами ходило тепло, сверкали электрические лампы в люстре, и вышла Софочка в лакированных туфлях. Я обнял ее. Потом сидел на своем диване и вытирал заплаканное лицо. Мне захотелось увидеть какого-нибудь колдуна, умеющего толковать сны. Но и без колдуна я понял этот сон.

Фиолетовая сеть на рысаке — это был год 1913-й. Блестящий, пышный год. А простреленная грудь, это неверно — это было гораздо позже — 1919-й. И в квартире этой брат быть не мог, это я когда-то жил в квартире. На Рождестве я вел под руку Софочку в кинематограф, снег хрустел у нее под ботинками, и Софочка хохотала.

Во всяком случае, черный пластырь, смех во сне, Валентин означать могли только одно — мой брат, которого в последний раз я видел в первых числах 1919 года, убит. Где и когда, я не знаю, а может быть, не узнаю никогда. Он убит, и, значит, от всего, что сверкало, от Софочки, ламп, Жени, фиолетовых помпонов остался только я один на продранном диване в Москве ночью 1932 года. Все остальное погибло.

Ночь беззвучна. Пахнет плесенью. Не понимаю только одного, как могло мне присниться тепло? В комнате у меня холодно.

«Я развинтился, я развинтился», — подумал я, вздрагивая. Сердце то уходило куда-то вниз, то оказывалось на месте. «Нужно прежде всего найти бром».

Вздыхая, я надел стоптанные туфли. Тотчас укололо пятку, в туфлю попала кнопка, «пусть колет меня, так легче».

Спальная старая шелковая рубашка послужила достаточно. Она разделилась на продольные полосы, но я ею дорожил как воспоминанием. Сверх рубашки набросил пальто и пополз, буквально пополз к столу.

«Интересно, в какую секунду я умру? Дойдя до стола, или раньше? Дойдя до стола, следует написать записку — о чем? Вздор! Не поддаваться! Это просто отравление никотином и, вот, предсердечная тоска, страх смерти».

Во всяком случае, на пути к столу я не умер. Начал умирать за столом. Кошка давно уже следила за мной.

«Кто-то, зверь, возьмет тебя?»

Я взял ручку и написал на клочке бумаги:

«Мурочка! Возьмите, пожалуйста, мою кошку к себе и не давайте Булдину обижать ее...»

Руки похолодели и покрылись холодной влагой. Не успею дописать.

Но я успел дописать.

«За это все вещи, находящиеся в комнате, дарю соседке моей, Марии Потаповне Клёновой».

Проще всего крикнуть: «Мурочка!»

Но я смутился от стыда. Разбужу не только Мурочку, но и Тараканова с женой. Фу, мерзость!

Я сдержался.

«Это смерть от разрыва сердца», — подумал я и почувствовал, что она оскорбляет меня. Смерть в этой комнате — фу... Войдут... галдеть будут... Хоронить не на что. В Москве, в пятом этаже, один.

Неприличная смерть.

Хорошо умирать в квартире на чистом душистом белье или в поле. Уткнешься головой в землю, подползут к тебе, поднимут, повернут лицом к солнцу, а у тебя уж глаза стеклянные.

Но смерть что-то не шла.

«Бром? К чему бром? Разве бром помогает от разрыва?»

Все же руку я опустил к нижнему ящику, открыл его, стал шарить в нем, левой рукой держась за сердце. Брому не нашлось, обнаружил два порошка фенацетину и несколько стареньких фотографий. Вместо брома я выпил воды из холодного чайника, после чего мне показалось, что смерть отсрочена.

Прошел час. Весь дом по-прежнему молчал, и мне казалось, что во всей Москве я один в каменном мешке. Сердце давно успокоилось, и ожидание смерти уже представлялось постыдным. Я притянул насколько возможно мою казарменную лампу к столу и поверх ее зеленого колпака надел колпак из розовой бумаги, отчего бумага ожила. На ней я выписал слова: «И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими». Затем стал писать, не зная еще хорошо, что из этого выйдет. Помнится, мне очень хотелось передать, как хорошо, когда дома тепло, часы, бьющие башенным боем в столовой, сонную дрему в постели, книги и мороз. И страшного человека в оспе, мои сны. Писать вообще очень трудно, но это почему-то выходило легко. Печатавать этого я вообще не собирался.

Встал я из-за стола, когда в коридоре послышалось хриплое покашливание бабки Семеновны, женщины, ненавидимой мною всей душой за то, что она истязала своего сына, двенадцатилетнего Шурку. И сейчас даже, когда со времени этой ночи прошло шесть лет, я ненавижу ее по-прежнему.

Я откинул штору и увидел, что лампа больше не нужна, на дворе синело, на часах было семь с четвертью. Значит, я просидел за столом пять часов.

VI

ТРИ ЖИЗНИ

С этой ночи каждую ночь я садился к столу и писал часов до трех-четырех. Дело шло легко ночью. Утром произошло объяснение с бабушкой Семеновной.

— Вы что же это. Опять у вас ночью светик горел?

— Так точно, горел.

— Знаете ли, электричество по ночам жечь не полагается.

— Именно для ночей оно и предназначено.

— Счетчик-то общий. Всем накладно.

— У меня темно от пяти до двенадцати вечера.

— Неизвестно тоже, чем это люди по ночам занимаются. Теперь не царский режим.

— Я печатаю червонцы.

— Как?

— Червонцы печатаю фальшивые.

— Вы не смейтесь, у нас домком есть для причесанных дворян. Их можно туда поселить, где интеллигенция, нам, рабочим, эти писания не надобны.

— Бабка, продающая тянучки на Смоленском, скорее частный торговец, чем рабочий.

— Вы не касайтесь тянучек, мы в особняках не жили. Надо будет на выселение вас подать.

— Кстати, о выселении. Если вы, Семеновна, еще раз начнете бить по голове Шурку и я услышу крик истязуемого ребенка, я подам на вас жалобу в народный суд, и вы будете сидеть месяца три, но мечта моя посадить вас на большой срок.

Для того чтобы писать по ночам, нужно иметь возможность существовать днем. Как я существовал в течение времени с 1921 г. по 1923 г., я Вам писать не стану. Во-первых, Вы не поверите, во-вторых, это к делу не относится.

Но к 1923 году я возможность жить уже добыл.

На одной из своих абсолютно уж фантастических должностей со мной подружился симпатичный журналист по имени Абрам.

Абрам меня взял за рукав на улице и привел в редакцию одной большой газеты, в которой он работал. Я предложил по его наущению себя в качестве обработчика. Так назывались в этой редакции люди, которые малограмотный материал превращали в грамотный и годный к печатанию.

Мне дали какую-то корреспонденцию из провинции, я ее переработал, ее куда-то унесли, и вышел Абрам с печальными глазами и, не зная, куда девать их, сообщил, что я найден негодным.

Из памяти у меня вывалилось совершенно, почему через несколько дней я подвергся вторичному испытанию. Хоть убейте, не помню. Но помню, что уже через неделю приблизительно я сидел за измызганным колченогим столом в редакции и писал, мысленно славословя Абрама.

Одно Вам могу сказать, мой друг, более отвратительной работы я не делал во всю свою жизнь. Даже сейчас она мне снится. Это был поток безнадежной серой скуки, непрерывной и неумолимой. За окном шел дождь.

Опять-таки не припоминаю, почему мне было предложено писать фельетон. Обработки мои здесь не играли никакой роли. Напротив, каждую секунду я ждал, что меня вытурят, потому что, я Вам только скажу по секре-

ту, работник я был плохой, неряшливый, ленивый, относящийся к своему труду с отвращением.

Возможно (и кажется так), что сыграла здесь роль знаменитая, неподражаемая газета «Сочельник». Издавалась она в Берлине, и в ней я писал фельетоны. Какая-то дама, вся в шелках и кольцах, представительница этой газеты в Москве¹.

.....

.....

— Из этой заметки лучше всего бы фельетон сделать.

Секретарь взглянул на меня с удивлением.

— Но ведь вы не умеете?

Я покашлял.

— Попробуйте, — вдруг решительно сказал секретарь.

Я попробовал. Не припомню решительно, в чем там было дело. Какая-то лестница в библиотеке обледенела, рабочие падали с книжками. На другой день — это напечатали. Дальше — больше.

Среди скуки, в один прекрасный день ввалился наш знаменитый Июль, помощник редактора (его звали Юлий, а прозвали Июль), симпатичный человек, но фанатик, и заявил:

— Михаил, уж не ты ли пишешь фельетоны в «Сочельнике»?

Я побледнел, решил, что пришел мой конец. «Сочельник» пользовался единодушным повальным презрением у всех на свете: его презирали за границей монархисты, московские беспартийные и, главное, коммунисты. Словом, это была еще в мире неслыханная газета.

Я побледнел. Но, оказывается, что Июль хотел, чтобы я писал такие же хорошие фельетоны, как и в «Сочельнике». Я объяснил, что это, к сожалению, невозможно, что весь «Сочельник» другого стиля, фельетоны в нем также, но что я приложу все старания к тому, чтобы в газете Июля фельетоны выходили тоже хорошими.

И тут произошел договор. Меня переводили на жалованье повыше того, чем у обработчика, а я за это обязывался написать восемь небольших фельетонов в месяц.

Так дело и пошло.

И стал я писать. Я писал о том, как.....

.....

¹ Здесь и далее — отточия авторские.

Все это было мило, но вот в чем дело. Открою здесь еще один секрет: сочинение фельетона в строк семьдесят пять — сто занимало у меня, включая сюда и курение и посвистывание, от 18 до 22 минут. Переписка его на машинке, включая сюда и хихиканье с машинисткой, — 8 минут. Словом, в полчаса все заканчивалось. Я подписывал фельетон или каким-нибудь глупым псевдонимом, или иногда зачем-то своей фамилией и нес его или к Июлю, или к другому помощнику редактора, который носил редко встречающуюся фамилию Навзикат.

Этот Навзикат был истинной чумой моей в течение лет трех. Выяснился Навзикат к концу третьих суток. Во-первых, он был неумен. Во-вторых, груб. В-третьих — заносчив. С беспартийными сотрудниками, подчиненными ему, держал себя вызывающе, оскорблял их подозрительностью. В газетном деле ничего не понимал. Так что почему его назначали на столь ответственный пост, недоумеваю.

Навзикат начинал вертеть фельетон в руках и прежде всего искал в нем какой-нибудь преступной мысли по адресу самого советского строя. Убедившись, что явного вреда нет, он начинал давать советы и исправлять фельетон.

В эти минуты я нервничал, курил, испытывал желание ударить его пепельницей по голове.

Испортив по возможности фельетон, Навзикат ставил на нем пометку: «В набор», и день для меня заканчивался. Далее весь свой мозг я направлял на одну идею, как сбежать. Дело в том, что Июль лелеял такую схему в голове: все сотрудники, в том числе и фельетонисты, приходят минута в минуту утром и сидят до самого конца в редакции, стараясь дать государству как можно более. При малейших уклонениях от этого честный Июль начинал худеть и истощаться.

Я же лелеял одну мысль, как бы удрать из редакции домой, в комнату, которую я ненавидел всею душой, но где лежала груда листов. По сути дела, мне совершенно незачем было оставаться в редакции. И вот происходил убой времени. Я, зеленея от скуки, начал таскаться из отдела в отдел, болтать с сотрудниками, выслушивать анекдоты, накуриваться до отупения.

Наконец, убив часа два, я исчезал.

Таким образом, мой друг, я зажил тройной жизнью. Одна в газете. День. Льет дождь. Скучно. Навзикат. Июль. Уходишь, в голове гудит и пусто.

Вторая жизнь. Днем после газеты я плелся в московское отделение редакции «Сочельника». Эта вторая жизнь мне нравилась больше первой. Там я мог несколько развернуть свои мысли.

Нужно Вам сказать, что, живя второю жизнью, я сочинил нечто, листа на четыре приблизительно печатных. Повесть? Да нет, это была не повесть, а так что-то такое вроде мемуаров.

Отрывок из этого произведения искусства мне удалось напечатать в литературном приложении к «Сочельнику». Второй отрывок мне весьма удачно пришлось продать одному владельцу частного гастрономического магазина. Он пылал страстью к литературе и, для того чтобы иметь возможность напечатать свою новеллу под названием «Злодей», выпустил целый альманах. Там была, стало быть, новелла лавочника, рассказ Джека Лондона, рассказы советских писателей и отрывок Вашего слуги. Авторам он заплатил. Часть деньгами, часть шпротами. Следует отметить, что я впервые столкнулся здесь с цензурой. У всех было все благополучно, а у меня цензура выкинула несколько фраз. Когда эти фразы вывалились, произведение приобрело загадочный и бессмысленный характер, и, вне всяких сомнений, более контрреволюционный. Дальше заело. Сколько ни бегал по Москве с целью продать кому-нибудь кусок из моего произведения, я ничего не достиг. Кусок не прельщал никого, равно как и произведение в целом. В одном прочем месте мне сказал редактор, что считает написанное мной контрреволюционным и настойчиво советует мне более в таком роде не писать. Темные предчувствия тогда овладели мной, но быстро прошли. На выручку пришел «Сочельник». Приехавший из Берлина один из заправил этого органа, человек с желтым портфелем из кожи какого-то тропического гада, прочитав написанное мной, изъявил желание напечатать полностью мое произведение.

Отделение «Сочельника», пользуясь нищетой, слякотью осени, предложило по 8 долларов за лист (16 рублей). Помню, то стыдась за них, то изнывая в бессильной злобе, я получил кучку разноцветных безудержно падающих советских знаков.

Три месяца я ждал выхода рукописи и понял, что она не выйдет. Причина мне стала известна, над повестью повис нехороший цензурный знак. Они долго с кем-то шушукались и в Москве, и в Берлине.

И настали тем временем морозы. Обледенела вся Москва, и в драповом пальто как-то раз вечером я пришел в «Сочельник» и увидел там Рудольфа. Рудольф сидел в дьяконской шубе и с мокрыми ресницами. Разговорились.

— А вы ничего не сочиняете? — спросил Рудольф.

Я рассказал ему про свое сочинение. Было известно всем, что Рудольф очень любит печатать только людей, у которых уже есть имя, журнал свой (тогда он еще был тонким) он вел умно.

Снисходительно улыбнувшись, Рудольф сказал мне:

— А покажите-ка.

Я тотчас вынул рукопись из кармана (я даже спал с нею). Рудольф прочитал тут же все четыре листа и сказал:

— А знаете ли что? Я напечатаю отрывок.

Я всячески постарался не выдавать Рудольфу своей радости, но, конечно, выдал ее. Напечатать у Рудольфа что-нибудь мне было очень приятно, мне, человеку зимой в драповом пальто.

Честность всегда приводит к неприятностям. Я давно уже знаю, что жулики живут, во-первых, лучше честных, а, во-вторых, пользуются дружным уважением. И все-таки я не удержался, чтобы не предупредить Рудольфа о том, что никто не хочет печатать этой вещи, потому что бояться цензуры. Сказал и испугался, что Рудольф вернет мне рукопись. Но на Рудольфа, к удивлению моему, это не произвело никакого впечатления. Помнится, он что-то мне заплатил за отрывок, и очень скоро я увидел его напечатанным. Это доставило мне громадное удовольствие. Не меньшее и то обстоятельство, что я был помещен на обложке в список сотрудников журнала.

Рассказываю Вам об этом незначительном случае в жизни, чтобы Вы знали, как я познакомился с Рудольфом.

И далее пошла вертеться зима. Третья жизнь. И третья жизнь моя цвела у письменного стола. Груда листов все пухла. Писал я карандашом, и чернилом.

Меж тем фельетончики в газете дали себя знать. К концу зимы все было ясно. Вкус мой резко упал. Все чаще стали проскакивать в писаниях моих шаблонные словечки, истертые сравнения. В каждом фельетоне нужно было насмешить, и это приводило к грубостям. Лишь только я пытался сделать работу потоньше, на лице у палача моего Навзиката появлялось недоумение. В конце концов я махнул на все рукой и старался писать так, чтобы было смешно Навзикату. Волосы дыбом, дру-

жок, могут встать от тех фельетончиков, которые я там насочинил.

Когда наступал какой-нибудь революционный праздник, Навзикат говорил:

— Надеюсь, что к послезавтрашнему празднику вы разразитесь хорошим героическим рассказом.

Я бледнел, и краснел, и мялся.

— Я не умею писать героические революционные рассказы, — говорил я Навзикату.

Навзикат этого не понимал. У него, как я уже давно понял, был странный взгляд на журналистов и писателей. Он полагал, что журналист может написать все, что угодно, и что ему безразлично, что ни написать. А меж тем, по некоторым соображениям, мне нельзя было объяснить Навзикату кой-что: например, для того, чтобы разразиться хорошим революционным рассказом, нужно, прежде всего, самому быть революционером и радоваться наступлению революционного праздника. В противном же случае, рассказ у того, кто им разразится по денежным или иным каким побуждениям, получится плохой. Сами понимаете, что на эту тему я с Навзикатом не беседовал. Июль был тоньше и умней и без бесед сообразил, что с героическими рассказами у меня не склеится. Печаль заволокла совершенно его бритую голову. Кроме того, я, спасая себя, украл к концу третьего месяца один фельетон, а к концу четвертого парочку, дав 7 и 6.

— Михаил, — говорил потрясенный Июль, — а ведь у тебя только шесть фельетонов.

Июль со всеми, начиная с наиответственного редактора и кончая уборщицей, был на «ты». И все ему платили тем же.

— Неужели только шесть? — удивлялся я. — Верно, шесть. Ты знаешь, Июль, у меня в последнее время частые мигрени.

— От пива, — поспешно вставил Июль.

— Не от пива, а от этих самых фельетонов.

— Помилуй, Михаил. Ты тратишь два часа в неделю на фельетон!

— Голубчик, если бы ты знал, чего стоит этот час.

— Ну, не понимаю... В чем дело!..

Навзикат сделал попытку прийти на помощь Июлю. Идеи рождались в его голове, как пузыри.

— Надеюсь, что вы разразитесь фельетоном по поводу французского министра.

Я почувствовал головокружение.

Вам, друг, объясняю, и Вы поймете: мыслимо ли написать хороший фельетон по поводу французского министра, если вам до этого министра нет никакого дела? Заметьте, вывод предreshен — вы должны этого министра выставить в смешном и нехорошем свете и обязательно обругать. Где министр, что министр? Фельетон политический можно хорошо написать лишь в том случае, если фельетонист сам искренне ненавидит этого министра. Азбука? Да?

Ну, давайте сочинять:

«Министр вошел в свой кабинет и позвонил...»

И стоп. Что дальше?

Ну, позвонил секретарю. А что он ему говорил?

Словом, в конце концов отступились от меня. Навизкат в твердой уверенности, что я мелкий контрреволюционный спец, полегоньку саботирующий. Июль в уверенности, что я глубоко несчастливый человек из богемы, лентяй, заблудшая овца. Ни один из них не был прав, но один был ближе к истине.

На радостях, что я навеки избавился от французских министров и рурских горняков, я украл в том месте 3 фельетона, дав 5 фельетонов. Стыжусь признаться, что в следующем я представил 4. Тут терпение Июля лопнуло, и он перевел меня на сдельную работу. Признаюсь, что это меня очень расстроило. Мне очень хотелось бы, чтоб государство платило мне жалованье, чтобы я ничего не делал, а лежал бы на полу у себя в комнате и сочинял бы роман. Но государство так не может делать, я это превосходно понимаю.

.....
.....

V

ОН НАПИСАН

.....
.....

В этот момент случилось что-то странное. В нижней квартире кто-то заиграл увертюру из «Фауста». Я был потрясен. Внизу было пианино, но давно уже никто на нем не играл. Мрачные звуки достигали ко мне. Я лежал на полу, почти уткнувшись лицом в стекло керосинки, и смотрел на ад. Отчаяние мое было полным, я размышлял

о своей ужасной жизни и знал, что сейчас она прервется наконец.

В голове возникли образы: к отчаянному Фаусту пришел Дьявол, ко мне же не придет никто. Позорный страх смерти кольнул меня еще раз, но я его стал побеждать таким способом: я представил себе, что меня ждет в случае, если я не решусь. Прежде всего, я вызвал перед глазами наш грязный коридор, гнусную уборную, представил себе крик замученного Шурки. Это очень помогло, и я, оскалив зубы, приложил ствол к виску. Еще раз испуг вызвало во мне прикосновение к коже холодного ствола.

«Никто не придет на помощь», — со злобой подумал я. Звуки глубокие и таинственные сочились сквозь пол. В дверь постучали в то время, когда мой малодушный палец осторожно придвинулся к собачке. Именно благодаря этому стуку я чуть не пустил действительно себе пулю в голову, потому что от неожиданности рука дрогнула и нажала собачку.

Но вездесущий Бог спас меня от греха. Автоматический пистолет был устроен без предохранителя. Для того чтобы выстрелить, нужно было не только нажать собачку, но сжать весь револьвер в руке так, чтобы сзади вдавился в ручку второй спуск. Один без другого не производил выстрела. Так вот, о втором я забыл.

Стук повторился.

Я торопливо сунул револьвер в карман, записку скомкал и спрятал и крикнул сурово:

— Войдите! Кто там?

VI

ПРИ ШПАГЕ Я!

Дверь отворилась беззвучно, и на пороге предстал Дьявол. Сын гибели, однако, преобразился. От обычного его наряда остался только черный бархатный берет, лихо надетый на ухо. Петушиного пера не было. Плаща не было, его заменила шуба на лисьем меху, и обыкновенные полосатые штаны облегли ноги, из которых одна была с копытом, упрятым в блестящую галошу.

Я, дрожа от страха, смотрел на гостя. Зубы мои стучали.

Багровый блик лег на лицо вошедшего снизу, и я понял, что черному пришло в голову явиться ко мне в виде слуги своего Рудольфа.

— Здравствуйте, — молвил Сатана изумленно и снял берет и галоши.

— Здравствуйте, — отозвался я, все еще замирая.

— Вы что ж это на полу лежите? — осведомился черт.

— Да керосинка... видите ли... — промямлил я.

— Гм! — сказал Вельзевул.

— Садитесь, прошу вас.

— Мерси. А лампу нельзя зажечь?

— Видите ли. Лампочка у меня перегорела, а сейчас уже поздно...

Дьявол ухмыльнулся, расстегнул портфель и вынул электрическую лампочку, запакрованную в серый цилиндр.

— Вы так и носите с собой лампочки?

Дьявол усмехнулся снисходительно.

— Чистое совпадение, — ответил он, — только что купил.

Я ввинтил лампу, и неприятный свет озарил комнату. Дрожь моя прекратилась, и я внезапно сказал:

— А знаете ли, я до вашего прихода за минуту... гм... слышите, «Фауста» играют?

— Слышу!

Помолчали.

— А я шел мимо, — сказал дьявол, — да, думаю, вот, думаю, загляну.

— Очень приятно. Не прикажете ли чаю?

От чая дьявол отказался.

Помолчали.

— Роман написали? — вдруг после паузы спросил черт.

Я вздрогнул.

— Откуда вы знаете?

— Бусин говорил.

— Гм... Я Бусину не читал. А кто этот Бусин?

— Один человек, — ответил дьявол и зевнул.

— Написал, это верно, — отозвался я, страдая.

— А дайте-ка посмотреть, — сказал, сучая, сатана, — благо у меня сейчас время свободное.

— Видите ли, Рудольф Рафаилович, он не переписан, а почерк у меня ужасающий. Понимаете ли, букву «а» я пишу как «о», поэтому выходит...

— Это часто бывает, — сказал Мефистофель, зевая, — я каждый почерк читаю. Привычка. У вас в каком ящике он? В этом?

— Я, знаете ли, раздумал представлять его куда-нибудь.

— Почему? — спросил, прищурившись, Рудольф.

— Его цензура не пропустит.

Дьявол усмехнулся обольстительно.

— Откуда вы знаете?

— Говорили мне.

— Кто?

— Рюмкин, Плаксин, Порсов...

— Порсов, это маленький такой?

— Да, блондин.

— Я ведь не с тем, чтобы печатать, — объяснил лукавый, — а просто из любопытства. Люблю изящную словесность.

— Право... он мне разонравился... — и я сам не помню, кто открыл ящик.

Дьявол снял шубу, повесил ее на гвоздик, надел пенсне, окончательно превратился в Рудольфа, взял первую тетрадь, и глаза его побежали по строкам. Это верно по тому, как он перелистывал страницы, я убедился, что ни один самый нелепый почерк не может остановить его. Он читал как печатное.

Прошло четыре часа. За эти четыре часа лукавый подкреплялся только один раз. Он съел кусок булки с колбасой и выпил стакан чаю. Когда стрелки на часах стали «на караул», ровно в двенадцать ночи, Рудольф прочитал последние слова про звезды и закрыл пятую и последнюю тетрадь. Моей попытке настал конец, а за время ее я перечитал 1-й том «Записок Пиквикского клуба». Я старался не глядеть Рудольфу в глаза, не выдавать себя трусливым и жалким взглядом. Но глаза мои бежали.

«Ему не понравилось. Он брезгливо опустил углы губ, — подумал я, — я — несчастливеец... И зачем я давал читать?»

— Это черновик, видите ли, я его не исправлял еще... «Фу, и голос какой противный...»

— Ваша мама умерла? — спросил Рудольф.

— Да, — ответил я изумленно.

— А когда?

— Моя матушка скончалась в позапрошлом году от тифа, к великому моему горю, — сурово сказал я.

Дьявол выразил на лице вежливое официальное сожаление.

— А скажите, пожалуйста, где вы учились?

— В церковноприходской школе, — ответил я провожно наобум. (Дело, видите ли, в том, что я тогда почему-то считал нужным скрывать свое образование. Мне было стыдно, что человек с таким образованием служит в газете, лежит перед керосинкой на полу и у него нет картин на стенах).

— Так, — сказал Рудольф, и глаза его сверкнули.

— Виноват, собственно, к чему эти вопросы?

— Графу Толстому подражаете, — заметил черт и хлопал пальцем по тетради.

— Какому именно Толстому, — осведомился я, раздраженный загадочностью вопросов Рудольфа, — Льву Николаевичу, Алексею Константиновичу или, может быть, еще более знаменитому Петру Андреевичу, заманившему царевича Алексея в ловушку?

— Однако! — молвил Рудольф и прибавил: — Да вы не сердитесь. А скажите, вы не монархист?

Как полагается всякому при таком вопросе, я поблел, как смерть.

— Помилуйте! — вскричал я.

Дьявол хитро прищурился, спросил:

— Скажите, вы сколько раз бреетесь в неделю?

— Семь раз, — ответил я, теряясь.

— Сидите у керосинки, — дьявол обвел глазами комнату, — один с кошкой и керосинкой, бреетесь каждый день... Кроме того, простите, еще один вопросик можно задать, каким образом вы достигаете того, что у вас подбор такой?

— Бриолином я смазываю голову, — ответил я хмуро, — но не всякий смазывающий голову бриолином так-таки обязательно монархист.

— О, я в ваши убеждения не вмешиваюсь, — отозвался дьявол. Потом помолчал, возвел глаза к закопченному потолку и процедил: — Бриолином голову...

Тут интонации его изменились. Сурово сверкнув стеклами пенсне, он сказал гробовым голосом:

— Роман вам никто не напечатает. Ни Римский, ни Агреев. А я вам не советую его даже носить никуда.

Дымчатый зверь вышел из-под стола, потерся о мою ногу.

«Как мы с тобой живем, кошка, как живем», — подумал я печально и поник.

— Есть только один человек на свете, который его может напечатать, — продолжал Рудольф, — и этот человек я!

Холод прошел под сердцем у меня, и я прислушался, но звуков «Фауста» более не слышал, дом уже спал.

— Я, — продолжал Рудольф, — напечатаю его в своем журнале и даже издам отдельной книгой. И даже я вам деньги заплачу хорошие.

Тут он назвал чудовищно-ничтожную сумму.

— Я вам даже сейчас дам вперед пятьдесят рублей.

Я молчал.

— Нижеследующая просьба, — заговорил он вновь, — нельзя ли ваш пробор размочить на неделю? И даже, вообще, я вам дружески советую, вы не носите его. И нельзя ли попросить вас не бриться эту неделю?

Я удивленно открыл рот.

— Завтра он будет перепечатан на машинке, — задумчиво сказал Рудольф.

— В нем 17 печатных листов! — испуганно отозвался я, — как он может быть перепечатан завтра?!

— Я, — железным голосом ответил дьявол, — завтра в 9 часов утра сдам его в бюро и посажу 12 машинисток, разниму его на 12 частей, и они перепишут его к вечеру.

Я понял, что мне не следует с ним спорить, я восхищенно лежал у его ног.

— Это обойдется целковых в полтораста, заметьте, на счет автора. Послезавтра утром я отвезу его в цензуру, а через три дня вы поедете со мною туда.

— Слушаю, — сказал я мертвым голосом.

— Там вы не будете произносить ни одного слова, и никаких проборов, — сурово сказал Рудольф.

Тут я опять произвел слабую попытку бунтовать.

— Разве я такой дурак, — забурчал я, — что мне нельзя и рта открыть? А если это так, то поезжайте один. Зачем я нужен?

— Вы нужны вот зачем, — ледяным голосом продолжал Рудольф, — он вздумает что-нибудь вычеркнуть. Что именно — мне неизвестно. Хотя кой о чем я догадываюсь. Так вот, вы изъявите полное свое согласие на все, что он ни скажет. И хорошо было бы даже, если бы вы сказали ему какой-нибудь комплимент. Вроде того, что вот, мол, как он здорово придумал и что вы, автор, находите, что с такими купюрами ваш роман стал лучше в два раза.

— До чего мне это не по вкусу, — забормотал я и вдруг произнес громовую филиппику по адресу цензуры. Продолжалась она пять минут. Рудольф, раскинувшись, сидел на дырявом диване и от удовольствия щурил глаза. Наконец я закрыл рот.

— Вы кончили?

— Кончил.

— Дитя! — сказал Рудольф и, вынув красный красивый шестигранный карандаш, вычеркнул из эпиграфа «Из Апокалипсиса».

— Это вы напрасно, — заметил я, заглядывая к нему через плечо, — ведь он, наверное, и так знает, откуда это?

— Ни черта он не знает, — угрюмо ответил Рудольф и тут же пробежал по всем пяти тетрадам и вычеркнул еще штук шесть фраз, каждый раз вежливо осведомляясь у меня: «Разрешите?»

Затем он вручил мне пять червонцев, а затем сам он в берете и мой роман провалился сквозь пол. Мне почудилось, что я видел клоч пламени, выскочивший из паркетной шашки, и долго еще пахло в комнате серой. Впрочем, может быть, это мне и показалось.

Уж давным-давно погасла оставленная мне в презент лампочка и кошка заснула на газетах, а я все стоял у стекла и смотрел во мрак. Мой дом плыл, как многоярусный корабль, распустив черные паруса. Над ним варилось дымное месиво.

Когда я заснул, мне приснились юнкера 18-го года. Они шли валом и свистели и пели дикую песню. Сны кошки мне неизвестны. Надо полагать, что она видела во сне собак, а, может быть, и людей. А это много страшнее¹.

VII

РАЗМЫТАЯ ФОТОГРАФИЯ

Что происходило в дальнейшем, Вам, бесценный друг, известно из ранее написанного: разорение человека с колосьями, кильки, и векселя, Рвацкий, чепуха.

Все остальное размыло в моей памяти начисто. Не помню ничего! Кажется, шел дождь. И еще знаю, что скука, одуряющая скука терзала меня. Она разливалась

¹ Здесь в тексте пропуск до конца страницы.

повсюду, она вошла в меня, и от нее гнила моя кровь. Помнится, видел я окурки и плевки на Страстной площади, каких-то баб с мокрыми подолами, Навзиката, нога у меня болела, и я, хромая, ходил в газету. И стал лохматый. Мимо! Мимо!!

VIII

ВЫХОД РОМАНА

И настал день, в который я все-таки дрогнул. Когда загорелись лампы и фонари и кубиковая мостовая залоснилась, я пошел в помещение Рвацкого. И вот вам доказательство того, как все размыло: не помню, весна ли это была, быть может, лето. Или февраль? Февраль? Не помню.

В помещении все изменилось. Ни килек не было, ни Рвацкого, но зато воздвигли какие-то фанерные перегородки, и в одной из клетушек восседал Рудольф под ослепительнейшей лампой, а перед ним в двух колоннах стояли свежевыпущенные книжки журнала. Синие их обложки выглядели нарядно. Рудольф сиял и встретил меня теплым рукопожатием.

Перед Рудольфом сидел молодой человек совершенно особого типа. Я нередко встречал их в различных редакциях. Приметы их следующие. Лет от 25 до 30. Никогда не больше и не меньше. Одет прилично. Пиджак, а иногда и визитка, правда, старенькая. Брючки непременно полосатые. Галстух непременно или длинный вишневого цвета, или бабочкой в клетку. Непременно с тростью, и трость с набалдашником из серебра. Непременно хорошо причесаны. Кто их родители? Чем они живут? Кто они такие — никто не знает. Сами они не пишут. На вопрос, как их фамилия, редакторы отвечают, шурясь:

— Фамилия? Пи... черт, забыл!

Они бывают в редакциях во все торжественные дни, в день выхода очередных книжек, в дни больших литературных скандалов, в дни закрытий журналов. Особая примета: любят шептаться с женщинами в редакциях, очень вежливы с ними и всех народных комиссаров называют дружески по имени и отчеству.

¹ Здесь в тексте пропуск до конца страницы

Так они не говорят:

— Народный комиссар такой-то.

Или:

— Т. такой-то...

А так:

— Вчера Анатолий Васильевич рассказывал нам, мы очень смеялись...

Из чего можно заключить, что они бывают у наркомов, что ли? Впрочем, не знаю.

Словом, он сидел уже тут.

Сел и я.

Рудольф немедленно обратился к незнакомцу и спросил его:

— Ну, как вы находите новый роман?

У меня дрогнуло сердце, я искоса глянул на руки молодому человеку. В них была книжка, раскрытая как раз на моем романе.

Молодой человек очень оживился и заговорил, картавя:

— Рудольф Максимыч! Не понимаю! Воля ваша! Что вас заставило напечатать его, решительно не понимаю. Во-первых, это вовсе не роман.

— А что же это? — спросил Рудольф, наслаждаясь моим лицом, глаза его пылали.

— Черт... не понимаю!.. Во всяком случае, с моей точки зрения, Рудольф Максимыч, это очень дурно, вы меня простите. Бездарно в полной мере! И, кроме того, здесь он пишет «петухи налетали». Петух не летает, Р[удольф] М[аксимыч]! Скажите это автору. Он бездарен, еще и неграмотен.

— А вы ему сами скажите, — ответил бандит Рудольф, — вот он. Познакомьтесь. Он утверждает, что кончил ц[ерковно]-п[риходскую] школу.

Я немедленно встал и, любезно оскалившись, протянул молодому человеку руку. Она была мертва и холодна. Он, бледный, закинулся на спинку стула и молчал все время, пока я получал у Рудольфа авторские экземпляры и вышел.

Но когда выходил, слышал тонкий вой:

— Рудольф Максимович!

И хохот весельчака Рудольфа.

Мой друг! Вам, наверное, приходилось читать такие сообщения:

«Французский писатель N. написал роман. Роман разошелся во Франции в течение месяца в количестве 600 тысяч экземпляров и переведен на немецкий, английский,

итальянский, шведский и датский языки. В течение месяца бывший скромный (или клерк, или офицер, или приказчик, или начальник станции) приобрел мировую известность».

Через некоторое время в ваши руки попадает измызганный номер французского или немецкого иллюстрированного журнала, и вы видите избранника судьбы. Он в белых брюках и синем пиджаке. Волосы его растрепаны, потому что с моря дует ветер. Рядом с ним в короткой юбке и шляпе некрасивая женщина с чудесными зубами. На руках у нее лохматая собачонка с острыми ушами. Видна бортовая сетка парохода и кусок шезлонга, за сеткой лохматые волны. Подпись показывает, что счастлив избранник, он уезжает в Америку с женой и собачкой.

Отравленный завистью, скрипнув зубами, швыряете вы журнал на стол, закуриваете, нестерпимый смрад поднимается от годами не чищенной пепельницы. Пахнет в редакции сапогами и почему-то карболкой. На вешалке висят мокрые пальто сотрудников. Осень, но один из сотрудников пришел в капитанской кепке с белым верхом, и она мокнет и гниет на гвоздике. За стеклами идет дождь. Он шел вчера, идет сегодня и будет идти завтра...

Не солгу вам, мой друг, мой роман не только не вышел в количестве шестисот тысяч, но он не вышел и вовсе. Что касается же тех двух третей романа, что были напечатаны в журнале Рудольфа, то они не были переведены на датский язык, и в Америку с собачкой на яхте я не ездил. Даже более того, он настолько не произвел никакого впечатления, что иногда мне начинало казаться, будто он вовсе не выходил. В течение месяцев двух я не встретил ни одной живой души, которая бы читала мой роман. Сам я зато перечитал напечатанное раз пятнадцать и пришел к выводу, что Рудольф ночью уволок у меня из комнаты черновики. Если бы над этими черновиками я просидел еще несколько месяцев, действительно можно было бы сделать приличный роман.

Итак, прошло два месяца. К концу второго месяца я, наконец, убедился, что люди, прочитавшие мое произведение искусства, на свете имеются.

В редакции встретил я развязного и выпившего поэта Вову Баргузина. Вова сказал:

— Читал, Мишенька, я ваш роман в журнале «Страна». Плохонький роман. Мишун, вы...¹

¹ На этом текст обрывается.

Был май. Прекрасный месяц май. Я шел по переулку, по тому самому, где помещается театр. Это был отличный, гладкий, любимый переулок, по которому непрерывно проезжали машины. Проезжая, они хлопали металлической крышкой, вделанной в асфальт. «Может быть, это канализационная крышка, а может быть, крышка водопроводная», — размышлял я. Эти машины отчаянно кричали разными голосами, и каждый раз, как они кричали, сердце падало и подгибались ноги.

«Вот когда-нибудь крикнет так машина, а я возьму и умру», — думал я, тыча концом палки в тротуар и боясь смерти.

«Надо ускорить шаг, свернуть во двор, пройти во внутрь театра. Там уже не страшны машины, и весьма возможно, что я не умру».

Но свернуть во двор мне не удалось. Я увидел его. Он стоял, прислонившись к стене театра и заложив ногу за ногу. Ноги эти были обуты в кроваво-рыжие туфли на пухлой подошве, над туфлями были толстые шерстяные чулки, а над чулками — шоколадного цвета пузырными штаны до колен. На нем не было пиджака. Вместо пиджака на нем была странная куртка, сделанная из замши, из которой некогда делали мужские кошельки. На груди — металлическая дорожка с пряжкой, а на голове — женский берет с коротким хвостиком.

Это был молодой человек ослепительной красоты, с длинными ресницами, бодрыми глазами. Перед ним стояли пять человек актеров, одна актриса и один режиссер. Они преграждали путь в ворота.

Я снял шляпу и низко поклонился молодому человеку. Он приветствовал меня странным образом. Именно: сцепил ладони обеих рук, поднял их кверху и как бы зазвонил в невидимый колокол. Он посмотрел на меня пронзительно, лихо улыбаясь необыкновенной красоты глазами. Я смутился и уронил палку.

— Как поживаете? — спросил меня молодой человек.

Я поживал хорошо, мешали мне только машины своим адским криком, я что-то мямлил и криво надел шляпу.

Тут на меня обратилось всеобщее внимание.

— А вы как поживаете? — спросил я, причем мне показалось, что у меня распух язык.

— Хорошо! — ответил молодой человек.

— Он только что приехал из-за границы, — тихо сказал мне режиссер.

— Я читал вашу пьесу, — заговорил молодой человек сурово.

«Надо было мне другим ходом, через двор, в театр пойти», — подумал я тоскливо.

— Читал, — повторил молодой человек звучно.

— И как же вы нашли, Полиевкт Эдуардович? — спросил режиссер, не спуская глаз с молодого человека.

— Хорошо, — отрывисто сказал Полиевкт Эдуардович, — хорошо. Третий акт надо переделать. Вторую картину из третьего акта надо выбросить, а первую перенести в четвертый акт. Тогда уж будет совсем хорошо.

— Пойдите-ка домой, да перенесите, — шепнул мне режиссер и беспокойно подмигнул.

— Ну-с, продолжаю, — заговорил Полиевкт Эдуардович. — И вот они врываются и арестовывают Ганса.

— Очень хорошо! Очень хорошо! — заметил режиссер. — Его надо арестовать, Ганса. Только не находите ли вы, что его лучше арестовать в предыдущей картине?

— Вздор! — ответил молодой человек. — Именно здесь его надо арестовать и нигде больше.

«Это заграничный рассказ, — подумал я. — Но только за что он так на Ганса озверел? Я хочу слушать заграничные рассказы, умру я или не умру».

Я потянулся к молодому человеку, стараясь не проронить ни слова. Душа моя раскисла, потом что-то дрогнуло в груди. Мне захотелось услышать про раскаленную Испанию. И чтоб сейчас заиграли на гитарах. Но ничего этого я не услышал. Молодой человек, терзая меня, продолжал рассказывать про несчастного Ганса. Мало того, что его арестовали, его еще и избили, в участке. Но и этого мало — его посадили в тюрьму. Мало и этого — бедная старуха — мать этого Ганса была выгнана с квартиры и ночевала на бульваре под дождем.

«Господи, какие мрачные вещи он рассказывает! И где он, на горе мое, встретился с этим Гансом за границей? И пройти в ворота нельзя, пока он не кончит про Ганса, потому что это невежливо — на самом интересном месте...»

Чем дальше в лес, тем больше дров. Ганса приговорили к каторжным работам, а мать его простудилась на бульваре и умерла. Мне хотелось нарзану, сердце замирало и падало, машины хлопали и рывкали. Выяснилось,

что на самом деле никакого Ганса не было, и молодой человек его не встречал, а просто он рассказывал третий акт своей пьесы. В четвертом акте мать перед смертью произнесла проклятие палачам, погубившим Ганса, и умерла. Мне показалось, что померкло солнце, я почувствовал себя несчастным.

Рядом оборванный человек играл на скрипке мазурку Венявского. Перед ним на тротуаре, в картузе, лежали медные пятаки. Несколько поодаль другой торговал жестяными мышами, и жестяные мыши на резинках проволоно бегали по досточке.

— Вещь замечательная! — сказал режиссер. — Ждем, ждем, ждем с нетерпением!

Тут дешевая маленькая машина подкатила к воротам и остановилась.

— Ну, мне пора, — сказал молодой человек. — Товарищ Ермолай, к Герцену.

Необыкновенно мрачный Ермолай за стеклами задержал какими-то рычагами. Молодой человек покачал колокол, скрылся в каретке и беззвучно улетел. Немедленно перед его лицом вспыхнул зеленый глаз и пропустил каретку Ермолая. И молодой человек въехал прямо в солнце и исчез.

И я снял шляпу, и поклонился ему вслед, и купил жестяную мышь для мальчика, и спасся от машин, войдя во дворе в маленькую дверь, и там опять увидел режиссера, и он сказал мне:

— Ох, слушайте его. Вы слушайте его. Вы переделайте третью картину. Она — нехорошая картина. Большие недоразумения могут получиться из-за этой картины. Бог с ней, с третьей картиной!

И исчез май. И потом был июнь, июль. А потом наступила осень. И все дожди поливали этот переулок, и, беспокоя сердце своим гулом, поворачивался круг на сцене, и ежедневно у умирал, и потом опять настал май.

Сентябрь 1929 г.

ЗОЙКИНА КВАРТИРА

Трагический фарс в трех актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Зойка.
Абольшянинов.
Аметистов.
Манюшка.
Портупея.
Гандзалин.
Херувим.
Алла.
Гусь.
Лизанька.
Марья Никифоровна.
Мадам Иванова.
Роббер.
Мертвое тело.
Закройщица.
Швея.
Первая дама.
Вторая дама.
Третья дама.
Первый неизвестный.
Второй неизвестный.
Третий неизвестный.
Четвертый неизвестный.

Действие происходит в Москве в 20-х годах XX столетия.

АКТ ПЕРВЫЙ

Видны передняя, гостиная и спальня в квартире Зон. В окнах пылает майский закат. За окнами двор громадного дома играет, как страшная музыкальная табакерка. Граммофон поет:

«На земле весь род людской . »

Кто-то кричит: «Покупаем примуса!»

Другой: «Точить ножи-ножницы!..»

Третий: «Самовары паяем!..»

Граммофон: «Чтит один кумир священный!..»

Изредка гудит трамвай. Редкие автомобильные сигналы. Адский концерт. Вот он несколько стихает, и гармоника играет веселую польку.

З о я (*переодеваясь у зеркального шкафа, напевает эту польку*). Пойдем, пойдем, ангел милый... Есть бумажка!.. Я достала... Есть бумажка...

М а н ю ш к а (*внезапно появившись*). Зоя Денисовна! Портупея к нам влез!

З о я (*шепотом*). Гони его, гони! Скажи, что меня дома нет!

М а н ю ш к а . Да он, проклятый, по черному ходу...

З о я . Выставь, выставь! Скажи, что я ушла. (*Прячется в зеркальный шкаф.*)

П о р т у п е я (*появился внезапно*). Зоя Денисовна, вы дома?

М а н ю ш к а . Да нету ее, я вам говорю, нету. И что это вы, товарищ Портупея, прямо в спальню к даме!

П о р т у п е я . При советской власти спален не полагаются. Может, и тебе еще отдельную спальню отвести? Когда она придет?

М а н ю ш к а . Откуда я знаю? Она мне не докладается.

П о р т у п е я . Небось к своему хахалю побежала?

М а н ю ш к а . Какие вы невоспитанные, товарищ Портупея. Про кого это вы говорите?

П о р т у п е я . Ты, Марья, дурака не валяй! Ваши дела нам хорошо известны. В домкоме все как на ладони, Домком — око недреманное. Мы одним глазом спим, а другим видим. На то и поставлены.

М а н ю ш к а . Шли бы вы отсюда, Анисим Зотикович, что это вы в спальню залезли?

П о р т у п е я . Ты видишь, что я с портфелем? С кем разговариваешь? Значит, я всюду могу проникнуть. Я

лицо должностное, неприкосновенное. *(Пытается обнять Манюшку.)*

Манюшка. Вот я вашей супруге скажу, она вам все должностное лицо в кровь издерет!

Портупея. Да постой ты, юла!

Зоя *(в шкафу)*. Портупея, вы — свинья!

Манюшка. Ах! *(Убегает.)*

Зоя *(выйдя из шкафа)*. Хорош председатель домкома! Очень хорош!

Портупея. Я думал, вас в самом деле нету. Что ж она врёт? И какая вы, Зоя Денисовна, хитрая...

Зоя. Неделикатный вы фрукт, Портупея! Гадости, во-первых, говорите. Что значит хахаль? Это про Павла Федоровича?

Портупея. Я человек простой, в университете не был.

Зоя. Жаль. Во-вторых, я не одета, а вы в спальне торчите. А в-третьих, меня дома нет.

Портупея. Как это нет? Довольно странно!

Зоя. Коротко — зачем я вам понадобилась? Опять уплотнение?

Портупея. Само собой. Вы — одна, а комнат шесть.

Зоя. Как одна? А Манюшка?

Портупея. Манюшка — прислуга, она при кухне шестнадцать аршин имеет.

Зоя. Манюшка!

Манюшка *(появилась)*. Что, Зоя Денисовна?

Зоя. Ты кто?

Манюшка. Ваша племянница, Зоя Денисовна.

Портупея. Как же ты Зою Денисовну называешь?

Манюшка. Ма тант.

Портупея. Ах, дрянь девка!

Зоя. Можешь идти, Манюшка.

Манюшка упорхнула.

Портупея. Так, Зоя Денисовна, нельзя. Что вы мне вола вертите! Манюшка племянница!.. Такая же она вам племянница, как я вам тетка!

Зоя. Портупея, вы грубиян!

Портупея. Первая комната тоже пустует!

Зоя. Простите, он в командировке.

Портупея. Да что вы мне рассказываете, Зоя Денисовна? Его в Москве вовсе нету! Скажем объективно,

подбросил вам бумажку из Фарфор-треста и смылся из Москвы! Мифическая личность! А мне из-за вас общее собрание такую овацию сделало, что я еле ноги унес!

Зоя. Чего же хочет эта шайка?

Портупея. Это вы про кого?

Зоя. А про общее собрание.

Портупея. Ну, знаете, Зоя Денисовна, будь другой кто на моем месте...

Зоя. В том-то и дело, что вы на своем месте, а не кто-нибудь другой.

Портупея. Постановили вас уплотнить, а половина орет, чтоб вовсе вас выселить!

Зоя. Выселить? *(Показывает шиш.)*

Портупея. Это как же понимать?

Зоя. Это как шиш понимаете.

Портупея. Ну, ладно! Вот чтоб мне сдохнуть, если я вам завтра рабочего не вселю! Посмотрим, как вы ему шиши крутить будете! Прощенья просим. *(Пошел.)*

Зоя. Портупея, дайте-ка справочку. Почему это у нас в доме жилтоварищества мсье Гусь-Багажный один занял в бельэтаже семь комнат?

Портупея. Извиняюсь, Гусь квартиру по контракту взял. Он нам весь дом отапливает.

Зоя. Простите за нескромный вопрос: сколько лично он вам дал, чтобы квартиру у Фирсова перебить?

Портупея. Зоя Денисовна, полегче, я лицо ответственное!

Зоя *(шепотом)*. Во внутреннем кармане жилетки у вас червонцы лежат. Серии Бэ-Эм, первый номер — 425900, проверьте.

Портупея расстегнулся, достал деньги, оторопел.

Але-гоп!

Портупея. Вы, Зоя Денисовна, с нечистой силой знаете, я давно уже это заметил.

Пауза.

Зоя. Итак, Манюшку и мифическую личность отстоять.

Портупея. Верьте совести, Зоя Денисовна, Манюшку — невозможно, весь дом знает, что прислуга.

Зоя. Ну, хорошо, верю. На одного человека самоуплотнюсь.

Портуея. А остальные-то комнаты как же?

Зоя (*вынув бумагу*). Натё.

Портуея (*читает*). «Сим разрешается гражданке Пельц открыть показательную пошивочную мастерскую и школу...» Ого-го! «...для шитья прозодежды для жен рабочих и служащих... дополнительная площадь...» Елки-палки! Это Гусь выправил документик?

Зоя. Ах, не все ли равно? Ну, вот что, уважаемый товарищ, копию этой штуки вашим бандитам, и — конечно, меня нет!

Портуея. Ну уж конечно, с такой бумажкой это проще ситуация!

Зоя. Кстати, дали мне сегодня у Мюра пятичервонную бумажку, а она фальшивая. Посмотрите, вы ведь спец по червонцам.

Портуея. Ах, язык! (*Смотрит*.) Хорошая бумажка.

Зоя. А я говорю, фальшивая. Возьмите эту гадость и выбросьте.

Портуея. Ладно, выбросим.

Зоя. Ну, дорогой мой, марш, мне надо одеваться.

Портуея (*пошел*). Только вы уж сегодня решите, кем самоуплотнитесь, я зайду попозже.

Зоя. Ладно.

Где-то заиграл рояль и голос запел. «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной...»

Портуея (*остановившись у двери, глухо и тоскливо*). Это что ж выходит, Гусь червонцы выдает, а номера записывает?

Зоя. А вы что думали?..

Портуея выходит печальный через гостиную в переднюю и в то же время появляется Абольянинов. Вид его ужасен.

Абольянинов. Зойка, можно? (*Бросает шляпу и трость*.)

Зоя. Павлик! Конечно, можно. Что, Павлик, опять?

Абольянинов. Я не могу бороться с собой... К китайцу пошлите, к китайцу... я умоляю...

Зоя. Ну, хорошо, хорошо... (*Кричит*.) Манюшка!

Манюшка появилась.

Павел Федорович нездоров, лети сейчас же к китайцу!

Тьма. Квартира Зои исчезает. Возникает мерзкая подвальная комната, освещенная керосиновой лампочкой. Белье на веревках. Гандзалин над горящей спиртовкой. Перед ним Херувим.

Гандзалин. Ты зулик китайский, бандит! Цусуцю украл, кокаин украл, где пропадал? Как верить тебе, кто?

Херувим. Мала-мала молци! Сама бандита есть!

Гандзалин. Уходи сейчас из працесной, ты вор!

Херувим. Сто? Гониси бедний китайси? Сто? Мне украли цесуцю на Светном бульвале, кокаин отбил банди, мала-мала меня убивал, смотли! *(Показывает шрам.)* Я тебе работал, а ты гониси! Сто кусать будет бедний китайси в Москве? Палахой товалищ! Убить тебе нада.

Гандзалин. Замалси! Ты если убивать будиси, тебе коммунистая полисия забелет! Ты узнайсь!

Пауза

Херувим. Сто? Помосники гонись? Я тебе на волотах повесусь!

Пауза.

Гандзалин. Ты красть, воровать будесь?

Херувим. Нет, нет!

Гандзалин. Кази, ий-богу.

Херувим. Ий-богу.

Гандзалин. Кази ий-богу исё.

Херувим. Ий-богу, Богу госсопади!

Гандзалин. Надивай халат, будиси работаты!

Херувим. Голодний, не ел два дня, дай хлепса.

Гандзалин. Бери хлепса на пецке.

Стук

Кто, кто, кто?

Манюшка *(за дверью)*. Открывай, Газолин, свои.

Гандзалин. А-а, Мануска. *(Открывает дверь.)*

Манюшка *(входит)*. Чего ж ты закрываешься? Хороша прачечная, не достучишься?

Гандзалин. А, Мануска, здрасти, здрасти!

Манюшка. Ну, Газолин, идем к нашим, Абольянинов опять заболел.

Гандзалин. Моя не мозет сицас ийти, я тебе дам лекалство.

Манюшка. Нет, уж ты сам пойдй, при них распусти, а то говорят, что ты у себя жидко делаешь.

Херувим. Сто? Молфий?

Гандзалин говорит что-то по-китайски. Херувим отвечает по-китайски.

Гандзалин. Мануска, он пойдет, сделант сто нада.

Манюшка. А он умеет?

Гандзалин. Умеит, не бойси. *(Достает из угла корбочку, дает ее Херувиму, говорит по-китайски.)*

Херувим. Сто ты усись меня? Идем, деуска.

Гандзалин *(Херувиму)*. Ты пирилицно sibя веди, пяти рубли приноси. Ты смотли!

Херувим. Сто муциси бедни китайси!

Манюшка. Что ты его бранишь? Он тихий, как херувимчик!

Гандзалин. Он херувимчик, бандит!

Манюшка. Ну, прощай, Газолин!

Гандзалин. До свидания, Мануска! А када за меня замус пойдесь?

Манюшка. Ишы! Разве я тебе обещала?

Гандзалин. А, Мануска! А кто говорил?

Манюшка. Ручку поцелуй даме, а в губы не лезь! Идем! *(Выходит с Херувимом.)*

Гандзалин. Хоросая деуска Мануска! Вкусная деуска Мануска! *(Напевает грустно по-китайски.)*

Гаснет лампочка и спиртовка. Тьма. Прачечная исчезает. Появляется спальня, гостиная и передняя Зои. В спальне — Абольянинов.

Херувим и Зоя. Херувим гасит спиртовку. Абольянинов застегивает манжетку, поправляет рукав, оживает.

Абольянинов *(Херувиму)*. Сколько тебе следует, любезный китаец?

Херувим. Семи рубли.

Зоя. Почему семь, а не пять? Разбойники!

Абольянинов. Пусть, Зоя, пусть! Он достойный китаец! *(Хлопает себя по карманам.)*

Зоя. Я заплачу, Павлик, погодите. *(Дает деньги Херувиму.)*

Херувим. Спасиб...

Абольянинов. Обратите, Зоя, внимание, как он улыбается! Совершенный херувим! Талантливый китаец!..

Херувим. Таланти мала-мала... *(Интимно.)* Хочись, я тебе каздый день пиноносить буду? Ты Гандзалин

не говори... Все имеем — молфий, спилт... Хочись, красивый рисовать будем? *(Открывает грудь, показывает татуировку — дракон, становится странен и страшен.)*

А больянинов. Поразительно! Зойка, посмотрите!

Зоя. Какой ужас! Ты сам это делал?

Херувим. Сама. В Санхае делал.

А больянинов. Слушай, мой Херувим, ты можешь к нам приходить каждый день? Я нездоров, мне нужно лечиться морфием. Ты будешь готовить раствор, идет?

Херувим. Идет.

Зоя. Павлик, осторожнее, может быть, это какой-нибудь бродяга?

А больянинов. Что вы, нет!.. У него на лице написано, что он добродетельный человек из Китая. Ты не партийный, послушай, китаец?

Херувим. Мы белье стираем.

Зоя. Белье? Ты приходи через час, я с тобой условлюсь, будешь гладить у меня для мастерской.

Херувим. Ладно...

Зоя. Манюшка, проводи китайца!

Манюшка *(появилась)*. Пожалте. *(Идет с Херувимом в переднюю.)*

Абольянинов открывает штору в спальне, и показывается вечер над Москвой. Первые огни. Шум — глуше. Голос начал: «Напоминают мне оне...» — и угас.

Херувим *(в передней)*. До свидани, Мануска, я через час приходить буду. Я, Мануска, каздый день приходить буду, я Абольяну на службу поступил.

Манюшка. На какую службу?

Херувим. Лекалство приносить буду Поцелуй меня, Мануска!

Манюшка. Обойдется, пожалте... *(Открывает дверь.)*

Херувим *(таинственно)*. Я када богатый буду, ты миня целовать будиси. Богатый, красивый...

Манюшка. Иди, иди с Богом...

Херувим уходит.

Манюшка. До чего оригинальный!

Абольянинов *(у окна в спальне)*. «Напоминают мне оне...»

Зоя. Павлик, я достала бумагу. *(Пауза.)* Граф, что же вы не отвечаете даме?

Абольянинов. Простите, задумался. Пожалуйста, не называйте меня графом.

Зоя. Почему?

Абольянинов. Сегодня приходит какой-то в охотничьих сапогах, говорит: «Вы — бывший граф»...

Зоя. Ну?

Абольянинов. Бросил окурок на ковер... Я поехал к вам, еду в трамвае мимо зоологического и вижу надпись: «Демонстрируется бывшая курица». Спрашиваю у сторожа: а кто она теперь? Он отвечает: «Теперь она петух». Ничего не понимаю...

Зоя. Ах, Павлик, Павлик... *(Пауза.)* Ну, Павлик, отвечайте решительно, согласны ли вы на *(шепотом)* предложение?

Абольянинов. Мне все равно теперь... согласен. Я не могу больше видеть бывших кур! Вон отсюда какой угодно ценой!

Зоя. О, да, вы таеете здесь! Я увезу вас в Париж! К Рождеству мы будем иметь миллион франков, я вам ручаюсь!

Абольянинов. Но как же нам удастся выбраться?

Зоя. Гусь поможет!

Абольянинов. Бывший Гусь!.. Он представляется мне всемогущим!.. У меня жажда, Зоя. Нет ли у вас пива?

Зоя. Манюшка!

Манюшка появилась.

Купи пива!

Манюшка. Сейчас я принесу. *(Упорхнула в столовую, оттуда в переднюю, там накинула на себя платок и вышла, забыв закрыть за собой дверь.)*

Абольянинов. А мне вдруг стало страшно... Вы не боитесь, что нас накроют?

Зоя. Умно будем действовать — не накроют. Пойдем-ка, Павлик, к мифической личности, я не хочу здесь разговаривать, окно открыто. *(Уходит с Абольяниновым через гостиную в дверь и закрывает ее за собой.)*

Глухо послышались за этой дверью голоса Абольянинова и Зои. Где-то во дворе глупый и тонкий голос запел: «Вечер был, сверкали звезды, на дворе мороз трещал. Шел по улице...»

Аметистов (*входит в переднюю*). «...малютка... (*Печально.*) Посинел и весь дрожал!» (*Ставит измызганный чемодан на пол, оглядывается Аметистов в рваных штанах, в засаленном френче, в кепке, с каким-то медальоном на груди*). Фу, черт тебя возьми! Отхлопать с Курского вокзала четыре версты с чемоданом — тоже номер, я вам доложу! Сейчас пива следовало бы выпить! Эх, судьба ты моя горемычная, затащила ты меня опять в пятый этаж! Что-то ты мне тут дашь? (*Заглядывает в дверь на кухню.*) Эй, товарищ, кто тут есть? Зоя Денисовна дома? Гм... (*Заглядывает в гостиную, слышит голоса Зои и Абольянинова, подкрадывается поближе, подслушивает.*) О-го-го! Вовремя попал!

Манюшка (*с пивными бутылками входит в переднюю*). Батюшки! Дверь-то я не закрыла!

Аметистов возвращается в переднюю.

Кто это? Вам что?

Аметистов. Пардон, пардон, не волнуйтесь, товарищ! Пиво? Чрезвычайно вовремя! С Курского вокзала мечтаю о пиве!

Манюшка. Да кого вам?

Аметистов. Зою Денисовну. А с кем имею удовольствие разговаривать?

Манюшка. Я племянница Зои Денисовны.

Аметистов. Очень приятно, очень. Я и не подозревал, что у Зоечки такая хорошенькая племянница. Кузен Зои Денисовны. (*Целует Манюшке руку.*)

Манюшка (*оторопевши*). Зоя Денисовна! Зоя Денисовна! (*Вбегает в гостиную.*)

Аметистов вбегает за Манюшкой в гостиную с чемоданом. На крик Манюшки входят в гостиную Зоя и Абольянинов.

Аметистов. Дорогая кузиночка, же ву салю!

Зоя окаменела.

Познакомьте же меня, кузиночка, с гражданином...

Зоя. Ты... ты... вы... Павел Федорович, это мой кузен Аметистов...

Аметистов. Пардон, пардон... (*Абольянинову.*) Путинковский, беспартийный, бывший дворянин.

Абольянинов (*поражен*). Очень рад...

Аметистов. Кузиночка, позвольте вас попросить на два слова а парт!

Зоя. Павлик, извините, мне нужно перемолвиться двумя словами с Александром Тарасовичем...

Аметистов. Пардон, пардон, Василием Ивановичем... Прошел ничтожный срок, и вы забыли даже мое имя и отчество, кузиночка! Мне это горько, ай-ай-ай...

А больянинов. Пожалуйста, пожалуйста... *(Скрывается.)*

Зоя. Манюшка, иди налей пива Павлу Федоровичу.

Манюшка скрывается Пауза.

Тебя же расстреляли в Баку?

Аметистов. Пардон, пардон, так что же из этого? Если меня расстреляли в Баку, я, значит, и в Москву не могу приехать? Меня по ошибке расстреляли, совершенно невинно...

Зоя. У меня голова закружилась...

Аметистов. От радости?

Зоя. Ничего не понимаю...

Аметистов. Ну, натурально, под майскую амнистию подлетел... Кстати, что это у тебя за племянница?

Зоя. Какая там племянница, это моя горничная, Манюшка.

Аметистов. Тэк-с, понимаем, в целях сохранения жилплощади... *(Зычно.)* Манюшка!

Манюшка повилась растерянная.

Милая, приволоки мне пивца, умираю! Какая же ты племянница, шут тебя возьми!

Пораженная Манюшка уходит

А я ей руку поцеловал! Позор, позор!..

Зоя. Где ты собираешься остановиться? Имей в виду, что в Москве жилищный кризис.

Аметистов. Я знаю. Натурально, у тебя.

Зоя. А если я скажу, что не могу тебя принять?

Аметистов. Ах вот как? Хамишь? Ну что же, хами, хами! Гонись двоюродного брата, пешком першого с Курского вокзала? Сироту! Гони, гони! Что же, я уйду... *(Берет чемодан.)* И даже пива пить не стану... Только вы пожалеете об этом, дорогая кузина...

Зоя. Ах, ты хочешь испугать? Ну нет, это не пройдет!

Аметистов. Зачем пугать? Я человек порядочный, джентльмен! (*Шепотом.*) И будь я не я, если я не пойду в ГПУ и не донесу о том, какую мастерскую ты организуешь в своей квартире. Я, дорогая Зоя Денисовна, все слышал! (*Пошел.*)

Зоя. Стой! Как ты вошел без звонка?

Аметистов. Ла порт этэ уверт... Я даже тебя не облобызал, кузиночка...

Зоя (*отталкивая его*). Судьба, это ты!

Манюшка входит, вносит бутылку пива и стакан

Манюшка, ты дверь не заперла? Ах, Манюшка!.. Ну ничего, иди, извинись перед Павлом Федоровичем...

Манюшка уходит

Аметистов (*пьет пиво*). Фу, хорошо!.. Первокласное пиво в Москве! Квартирку-то ты сохранила, я вижу. Молодец, Зоя!

Зоя. Судьба!.. Видно, придется мне еще нести мой крест!

Аметистов. Ты хочешь, чтобы я обиделся и ушел?

Зоя. Нет! Что ты хочешь прежде всего?

Аметистов. Прежде всего — брюки.

Зоя. Неужели у тебя штанов нет? А чемодан?

Аметистов. В чемодане — шесть колод карт и «Существуют ли чудеса?». Спасибо этим чудесам, кабы не они, я бы с голоду издох! Шутка ли сказать, в товарно-пассажирском поезде от Баку до Москвы!.. Понимаешь ли, захватил в Баку в культотделе на память сто брошюрок «Существуют ли чудеса?», продавал их по рублю в поезде... Существуют, Зочка, вот я тут!.. Чудное пиво! Товарищ, купите брошюрку!..

Зоя. Карты крапленые?

Аметистов. За кого вы меня принимаете, мадам?

Зоя. Брось, Аметистов! Где ты шатался семь лет?

Аметистов. Эх, кузина! В девятнадцатом году в Чернигове я отделом искусств заведовал...

Зоя расхохоталась.

Белые пришли... Мне, значит, красные дали денег на эвакуацию в Москву, а я, стало быть, эвакуировался к белым в Ростов, поступил к ним на службу... Красные

немного погода... Я, значит, у белых получил на эвакуацию и к красным, поступил заведующим агитационной труппой. Белые! Мне красные — на эвакуацию, я к белым в Крым. Тут я просто администратором служил в ресторанчике в Севастополе... Напоролся на одну компанию, взяли у меня триста тысяч в один вечер в железку...

Зоя. У тебя? Ну, это, значит, высокие специалисты были!

Аметистов. Темные арапы, говорю тебе, темные!.. Ну, а потом, понятно, после белых красные, и пошел я нырять при советском строе. В Ставрополе актером, в Новочеркасске музыкантом в пожарной команде, в Воронеже отделом снабжения заведовал... Наконец убедился, нет у меня никакого карьерного хода, и решил тогда по партийной линии двинуться... Дай, думаю, я этот бюрократизм изживу, стажи эти всякие... И скончался у меня в комнате приятель мой, Чемоданов Карл Петрович, светлая личность, партийный...

Зоя. В Воронеже?

Аметистов. Нет, это дело уже в Одессе было. Я думаю, какой ущерб для партии? Один умер, а другой на его место сейчас же становится в ряды. Порыдал над покойником, взял его партбилет — и в Баку. Думаю, место тихое, шмэндефер можно развернуть, являюсь, так и так, Чемоданов. И, стало быть, открывается дверь, и приятель Чемоданова — шась... Табло! У него — девятка, у меня — жир... Я к окнам, окна на втором этаже...

Зоя. Здорово!

Аметистов. Ну, не везло, что ты скажешь!.. На суде я заключительное слово сказал, веришь ли, не только интеллигентная публика, профессора, но конвойные и те рыдали! Ну расстреляли меня... Ну что же делать? Надо ехать в Москву! Эй, Зойка, очерствела ты в своей квартире! Оторвалась от масс!

Зоя. Ну ладно! Ты все слышал?

Аметистов. Повезло, Зочка.

Зоя. Я тебя оставляю.

Аметистов. Зочка!

Зоя. Молчи! Я дам тебе место администратора в предприятии, но смотри, Аметистов, смотри, если ты выкинешь какой-нибудь фокус, всем рискну, но я тебя угроблю! Берегись, Аметистов, ты слишком много о себе рассказал!

Аметистов. Итак, я грустную повесть скитальца доверил змее! Мон дье!

Зоя. Молчи, болван. Где колье? Которое ты перед самым отъездом взялся продать?

Аметистов. Колье? Постой, постой... Это с маленькими бриллиантами?

Зоя. Сволочь ты, сволочь!..

Аметистов. Мерси, мерси! Видали, как Зочка родственников принимает!

Зоя. Документы есть?

Аметистов. Документов у меня полный карман, весь вопрос в том, какой из этих документов, так сказать, свежее... *(Вынимает бумажки.)* Карл Чемоданов — об этом речи быть не может! Сигурадзе Антон... Нет, это нехороший.

Зоя. Это ужас, честное слово! Ты же — Путинковский!

Аметистов. Нет, Зочка, я спутал, Путинковский в Москве — это отпадает. Пожалуй, лучше всего моя собственная фамилия. Я думаю, меня уже забыли за восемь лет в Москве. На, прописывай Аметистова! Постой, тут по воинской повинности у меня еще грыжа была... *(Достаёт бумажку.)*

Зоя *(вынимает из шкафа великолепные брюки)*. Надевай штаны.

Аметистов. Бог благословит твое доброе сердечко! Сестренка, отвернись!

Зоя. Очень ты мне нужен! Штаны потрудись вернуть, это Павла Федоровича.

Аметистов. Морганатический супруг?

Зоя. Держать себя с ним вежливо, это мой муж!

Аметистов. Фамилия ему как?

Зоя. Абольянинов.

Аметистов. Граф? У-у!.. Поздравляю тебя, сестра! Впрочем, у него ни черта, наверное, больше не осталось! Судя по физиономии, контрреволюционер... *(Выходит из-за ширм, любуется штанами, которые на нем надеты.)* Гуманные штанишки! В таких брюках сразу чувствуешь себя на платформе...

Зоя. Сам выпутывайся с фамилией... В нелепое положение ставишь... Павлик!

Абольянинов входит.

Простите, Павлик, говорили по делу.

Аметистов. Увлеклись воспоминаниями детства... Ведь мы росли с Зоечкой. Я сейчас прямо рыдал... Смотрите на брюки? Пардон, пардон, обокрали в дороге... Свистнули в Таганроге второй чемодан, прямо гротеск! Я думаю, вы не будете в претензии? Между дворянами на это нечего смотреть...

Абольянинов. Пожалуйста, пожалуйста, я очень рад...

Зоя. Вот, Павлик, Александр Тарасович будет у нас работать администратором. Вы ничего не имеете против?

Абольянинов. Помилуйте, я очень рад... Если вы рекомендуете Василия Ивановича...

Аметистов. Пардон, пардон, Александра Тарасовича... Вы удивлены? Это мое сценическое имя, отчество и фамилия, по сцене — Василий Иванович Путинковский, а в жизни — Александр Тарасович Аметистов. Известная фамилия, многие представители ее расстреляны большевиками... Тут целый роман! Вы будете рыдать, когда я вам расскажу...

Абольянинов. Очень приятно. Вы откуда изволили приехать?

Аметистов. Я? Откуда я приехал, вы спрашиваете? Из Саратова в данный момент приехал. Тут целый роман, вы будете рыдать...

Абольянинов. Вы беспартийный, разрешите спросить?

Аметистов. Кель кестьон? Что вы?

Абольянинов. А у вас на груди был... такой... Впрочем, мне это только показалось...

Аметистов. Ах, нет, нет, это для дороги. Знаете, в поезде очень помогает, плацкарту вне очереди взять, то, другое...

Манюшка *(появилась)*. Портупея пришел.

Зоя. Зови его сюда. *(Аметистову.)* Имей в виду, председатель домкома.

Портупея. Добрый вечер, Зоя Денисовна. Здравствуйте, гражданин Абольянинов. Ну, что, надумали, Зоя Денисовна?

Зоя. Да. Вот документы. Пропишите Александра Тарасовича Аметистова, он только что приехал. Будет администратором мастерской.

Портупея. Ага. Послужить, стало быть, думаете?

Аметистов. Как же, как же... Стаканчик пива, уважаемый товарищ!

Портупая. Мерси, не откажусь. Жарко, знаете, а тут все на ногах да на ногах...

Аметистов. Да, погода, погода, как говорится... Громадный у вас дом, товарищ дорогой, такой громадный!..

Портупая. И не говорите, прямо мученье! А по воинской повинности грыжа у вас?

Аметистов. Точно так. Вот она. *(Подает бумажку.)* Вы партийный, товарищ?

Портупая. Сочувствующий я.

Аметистов. А, очень приятно! *(Надевает свой значок.)* Я сам бывший партийный. *(Тихо, Абольянинову.)* Деван ле жан... Хитрость...

Портупая. Отчего же вышли?

Аметистов. Мелкие фракционные трения... Я не согласен со многим... Глянул кругом, вижу — нет, не выходит! Я тогда прямо и говорю в глаза...

Портупая. Прямо в глаза?

Аметистов. А мне что терять, кроме цепей? Я одно время громадную роль играл... Нет, говорю, это не дело! Уклонились мы — раз! Утратили чистоту линии — два! Расстреляли заветы! Ах, так? — говорят. Так мы, говорят, тебя!.. Горячий народ! Ваше здоровье!

Абольянинов. Он гениален, клянусь!

Зоя *(тихо)*. Ах, мерзавец! Ну, довольно политики! Итак, товарищ Портупая, с завтрашнего дня я начинаю дело.

Аметистов. Итак, мы начинаем! За успех мастерской и за здоровье ее заведующей Зои Денисовны, товарища Пельц! Ура! *(Пьет пиво.)* А теперь здоровье нашего уважаемого председателя домкома и сочувствующего... *(Тихо.)* Как его звать-то?

Зоя *(тихо)*. Анисим Зотикович Портупая.

Аметистов. Да, я и говорю: Анисима Зотиковича Портупен, ура!

Во дворе забренчало пианино, мальчишки запели: «Многая лета...»

Совершенно верно! Многая лета! Многая лета!

АКТ ВТОРОЙ

Гостиная в квартире Зои превращена в мастерскую. Манекены с кукольными лицами, волны материй. Швей трещит на машинке. Закройщица с сантиметром на плече. Три дамы.

Первая дама. Ах, нет, милая... весь угол нужно вынуть, вынуть, а то ужасное впечатление, как будто у меня не хватает двух ребер. Ради Бога, выньте, выньте!..

Закройщица. Хорошо.

Вторая дама (*трещит третьей*). ...И вообразите, говорит — прежде всего, мадам, вам нужно остричься. Я моментально, конечно, бегу на Кузнецкий, к Жану, остриглась, бегу к ней, она надевает на меня спартри, и, представьте, у меня физиономия моментально становится как котел!

Третья дама. Хи-хи-хи...

Вторая дама. Ах, миленькая, вам смешно!

Первая дама. Фалдит, дорогая, фалдит...

Закройщица. Что вы, мадам!

Вторая дама. И какая наглость! — это, говорит, оттого, что у вас широкие скулы!

Послышался звонок.

Аметистов (*пробега*я). Пардон, пардон, я не смотрю...

Вторая дама. Мсье Аметистов, скажите, как, по-вашему, у меня широкие скулы?

Аметистов. У вас? Кеске ву дит, мадам? У вас совсем нет скул! (*Скрывается*.)

Первая дама. Кто это такой?

Закройщица. Главный администратор школы.

Первая дама. Шикарно поставлено дело!

Аметистов (*возвращаясь*). Пардон, пардон, я не смотрю... Манто ваше очаровательно!

Первая дама. Какое там очаровательное! Неужели у меня такой зад?

Аметистов. Совершенно правильный зад, мадам! (*Звонок. В сторону.*) Ах, чтоб тебе сдохнуть! Пардон, пардон... (*Улетает.*)

Первая дама (*снимая манто*). Что же, к пятнице?

Закройщица. Невозможно, мадам, Варвара Николаевна не поспеет.

Первая дама. Ах, это ужасно! А к субботе?
Закройщица. К среде, мадам.
Первая дама. До свидания. (*Уходит.*)
Швея (*подает сверток Второй даме*). Прошу.
Вторая дама. Благодарю вас.
Аметистов (*влетая*). Оревуар, мадам. (*Звонок. В сторону.*) Да что это такое? Пардон, пардон... (*Улетает.*)

Вторая дама уходит

Швея (*заворачивает сверток в бумагу, подает Третьей даме*). Вот ваш бант, мадам.

Третья дама. Мерси. (*Уходит.*)

Закройщица (*в изнеможении садится*). Ффу!..

Аметистов (*влетает*). Ну, дорогие товарищи, закрывайте лавочку! Довольно!

Швея и Закройщица собираются уходить.

Отдыхайте, товарищи, согласно кодексу труда... съездите на Воробьевы горы, золотая осень, листья...

Швея. Какие тут листья, Александр Тарасович!.. Только бы до постели добраться!

Аметистов. Ах, как я вас понимаю! Сам мечтаю только об одном — как бы лечь. Почитаю что-нибудь на ночь по истории материалистической философии и засну. Не надо убирать, товарищи! Товарищ Манюша все сделает.

Швея и Закройщица уходят.

Замучили, окаянные! В глазах одни зады и банты! (*Достает бутылку коньяку и рюмку, выпивает.*) Фу-ты, черт их возьми!

Входит Зоя

Ну, Зочка, дорогая директриса, вот чего: Аллу Вадимовну даешь в срочном порядке?

Зоя. Не пойдет.

Аметистов. Пардон, пардон... ты меня слушай. Сколько она тебе задолжала?

Зоя. Две тысячи.

Аметистов. Вот и козырек.

Зоя. Заплатит.

Аметистов. Не заплатит, я тебе говорю, у нее глаза некредитоспособные. По глазам всегда видно, есть ли у человека деньги или нет. Я по себе сужу, когда я пустой, я задумчив, одолевают мысли, на социализм тянет... Говорю тебе, баба задумывается, деньги нужны ей до зарезу, а денег нет! Ты подумай, экземпляр какой, украшение квартиры. Слушай Аметистова, Аметистов большой человек!

Звонок

Еще кого-то черт несет!

Манюшка *(входит)*. Алла Вадимовна спрашивает, можно к вам?

Аметистов. Во! Жми ее, жми!

Зоя. Ладно, не суетись. *(Манюшке.)* Проси сюда.

Алла *(входит)*. Здравствуйте, Зоя Денисовна.

Зоя. Очень рада, Алла Вадимовна.

Аметистов. Целую ручку, обожаемая Алла Вадимовна! Алла Вадимовна, если вы увидите те модели, которые мы получили сегодня из Парижа, вы выбросите ваше платье за окно! Даю вам слово бывшего кирасира!

Алла. Вы были кирасиром?

Аметистов. Меэ'уй. Лечу, покидаю вас! *(Исчезает, подмигнув Зое.)*

Алла. Превосходный у вас администратор, Зоя Денисовна. Скажите, он действительно бывший кирасир?

Зоя. Не могу вам, к сожалению, сказать точно. Садитесь, Алла Вадимовна.

Алла. Зоя Денисовна, я к вам по важному делу...

Зоя. Слушаю вас.

Алла. Ах, как неприятно... Я должна была сегодня вам заплатить... Мне очень совестно, Зоя Денисовна, но я... мои финансы в последнее время очень плохи... Я принуждена просить вас ждать... *(Пауза.)* Вы меня убиваете вашим молчанием, Зоя Денисовна.

Зоя. Что же я могу сказать, Алла Вадимовна?

Пауза.

Алла. До свиданья, Зоя Денисовна, вы правы, конечно... Ну что же, я употреблю все усилия, чтобы достать деньги, и расплачусь... До свиданья, Зоя Денисовна.

Зоя. Всего хорошего, Алла Вадимовна.

Так плохи дела?

Алла. Зоя Денисовна, я вам должна, но это не дает права говорить со мной таким тоном!

Зоя. Э, нет, Аллочка, так нельзя! Именно все дело в тоне! Мало ли кто кому должен. Если бы вы пришли ко мне попросту и сказали — дела мои паршивы, мы бы вместе подумали, как выпутаться... Но вы вошли ко мне как статуя... Я, мол, светская дама, а ты портниха... Ну, а раз так, так что же с портнихи спрашивать?

Алла. Зоя Денисовна, это вам показалось, честное слово. Просто я настолько была подавлена своим долгом, что не знала, как вам смотреть в глаза.

Зоя. Да довольно об этом долге! Итак, денег нет? Отвечайте просто и по-дружески: сколько надо?

Алла. Много надо. Даже под ложечкой холодно — так много.

Зоя. А зачем?

Пауза.

Алла. Я хочу уехать за границу.

Зоя. Понятно. Значит, здесь ни черта не выходит?

Алла. Ни черта.

Зоя. Ну, а он!.. Я не хочу знать, кто он, мне его имя не нужно... Ну, словом, разве у него нет денег, чтобы прилично устроить вас здесь?

Алла. С тех пор как умер мой муж, у меня никого нет, Зоя Денисовна.

Зоя. Ой!

Алла. Правда.

Зоя. Вам не удалось уехать тогда, три месяца назад?

Алла. Не удалось.

Зоя. Я берусь вам устроить это.

Алла. Зоя, если вы это сделаете, вы обяжете меня на всю жизнь!

Зоя. Не волнуйтесь, товарищ. А деньги, если хотите, я вам дам возможность заработать, вы расплатитесь с долгами.

Алла. Зочка, в Москве у меня нет возможности заработать. То есть сколько-нибудь приличным трудом, я понимаю.

Зоя. Почему же? В мастерской — приличный труд. Поступайте ко мне манекенщицей, я вас приглашаю.

Алла. Зюечка, но ведь за это платят гроши!

Зоя. Гроши! Ну, это понятие растяжимое... Я предлагаю вам тысячу рублей в месяц жалованья, аннулирую ваш долг и, кроме того, помогу выехать. Заняты только вечером, через день. Ну?

Пауза.

Алла. Через день?.. Вечером?.. *(Поняла)* Это штука!

Зоя. До Рождества только четыре месяца. Через четыре месяца вы свободны, долги уплачены, и никто, слышите, никто никогда не узнает, как Алла работала манекенщицей. Весной вы увидите Большие Бульвары!

Где-то за окнами голос под рояль запел глухо: «Покинем край, где мы так страдали...»

(Шепотом.) В Париже любимый человек?..

Алла. Да...

Зоя. Весной под руку с ним, и он никогда не будет знать... не будет знать...

Алла. Вот так мастерская! Вот так мастерская! Занята только вечером... Знаете, кто вы, Зойка? Вы — черт! Но никому, никогда?

Зоя. Клянусь. *(Пауза.)* Ну, как в воду, сразу вниз головой? Алла...

Алла. Согласна. Через три дня я приду.

Зоя. Гоп! *(Распахивает шкаф, в нем вспыхивает ослепляющий свет, в котором загораются парижские туалеты.)* Выбирайте — мой подарок, любое!

Тьма Зоя и Алла исчезают в ней. Потом возникает горящая лампа.

Наступил вечер. У лампы Аметистов и Зоя.

Аметистов. Видала, что значит Александр Аметистов? Я же говорил!

Зоя. Ты не глуп, Александр Аметистов.

Аметистов. Зюечка, помни, что половина твоего богатства сделана моими ручонками! Ты не покинешь своего кузена? Возьмешь меня с собой, а? Ах, Ницца, Ницца, когда я тебя вижу? Лазурное море, и я на берегу его в белых брюках!

Зоя. Об одном я тебя прошу, не говори ты по-французски! По крайней мере при Алле не говори. Ведь она на тебя глаза таращит.

Аметистов. Что это значит? Я плохо, может быть, говорю?

Зоя. Ты не плохо говоришь, ты кошмарно говоришь.

Аметистов. Это нахальство, Зоя, пароль донер! Я с десяти лет играю в шмэндефер, и на тебе, плохо говорю по-французски.

Зоя. И еще, зачем ты врешь поминутно? Ну какой ты, какой ты, к черту, кирасир? И кому это нужно?

Аметистов. Нету у тебя большего удовольствия, чем какую-нибудь пакость сказать человеку! Будь моя власть, я бы тебя за один характер отправил в Нарым!

Зоя. Перестань болтать! Не забудь, сейчас Гусь придет. Я иду переодеваться. *(Уходит.)*

Аметистов. Гусь? Что же ты молчишь? *(Впадает в панику.)* Гусь! Гусь! Господа, Гусь! И где это ласточкино гнездо, небесная империя?! Племянница Манюшка!

Манюшка *(является)*. Вот она я.

Аметистов. Мне интересно, чего же ты там торчишь! Я, что ли, один все буду двигать?

Манюшка. Я посуду мыла.

Аметистов. Успеешь с посудой, помогай!

Начинают прибирать квартиру, зажигать огни. Входит
Абольянинов. Он во фраке.

Абольянинов. Добрый вечер.

Аметистов. Маэстро, мое почтение.

Абольянинов. Простите, я давно хотел просить вас, называйте меня по имени и отчеству.

Аметистов. Чего же вы обиделись, вот чудак какой! Между людьми одного круга... Да и что плохого в слове «маэстро»?

Абольянинов. Просто это непривычное обращение режет мне ухо, вроде слова «товарищ».

Аметистов. Пардон, пардон, это большая разница. Кстати о разнице, нет ли у вас папироски?

Абольянинов. Прошу вас.

Аметистов. Мерси боку. *(Оглядев квартиру.)* Вуаля! Ведь это рай! Граф, да вы развеселитесь! Что вы сидите, как квашня!

Абольянинов. А что это такое — квашня?

Аметистов. Ну, с вами не разговоришься! Как квартирку-то вы находите?

Абольянинов. Очень уютно. Отдаленно напоминает мою прежнюю квартиру...

Аметистов. Хороша была?

Абольянинов. Очень хороша, только у меня ее отобрали...

Аметистов. Да неужели?

Абольянинов. Пришли какие-то с рыжими бородами и выкинули меня...

Аметистов. Кто бы мог подумать!.. Скажите.. Это печальная история...

Зоя (*входит*). Павлик! Здравствуйте, дорогой! Идемте ко мне! (*Уходит вместе с Абольяниновым.*)

Условный звонок — три долгих, два коротких.

Аметистов. Вот он, черт его возьми!

Манюшка убегает. Через некоторое время входит Херувим.

Где ты пропадал?

Херувим. Я мала-мала юбки гладил.

Аметистов. Ну тебя к лешему с твоими юбками! Кокаину принес?

Херувим. Да.

Аметистов. Давай, давай! Слушай ты, Сам-Пью-Чай, смотри мне в глаза!

Херувим. Смотрю тебе в галаза...

Аметистов. Отвечай по совести, аспирину подсыпал?

Херувим. Ниэт... ниэт...

Аметистов. Ох, знаю я тебя, бандит ты! Но если только подсыпал, Бог тебя накажет!

Херувим. Мала-мала наказит!

Аметистов. Да не мала-мала, а он тебя на месте пришибет! Стукнет по затылку, и нет китайца! Не сыпь аспирину в кокаин... Нет, хороший кокаин.

Херувим надевает китайскую кофту и шапочку.

Совершенно другой разговор! И какого черта вы себе, китайцы, косы бреете? С косой тебе совершенно другая цена была бы!

Условный звонок. Входит Марья Никифоровна.

Марья Никифоровна. Здравствуйте, Александр Тарасович! Здравствуйте, Херувимчик!

Аметистов. Идите одеваться, Марья Никифоровна, а то поздно. Новые модели будем демонстрировать.

Марья Никифоровна. Прислали? Ах, какая прелесть! *(Убегает.)*

Херувим зажигает китайский фонарь в нише и дымит куреньем.

Аметистов. Не очень налегай...

Херувим. Я не буду налегать... *(Уходит.)*

Условный звонок. Входит Лизанька.

Лизанька. Почтение администратору этого монастыря...

Аметистов. Бон суар...

Лизанька уходит. Условный звонок. Аметистов, услышав его, подбегает к зеркалу, охорашивается. Входит мадам Иванова, очень красивая, надменная женщина.

Здравствуйте, мадам Иванова.

Мадам Иванова. Дайте мне папироску.

Аметистов. Манюшка! Папироску!

Манюшка вбегает, подает папиросы Ивановой. Пауза.

Холодно на дворе?

Мадам Иванова. Да.

Аметистов. У нас сюрприз — модели привезли из Парижа.

Мадам Иванова. Это хорошо.

Аметистов. Изумительные!

Мадам Иванова. Ага...

Аметистов. Вы в трамвае приехали?

Мадам Иванова. Да.

Аметистов. Много народу, наверно, в трамвае?

Мадам Иванова. Да.

Пауза.

Аметистов. У вас погасла... спичечку...

Мадам Иванова. Спасибо. *(Уходит.)*

Аметистов (*Манюшке*). Вот женщина, ей-богу! Всю жизнь можно с такой прожить и не соскучишься! Не то что ты, тарахтишь, тарахтишь...

Властный звонок.

Он! Узнаю звонок коммерческого директора! Великолпно звонит! Открывай, потом лети, переодевайся, Херувим будет подавать!

Херувим (*пробежая*). Гусь идет!

Манюшка. Батюшки! Гусь! (*Убегает.*)

Аметистов. Зоя! Гусь! Принимай, я исчезаю. (*Исчезает.*)

Входит Гусь.

Зоя (*в вечернем платье*). Как я рада, милый Борис Семенович!

Гусь. Здравствуйте, Зоя Денисовна, здравствуйте.

Зоя. Садитесь сюда, здесь уютнее... Ай-яй-яй, какой вы нехороший! Сосед, близкий знакомый, хоть бы раз зашел...

Гусь. Поверьте, я с удовольствием, но...

Зоя. Я шучу, я знаю, что у вас дела по горло.

Гусь. И не говорите, у меня прямо бессонница.

Зоя. Бедненький, вы переутомитесь, вам надо развлекаться.

Гусь. О том, чтобы я развлекался, не может быть и речи. (*Оглядывается комнату.*) А у вас очень хорошо.

Зоя. Мастерская вам обязана своим существованием.

Гусь. Ну, это пустяки! Кстати о мастерской. Я ведь к вам отчасти по делу, только это между нами. Мне нужен парижский туалет. Знаете, какой-нибудь крик моды, червонцев так на тридцать.

Зоя. Понимаю. Подарок?

Гусь. Между нами.

Зоя. Ах, плутишка, влюблен! Ну, признавайтесь, влюблены?

Гусь. Между нами.

Зоя. Не бойтесь, не скажу супруге. Ах, мужчины, мужчины! Ну хорошо, мой администратор покажет сейчас вам модели, и вы выберете все, что вам нужно. А потом будем ужинать. Сегодня вы мой, и я вас не выпущу.

Гусь. Мерси. У вас есть администратор? Посмотрим, какой у вас такой администратор.

Зоя. Сейчас вы его увидите. *(Скрывается.)*

Аметистов *(появился внезапно, во фраке)*. Кан он парль дю солейль он вуа ле рейон! Что в переводе на русский язык означает: когда говорят о солнце, видят его лучи.

Гусь. Это вы мне про лучи?

Аметистов. Вам, глубокоуважаемый Борис Семенович. Позвольте представиться — Аметистов.

Гусь. Гусь.

Аметистов. Желаете иметь туалетик? Доброе дело задумали, глубокоуважаемый Борис Семенович. Могу вас уверить, что такого выбора вы нигде в Москве не встретите. Херувим!

Появляется Херувим.

Гусь. Позвольте, это же китаец!

Аметистов. Точно так, китаец, с вашего благословения. Не обращайтесь на него внимания, почтеннейший Борис Семенович. Обыкновенный сын небесной империи и отличается только одним качеством — примерной честностью.

Гусь. А зачем же китаец?

Аметистов. Преданный старый мой лакей, драгоценнейший Борис Семенович. Вывез его я из Шанхая, где долго странствовал, собирая материалы.

Гусь. Это замечательно. Для чего материалы?

Аметистов. Для большого этнографического труда. Впрочем, я как-нибудь после расскажу о своих скитаниях, глубочайше уважаемый Борис Семенович. Вы прямо будете рыдать. Херувим, дай нам чего-нибудь прокладительного.

Херувим. Цицас. *(Исчезает и сейчас же появляется с шампанским.)*

Аметистов. Прошу.

Гусь. Это шампанское? Замечательно вы поставили дело, гражданин администратор!

Аметистов. Же панс! Поработав у Пакэна в Париже, можно приобрести навык.

Гусь. Вы работали в Париже?

Аметистов. Пять лет, любезный Борис Семенович. Херувим, можешь идти.

Гусь. Вы знаете, если бы я верил в загробную жизнь, я бы сказал, что он действительно вылитый херувим.

Аметистов. А глядя на него, невольно уверуешь! Ваше здоровье, достопочтеннейший Борис Семенович! А также здоровье вашего треста тугоплавких металлов, ура! Ура и ура! Нет, нет, до дна, не обижайте фирму!

Гусь. У вас хорошо поставлено дело.

Аметистов. Миль мерси. Итак, она блондинка, брюнетка?

Гусь. Кто?

Аметистов. Пардон, пардон... Та уважаемая особа, для которой предназначается туалет?

Гусь. Между нами, она светлая брюнетка.

Аметистов. У вас есть вкус. Прошу еще бокальчик, а также попрошу вас привстать. К этой визитке светлая брюнетка сама просится. Гигантский вкус у вас, Борис Семенович! Херувим!

Херувим появляется.

Попроси маэстро, а также мадемуазель Лизу.

Херувим. Цицас. *(Исчезает.)*

Входит Абольянинов.

Аметистов. Конт Абольянинов!

Абольянинов садится к роялю.

Располагайтесь поудобнее, милейший Борис Семенович, миндалю... *(Хлопнув в ладоши.)* Ателье!

Абольянинов начинает играть. Распахивается занавес, и на освещенной эстраде появляется Лизанька в роскошном и довольно откровенном туалете. Гусь смотрит на все это с изумлением.

Благодарю вас, мадемуазель.

Лиза *(шепотом)*. Вытряхиваться?

Аметистов. Вытряхивайтесь, Лизанька.

Занавес закрывается.

Что вы скажете, бесценный Борис Семенович?

Гусь. М-да...

Аметистов. Бокальчик?

Гусь. Вы прямо обаятельный администратор!

Аметистов. Да что же, Борис Семенович, пообтесался в свое время, потерял при дворе...

Гусь. Вы были при дворе.

Аметистов. Эх, Борис Семенович! Когда-нибудь я вам расскажу некоторые тайны своего рождения, вы изойдете в слезах... Ателье!

Занавес распахивается, и на эстраде появляется в очень открытом платье Марья Никифоровна. Абольянинов играет. Марья Никифоровна под музыку двигается по эстраде.

Больше жизни! (*Тихо.*) Фить!

Марья Никифоровна (*тихо*). Невежа.

Аметистов. Ву зет тре земабль.

Занавес закрывается.

Ателье!

Абольянинов играет «Светит месяц», на эстраде Манюшка в русском, весьма открытом костюме танцует.

Херувим (*внезапно выглядывает, говорит шепотом*). Мануска, када танцуись, мне смотли, гостя не смотли...

Манюшка (*шепотом*). Уйди, черт ревнивый...

Абольянинов (*внезапно*). Я играю, горничная на эстраде танцует, что это происходит?..

Аметистов. Тсс!.. (*Шепотом.*) Манюшка, скатывайся с эстрады, накрывай ужин в два счета!

Занавес закрывается.

(*Гусю.*) Э бьен?

Гусь (*внезапно*). Ателье!

Аметистов. Совершенно правильно, Борис Семенович, ателье!

Занавес распахивается, Абольянинов играет томный вальс. На эстраде мадам Иванова в костюме, открытым сколько это возможно на сцене.

(*Вскакивает на эстраду, танцует с мадам Ивановой, говорит шепотом.*) В сущности, я очень несчастлив, мадам Иванова... Моя мечта — уехать с любимой женщиной в Ниццу...

Мадам Иванова (*шепотом*). Болтун...

Танец заканчивается.

Аметистов. Мадемузаель, продемонстрируйте мсье платье. (*Скрывается.*)

Мадам Иванова выходит с эстрады, как фигура из рамы поворачивается перед Гусом.

Гусь (*растерян*). Очень вам признателен... до глубины души.

Мадам Иванова. Не смейте так смотреть на меня. Вы дерзкий.

Гусь (*растерян*). Кто вам сказал, что я смотрю на вас?

Мадам Иванова. Нет, вы дерзкий, в вас есть что-то африканское... Мне нравятся такие, как вы. (*Внезапно скрывается за занавесом.*)

Гусь (*исступленно*). Ателье!!

Аметистов (*появляется внезапно*).

Лампы вспыхивают.

Пардон, антракт!

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

Серенький день. Аметистов грустный сидит в гостиной возле телефона.

Аметистов (*икнув*). Тьфу ты, черт тебя возьми! Вот привязалась! (*Пауза.*)

Входит Абольянинов, он скучен.

(*Икнул.*) Пардон.

Звонит телефон.

Херувим! Телефон!

Херувим (*по телефону*). Силусаю... да... да... Тебе Гусь зовет. (*Уходит.*)

Аметистов (*по телефону*). Товарищ Гусь? Здравия желаю, Борис Семенович. В добром ли здоровье? Как же,

обязательно... ждем, ждем... часикам... (*Икает внезапно.*) Пардон, вспоминает меня кто-то... Как? Секрет, секрет... Сюрприз, Борис Семенович, вас ожидает. Честь имею кланяться. (*Икает.*)

Абольянинов. Удивительно вульгарный человек этот Гусь. Вы не находите?

Аметистов. Да, не нахожу. Человек, зарабатывающий пятьсот червонцев в месяц, может быть вульгарным! (*Икает.*) Кто это меня вспоминает, желал бы я знать! Какому черту я понадобился? Да-с, уважаю Гуся... Кто пешком по Москве таскается? Вы.

Абольянинов. Простите, мсье Аметистов, я не таскаюсь, я хожу.

Аметистов. Да не обижайтесь вы! Вот человек, ей-богу! Ну, ходите. Вы ходите, а он в машине ездит! Вы в одной комнате сидите (пардон, пардон, может быть, выражение «сидите» неприлично в высшем обществе, так восседаете), а Гусь — в семи! Вы в месяц наколотите... пардон, наиграете на ваших фортепьянах десять червяков, а Гусь — пять сотен. Вы играете, а Гусь танцует!

Абольянинов. Потому что эта власть создала такие условия жизни, при которых порядочному человеку существовать невозможно.

Аметистов. Пардон, пардон! Порядочному человеку при всяких условиях существовать можно. Я порядочный человек, однако же существую. Я, папаша, в Москву без штанов приехал, а вот...

Абольянинов. Простите, но какой я вам папаша?

Аметистов. Да не будьте вы таким недотрогой! Что за пустяки между дворянами.

Абольянинов. Простите меня, вы действительно дворянин?

Аметистов. Мне нравится этот вопрос! Да вы сами не видите, что ли? (*Икает.*) А, черт...

Абольянинов. Ваша фамилия, видите ли, мне никогда не встречалась.

Аметистов. Мало ли что не встречалась! Известная пензенская фамилия. Эх, сеньор! Да если бы вы знали, что я вынес от большевиков, эх... Имение разграбили, дом сожгли...

Абольянинов. У вас в каком уезде было имение?

Аметистов. У меня? Да вы говорите про... которое?

А больянинов. Ну да, которое сожгли.

А метистов. Ах, это... Не хочу я вспоминать, потому что мне тяжело. Белые колонны, как сейчас помню... Семь колонн, одна красивее другой. Э, да что говорить! А племенной скот! А кирпичный завод!

А больянинов. У моей тетки, Варвары Николаевны, был превосходный конский...

А метистов. Что вам Варвара-тетка! У меня лично был, да какой! Да что вы так приуныли? Приободритесь, отец!

А больянинов. У меня тоска!

А метистов. Вообразите, у меня тоже. Почему, неизвестно! Предчувствие какое-то... От тоски карты помогают...

А больянинов. Я не люблю карт, я люблю лошадей. У меня была лошадь. Фараон...

Голос глухо запел. «Напоминают мне оне...»

Камзол красный, рукава желтые, черная перевязь — Фараон...

А метистов. Я любил заложить фараон... Эх, пойдет партнер углами гнуть, вы, батюшка, холодным потом обольетесь! Но зато потом, как срежете ему карту на полном ходу, хлоп! Ляжет, как подкошенная!.. Кто меня расстроил... Эх, убраться бы из Москвы поскорее!

А больянинов. Да, да, поскорее, я не могу здесь жить...

А метистов. Не раскисайте, братишка! Три месяца еще, и уедем в Ниццу. Вы бывали в Ницце, граф?

А больянинов. Бывал много раз.

А метистов. Я тоже, конечно, бывал, только в глубоком детстве. Эх-хо-хо... Моя покойная матушка, помещица, возила меня... две гувернантки с нами ездили, нянька... Я, знаете ли, с кудрями... Интересно, бывают ли шулера в Монте-Карло?

А больянинов (в тоске). Ах, я не знаю... Ах, я ничего не знаю...

А метистов. Схватило! Вот экзотическое растение. Граф, коллега, до прихода Зоечки прошвырнемся в «Баварию»?

А больянинов. Вы меня прямо ошеломяете вашими словами. В пивных грязь и гадость...

А метистов. Вы, стало быть, не видели раков, которых вчера привезли в «Баварию»! Каждый рак величиной ну, чтобы вам не соврать, с гитару! Херувим!

Появляется Херувим.

Слушай, дорогой мажордом желтой расы, если придет Зоя Денисовна, скажи, что мы с графом на минутку в Третьяковскую галерею пошли. Ползем, папаня! Во — раки! (*Уходит с Абольяниновым.*)

Херувим. Манюшка! Усли!

Манюшка (*вбегает, целует Херувима*). Чем ты мне понравился, я в толк не возьму! Желтый, как апельсин, а понравился! Вы, китайцы, лютеране?

Херувим. Лютирани, мала-мала, белье стираем... Слусай, Манюшка, вазное дело. Мы скоро ехать будим, Манюшка. Я тебе беру Санхай.

Манюшка. В Шанхай? Не поеду я.

Херувим. Поедеси!

Манюшка. Что ты командуешь? Что я тебе, жена, что ли?

Херувим. Я тебе зеню, Манюшка. В Санхае.

Манюшка. Меня нужно спросить, пойду я за тебя или нет. Что, я тебе контракт подписывала, что ли, косой?

Херувим. Ты, мозет, Ганзалина зенить хоцись?

Манюшка. А хотя бы и Газолина, я девушка свободная. Ты чего буркалы китайские выпятил, я тебя не боюсь.

Херувим. Ганзалини?

Манюшка. Нечего, нечего...

Херувим (*становится страшен*). Ганзалини?

Манюшка. Что ты, что ты...

Херувим (*схватывает Манюшку за глотку, вынимает нож*). Я тебе ципас резать буду. (*Душит Манюшку.*) Казн, Ганзалини целовала?

Манюшка. Ой, пусти глотку, ангелок... Помяни, Господи, рабу Марию...

Херувим. Целовала? Целовала?

Манюшка. Херувимчик, хрустальный... Не целовала... не режь сиротку... Пожалей мою юную жизнь...

Херувим (*спрятал нож*). Зенить будеси Гандзалини?

Манюшка. Нет, нет, нет...

Херувим. Мне зенить будиси?

Манюшка. Нет... буду, буду. Что же это он, товарищи, делает?!

Херувим. Я тебе предложение делала.

Манюшка. Ай да предложение, ай да женишок с ножичком... Ты же разбойник, Херувим!

Херувим. Низт... Я ни разбойник, я был пицальный... каздый гоняит... тюрьму хочит садить китайса, за кокаин... Гандзалин миня тиранил мала-мала... Белье стирал целую ночь... сам денга бирет, мне сорок копиек давал... я страдал, холодный... — китайса не мозет зить холодной Москва... китайса Санхае должен зить... Слусай, Мануска, ты типель собилайся, все собилай, мы скоро ехатъ будим, я придумал много цирвонцев достать...

Манюшка. Ой, Херувим, что ты придумал? Боюсь я тебя!

Звонок.

Катись на кухню.

Херувим исчезает.

(Открыв дверь.) Ой, Господи, Боже мой!..

Гандзалин. Здравсти, Мануска!

Манюшка. Ой, уйди, Газолин...

Гандзалин. Нет, я зацем уйди? Я не уйди. Ты одна, Мануска? Я тебе присёл предложение делать.

Манюшка. Уйди, Газолин.

Гандзалин. Нет, зацем? Ты мне сто говорила, а? Говорила, любиси. Обманула Гандзалин?

Манюшка. Что ты врешь? Ничего я тебе не говорила. Вот я Зою Денисовну кликну...

Гандзалин. Ты вресь. Ее дома нету. Ты, Мануска, много вресь! А я тебе люблю!

Манюшка. Ты с ножом? Говори прямо, если с ножом...

Гандзалин. Я с нозом. Предлозение делать.

Херувим (появился внезапно). Кто предлозение?

Гандзалин. Ага! Вот он, помосник! Ах, ты!..

Херувим. Ты иди с квартиры, иди!.. Это моя квартира, Зойкина, моя!

Манюшка. Ой, что же это будет?

Гандзалин. Твоя? Бандит! Захватил квартиру Зойкину! Я тебя подобрал? Ты как собака был? А ты... Я предложение буду делать Мануске!

Херувим. Я уже делала. Она моя жена, она меня любит!

Гандзалин. Вресь! Она моя жена, она меня любит!

Манюшка. Врет, врёт, врёт! Херувимчик, врёт он!

Херувим. Уходи из моей квартиры!

Гандзалин. Ты уходи! Я милици все рассказы, какой ты китайский тип.

Херувим. Милиции... *(Шипит.)*

Гандзалин шипит.

Манюшка. Зайчики, милые, только не режьтесь, дьяволы!

Херувим. А-а-а-а!.. *(Внезапно выхватывает нож, бросается на Гандзалина.)*

Манюшка. Караул! Караул! Караул!

Гандзалин бросается в зеркальный шкаф, захлопывает за собой дверцу.
Звонок.

Караул! Брось ножик, черт окаянный!

Звонок.

Звонят! На каторгу тебя заберут!

Звонок.

Херувим. Я его потом зарезу! *(Закрывает шкаф на ключ, ключ прячет в карман и исчезает.)*

Манюшка открывает дверь, в переднюю входят двое неизвестных в штатском, оба с портфелями.

Первый неизвестный. Здравствуйте, товарищ! Это не у вас «караул» кричали?

Манюшка. Что вы, какой «караул»? Это я пела...

Второй неизвестный. А-а...

Манюшка. А вам что, товарищи?

Первый неизвестный. А мы, товарищ, комиссия. Пришли вашу мастерскую осматривать.

Манюшка. Да заведующей сейчас нету... Сегодня занятия нет...

Первый неизвестный. А вы кто же такая сами будете?

Манюшка. Я ученица-модельщица.

Второй неизвестный. Ну вот вы нам и покажите. А то что же нам два раза ходить.

Манюшка. Ну, тогда пожалуйста...

Первый неизвестный. Здесь что помещается?

Манюшка. А это примерочная.

Первый неизвестный. Хорошая комната! Это что же, на них и примеряют? *(Показывает на манекены.)*

Манюшка. Как же, на манекене...

Первый неизвестный. А модельщицы для чего?

Манюшка. А это когда на шагу платье примеривают, так на ученицу надевают...

Первый неизвестный. Ага.

Второй неизвестный *(отдергивает занавес)*.

За занавесом оказывается Херувим с утюгом в руках.

Гм... Китаец!

Манюшка. А это к нам из прачечной ходит, юбки гладит...

Первый неизвестный. Ага...

Херувим плочет на утюг и уходит с ним.

Ну, пойдете дальше. *(Уходит, за ним Манюшка.)*

Второй неизвестный, оставшись один, быстро вынимает ключи, открывает один шкаф, осматривает, закрывает его, открывает второй, отскакивает. В шкафу, скорчившись, сидит Гандзалин с ножом.

Второй неизвестный. Второй! Тсс... Сидишь?

Гандзалин. Сидю.

Второй неизвестный *(шепотом)*. А ты что здесь делаешь?

Гандзалин *(плаксиво)*. Я мала-мала прятался... Меня сицас Херувим-бандит резать будит... Спаси ти меня, мала-мала...

Второй неизвестный. Тише ты! Спасем, спасем. А ты сам кто будешь?

Гандзалин. Я Гандзалин, цесный китаец. Я горнисной предложение делал, а он меня цуть не зарезал! Он сюда опиум таскает, в эту квалтиру.

Второй неизвестный. Ага. Так, так... Выкатывайся из шкафа, иди в отделение милиции и там меня жди. Только ходу не вздумай дать, я тебя на дне моря найду.

Гандзалин. Я ни убегу. Только Херувима заberi, он бандит! *(Выпрыгивает из шкафа, скрывается в передней, исчезает.)*

Второй неизвестный уходит туда, куда ушли Манюшка и Первый неизвестный. Через некоторое время все трое возвращаются.

Первый неизвестный. Ну, что же? Все прекрасно, и светло, и ясно... Отлично устроена мастерская.

Второй неизвестный. Что говорить!

Первый неизвестный *(Манюшке)*. Ну, вот что, товарищ, передайте заведующей, что была комиссия и нашла мастерскую в образцовом порядке. Мы вам и бумагу пришлем.

Второй неизвестный. Кланяйтесь.

Оба уходят в переднюю. Манюшка закрывает за ними дверь.

Херувим *(вылезает, как буря, с ножом)*. Аа, успи! Милиция рассказы? Я тебе рассказу! *(Бросается к шкафу.)*

Манюшка. Дьявол! Караул! Дьявол! Караул!

Херувим *(открывает шкаф и остолбеневаает)*. Сво-лоць! У него ключ был!

Занавес

Ночь. Гостиная Зои освещена лампами под абажурами. В нише горит китайский фонарь. Херувим сидит в своем экзотическом наряде в нише — похож на божка.

За дверями слышен звон двух гитар, слышно, как несколько голосов негромко поют: «Эх, раз, еще раз!..» Манекены стоят, улыбаются, не разберешь, живые они или мертвые. Много цветов в вазах.

Аметистов *(выглянув из дверей)*. Херувим! Шампанского!

Херувим. Цицас! *(Уходит, через некоторое время возвращается и опять садится в нише.)*

Звуки гитар сменились роялем, на котором играют фокстрот. Из дверей выходит Мертвое тело, тоскливо оглядывается, направляется к Херувиму.

Мертвое тело. Позвольте вас просить, мадам!

Херувим. Я не мадама иесть...

Мертвое тело. Что за черт!.. *(Подходит к одному из манекенов.)* Один тур, мадам... Не желаете, как угодно... Улыбайтесь, улыбайтесь... Только смотрите, чтобы вам потом плакать не пришлось... *(Потом подходит ко второму манекену.)* Мадам... *(Обнимает манекен за талию, танцует с ним.)* Никогда в жизни не держал в руках такой талии... *(Всматривается в манекен, отталкивает его, горько плачет.)*

Аметистов *(выскакивает из дверей)*. Иван Васильевич! Пардон, пардон... Чего вы расстроились? Чего вам не хватает в жизни?

Мертвое тело. Подлец ты!..

Аметистов. Иван Васильевич, я вам нашатырного спирту накапаю.

Мертвое тело. Новое оскорбление!.. Всем шампанского, а мне — нашатырный спирт...

Аметистов. Иван Васильевич, родной мой...

Во время этой сцены дверь в глубине полуосвещенной спальни Зоя открывается, и в спальне появляется бесшумно Портупея, прячется за портьерой и наблюдает происходящее. Из двери появляется Роббер.

Роббер. Иван Васильевич, что с тобой?

Мертвое тело. Нашатырным спиртом поят!

Марья Никифоровна *(появилась в гостиной)*. Иван Васильевич, милый!

Мертвое тело. Отойдите все от меня!..

Зоя появилась в гостиной.

Роббер. Зоя Денисовна, примите мои глубокие извинения, от имени Ивана Васильевича тоже.

Зоя. Пустяки, это бывает.

Аметистов. Действуйте, берите его танцевать.

Марья Никифоровна увлекает плачущее Мертвое тело к двери, за ними Аметистов.

Роббер. Зоя Денисовна, вечер ваш очарователен! Да, кстати, чтобы потом не забыть при прощании... сколько я должен вам?

Зоя. Мы устраиваем эти вечера в складчину... двести рублей.

Роббер. Слушаю-с... Я уплачу и за Ивана Васильевича. Значит, двести и двести...

Зоя. Четыреста.

Роббер. Слушаю... (*Вручает деньги.*) Мерси. Зоя Денисовна, один тур.

Зоя. Ах, нет, я не танцую.

Роббер. Ах, Зоя Денисовна, почему же? (*Уходит.*)

Херувим вдруг шевельнулся, посмотрел в сторону передней. Оттуда выглянула Манюшка, сделала какой-то знак. Зоя кивнула головой. Тут же бесшумно из передней появляется Алла Вадимовна. Она в пальто и вуали.

Зоя (*шепотом*). Здравствуйте, Аллочка. (*Манюшке.*) Веди Аллу Вадимовну к себе в комнату, надевай на нее туалет.

Манюшка уходит с Аллой через спальню. Херувим скрывается бесшумно. Портупея отодвигает портьеру и появляется.

(*Вздрагивает, отшатывается.*) Что это значит, Портупея? Как вы попали сюда?

Портупея (*шепотом*). Через черный ход. У меня ключи от всех квартир. Ай да Зоя Денисовна! Ай да мастерская! Ну, все понятно!

Зоя (*дает деньги Портупее*). Исчезайте, молчите! Когда разойдутся, приходите, дам еще!

Портупея. Зоя Денисовна, поосторожнее!..

Зоя. Уходите...

Портупея уходит через спальню. Зоя за ним. Слышен негромкий фокстрот за дверями. Из дверей выходит Гусь. Он мрачен.

Гусь. Гусь, ты пьян!.. До чего ты пьян, коммерческий директор тугоплавких металлов, не может изъяснить язык!.. Ты один только знаешь, почему ты пьян... Но ты никому этого не скажешь, потому что ты горд!.. Вокруг тебя вертятся женщины и увеселяют директора, но ты не весел... Душа твоя мрачна... (*Манекену.*) Ах, манекен!

Зоя бесшумно появилась в спальне.

Тебе одному, молчаливый манекен, я доверяю свою тайну: я...

Зоя. Влюблен.

Гусь. А, Зойка! Ты подслушала меня? Ну, что же... Зоя! Змея обвила мое сердце... Ах, Зоя, я догадываюсь, что она дрянь!.. Но она победила меня!..

Зоя. Стоит ли мучиться, о милый Гусь? Ты найдешь другую.

Гусь. Ах нет, никогда! Но все равно, Зоя, покажи мне кого-нибудь, чтобы я хоть на время забыл про нее и вытеснил ее из своего сердца... Зоя, она не любит меня!

Зоя. О, мой Гусь, мой старый приятель, подожди несколько минут, и ты увидишь такую женщину, что забудешь все на свете! И она будет твоя, потому что какая женщина устоит против тебя, Гусь!

Гусь. Спасибо тебе, Зойка, за добрые слова...

Из дверей выходит Абольянинов и Аметистов — оба во фраках.

Я хочу тебя наградить. Сколько я тебе должен?

Зоя. Гусь, я ничего не хочу с тебя брать.

Гусь. Ты не хочешь брать, ну, а я хочу дать. Бери пятьсот рублей.

Зоя. Мерси.

Гусь (*Аметистову*). А-а, администратор! Ты устроил рай, в котором отдохнула измученная душа! Прими!

Аметистов. Данке зер.

Гусь (*Абольянинову*). Граф! Прекрасно играете на рояле! Прошу вас. (*Вручает ему деньги.*)

Абольянинов. Мерси. Когда изменятся времена, я вам пришлю своих секундантов.

Гусь. Дам, и им дам.

Аметистов. Браво, Борис Семенович! Борис Семенович, внимание! Перемена декораций! Сейчас будет демонстрирован новый туалет! Свет!

Включает свет. Несколько мгновений квартира Зои во тьме, потом лампы наливаются ярким светом. В гостиной сидят: Зоя, Гусь,

Роббер, Мертвое тело, Марья Никифоровна,
Лизанька и мадам Иванова.

Абольянинов — за роялем. У занавеса, которым закрыта ниша, возникает Аметистов.

Аметистов. Внимание! Сиреневый туалет. Демонстрирован в Париже! Цена — шесть тысяч франков! Ателье!

Абольянинов начинает вальс. Алла на эстраде выступает под музыку.

Все. Bravo!

Гусь. Что такое?

Алла. Ах! Это вы! Как вы попали сюда?

Гусь. Как вам это нравится? Она спрашивает, как я сюда попал? В то время как я должен спросить ее, как она сюда попала!

Алла. Я поступила модельщицей.

Гусь. Модельщицей!! Женщина, которую я люблю!.. Женщина, на которой я собираюсь жениться, бросив жену и пару малюток, поступает в модельщицы! Да знаешь ли ты, несчастная, куда ты поступила?

Алла. В ателье.

Гусь. Ну да, пишется «ателье», а выговаривается «веселый дом»!

Роббер. Что такое, что такое!

Гусь. Видали вы, дорогие товарищи, такое ателье, где туалеты показываются ночью под музыку?!

Мертвое тело. Правильно!.. На каком основании музыка?.. Будьте любезны...

Аметистов. Пардон, пардон...

Зоя. Ага, теперь понятно! (*Передразнивает Аллу.*) «У меня никого нет, Зоя Денисовна, с тех пор как умер мой муж»... Ах вы ломака, ломака! Ведь я же вас спрашивала, предупреждала! Спасибо, Аллочка, за скандал!

Гусь. Зоя Денисовна, вы в качестве модельщицы выставляли мне мою невесту!

Алла. Я не невеста вам.

Гусь. Она моя любовница, между нами!

Мертвое тело. Слава тебе, Господи, развеселились!..

Абольянинов. Попрошу вас не оскорблять женщину!

Гусь. Пианист, оставь меня!

Зоя. Господа, это маленькое недоразумение, оно сейчас разъяснится... прошу вас, господа, в залу... Будьте добры, пожалуйста... Аметистов!

Аметистов. Пардон, пардон, прошу, господа, пожалуйста! Общий грандиозный фокстрот! А тут маленькое интимное объяснение... Такие происшествия нередки в высшем свете... Иван Васильевич! Лизанька, примите меры.

Женщины увлекают мужчин за двери. С ними уходят Аметистов и Абольянинов. Зоя остается в нише и слушает разговор.

Гусь. Ты в ателье?

Алла. А как же вы-то попали в это ателье?

Гусь. Я? Я — мужчина! Я хожу в брюках! А не в платье, на котором разрез до пояса! Я хожу сюда потому, что ты выпила из меня всю кровь! А ты зачем?

Алла. А я за деньгами.

Гусь. Зачем тебе деньги?

Алла. Я хочу уехать за границу.

Гусь. На это не дам! Опять эта проклятая заграница!

Алла. Вот я и хотела здесь взять.

Гусь. У тебя в Москве было бы все, даже птичье молоко! Я семь раз делал тебе предложение! За границу!.. Как же, за границей уже все ждут, президент в Париже волнуется, что это Алла Вадимовна не едет?

Алла. Да, волнуется, только не президент, а мой жених.

Гусь. Кто? Жених? Жених?.. Ну, знаешь ли, если у тебя там есть жених, ты... ты... дрянь!

Алла. Не смейте оскорблять меня! Я скрыла это, верно. Но ведь я никак не полагала, что вы влюбитесь в меня! Я хотела взять у вас деньги на заграницу и удирать...

Гусь. Бери, но только оставайся!

Алла. Нет, ни за что!

Гусь. А, теперь!.. Когда ты в моих кольцах, ни за что!.. Ты посмотри на свои пальцы!

Алла *(срывает кольца, бросает на пол)*. Нате! Нате!..

Гусь. К черту кольца! Отвечай, ты пойдешь со мной или нет?

Алла. Нет, не пойду.

Гусь. Нет? Считаю до трех. Раз! Два!.. Считаю до десяти!

Алла. Бросьте это, Борис Семенович, не считайте. Я не пойду. Я не люблю вас.

Гусь. Распутная женщина!

Алла. Как вы см...

Зоя *(в нише)*. О, дура, проклятая!

Аметистов *(внезапно появился)*. Пардон, пардон, Борис Семенович!

Гусь. Вон!

Аметистов. Пардон, пардон, Борис Семенович!.. Алла Вадимовна, пожалуйста, вам надо отдохнуть!.. Успокоиться...

Алла (*идет*). Зоя Денисовна, мне очень жаль, что я была причиной скандала... Туалет я вам верну...

Зоя. Я вам его дарю за глупость, идиотка!

Гусь. Стой! Ты куда? За границу?!

Алла (*из передней*). Издохну, но сбегу!

Аметистов набрасывает на Аллу пальто, и она исчезает.

Гусь (*вслед*). Я не дам тебе этого сделать!

Зоя. Успокой, успокой его!

Аметистов. Ладно, ладно, успокою... Иди к гостям...

Зоя уходит, закрывает за собой дверь.

Гусь (*в пространство*). Ты будешь вещи продавать на Смоленском рынке, ты попадешь в больницу! И посмотрю я, как ты в своем сиреневом туалете... (*В тоске валится на ковер.*)

Аметистов. Борис Семенович, коврик грязный!.. Все устроится!.. Одна она, что ли, на свете? Плюньте! Она даже и не красива, антр ну суа, ди, так, ординер...

Гусь. Уйди! Я тоскую...

Аметистов. Вот и отлично! Потоскуйте... Вот вам ликерчик и папиросы... (*Исчезает.*)

За сценою фокстрот.

Гусь (*тоскует*). Гусь тоскует... Отчего ты тоскуешь, бедный? Оттого, что ты потерпел непоправимую драму... Ах я, несчастный! Я всего достиг, чего только можно достичь, и вот ядовитая любовь сразила меня, и я лежу на ковре, и где?.. В веселом доме!.. Алла! Вернись! (*Громче.*) Алла! Вернись!

Аметистов (*появился*). Тихонечко, Борис Семенович, а то внизу пролетариат слышит... (*Исчезает, закрыв дверь.*)

Херувим появляется бесшумно, подходит к Гусю.

Гусь. Уйди, я тоскую...

Херувим. Цего тоскуеси мала-мала?

Гусь. Не могу видеть ни одного человеческого лица, только ты один симпатичный... Херувим, китайский человек... Печаль меня терзает, и от этого я нахожусь на ковре...

Херувим. Печаль? Я тоже печальный...

Гусь. Ах, китаец!.. Чего тебе печалиться? У тебя все впереди...

Херувим. Мадама обманула? Все мадамы сибко нехоросие мала-мала... Ну, сто? Другую мадаму забираеси... Много мадама Москве...

Гусь. Не могу достать другую мадаму!

Херувим. Тибе денги низт?

Гусь. Ах, милый китаец! Разве может быть, чтобы я не достал денег? Но вот одного не может придумать моя голова, как деньги превратить в любовь! Смотри! *(Выбрасывает из кармана толстые пачки червонцев.)* Утром получил пять тысяч! А вечером — удар, от которого я свалился! И вот я лежу на большой дороге, и пусть каждый в побежденного Гуся плюет, как я плюю на червонцы!

Херувим. Плюешь в денги? Смисно! У тибя денги ест, мадама нет... У меня мадама ест, а денги где? Дай погладить червонцы...

Гусь. Гладь...

Херувим. А, червончики, червончики, милые... *(Внезапно ударяет Гуся под лопатку финским ножом. Гусь затихает без звука.)* Червонци... и теплый Санхай!! *(Прячет червонцы, срывает с Гуся часы с цепочкой, кольца с пальцев, вытирает нож о пиджак Гуся, поднимает Гуся, сажает в кресло, убавляет свет, говорит шепотом.)* Мануска!

Манюшка *(выглянула)*. Чего тебе?

Херувим. Тссс... Сицас Санхай безим... вокзал...

Манюшка. Ты что сделал, черт?

Херувим. Я Гуся зарезала...

Манюшка. А... Дьявол!.. Дьявол...

Херувим. Беги, а то тибя резать буду! Цицас мокрая беда будит!..

Манюшка. Господи! Господи! *(Исчезает вместе с Херувимом.)*

Аметистов *(вошел тихо)*. Борис Семенович, я на минуточку, только поведать... Ну, как чувствуете себя? Э, как вы переволновались! Вон и ручка холодная...

(*Всматривается.*) Что?! Сукин кот!.. Бандит! Мокрое дело! Этого в программе, граждане, не было! Как же теперь быть-то, а? Засыпался! Крышка! Херувим!! Да... Конечно, ограбил и ходу дал... А я-то идиот!.. Вот тебе и Ницца! Вот тебе и заграница! (*Пауза. Машинально.*) Вечер был, сверкали звезды... Чего же я сижу? Ходу? (*Сбрасывает с себя фрак, галстук, вбегает в спальню Зои, открывает письменный стол, берет оттуда какие-то бумаги и деньги, прячет в карман, вынимает из-под постели старенький чемодан и из него — френч, надевает его, надевает кепку.*) Верный мой товарищ чемодан, опять мы с тобой вдвоем. Но куда податься теперь? Объясните мне, товарищи, куда податься? Ах, звезда ты моя, безутешная!.. Ах, судьба моя!.. Прощай, Зоя, прости! Иначе я поступить не мог! Прощай, Зойкина квартира! (*Исчезает с чемоданом.*)

Пауза.

Дверь в спальне Зои тихонько открывается, и входит Первый и Второй неизвестные, а за ними еще двое неизвестных.

Зоя (*появилась в гостиной*). Борис Семенович, вы один? А где же Аметистов? (*Всматривается.*) О Боже! О Боже! Мы погибли! О Боже! (*Тихонько в двери.*) Павел Федорович!

Абольянинов вошел.

Павлик, стряслась беда! Посмотрите! (*Указывает на Гуся.*)

Абольянинов (*вглядевшись*). Что такое?!

Зоя. Павлик, беда! Это китаец; это он с Аметистовым! Павлик, бежать! Сию минуту бежать.

Абольянинов. Как — бежать?

Зоя. Павлик, опомнитесь, поймите, в квартире убийство!.. Да что я... Ах, деньги в спальне! Бежать...

Первый неизвестный (*выходя*). Спокойно, гражданочка. Нельзя бежать.

Зоя. Кто вы такие?!

Второй неизвестный. Спокойно, гражданочка. Мы с мандатами.

Абольянинов. Зоя! Что творится в квартире?

Зоя. Ах, понимаю! Павлик, это конец! Будьте мужчиной. Имейте в виду, мы не виноваты.

Второй неизвестный. Кто там танцует?

Зоя. Это мои гости. Запомните, мы не причастны к убийству. Это китаец и Аметистов.

Первый неизвестный. Спокойно, гражданочка. *(Идет к дверям, открывает их.)* Ваши документы, граждане.

Темно.

Свет. Появляется Первый неизвестный — сидит за столиком, Второй неизвестный осматривает комнату, Третий неизвестный стоит у дверей, курит. Из дверей, ведущих в спальню, тихонько появляется Портупея, входит в гостиную, удивлен.

Первый неизвестный. Вам чего, гражданин?

Портупея. Довольно странно. Это я могу спросить, вам чего здесь, в квартире? Я председатель дома.

Первый неизвестный. А-а-а. Очень приятно.

Портупея. Мне Зою Денисовну.

Второй неизвестный. Сейчас. *(Уходит.)*

Потом возвращается с Зоей и Абольяниновым. Оба они бледны, молчаливы, Зоя держит за руку Абольянинова. Портупея поражен.

Ну, чего хотел сказать Зое Денисовне?

Портупея *(учуял что-то неладное)*. А вы кто такие, товарищи, будете?

Первый неизвестный. Гуся знал?

Портупея. Как же, они у нас в доме проживают.

Второй неизвестный. Проживали.

Портупея *(вздрыгнул)*. Товарищи, я давно замечаю, подозрительная квартира... Завтра хотел сообщить...

Зоя. Мерзавец! Я ему деньги платила! У него и сейчас мои червонцы в кармане!

Портупея попытался проглотить денежную бумажку.

Второй неизвестный *(отняв бумажку)*. Ты что же — дефективный? Червонцы жуешь?

Первый неизвестный. У тебя под носом Гуся режут, а ты червонцами закусываешь!

Портупея *(упал на колени)*. Товарищи! Я человек малосознательный!.. *(С пафосом.)* Товарищи, принимая во внимание мою темноту и невежество, как наследие царского режима, считать приговор условным!.. Что такое говорю, и сам не понимаю...

Первый неизвестный. Ну ладно, подымайся.
(Зое.) Надевайте пальто, мадам, пора ехать.

Португез громко рыдает.

Не рыдай. Вместе поедem.

Зоя. Имейте в виду (указывает на Абольянинова),
что мой муж болен! Уж вы не обижайте его...

Первый неизвестный. Его в больницу поместят...

Зоя. Прощай, прощай, моя квартира!

Абольянинов. У меня мутится рассудок... Смокинги... кровь... (Второму неизвестному.) Простите, пожалуйста, я хотел вас спросить, отчего вы в смокингах?

Второй неизвестный. А мы в качестве гостей к вам собирались.

Абольянинов. Простите, пожалуйста, к смокингу ни в каком случае нельзя надевать желтые ботинки.

Второй неизвестный (Первому неизвестному).
Говорил я тебе

Занавес

БЕГ

ВОСЕМЬ СНОВ

Пьеса в четырех действиях

*Бессмертье — тихий, светлый бред;
Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончал бег!..*

Жуковский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Серафима Владимировна Корзухина — молодая петербургская дама.

Сергей Павлович Голубков — сын профессора-идеалиста из Петербурга.

Африкан — архиепископ симферопольский и кара-субазарский, архипастырь именитого воинства, он же химик Махров.

Паисий — монах.

Дряхлый игумен.

Баев — командир полка в Конармии Буденного.

Буденовец.

Григорий Лукьянович Чарнота — запорожец по происхождению, кавалерист, генерал-майор в армии белых.

Барабанчикова — дама, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты.

Люська — походная жена генерала Чарноты.

Крапилин — вестовой Чарноты, человек, погибший из-за своего красноречия.

Де Бризар — командир гусарского полка у белых.

Роман Валерьянович Хлудов.

Голован — есаул, адъютант Хлудова.

Комендант станции.

Начальник станции.

Николаевна — жена начальника станции.

Олька — дочь начальника станции, 4-х лет.

Парамон Ильич Корзухин — муж Серафимы.

Тихий — начальник контрразведки.

Скунский }
Гурин } служащие в контрразведке.

Белый главнокомандующий.

Личико в кассе.

Артур Артурович — тараканий царь.

Фигура в котелке и в интендантских погонах.

Турчанка, любящая мать.

Проститутка-красавица.

Грек-донжуан.

Антуан Грищенко — лакей Корзухина.

Монахи, белые штабные офицеры, конвойные казаки Белого главнокомандующего, контрразведчики, казаки в бурках, английские, французские и итальянские моряки, турецкие и итальянские полицейские, мальчишки турки и греки, армянские и греческие головы в окнах, толпа в Константинополе.

Сон первый происходит в Северной Таврии в октябре 1920 года. Сны второй, третий и четвертый — в начале ноября 1920 года в Крыму.

Пятый и шестой — в Константинополе летом 1921 года.

Седьмой — в Париже осенью 1921 года.

Восьмой — осенью 1921 года в Константинополе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СОН ПЕРВЫЙ

... Мне спится монастырь...

Слышно, как хор монахов в подземелье поет глухо: «Святителю отче Николасе, моли Бога о нас...» Тьма, а потом появляется скупо освещенная свечечками, прилепленными у икон, внутренность монастырской церкви. Неверное пламя выдирает из тьмы контурку, в косях продают свечи, широкую скамейку возле нее, окно, забранное решеткой, шоколадный лик святого, полинявшие крылья серафимов, золотые венцы. За окном безотрадный октябрьский вечер с дождем и снегом. На скамейке, укрытая с головой попоной, лежит Барабанчикова. Химир Махров, в бараньем тулупе, примостился у окна и все силится в нем что-то разглядеть... В высоком игуменском кресле сидит Серафима, в черной шубе. Судя по лицу, Серафиме нездоровится. У ног Серафимы на скамеечке, рядом с чемоданом — Голубков, петербургского вида молодой человек в черном пальто и в перчатках.

Голубков (*прислушиваясь к пению*). Вы слышите, Серафима Владимировна? Я понял, у них внизу подземелье... В сущности, как странно все это! Вы знаете, временами мне начинает казаться, что я вижу сон, честное слово! Вот уже месяц, как мы бежим с вами, Серафима Владимировна, по весям и городам, и чем дальше, тем непонятнее становится кругом... Видите, вот уж и в церковь мы с вами попали! И знаете ли, когда сегодня случилась вся эта кутерьма, я заскучал по Петербургу, ей-богу! Вдруг так отчетливо вспомнилась мне зеленая лампа в кабинете...

Серафима. Эти настроения опасны, Сергей Павлович. Берегитесь затосковать во время скитаний. Не лучше ли было бы вам остаться?

Голубков. О нет, нет, это бесповоротно, и пусть будет что будет! И потом, ведь вы уже знаете, что скрашивает мой тяжелый путь... С тех пор как мы случайно встретились в теплушке под тем фонарем, помните... прошло ведь, в сущности, немного времени, а между тем мне кажется, что я знаю вас уже давно-давно! Мысль о вас облегчает этот полет в осенней мгле, и я буду горд и счастлив, когда донесу вас в Крым и сдам вашему мужу. И хотя мне будет скучно без вас, я буду радоваться вашей радости.

Серафима молча кладет руку на плечо Голубкову.

(*Погладив ее руку.*) Позвольте, да у вас жар?

Серафима. Нет, пустяки.

Голубков. То есть как пустяки? Жар, ей-богу, жар! Серафима. Вздор, Сергей Павлович, пройдет...

Голубков. Послушайте, *madame*, вам нельзя оставаться без помощи. Кто-нибудь из нас проберется в поселок, там, наверно, есть акушерка.

Мягкий пушечный удар. Барабанчикова шевельнулась и протонала.

Голубков. Я сбегаяю.

Барабанчикова молча схватывает его за полу пальто.

Серафима. Почему же вы не хотите, голубушка? Барабанчикова (*капризно*). Не надо.

Серафима и Голубков в недоумении.

Махров (*тихо, Голубкову*). Загадочная и весьма загадочная особа!

Голубков (*шепотом*). Вы думаете, что...

Махров. Я ничего не думаю, а так... лихолетье, сударь, мало ли кого не встретишь на своем пути! Лежит какая-то странная дама в церкви...

Пение под землей смолкает.

Пансий (*появляется бесшумно, черен, испуган*). Документики, документики приготовьте, господа честные! (*Задувает все свечи, кроме одной.*)

Серафима, Голубков и Махров достают документы. Барабанчикова высовывает руку и выкладывает на попону паспорт.

Баев (*входит, в коротком полушубке, забрызган грязью, возбужден. За Баевым — Буденовец с фонарем*). А чтоб их черт задавил, этих монахов! У, гнездо! Ты, святой папаша, где винтовая лестница на колокольню?

Пансий. Здесь, здесь, здесь...

Баев (*Буденовцу*). Посмотри.

Буденовец с фонарем исчез в железной двери.

(*Пансию.*) Был огонь на колокольне?

Пансий. Что вы, что вы! Какой огонь?

Баев. Огонь мерцал! Ну, ежели я что-нибудь на колокольне обнаружу, я вас всех до единого и с вашим

седым шайтаном к стенке поставлю! Вы фонарями белым махали!

Паисий. Господи! Что вы?

Баев. А эти кто такие? Ты же говорил, что в монастыре ни одной души посторонней нету!

Паисий. Беженцы они, бе...

Серафима. Товарищ, нас всех застиг обстрел в поселке, мы бросились в монастырь. *(Указывает на Барабанчикову.)* Вот женщина, у нее роды начинаются...

Баев *(подходит к Барабанчиковой, берет паспорт, читает)*. Барабанчикова, замужняя...

Паисий *(сатанея от ужаса, шепчет)*. Господи, Господи, только это пронеси! *(Готов убежать.)* Святой славный великомученик Димитрий...

Баев. Где муж?

Барабанчикова простионала.

Баев. Нашла время, место рожать! *(Махрову.)* Документ!

Махров. Вот документик! Я — химик из Мариуполя.

Баев. Много вас тут химиков во фронтовой полосе!

Махров. Я продукты ездил покупать, огурчики...

Баев. Огурчики!

Буденовец *(появляется внезапно)*. Товарищ Баев! На колокольне ничего не обнаружил, а вот что... *(Шепчет на ухо Баеву.)*

Баев. Да что ты! Откуда?

Буденовец. Верно говорю. Главное, темно, товарищ командир.

Баев. Ну ладно, ладно, пошли. *(Голубкову, который протягивает свой документ.)* Некогда, некогда, после. *(Паисию.)* Монахи, стало быть, не вмешиваются в гражданскую войну?

Паисий. Нет, нет, нет...

Баев. Только молитесь? А вот за кого вы молитесь, интересно было бы знать? За черного барона или за Советскую власть? Ну ладно, до скорого свидания, завтра разберемся! *(Уходит вместе с Буденовцем.)*

За окнами послышалась глухая команда, и все стихло, как бы ничего и не было.

Паисий жадно и часто крестится, зажигает свечи и исчезает.

Махров. Расточились... Недаром сказано: и даст им начертание на руках или на челах их... Звезды-то пятиконечные, обратили внимание?

Голубков (*шепотом, Серафиме*). Я совершенно теряюсь, ведь эта местность в руках у белых, откуда же красные взялись? Внезапный бой?.. Отчего все это произошло?

Барабанчикова. Это оттого произошло, что генерал Крапчиков задница, а не генерал! (*Серафиме*.) Пардон, мадам.

Голубков (*машинально*). Ну?

Барабанчикова. Ну что — ну? Ему прислали депешу, что конница красная в тылу, а он, язви его душу, расшифровку отложил до утра и в винт сел играть.

Голубков. Ну?

Барабанчикова. Малый в червах объявил.

Махров (*тихо*). Ого-го, до чего интересная особа!

Голубков. Простите, вы, по-видимому, в курсе дела: у меня были сведения, что здесь, в Курчулане, должен был быть штаб генерала Чарноты...

Барабанчикова. Вот какие у вас подробные сведения! Ну, был штаб, как не быть. Только он весь вышел.

Голубков. А куда же он удалился?

Барабанчикова. Совершенно определенно — в болото.

Махров. А откуда вам все это известно, мадам?

Барабанчикова. Очень уж ты, архипастырь, любопытен!

Махров. Позвольте, почему вы именуете меня архипастырем?

Барабанчикова. Ну ладно, ладно, это скучный разговор, отойдите от меня.

Пансий вбегает, опять тушит свечи все, кроме одной, смотрит в окно.

Голубков. Что еще?

Пансий. Ох, сударь, и сами не знаем, кого нам еще Господь послал и будем ли мы живы к ночи! (*Исчезает так, что кажется, будто он проваливается сквозь землю.*)

Послышался многокопытный топот, в окне затанцевали отблески пламени.

Серафима. Пожар?

Голубков. Нет, это факелы. Ничего не понимаю, Серафима Владимировна! Белые войска, клянусь, белые!

Свершилось! Серафима Владимировна, слава Богу, мы опять в руках белых! Офицеры в погонах!

Барабанчикова (*садится, кутаясь в попону*). Ты, интеллигент проклятый, заткнись мгновенно! «Погоны», «погоны»! Здесь не Петербург, а Таврия, коварная страна! Если на тебя погоны нацепить, это еще не значит, что ты стал белый! А если отряд переодетый? Тогда что?

Вдруг мягко ударил колокол.

Ну, зазвонили! Засыпалнсь монахи-идиоты! (*Голубкову.*) Какие штаны на них?

Голубков. Красные!.. А вон еще въехали, у тех синий с красными боками...

Барабанчикова. «Въехали с боками»!.. Черт тебя возьми! С лампасами?

Послышалась глухая команда де Бризара: «Первый эскадрон, слезай!»

Что такое! Не может быть? Его голос! (*Голубкову.*) Ну, теперь кричи, теперь смело кричи, разрешаю! (*Сбрасывает с себя попону и тряпье и выскакивает в виде генерала Чарноты. Он в черкеске со смятыми серебряными погонями. Револьвер, который у него был в руках, засовывает в карман; подбегает к окну, распахивает его, кричит.*) Здравствуйтесь, гусары! Здравствуйтесь, донцы! Полковник Бризар, ко мне!

Дверь открывается, и первой вбегает Люська в косынке сестры милосердия, в кожаной куртке и в высоких сапогах со шпорами. За ней — обросший бородой де Бризар в вестовой Краплинн с факелом.

Люська. Гриша! Гри-Гри! (*Бросается на шею Чарноты.*) Не верю глазам! Живой? Спасся? (*Кричит в окно.*) Гусары, слушайте, генерала Чарноту отбили у красных!

За окном шум и крики.

Люська. Ведь мы по тебе панихиду собирались служить!

Чарнота. Смерть видел вот так близко, как твою косынку. Я как поехал в штаб к Крапчикову, а он меня, сукин кот, в винт посадил играть... малый в червах... и на тебе — пулеметы! Буденный — на тебе, с небес! Начисто штаб перебили! Я отстрелялся, в окно и огородами в поселок к учителю Барабанчикову, давай, говорю, документы! А он, в панике, взял, да не те документы мне и сунул!

Приползаю сюда, в монастырь, глядь, документы-то бабы, женины — мадам Барабанчикова, и удостоверение — беременная! Кругом красные, ну, говорю, кладите меня, как я есть, в церкви! Лежу, рожая, слышу, шпорами — шлеп, шлеп!..

Люська. Кто?

Чарнота. Командир-буденовец.

Люська. Ах!

Чарнота. Думаю, куда же ты, буденовец, шлепаешь? Ведь твоя смерть лежит под попоной! Ну приподымай, приподымай ее скорей! Будут тебя хоронить с музыкой! И паспорт он взял, а попону не поднял!

Люська визжит.

(*Выбегает, в дверях кричит.*) Здравствуй, племя казачье! Здорово, станичники!

Послышались крики. Люська выбегает вслед за Чарнотой.

Де Бризар. Ну, я-то попону приподыму! Не будь я краповый черт, если я на радостях в монастыре кого-нибудь не повешу! Этих, видно, красные второпях забыли! (*Махрову.*) Ну, у тебя и документ спрашивать не надо. По волосам видно, что за птица! Крапилин, свети сюда!

Паисий (*влетает*). Что вы, что вы? Это его высокопреосвященство! Это высокопреосвященнейший Африкан!

Де Бризар. Что ты, сатана чернохвостая, несешь?

Махров сбрасывает шапку и тулуп.

(*Всматривается в лицо Махрова.*) Что такое? Ваше высокопреосвященство, да это действительно вы?! Как же вы сюда попали?

Африкан. В Курчулан приехал благословить донской корпус, а меня пленили красные во время набега. Спасибо, монахи снабдили документами.

Де Бризар. Черт знает что такое! (*Серафиме.*) Женщина, документ!

Серафима. Я жена товарища министра торговли. Я застряла в Петербурге, а мой муж уже в Крыму. Я бегу к нему. Вот фальшивые документы, а вот настоящий паспорт. Моя фамилия Корзухина.

Де Бризар. Mille ehcuses, madame!¹ А вы, гусеница в штатском, уж не обер ли вы прокурор?

¹ Тысяча извинений, мадам! (*фр.*)

Голубков. Я не гусеница, простите, и отнюдь не обер-прокурор! Я сын знаменитого профессора-идеалиста Голубкова и сам приват-доцент, бегу из Петербурга к вам, к белым, потому что в Петербурге работать невозможно.

Де Бризар. Очень приятно. Ноев ковчег!

Кованый лок в полу открывается, из него подымается дряхлый Игумен, а за ним — хор монахов со свечами.

Игумен (*Африкану*). Ваше высокопреосвященство! (*Монахам.*) Братие! Сподобились мы владыку от рук нечестивых социалов спасти и сохранить!

Монахи облачают взволнованного Африкана в мантию, подают ему жезл.

Владыко. Прими вновь жезл сей, им же утверждай паству...

Африкан. Воззри с небес, Боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя!

Монахи (*внезапно запели*). Εἰς πολλὰ¹ ἐτη δέσποτα!¹

В дверях вырастает Чарнота, с ним — Люська.

Чарнота. Что вы, отцы святые, белены объелись, что ли? Не ко времени эту церемонию затеяли! Ну-ка, хор!.. (*Показывает жестом — «уходите».*)

Африкан. Братие! Выйдите!

Игумен и монахи уходят в землю.

Чарнота (*Африкану*). Ваше высокопреосвященство, что же это вы тут богослужение устроили? Драпать надо! Корпус идет за нами по пятам, ловят нас! Нас Буденный к морю придушит! Вся армия уходит! В Крым идем! К Роману Хлудову под крыло!

Африкан. Всеблагий Господи, что же это? (*Схватывает свой тулуп.*) Двуколки с вами-то есть? (*Исчезает.*)

Чарнота. Карту мне! Свети, Крапилин! (*Смотрит на карту.*) Все заперто! Гроб!

Люська. Ах ты, Крапчиков, Крапчиков!..

Чарнота. Стой! Щель нашел! (*Де Бризару.*) Возьмешь свой полк, пойдешь на Алманайку. Притянешь их немножко на себя, тогда на Бабий Гай и переправляйся хоть по глотку! Я после тебя подамся к молоканам на

¹ Греческая молитва: «На все века, владыка!»

хутора, с донцами, и хоть позже тебя, а выйду на Арбатскую стрелу, там соединимся. Через пять минут выходи!

Де Бризар. Слушаю, ваше превосходительство.

Чарнота. Серафима Владимировна, вы слышите? Белые уезжают. Нам надо бежать с ними, иначе мы опять попадем в руки к красным. Серафима Владимировна, почему вы не отзываетесь, что с вами?

Люська. Дай и мне.

Де Бризар подает фляжку Люське.

Голубков (*Чарноте*). Господин генерал, умоляю вас, возьмите нас с собой! Серафима Владимировна заболела... Мы в Крым бежим... С вами есть лазарет?

Чарнота. Вы в университете учились?

Голубков. Конечно, да...

Чарнота. Производите впечатление совершенно необразованного человека. Ну, а если вам пуля попадет в голову на Бабьем Гае, лазарет вам очень поможет, да? Вы бы еще спросили, есть ли у нас рентгеновский кабинет. Интеллигенция!.. Дай-ка еще коньячку!

Люська. Надо взять. Красивая женщина, красным достанется.

Голубков. Серафима Владимировна, подымайтесь! Надо ехать!

Серафима (*глухо*). Знаете что, Сергей Павлович, мне, кажется, действительно нездоровится... Вы поезжайте один, а я здесь в монастыре прилягу... мне что-то жарко...

Голубков. Боже мой! Серафима Владимировна, это немыслимо! Серафима Владимировна, подымайтесь!

Серафима. Я хочу пить... и в Петербург...

Голубков. Что же это такое?..

Люська (*победоносно*). Это тиф, вот что это такое.

Де Бризар. Сударыня, вам бежать надо, вам худо у красных придется. Впрочем, я говорить не мастер. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

Крапилин. Так точно, ехать надо!

Голубков. Серафима Владимировна, надо ехать...

Де Бризар. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

Крапилин. Так точно, ехать надо!

Де Бризар (*глянул на браслет-часы*). Пора! (*Выбегает.*)

Послышалась его команда: «Садись!» — потом топот.

Люська. Крапилин! Подымай ее, бери силой!

Крапилин. Слушаюсь! *(Вместе с Голубковым по-
дымают Серафиму, ведут под руки.)*

Люська. В двуколку ее!

Уходят.

Чарнота *(один, дотивает коньяк, смотрит на часы).*
Пора.

Игумен *(вырастает из люка).* Белый генерал! Куда же ты? Неужто ты не отстоишь монастырь, давший тебе приют и спасение?!

Чарнота. Что ты, папаша, меня расстраиваешь? Колоколам языки подвяжи, садись в подземелье! Прощай! *(Исчезает.)*

Послышался его крик: «Садись! Садись!» — потом страшный топот, и все смолкает. Паисий появляется из люка.

Паисий. Отче игумен! А отец игумен! Что ж нам делать? Ведь красные прискачут сейчас! А мы белым звонили! Что же нам, мученический венец принимать?

Игумен. А где ж владыко?

Паисий. Ускакал, ускакал в двуколке!

Игумен. Пастырь, пастырь недостойный!.. Покинувший овцы своя! *(Кричит глухо в подземелье.)* Братие! Молитесь!

Из-под земли глухо послышалось: «Святителю отче Николае, моли Бога о нас...»

Тьма съедает монастырь. Сон первый кончается.

СОН ВТОРОЙ

...Сны мои стихают, все тяжелеет...

Возникает зал на неизвестной и большой станции где-то в северной части Крыма. На заднем плане зала необычных размеров окна, за ними чувствуется черная ночь с голубыми электрическими лунами. Случился зверский, непонятный в начале ноября в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна оледенели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеенные огненные отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные черные печки и керосиновые лампы на столах. В глубине, над выходом на главный перрон, надпись по старой орфографии: «Отделение оперативное». Стеклянная перегородка, в ней зеленая лампа казенного типа и два зеленых, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей. Рядом, на темном облупленном фоне, белый юноша на коне копьем поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот —

Георгий Победоносец, и перед ним горит граненая разноцветная лампада. Зал занят белыми штабными офицерами. Большинство из них в башлыках и наушниках. Бесчисленные полевые телефоны, штабные карты с фляжками, пишущие машинки в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают разноцветные сигналы, телефоны поют нежными голосами. Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы увидеть беспокойный налет в глазах у всех этих людей. И еще одно — страх и надежду можно разобрать в этих глазах, когда они обращаются туда, где некогда был буфет первого класса. Там, отдаленный от всех высоким буфетным шкафом, за конторкой, съевшись на высоком табурете, сидит Роман Валерьянович Хлудов. Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер, кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые. На нем солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабы, не то как помещики подпоясывали шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит черный генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки.

На Хлудове нет никакого оружия. Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит сам же на них отвечать.

Когда хочет изобразить улыбку, скалится.

Он возбуждает страх. Он болен — Роман Валерьянович. Возле Хлудова, перед столом, на котором несколько телефонов, сидит и пишет исполнительный и влюбленный в Хлудова есаул Голован.

Хлудов (*диктует Головану*). «...Запятая. Но Фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелал. Точка. Это не шахматы и не Царское незабвенное Село. Точка. Подпись — Хлудов. Точка».

Голован (*передает написанное кому-то*). Зашифровать, послать главнокомандующему.

Первый штабной (*осветившись сигналом с телефона, стонет в телефон*). Да, слушаю... слушаю... Буденный? Буденный?

Второй штабной (*стонет в телефон*). Таганаш... Таганаш...

Третий штабной (*стонет в телефон*). Нет, на Карпову балку...

Голован (*осветившись сигналом, подает Хлудову трубку*). Ваше превосходительство...

Хлудов (*в трубку*). Да. Да. Да. Нет. Да. (*Возвращает трубку Головану*.) Мне коменданта.

Голован. Коменданта!

Голоса-эхо побежали: «Коменданта, коменданта!» Комендант, бледный, косящий глазами, растерянный офицер в красной фуражке, пробегает между столами, предстает перед Хлудовым.

Хлудов. Час жду бронепоезда «Офицер» на Таганаш. В чем дело? В чем дело? В чем дело?

Комендант (*мертвым голосом*). Начальник станции, ваше превосходительство, доказал мне, что «Офицер» пройти не может.

Хлудов. Дайте мне начальника станции.

Комендант (*бежит, на ходу говорит кому-то всхлиplyвающим голосом*). Что ж я-то поделаю?

Хлудов. У нас трагедии начинаются. Бронепоезд параличом разбило. С палкой ходит бронепоезд, а пройти не может. (*Звонит.*)

На стене вспыхивает надпись: «Отделение контрразведывательное». На звонок из стены выходит Тихий, останавливается около Хлудова, тих и внимателен.

Хлудов (*обращается к нему*). Никто нас не любит, никто. И из-за этого трагедии, как в театре все равно.

Тихий тих.

Хлудов (*яростно*). Печка с угаром, что ли?

Голован. Никак нет, угару нет.

Перед Хлудовым предстает Комендант, а за ним Начальник станции

Хлудов (*Начальнику станции*). Вы доказали, что бронепоезд пройти не может?

Начальник станции (*говорит и движется, но уже сутки человек мертвый*). Так точно, ваше превосходительство. Физической силы-возможности нету! Вручную сортировали и забили начисто, пробка!

Хлудов. Вторая, значит, с угаром?

Голован. Сию минуту! (*Кому-то в сторону.*) Залить печку!

Начальник станции. Угар, угар.

Хлудов (*Начальнику станции*). Мне почему-то кажется, что вы хорошо относитесь к большевикам. Вы не бойтесь, поговорите со мной откровенно. У каждого человека есть свои убеждения, и скрывать их он не должен. Хитрец!

Начальник станции (*говорит вздор*). Ваше высокопревосходительство, за что же такое подозрение? У меня детишки... еще при государе императоре Николае Алек-

сандровиче... Оля и Павлик, детки... тридцать часов не спал, — верьте Богу! — и лично председателю Государственной думы Михаилу Владимировичу Родзянко известен. Но я ему, Родзянко, не сочувствую... У меня дети...

Хлудов. Искренний человек, а? Нет? Нужна любовь, а без любви ничего не сделаешь на войне! (*Укоризненно, Тихому.*) Меня не любят. (*Сухо.*) Дать сапер. Толкать, сортировать. Пятнадцать минут времени, чтобы «Офицер» прошел за выходной семафор! Если в течение этого времени приказание не будет исполнено, коменданта арестовать! А начальника станции повесить на семафоре, осветив под ним подпись «Саботаж».

Вдали в это время послышался нежный медленный вальс. Когда-то под этот вальс танцевали на гимназических балах.

Начальник станции (*вяло*). Ваше высокопревосходительство, мои дети еще в школу не ходили...

Тихий берет Начальника станции под руку и уводит. За ними — Комендант.

Хлудов. Вальс?

Голован. Чарнота подходит, ваше превосходительство.

Начальник станции (*за стеклянной перегородкой оживает, кричит в телефон*). Христовор Федорович! Христом-Богом заклинаю: с четвертого и пятого пути все составы вплотную гони на Таганаш! Саперы будут! Как хочешь толкай! Господом заклинаю!

Николаевна (*появилась возле Начальника станции*). Что такое, Вася, что?

Начальник станции. Ох, беда, Николаевна! Беда над семьей! Ольку, Ольку волокн скуда, в чем ест волокн!

Николаевна. Ольку? Ольку? (*Исчезает.*)

Вальс обрывается. Дверь с перрона открывается, и входит Чарнота, в бурке и папахе, проходит к Хлудову. Люська, вбежавшая вместе с Чарнотой, остается в глубине у дверей.

Чарнота. С Чонгарского дефиле, ваше превосходительство, сводная кавалерийская дивизия подошла.

Хлудов молчит, смотрит на Чарноту.

Ваше превосходительство! (*Указывает куда-то вдаль.*) Что же это вы делаете? (*Внезапно снимает папаху.*)

Рома! Ты генерального штаба! Что же ты делаешь? Рома, прекрати!

Х л у д о в . Молчать!

Чарнота надевает папаху.

Обоз бросите здесь, пойдете на Карпову балку, станете там.

Чарнота. Слушаю. *(Отходит.)*

Люська. Куда?

Чарнота *(тускло)*. На Карпову балку.

Люська. Я с тобой. Бросаю я этих раненых и Серафиму тифозную.

Чарнота *(тускло)*. Можешь погибнуть.

Люська. Ну и слава Богу! *(Уходит с Чарнотой.)*

Послышалось лязганье, стук, потом страдальческий вой бронепоезда.

Николаевна вывается за перегородку, тащит Ольку, закутанную в платок.

Николаевна. Вот она, Олька, вот она!

Начальник станции *(в телефон)*. Христофор Федорович, дотянул?! Спасибо тебе, спасибо! *(Схватывает Ольку на руки, бежит к Хлудову.)*

За ним — Тихий и Комендант.

Хлудов *(Начальнику станции)*. Ну что, дорогой, прошел? Прошел?

Начальник станции. Прошел, ваше высокопревосходительство, прошел!

Хлудов. Зачем ребенок?

Начальник станции. Олечка, ребенок... способная девочка. Служу двадцать лет и двое суток не спал.

Хлудов. Да, девочка... Серсо. В серсо играет? Да? *(Достает из кармана карамель.)* Девочка, на! Курить доктора запрещают, нервы расстроены. Да не помогает карамель, все равно курю и курю.

Начальник станции. Бери, Олюшенька, бери... Генерал добрый. Скажи, Олюшенька, «мерси»... *(Подхватывает Ольку на руки, уносит за перегородку, и Николаевна исчезает с Олькой.)*

Опять послышался вальс и стал удаляться. Из двери, не той, в которую входил Чарнота, а из другой, входит Парамон Ильич Корзухин. Это необыкновенно европейского вида человек в очках,

в очень дорогой шубе и с портфелем. Подходит к Голованову, подает ему карточку. Голован передает карточку Хлудову.

Хлудов. Я слушаю.

Корзухин (*Хлудову*). Честь имею представиться. Товарищ министра торговли Корзухин. Совет министров уполномочил меня, ваше превосходительство, обратиться к вам с тремя запросами. Я только что из Севастополя. Первое: мне поручили узнать о судьбе арестованных в Симферополе пяти рабочих, увезенных, согласно вашего распоряжения, сюда в ставку.

Хлудов. Так. Ах да, ведь вы с другого перрона! Есаул! Предъявите арестованных господину товарищу министра.

Голован. Прошу за мной. (*При общем напряженном внимании ведет Корзухина к главной двери на заднем плане, приоткрывает ее и указывает куда-то ввысь.*)

Корзухин вздрагивает. Возвращается с Голованом к Хлудову.

Хлудов. Исчерпан первый вопрос? Слушаю второй.

Корзухин (*волнуясь*). Второй касается непосредственно моего министерства. Здесь на станции застряли грузы особо важного назначения. Испрашиваю разрешения и содействия вашего превосходительства к тому, чтобы их срочно протолкнуть в Севастополь.

Хлудов (*мягко*). А какой именно груз?

Корзухин. Экспортный пушной товар, предназначенный за границу.

Хлудов (*улыбнувшись*). Ах пушной экспортный! А в каких составах груз?

Корзухин (*подает бумагу*). Прошу вас.

Хлудов. Есаул Голован! Составы, указанные здесь, выгнать в тупик, в керосин и зажечь!

Голован, приняв бумагу, исчез.

(*Мягко.*) Покороче, третий вопрос?

Корзухин (*остолбенев*). Положение на фронте?..

Хлудов (*зевнув*). Ну какое может быть положение на фронте! Бестолочь! Из пушек стреляют, командующему фронтом печку с угаром под нос подсунули, кубанцев мне прислал главнокомандующий в подарок, а они босые. Ни ресторана, ни девочек! Зеленая тоска. Вот и сидим на табуретах, как попуган. (*Меня интонацию,*

штит.) Положение? Поезжайте, господин Корзухин, в Севастополь и скажите, чтобы тыловые гниды укладывали чемоданы! Красные завтра будут здесь! И еще скажите, что заграничным шлюхам собольих манжет не видать! Пушной товар!

Корзухин. Неслыханно! *(Травлено озирается.)* Я буду иметь честь доложить об этом главнокомандующему.

Хлудов *(вежливо)*. Пожалуйста.

Корзухин *(пятась, уходит, к боковой двери, по дороге спрашивает)*. Какой поезд будет на Севастополь сейчас?

Никто ему не отвечает. Слышно, как подходит поезд.

Начальник станции *(мертвея, предстает перед Хлудовым)*. С Кермана Кемальчи особое назначение!

Хлудов. Смирно! Господа офицеры!

Вся ставка встает. В тех дверях, из которых выходит Корзухин, появляются двое конвойных казаков в малиновых башлыках, вслед за ними — Белый главнокомандующий в заломленной на затылок папаше, длиннейшей шинели, с кавказской шашкой, а вслед за ним — высокопреосвященнейший Африкан, который ставку благословляет.

Главнокомандующий. Здравствуйте, господа!

Штабные. Здравия желаем, ваше высокопревосходительство!

Хлудов. Попрошу разрешения рапорт представить вашему высокопревосходительству конфиденциально.

Главнокомандующий. Да. Всем оставить помещение. *(Африкану.)* Владыко, у меня будет конфиденциальный разговор с командующим фронтом.

Африкан. В добрый час! В добрый час!

Все выходят, и Хлудов остается наедине с Главнокомандующим.

Хлудов. Три часа тому назад противник взял Юшунь. Большевики в Крыму.

Главнокомандующий. Конец?!

Хлудов. Конец.

Молчание.

Главнокомандующий *(в дверь)*. Владыко!

Африкан, встревоженный, появляется.

Владыко! Западноевропейскими державами покинутые, коварными поляками обманутые, в этот страшный час только на милосердие Божие уповаем!

Африкан (*понял, что наступила беда*). Ай-яй-яй!

Главкомандующий. Помолитесь, владыко святой!

Африкан (*перед Георгием Победоносцем*). Всемогуший Господь! За что? За что новое испытание посылаешь чадам своим, Христову именитому воинству? С нами крестная сила, она низлагает врага благословенным оружием.

В стеклянной перегородке показалось лицо Начальника станции, тоскующего от страха.

Хлудов. Ваше высокопреосвященство, простите, что я вас перебиваю, но вы напрасно беспокоите Господа Бога. Он уже явно и давно от нас отступился. Ведь это что же такое? Никогда не бывало, а теперь воду из Сиваша угнало, и большевики, как по паркету, прошли. Георгий-то Победоносец смеется!

Африкан. Что вы, доблестный генерал?!

Главкомандующий. Я категорически против такого тона. Вы явно нездоровы, генерал, и я жалею, что вы летом не уехали за границу лечиться, как я советовал.

Хлудов. Ах вот как! А у кого бы, ваше высокопревосходительство, ваши солдаты на Перекопе вал удерживали? У кого бы Чарнота в эту ночь с музыкой с Чонгара на Карпову балку пошел? Кто бы вешал? Вешал бы кто, ваше высокопревосходительство?

Главкомандующий (*темнея*). Что это такое?

Африкан. Господи, воззри на них, просвети и укрепи! Еще царство разделится, вскоре раззорится!..

Главкомандующий. Впрочем, сейчас не время...

Хлудов. Да, не время. Вам нужно немедленно возвращаться в Севастополь.

Главкомандующий. Да. (*Вынимает конверт, подает его Хлудову.*) Прошу немедленно вскрыть.

Хлудов. А, уже готово! Вы предвидели? Это хорошо. Ныне отпускаешь раба твоего, владыко... Слушаю. (*Кричит.*) Поезд главнокомандующему! Конвой! Ставка!

Начальник станции (*за перегородкой бросается к телефону*). Керман Кемальчи! Дай жезл! Дай жезл!

Появляются конвойные казаки и все штабные.

Главногокомандующий. Командующий фронтом...

Ставка берет под козырек.

...объявит вам мой приказ. Да ниспошлет нам всем Господь силы и разум пережить русское лихолетье! Всех и каждого честно предупреждаю, что иной земли, кроме Крыма, у нас нет.

Внезапно дверь распахивается, и появляется де Бризар с завязанной марлей головой, становится во фронт Главногокомандующему.

Де Бризар. Здравия желаю, ваше императорское величество (*Ставке, таинственно.*) «Графиня, ценой одного randevu, хотите, пожалуй, я вам назову...»

Главногокомандующий. Что это?

Голован. Командир гусарского полка граф де Бризар контужен в голову.

Хлудов (*как во сне*). Чонгар... Чонгар...

Главногокомандующий. В мой поезд со мной, в Севастополь! (*Быстро выходит в сопровождении конвойных казаков.*)

Африкан. Господи! Господи! (*Благословляет ставку, быстро выходит.*)

Де Бризар (*увлекаемый штабными*). Виноват!.. «Графиня, ценой одного randevu...»

Штабные. В Севастополь, граф, в Севастополь...

Де Бризар. Виноват!.. Виноват!.. (*Исчезает.*)

Хлудов (*вскрывает конверт. Прочитал, оскалился Головану*). Летчика на Карпову балку к генералу Барбовичу. Приказ — от неприятеля оторваться, рысью в Ялту и грузиться на суда!

По ставке проносится шелест: «Аминь, аминь...» Потом могильная тишина.

Другого — к генералу Кутепову: оторваться, в Севастополь и грузиться на суда. Фостикову — с кубанцами в Феодосию. Калинину — с донцами в Керчь. Чарноте — в Севастополь! Всем на суда! Ставку свернуть мгновенно, в Севастополь! Крым сдан!

Голован (*поспешно выходя*). Летчиков! Летчиков!

Группы штабных начинают таять. Сворачиваются карты, начинают исчезать телефоны.

Послышалось, как взревел поезд и ушел. Суета, порядка уже нет. Тут распахивается дверь, из которой выходил Чарнота, и появляется Серафима, в бурке. За ней — Голубков и Крапилин, пытающиеся ее удержать.

Голубков. Серафима Владимировна, опомнитесь, сюда нельзя! (*Удивленным штабным.*) Тифозная женщина!..

Крапилин. Так точно, тифозная.

Серафима (*звонко*). Кто здесь Роман Хлудов?

При этом нелепом вопросе возникает тишина.

Хлудов. Ничего, пропустите ко мне. Хлудов — это я.

Голубков. Не слушайте ее, она больна!

Серафима. Из Петербурга бежим, все бежим да бежим... Куда? К Роману Хлудову под крыло! Все Хлудов, Хлудов, Хлудов... Даже снится Хлудов! (*Улыбается.*) Вот и удостоилась лицезреть: сидит на табуретке, а кругом висят мешки. Мешки да мешки!.. Зверюга! Шакал!

Голубков (*отчаянно*). У нее тиф! Она бредит!.. Мы из эшелона!

Хлудов звонит, и из стены выходят Тихий и Гурин.

Серафима. Ну что же! Они идут и всех вас прикончат!

В группе штабных шорох «А-а... коммунистка!»

Голубков. Что вы! Что вы! Она жена товарища министра Корзухина! Она не отдает себе отчета в том, что говорит!

Хлудов. Это хорошо, потому что, когда у нас, отдавая отчет, говорят, ни слова правды не добьешься.

Голубков. Она — Корзухина!

Хлудов. Стоп, стоп, стоп! Корзухина? Это — пушной товар? Так у этого негодяя еще и жена коммунистка? У, благословенный случай! Ну, я с ним сейчас посчитаюсь! Если только он не успел уехать, дать мне его сюда!

Тихий дает знак Гурину, и тот исчезает.

Тихий (*мягко, Серафиме*). Как ваше имя-отчество?
Голубков. Серафима Владимировна... Серафима...

Гурин вводит Корзухина. Тот смертельно бледен, чувствует беду

Вы — Парамон Ильич Корзухин?

Корзухин. Да, это я.

Голубков. Слава Богу, вы выехали нам навстречу!
Наконец-то!

Тихий (*ласково, Корзухину*). Ваша супруга, Серафима Владимировна, приехала к вам из Петербурга.

Корзухин (*посмотрел в глаза Тихому и Хлудову, учуял какую-то ловушку*). Никакой Серафимы Владимировны не знаю, эту женщину вижу впервые в жизни, никого из Петербурга не жду, это обман.

Серафима (*поглядев на Корзухина, мутно*). А-а, отрекса! У, гадина!

Корзухин. Это шантаж!

Голубков (*отчаянно*). Парамон Ильич, что вы делаете?! Этого не может быть!

Хлудов. Искренний человек, а? Ну, ваше счастье, господин Корзухин! Пушной товар! Вон!

Корзухин исчезает.

Голубков. Умоляю вас допросить нас! Я докажу, что она его жена!

Хлудов (*Тихому*). Взять обоих, допросить!

Тихий (*Гурина*). Забирай в Севастополь.

Гурин берет Серафиму под руку

Голубков. Вы же интеллигентные люди!.. Я докажу!..

Серафима. Вот один только человек и нашелся в дороге... Ах, Крапилин, красноречивый человек, что же ты не заступился?

Серафиму и Голубкова уводят.

Крапилин (*став перед Хлудовым*). Точно так. Как в книгах написано: шакал! Только одними удавками войны не выиграешь! За что ты, мировой зверь, порезал солдат на Перекопе! Попался тебе, впрочем, один человек, женщина. Пожалела удушенных, только и всего. Но мимо тебя не проскочишь, не проскочишь! Сейчас ты человека — цап и в мешок! Стервятиной питаешься.

Т и х и й . Позвольте убрать его, ваше превосходительство?

Х л у д о в . Нет. В его речи проскальзывают здравые мысли насчет войны. Поговори, солдат, поговори.

Т и х и й *(манит кого-то пальцем, и из двери контрразведывательного отделения выходят два контрразведчика. Шепотом).* Доску.

Появляется Третий контрразведчик с куском фанеры.

Х л у д о в . Как твоя фамилия, солдат?

К р а п и л и н *(заносясь в гибельные выси).* Да что фамилие? Фамилие у меня неизвестное — Крапилин-вестовой! А ты пропадешь, шакал, пропадешь, оголтелый зверь, в канаве! Вот только подожди здесь на своей табуретке! *(Улыбаясь.)* Да нет, убежишь, убежишь в Константинополь! Храбер ты только женщин вешать да слесарей!

Х л у д о в . Ты ошибаешься, солдат, я на Чонгарскую Гать ходил с музыкой и на Гати два раза ранен.

К р а п и л и н . Все губернии плюют на твою музыку! *(Вдруг очнулся, вздрогнул, опустился на колени, говорит жалобно.)* Ваше высокопревосходительство, смилуйтесь над Крапилиным! Я был в забытьи!

Х л у д о в . Нет! Плохой солдат! Ты хорошо начал, а кончил скверно. Валяешься в ногах? Повесить его! Я не могу на него смотреть!

Контрразведчики мгновенно накидывают на Крапилина черный мешок и увлекают его вон

Г о л о в а н *(появляясь).* Приказание вашего превосходительства исполнено. Летчики вылетели.

Х л у д о в . Всем в поезд, господа. Готовь, есаул, мне конвой и вагон!

Все исчезают.

(Один берет телефонную трубку, говорит в нее.) Командующий фронтом говорит. На бронепоезд «Офицер» передать, чтобы прошел, сколько может, по линии, и огонь, огонь! По Таганашу огонь, огонь! Пусть в землю втопчет на прощанье! Потом пусть рвет за собой путь и уходит в Севастополь! *(Кладет трубку, сидит один, скорчившись на табуретке.)*

Чем я болен? Болен ли я?

Раздается залп с бронепоезда. Он настолько тяжел, этот залп, что звука почти не слышно, но электричество мгновенно гаснет в зале станции, и обледенелые окна обрушиваются. Теперь обнажается перрон. Видны голубоватые электрические луны. Под первой из них, на железном столбе, висит длинный черный мешок, под ним фанера с надписью углем: «Востовой Крапилин — большевик».

Под следующей махтой другой мешок, дальше ничего не видно.

(Один в полутьме смотрит на повешенного Крапилина.) Я болен, я болен. Только не знаю чем.

Олька появилась в полутьме, выпущенная в панике. Тащится в валенках по полу.

Начальник станции *(в полутьме ищет и сонно бормочет)*. Дура, дура Николаевна... Олька. Олька-то где? Олечка, Оля, куда же ты, дурочка, куда ты? *(Схватывает Ольку на руки.)* Иди на руки, на руки к отцу... А туда не смотри... *(Счастлив, что не замечен, проваливается в тьму, и сон второй кончается.)*

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СОН ТРЕТИЙ

...Игла светит во сне...

Какое-то грустное освещение. Осенние сумерки. Кабинет в контрразведке в Севастополе. Одно окно, письменный стол, диван. В углу на столике множество газет. Шкаф. Портьеры. Тихий сидит за письменным столом в штатском платье. Дверь открывается, и Гурин выпускает Голубкова.

Гури н. Сюда... *(Скрывается.)*

Тихий. Садитесь, пожалуйста.

Голубков *(он в пальто, в руках шляпа)*. Благодарю вас. *(Садится.)*

Тихий. Вы, по-видимому, интеллигентный человек?

Голубков робко кашлянул.

И я уверен, вы понимаете, насколько нам, а следовательно, и командованию важно знать правду. О контрразведке красные распространяют гадкие слухи. На самом же деле это учреждение исполняет труднейшую и совершенно чистую работу по охране государства от большевиков. Согласны ли вы с этим?

Голубков. Я, видите ли...

Тихий. Вы меня боитесь?

Голубков. Да.

Тихий. Но почему же? Разве вам причинили какое-нибудь зло, пока везли сюда, в Севастополь?

Голубков. О нет, нет, этого я не могу сказать!

Тихий. Курите, пожалуйста. *(Предлагает папиросы.)*

Голубков. Я не курю, благодарю вас. Умоляю вас, скажите, что с ней?

Тихий. Кто вас интересует?

Голубков. Она... Серафима Владимировна, арестованная вместе со мной. Клянусь, что это просто нелепая история! У нее припадок был, она тяжело больна!

Тихий. Вы волнуетесь, успокойтесь. О ней я вам скажу несколько позже.

Молчание.

Ну, довольно разыгрывать из себя приват-доцента! Мне надоела эта комедия! Мерзавец! Перед кем сидишь? Встать смирно! Руки по швам!

Голубков *(поднимаясь)*. Боже мой!

Тихий. Слушай, как твоя настоящая фамилия?

Голубков. Я поражен... Моя настоящая фамилия Голубков!

Тихий *(вынимает револьвер, целится в Голубкова. Тот закрывает лицо руками)*. Ты понимаешь ли, что ты в моих руках? Никто не придет к тебе на помощь! Ты понял?

Голубков. Понял.

Тихий. Итак, условимся: ты будешь говорить чистую правду. Смотри сюда. Если ты начнешь лгать, я включу эту иглу *(включает иглу, которая, нагреваясь от электричества, начинает светить)* и коснусь ею тебя. *(Тушит иглу.)*

Голубков. Клянусь, что я действительно...

Тихий. Молчать! Отвечать только на вопросы. (*Прячет револьвер, берет перо, говорит скучающим голосом.*) Садитесь, пожалуйста. Ваше имя, отчество и фамилия?

Голубков. Сергей Павлович Голубков.

Тихий (*пишет, скучно*). Где проживаете постоянно?

Голубков. В Петрограде.

Тихий. Зачем вы прибыли в распоряжение белых из Советской России?

Голубков. Я давно уже стремился в Крым, потому что в Петрограде такие условия жизни, при которых я работать не могу. И в поезде познакомился с Серафимой Владимировной, которая тоже бежала сюда, и поехал с ней к белым.

Тихий. Зачем же приехала к белым именующая себя Серафимой Корзухиной?

Голубков. Я твердо... я знаю, что она действительно Серафима Корзухина!

Тихий. Корзухин при вас на станции сказал, что это ложь.

Голубков. Клянусь, что он солгал!

Тихий. Зачем же ему лгать?

Голубков. Он испугался, он понял, что ему угрожает какая-то опасность.

Тихий кладет перо, пододвигает руку к игле.

Что вы делаете? Я говорю правду!

Тихий. У вас расстроены нервы, господин Голубков. Я записываю ваши показания, как вы видите, и ничего больше не делаю. Давно она состоит в коммунистической партии?

Голубков. Этого не может быть!

Тихий. Так. (*Пододвигает Голубкову лист бумаги, дает ему перо.*) Пишите все, что сейчас показали, я буду вам диктовать, так вам будет легче. Предупреждаю вас, что, если вы остановитесь, я коснусь вас иглой. Если не будете останавливаться, ничего не бойтесь, вам ничего не угрожает. (*Зажигает иглу, которая освещает бумагу, диктует.*) «Я, нижеподписавшийся...

Голубков начинает писать под диктовку.

...Голубков Сергей Павлович, на допросе в контрразведывательном отделении ставки комфронтом 31 октября

1920 года показал двоеточие Серафима Владимировна Корзухина, жена Парамона Ильича Корзухина...» — не останавливайтесь! — «...состоящая в коммунистической партии, приехала из города Петрограда в район, занятый вооруженными силами Юга России, для коммунистической пропаганды и установления связи с подпольем в городе Севастополе точка. Приват-доцент... подпись». *(Берет лист у Голубкова, тушит иглу.)* Благодарю вас за чистосердечное показание, господин Голубков. В вашей невиновности я совершенно убежден. Извините, если я с вами был временами несколько резок. Вы свободны. *(Звонит.)*

Гурин *(входит)*. Я!

Тихий. Выведи этого арестованного на улицу и отпусти, он свободен.

Гурин *(Голубкову)*. Иди.

Голубков выходит вместе с Гуриным, забыв свою шляпу.

Тихий. Поручик Скурский!

Скурский входит. Очень мрачен.

Тихий *(зажигая на столе лампу)*. Оцените документ! Сколько даст Корзухин, чтобы откупиться?

Скурский. Здесь у трапа? Десять тысяч долларов. В Константинополе меньше. Советую у Корзухиной получить признание.

Тихий. Да. Задержите под каким-нибудь предлогом посадку Корзухина на полчаса.

Скурский. Моя доля?

Тихий пальцами показывает — две.

Сейчас пошлю агентуру. С Корзухиной поскорей. Поздно, сейчас конница уже идет грузиться. *(Уходит.)*

Тихий звонит. Гурин входит.

Тихий. Арестованную Корзухину. Она в памяти?

Гурин. Сейчас как будто полегче.

Тихий. Давай.

Гурин выходит, потом через несколько времени вводит Серафиму.

Та в жару. Гурин выходит.

Вы больны? Я не стану вас задерживать, садитесь на диван.

Серафима садится на диван.

Сознайтесь, что вы приехали для пропаганды, я и вас отпущу.

Серафима. Что?.. А?.. Какая пропаганда? Боже мой, зачем я сюда поехала?

Послышался вальс, стал приближаться, а с ним — стрекот копыт за окном.

Почему вальс играют у вас?

Тихий. Конница Чарноты идет на пристань, не отвлекайтесь. Ваш сообщник Голубков показал, что вы приехали сюда для пропаганды.

Серафима *(ложится на диван, тяжело отдувается)*. Уйдите все из комнаты, не мешайте мне спать...

Тихий. Нет. Очнитесь, прочтите. *(Показывает написанное Голубковым Серафиме.)*

Серафима *(щурится, читает)*. Петербург... лампа... он с ума сошел... *(Вдруг схватывает документи, комкает, подбегает к окну, локтем выбивает стекло, кричит.)* Помогите! Помогите! Здесь преступление! Чарнота! Сюда, на помощь!

Тихий. Гурин!

Гурин вбегает, схватывает Серафиму.

Отними документ! А, черт тебя возьми!

Вальс обрывается. В окне мелькнуло лицо под папахой. Голос: «Что такое у вас?» Послышались голоса, стук дверей, шум. Дверь открывается, появляется Чарнота в бурке, за ним еще двое в бурках. Вбегает Скунский. Гурин выпускает Серафиму.

Серафима. Чарнота! Это вы? Чарнота! Заступитесь! Посмотрите, что они делают со мной! Посмотрите, что они заставили его написать!

Чарнота берет документ.

Тихий. Попрошу немедленно оставить помещение контрразведки!

Чарнота. Нет, что же — оставить? Что вы делаете с женщиной?

Тихий. Поручик Скунский, зовите караул!

Чарнота. Я вам покажу — караул! (*Вытаскивает револьвер.*) Что вы делаете с женщиной?

Тихий. Поручик Скунский, гасите свет!

Свет гаснет.

(*В темноте.*) Вам дорого это обойдется, генерал Чарнота!

Тьма. Сон кончается.

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ

*...И множество разноплеменных
Людей вышли с ними...*

Сумерки. Кабинет во дворе в Севастополе. Кабинет в странном виде: одна портьера на окне наполовину оборвана, на стене беловатое квадратное пятно на том месте, где была большая военная карта. На полу деревянный ящик, кажется, с бумагами. Горит камин. У камина сидит неподвижно де Бризар с перевязанной головой. Входит Главнокомандующий.

Главнокомандующий. Ну как ваша голова?

Де Бризар. Не болит, ваше высокопревосходительство. Пирамидону доктор дал.

Главнокомандующий. Так. Пирамидон? (*Рассеян.*) Как по-вашему, я похож на Александра Македонского?

Де Бризар (*не удивляясь*). Я, ваше превосходительство, к сожалению, давно не видел портретов его величества.

Главнокомандующий. Про кого говорите?

Де Бризар. Про Александра Македонского, ваше высокопревосходительство.

Главнокомандующий. Величества?.. Гм.. Вот что, полковник, вам надлежит отдохнуть. Я был очень рад приютить вас во дворце, вы честно исполнили свой долг перед отечеством. А теперь поезжайте, пора.

Де Бризар. Куда прикажете ехать, ваше высокопревосходительство?

Главнокомандующий. На корабль. Я позабочусь о вас за границей.

Де Бризар. Слушаюсь. Когда будет одержана победа над красными, я буду счастлив первый стать во фронт вашему величеству в Кремле!

Главного командующий. Полковник, нельзя так остро ставить вопросы. Вы слишком крайних взглядов. Итак, благодарю вас, поезжайте.

Де Бризар. Слушаю, ваше высокопревосходительство. *(Идет к выходу, останавливается, таинственно поет.)* «Графиня, ценой одного randevu...» *(Скрывается.)*

Главного командующий *(вслед за ним говорит в дверь)*. Оставшихся посетителей впускать ко мне автоматически, через три минуты одного после другого. Приму, сколько успею. Пошлите казака отконвоировать полковника де Бризара ко мне на корабль! Напишите врачу на корабль, что пирамидон — не лекарство! Он же явно ненормален! *(Возвращается к камину, задумывается.)* Александр Македонский... Вот негодяй!

Входит Корзухин.

Вам что?

Корзухин. Товарищ министра Корзухин.

Главного командующий. А! Вовремя! Я вызвать вас хотел, невзирая на эту кутерьму. Господин Корзухин, я похож на Александра Македонского?

Корзухин поражен.

Я вас серьезно спрашиваю, похож? *(Схватывает с каминного газетный лист, тычет его Корзухину.)* Вы редактор этой газеты? Значит, вы отвечаете за все, что в ней напечатано? Ведь это ваша подпись — редактор Корзухин? *(Читает.)* «Главного командующий, подобно Александру Македонскому, ходит по перрону...» Что означает эта свиньячья петрушка? Во времена Александра Македонского были перроны? И я похож? Дальше-с! *(Читает.)* «При взгляде на его веселое лицо всякий червяк сомнения должен рассеяться...» Червяк не туча и не батальон, он не может рассеяться! А я весел? Я очень весел? Где вы набрали, господин Корзухин, эту безграмотную продажную ораву? Как вы смели это позорище печатать за два дня до катастрофы? Под суд отдам в Константинополе! Пирамидон принимать, если голова болит!

Оглушительно грянул телефон в соседней комнате.
Главнокомандующий выходит, хлопнув дверью.

Корзухин *(отдышавшись)*. Так вам и нужно. Парамон Ильич! Какого черта, спрашивается, меня понесло во дворец? Одному бесноватому жаловаться на другого? Ну схватили Серафиму Владимировну, ну что же я могу сделать? Ну погибнет, ну царство небесное! Что же мне из-за нее самому лишаться жизни? Александр Македонский грубиян!.. Под суд? Простите, Париж не Севастополь! В Париж! И будьте вы все прокляты и ныне, и присно, и во веки веков! *(Устремляется к дверям.)*

Африкан *(входя)*. Аминь. Господин Корзухин, что делается, а?

Корзухин. Да, да, да... *(Незаметно ускользает.)*

Африкан *(глядя на ящики)*. Ай-яй-яй! Господи, Господи! И отправились сыны израилены из Раамсеса в Соххоф до шестисот (тысяч) пеших мужчин, кроме детей... Ах, ах... И множество разноплеменных людей вышли с ними...

Быстро входит Хлудов.

Вы, ваше превосходительство? А тут только что был господин Корзухин, вот странно...

Хлудов. Вы мне прислали Библию в ставку в подарок?

Африкан. Как же, как же...

Хлудов. Помню-с, читал от скуки ночью в купе. «Ты дунул духом твоим, и покрыло их море... Они погрузились, как свинец, в великих водах...» Про кого это сказано? А? «Погонюсь, настигну, разделю добычу, насытитесь ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя...» Что, хороша память? А он клеветает, будто я ненормален! А вы чего здесь торчите?

Африкан. Торчите! Роман Валерьянович! Я ожидаюсь главнокомандующего...

Хлудов. Кто дожидается, тот дождется. Это в стиле вашей Библии. Знаете, чего вы здесь дождетесь?

Африкан. Чего?

Хлудов. Красных.

Африкан. Может ли быть так скоро?

Хлудов. Все может быть, мы вот с вами сидим, Священное писание вспоминаем, а в это время, вообрази-

те, рысью с севера конница к Севастополю подходит...
(Подводит Африкана к окну.) Гляньте...

Африкан. Зарево! Господи!

Хлудов. Оно самое. На корабль скорей, святой отец, на корабль!

Африкан, осенив себя частыми крестами, уходит.

Провалился!

Главкомандующий (входит). А, слава Богу! С нетерпением вас ждал? Ну что, все ушли?

Хлудов. Конницу по дороге сильно трепали зеленые. Но, в общем, можно считать, ушли. А я сам уютно ехал. Забился в уголок купе, ни я никого не обижаю, ни меня никто. В общем, сумерки, ваше высокопревосходительство, как в кухне.

Главкомандующий. Я вас не понимаю, что вы говорите?

Хлудов. Да в детстве это было. В кухню раз вошел в сумерки — тараканы на плите. Я зажег спичку, чирк, а они и побежали. Спичка возьми и погасни. Слышу, они лапками шуршат — шур-шур, мур-мур... И у нас тоже — мгла и шуршание. Смотрю и думаю: куда бегут? Как тараканы, в ведро. С кухонного стола — бух!

Главкомандующий. Благодарю вас, генерал, за все, что вы, с вашим громадным стратегическим талантом, сделали для Крыма, и больше не задерживаю. Я и сам сейчас переезжаю в гостиницу.

Хлудов. К воде поближе?

Главкомандующий. Если вы не перестанете забываться, я вас арестую.

Хлудов. Предвидел. В вестибюле мой конвой. Произойдет большой скандал, я популярен.

Главкомандующий. Нет, тут не болезнь. Вот уж целый год вы омерзительным паясничеством прикрываете ненависть ко мне.

Хлудов. Не скрою, ненавижу.

Главкомандующий. Зависть? Тоска по власти?

Хлудов. О нет, нет. Ненавижу за то, что вы меня вовлекли во все это. Где обещанные союзные рати? Где Российская империя? Как могли вы вступить в борьбу с ними, когда вы бессильны? Вы понимаете, как может не-

навидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать? Вы стали причиной моей болезни! *(Утихая.)* Впрочем, теперь вообще не время, мы оба уходим в небытие.

Главкомандующий. Я вам советую остаться здесь во дворце, это лучший способ для вас перейти в небытие.

Хлудов. Это мысль. Но я не продумал еще этого как следует.

Главкомандующий. Я не держу вас, генерал.

Хлудов. Гоните верного слугу? «И аз иже кровь в непрестанных боях за тя аки воду лиях и лиях...»

Главкомандующий *(стукнув стулом)*. Клоун!

Хлудов. Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?

Главкомандующий *(при словах «Александр Македонский» пришел в ярость)*. Если вы еще одно слово!.. Если вы...

Конвойный *(вырос из-под земли)*. Ваше высокопревосходительство, кавалерийская школа из Симферополя подошла. Все готово!

Главкомандующий. Да? Едем! *(Хлудову.)* Мы еще увидимся! *(Выходит.)*

Хлудов *(один, садится к камину, спиной к двери)*. Пусто и очень хорошо. *(Вдруг беспокойно встает, открывает дверь, показывается анфилада темных и брошенных комнат с люстрами в темных кисейных мешках.)* Эй, кто тут есть? Нет никого. *(Садится.)* Итак, остаться? Нет, это не разрешает мой вопрос. *(Оборачивается, говорит кому-то.)* Уйдешь ты или нет? Ведь это вздор! Я могу пройти сквозь тебя подобно тому, как вчера стрелой я пронзил туман. *(Проходит как бы сквозь что-то.)* Ну вот я и раздавил тебя. *(Садится, молчит.)*

Дверь тихонько открывается, и входит Голубков. Он в пальто, без шляпы.

Голубков. Ради Бога, позвольте мне войти на одну минуту!

Хлудов *(не оборачиваясь)*. Пожалуйста, пожалуйста, войдите.

Голубков. Я знаю, что это безумная дерзость, но мне обещали, что меня допустят именно к вам. Но все разошлись куда-то, и я вошел.

Хлудов *(не оборачиваясь)*. Что вам нужно от меня?

Голубков. Я осмелился прибежать сюда, ваше высокопревосходительство, чтобы сообщить об ужаснейших преступлениях, совершающихся в контрразведке. Я прибежал жаловаться на зверское преступление, причиной которого является генерал Хлудов.

Хлудов оборачивается.

(Узнав Хлудова, пятится.) А-а...

Хлудов. Это интересно. Позвольте, но ведь вы живой, вы же не повешены, надеюсь? В чем ваша претензия?

Молчание.

Приятное впечатление производите. Я вас где-то видел. Так будьте любезны, в чем претензия? Да не проявляйте, пожалуйста, трусости. Вы пришли говорить, ну и говорите.

Голубков. Хорошо. Позавчера на станции вы велели арестовать женщину...

Хлудов. Помню, да. Помню. Вспомнил. Я вас узнал. Позвольте, кому же вы хотели здесь жаловаться на меня?

Голубков. Главнокомандующему.

Хлудов. Поздно. Нету его. *(Указывает в окно.)*

Вдали мерцают огоньки, и видно малое зарево.

Ведро с водой. Он погрузился в небытие навсегда. На генерала Хлудова более некому пожаловаться. *(Подходит к столу, берет одну из телефонных трубок, говорит в нее.)* Вестибюль?.. Есаула Голована... Слушай, есаул, возьми с собой конвой и в контрразведку, там за мной записана женщина... *(Голубкову.)* Корзухина?

Голубков. Да-да, Серафима Владимировна!

Хлудов *(в телефон)*. Серафима Владимировна Корзухина. Если она не расстреляна, сию же минуту доставь мне ее сюда во дворец. *(Кладет трубку.)* Подождем.

Голубков. Если не расстреляна — вы сказали? Если не расстреляна?.. Ее расстреляли? Ну, если вы это сделали... *(Плачет.)*

Хлудов. Ведите себя как мужчина.

Голубков. Ах, вы еще издеваетесь! Хорошо, я веду... Если только ее нет в живых, я вас убью!

Хлудов (*вяло*). Что же, это, может быть, лучший исход. Да нет, никого вы не убьете, к сожалению. Молчите.

Голубков садится и умолкает.

(*Отвернувшись от Голубкова, говорит кому-то.*) Если ты стал моим спутником, солдат, то говори со мной. Твое молчание давит меня, хотя и представляется мне, что твой голос должен быть тяжелым и медным. Или оставь меня. Ты знаешь, что я человек большой воли и не поддамся первому видению, от этого выздоравливают. Пойми, что ты просто попал под колесо, и оно тебя стерло и кости твои сломало. И бессмысленно таскаться за мной. Ты слышишь, мой неизменный красноречивый вестовой?

Голубков. С кем вы говорите?

Хлудов. А? С кем? Сейчас узнаем. (*Рукой разрезает воздух.*) Ни с кем, сам с собой. Да. Так кто она вам, любовница?

Голубков. Нет-нет! Она случайно встреченный человек, но я ее люблю. Ах, я жалкий безумец! Зачем, зачем тогда в монастыре я ее, больную, поднял, уговорил ехать в эти дьявольские лапы... Ах я жалкий человек!

Хлудов. В самом деле, зачем вы подвернулись мне под ноги? Зачем вас принесло сюда? А теперь, когда машина сломалась, вы явились требовать у меня того, чего я вам дать не могу. Нет ее и не будет. Ее расстреляли.

Голубков. Злодей! Злодей! Бессмысленный злодей!

Хлудов. И вот с двух сторон: живой, говорящий, нелепый, а с другой — молчащий вестовой. Что со мной? Душа моя раздвоилась, и слова я слышу мутно, как сквозь воду, в которую погружаюсь, как свинец. Оба, проклятые, висят на моих ногах и тянут меня во мглу, и мгла меня призывает.

Голубков. А, теперь я понял! Ты сумасшедший! Теперь все понимаю! И лед на Чонгаре, и черные мешки, и мороз! Судьба! За что ты гнетешь меня? Как же я не сберег мою Серафиму? Вот он, вот он, ее слепой убийца! А что с него взять, если разум его помутился!

Хлудов. Вот чудак! (*Бросает Голубкову револьвер.*)
Сделайте одолжение, стреляйте. (*В пространство.*) Ну,
оставь меня. Может быть, этот догадается выстрелить.

Голубков. Нет, не могу я стрелять в тебя, ты мне
жалок, страшен, омерзителен!

Хлудов. Да что это за комедия в конце концов?

Послышались вдали шаги.

Стойте, стойте, идут! Может быть, это он? Сейчас все узнаем.

Входит Голован

Расстреляна?

Голован. Никак нет.

Голубков. Жива? Жива? Где же она, где?

Хлудов. Тише. (*Головану.*) Почему же не доставили
вы ее в таком случае?

Голован косится на Голубкова

Говорите при нем.

Голован. Слушаю. Сегодня в четыре часа дня генерал-майор Чарнота ворвался в помещение контрразведки, арестованную Корзухину, угрожая вооруженной силой, отбил и увез.

Голубков. Куда? Куда?

Хлудов. Тише. (*Головану.*) Куда?

Голован. На пароход «Витязь». В пять «Витязь» вышел на рейд, а после пяти в открытое море.

Хлудов. Довольно. Спасибо. Итак, вот, жива. Жива это ваша женщина Серафима.

Голубков. Да-да, жива, жива...

Хлудов. Есаул, берите конвой, знамя, грузитесь на «Святителя», я сейчас приеду.

Голован. Осмелюсь доложить...

Хлудов. Я в здравом уме, приеду, не бойтесь, приеду.

Голован. Слушаю. (*Исчез.*)

Хлудов. Ну, стало быть, она плывет туда, в Константинополь.

Голубков (*слепо*). Да-да-да, в Константинополь... Я все равно от вас не отстану. Вот огни, это огни в

порту, смотрите. Возьмите меня в Константинополь.

Хлудов. О, черт, черт, черт...

Голубков. Хлудов, едем скорее!

Хлудов. Замолчи. (*Бормочет.*) Ну вот, одного я удовлетворил, теперь на свободе могу поговорить с тобой. (*В пространство.*) Чего ты хочешь? Чтобы я остался? Нет, не отвечает. Бледнеет, отходит, покрывается тьмой и стал вдали.

Голубков (*тоскуя*). Хлудов, ты болен! Хлудов, это бред! Оставь его! Нам надо спешить! Ведь «Святитель» уйдет, мы опоздаем!

Хлудов. Черт... черт... Какая-то Серафима... В Константинополь... Ну, едем, едем! (*Быстро выходит.*)

Голубков выходит за ним.

Тьма. Сон кончается.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СОН ПЯТЫЙ

...Янычар сбоят!..

Страшная симфония. Поют турецкие напевы, в них вплетается русская шарманочная «Разлука», стоны уличных торговцев, гудение трамваев. И вдруг загорается Константинополь в предвечернем солнце. Виден господствующий минарет, кровли домов. Стоит необыкновенного вида сооружение, вроде карусели, над которым красуется крупная надпись на французском, английском и русском языках: «Стой! Сенсація в Константинополе! Тараканѣ бегат!» «Русская азартная игра с дозволения полиции». «Sensation à Constantinople! Courses des cafards. Races of cock-roachs!»

Сооружение украшено флагами разных стран. Касса с надписями: «В ординаре» и «В двойном». Надпись над кассой на французском и русском языках: «Начало в пять часов вечера». «Commencement à 5 heures du soir». Сбоку ресторан на воздухе под золотушными лаврами в кадках. Надпись: «Русский деликатес — вобла. Порция 50 пиастров». Выше — вырезанный из фанеры и раскрашенный таракан во фраке, подающий пенящуюся кружку пива. Лаконическая надпись: «Пиво». Выше сооружения и сзади живет в зное своей жизнью узкий переулочек: проходят турчанки в чарчафах, турки в красных фесках, иностранцы моряки в белом; изредка проводят осликов с корзинами. Лавчонка с кокосовыми орехами.

Мелькают русские в военной потрепанной форме. Слышны

звоночки продавцов лимонада. Где-то отчаянно вопит мальчишка: «Пресс дю суар!»¹

У входа с переулка вниз к сооружению Чарнота, в черкеске без погон, выпивший, несмотря на жару, и мрачный, торгует резниновыми чертями, тешными языками и какими-то прыгающими фигурками с лотка, который у него на животе.

Чарнота. Не бьется, не ломается, а только кувыр-кается! Купите красного комиссара для увеселения ваших детишек-ангелочков! Мадам! Мадам! Аштэ пур вотр анфан!²

Турчанка, любящая мать. Бунун фиа ты надыр? Комбьен?³

Чарнота. Сенкан пиастр, мадам, сенкан!⁴

Турчанка, любящая мать. О, иох! Бу пахалы дыр!⁵ (*Проходит.*)

Чарнота. Мадам! Сорок! Каран! А, чтоб тебе про-пасть! Да у тебя и детей никогда не было! Геен зи!.. Геен зи!..⁶ Ступай в гарем! Боже мой, до чего же сволочной город!

Константинополь стонет над Чарнотой. Где-то надрываются тенора — продавцы лимонов, кричат сладко: «Амбуляси! Амбуляси!» Басы поют в симфонии: «Каймаки, каймаки!» Струится зной.

В кассе возникает личико. Чарнота подходит к кассе.

Марья Константиновна, а Марья Константиновна!

Личико. Что вам, Григорий Лукьянович?

Чарнота. Видите ли, какое дельце... Нельзя ли мне сегодня в кредит поставить на Янычара?

Личико. Помилуйте, Григорий Лукьянович, не могу я.

Чарнота. Что же, я жулик, или фармазон константинопольский, или неизвестный вам человек? Можно бы, кажется, поверить генералу, который имеет свое торговое дело рядом с бегамы?

Личико. Так-то оно так... Скажите сами Артуру Артуровичу.

Чарнота. Артур Артурович!

¹ Presse du soir — «Вечерняя газета» (*фр.*).

² Achetez pour vôtres enfants! — Купите для ваших детей! (*фр.*)

³ Сколько это стоит? (*тур.*) Сколько? (*фр.*)

⁴ Cinquante piastres, madame, cinquante! — Пятьдесят пиастров, мадам! (*фр.*)

⁵ Ох, нет! Это дорого! (*тур.*)

⁶ Cehen Sie!.. Cehen Sie!.. — Пошла ты!.. Пошла!.. (*нем.*)

Артур (*появляется на карусели, как Петрушка из-за ширм, мучается, пристегивая фрачный воротничок*). В чем дело? Кому я понадобился? А!.. Чем могу?

Чарнота. Видите ли, я хотел вас попросить...

Артур. Нет! (*Скрывается.*)

Чарнота. Что это за хамство! Куда ты скрылся, прежде чем я сказал?

Артур (*появляется*). Так ведь я же знаю, что вы скажете.

Чарнота. Интересно — что?

Артур. Гораздо интереснее то, что я вам скажу.

Чарнота. Интересно — что?

Артур. Кредит — никому! (*Скрывается.*)

Чарнота. Вот скотина!

В ресторане появляются двое французских моряков, кричат:
«Un bock! Un bock!»¹

Личико. Клоп по вас ползет, Григорий Лукьянович, снимите.

Чарнота. Да ну его к черту, и не подумаю снимать, совершенно бесполезно. Пускай ползет, он мне не мешает. Ах, город!.. Каких я только городов не перевидал, но такого... Да видал многие города, очаровательные города, мировые!..

Личико. Какие же вы города видали, Григорий Лукьянович?

Чарнота. Господи! А Харьков! А Ростов! А Киев! Эх, Киев-город, красота, Марья Константиновна! Вот так лавра пылает на горах, а Днепро, Днепро! Неописуемый воздух, неописуемый свет! Травы, сеном пахнет, склоны, доли, на Днепре черторой! И помню, какой славный бой под Киевом, прелестный бой! Тепло было, солнышко, тепло, но не жарко, Марья Константиновна. И вши, конечно, были... Вошь — вот это насекомое!

Личико. Фу, гадости какие говорите, Григорий Лукьянович!

Чарнота. Почему же гадость? Разбираться все-таки нужно в насекомых. Вошь — животное военное, боевое, а клоп — паразит. Вошь ходит эскадронами, в конном строю, вошь кроет лавой, и тогда, значит, будут громаднейшие бои! (*Тоскует.*) Артур!

¹ «Бокал пива! Бокал пива!» (*фр.*)

Артур (*выглядывает во фраке*). Чего вы так кричите?

Чарнота. Смотрю я на тебя и восхищаюсь, Артур! Вот уж ты и во фраке. Не человек ты, а игра природы — тараканий царь. Ну и везет тебе! Впрочем, ваша нация вообще везучая!

Артур. Если вы опять начнете проповедовать здесь антисемитизм, я прекращу беседу с вами.

Чарнота. Да тебе-то что? Ты же говорил, что ты венгерец.

Артур. Тем не менее.

Чарнота. Вот я и говорю: везет вам, венгерцам! Вот чего, Артур Артурович: хочу я ликвидировать свое предприятие. (*Показывает на лоток.*)

Артур. Пятьдесят.

Чарнота. Чего?

Артур. Пиастров.

Чарнота. Ты что же, насмешки строишь надо мной? Я штуку продаю по пятьдесят!

Артур. Ну и продолжай!

Чарнота. Вы, стало быть, и впредь намерены кро-
вопийствовать?

Артур. Я вам не навязываюсь.

Чарнота. Счастливый вы человек, Артур Артурович, не попались вы мне в Северной Таврии!

Артур. Ну, здесь, слава Богу, не Северная Таврия!

Чарнота. Возьми газыри. Серебряные.

Артур. Газыри вместе с ящиком — две лиры пятьдесят.

Чарнота. На, бери! (*Отдает ящик и газыри Артуру.*)

Артур. Пожалуйста. (*Отдает деньги Чарноте.*)

В карусель проходят трое в шапках с павлиньими перьями, в безрукавках и с гармониями.

(*Скрылся, потом опять выглянул, кричит.*) Пять часов! Мы начинаем! Пожалуйста, господа!

Над каруселью взвивается русский трехцветный флаг. В карусели гармонии заиграли залихватский марш. Чарнота первым устремляется к кассе.

Чарнота. Давайте, Марья Константиновна, на две лиры пятьдесят на Янычара!

К кассе повалила публика Вламывается группа итальянских воснных моряков, за ними — английские матросы, с ними — Проститутка-красавица. Полезли жулики разного типа, мелькнул Негр. Марш гремит В ресторане летает Лакей, подает пиво, Артур. во фраке и в цилиндре, взвился над каруселью Марш смолк.

Артур. Мсье, дам! Бега открыты! Невиданная нигде в мире русская придворная игра! Тараканы бега! Курс де кафар! Карсо дель пьятелло! Рейс оф кок-рочс! Любимая забава покойной императрицы в Царском Селе! Ламюземан префере де ла дефянт эмператрис русс в Царское Село!

Появляются двое полицейских — итальянский и турецкий.

Первый заезд! Бегут: первый номер — Черная Жемчужина! Номер второй — фаворит Янычар.

Итальянцы-матросы (*аплодируют, кричат*). Ev-viva!¹

Англичане-матросы (*свистят, кричат*). Away! Away!²

Вламывается потная, взволнованная Фигура в котелке и в интендантских погонах.

Фигура. Опоздал? Побежали?

Голос: «Поспеешь!»

Артур. Третий — Баба-Яга! Четвертый — Не плачь, дитя! Серый в яблоках таракан!

Крики: «Ура!», «Не плачь, дитя!» «It is a swindle! It is a swindle!»³

Шестой — Хулиган! Седьмой — Пуговица!

Свист. Крики: «A trap!», «A trap!»⁴

Артур. Ай бег ёр пардон!⁵ Никаких шансов! Тараканы бегут по открытой доске, с бумажными наездниками! Тараканы живут в опечатанном ящике под наблюде-

¹ Да здравствует! (*ит.*)

² Долой! Долой! (*англ.*)

³ Афера! Афера! (*англ.*)

⁴ Ловушка! Ловушка! (*англ.*)

⁵ I beg your pardon! — Прошу прощения! (*англ.*)

нием профессора энтомологии Казанского императорского университета, еле спасшегося от рук большевиков! И так, к началу! (*Проваливается в карусель.*)

Толпа игроков хлынула в карусель. Мальчишки появились на каменном заборе. В карусели гул, потом мертвое молчание. Потом гармонии заиграли «Светит месяц»; в музыке побежали, шурша, тараканьи лапки.

Отчаянный голос в карусели: «Побежали!»

Мальчишка-грек, похожий на дьяволенка, танцует на заборе, кричит: «Побезали, побезали!»

Крик в карусели: «Янычар сбоят!» Гул.

Чарнота (*у кассы*). Как — сбоят? Быть этого не может!!!

Личико беспокойно высовывается из кассы. Полицейские проявляют беспокойство, заглядывают в карусель.

Фигура (*выбежав из карусели*). Жульничество! Артурка пивом опоил Янычара!

Артур вырывается из карусели. Обе фалды фрака у него оторваны, цилиндр превращен в лепешку, воротничка нет. Лицо в крови. За ним гонится толпа игроков.

Артур (*кричит отчаянно*). Марья Константиновна, зовите полицию!

Личико исчезает. Полицейские свистят.

Итальянцы-матросы (*кричат*). Ladro! Scroscopone! Trufatore!¹

Проститутка-красавица. Бей Артура, Джанни! (*Артуру.*) Ingannatore!²

Матросы-англичане. Hip, hip, hurrah! Long live Pugovitz!³

Проститутка-красавица. Братики! Фрателли! Кто-то подкупил Артурку, чтобы Пуговицу играть! Фаворит трясет лапками, пьян, как зюзя! Где это видано, чтобы Янычар сбоят?!

Артур (*в отчаянии*). Где вы видели когда-либо пьяного таракана? Же ву деманд эн пё, у эсе-ё ву заве вю эн кафар суль! Полис! О скур!.. Полиция! На помощь!

¹ Жулик! Мошенник! Плут! (*ит.*)

² Мерзавец! (*ит.*)

³ Хип, хип, ур-! Да здравствует Пуговица! (*англ.*)

Проститутка-красавица. Мансонж! Ложь! Вся публика играла Янычара! Бейте его, мошенника!

Итальянец-матрос (*схватывает Артура за глотку, кричит*). А, marmalia!¹

Итальянцы (*кричат*). Canalia!²

Артур (*томно*). Убивают...

Боцман-англичанин (*Итальянцу*). Stop! Keep back!³ (*Схватывает Итальянца.*)

Фигура. Дай ему по уху!

Проститутка-красавица (*Англичанину*). А, так вы заступаться?!

Англичанин ударяет Итальянца, тот падает.

Проститутка-красавица. А soccorso, fratelli! На помощь, братики! Бейте, братики, англичан! Итальянцы, на помощь!

Англичане схватываются с итальянцами. Итальянцы вытаскивают ножи. При виде ножей публика с воем бросается в разные стороны. Мальчишка-грек, танцуя на стене, кричит: «Англичанов резут!!!» Из переулка, свистя, врывается толпа итальянских и турецких полицейских с револьверами. Чарнота у кассы, схватывается за голову.

Сон вдруг разваливается.

Тьма. Настает тишина, и течет новый сон.

СОН ШЕСТОЙ

..Разлука, ты разлука!

Появляется двор с кипарисами, двухэтажный дом с галереей. Водоем у каменной стены, тихо стучат капли воды. Каменная скамья у калитки. Повыше дома кривой пустынный переулок. Солнце садится за балюстраду минарета. Первые предвечерние тени. Тихо.

Чарнота (*входит во двор*). Чертова Пуговица! Впрочем, дело не в Пуговице, а в том, что я пропал бесповоротно... Съест она меня, съест. Убежать, что ли? А куда, если спросить вас, Григорий Лукьянович, вы побежите? Здесь вам не Таврия, бегать не полагается. Ай-й-й!

¹ Сброд! (*ит.*)

² Негодяй! (*ит.*)

³ Стой! Назад! (*англ.*)

Дверь на галерейку открывается, и выходит Люська. Одето неряшливо. Люська голодна, от этого глаза ее блестят, а лицо дышит неземной, но мимолетной красотой.

Люська. А, здоровья желаю, ваше превосходительство! Бонжур, мадам Барабанчикова!

Чарнота. Здравствуй, Люсенька!

Люська. Отчего же ты так рано? Я бы на вашем месте прошлялась до позднего вечера, тем более что дома очень скучно — ни провизии, ни денег. Но счастливые вести написаны на вашем выразительном лице, и ящика нет. И газыри отсутствуют. Кажется, я начинаю понимать, в чем дело. Пожалуйста деньги, я и Серафима не ели со вчерашнего дня ничего. Будьте любезны!

Чарнота. А где Серафима?

Люська. Это не важно. Она стирает. Ну, подавай деньги.

Чарнота. Случилась катастрофа, Люсенька.

Люська. Неужели? Где газыри?

Чарнота. Я, Люся, задумал продать их и, видишь ли, положил в ящик, на минутку снял ящик на Гран-Базаре, и...

Люська. Украл...

Чарнота. Угу...

Люська. Конечно, человек с черной бородой украл, не правда ли?

Чарнота (слабей). При чем тут человек с черной бородой?

Люська. А он всегда крадет у мерзавцев на Гран-Базаре. Так честное слово — украл!

Чарнота кивает головой.

Тогда вот что. Ты знаешь, кто ты, Гриша, таков?

Чарнота. Кто?

Люська. Последний подлец!

Чарнота. Как ты смеешь?!

Серафима выходит с ведром, останавливается. Ссорящиеся ее не замечают.

Люська. Смею, потому что ящик был куплен на мои деньги.

Чарнота. Ты мне жена, и у нас общие деньги.

Люська. У мужа — от торговли чертями, а у жены — от торговли совсем другими вещами!

Чарнота. Что ты сказала?

Люська. Да что ты валяешь дурака! На прошлой неделе с французом я псалмы ездила петь? Кто-нибудь у меня спросил, откуда у меня пять лир появилось? И на пять лир неделю жили, и ты, и я, и Серафима! Но это еще не все! Ящик с газырями остался не на Гран-Базаре, а на тараканьих бегах! Ну-с, подведем итоги. Лихой рыцарь генерал Чарнота разгромил контрразведку, вынужден был из армии бежать, ну и теперь нищенствует в Константинополе, а с ним и я!

Чарнота. Ты что же, можешь упрекнуть меня за то, что я женщину от гибели спас? За Симку можешь упрекнуть?

Люська. Нет! А ее, Симку, могу упрекнуть, могу! (*Закусила удила*). Пусть живет непорочная Серафима, вздыхает по своем пропавшем без вести Голубкове, пусть живет и блистательный генерал за счет распутной Люськи.

Серафима. Люся!

Люська. Подслушивать тебе как будто и не к лицу, Серафима Владимировна!

Серафима. Я и не думала подслушивать, не занимаюсь этим. Услышала случайно, и хорошо, что услышала. Почему же ты мне раньше ничего не сказала насчет пяти лир?

Люська. Что ты лукавишь, Серафима, что ты, слепая, что ли?

Серафима. Клянусь тебе, я ничего не знала. Я думала, что пять лир он принес. Но не беспокойся, Люся, я отработаю.

Люська. Пожалуйста, без благородства!

Серафима. Не сердись, не будем ссориться. Выясним положение.

Люська. Выяснять тут нечего. Завтра греки нас турнут с квартиры, жрать абсолютно нечего, все продано. (*Загорается вновь.*) Нет, я не могу успокоиться! Это он меня довел до белого каления! (*Чарноте.*) Отвечай, проиграл?

Чарнота. Проиграл.

Люська. Ах ты!..

Чарнота. Войди в мое положение! Не могу я торговать чертями! Я воевал!

Серафима. Люся, брось, брось... Ну брось! Полторы-две лиры, ну чем они нам помогут?

Молчание.

А ведь действительно какой-то злостный рок нас травит! Люська. Лирика!

Чарнота (*внезапно, Люське*). Ты была с французом?

Люська. Поди ты к черту от меня!

Серафима. Тише, тише, тише! Перестаньте ссориться, сейчас я принесу ужин.

Люська. Брось, Симка, не берись не за свои дела. Ты моими словами не обижайся. Я все равно пойду по этой дороге. Я не евши сидеть не буду, у меня принципов нету!

Серафима. И не евши я сидеть не буду, и на чужой счет питаться не буду. А знать, что ты ходишь зарабатывать, и сидеть здесь — это уж такая подлость, такая подлость! Надо было мне все сказать! Попали вместе в яму — вместе и действовать будем!

Люська. Чарнота продаст револьвер.

Чарнота. Люсенька, штаны продам, все продам, только не револьвер! Я без револьвера жить не могу!

Люська. Он тебе голову заменяет. Ну и питайся за женский счет!

Чарнота. Ты не искушай меня!

Люська. Вот только тронь меня пальцем, я тебя отправлю ночью!

Серафима. Перестаньте! Что вы грызетесь все время? Я вам говорю — будет ужин! Это вы с голоду!

Люська. Что ты там затеваешь, дура?

Серафима. Ничего я не дура, я была действительно дурой! Да не все ли равно, чем торговать. Все это такая чепуха! (*Уходит на галерею, потом возвращается в шляпе. Уходя.*) Ждите меня, только, пожалуйста, без драки.

Где-то шарманка занграла «Разлуку».

Люська. Симка! Симка!

Чарнота. Сима!

Молчание.

Люська. У, гнусный город! У, клопы! У, Босфор!.. А ты...

Чарнота. Замолчи.

Люська. Ненавижу я тебя, и себя, и всех русских! Изгой чертовы! *(Уходит в галерею.)*

Чарнота *(один)*. В Париж или в Берлин, куда податься? В Мадрид, может быть? Испанский город... Не бывал. Но могу пари держать, что дыра. *(Присаживается на корточки, шарит под китарисом, находит окурки.)* До чего греки жадный народ, ведь до самого хвостика докуривает, сукин кот! Нет, я не согласен с ней, наши русские лучше, определенно лучше. *(Зажигает окурки и уходит на галерею.)*

Во двор входит Голубков, он в английском френче, в обмотках и в турецкой феске. С шарманкой. Ставит ее на землю, начинает играть «Разлуку», потом марш.

(Кричит с галереи) Перестанешь ли ты, турецкая морда, мне душу надирать?

Голубков. Что? Гри... Григорий Лукьянович?! Говорил, что найду! Нашел!

Чарнота. Кто такой! Ты, приват-доцент?

Голубков *(садится на край вадоема, в волнении)*. Нашел.

Чарнота *(сбегает к нему)*. Меня-то нашел, нашел... Я тебя за турка принял. Здравствуй! *(Целует Голубкова.)* На что ты похож?! Э, постарел! Мы думали, что ты у большевиков остался. Где же ты пропадал полгода?

Голубков. Сперва в лагере околачивался, потом тифом заболел, в больнице два месяца провалялся, а теперь вот хожу по Константинополю, Хлудов приютит. Его, ты знаешь, разжаловали, из армии вон!

Чарнота. Слышал. Я, брат, и сам теперь человек штатский. Насмотрелись мы тут... Но с шарманкой еще никого не было.

Голубков. Мне с шарманкой очень удобно. По дворам хожу и таким образом ищу. Говори сразу, умерла она? Говори, и не бойся. Я ко всему привык.

Чарнота. А, Серафима! Зачем умерла? Поправилась, живехонька!

Голубков. Нашел! *(Обнимает Чарноту.)*

Чарнота. Конечно, жива. Но, надо сказать, в трудное положение мы попали, доцент! Все рухнуло! Добегались мы, Сережа, до ручки!

Голубков. А где же она, где Серафима?

Чарнота. Тут она. Придет. Мужчин пошла ловить на Перу.

Голубков. Что?!

Чарнота. Ну чего ты на меня выпятился? Сдыхаем с голоду. Ни газырей, ни денег.

Голубков. Как так — пошла на Перу? Ты лжешь!

Чарнота. Чего там лжешь? Я сам не курил сегодня полдня. В Мадрид меня чего-то кидает... Снился мне всю ночь Мадрид...

Послышались голоса. Во двор входит Серафима, а с ней грек-донжуан, увешанный покупками и с бутылками в руках.

Серафима. О нет, нет, это будет очень удобно, мы посидим, поболтаем... Правда, мы живем в бивуаках...

Грек-донжуан (*с сильным акцентом*). Очень, очень мило! Я боюсь стеснить вас, мадам.

Серафима. Позвольте, я познакомлю вас...

Чарнота поворачивается спиной к ней.

Куда же вы, Григорий Лукьянович, это неудобно!

Грек-донжуан. Очень, очень приятно!

Серафима (*узнав Голубкова*). Боже мой!

Голубков, тяжело морщась, подымается с водоема, подходит к Греку и дает ему в ухо.

Грек-донжуан роняет покупки, крайне подавлен. В окнах появляются встревоженные греческие и армянские головы.

Люська выходит на галерею.

Грек-донжуан. Что это? Такое что?..

Серафима. Боже мой!.. Позор, позор!

Чарнота. Господин грек!

Грек-донжуан. А, это я в мухоловку попал, притон! (*Печален.*)

Серафима. Простите меня, мсье, простите, ради Бога! Это ужас, это недоразумение!..

Чарнота (*берясь за револьвер, оборачивается к окнам*). Сию минуту провалиться!

Головы проваливаются, и окна закрываются.

Грек-донжуан (*тоскливо*). Ой, Боже...

Голубков (*двинулся к нему*). Вы...

Грек-донжуан (*вынув бумажник и часы*). На кошелек и на часы, храбрый человек! Жизнь моя дорогая — у меня семья, магазин, детки... Ничего не скажу полиции... живи, добрый человек, слава Бога всемогущего...

Голубков. Вон отсюда!

Грек-донжуан. Ах, Стамбул, какой стал!..

Голубков. Покупки взять!

Грек-донжуан хотел было взять покупки, но всмотрелся в лицо Голубкова и кинулся бежать.

Люська. Господин Голубков? А мы вас не далее как час назад вспоминали! Думали, что вы находитесь там, в России. Но ваш выход можно считать блестящим!

Голубков. А вы, Серафима Владимировна, что же это вы делаете?! Я и плыл, и бежал, был в больнице, видите, голова моя обрита... Бежал только за тобой! А ты, что ты тут делаешь?

Серафима. Кто вам дал право упрекать меня?

Голубков. Я тебя люблю, я гнался за тобой, чтобы тебе это сказать!

Серафима. Оставьте меня. Я больше ничего не хочу слышать! Мне все это надоело! Зачем вы появились опять передо мной? Все мы нищие! Отделяюсь от вас!.. Хочу погибать одна! Боже, какой позор! Какой срам! Прощайте!

Голубков. Не уходите, умоляю!

Серафима. Ни за что не вернусь! (*Уходит.*)

Голубков. Ах так! (*Выхватывает внезапно кинжал у Чарноты и бросается вслед за Серафимой.*)

Чарнота (*обхватив его, отнимает кинжал*). Ты что, с ума сошел? В тюрьму хочется?

Голубков. Пусти! Я все равно ее найду, я все равно ее задержу! Ладно! (*Садится на край водоема.*)

Люська. Вот представление так представление! Греки поражены. Ну, довольно. Чарнота, открывай сверток, я голодна.

Голубков. Не дам прикоснуться к сверткам!

Чарнота. Нет, не открою.

Люська. Ах вот что! Ну, терпение мое кончилось! Выпила я свою константинопольскую чашу, довольно! (*Берет в галерею шляпу, какой-то сверток, выходит.*) Ну-

с, Григорий Лукьянович, желаю вам всего хорошего. Совместная наша жизнь кончена. У Люськи есть знакомства в восточном экспрессе, и Люська была душой, что сидела здесь полгода! Прощайте!

Чарнота. Куда ты?

Люська. В Париж! В Париж! Прощайте! *(Исчезает в переулке.)*

Чарнота и Голубков сидят на краю водоема и молчат. Мальчишка-турок ведет кого-то, манит, говорит: «Здесь, здесь!» За мальчишкой идет Хлудов в штатском. Постарел и поседел.

Чарнота. Вот и Роман. И он появился. Ты что смотришь, что газырей нет? Я тоже, как и ты, человек вольный.

Хлудов. Да, уж вижу. Ну здравствуй, Григорий Лукьянович. Да вот так все и ходим один по следам другого. *(Указывая на Голубкова.)* То я его лечил, а теперь он носится с мыслью меня вылечить. Между делом на шарманке играет. *(Голубкову.)* Ну что, и тут безрезультатно?

Голубков. Нет, нашел. Только ты меня ни о чем не спрашивай. Не спрашивай ни о чем.

Хлудов. Я тебя не спрашиваю. Это дело твое. Мне важно только — нашел?

Голубков. Хлудов! Я попрошу тебя только об одном, и ты один это можешь сделать. Догони ее, она ушла от меня, удержи ее, побереги, чтобы она не ушла на панель.

Хлудов. Почему же ты сам не можешь этого сделать?

Голубков. Здесь, на водоеме, я принял твердое решение, я уезжаю в Париж. Я найду Корзухина, он богатый человек, он обязан ей помочь, он ее погубил.

Хлудов. Как ты поедешь? Кто тебя пустит во Францию?

Голубков. Тайком уеду. Я сегодня играл в порту на шарманке, капитан принял во мне участие, я вас, говорит, в трюм заберу, в трюме в Марсель отвезу.

Хлудов. Что же? Долго я должен ее караулить?

Голубков. Я скоро вернусь и даю тебе клятву, что больше никогда ни о чем не попрошу.

Хлудов. Дорого мне обошлась эта станция. (*Оборачивается.*) Нет, нету.

Чарнота (*шепотом*). Хорош караульщик!

Голубков (*шепотом*). Не смотри на него, он борется с этим.

Хлудов. Куда же она сейчас пошла?

Чарнота. Это не трудно угадать. Пошла у грека прощения вымаливать, на Шишлы, в комиссионный магазин. Я его знаю.

Хлудов. Ну хорошо.

Голубков. Только чтоб не ушла на панель!

Хлудов. У меня-то? У меня не уйдет. Недаром говорил один вестовой — мимо тебя не проскочишь... Ну, впрочем, не будем вспоминать... Помяни, Господи! (*Голубкову.*) Денег нет?

Голубков. Не надо денег!

Хлудов. Не дури. Вот две лиры, больше сейчас нет. (*Отстегивает медальон от часов.*) Возьми медальон, в случае крайности — продашь. (*Уходит.*)

Вечерние тени гуще. С минарета полился сладкий голос муэдзина: «La illāh illa illāh...»¹

Голубков. Вот и ночь наступает... Ужасный город! Нестерпимый город! Душный город! Да, чего же я сижу-то? Пора! Ночью уеду в трюме.

Чарнота. Я поеду с тобой. Никаких мы денег не достанем, я и не надеюсь на это, а только вообще куда-нибудь ехать надо. Я же говорю — думал, в Мадрид, но Париж — это, пожалуй, как-то пристойнее. Идем. То-то греки-хозяева удивятся и обрадуются!

Голубков (*идет*). Никогда нет прохлады — ни днем, ни ночью!

Чарнота (*уходит с ним*). В Париж так в Париж!

Мальчишка-турок подбегает к шарманке, вертит ручку. Шарманка играет марш.

Голос муэдзина летит с минарета.

Тени. Кое-где загораются уже огоньки. В небе бледноватый золотой рог.

Потом тьма. Сон кончается.

Конец третьего действия.

¹ Молитва магометан: «Нет Бога, кроме Бога».

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СОН СЕДЬМОЙ

... Три карты, три карты, три карты!..

Осенний закат в Париже. Кабинет господина Корзухина в собственном особняке. Кабинет обставлен необыкновенно внушительно. В числе прочего нестораемая касса. Кроме письменного стола — карточный. На нем приготовлены карты и две незажженные свечи.

Корзухин. Антуан!

Входит очень благообразного французского вида лакей Антуан, в зеленом фартуке.

Monsieur Marchand m'avait averti qu'il ne viendra pas aujourd'hui. Ne remuez pas la table. Je me servirai plus tard.

Молчанье.

Repondez-quelque chose!¹ Да вы, кажется, ничего не поняли?

Антуан. Так точно. Парамон Ильич, не понял.

Корзухин. Как «так точно» по-французски?

Антуан. Не могу знать, Парамон Ильич.

Корзухин. Антуан, вы русский лентяй. Запомните: человек, живущий в Париже, должен знать, что русский язык пригоден лишь для того, чтобы ругаться непечатными словами или, что еще хуже, провозглашать какие-нибудь разрушительные лозунги. Ни то ни другое в Париже не принято. Учитесь, Антуан, это скучно. Que faitesvous à ce moment? Что вы делаете в настоящую минуту?

Антуан. Же... Я ножи чищу, Парамон Ильич.

Корзухин. Как ножи, Антуан?

Антуан. Ле куто, Парамон Ильич.

Корзухин. Правильно. Учитесь, Антуан.

Звонок.

(Растегивает пижаму, говорит, выходя.) Принять. Авось партнер подвернется. Je suis à la maison.² (Выходит.)

¹ Мсье Маршан сообщил, что не придет сегодня. Со стола не надо убирать. Я буду обедать позднее. Да отвечайте же! (фр.)

² Я — дома (фр.).

Антуан выходит и возвращается с Голубковым. Тот в матросских черных брюках, сером потертом пиджаке, в руках у него кепка.

Голубков. Je voudrais parler à monsieur Корзухин¹.

Антуан. Пожалуйста вашу визитную карточку, вот карт.

Голубков. Как? Вы русский? А я вас принял за француза. Как я рад!

Антуан. Так точно, я русский. Я — Грищенко.

Голубков жмет руку Антуану.

Голубков. Дело вот в чем — карточек у меня нет. Вы просто скажите, что, мол, Голубков из Константинополя.

Антуан. Слушаю-сь. *(Скрывается.)*

Корзухин *(выходя уже в пиджаке, бормочет)*. Какой такой Голубков?.. Голубков... Чем могу служить?

Голубков. Вы, вероятно, не узнаете меня? Мы с вами встретились год тому назад в ту ужасную ночь на станции в Крыму, когда схватили вашу жену. Она сейчас в Константинополе на краю гибели.

Корзухин. На краю чего? Простите, во-первых, у меня нет никакой жены, а во-вторых, и станции я не помню.

Голубков. Как же? Ночь... еще сделался ужасный мороз, вы помните мороз во время взятия Крыма?

Корзухин. К сожалению, не помню никакого мороза. Вы изволите ошибаться.

Голубков. Но ведь вы — Парамон Ильич Корзухин, вы были в Крыму, ведь я же вас узнал!

Корзухин. Действительно, я некоторое время проживал в Крыму, как раз тогда, когда там бушевали эти полоумные генералы. Но, видите ли, я тогда же уехал, никаких связей с Россией не имею и не намерен иметь. Я принял французское подданство, женат не был и должен вам сказать, что вот уже третий месяц, как у меня в доме проживает в качестве личного секретаря русская эмигрантка, также принявшая французское подданство и фамилию Фрежоль. Это очаровательнейшее существо настолько тронуло мое сердце, что, по секрету вам сказать, я намерен вскоре на ней жениться, так что всякие разго-

¹ Я хотел бы поговорить с мсье... *(фр.)*

воры о какой-то якобы имеющейся у меня жене мне неприятны.

Голубков. Фрежоль... Значит, вы отказываетесь от живого человека! Но ведь она же ехала к вам! Помните, ее арестовали? Помните, мороз, окна, фонарь — голубая луна?..

Корзухин. Ну да, голубая луна, мороз... Контрразведка уже пыталась раз шантажировать меня при помощи легенды о какой-то моей жене-коммунистке. Мне неприятен этот разговор, господин Голубков, повторяю вам.

Голубков. Ай-яй-яй! Моя жизнь мне снится!..

Корзухин. Вне всяких сомнений.

Голубков. Я понял. Она вам мешает, и очень хорошо. Пусть она не жена вам. Так даже лучше. Я люблю ее, поймите это! И сделаю все для того, чтобы выручить ее из рук нищеты. Но я прошу вас помочь ей хотя бы временно. Вы — богатейший человек, всем известно, что все ваши капиталы за границей. Дайте мне взаймы тысячу долларов, и, лишь только мы станем на ноги, я вам свято ее верну. Я отработаю! Я поставлю себе это целью жизни.

Корзухин. Простите, мсье Голубков, я так и предполагал, что разговор о мифической жене приведет именно к долларам. Тысячу? Я не ослышался?

Голубков. Тысячу. Клянусь вам, я верну ее!

Корзухин. Ах, молодой человек! Прежде чем говорить о тысяче долларов, я вам скажу, что такое один доллар. *(Начинает балладу о долларе и вдохновляется.)* Доллар! Великий всемогущий дух! Он всюду! Смотрите туда! Вон там, далеко, на кровле, горит золотой луч, а рядом с ним высоко в воздухе согбенная черная кошка — химера! Он и там! Химера его стережет! *(Указывает таинственно в пол.)* Неясное ощущение, не шум и не звук, а как бы дыхание вспученной земли: там стрелой летят поезда, в них доллар. Теперь закройте глаза и вообразите — мрак, в нем волны ходят, как горы. Мгла и вода — океан! Он страшен, он сожрет. Но в океане, с сипением топок, взрывающая миллионы тонн воды, идет чудовище! Идет, кряхтит, несет на себе огни! Оно роет воду, ему тяжело, но в адских топках, там, где голые кочегары, оно несет свое золотое дитя, свое божественное сердце — доллар! И вдруг тревожно в мире!

Где-то далеко послышались звуки проходящей военной музыки.

И вот они уже идут! Идут! Их тысячи, потом миллионы! Их головы запаяны в стальные шлемы. Они идут! Потом они бегут! Потом они бросаются с воем грудью на колючую проволоку! Почему они кинулись? Потому что где-то оскорбили божественный доллар! Но вот в мире тихо, и всюду, во всех городах, ликующе кричат трубы! Он отомщен! Они кричат в честь доллара! (*Утихает.*)

Музыка удаляется.

Итак, господин Голубков, я думаю, что вы и сами перестанете настаивать на том, чтобы я вручил неизвестному молодому человеку целую тысячу долларов?

Голубков. Да, я не буду настаивать. Но я хотел бы сказать вам на прощанье, господин Корзухин, что вы самый бездушный, самый страшный человек, которого я когда-либо видел. И вы получите возмездие, оно придет!

Иначе быть не может! Прощайте! (*Хочет уйти.*)

Звонок. Входит Антуан.

Антуан. Женераль Чарнота.

Корзухин. Гм... Русский день. Ну, проси, проси.

Антуан уходит. Входит Чарнота. Он в черкеске, но без серебряного пояса и без кинжала и в кальсонах лимонного цвета. Выражение лица показывает, что Чарноте терять нечего. Развязен.

Чарнота. Здорово, Парамоша!

Корзухин. Мы с вами разве встречались?

Чарнота. Ну вот вопрос! Да ты что, Парамон, грезишь? А Севастополь?

Корзухин. Ах да, да... Очень приятно. Простите, а мы с вами пили на брудершафт?

Чарнота. Черт его знает, не припоминаю... Да раз встречались, так уж, наверно, пили.

Корзухин. Прости, пожалуйста... Вы, кажется, в кальсонах?

Чарнота. А почему это тебя удивляет? Я ведь не женщина, коей этот вид одежды не присвоен.

Корзухин. Вы... Ты, генерал, так и по Парижу шли, по улицам?

Чарнота. Нет, по улице шел в штанах, а в передней у тебя снял. Что за дурацкий вопрос!

Корзухин. Пардон, пардон!

Чарнота (*тихо, Голубкову*). Дал?

Голубков. Нет. Я ухожу. Пойдем отсюда.

Чарнота. Куда же это мы теперь пойдем? (*Корзухину*.) Что с тобой, Парамон? Твои соотечественники, которые за тебя же боролись с большевиками, перед тобой, а ты отказываешь им в пустяковой сумме. Да ты понимаешь, что в Константинополе Серафима голодает?

Голубков. Попрошу тебя замолчать. Словом, идем, Григорий!

Чарнота. Ну, знаешь, Парамон, грешный я человек, нарочно бы к большевикам записался, только чтобы тебя расстрелять. Расстрелял бы и мгновенно выписался бы обратно. Постой, зачем это карты у тебя? Ты играешь?

Корзухин. Не вижу ничего удивительного в этом. Играю и очень люблю.

Чарнота. Ты играешь! В какую же игру ты играешь?

Корзухин. Представь, в девятку, и очень люблю.

Чарнота. Так сыграем со мной.

Корзухин. Я с удовольствием бы, но, видите ли, я люблю играть только на наличные.

Голубков. Ты перестанешь унижаться, Григорий, или нет? Пойдем!

Чарнота. Никакого унижения нет в этом. (*Шепотом*.) Тебе это сказано? В крайнем случае? Крайнее этого не будет. Давай хлудовский медальон!

Голубков. На, пожалуйста, мне все равно теперь. И я ухожу.

Чарнота. Нет, уж мы выйдем вместе. Я тебя с такой физиономией не отпущу. Ты еще в Сену нырнешь. (*Протягивает медальон Корзухину*.) Сколько?

Корзухин. Гм... приличная вещь... Ну что же, десять долларов.

Чарнота. Однако, Парамон! Эта вещь стоит гораздо больше, но ты, по-видимому, в этом не разбираешься. Ну что же, пошло! (*Вручает медальон Корзухину, тот дает ему десять долларов. Садится к карточному столу, откатывает рукава черкески, взламывает колоду*.) Как раба твоего зовут?

Корзухин. Гм... Антуан.

Чарнота (*зычно*). Антуан!

Принеси мне, голубчик, закусить.

Антуан (*удивленно, но почтительно улынувшись*).
Слушаю-сь... А лэнстан!¹ (*Исчезает.*)

Чарнота. На сколько?

Корзухин. Ну, на эти самые десять долларов. Попрошу карту.

Чарнота. Девять.

Корзухин (*платит*). Попрошу на квит.

Чарнота (*мечет*). Девять.

Корзухин. Еще раз квит.

Чарнота. Карту желаете?

Корзухин. Да. Семь.

Чарнота. А у меня восемь.

Корзухин (*улынувшись*). Ну, так и быть, на квит.

Голубков (*внезапно*). Чарнота! Что ты делаешь?
Ведь он удваивает и, конечно, сейчас возьмет у тебя все обратно!

Чарнота. Если ты лучше меня понимаешь игру, так ты садись за меня.

Голубков. Я не умею.

Чарнота. Так и не засти мне свет! Карту?

Корзухин. Да, пожалуйста. Ах, черт, жир!

Чарнота. У меня три очка.

Корзухин. Вы не прикупаете к тройке?

Чарнота. Иногда, как когда...

Антуан вносит закуску.

(*Выпивая.*) Голубков, рюмку?

Голубков. Я не желаю.

Чарнота. А ты, Парамон, что же?

Корзухин. Мерси, я уже завтракал.

Чарнота. Ага... Угодно карточку?

Корзухин. Да. Сто шестьдесят долларов.

Чарнота. Идет. «Графиня, ценой одного рандеву...»
Девять.

Корзухин. Неслыханная вещь! Триста двадцать идет!

Чарнота. Попрошу прислать наличные.

¹ А l'instant! — Сию минуту! (*фр.*)

Голубков. Брось, Чарнота, умоляю тебя! Теперь брось!

Чарнота. Будь добр, займись ты каким-нибудь делом. Ну, альбом, что ли, посмотри. *(Корзухину.)* Наличные, пожалуйста!

Корзухин. Сейчас. *(Открывает кассу, в ней тотчас грянули колокола, всюду посыпались звонки.)*

Свет гаснет и тотчас возвращается. Из передней появляется Антуан с револьвером в руке.

Голубков. Что это такое?

Корзухин. Это сигнализация от воров. Антуан, вы свободны, это я открывал.

Антуан выходит.

Чарнота. Очень хорошая вещь. Пошлó! Восемь!

Корзухин. Идет шестьсот сорок долларов?

Чарнота. Не пойдет. Этой ставки не принимает банк.

Корзухин. Вы хорошо играете. Сколько примете?

Чарнота. Пятьдесят.

Корзухин. Пошлó. Девять!

Чарнота. У меня жир.

Корзухин. Пришлите.

Чарнота. Пожалуйста.

Корзухин. Пятьсот девяносто!

Чарнота. Э, Парамоша, ты азартный! Вот где твоя слабая струна!

Голубков. Чарнота, умоляю, уйдем!

Корзухин. Карту! У меня семь!

Чарнота. Семь с половиной! Шучу, восемь.

Голубков со стоном вдруг закрывает уши и ложится на диван. Корзухин открывает ключом кассу. Опять звон, тьма, опять свет. И уже ночь на сцене. На карточном столе горят свечи в розовых колпачках, Корзухин уже без пиджака, волосы его всколочены. В окнах огни Парижа, где-то слышна музыка. Перед Корзухиным и перед Чарнотой груды валюты. Голубков лежит на диване и спит.

Чарнота *(напевает)*. «Получишь смертельный удар ты... три карты, три карты, три карты...» Жир.

Корзухин. Пришлите четыреста! Пошли три тысячи!

Чарнота. Есть. Наличные!

Корзухин бросается к кассе. Опять тьма со звоном и музыкой. Потом свет. В Париже — синий рассвет. Тихо. Никакой музыки не слышно.

Корзухин, Чарнота и Голубков похожи на тени. На полу валяются бутылки от шампанского.

Голубков, комкая, прячет деньги в карманы.

Чарнота (*Корзухину*). Нет ли у тебя газеты завернуть?

Корзухин. Нету. Знаете, что, сдайте мне наличные, я вам выдам чек!

Чарнота. Что ты, Парамон? Неужели в каком-нибудь банке выдадут двадцать тысяч долларов человеку, который явился в подштанниках? Нет, спасибо!

Голубков. Чарнота, выкупи мой медальон, я хочу его вернуть!

Корзухин. Триста долларов!

Голубков. На! (*Швыряет деньги.*)

Корзухин в ответ швыряет медальон.

Чарнота. Ну, до свидания, Парамоша. Засиделись мы у тебя, нам пора.

Корзухин (*загораживая дверь*). Нет, стой! У меня жар, я ничего не понимаю... Вы воспользовались моей болезнью?! Вот что, верните деньги, я вам дам по пятьсот долларов отступного!

Чарнота. «Ты шутишь», — зверь вскричал коварный!..»

Корзухин. Ну, если так, я сейчас же звоню в полицию, что вы ограбили меня! Вас схватят сейчас же! Оборванцы!

Чарнота. Ты слышал? (*Вынимает револьвер.*) Ну, Парамон, молись своей парижской богоматери, твой смертный час настал!

Корзухин. Караул! Караул!

На эти вопли вбегает Антуан, в одном белье.

Все спят! Вся вилла спит! Никто не слышит, как меня грабят! Караул!

Портьера раздвигается, и возникает Люська. Она в пижаме. Увидев Чарноту и Голубкова, окаменевает.

Вы спите, милая Люси, в то время как патрона вашего грабят русские бандиты!

Люська. Боже мой, Боже! Видно, не испила я еще горькой чаши моей!.. Казалось бы, имела я право отдохнуть, но нет, нет... Недаром видела сегодня тараканов во сне! Мне интересно только одно — как вы сюда добрались?

Чарнота (*поражен*). Это она?

Корзухин (*Чарноте*). Вы знаете мадемуазель Фрежоль?

Люська за спиной Корзухина становится на колени, умоляюще складывает руки.

Чарнота. Откуда же мне ее знать? Никакого понятия не имею.

Люська. Так познакомимся же, господа! Люси Фрежоль.

Чарнота. Генерал Чарнота.

Люська. Ну-с, господа, в чем недоразумение? (*Корзухину*.) Крысик, чего ты кричал так отчаянно, кто тебя обидел?

Корзухин. Он выиграл у меня двадцать тысяч долларов! И я хочу, чтоб он вернул их!

Голубков. Это неслыханная подлость!

Люська. Нет, нет, жабочка, это невозможно! Ну, проиграл, что же поделаешь! Ты не маленький!

Корзухин. Где Антуан покупал карты?!

Антуан. Вы сами покупали их, Парамон Ильич.

Люська. Антуан, уйдите к дьяволу! В каком виде вы торчите передо мной?

Антуан скрывается.

Господа! Деньги принадлежат вам, и никаких недоразумений не будет. (*Корзухину*.) Иди, мой мальчик, усни, усни. У тебя под глазами тени.

Корзухин. Уволю этого дурака Антуана! Не пускать ко мне больше русских в дом! (*Всклинув, уходит*.)

Люська. Ну-с, была очень рада повидать соотечественников и жалею, что больше никогда не придется встретиться. (*Шепотом*.) Выиграли — и уносите ноги! (*Громко*.) Антуан!

Антуан выглядывает в дверь.

Господа покидают нас, выпустите их.

Чарнота. О ревуар, мадемуазель!¹
Люська. Адье!²

Чарнота и Голубков уходят.

Слава тебе, Господи, унесло их! Боже мой! Когда же я наконец отдохну!

В пустынной улице слышались шаги.

(Воровски оглянувшись, подбегает к окну, открывает его, тихонько кричит.) Прощайте! Голубков, береги Серафиму! Чарнота! Купи себе штаны!

Потом тьма. Сон кончается.

СОН ВОСЬМОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

..Жили двенадцать разбойников..

Комната в коврах, низенькие диваны, кальян. На заднем плане сплошная стеклянная стена, и в ней стеклянная дверь. За стеклами догорают константинопольский минарет, лавры и верх Артуровой карусели.

Садится осеннее солнце, закат, закат...

Хлудов сидит в комнате, он сидит на ковре, поджав ноги по-турецки, и разговаривает с кем-то.

Хлудов. Ты достаточно измучил меня. Но наступило просветление. Да, просветление. Но ведь нельзя же забывать, что ты не один возле меня. Есть и живые, повисли на моих ногах и тоже требуют. А? Судьба завязала их в один узел со мной, и их теперь не отлепить от меня. Я с этим примирился. Одно мне непонятно. Ты. Как отделился ты один от длинной цепи лун и фонарей? Как ты ушел от вечного покоя? Ведь ты был не один. О нет, вас было много... *(Бормочет.)* Ну, помяни, помяни, помяни... А мы не будем вспоминать. *(Думает, стареет, поникает.)* Да. Итак, все это я сделал напрасно. А потом что было? Просто — мгла, и мы ушли. Потом — зной, и каждый день вертится карусель. Но ты, ловец! В какую даль проник за мной, и вот поймал, поймал меня в мешок! Не мучь более меня, пойми, что я решился, клянусь. Лишь

¹ Au revoir, mademoiselle — До свиданья. *(фр.)*

² Adieu. — Прощайте! *(фр.)*

только Голубков вернется, я поеду сейчас же. Ну облегчи же мне душу, кивни. Кивни хоть раз, красноречивый востовой Крапилин! Так! Кивнул! Решено!

Тихо входит Серафима.

Серафима. Что, Роман Валерьянович опять?

Хлудов. Что такое?

Серафима. С кем вы говорили? Ведь в комнате нет никого, кроме вас!

Хлудов. Вам слышалось. А впрочем, у меня есть манера бормотать. Надеюсь, что это никому не мешает, а?

Серафима (*садится на ковер рядом с Хлудовым*). Четыре месяца я живу за стеной и слышу по ночам ваше бормотание. Вы думаете, это легко? В такие ночи я сама не сплю. А теперь уже и днем? Бедный, бедный человек...

Хлудов. Хорошо. Я достану вам другую комнату, но в этом же квартале, чтобы вы были под моим надзором. Я продал перстень, деньги есть. Светло в ней, окна на Босфор. Особенного комфорта, конечно, предложить не могу. Вы сами видите — чепуха. Разгром. Проиграли и выброшены. А почему проиграли, вы знаете? (*Таинственно указывает за плечо*.) Мы-то с ним все знаем. Мне и самому неудобно с вами рядом, но я должен держать слово.

Серафима. Роман Валерьянович, вы помните тот день, когда уезжал Голубков? Вы догнали меня и силой вернули, помните?

Хлудов. Когда человек с ума сходит, приходится применять силу. Вы все какие-то ненормальные.

Серафима. Мне стало жаль вас, Роман Валерьянович, и из-за этого только я и осталась.

Хлудов. Мне нянька не нужна, а вам нужна!

Серафима. Не раздражайтесь, вы этим причиняете вред только самому себе.

Хлудов. Да, верно, верно... Я больше никому не могу причинить вреда. А помните — ночь, ставка... Хлудов — зверюга, Хлудов — шакал? А?

Серафима. Все это ушло, и я забыла, и вы не вспоминайте.

Хлудов (*бормочет*). Да, да, да... Нет, мне приходится вспоминать. А впрочем, помяни, помяни... не будем вспоминать.

Серафима. Ну вот, Роман Валерьянович, я всю ночь думала... Надо же на что-нибудь решиться. Скажите, до каких же пор мы будем с вами этак сидеть?

Хлудов. А вот вернется Голубков — и сразу клубочек разматается. Я вас сдаю ему, и каждый тогда сам по себе, враспынную. И кончено. Душный город!

Серафима. Ах, каким безумием было отпустить его тогда! Никогда себе этого не прощу! Ах, как я тоскую по нем! Это Люська, Люська виновата... Я обезумела от ее упреков... А теперь не сплю так же, как и вы, потому что он, наверно, пропал в скитаниях, а может быть, и умер.

Хлудов. Душный город! И это позорище — тараканьи бега! Все на меня валят, будто я ненормален. А зачем, в самом деле, вы его отпустили? Деньги там какие-то, у этого вашего мужа?

Серафима. Нет у меня никакого мужа, забыла его и проклиная!

Хлудов. Ну, словом, что же делать?

Серафима. Будем смотреть правде в глаза: пропал Сергей Павлович, пропал. И сегодня ночью я решила: вот казаков пустили домой, и я попрошусь, вернусь вместе с ними в Петербург. Зачем я, сумасшедшая, поехала?

Хлудов. Умно. Очень. Умный человек, а? Большевикам вы ничего не сделали, можете возвращаться спокойно.

Серафима. Одного я только не знаю, одно меня только и держит — это, что будет с вами?

Хлудов (*таинственно манит ее пальцем. Она придвигается, и он говорит ей на ухо*). Только тсс... вам-то ничего, а за мной контрразведка по пятам ходит, у них нюх... (*Шепчет.*) Я тоже поеду в Россию, можно ехать сегодня же ночью. Ночью пойдет пароход.

Серафима. Вы тайком хотите, под чужим именем?

Хлудов. Под своим именем. Явлюсь и скажу: я приехал, Хлудов.

Серафима. Опомнитесь, вас сейчас же расстреляют!

Хлудов. Моментально. (*Улыбается.*) Мгновенно. А? Ситцевая рубашка, подвал, снег... Готово! Тает мое бремя. Смотрите, он ушел и стал вдали.

Серафима. А! Так вот вы о чем бормочете! Вы хотите смерти? Безумный человек! Оставайтесь здесь, может быть, вы вылечитесь?

Хлудов. Я вылечился сегодня. Я совершенно здоров. Не таракан, в ведрах плавать не стану. Я помню армии, бои, снега, столбы и на столбах фонарики... Хлудов пройдет под фонариками.

Громкий стук в дверь. Она тотчас открывается, и входят Голубков и Чарнота. Оба одеты в приличные костюмы. В руках у Чарноты чемоданчик.
Молчание.

Серафима. Сережа!.. Сережа!

Чарнота. Здравствуйте! Что же вы молчите?

Хлудов. Ну вот они. Приехали. Я же говорил вам...

Голубков. Сима! Ну что же, Сима, здравствуй!

Серафима обнимает Голубкова и плачет.

Хлудов (*морицась*). Пойдем, Чарнота, на балкон, поговорим. (*Уходит с Чарнотой за стеклянную стену.*)

Голубков. Ну не плачь, не плачь. О чем ты плачешь, Серафима? Вот я, я вернулся...

Серафима. Я думала, что ты погиб! О, если б ты знал, как я тосковала!.. Теперь для меня все ясно... Но все-таки я дождалась! Ты теперь никуда больше не поедешь, я тебя не отпущу.

Голубков. Никуда, конечно, никуда! Все кончено! И мы сейчас все придумаем! Как же ты жила здесь, Сима, без меня? Скажи мне хоть слово!

Серафима. Я измучилась, я не сплю. Как только ты уехал, я опомнилась, я не могла простить себе, что я тебя отпустила! Все ночью сижу, смотрю на огни, и мне мерещится, что ты ходишь по Парижу, оборванный и голодный... А Хлудов больной, он такой страшный!

Голубков. Не надо, Сима, не надо!

Серафима. Ты видел мужа моего?

Голубков. Видел, видел. Он отрекся от тебя, и у него новая жена, а кто — совершенно неинтересно... И... так лучше, и ты свободна! (*Кричит.*) Хлудов, спасибо!

Хлудов и Чарнота входят.

Хлудов. Ну вот, все в порядке теперь, а? (*Голубкову.*) Ты ее любишь? А? Искренний человек? Советую ехать туда, куда она скажет. А теперь прощайте все! (*Берет пальто, шляпу и маленький чемодан.*)

Чарнота. Куда это, смею спросить?

Хлудов. Сегодня ночью пойдет пароход, и я поеду с ним. Только молчите.

Голубков. Роман! Одумайся! Тебе нельзя этого делать!

Серафима. Говорила уже, его не удержишь.

Хлудов. Чарнота! А знаешь что? Поедем со мной, а?

Чарнота. Постой, постой, постой! Только сейчас сообразил! Куда это? Ах туда? Здорово задумано! Это что же, новый какой-нибудь хитроумный план у тебя созрел? Не зря ты генерального штаба! Или ответ едешь держать? А? Ну так знай, Роман, что проживешь ты ровно столько, сколько потребуется тебя с парохода снять и довести до ближайшей стенки! Да и то под строжайшим караулом, чтоб тебя не разорвали по дороге! Ты, брат, большую память о себе оставил. Ну, а попутно с тобой и меня, раба Божьего, поведут, поведут... За мной много чего есть! Хотя, правда, фонарей у меня в тылу нет!

Серафима. Чарнота! Что ты больному говоришь?

Чарнота. Говорю, чтобы остановить его.

Голубков. Роман! Останься, тебе нельзя ехать!

Хлудов. Ты будешь тосковать, Чарнота.

Чарнота. Эх, сказал! Я, брат, давно тоскую. Мучает меня Киев, помню я лавру, помню бои... От смерти я не бегал, но за смертью специально к большевикам тоже не поеду. И тебе из жалости говорю — не езд.

Хлудов. Ну, прощай! Прощайте! (*Уходит.*)

Чарнота. Серафима, удержи его, он будет каяться!

Серафима. Ничего не могу сделать.

Голубков. Вы его не удержите, я знаю его.

Чарнота. А! Душа суда требует! Ну что ж, ничего не сделаешь! Ну а вы?

Серафима. Пойдем, Сергей, проситься. Я придумала — поедем ночью домой!

Голубков. Поедем, поедем! Не могу больше скитаться!

Чарнота. Ну что ж, вам можно, вас пустят. Давай делить деньги.

Серафима. Какие деньги? Это, может быть, корзунские деньги?

Голубков. Он выиграл у Корзухина двадцать тысяч долларов.

Серафима. Ни за что!

Голубков. И мне не надо. Доехал сюда, и ладно. Мы доберемся как-нибудь до России. Того, что ты дал, нам хватит.

Чарнота. Предлагаю в последний раз. Нет? Благо-родство? Ну, ладно. Итак, пути наши разошлись, судьба нас развязала. Кто в петлю, кто в Питер, а я куда? Кто я теперь? Я — Вечный Жид отныне! Я — Агасфер. Летучий я голландец! Я — черт собачий!

Часы пробили пять. Над каруселью поднялся флаг вдали, и послышались гармонии, а с ними хор у Артура на бегах: «Жили двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман...»

Ба! Слышите? Жива вертушка, работает! *(Распахивает дверь на балкон.)*

Хор полился яснее: «...много разбойники пролили крови честных христиан...»

Здравствуй вновь, тараканий царь Артур! Ахнешь ты сейчас, когда явится перед тобой во всей славе своей генерал Чарнота! *(Исчезает.)*

Голубков. Не могу больше видеть этого города! Не могу слышать!

Серафима. Что это было, Сережа, за эти полтора года? Сны? Объясни мне! Куда, зачем мы бежали? Фонари на перроне, черные мешки... потом зной! Я хочу опять на Караванную, я хочу опять увидеть снег! Я хочу все забыть, как будто ничего не было!

Хор разливается шире: «Господу Богу помолимся, древною быть возвестим!..»

Издали полился голос муэдзина: «La illâh illa illâh..»

Голубков. Ничего, ничего не было, все мерещилось! Забудь, забудь! Пройдет месяц, мы доберемся, мы вернемся, и тогда пойдет снег, и наши следы заметет... Идем, идем!

Серафима. Идем! Конеч!

Оба выбегают из комнаты Хлудова.
Константинополь начинает гаснуть и угасает навсегда.

Конец

БЕГ

ПЕРЕДЕЛКИ ПЬЕСЫ В 1933 г.

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ

Главногокомандующий. Нет, тут не болезнь! Вот уже целый год вы паясничеством прикрываете омерзительную ненависть ко мне.

Хлудов. Не скрою, ненавижу.

Главногокомандующий. Зависть?

Хлудов. О нет, нет! Вот какая мысль меня беспокоит... Я не могу понять, на каком вы ампула?

Главногокомандующий. Что такое?

Хлудов. Я говорю — ампула ваше. Ведь каждый играет какую-нибудь роль. Комик, злодей, резонер... Моя, например, мне известна. Я — вешатель. Так утверждают большевики. Отлично. (*Таинственно.*) Откройтесь мне, кто вы такой?

Главногокомандующий. Это любопытно, любопытно.

Хлудов. Еще бы! Скажите мне, что сделали вы в то время, когда я встречал у входа в Крым драгоценных жителей нашей страны?

Главногокомандующий. Вы хотите дать мне какой-нибудь совет государственного характера? Я благодарен вам, хотя, сколько мне известно, до сих пор это не было вашей специальностью?

Хлудов. Да, у меня другая специальность. Ни у одного из них в руках я не видел солонки и хлеба. Мне не хочется огорчать вас, но я боюсь, что они шли вовсе не с тем, чтобы поднести вам на блюде то, о чем вы мечтаете. Мне пришлось останавливать их зуботычинами. Вижу императора, а империи нет!

Главногокомандующий. Не забывайте, мнимый больной!

Хлудов. Ах, не будем кричать. Ненавижу вас. Ненавижу за то, что вы, не имея никакого представления о

том, как управлять государством, наняли меня. Где обещанные мне иностранные рати? Где империя Российская? Посмотрите в окно. Вы стали причиной моей болезни. Но я стрелою проник туман, теперь вообще не время. Мы оба уходим в небытие.

Главн оком а н д у ю щ и й . Я бы вам советовал остаться в Севастополе, для вас — это наикратчайший способ перейти в небытие. Итак, вы свободны, я не держу вас, генерал.

СОН ШЕСТОЙ

Чарнота. Роман Валерианович? Ты?

Хлудов. Я. *(Пауза.)*

Чарнота. Здравия желаю, Рома.

Хлудов. Здравствуй. *(Пауза.)*

Чарнота. Ты что смотришь на меня?

Хлудов. Я смотрю на тебя так, потому что ты производишь на меня неприятное впечатление.

Чарнота. Что так?

Хлудов. Генерал Чарнота, этот наряд без погон *(указывает на черкеску)* выглядит уныло. Ты, я вижу, в числе тех, которые покорили Константинополь. Твой щит на вратах Цареграда. Почему, генерал, вы не в лагерях вместе с вашей конницей?

Чарнота. Какая тут конница, Рома? Я вот контрразведку... Ты разве не слышал? Словом, разжаловали меня.

Хлудов. Штатское надо надеть!

Чарнота. Кажись, мы здесь не на службе?

Хлудов. Ладно, ладно. Я ишу моего спутника, мне сказали, что он сюда пошел. *(Оборачивается, видит Голубкова.)* Ага.

Голубков. Я нашел ее.

Хлудов. А? Отлично. Стало быть...

Голубков. Я нашел ее, а она пошла на панель! И я сейчас уеду в Париж, я возьму деньги у ее мужа. Он не имеет права отказать. Он погубил ее!

Хлудов. Париж? Что такое? Что такое у вас вообще здесь происходит? На чем ты поедешь? Кто тебя пустит?

Голубков. В трюме поеду. Капитан обещал меня взять даром, я, говорит, вас увезу в Марсель. Хлудов! Задержи ее, не пускай на панель! Побереги до моего возвращения, я скоро вернусь!

Хлудов. О, моя тяжесть! Почему я обязан это делать? Задерживай ее сам.

Голубков. Хлудов, она меня не слушает! Хлудов, я ослабел...

Хлудов. Сперва — рядовой, теперь на шее повис шарманщик...

Чарнота. Мадрид, испанский город...

Хлудов. Где она сейчас?

Чарнота. Естественно, в кафе де Пари, где же ей быть!

Хлудов. Где живет?

Чарнота. Здесь живет.

Хлудов. Я задержу ее.

Голубков. Да, да, да...

Хлудов. Так едешь? Когда вернешься, найдешь меня там же, на Шишли.

СОН ВОСЬМОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Жили двенадцать разбойников...

Константинополь. Комната с балконом. За стеклами догорает константинопольский минарет и вертушка тараханьего царя. Закат, закат. .

Хлудов (*сидит на полу, поджав ноги*). Да, ты замучил меня. Но сегодня как будто наступает просветление. Я согласен. Но я прошу дать мне срок! Ты не один возле меня. Живые повисли на моих ногах и тоже требуют... А? Судьба их завязала в один узел со мною. Что поделаешь? Мы выбросились вместе через мглу. Но ты мне непонятен. Как отделился ты от длинной цепи лун и фонарей? Как ты ушел от вечного покоя? Ведь вас было много у меня? Ну, помяни, помяни, помяни... А мы не будем вспоминать. (*Думает, стареет, поникает.*) На чем мы остановились? Да, что все это я сделал зря. (*Думает.*) Потом что было? Забыл! А теперь? Зной, и каждый день вертятся карусели. Но ты, ловец, в какую даль проник за мной и вот поймал меня в мешок! Оставь меня, ты надоел мне.

Стук в дверь.

(Настороженно.) Кто там?

Серафима (за дверью). Это я.

Хлудов открывает.

Можно войти? Простите.

Хлудов. Пожалуйста.

Серафима. Вы одни? А с кем же вы разговаривали?

Хлудов. Ни с кем, вам послышалось. А впрочем, у меня есть манера разговаривать с самим собой. Надеюсь, что она никому не мешает, а?

Серафима. Роман Валерианович, вы тяжело больны. (Пауза.) Роман Валерианович, вы слышите, вы тяжело больны. Два месяца я живу за стеной и слышу бормотание. В такие ночи я сама не сплю. А теперь уже и днем?

Хлудов. Я вам достану другую комнату, а? Я часы продал, есть деньги. Но только в этом же доме, чтобы вы были под моим надзором.

Серафима. Роман Валерианович, я очень благодарна вам за то, что вы спасли меня от беды, но больше я не в силах вас обременять, и поверьте, что я сижу здесь только из-за того, что боюсь вас оставить. В таком состоянии вы не можете быть одни.

Хлудов. Покорнейше вас благодарю, мне няньки не нужны.

Серафима. Не раздражайтесь. Вы этим причиняете вред только самому себе.

Хлудов. Вред, а? Верно. Я больше никому не могу причинить вреда. Хотя и очень желал бы. А помните ставку, а? Хлудов — зверюга, Хлудов — шакал?

Серафима. Не вспоминайте.

Хлудов. Да, в самом деле. Помяни, помяни... А мы не будем вспоминать.

Пауза.

Серафима. Роман Валерианович, я несчастна.

Хлудов. Сочувствую.

Серафима (заплавав). Голубков погиб в Париже, погиб, погиб!

Хлудов. Прошу прекратить истерику! Кто погиб, а? У вас есть сведения?

Серафима. Ни строчки, ни телеграммы. Вот сейчас гляжу на солнце и сразу поняла — погиб! Я сумасшедшая! Зачем я его отпустила?

Хлудов. Ведите себя поспокойнее.

Серафима. Роман Валерианович, исполните последнюю мою просьбу.

Хлудов. Слушаю. Какую?

Серафима. Дайте мне денег в последний раз!

Хлудов. На что?

Серафима. Я еду в Париж его искать.

Хлудов. Не дам.

Серафима (*став на колени*). Я одинокая, несчастная, погибшая женщина, у меня нет никого в мире. Дайте мне денег.

Хлудов. Не дам.

Серафима. Так будьте вы прокляты с вашими деньгами! Не нужно мне! Не нужно! Вот как стою, в чем есть, сегодня же бегу от вас! Будьте спокойны, будут деньги! Завтра будут! И поеду, и найду его, хотя бы мертвого найду!

Хлудов. Нет, вы не поедете.

Серафима. Каким это способом вы удержите меня?

Хлудов. Любым способом, не беспокойтесь, я не Голубков, а?

Серафима. Да что же это такое? Я во власти сумасшедшего? Какое вы имеете право держать меня? Вы — больной! Насилие! Надо мной насилие! Я потеряла Голубкова!

Пауза.

Роман Валерианович, сколько же времени мы будем так сидеть?

Хлудов. Столько, сколько сказано. Сказано — удержи, я и держу. А вот придет Голубков, клубочек размотается... Хороший человек, а?

Серафима. А я одна...

Хлудов. Ну, вот вы и замуж за него выходите, он хороший человек, хороший, хороший.

Серафима (*плача*). Пожалейте меня, пожалуйста, я...

Хлудов. Вы подите в сад погуляйте, а то вы мне мешаете.

Серафима. Что такое, что же это такое?

Стук. Серафима бросается открывать.

Хлудов (*удерживая*). Будьте любезны, я сам. А то разные бывают люди. Кто там? Ки э ла?

Голос смутно за дверью.

(*Оборачиваясь к Серафиме.*) Все вы ненормальные. (*Открывает дверь.*)

Входит Чарнота и Голубков. Оба одеты одинаково в приличные костюмы, в руках у Чарноты чемоданчик.

Серафима. Сережа! (*Плача, обнимает его.*) Сережа! Что ж ты ни слова, ни слова о себе не дал знать?

Голубков. Я три телеграммы послал тебе, три!

Чарнота. Не получили? Вот город, ох!

Серафима. Я думала, что вы погибли. Все ночи сижу, смотрю на огни и вижу, как вы босые, оборванные ходите по Парижу. Никуда не пушу! Никуда!

Голубков. Никуда, никуда! Сима, никуда, не плачь!

Серафима. Ты видел его?

Голубков. Видел, видел, Сима. Видел в последний раз в жизни, а ты никогда не увидишь, так что не думай больше о нем. Просто забудь. Все совершенно хорошо и в порядке. Спасибо тебе, Роман Валерианович.

Хлудов. Пожалуйста. (*Пауза.*) Надеюсь, поездка ваша увенчалась успехом, а?

Чарнота. Увенчалась, натурально.

Серафима (*Голубкову*). Ты взял у него деньги?

Голубков. Нет.

Чарнота. Не беспокойся, это я у него взял.

Серафима. Этого не может быть.

Чарнота. Ну как не может быть, когда они здесь, в чемодане. Чарнота не нищий больше. Голубков, пожалуйста сюда! (*Отводит Голубкова в сторону, отсчитывает деньги, дает Голубкову, бормочет.*) Семь тысяч...

Серафима. Что это за деньги?

Голубков. Сима, я потом тебе все расскажу.

Чарнота. Праведные деньги, не беспокойтесь. (*Хлудову.*) Роман, тебе нужно? Могу дать взаймы.

Хлудов. Нет, спасибо, у меня есть.

Чарнота. Как угодно.

Хлудов. Так вот, господа, мне кажется, что теперь... *(Оборачивается.)* а?.. Да... Голубков, я свободен?

Голубков. Спасибо, Роман Валерианович. Мы немедленно уезжаем. Больше я тебя ничем не обременю.

Хлудов. Куда?

Серафима *(Голубкову)*. Сережа, я умоляю тебя, может быть, каким-нибудь чудом опять на Караванную...

Чарнота. Этот чудный план уже обсуждался в трюме. Там уж вас ждут, на Караванной... Большевики прямо волнуются от нетерпения, когда это Симочка придет?

Голубков. Сима, это немыслимо, уедем навеки во Францию.

Серафима. Изгоним мы.

Голубков. Изгоним. И клянусь, Роман Валерианович, я голову себе сдавлю вот так руками, чтобы забыть свой путь!

Серафима. Ты не волнуйся, не волнуйся, мы все забудем.

Голубков. Бритая голова, лагерь... Девять очков... луна, мороз!..

Хлудов. Хлудов — зверюга, Хлудов шакал!..

Серафима. Зачем, зачем, Роман Валерианович, вы это опять вспоминаете? Вы опять...

Голубков. Итак, Сима, едем! Прощайся, я больше не могу видеть Константинополя!

Серафима. Только одно слово! Пусть мне скажут, куда он денется? *(Указывает на Хлудова.)* Господа, он болен!

Хлудов. Убедительно прошу вас не беспокоиться. Я уезжаю в санаторий в Германию, и будьте уверены, что я скоро выздоровлю. Впрочем, и сейчас я чувствую себя превосходно.

Серафима. Вы поправитесь?

Хлудов. Я поправлюсь, я поправлюсь.

Голубков. Прощай, Роман Валерианович.

Серафима. Прощайте. Мы будем о вас думать и вас вспоминать.

Хлудов. Нет, нет, ни в коем случае не делайте этого.

Голубков. Да, Роман Валерианович, медальон! Спасибо!

Хлудов (*Серафиме*). Прошу вас взять его на память.

Серафима. Нет, Роман Валерианович, я не могу. Что вы, что вы? Дорогая вещь...

Хлудов. Возьмите.

Серафима (*берет медальон*). Прощайте.

Голубков. Проклятый, душный город!

Уходит с Серафимой.

Хлудов (*закрывает за ними дверь*). Ну-с, а ты куда?

Чарнота. Мы люди маленькие. Где нам соваться в германские санатории. Я сюда вернулся, в Константинополь.

Хлудов. Серафима говорила, что город этот тебе не нравится.

Чарнота. Я заблуждался. Париж еще хуже, так, сероватый город. Видел Афины, Марсель... Но... пошлые города. Константинополь мне как-то климатически больше подходит. Да и тут завязались кое-какие связи, знакомства. Надо же, чтобы и Константинополь кто-нибудь населял. Итак, ты, значит, в германский санаторий?

Хлудов. Как же, как же. А знаешь что, генерал, поедем вместе?

Чарнота. Нет уж, зачем, спасибо. У тебя на лице написано, что ты прямо в германский санаторий собрался. Только я тебе расскажу, Роман, что с тобой будет в германском санатории. Не успеешь ты высадиться на берег, как проживешь ты ровно столько, сколько потребуется, чтобы снять тебя с лодки и довести тебя до ближайшей стенки. Да и то под строжайшим караулом, чтобы толпа тебя не разорвала по дороге. Там, брат, в этом санатории, на каждом шагу твои фотографии, и план свой ты в исполнение не приведешь. А тянет тебя, тянет! Я ведь не Божий Голубков. Я тебя знаю.

Хлудов. А ты проницательный человек, а?

Чарнота. Будь благонадежен! А стало быть, и меня с тобой, если я появлюсь? Ну, а меня за что? Я зря казаков порубал на Карповой балке. Но согласно приказания. Обозы грабил? Грабил. Но, Роман, фонарей у меня в

тылу нету. От смерти не бегал, но и за смертью специально к большевикам не поеду.

Х л у д о в. Соблазнительно, Чарнота, глянуть. И они пусть глянут.

Ч а р н о т а. Соблазнительно, соблазнительно... что говорить! Но дружески говорю: Роман, брось. Больше ничего не будет. Империю Российскую ты проиграл.

Х л у д о в. Это он проиграл ее!

Ч а р н о т а. Ну он. А ты не поправишь. Бросай! Отбой! Ты в самом деле полечись, Роман, и...

Х л у д о в. Ты дельно говоришь, дельно, дельно.

Ч а р н о т а. А ты посмотри, на что ты похож. И меня не заражай, я человек не идейный. У тебя при слове «большевик» глаза странные делаются. А я равнодушен. Я на них не сержусь, на большевиков! У них там теперь разливанное море, победили, и дай им Бог счастья! Пусть радуются!

Внезапно ударило на вертушке семь часов, и хор запел с гармониями:
«Жило двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман!..»

Ба! Слышите, вот она! Заработала вертушка! Ну, прощай, Роман, нам не по дороге! Развязала нас судьба. Кто — во Францию, кто — в петлю, а я, как Вечный Жид, отныне, Летучий Голландец я! Итак, говорю тебе дружески, Роман, в последний раз, остерегись, лечись и забудь! (*Распахивает дверь.*) Здравствуй вновь, тараканий царь Артур! Ты ахнешь сейчас, когда явится перед тобой во всей славе своей отставной генерал Чарнота! (*Исчезает.*)

Х л у д о в. Избавился? Один? И очень хорошо. (*Оборачивается.*) А? Сейчас, сейчас. (*Пишет на записочке несколько слов, потом кладет ее на стол.*) Так? Ушел, бледнеет, стал вдали, исчез! (*Подходит к балкону.*)

Хор поет «Кудеяра».

Поганое царство! Паскудное царство!

Вынимает револьвер и начинает стрелять через окно в вертушку.

Сперва к хору присоединяется смутный крик, потом хор прекращает пение, гармонии еще звучат, потом прекращают и они. Слышны яснее крики. Последнюю пулю Хлудов пускает себе в рот и падает ничком.

Константинополь расплывается и угасает навсегда.

Москва 1933 г.

БЕГ

ВАРИАНТ ФИНАЛА 1934 ГОДА

СОН ВОСЬМОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

...Жили двенадцать разбойников...

Окончательный вариант. 9 ноября 1934 г.¹

Константинополь. Комната с балконом. За стеклами догорает константинопольский минарет и вертушка тараканьего царя. Закат, закат...

Хлудов (*сидит на полу, поджав ноги*). Да, ты замучил меня. Но сегодня как будто наступает просветление. Я согласен. Но я прошу дать мне срок! Ты не один возле меня. Живые повисли на моих ногах и тоже требуют... А? Судьба их завязала в один узел со мною. Что поделаешь? Мы выбросились вместе через мглу. Но ты мне непонятен. Как отделился ты от длинной цепи лун и фонарей? Как ты ушел от вечного покоя? Ведь вас было много у меня? Ну, помяни, помяни, помяни... А мы не будем вспоминать. (*Думает, стареет, поникает.*) На чем мы остановились? Да, что все это я сделал зря. (*Думает.*) Потом что было? Забыл! А теперь? Зной и каждый день вертятся карусели. Но ты, ловец, в какую даль проник за мной и вот поймал меня в мешок. Оставь меня, ты надоел мне!

Стук в дверь.

(*Настороженно.*) Кто там?

Серафима (*за дверью*). Это я.

¹ Надпись рукой М. А. Булгакова. В ОР РГБ, ф. 562, к. II, ед. хр. 12, хранится, видимо, ранний вариант этих картин... Есть разночтения уже в описании обстановки: «Константинополь. Комната в коврах, низенькие диваны, кальян. На заднем плане — сплошная стеклянная дверь. За стеклами догорает константинопольский минарет, лавры и вертушка тараканьего царя. Садится осеннее солнце. Закат, закат...» и др. Здесь же Хлудов произносит важную фразу: «Я должен применять силу. Все вы ненормальные». И еще: «Все на меня валят, будто я ненормальный». Бросает фразу Чарноте, приглашая его ехать с ним в Россию: «Ты — человек смелый».

Хлудов открывает дверь.

Можно войти? Простите.

Хлудов. Пожалуйста.

Серафима. Вы одни? А с кем же вы разговаривали?

Хлудов. Ни с кем, вам послышалось. А впрочем, у меня есть манера разговаривать с самим собой. Надеюсь, что она никому не мешает, а?

Серафима. Роман Валерианович, вы тяжело больны. *(Пауза.)* Роман Валерианович, вы слышите, вы тяжело больны. Два месяца я живу за стеной и слышу бормотание. В такие ночи я сама не сплю. А теперь уже и днем?

Хлудов. Я вам достану другую комнату, а? Я часы продал, есть деньги. Но только в этом же доме, чтобы вы были под моим надзором.

Серафима. Роман Валерианович, я очень благодарна вам за то, что вы меня спасли. Но поверьте, что я сижу здесь только из-за того, что боюсь вас здесь оставить. Вы не можете быть одни.

Хлудов. Покорнейше вас благодарю, мне няньки не нужны.

Пауза.

Серафима. Роман Валерианович, я несчастна.

Хлудов. Сочувствую.

Серафима. Голубков погиб в Париже, погиб!

Хлудов. Прошу прекратить истерику! Почему погиб? У вас есть сведения?

Серафима. Ни строчки, ни телеграммы... И вдруг я сейчас глянула на солнце и поняла: погиб! Зачем я его отпустила?

Пауза.

Роман Валерианович, дайте мне денег в последний раз!

Хлудов. На что?

Серафима. Я еду в Париж искать его.

Хлудов. Не дам.

Серафима *(став на колени)*. Я одинокая, несчастная женщина, дайте мне денег! *(Пауза.)* Так будьте вы прокляты с вашими деньгами! Сегодня же бегу от вас! Деньги будут! И я найду его.

Хлудов. Нет, вы не убежите.

Серафима. Каким же это способом вы удержите меня?

Хлудов. Любым способом, не беспокойтесь, я не Голубков, а?

Серафима. Да что же это такое? Я во власти сумасшедшего? Насилие! Надо мною насилие! Я потеряла Голубкова.

Хлудов. Приедет. Хороший человек, хороший, хороший... Вы за него замуж выходите.

Серафима. Пожалейте меня, пожалуйста!

Хлудов. Вы пойдите по саду погуляйте, а то вы мне мешаете.

Стук. Серафима бросается открывать

Будьте любезны, я сам. А то разные люди могут прийти. Кто там? Ки э ла?

Голос смутно за дверью.

Все вы ненормальные. *(Открывает дверь.)*

Входят Чарнота и Голубков — одеты в приличные штатские костюмы. В руках у Чарноты чемоданчик.

Серафима. Сережа!! *(Обнимает Голубкова.)* Что же ты ни слова, ни слова?!

Голубков. Я послал тебе три телеграммы!

Чарнота. Не получили? Вот город! Ах!

Серафима. Я думала, что вы погибли! Все ночи сижу и вижу, как вы босые и оборванные бродите по Парижу... Никуда не пушу!

Голубков. Сима, не плачь. Никуда...

Серафима. Ты видел его?

Голубков. Видел. Забудь, не думай больше о нем. Его нет.

Серафима. Ты взял у него деньги?

Чарнота. Не волнуйся, это я у него взял.

Серафима. Этого не может быть!

Чарнота. Ну как не может быть, когда они у меня в чемодане! Голубков, пожалуйста сюда! *(Отводит Голубков в сторону и делится с ним деньгами.)* Пять тысяч... *(Серафиме.)* Праведные деньги, не волнуйся...

Хлудов. Ну, что же, Голубков, я свободен?

Голубков. Спасибо, Роман Валерианович, больше тебя не обременю, мы уезжаем навсегда во Францию.

Серафима. Изгой мы...

Голубков. Изгой. Хочу забыть свой путь. Бритая голова... Лагерь...

Хлудов. Хлудов — зверюга, Хлудов — шакал?

Голубков. Едем, Сима, я больше не могу видеть Константинополя!

Серафима. А куда он денется? Он болен, господа!

Хлудов. Убедительно прошу не беспокоиться. Я уезжаю лечиться в санаторий, в Германию.

Голубков. Ну, прощай, Роман Валерианович.

Серафима. Прощайте. Я буду о вас думать, буду вас вспоминать.

Хлудов. Нет, ни в коем случае не делайте этого.

Голубков. Ах да, Роман Валерианович, медальон. *(Подает Хлудову медальон.)*

Хлудов *(Серафиме.)* Возьмите его на память. Возьмите, говорю.

Серафима *(берет медальон, обнимает Хлудова)*. Прощайте.

Голубков *(указывая в окно)*. Прощай, душный город!

Уходит с Серафимой.

Хлудов. Ну, а ты куда?

Чарнота. Мы люди маленькие. Я сюда вернулся, в Константинополь.

Хлудов. Серафима говорила, что город этот тебе не нравится.

Чарнота. Я заблуждался. Париж еще хуже. Так, сероватый город... Видел и Афины, и Марсель... Но... пошлые города! Да и тут завязались связи, кое-какие знакомства... Надо же, чтобы и Константинополь кто-нибудь населял.

Хлудов. Знаешь что, генерал, поедem вместе? Ты человек смелый...

Чарнота. Нет, я не смелый, спасибо. А у тебя на лице, Роман, написано, что ты в германский санаторий собрался. Но поверь, что не успеешь ты высадиться на берег, как проживешь ровно столько, сколько потре-

буется, чтобы тебя с лодки снять и довести до ближайшей стенки, да и то под строжайшим караулом, чтобы тебя толпа не разорвала по дороге! Там, брат, в этом санатории, тебя хорошо помнят. А за компанию с тобой и меня поведут. От смерти я не бегал, но за смертью специально к большевикам не поеду. Дружески говорю, Роман, брось! Все закончено! Империю Российскую ты проиграл, а в тылу у тебя фонари!

Хлудов. Ты проникательный человек, оказывается.

Чарнота. Но не идейный. Я равнодушен. Я на большевиков не сержусь. Победили и пусть радуются! Зачем я буду портить настроение своим появлением?

Внезапно ударило на вертушке семь часов, и хор с гармониками зашел: «Жили двенадцать разбойников и
Кудеяр-атаман...»

Ба! Слышите! Вот она! Заработала вертушка! Ну, прощай, Роман! Кто во Францию, кто в петлю, а я, как Вечный Жид, отныне Летучий Голландец я! Последний раз говорю, остерегись, лечись и забудь! *(Распахивает дверь на балкон.)* Здравствуй вновь, тараканий царь Артур! Ты ахнешь сейчас, когда явится перед тобой во всей славе своей отставной генерал Чарнота! *(Исчезает.)*

Хлудов *(один)*. Избавился? Один. И очень хорошо. *(Оборачивается, говорит кому-то.)* Сейчас, сейчас... *(Пишет на бумаге несколько слов, кладет ее на стол, указывает на бумагу пальцем.)* Так? *(Радостно.)* Ушел. Бледнеет. Исчез! *(Подходит к двери на балкон, смотрит вдаль.)*

Хор поет: «Господу Богу помолимся, древнюю быль возвестим...»

Поганое царство! Паскудное царство! Тараканьи бега!.. *(Вынимает револьвер из кармана и несколько раз треляет по тому направлению, откуда доносится хор.)*

Гармоники, рывкнув, умолкают. Хор прекратился. Послышались дальше крики. Хлудов последнюю пулю пускает себе в голову и падает ничком у стола.
Темно.

Конец.

ВАРИАНТ ФИНАЛА 1937 ГОДА
СОН ВОСЬМОЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Хлудов и Чарнота входят.

Хлудов. Ну вот, все в порядке теперь, а? (*Голубкову.*) Ты ее любишь? А? Искренний человек? Советую ехать туда, куда она скажет. А теперь прощайте все! (*Берет пальто, шляпу и маленький чемодан.*)

Чарнота. Куда это, смею спросить?

Хлудов. Сегодня ночью пойдет пароход, и я поеду с ним. Только молчите.

Голубков. Роман! Одумайся! Тебе нельзя этого делать!

Серафима. Говорила уже, его не удержишь.

Хлудов. Чарнота! А знаешь что? Поедем со мной, а?

Чарнота. Пстой, пстой, пстой! Только сейчас сообразил? Куда это? Ах, туда! Здорово задумано! Это что же, новый какой-нибудь хитроумный план у тебя созрел? Не зря ты генерального штаба! Или ответ едешь держать? А? Ну так знай, Роман, что проживешь ты ровно столько, сколько потребуется тебя с парохода снять и довести до ближайшей стенки! Да и то под строжайшим караулом, чтоб тебя не разорвали по дороге! Ты, брат, большую память о себе оставил. Ну а попутно с тобой и меня, раба Божьего, поведут, поведут... За мной много чего есть! Хотя, правда, фонарей у меня в тылу нет!

Серафима. Чарнота! Что ты больному говоришь?

Чарнота. Говорю, чтобы остановить его.

Голубков. Роман! Останься, тебе нельзя ехать!

Хлудов. Ты будешь тосковать, Чарнота.

Чарнота. Эх, сказал! Я, брат, давно тоскую. Мучает меня Киев, помню я лавру, помню бои... От смерти я не бегал, но за смертью специально к большевикам тоже не поеду. И тебе из жалости говорю — не езд.

Хлудов. Ну, прощай! Прощайте! (*Уходит.*)

Чарнота. Серафима, удержи его, он будет каяться!

Серафима. Ничего не могу сделать.

Голубков. Вы его не удержите, я знаю его.

Чарнота. А! Душа суда требует! Ну что ж, ничего не сделаешь! Ну а вы?

Серафима. Поедем, Сергей, проситься. Я придумала — поедем ночью домой!

Голубков. Поедем, поедем! Не могу больше скитаться!

Чарнота. Ну что ж, вам можно, вас пустят. Давай делить деньги.

Серафима. Какие деньги? Это, может быть, корзухинские деньги?

Голубков. Он выиграл у Корзухина двадцать тысяч долларов.

Серафима. Ни за что!

Голубков. И мне не надо. Доехал сюда, и ладно. Мы доберемся как-нибудь до России. Того, что ты дал, нам хватит.

Чарнота. Предлагаю в последний раз. Нет? Благородство? Ну, ладно. Итак, пути наши разошлись, судьба нас развязала. Кто в петлю, кто в Питер, а я куда? Кто я теперь? Я Вечный Жид отныне. Я — Агасфер, Летучий я Голландец. Я — черт собачий!

Часы пробили пять. Над каруселью поднялся флаг вдали, и послышались гармонии, а с ними хор у Артура на бегах: «Жили двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман..»

Ба! Слышите? Жива вертушка, работает! *(Распахивает дверь на балкон.)* Здравствуй вновь, тараканий царь Артур! Ахнешь ты сейчас, когда явится перед тобой во всей славе своей генерал Чарнота! *(Исчезает.)*

Голубков. Не могу больше видеть этого города. Не могу слышать!

Серафима. Что это было, Сережа, за эти полтора года? Сны? Объясни мне! Куда, зачем мы бежали? Фонари на перроне, черные мешки... потом зной! Я хочу опять на Караванную, я хочу опять увидеть снег! Я хочу все забыть, как будто ничего не было!

Хор разливается шире: «Господу Богу помолимся, древнюю быль возвестим!..» Издали полился голос муэдзина: «Ла иль алла иль Махомет рассуль алла!»

Голубков. Ничего, ничего не было, все мерещилось! Забудь, забудь! Пройдет месяц, мы доберемся, мы вернемся, и тогда пойдет снег, и наши следы заметет... Идем, идем!

Серафима. Идем! Конец!

Оба выбегают из комнаты Хлудова.
Константинополь начинает гаснуть и угасает навсегда.

Конец.

МАСТЕР И МАРГАРИТА

Черновые варианты романа.

ТЕТРАДЬ 1. 1928 — 1929 гг.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

— Значит, гражданин Поротый, две тысячи рублей вы уплатили гражданину Иванову за дом в Серпухове?

— Да, так. Так точно, — уплатил я. Только при этом клятвою говорю, не получал я от Воланда никаких денег! — ответил Поротый.

Впрочем, вряд ли в отвечавшем можно было признать председателя. Сидел скуластый исхудавший совсем другой человек, и жиденькие волосы до того перепутались и слиплись у него на голове, что казались кудрявыми. Взгляд был тверд.

— Так. Откуда же взялись у вас пять тысяч рублей? Из каких же уплатили? Из собственных?

— Собственные мои, колдовские, — ответил Поротый, твердо глядя.

— Так. А куда же вы дели полученные от Воланда въездные?

— Не получал, — одним дыханием сказал Поротый.

— Это ваша подпись? — спросил человек у Поротого, указывая на подпись на контракте, где было написано: «5 тысяч рублей согласно контракту от гр. Воланда принял».

— Моя. Только я не писал.

— Гм. Значит, она подложная?

— Подложная бесовская.

— Так. А граждане Корольков и Петров видели, как вы получили. Они лгут?

— Лгут. Наваждение.

— Так. И члены правления лгут? И общее собрание?

— Так точно, лгут. Им нечистый глаза отвел. А общего собрания не было.

— Ага. Значит, не было денег за квартиру?

— Не было.

— Были ваши собственные. Откуда они у вас? Такая большая сумма?

— Зародились под подушкой.

— Предупреждаю вас, гражданин Поротый, что, разговаривая таким нелепым образом, вы сильно ухудшаете ваше положение.

— Ничего. Я пострадать хочу.

— Вы и пострадаете. Вы меня время заставляете зря терять. Вы взятки брали?

— Брал.

— Из взяток составились пять тысяч?

— Какое там. По мелочам брал. Все прожито.

— Так Правду говорите?

— Христом Богом клянусь.

— Что это вы, партийный, а все время Бога упоминаете? Веруете?

— Какой я партийный. Так...

— Зачем же вступили в партию?

— Из корыстолюбия.

— Вот теперь вы откровенно говорите.

— А в Бога Господа верую, — вдруг сказал Поротый, — верую с сего десятого июня и во дьявола.

— Дело ваше. Ну-с, итак, согласны признать, что из пяти тысяч, полученных вами за квартиру, две вы присвоили?

— Согласен, что присвоил две. Только за квартиру ничего не получал. А подпись вам тоже мерещится.

Следователь рассмеялся и головой покачал.

— Мне? Нет, не мерещится.

— Вы, товарищ следователь, поймите, — вдруг сказал проникновенно Поротый, — что я за то только и страдаю, что бес подкинул мне деньги, а я соблазнился, думал на старость угол себе в Серпухове обеспечить. Мне бы сообразить, что деньги под подушкой... Только я власть предупреждаю, что у меня во вверенном мне доме нечистая сила появилась. Ремонт в Советской России в день сделать нельзя, хоть это примите во внимание.

— Оригинальный вы человек, Поротый. Только опять-таки предупреждаю, что, если вы при помощи этих глупых фокусов думаете выскочить, жестоко ошибаетесь. Как раз наоборот выйдет.

— Полон я скверны был, — мечтательно заговорил Поротый, строго и гордо, — людей и Бога обманывал,

но с ложью не дорогами ходишь, а потом и споткнешься. В тюрьму сяду с фактическим наслаждением.

— Сядете. Нельзя на общественные деньги дома в Серпухове покупать. Кстати, адрес продавца скажите.

— В 3-й Мещанской, купца Ватрушкина бывший дом.

— Так. Прочтите, подпишите. Только на суде потом не извольте говорить, что подпись бесовская и что вы не подписывали.

— Зачем же, — коротко отозвался Поротый, овладевая ручкой, — тут уж дело чистое, — он перекрестился, — с крестом подпишем.

— Штукарь вы, Поротый. Да вы прочтите, что подписываете. Так ли я записал ваши показания?

— Зачем же. Не обидите погибшего.

ЯКОБЫ ДЕНЬГИ

Интересно, как никому и в голову не пришло, что странности и вообще всякие необыкновенные происшествия, начавшиеся в Москве уже 12-го июня, на другой же день после дебюта м-е Воланда, имели все один, так сказать, общий корень и источник и что источник этот можно было бы и проследить. Хотя, впрочем, мудреного особенно и нет. Москва — город громадный, раскиданный нелепо, населения в нем как-никак два с половиной миллиона, да и население-то такое привычное ко всяким происшествиям, что оно уж и внимание на них перестало обращать.

В самом деле, что, скажем, удивительного в том, что 12-го июня в пивной «Новый быт» на углу Триумфальной и Тверской арестовали гражданина? Арестовали за дело. Выпив три кружки пива, гражданский направился к кассе и вручил кассирше червонец. Хорошо, что бедная девушка опытным глазом увидела, что червонец скверный — именно на нем одного номера не было. Кассирша, неглупая девушка, вместо того чтобы со скандалом вернуть бумажку, сделала вид, что в кассе что-то заело, а сама мигнула малому в фартуке. Тот появился у плеча обладателя червонца. Осведомились, откуда такой червонец малахольный, недоделанный? На службе получил... Любопытные лица. На службе, гражданин, таких червонцев сроду не давали. Гражданин в замешательстве к

двери. Попридержали, через минуту красное кепи и — готово. Замели гражданина.

Второй случай вышел пооригинальнее. В кондитерской в Столешниковом переулке купил прилично одетый мужчина двадцать штук пирожных. К кассе. Кассирша в негодовании.

— В чем дело?

— Вы что, гражданин, даете?

— Как «что»? Черв...

Глядь, какой же это червонец! Кассирша злобно возвращает этикетку белого цвета. Написано: «Абрау-Дюрсо, полусухое».

— Что такое?! Ради Бога, извиняюсь...

Дает другой, тут уж скандал! Конфетная бумажка «Карамель фабрики Розы Люксембург — «Наш ответ Чемберлену».

— Прошу не хулиганить!!

Все приказчицы негодуют. Публика смотрит... Господин малиновый, еле высочил из магазина, но его вернули, заставили заплатить за измятые в коробке пирожные. Он расплатился серебряной мелочью. А выбежавши, швырнул в канавку проклятые две бумажки, причем изумленный прохожий поднял их, развернул, увидел, что это червонцы, присвоил их.

На Мясницкой у почтамта в полдень громко разрыдалась девушка, торгующая с моссельпромовского лотка шоколадом. Оказалось, что какой-то негодяй вручил и так нищей, нуждающейся продавщице червонец, а когда она через некоторое время вынула его из жестяной коробочки, служившей ей кассой, увидела в руках у себя белый листок из отрывного календаря. Потом случаи стали все чаще, и все связаны они были с деньгами. В банке на углу Петровки и Кузнецкого арестовали кассира, потому что, сдавая дневную кассу контролеру, он сдал в пачке, перевязанной и им подписанной, вместо тысячи только семьсот и на триста — резаных по формату лозунгов «Религия — яд, берегите ребят».

В частном галантерейном магазине на Арбате обнаружил хозяин в кассовом ящике вместо четырех червонных бумажек четыре билета в театр на революционную пьесу. Владелец магазина их рвал зубами.

В кассе месткома газеты «Звонок» во Дворце Труда случилось похуже. Там обнаружилась недостача денег в

несгораемом шкафу, а вместо недостающих червонцев — пятьдесят штук троцкистских прокламаций самого омерзительного содержания. Секретарь, обнаруживший их, ничего никому не сказал, но уединился в телефонной будке, и через час трое людей в черных куртках увезли прокламации, а с ними двух беспартийных сотрудников «Звонок», неизвестно куда. Случаи превращения денег в черт знает что во второй половине дня стали настолько частыми, что о них тут только расплылся по столице слухок... Из одних трамваев раз двадцать высаживали субъектов, которые развязно протягивали кондукторам всякий хлам вроде, например, наклейки с коробки сардин «Маяк», как это было на Моховой улице.

На Смоленском рынке на закате солнца в подворотне произошла поножовщина по поводу брюк, купленных за вышедший в тираж лотерейный билет автодора. Человека зарезали с ловкостью и смелостью почти испанской.

Меж тем только один человек во всей Москве в тот же день проник в то место, о котором впоследствии только догадались... Человек этот, конечно, был буфетчик Варьете. Нужно отметить, что человечек короткого роста и с веками, прикрывающими свиные глазки крышечками, и моржовыми усами был меланхоликом. На лице у него царило не сходящее выражение скорби, и тяжкие вздохи непрерывно вырывались из его груди. Если ему приходилось платить восемь копеек в трамвае, он вздыхал так, что на него оборачивались.

В утро 12 июня, проверяя кассу, он нашел вместо одиннадцати червонцев одиннадцать страниц маленького формата из «Заколдованного места» Гоголя. Мы не беремся описывать ни лицо буфетчика, ни его жесты, ни слова.

Он к полудню закрыл буфет, облачился в желтое летнее пальто, художническую шляпу и, несмотря на жару, в калоши и, вздохами оглашая окрестности, отправился на Садовую. У подъезда Варьете он продрался сквозь толпу, причем вздохнул многозначительно.

Через пять минут он уже звонил в третьем этаже. Открыл ему маленький человечик в черном берете. Беспрепятственно буфетчика пропустили в переднюю. Он снял калоши, аккуратно поставил их у стоечки, пальтишко снял и так вздохнул, что человечик обернулся, но куда-то исчез.

— Мессир, к вам явился человек.

— Впустите, — послышался низкий голос.

Буфетчик вошел и раскланялся, удивление его было так сильно, что на мгновение он забыл про одиннадцать червонцев.

Вторая венецианская комната странно обставлена. Какие-то ковры всюду, много ковров. Но стояла какая-то подставка, а на ней совершенно ясно и определенно золотая на ножке чаша для святых даров.

«На аукционе купил. Ай, что делается!» — успел подумать буфетчик и тут же увидел кота с бирюзовыми глазами, сидящего на другой подставке. Второй кот оказался в странном месте на карнизе гардины. Он оттуда посмотрел внимательно на буфетчика. Сквозь гардины на двух окнах лился в комнату странный свет, как будто в церкви в пламенный день через оранжевое стекло. «Воняет чем-то у них в комнате», — подумал потрясенный царь бутербродов, но чем воняет, определить не сумел. Не то жжеными перьями, не то какою-то химической мерзостью.

Впрочем, от мысли о вонючем буфетчике тотчас отвлекло созерцание хозяина квартиры. Хозяин этот раскинулся на каком-то возвышении, одетом в золотую парчу, на коей были вышиты кресты, но только кверху ногами.

«Батюшки, неужели же и это с аукциона продали?»

На хозяине было что-то, что буфетчик принял за халат и что на самом деле оказалось католической сутаной, а на ногах черт знает что. Не то черные подштанники, не то трико. Все это, впрочем, буфетчик рассмотрел плохо. Зато лицо хозяина разглядел. Верхняя губа выбрита до синевы, а борода торчит клином. Глаза буфетчику показались необыкновенно злыми, а рост хозяина, раскинувшегося на этом... ну, Бог знает на чем, невероятным.

«Внушительный мужчина, а рожа кривая», — отметил буфетчик.

— Да-с? — баском сказал хозяин, прищуриваясь на вошедшего.

— Я, — поморгав, ответил буфетчик, — изволите ли видеть, содержатель-владелец буфета из Варьете.

— Не подумаю даже! — ответил хозяин.

Буфетчик заморгал, удивившись.

— Я, — продолжал хозяин, — проходил мимо вашего буфета, почтеннейший, и нос вынужден был заткнуть.....

...Бегемот!

На зов из черной пасти камина вылез черный кот на толстых, словно дутых лапах и вопросительно остановился.

«Дрессированный, — подумал буфетчик, — лапы до чего гадкие!»

— Ты у канцлера был? — спросил Воланд.

Буфетчик вытаращил глаза.

Кот молчал.

— Когда же он успеет? — слышался хриплый сифилитический голос из-за двери, — ведь это не ближний свет! Сейчас пошлю.

— Ну а в Наркомпросе?

— В Наркомпрос я Бонифация еще позавчера посылал, — пояснил все тот же голос.

— Ну?

— Потеха!

— Ага, ну ладно. Брысь! (Кот исчез в камине.) Итак, продолжайте, вы славно рассказываете. Так... Якобы деньги?... Дальше-с...

Но буфетчик не сразу обрел дар дальнейших рассказов. Черненькое что-то стукнуло ему в душу, и он настороженными слезящимися глазками проводил Бегемота в камин.

— А они, стало быть, ко мне в буфет и давай их менять!

— О! Жадные твари! Но, позвольте, вы-то видели, что вам дают?

— То-то, что деньги совершенно как настоящие.

— Так что же вас беспокоит? Если они совершенно как настоящие...

— То-то, что сегодня, глядь, ан вместо червонцев резаная бумага.

— Ах, сволочь-народ в Москве! Но, однако ж, чего вы хотите от меня?

— Вы должны уплатить...

— Уплатить?!

— О таких фокусах администрацию надлежит уведомлять. Помилуйте, на 110 рублей подковали буфет.

— Я не хочу вам платить. Это скучно платить.

— Тогда вынужден я буду в суд заявить, — твердо сказал буфетчик.

— Как в суд! Рассказывают, у вас суд классовый?

— Классовый, уж будьте спокойны.

— Не погубите сироту, — сказал плаксиво Воланд и вдруг стал на колени.

«Полоумный или издевается», — подумал буфетчик.

— Лучше я вам уплачу, чем в суд идти. Засудят меня, ох засудят, как пить дадут, — сказал Воланд. — Пожалуйте бумагу, я вам обменяю.

Буфетчик полез в карман, вынул сверток, развернул его и ошалел.

— Ну-с, — нетерпеливо сказал хозяин.

— Червонцы!! — шепотом вскричал буфетчик.

Воланд сделался грозен.

— Послушайте, буфетчик! Вы мне голову пришли морочить или пьяны?

— Что же это такое делается? — залепетал буфетчик.

— Делается то, что у вас от жадности в глазах мутится, — пояснил Воланд, вдруг смягчаясь. — Любите деньги, плут, сознайтесь? У вас, наверное, порядочно припрятано, э? Тысячки сто тридцать четыре, я полагаю, э?

Буфетчик дрогнул, потому что, ляпнув наобум, по-видимому, цифру, Воланд угадал до последней копейки — именно в сумме 134 тысяч выражались сбережения буфетчика.

— Это никого не касается, — забормотал буфетчик, совершенно пораженный.

— Мне только одно непонятно, — продолжал артист Воланд, — куда вы их денете? Вы помрете скоро, через год, в гроб вы их не запихнете, да они в гробу вам и не нужны...

— Попрошу вас не касаться моей смерти, — тихо ответил буфетчик и побледнел, и стал озираться. Ему сделалось страшно, отчего — он сам не знал.

— Я пойду, — добавил он, вращая глазами.

— Куда же вы так спешите? — любезно осведомился хозяин. — Останьтесь с нами, посидите, выпьемте. Бонифаций превосходно приготовляет напиток. Отведайте, э?

— Благодарствуйте, я не пью, — просипел буфетчик и стал пятиться.

— Куда ж вы? — спросил вдруг сзади кто-то, и вынырнула рожа. Один глаз вытек, нос провалился. Одета была рожа в короткий камзолчик, а ноги у нее разноцветные, в полосах, и башмаки острые. На голове росли рыжие волосы кустами, а брови были черного цвета, и

клыки росли куда попало. Тихий звон сопровождал появление рожи, и немудрено: рукава рожи, равно как и подол камзола, были обшиты бубенчиками. Кроме того, горб. То есть не то что выпивать с этой рожей...

— Хватим? — залихватски подмигнув, предложила рожа и пододвинулась к буфетчику. Рожа сняла с подставки святую чашу и поднесла ее буфетчику.

— Не пью, — шепотом ответил буфетчик, вдавился в переднюю, увидел на стене громадную шпагу с рукоятью чашей и затем совершенно голую девицу, сидящую верхом на кресле, отделанном черепахой. Увидев буфетчика, девица сделала такой жест, что у того помутилось в глазах. Не помня сам себя, буфетчик был выпущен на лестницу, и за ним тяжело хлопнула дверь.

Тут буфетчик сел прямо на ступеньку и тяжело дышал, глаза у него лезли из-под бровей, хоть пальцами их вдавливай. Он почему-то ощупал себя. И когда коснулся головы, убедился, во-первых, что она совершенно мокрая, а во-вторых, что он шляпу забыл в квартире Воланда. Затем он проверил сверток, червонцы были налицо. Солнце било на лестницу через окно. Гулкие шаги слышались сверху. Поравнялась женщина, брезгливо поглядела на буфетчика и сказала:

— Вот так дом малахольный. Ну, с утра все пьяные, ну, прямо, потеха. Э, дядя, у тебя червонцев-то, я вижу, курочки не клюют? — И вдруг уселась рядом, кокетливо ткнула буфетчика в ребро. Тот пискнул и машинально прикрыл червонцы ладошкой.

— Имею такой план, — интимно зашептала женщина, и буфетчик, безумно глядя ей в лицо, убедился, что она миловидна и не стара, — в квартире сейчас ни одной души, все рассосались, кто куда. Ты мне червончик, а уж я тебя ублаговторю. Водочка есть, селедочка. Я утром погадала, как раз мне вышла амурная постель с трефовым королем, а трефовый король — ты.

— Что вы? — воскликнул трефовый король болезненно и спрятал червонцы.

— Ты думаешь, может, что я проститутка? — спросила женщина. — Ничего подобного. Абсолютно честная женщина, муж счетоводом служит, можешь в домкоме справиться.

— Уйдите, Христа ради, — зашептал буфетчик, поднимаясь на дрожащие ноги.

Женщина поднялась, отряхнула юбку, подобрала корзиночку и двинулась вниз.

— Э, дурбалой, о, дурак, — сказала она, — вот уж, видно, рожна с маслом надо. Да другая бы, чтоб к тебе прикоснуться только, три красненьких бы слупила, а я, на тебе, червонец! А я с генерал-губернатором отношение имела, ежели знать угодно, можешь в домкоме справиться.

Голова ее стала исчезать.

— Пошел ты... — донеслось снизу и стихло.

Поборов усилием жадности страх, буфетчик нажал кнопку, услышал, как за дверью загрохотали колокола. Сделав громадные глаза, но решив больше не изнурять себя удивлением, втянув голову в плечи, буфетчик ждал. Дверь приоткрылась, он дрогнул, на черном фоне сверкнуло голое тело все той же девицы.

— Что вам? — сурово спросила она.

— Я шляпочку забыл у вас...

Рыжая голая рассмеялась, пропала в полутьме, и затем из двери вылетел черный ком и прямо в физиономию буфетчику. Дверь хлопнула, за нею послышался взрыв музыки и хохот, от которого буфетчик озяб. Всмотревшись, он охнул жалобно. В руках у него была не его шляпа, а черный берет, бархатный, истасканный, молю траченный. Буфетчик плаксиво пискнул и позвонил вторично. Опять открылась дверь, и опять голая обольстительно предстала перед буфетчиком.

— Вы опять?! — крикнула она. — Ах, да ведь вы и шагу забыли?

«Мать честная, царица не...», — подумал буфетчик и вдруг, взыв, кинулся бежать вниз, напялив на себя берет. Дело в том, что лицо девицы на черном фоне явственно преобразилось, превратилось в мерзкую рожу старухи.

Как сумасшедший, поскакал по ступеням буфетчик и внизу уже вздумал перекреститься. Лишь только он это сделал, как берет, взыв диким голосом, прыгнул у него с головы и галопом взвился вверх по лестнице.

«Вот оно что!» — подумал буфетчик, бледнея. Уже без головного убора он выбежал на расплавленный асфальт, зажмурился от лучей, уже не вмешиваясь ни во что, услышал в левом корпусе стекольный бой и женские визги, вылетел на улицу, не торгуясь в первый раз в жизни, сел в извозчиью пролетку, прохрипел:

— К Николе...

Извозчик рывкнул: «Рублик!» Полоснул клячу и через пять минут доставил буфетчика в переулок, где в тенистой зелени выглянули белые чистенькие бока храма. Буфетчик ввалился в двери, перекрестился жадно, носом потянул воздух и убедился, что в храме пахнет не ладаном, а почему-то нафталином. Ринувшись к трем свечечкам, разглядел физиономию отца Ивана.

— Отец Иван, — задыхаясь, буркнул буфетчик, — в срочном порядке... об избавлении от нечистой силы...

Отец Иван, как будто ждал этого приглашения, тылом руки поправил волосы, всунул в рот папиросу, взобрался на амвон, глянул заискивающе на буфетчика, осатаневшего от папиросы, стукнул подсвечником по аналою...

«Благословен Бог наш...» — подсказал мысленно буфетчик начало молебных пений.

— Шуба императора Александра Третьего, — нараспев начал отец Иван, — ненадеванная, основная цена 100 рублей!

— С пятаком — раз, с пятаком — два, с пятаком — три!.. — отозвался сладкий хор кастратов с клироса из тьмы.

— Ты что ж это, оглашенный поп, во храме делаешь? — суконным языком спросил буфетчик.

— Как что? — удивился отец Иван.

— Я тебя прошу молебен, а ты...

— Молебен. Кхе... На тебе... — ответил отец Иван. — Хватился! Да ты откуда влетел? Аль ослеп? Храм закрыт, аукционная камера здесь!

И тут увидел буфетчик, что ни одного лика святого не было в храме. Вместо них, куда ни кинь взор, висели картины самого светского содержания.

— И ты, злодей...

— Злодей, злодей, — с неудовольствием передразнил отец Иван, — тебе очень хорошо при подкожных долларах, а мне с голоду прикажешь подышать? Вообще, не мучь, член профсоюза, и иди с Богом из камеры...

Буфетчик оказался снаружи, голову задрал. На куполе креста не было. Вместо креста сидел человек, курил.

Каким образом до своей резиденции добрался буфетчик, он не помнил. Единственно, что известно, что, явившись в буфет, почтенный содержатель его запер, а на двери повесил замок и надпись: «Буфет закрыт сегодня».

МУДРЕЦЫ

Нужно сказать, что, в то время как буфетчик переживал свое приключение, у здания «Варьете» стояла, все время меняясь в составе, толпа. Началось с маленькой очереди, стоявшей у двери «Ход в кассу» с восьми часов утра, когда только-только устанавливались очереди за яйцами, керосином и молоком. Примечательно появление в очереди мясистых рож барышников, обычно дежурящих под милыми колоннами Большого театра или у среднего подъезда Художественного в Камергерском. Ныне они перекочевали, и появление их было весьма знаменательно.

И точно: в «Варьете» было 2100 мест. К одиннадцати часам была продана половина. Тут Суковский и Нютон опомнились и кинулись куда-то оба. Через подставных лиц они купили билеты и к полудню, войдя в контакт с барышниками, заработали: Суковский 125 рублей, а Нютон 90. К полудню стало страшно у кассы.

В двенадцать часов с четвертью на кассе поставлена заветная доска «Все билеты проданы на сегодня», и барышники, и просто граждане стали покупать на завтра и на послезавтра. Суковский и Нютон приняли горячее участие в операциях, причем не только никто ничего не знал об этом, (но и) они друг о друге не знали.

В два часа барышники перестали шептать: «Есть на сегодня два в партере», и лица их сделались загадочными. Действительно, публика у «Варьете» стала волноваться, к барышникам подходили, спрашивали: «Нет ли?», и они стали отвечать сквозь зубы: «Есть кресло в шестом ряду — 50 рублей». Сперва от них испуганно отпрыгивали, а с трех дня стали брать.

В контору посыпались телефонные звонки, стали раздаваться солидные голоса, которым никак нельзя было отказать.

Все двадцать пять казенных мест Нютон расписал в полчаса, а затем пришлось разместить и приставные стулья для голосов, которые попроще. Все более к вечеру выяснилось, что в «Варьете» будет что-то особенное. Особенного, впрочем, не мало было уже и днем — за кулисами.

Во-первых, весь состав служащих отравил жизнь Осипу Григорьевичу, расспрашивая, что он пережил, ос-

матривали шею Осипа, но шея оказалась, как шея, — безо всякой отметины... Осип Григорьевич сперва злился, потом смеялся, потом врал что-то о каком-то тумане и обмороке, потом врал, что голова у него осталась на плечах, а просто Воланд его загипнотизировал и публику, потом удрал домой. Рибби уверял всех, что это действительно гипноз и что такие вещи он уже двадцать раз видел в Берлине. На вопрос, а как же собака объяснила: «Сеанс окончен»? — и тут не сдался, а объяснил собачий поступок чревоуещанием. Правда, Нютон сильно прижал Рибби к стене, заявив клятвенно, что ни в какие сделки с Воландом он не входил, а, между тем, две колоды отнюдь не потусторонние, а самые реальнейшие тут налицо. Рибби, наконец, объяснил их появление тем, что Воланд подсунул их заранее.

— Мудрено!

— Значит, фокус?!

Пожарный был прост и не врал. Сказал, что, когда голова его отлетела, он видел со стороны свое безголовое тело и смертельно испугался. Воланд, по его мнению, колдун.

Все признали, что колдун — не колдун, но действительно артист первоклассный.

Затем вышла «Вечерняя Газета» и в ней громовое сообщение о том, что Аполлона Павловича выбросили из должности в два счета. Следовало это сообщение непосредственно за извещением, исходящим от компетентного органа, укорявшего Аполлона Павловича в неких неэтических поступках Каких именно — сказано не было, но по Москве зашептались, захихикали обыватели: «Зонтики... шу-шу, шу-шу...»

Вслед за «Вечерней Газетой» на головы Библейского и Ньютона обрушилась «молния».

«Молния» содержала в себе следующее:

«Маслов уверовал. Освобожден. Но под Ростовом снежный занос. Может задержать сутки. Немедленно отправляйтесь Исналитуч, наведите справки Воланде, ему вида не подавая. Возможно преступник. Педулаев».

— Снежный занос в Ростове в июне месяце, — тихо и серьезно сказал Нютон, — он белую горячку получил во Владикавказе. Что ты скажешь, Библейский?

Но Библейский ничего не сказал. Лицо его приняло серьезно старческий вид. Он тихо поманил Ньютона и из

грохота и шума кулис и конторы увел в маленькую реквизитную. Там среди масок с распухшими носами две головы склонились.

— Вот что, — шепотом заговорил Библейский, — ты, Ньютон, знаешь в чем дело...

— Нет, — шепнул Ньютон.

— Мы с тобой дураки.

— Гм...

— Во-первых: он действительно во Владикавказе?

— Да, — твердо отозвался Ньютон.

— И я говорю — да, он во Владикавказе.

Пауза.

— Ну, а ты понимаешь, — зашептал Робинский, — что это значит?

Благовест смотрел испуганно.

— Это. Значит. Что. Его отправил Воланд.

— Не мож...

— Молчи.

Благовест замолчал.

— Мы вообще поступаем глупо, — продолжал Робинский, — вместо того, чтобы сразу выяснить это и сделать из этого оргвыводы...

Он замолчал.

— Но ведь заноса нет...

Робинский посмотрел серьезно, тяжело и сказал:

— Занос есть. Все правда.

Благовест вздрогнул.

— Покажи-ка мне еще раз колоды, — приказал Робинский.

Благовест торопливо расстегнул, нашарил в кармане что-то, выпучил глаза и вытащил два блина. Желтое масло потекло у него меж пальцев.

Благовест дрожал, а Робинский только побледнел, но остался спокоен.

— Пропал пиджак, — машинально сказал Благовест.

Он открыл дверцу печки и положил в нее блины, дверцу закрыл. За дверкой слышно было, как сильно и тревожно замыкал котенок. Благовест тоскливо оглянулся. Маски с носами, усеянными крупными, как горох, бородавками, глядели со стены. Кот мяукнул раздирающе.

— Выпустить? — дрожа спросил Благовест...

Он открыл заслонку, и маленький симпатичный щенок вылез весь в саже и скуля.

Оба приятеля молча проводили взорами зверя и стали в упор разглядывать друг друга.

— Это... гипноз... — собравшись с духом, вымолвил Благовест.

— Нет, — ответил Робинский.

Он вздрогнул.

— Так что же это такое? — визгливо спросил Благовест.

Робинский не ответил на это ничего и вышел.

— Постой, постой! Куда же ты? — вслед ему закричал Благовест и услышал:

— Я еду в Исналитуч.

Воровски оглянувшись, Благовест выскочил из реквизиторской и побежал к телефону. Он вызвал номер квартиры Берлиоза и с бьющимся сердцем стал ждать голоса. Сперва ему почудился в трубке свист, пустой и далекий, разбойничий свист в поле. Затем ветер, и из трубки повеяло холодом. Затем дальний, необыкновенно густой и сильный бас запел далеко и мрачно: «...черные скалы, вот мой покой... черные скалы».... Как будто шакал захохотал. И опять: «черные скалы... вот мой покой...»

Благовест повесил трубку. Через минуту его уже не было в здании «Варьете».

РОБИНСКИЙ СОЛГАЛ...

Робинский солгал, что он едет в Исналитуч. То есть поехать-то туда он поехал, но не сразу. Выйдя на Триумфальную, он нанял таксомотор и отправился совсем не туда, где помещался Исналитуч, а проехал в громадный солнечный двор, пересек его, полюбовавшись на стаю кур, клевавших что-то в выгоревшей траве, и явился в беленькое низенькое здание. Там он увидел два окошечка и возле правого небольшую очередь. В очереди стояли две печальнейших дамы в черном трауре, обливаясь время от времени слезами, и четверо смуглейших людей в черных шапочках. Все они держали в руках кипы каких-то документов. Робинский подошел к столику, купил за какую-то мелочь анкетный лист и все графы заполнил быстро и аккуратно. Затем спрятал лист в портфель и мимо очереди, прежде чем она успела ахнуть, вошел в дверь. «Какая нагл...» — только и успела шепнуть дама. Сидевший в

комнате, напоминающей келью, хотел было принять Робинского неласково, но взгляделся в него и выразил на своем лице улыбку. Оказалось, что сидевший учился в одном городе и в одной гимназии с Робинским. Порхнули одно или два воспоминания золотого детства. Затем Робинский изложил свою доuku — ему нужно ехать в Берлин, и весьма срочно. Причина — заболел нежно любимый и престарелый дядя. Робинский хочет поспеть на Курфюрстендамм закрыть дяде глаза. Сидящий за столом почесал затылок. Очень трудно выдают разрешения. Робинский прижал портфель к груди. Его могут не выпустить? Его? Робинского? Лояльнейшего и преданнейшего человека? Человека, сгорающего на советской работе? Нет! Он просто-напросто желал бы повидать того, у кого хватит духу Робинскому отказать...

Сидевший за столом был тронут. Заявив, что он вполне сочувствует Робинскому, присовокупил, что он есть лишь лицо исполнительное. Две фотографические карточки? Вот они, пожалуйста. Справку из домкома? Вот она. Удостоверение от фининспектора? Пожалуйста.

— Друг, — нежно шепнул Робинский, склоняясь к сидевшему, — ответик мне завтра.

Друг выпучил глаза.

— Однако!.. — сказал он и улыбнулся растерянно и восхищенно, — раньше недели случая не было...

— Дружок, — шепнул Робинский, — я понимаю. Для какого-нибудь подозрительного человека, о котором нужно справки собирать. Но для меня?..

Через минуту Робинский, серьезный и деловой, вышел из комнаты. В самом конце очереди, за человеком в красной феске с кипой бумаг в руках, стоял... Благовест.

Молчание длилось секунд десять.

МАСТЕР И МАРГАРИТА

Черновые варианты романа

ТЕТРАДЬ 2. 1928 — 1929 гг.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ВОЛАНДА

— Гм, — сказал секретарь.

— Вы хотели в Ершалаиме царствовать? — спросил Пилат по-римски.

— Что вы, слов... Игемон, я вовсе нигде не хотел царствовать! — воскликнул арестованный по-римски.

Слова он знал плохо.

— Не путать, арестант, — сказал Пилат по-гречески, — это протокол Синедриона. Ясно написано — самозванец. Вот и показания добрых людей — свидетелей.

Иешуа шмыгнул высохшим носом и вдруг такое проговорил по-гречески, заикаясь:

— Д-добрые свидетели, о игемон, в университете не учились. Неграмотные, и все до ужаса перепутали, что я говорил. Я прямо ужасаюсь. И думаю, что тысяча девятьсот лет пройдет, прежде чем выяснится, насколько они наврали, записывая за мной.

Вновь настало молчание.

— За тобой записывать? — тяжелым голосом спросил Пилат.

— А ходит он с записной книжкой и пишет, — заговорил Иешуа, — этот симпатичный... Каждое слово заносит в книжку... А я однажды заглянул и прямо ужаснулся... Ничего подобного, прямо. Я ему говорю, сожги, пожалуйста, ты эту книжку, а он вырвал ее и убежал.

— Кто? — спросил Пилат.

— Левий Матвей, — пояснил арестант, — он был сборщиком податей, а я его встретил на дороге и разговаривал с ним... Он послушал, послушал, деньги бросил на дорогу и говорит: ну, я пойду с тобой...

— Сборщик податей бросил деньги на дорогу? — спросил Пилат, поднимаясь с кресла, и опять сел.

— Подарил, — пояснил Иешуа, — проходил старичок, сыр нес, а Левий говорит ему: «На, подбирай!»

Шея у секретаря стала такой длины, как гусиная. Все молчали.

— Левий симпатичный? — спросил Пилат, исподлобья глядя на арестованного.

— Чрезвычайно, — ответил тот, — только с самого утра смотрит в рот: как только я слово произнесу — он запишет.

Видимо, таинственная книжка была больным местом арестованного.

— Кто? Что? — спросил Пилат. — За тобой? Зачем запишет?

— А вот тоже записано, — сказал арестант и указал на протоколы.

— Вон как, — сказал Пилат секретарю, — это как находите? Постой, — добавил он и обратился к арестанту:

— А скажи-ка мне: кто еще симпатичный? Марк симпатичный?

— Очень, — убежденно сказал арестованный. — Только он нервный...

— Марк нервный? — спросил Пилат, страдальчески озираясь.

— При Идиставизо его как ударил германец, и у него повредилась голова...

Пилат вздрогнул.

— Ты где же встречал Марка раньше?

— А я его нигде не встречал.

Пилат немного изменился в лице.

— Стой, — сказал он. — Несимпатичные люди есть на свете?

— Нету, — сказал убежденно арестованный, — буквально ни одного...

— Ты греческие книги читал? — глухо спросил Пилат.

— Только мне не понравились, — ответил Иешуа.

Пилат встал, повернулся к секретарю и задал вопрос:

— Что говорил ты про царство на базаре?

— Я говорил про царство истины, игемон...

— О, Канафа, — тяжело шепнул Пилат, а вслух спросил по-гречески:

— Что есть истина? — И по-римски: Quid est veritas?

— Истина, — заговорил арестант, — прежде всего в том, что у тебя болит голова и ты чрезвычайно страдаешь, не можешь думать.

— Такую истину и я смогу сообщить, — отозвался Пилат серьезно и хмуро.

— Но тебе с мигренью сегодня нельзя быть, — добавил Иешуа.

Лицо Пилата вдруг выразило ужас, и он не мог его скрыть. Он встал с широко открытыми глазами и оглянулся беспокойно. Потом задавил в себе желание что-то выкрикнуть, проглотил слюну и сел. В зале не только не шептались, но даже не шевелились.

— А ты, игемон, — продолжал арестант, — знаешь ли, слишком много сидишь во дворце, от этого у тебя мигрени. Сегодня же как раз хорошая погода, гроза будет только к вечеру, так я тебе предлагаю — пойдем со мной на луга, я тебя буду учить истине, а ты производишь впечатление человека понятливого.

Секретарю почудилось, что он слышит все это во сне.

— Скажи, пожалуйста, — хрипло спросил Пилат, — твой хитон стирает одна женщина?

— Нет, — ответил Иешуа, — все разные.

— Так, так, так, понятно, — печально и глубоко сказал, качая головой, Пилат. Он встал и стал рассматривать не лицо арестанта, а его ветхий, многостиранный таллиф, давно уже превратившийся из голубого в какой-то белесоватый.

— Спасибо, дружок, за приглашение! — продолжал Пилат, — но только, к сожалению, поверь мне, я вынужден отказаться. Кесарь-император будет недоволен, если я начну ходить по полям! Черт возьми! — неожиданно крикнул Пилат своим страшным эскадронным голосом.

— А я бы тебе, игемон, посоветовал пореже употреблять слово «черт», — заметил арестант.

— Не буду, не буду, не буду, — расхохотавшись, ответил Пилат, — черт возьми, не буду.

Он стиснул голову руками, потом развел ими. В глубине открылась дверь, и затянутый легионный адъютант предстал перед Пилатом.

— Да-с? — спросил Пилат.

— Супруга его превосходительства Клавдия Прокула велела передать его превосходительству супругу, что всю ночь она не спала, видела три раза во сне лицо кудрявого

арестанта — это самое, — проговорил адъютант на ухо Пилату, — и умоляет супруга отпустить арестанта без вреда.

— Передайте ее превосходительству супруге Клавдии Прокуле, — ответил вслух прокуратор, — что она дура. С арестованным поступят строго по закону. Если он виноват, то накажут, а если невиновен — отпустят на свободу. Между прочим, и вам, ротмистр, следует знать, что такова вообще практика римского суда.

Наградив адъютанта таким образом, Пилат не забыл и секретаря. Повернувшись к нему, он оскалил до предела возможного желтоватые зубы.

— Простите, что в вашем присутствии о даме так выразился.

Секретарь стал бледен, и у него похолодели ноги. Адъютант же, улыбнувшись тоскливо, забренчал ножнами и пошел, как слепой.

— Секретарю Синедриона, — заговорил Пилат, не веря, все еще не веря своей свежей голове, — передать следующее. — Писарь нырнул в свиток. — Прокуратор лично допросил бродягу и нашел, что Иешуа Га-Ноцри психически болен. Больные речи его и послужили причиной судебной ошибки. Прокуратор Иудеи смертный приговор Синедриона не утверждает. Но вполне соглашаясь с тем, что Иешуа опасен в Ершалаиме, прокуратор дает распоряжение о насильственном помещении его, Га-Ноцри, в лечебницу в Кесарии Филипповой при резиденции прокуратора...

Секретарь исчез.

— Так-то-с, царь истины, — внушительно молвил Пилат, блестя глазами.

— А я здоров, игемон, — сказал бродяга озабоченно. — Как бы опять какой путаницы не вышло?..

Пилат воздел руки к небу, некоторое время олицетворяя собою скорбную статую, и произнес потом, явно подражая самому Иешуа:

— Я тебе тоже притчу могу рассказать: во Иордане один дурак утоп, а его за волосы таскали. Убедительно прошу тебя теперь помолчать, благо я тебя ни о чем и не спрашиваю, — но сам нарушил это молчание, спросив после паузы: — Так Марк дерется?

— Дерется, — сказал бродяга.

— Так, так, — печально и тихо молвил Пилат.

Вернулся секретарь, и в зале все замерли. Секретарь долго шептал Пилату что-то. Пилат вдруг заговорил громко, глаза его загорелись. Он заходил, диктуя, и писарь закрипел:

— Он, наместник, благодарит господина первосвященника за его хлопоты, но убедительно просит не затруднять себя беспокойством насчет порядка в Ершалаиме. В случае, ежели бы он, порядок, почему-либо нарушился... *Exeratus Romano metus non est notus...*¹ и прокуратор в любой момент может демонстрировать господину первосвященнику ввод в Ершалаим кроме того 10-го легиона, который там уже есть, еще двух. Например, фретекского и апполинаретского. Точка.

«Корван, корван», — застучало в голове у Пилата, но победоносно и светло.

И еще один вопрос задал Пилат арестанту, пока вернулся секретарь.

— Почему о тебе пишут — «египетский шарлатан»?

— А я ездил в Египет с Бен-Перахая три года тому назад, — объяснил Ешуа.

И вошел секретарь озабоченный и испуганный, подал бумагу Пилату и шепнул:

— Очень важное дополнение.

Многоопытный Пилат дрогнул и спросил сердито:

— Почему сразу не прислали?

— Только что получили и записали его показание!

Пилат впился глазами в бумагу, и тотчас краски покинули его лицо.

— Каиафа — самый страшный из всех людей в этой стране, — сквозь стиснутые зубы проговорил Пилат секретарю, — кто эта сволочь?

— Лучший сыщик в Ершалаиме, — одними губами ответил секретарь в ухо Пилата.

Пилат взвел глазами на арестованного, но увидел не его лицо, а лицо другое. В потемневшем дне по залу проплыло старческое, обрюзгшее, беззубое лицо, бритое, с сифилитической болячкой, разъедающей кость на желтом лбу, с золотым редкозубым венцом на плешивой голове. Солнце зашло в душе Пилата, день померк. Он видел в потемнении зеленые каприйские сады, слышал тихие

¹ Римскому войску страх не известен (лат.).

трубы. И стукнули гнусавые слова: «Lex Apuleje de majestate»¹. Тревога ключом застучала у него в груди.

— Слушай, Иешуа Га-Ноцри, — заговорил Пилат жестяным голосом. — Во втором протоколе записано показание: будто ты упоминал имя великого Кесаря в своих речах... Постой, я не кончил. Маловероятное показание... Тут что-то бессвязно... Ты ведь не упоминал этого имени? А? Подумай, прежде чем ответить...

— Упоминал, — ответил Иешуа, — как же!

— Зря ты его упоминал! — каким-то далеким, как бы из соседней комнаты, голосом откликнулся Пилат, — зря, может быть, у тебя и есть какое-то дело до Кесаря, но ему до тебя — никакого... Зря! Подумай, прежде чем ответить: ты ведь, конечно... — На слове «конечно» Пилат сделал громадную паузу, и видно было, как секретарь искоса смотрит на него уважающим глазом...

— Но ты, конечно, не говорил фразы, что податей не будет?

— Нет, я говорил это, — сказал светло Га-Ноцри.

— О, мой Бог! — тихо сказал Пилат.

Он встал с кресла и объявил секретарю:

— Вы слышите, что сказал этот идиот? Что сказал этот негодяй? Оставить меня одного! Вывести караул! Здесь преступление против величества! Я спрошу наедине...

И остались одни. Подошел Пилат к Иешуа. Вдруг левой рукой впился в его правое плечо, так что чуть не прорвал ветхий таллиф, и зашипел ему прямо в глаза:

— Сукин сын! Что ты наделал?! Ты... вы... когда-нибудь произносили слова неправды?

— Нет, — испуганно ответил Иешуа.

— Вы... ты... — Пилат шипел и тряс арестанта так, что кудрявые волосы прыгали у него на голове.

— Но, Бог мой, в двадцать пять лет такое легкомыслие! Да как же можно быть? Да разве по его морде вы не видели, кто это такой? Хотя... — Пилат отскочил от Иешуа и отчаянно схватился за голову, — я понимаю: для вас все это неубедительно. Иуда из Кариот симпатичный, да? — спросил Пилат, и глаза его загорелись по-волчьи. — Симпатичный? — с горьким злорадством повторил он.

Печаль заволокла лицо Иешуа, как облако солнце.

¹ Закон Апулея об оскорблении величества (лат.).

— Это ужасно, прямо ужас... какую беду себе наделал Искарriot. Он очень милый мальчик... А женщина... А вечером!...

— О, дурак! Дурак! Дурак! — командным голосом закричал Пилат и вдруг заметался как пойманный в тенета. Он то попадал в золотой пилящий столб, падавший из потолочного окна, то исчезал в тени. Испуганные ласточки шуршали в портике, покрикивали: «Искарriot, искарriot»...

Пилат остановился и спросил, жгуче тоскую:

— Жена есть?

— Нет...

— Родные? Я заплачу, я дам им денег... Да нет, нет, — загремел его голос... — Вздор! Слушай ты, царь истины!.. Ты, ты, великий философ, но подати будут в наше время! И упоминать имени великого Кесаря нельзя, нельзя никому, кроме самоубийц! (Слушай, Иешуа Га-Ноцри, ты, кажется, себя убил сегодня...) Слушай, можно вылечить от мигрени, я понимаю: в Египте учат и не таким вещам. Но ты сделай сейчас другое — помутит разум Каиафы сейчас. Но только не будет, не будет этого. Раскусил он, что такое теория о симпатичных людях, не разожмет когтей. Ты страшен всем! Всем! И один у тебя враг — во рту он у тебя — твой язык! Благодарю его! А объем моей власти ограничен, ограничен, ограничен, как все на свете! Ограничен! — истерически кричал Пилат, и неожиданно рванул себя за ворот плаща. Золотая бляха со стуком покадилась по мозаике.

— Плеть мне, плеть! Избить тебя, как собаку! — зашипел, как дырявый шланг, Пилат.

Иешуа испугался и сказал умиленно:

— Только ты не бей меня сильно, а то меня уже два раза били сегодня...

Пилат всхлипнул внезапно и мокро, но тотчас дьявольским усилием победил себя.

— Ко мне! — вскричал он, — и зал наполнился конвойными, и вошел секретарь.

— Я, — сказал Пилат, — утверждаю смертный приговор Синедриона: бродяга виноват. Здесь *laesa majestas*¹, но вызвать ко мне... просить пожаловать председателя

¹ Государственная измена (лат.).

Синедриона Каиафу, лично. Арестанта взять в кордегардию в темную камеру, беречь как зеницу ока. Пусть мыслит там... — голос Пилата был давно уже пуст, деревянен, как колотушка.

Солнце жгло без милосердия мраморный балкон, цветущие лимоны и розы немного туманили головы и тихо покачивались в высоте длинные пальмовые космы.

И двое стояли на балконе и говорили по-гречески. А вдали ворчало, как в прибое, и доносило изредка на балкон слабые крики продавцов воды — верный знак, что толпа тысяч в пять стояла за лифостроном, страстно ожидая развязки.

И говорил Пилат, и глаза его мерцали и меняли цвет, но голос лился, как золотистое масло:

— Я утвердил приговор мудрого Синедриона. Итак, первосвященник, четырех мы имеем приговоренных к смертной казни. Двое числятся за мной, о них, стало быть, речи нет. Но двое за тобой — Вар-Равван (он же Иисус Варрава), приговоренный за попытку к возмущению в Ершалаиме и убийство двух городских стражников, и второй — Иешуа Га-Ноцри, он же Иисус Назарет. Закон вам известен, первосвященник. Завтра праздник Пасхи, праздник, уважаемый нашим божественным Кесарем. Одного из двух, первосвященник, тебе согласно закону, нужно будет выпустить. Благоволите же указать, кого из двух — Вар-Раввана Иисуса или же Га-Ноцри Иисуса. Присовокупляю, что я настойчиво ходатайствую о выпуске именно Га-Ноцри. И вот почему: нет никаких сомнений в том, что он маловменяем, практически же результатов его призывы никаких не имели. Храм оцеплен легионерами, будет цел, все зеваки, толпой шлеявшиеся за ним в последние дни, разбежались, ничего не произойдет, в том моя порука. *Vanae voces popule non sunt crudiendo*¹. Я говорю это — Понтий Пилат. Меж тем в лице Варравы мы имеем дело с исключительно опасной фигурой. Квалифицированный убийца и бандит был взят с бою и именно с призывом к бунту против римской власти. Хорошо бы обоих казнить, самый лучший исход, но закон, закон... Итак?

И сказал замученный чернобородый Каиафа:

¹ Ничтожные крики толпы не страшны (лат.).

— Великий Синедрион в моем лице просит выпустить Вар-Раввана.

Помолчали.

— Даже после моего ходатайства? — спросил Пилат и, чтобы прочистить горло, глотнул слюну: — Повтори мне, первосвященник, за кого просишь?

— Даже после твоего ходатайства прошу выпустить Вар-Раввана.

— В третий раз повтори... Но, Каиафа, может быть, ты подумаешь?

— Не нужно думать, — глухо сказал Каиафа, — за Вар-Раввана в третий раз прошу.

— Хорошо. Ин быть по закону, ин быть по-твоему, — произнес Пилат, — умрет сегодня Иешуа Га-Ноцри.

Пилат оглянулся, окинул взором мир и ужаснулся. Не было ни солнца, ни розовых роз, ни пальм. Плыла багровая гуща, а в ней, покачиваясь, нырял сам Пилат, видел зеленые водоросли в глазах и подумал: «Куда меня несет?..»

— Тесно мне, — вымолвил Пилат, но голос его уже не лился как масло и был тонок и сух. — Тесно мне, — и Пилат холодной рукой поболее открыл уже надорванный ворот без пряжки.

— Жарко сегодня, жарко, — отозвался Каиафа, зная, что будут у него большие хлопоты еще и муки, и подумал: «Идет праздник, а я которую ночь не сплю и когда же я отдохну?.. Какой страшный ниссан выдался в этом году...»

— Нет, — отозвался Пилат, — это не от того, что жарко, а тесновато мне стало с тобой, Каиафа, на свете. Побереги же себя, Каиафа!

— Я — первосвященник, — сразу отозвался Каиафа бесстрашно, — меня побережет народ Божий. А трапезы мы с тобой иметь не будем, вина я не пью... Только дам я тебе совет, Понтий Пилат, ты когда кого-нибудь ненавидишь, все же выбирай слова. Может кто-нибудь услышать тебя, Понтий Пилат.

Пилат улыбнулся одними губами и мертвым глазом посмотрел на первосвященника.

— Разве дьявол с рогами... — и голос Пилата начал мурлыкать и переливаться, — разве только что он, друг душевный всех религиозных изуверов (которые затравили великого философа), может подслушать нас, Каиафа, а более некому. Или я похож на юродивого младенца Иешуа? Нет, не похож я, Каиафа! Знаю, с кем говорю.

Оцеплен балкон. И, вот, заявляю тебе: не будет, Каиафа, тебе отныне покоя в Ершалаиме, покуда я наместник, я говорю — Понтий Пилат Золотое Копье!

— Разве должность наместника несменяема? — спросил Каиафа, и Пилат увидел зелень в его глазах.

— Нет, Каиафа, много раз писал ты в Рим!.. О, много! Корван, корван, Каиафа, помнишь, как я хотел напоить водою Ершалаим из Соломоновых прудов? Золотые щиты, помнишь? Нет, ничего не поделаешь с этим народом. Нет! И не водой отныне хочу я напоить Ершалаим, не водой!

— Ах, если бы слышал Кесарь эти слова, — сказал Каиафа ненавистно.

— Он (другое) услышит, Каиафа! Полетит сегодня весть, да не в Рим, а прямо на Капри. Я! Понтий! Забью тревогу. И хлебнешь ты у меня, Каиафа, хлебнет народ Ершалаимский не малую чашу. Будешь ты пить и утром, и вечером, и ночью, только не воду Соломонову! Задавил ты Иешуа, как клопа. И понимаю, Каиафа, почему. Учужал ты, чего будет стоять этот человек... Но только помни, не забудь — выпустил ты мне Вар-Раввана, и вздую я тебе кадило на Капри и с варом, и со щитами.

— Знаю тебя, Понтий, знаю, — смело сказал Каиафа, — ненавидишь ты народ иудейский и много зла ему причинишь, но вовсе не погубишь его! Нет! Неосторожен ты.

— Ну, ладно, — молвил Пилат, и лоб его покрылся малыми капельками.

Помолчали.

— Да, кстати, священник, агентура, я слышал, у тебя очень хороша, — нараспев заговорил Пилат. — А особенно этот молоденький сыщик Юда Искарот. Ты ж береги его. Он полезный.

— Другого найдем, — быстро ответил Каиафа, с полуслова понимающий наместника.

— О gens sceleratissima, taeterrima gens! — вскричал Пилат. — О foetor judaicus!¹

— Если ты еще хоть одно слово оскорбительное произнесешь, всадник, — трясущимися белыми губами откликнулся Каиафа, — уйду, не выйду на гаввафу.

¹ О племя греховнейшее, отвратительнейшее племя! О зловоние иудейское (лат.).

Пилат глянул в небо и увидел над головой у себя раскаленный шар.

— Пора, первосвященник, полдень. Идем на лифостротон, — сказал он торжественно.

И на необъятном каменном помосте стоял и Каиафа, и Пилат, и Иешуа среди легионеров.

Пилат поднял правую руку, и стала тишина, как будто у подножия лифостротона не было ни живой души.

— Бродяга и тать, именуемый Иешуа Га-Ноцри, совершил государственное преступление, — заявил Пилат так, как некогда командовал эскадронами под Идиставизо, и слова его греческие полетели над несметной толпой. Пилат задрал голову и уткнул свое лицо прямо в солнце, и оно его мгновенно ослепило. Он ничего не видел, он чувствовал только, что солнце выжигает с лица его глаза, а мозг его горит зеленым огнем. Слов своих он не слышал, он знал только, что вост и довост до конца — за что и будет Га-Ноцри сегодня казнен!

Тут ему показалось, что солнце зазвенело и заплавило ему уши, но он понял, что это взревела толпа, и поднял руку, и опять услышал тишину, и опять над разожженным Ершалаимом закипели его слова:

— Чтобы знали все: *non habemus regem nisi Caesarem!*¹ Но Кесарю не страшен никто! И поэтому второму преступнику Иисусу Вар-Раввану, осужденному за такое же преступление, как и преступление Га-Ноцри, Кесарь император, согласно обычаю, в честь праздника Пасхи, по ходатайству Синедриона, дарует жизнь!

Тут он ничего не понял, кроме того, что воздух вокруг него стонет и бьет в уши. И опять рукой он потушил истомившуюся толпу.

— Командиры! К приговору! — пропел Пилат, и в стенах манипулов, отделявших толпу от гаввафы, в ответ спели голоса взводных и пискливые трубы.

Копейный лес взлетел у лифостротона, а в нем засверкали римские, похожие на жаворонков, орлы. Поднялись охапки сена.

— *Tiberio imperante!*² — запел слепой Пилат, и короткий вой римских центурий прокатился по крышам Ершалаима:

¹ Не имеем царя, кроме Кесаря (*лат.*).

² По приказанию Тиберия (*лат.*).

— Да здравствует император!

— Iesus Nazarenus, — воскликнул Пилат, — Tiberio imperante, per procuratorem Pontium Pilatum supplicio affectus erit!¹ Сына Аввы, Вар-Раввана выпустить на свободу!

Никто, никто не знает, какое лицо было у Вар-Раввана в тот миг, когда его подняли, как из гроба, из кордегардии и лифостротон. Этот человек ни на что в мире не мог надеяться, ни на какое чудо. Поэтому он шел, ведомый за правую здоровую руку Марком Крысобоєм, и только молчал и улыбался. Улыбка эта была совершенно глупа и беззуба, а до допроса у Марка-центуриона Вар-Равван освещал зубным сиянием свой разбойный путь. Вывихнутая левая рука его висела как палка, и уже не ревом, а стоном, визгом покрыла толпа такую невиданную улыбку, забросала финиками и бронзовыми деньгами. Только раз в год под великий праздник мог видеть народ человека, ночевавшего уже в объятиях смерти и вернувшегося на лифостротон.

— Ну, спасибо тебе, Назарей, — вымолвил Вар шамкая, — замели тебя вовремя!

Улыбка Раввана была так трогательна, что передалась Иешуа, и он ответил, про все забыв:

— Прямо, радуюсь я с тобой, добрый бандит, — иди, живи!

И Равван, свободный как ветер, с лифостротона, как в море, бросился в гущу людей, лезущих друг на друга, и в нем пропал.

* * *

Чтобы занять себя, Левий долго перебирал в памяти все известные ему болезни и очень хотел, чтобы какая-нибудь нашлась бы так-таки у Иешуа. Но чахотки самой верной так-таки и не было, да и других тоже. Тогда он, открывая очень осторожно правый глаз, минуя холм, смотрел на восток и начинал надеяться, что там туча. Но одной тучи мало. Нужно еще, чтобы она пришла на холм, нужно, чтобы гроза началась, а когда гроза начнется и этого мало, нужно, чтобы молния ударила, да удари-

¹ Иисус Назарет по приказанию Тиберия посредством прокуратора Понтия Пилата будет казнен (лат.).

ла именно в крест Иешуа. О, нет. Тут было мало шансов. Тогда Левий начинал терзаться мыслью о своей ошибке. Нужно было не бежать раньше процессии на холм, а именно следовать рядом, прилипши к солдатской цепи. И, несмотря на бдительность римлян, все-таки можно было как-нибудь прорваться, добежать, ударить Иешуа в сердце ножом... А теперь поздно.

Так он думал и лежал.

Адъютант же спешил к сирийской цепи, коневоду бросил поводья, прошел сквозь римское ограждение десятого легиона, подозвал центуриона и что-то шептал ему.

Один из легионеров уловил краем уха слова:

— Прокуратора приказ...

Удивленный центурион, откозыряв, молвил:

— Слушаю... — и прошел за цепь к крестам.

С правого креста доносилась дикая хриплая песня. Распятый на нем сошел с ума от мук к концу третьего часа и пел про виноград что-то. Но головой качал, как маятником, и мухи вяло поднимались с лица, но потом опять набрасывались на него.

На левом кресте распятый качал иным образом, косо вправо, чтобы ударять ухом по плечу.

На среднем кресте, куда попал Иешуа, ни качания, ни шевеления не было. Прокачав часа три головой, Иешуа ослабел и стал впадать в забытие. Мухи учуяли это и, слетаясь к нему все в большем количестве, наконец настолько облепили его лицо, что оно исчезло вовсе в черной шевелящейся массе. Жирные слепни сидели в самых нежных местах его тела, под ушами, на веках, в паху, сосали.

Центурион подошел к ведру, полному водой, чуть подкисленной уксусом, взял у легионера губку, насадил ее на конец копья, обмакнул ее в напиток и, придвинувшись к среднему кресту, взмахнул копьем. Густейшее гудение послышалось над головой центуриона, и мухи черные, и зеленые, и синие роем взвились над крестом. Открылось лицо Иешуа, совершенно багровое и лишенное глаз. Они заплыли.

Центурион позвал:

— Га-Ноцри!

Иешуа шевельнулся, втянул в себя воздух и наклонил голову, прижав подбородок к груди. Лицо центуриона было у его живота.

Хриплым разбойничьим голосом, со страхом и любопытством, спросил Иешуа центуриона:

— Неужели мало мучили меня? Ты зачем подошел?

Бородатый же центурион сказал ему:

— Пей.

И Иешуа сказал:

— Да, да, попить.

Он прильнул потрескавшимся вспухшими губами к насыщенной губке и, жадно всхлипывая, стал сосать ее. В ту же минуту щелки увеличились, показались немного глаза. И глаза эти стали свежеть с каждым мгновением. И в эту минуту центурион, ловко сбросив губку, молвил страстным шепотом:

— Славь великодушного игемона, — нежно кольнул Иешуа в бок, куда-то под мышку левой стороны.

Осипший голос с левого креста сказал:

— Сволочь. Любимцы завелись у Понтия?

Центурион с достоинством ответил:

— Молчи. Не полагается на кресте говорить.

Иешуа же вымолвил, обвисая на растянутых сухожилиях:

— Спасибо, Пилат... Я же говорил, что ты добр...

Глаза его стали мутнеть. В этот миг с левого креста послышалось:

— Эй, товарищ! А, Иешуа! Послушай! Ты человек большой. За что ж такая несправедливость? Э? Ты бандит и я бандит... Упроси центуриона, чтоб и мне хоть голени-то перебили... И мне сладко умереть... Эх, не услышит... Помер!..

Но Иешуа еще не умер. Он развел веки, голову повернул в сторону просящего:

— Скорее проси, — хрипло сказал он, — и за другого, а иначе не сделаю...

Проситель метнулся, сколько позволяли гвозди, и вскричал:

— Да! Да! И его! Не забудь!

Тут Иешуа совсем разлепил глаза, и левый бандит увидел в них свет.

— Обещаю, что прискачет сейчас. Потерпи, сейчас оба пойдете за мною, — молвил Иисус...

Кровь из прободенного бока вдруг перестала течь, сознание в нем быстро стало угасать. Черная туча начала застилать мозг. Черная туча начала застилать и окрестности

Ершалаима. Она шла с востока, и молнии уже кроили ее, в ней погромыхивали, а на западе еще пылал костер и видно было с высоты, как маленькая черная лошадь мчит из Ершалаима к Черепу и скачет на ней второй адъютант.

Левый распятый увидел его и испустил победный, ликующий крик:

— Иешуа! Скачет!!

Но Иешуа уже не мог ему ответить. Он обвис совсем, голова его завалилась набок, еще раз он потянул в себя последний земной воздух, произнес уже совсем слабо:

— Тетелеостай¹, — и умер.

И был, достоуважаемый Иван Николаевич, час восьмой.

ШЕСТОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

И был на Патриарших Прудах час восьмой. Верхние окна на Бронной, еще секунду назад пылавшие, вдруг почернели и провалились.

Иванушка фыркнул, оглянулся и увидел, что он сидит не на скамейке, а на дорожке, поджав ноги по-турецки, а рядом с ним сидят псы во главе с Бимкой и внимательно смотрят на инженера. С инженером помещается Берлиоз на скамейке.

«Как это меня занесло на дорожку», — раздраженно подумал Иванушка, поднялся, пыль со штанов отряхнул и конфузливо присел на скамейку.

Берлиоз смотрел, не спуская прищуренных глаз с инженера.

— М-да, — наконец молвил Берлиоз, пытливо поглядывая на своего соседа, — м-да...

— М-да-с, — как-то загадочно отозвался и Иванушка.

Потом помолчал и добавил:

— А что было с Иудой?

— Это очень мило, что вы заинтересовались, — ответил инженер и ухмыльнулся. — В тот час, когда туча уже накрыла пол-Ершалаима и пальмы стали тревожно качать своими махрами, Пилат сидел на балконе, с раскрытым воротом и задрав голову. Ветер дул ему в губы, и это приносило ему облегчение. Лицо Пилата похоже

¹ Совершилось (греч.).

было на лицо человека, который всю ночь провел в непотребном кабаке. Под глазами лежали широкие синяки, губы распухли и потрескались. Перед Пилатом на століке стояла чаша с красным вином, а у ног простиралась лужа такого же вина. Когда подали первую чашу, Пилат механически швырнул ее в лицо слуге, молвив деревянно:

— Смотри в лицо, когда подаешь... Чего глазами бегаешь? Ничего не украл ведь? А?

На коленях Пилата лежала любимая собака — желтый травильный дог Банга, в чеканном ошейнике, с одним зеленым изумрудом. Голову Банги Пилат положил себе на голую грудь, и Банга лизал голую кожу приятеля воспаленным перед грозой языком.

Гробовая тишина была внутри дворца, а снаружи шумел ветерок. Видно было иногда, как тучи пыли вдруг вздувались над плоскими крышами Ершалаима, раскинутого у ног Пилата.

— Марк! — позвал Пилат слабо.

Из-за колонны, ступая на цыпочках и все-таки скрипя мохнатыми сапогами, выдвинулся центурион, и Пилат увидел, что гребень его шляпы достигает капители колонны.

— Ну что же он? — спросил Пилат.

— Уже ведут, — ответил Марк.

— Вот, — сказал Пилат, отдуваясь, — вы такой крупный человек. Очень крупный. А между тем подследственных калечите. Деретесь. Сапогами стучите. Впрочем... что ж... у вас должность такая. Плохая должность у вас, Марк.

Марк бульдожьими глазами поглядел на Пилата; и в глазах этих стояла обида.

Затем центурион отодвинулся, услышав сзади себя звук шагов. Пилат очень оживился. Из-за Марка вышла небольшая фигурка в военном плаще с капюшоном, надвинутым на лицо.

— Ступайте, Марк, и караульте, — возбужденно сказал Пилат.

Марк вышел, а фигурка аккуратно высвободилась из плаща и оказалась плотным бритым человеком лет пятидесяти, седым, но с очень розовым лицом, пухлыми щеками, приятными глазами. Аккуратненько положив плащ в кресло, фигура поклонилась Пилату и потеряла ручки. Не в первый раз приходилось прокуратору видеть седого человека, но всякий раз, как тот появлялся, прокуратор отса-

живался подальше и, разговаривая, смотрел не на собеседника, а на ворону в окне. Ныне же Пилат обрадовался вошедшему, как родному брату, даже потянулся к нему.

— Здравствуйте, Толмай дорогой, — заговорил Пилат, — здорово. Садитесь.

— Благодарю вас, прокуратор, — приятным голосом отозвался Толмай и сел на краешек кресла, все потирая свои чистые белые небольшие руки.

— Ну как, любезный Толмай, поживает ваша семья? — очень жадно и искренне стал спрашивать Пилат.

— Спасибо, хорошо, — приятно отозвался Толмай.

— В отделении ничего новенького?

— Ничего, прокуратор, нету. Один воришка.

— Слава Богу...

Ветер вдруг загредел на балконе, пальмы согнуло, небо от края до края распоролось косым слепящим зигзагом и сразу плеснуло в лицо Пилату. Стало темно. Пилат приподнялся, оперся о балюстраду и вонзил свой взор вдаль. Но ничего уже не мог рассмотреть. Холм был виден вдали, но на нем косо лило и движения никакого не существовало. Маленькие черные крестики, которые целый (день) стояли в глазах Пилата, пропали бесследно. Блеснуло фиолетовым светом так, что на балконе стало видно до последней пылинки. Пилату показалось, что он увидел, как одинокий крохотный черный человечек карабкался вверх на холм. Но погас разрыв, все смешалось. Ударило над Ершалаимом страшно тяжко, и железные орехи вдруг швырнуло по крышам.

Над холмом уже клокотало, било и лило. Три голых трупа там уже плавали в мутной водоверти. Их трепало. А на незащищенный Лысый Череп действительно лез, срываясь ежесекундно и падая, весь в вязкой глине, до нитки мокрый, иступленный человек, левой рукой впиваясь в выступы, а правую не отрывая от пазухи с записной книжкой. Но из Ершалаима его никак не было видно. Все окрестности смешались в грозе.

Легионеры на балконе натянули тент, и Пилат с Толмаем беседовали под вой дождя. Лица их изредка освещало трепетно, затем они погружались в тьму.

— Вот какое дело, Толмай, — говорил Пилат, чувствуя, что под гром ему легче беседовать, — узнал я, что в Синедрионе есть замечательный сыщик. Э?

— Как ему не быть, — сказал Толмай.

— Иуда...
— Искарот, — закончил Толмай.
— Молодой мальчишка, говорят?
— Не стар, — сказал Толмай, — двадцать три года.
— А говорят — девятнадцать?..
— Двадцать три года три месяца, — сказал Толмай.
— Вы замечательный человек, Толмай.
— Благодарю вас, прокуратор, — сказал Толмай.
— Он где живет?
— Забыл я, прокуратор, надо справиться.
— Стоит ли, — ласково сказал Пилат. — Вы просто напрягите память.

Толмай напряг свою память, это выразилось в том, что он поднял глаза к набухшему тенту и сказал:

— В Золотом переулке в девятом номере.
— Говорят, хорошего поведения юноша?
— Чистый юноша.
— Это хорошо. Стало быть, за ним никаких преступлений нет?
— Нет, прокуратор, нету, — раздельно ответил Толмай.

— Так... Дело, знаете ли, в том, что его судьба меня беспокоит.

— Так-с, — сказал Толмай.
— Говорят, ему Каиафа денег дал?
— Тридцать (денариев).
— Тридцать?

.....
...Пилат снял кольцо с пальца, положил его на стол и сказал:

— Возьмите на память, Толмай.

И когда уже весь город заснул, у подножия Иродова дворца на балконе в теплых сумерках на кушетке спал человек, обнявшись с собакой.

Пальмы стояли черные, а мрамор был голубой от луны.

— Так вот что случилось с Юдой Искаротом, Иван Николаевич.

— Угу, — молвил Иванушка.

— Должен вам сказать, — заговорил Владимир Минович, — что у вас недурные знания богословские. Только непонятно мне, откуда вы все это взяли.

— Ну так, ведь... — неопределенно ответил инженер, шевельнув бровями.

— И вы любите его, как я вижу, — сказал Владимир Миронович, прищурившись.

— Кого?

— Иисуса.

— Я? — спросил неизвестный и покашлял, — кх... кх, — но ничего не ответил.

— Только, знаете ли, в евангелиях совершенно иначе изложена вся эта легенда, — все не сводя глаз и все прищурившись, говорил Берлиоз.

Инженер улыбнулся.

— Обижать изволите, — отозвался он. — Смешно даже говорить о евангелиях, если я вам рассказал. Мне видней.

Опять оба писателя уставились на инженера.

— Так вы бы сами и написали евангелие, — посоветовал неприязненно Иванушка.

Неизвестный рассмеялся весело и ответил:

— Блестящая мысль! Она мне не приходила в голову. Евангелие от меня, хи-хи...

— Кстати, некоторые главы из вашего евангелия я бы напечатал в моем «Богоборце», — сказал Владимир Миронович, — правда, при условии некоторых исправлений.

— Сотрудничать у вас я счел бы счастьем, — вежливо молвил неизвестный, — но ведь вдруг будет другой редактор. Черт знает, кого назначат. Какого-нибудь крети-на или несимпатичного какого-нибудь...

— Говорите вы все какими-то подчеркнутыми загадками, — с некоторой досадой заметил Берлиоз, — впечатление такое, что вам известно не только глубокое прошлое, но даже и будущее.

— Для того, кто знает хорошо прошлое, будущее узнать не составляет особенного труда, — сообщил инженер.

— А вы знаете?

— До известной степени. Например, знаю, кто будет жить в вашей квартире.

— Вот как? Пока я в ней буду жить!

«Он русский, русский, он не сумасшедший, — внезапно загудело в голове у Берлиоза, — не понимаю, почему мне показалось, что он говорит с акцентом? Что такое, в конце концов, что он несет?»

— Солнце в первом доме, — забормотал инженер, козырьком ладони прикрыв глаза и рассматривая Берлиоза, как рекрута в приемной комиссии, — Меркурий во вто-

ром, луна ушла из пятого дома, шесть несчастье, вечер семь, в лежку фигура. Уй! Какая ерунда выходит, Владимир Миронович!

— А что? — спросил Берлиоз.

— Да... — стыдливо хихикнув, ответил инженер, — оказывается, что вы будете четвертованы.

— Это действительно ерунда, — сказал Берлиоз.

— А что, по-вашему, с вами будет? — запальчиво спросил инженер.

— Я попаду в ад, в огонь, — сказал Берлиоз, улыбаясь и в тон инженеру, — меня сожгут в крематории.

— Пари на фунт шоколаду, что этого не будет, — предложил, смеясь, инженер, — как раз наоборот: вы будете в воде.

— Утону? — спросил Берлиоз.

— Нет, — сказал инженер.

— Ну, дело темное, — сомнительно молвил Берлиоз.

— А я? — сумрачно спросил Иванушка.

На того инженер не поглядел даже и отозвался так:

— Сатурн в первом. Земля. Бойтесь фурибунды.

— Что это такое фурибунда?

— А черт их знает, — ответил инженер, — вы уж сами у доктора спросите.

— Скажите, пожалуйста, — неожиданно спросил Берлиоз, — значит, по-вашему, криков «распни его!» не было?

Инженер снисходительно усмехнулся:

— Такой вопрос в устах машинистки из ВСНХ был бы уместен, конечно, но в ваших!.. Помилуйте! Желал бы я видеть, как какая-нибудь толпа могла вмешаться в суд, чинимый прокуратором, да еще таким, как Пилат! Поясню, наконец, сравнением. Идет суд в ревтрибунале на Пречистенском бульваре, и вдруг, вообразите, публика начинает завывать: «Расстреляй, расстреляй его!» Моментально ее удаляют из зала суда, только и делов. Да и зачем она станет завывать? Решительно ей все равно, повесят ли кого или расстреляют. Толпа, Владимир Миронович, во все времена толпа — чернь, Владимир Миронович!

— Знаете что, господин богослов! — резко вмешался вдруг Иванушка, — вы все-таки полегче, но-но, без хамства! Что это за слово — «чернь»? Толпа состоит из пролетариата, месье!

Глянув с большим любопытством на Иванушку в момент произнесения слова «хамство», инженер тем не

менее в бой не вступил, а с шутовской ужимочкой ответил:

— Как когда, как когда...

— Вы можете подождать? — вдруг спросил Иванушка у инженера мрачно, — мне нужно пару слов сказать товарищу.

— Пожалуйста! Пожалуйста! — ответил вежливо иностранец, — я не спешу.

Иванушка сказал:

— Володя...

И они отошли в сторонку.

— Вот что, Володька, — зашептал Иванушка, сделав вид, что прикуривает у Берлиоза, — спрашивай сейчас у него документы...

— Ты думаешь?... — шепнул Берлиоз.

— Говорю тебе! Посмотри на костюм... Это эмигрант-белогвардеец... Говорю тебе, Володька, здесь Гепеу пахнет... Это шпион...

Все, что нашептал Иванушка, по сути дела, было глупо. Никаким ГПУ здесь не пахло, и почему, спрашивается, поболтав со своим случайным встречным на Патриарших по поводу Христа, так уж непременно необходимо требовать у него документы. Тем не менее у Владимира Мироновича моментально сделались полотняные какие-то неприятные глаза, и искоса он кинул предательский взгляд, чтобы убедиться, не удрал ли инженер. Но серая фигура виднелась на скамейке. Все-таки поведение инженера было в высшей степени странно.

— Ладно, — шепнул Берлиоз, и лицо его постарело.

Приятель вернулись к скамейке, и тут же изумление овладело Владимиром Мироновичем.

Незнакомец стоял у скамейки и держал в протянутой руке визитную карточку.

— Простите мою рассеянность, досточтимый Владимир Миронович. Увлечшись собеседованием, совершенно забыл рекомендовать себя вам, — проговорил незнакомец с акцентом.

Владимир Миронович сконфузился и покраснел.

«Или слышал, или уже больно догадлив, черт...» — подумал он.

— Имею честь, — сказал незнакомец и вынул карточку.

Смущенный Берлиоз увидел на карточке слова: «D-r Theodor Voland».

«Буржуйская карточка», — успел подумать Иванушка.

— В кармане у меня паспорт, — прибавил доктор Воланд, пряча карточку, — подтверждающий это.

— Вы — немец? — спросил густо-красный Берлиоз.

— Я? Да, немец! Именно немец! — так радостно воскликнул немец, как будто впервые от Берлиоза узнал, какой он национальности.

— Вы инженер? — продолжал опрос Берлиоз.

— Да! Да! Да! — подтвердил инженер, — я — консультант.

Лицо Иванушки приобрело глуповато-растерянное выражение.

— Меня вызвал, — объяснил инженер, причем начал выговаривать слова все хуже... — я все устроил...

— А-а... — очень почтительно и приветливо сказал Берлиоз, — это очень приятно. Вы, вероятно, специалист по металлургии?

— Не-ет, — немец помотал головой, — я по белой магии!

Оба писателя как стояли, так и сели на скамейку, а немец остался стоять.

— Там тшиновник твое все запутал, так запутал...

Он стал приплясывать рядом с Христом, выделявая ногами нелепые коленца и потрясая руками. Псы оживились, загавкали на него тревожно.

— Так бокал налитый... тост заздравный просит... — пел инженер и вдруг.....

— А вы, почтеннейший Иван Николаевич, здорово верите в Христа. — Тон его стал суров, акцент уменьшился.

— Началась белая магия, — пробормотал Иванушка.

— Необходимо быть последовательным, — отозвался на это консультант. — Будьте добры, — он говорил вкрадчиво, — наступите ногой на этот портрет, — он указал острым пальцем на изображение Христа на песке.

— Просто странно, — сказал бледный Берлиоз.

— Да не желаю я! — взбунтовался Иванушка.

— Бойтесь, — коротко сказал Воланд.

— И не думаю!

— Бойтесь!

Иванушка, теряясь, посмотрел на своего патрона и приятеля.

Тот поддержал Иванушку:

— Помилуйте, доктор! Ни в какого Христа он не верит, но ведь это же детски нелепо доказывать свое неверие таким способом!

— Ну, тогда вот что! — сурово сказал инженер и сдвинул брови, — позвольте вам заявить, гражданин Бездомный, что вы — врун свинячий! Да, да! Да нечего на меня zenки тарашить!

Тон инженера был так внезапно нагл, так странен, что у обоих приятелей на время отвалился язык. Иванушка вытаращил глаза. По теории нужно бы было сейчас же дать в ухо собеседнику, но русский человек не только нагловат, но и трусоват.

— Да, да, да, нечего пялить, — продолжал Воланд, — и трепаться, братишка, нечего было, — закричал он сердито, переходя абсолютно непонятным способом с немецкого на акцент черноморский, — трепло братишка. Тоже богоборец, антибожник. Как же ты мужикам будешь проповедовать?! Мужик любит пропаганду резкую — раз, и в два счета чтобы! Какой ты пропагандист! Интеллигент! У, глаза бы мои не смотрели!

Все что угодно мог вынести Иванушка, за исключением последнего. Ярость заиграла на его лице.

— Я интеллигент?! — обеими руками он потрянул себя в грудь, — я — интеллигент, — захрипел он с таким видом, словно Воланд обозвал его, по меньшей мере, сукиным сыном. — Так смотри же!! — Иванушка метнулся к изображению.

— Стойте!! — громовым голосом воскликнул консультант, — стойте!

Иванушка застыл на месте.

— После моего евангелия, после того, что я рассказал о Иешуа, вы, Владимир Миронович, неужто вы не остановите юного безумца?! А вы, — и инженер обратился к небу, — вы слышали, что я честно рассказал?! Да! — и острый палец инженера вонзился в небо. — Остановите его! Остановите!! Вы — старший!

— Это так глупо все!! — в свою очередь закричал Берлиоз, — что у меня уже в голове мутится! Ни поощрять его, ни останавливать я, конечно, не стану!

И Иванушкин сапог вновь взвился, послышался топот, и Христос разлетелся по ветру серой пылью.

И был час девятый.

— Вот! — вскричал Иванушка злобно.

— Ах! — кокетливо прикрыв глаза ладонью, воскликнул Воланд, а затем, сделавшись необыкновенно деловитым, успокоенно добавил:

— Ну, вот, все в порядке, и дочь ночи Мойра допряла свою нить.

— До свидания, доктор, — сказал Владимир Мионович, — мне пора.

Мысленно в это время он вспомнил телефоны РКИ...

— Всего добренького, гражданин Берлиоз, — ответил Воланд и вежливо раскланялся. — Кланяйтесь там! — Он неопределенно помахал рукой. — Да, кстати, Владимир Мионович, ваша матушка почтенная...

«...Странно, странно все-таки, — подумал Берлиоз, — откуда он это знает... Дикий разговор... Акцент то появится, то пропадет. Ну, словом, прежде всего, телефон... Все это мы разъясним...»

Дико взглянув еще раз на сумасшедшего, Берлиоз стал уходить.

— Может быть, прикажете, я ей телеграммку дам? — вдогонку крикнул инженер, — здесь телеграф на Садовой поблизости. Я бы сбегал?! А?

Владимир Мионович на ходу обернулся и крикнул Иванушке:

— Иван! На заседание не опаздывай! В девять с половиной ровно!

— Ладно, я еще домой забегу, — откликнулся Иванушка.

— Послушайте! Эй! — прокричал, сложив руки рупором, Воланд, — я забыл вам сказать, что есть еще (шестое доказательство, и оно сейчас будет вам предъявлено!...).....

Над Патриаршими же закат уже сладостно распускал свои паруса с золотыми крыльями и вороны купались над липами перед сном. Пруд стал загадочен, в тених. Псы во главе с Бимкой вереницей вдруг снялись и побежали не спеша следом за Владимиром Мионовичем. Бимка неожиданно обогнал Берлиоза, заскочил впереди него и, отступая задом, пролаял несколько раз. Видно было, как Владимир Мионович замахнулся на него угрожающе, как Бимка брызнул в сторону, хвост зажал между ногами и провыл скорбно.

— Даже богам невозможно милого им человека избавить!.. — разразился вдруг какими-то стихами сумасшедший, приняв торжественную позу и руки воздев к небу.

— Ну, мне надо торопиться, — сказал Иванушка, — а то я на заседание опоздаю.

— Не торопитесь, милейший, — внезапно, резко и окончательно меняясь, мощным голосом молвил инженер, — клянусь подолом старой сводни, заседание не состоится, а вечер чудесный. Из помоек тянет тухлым, чувствуете жизненную вонь гнилой капусты? Горожане варят бигос... Посидите со мной...

И он сделал попытку обнять Иванушку за талию.

— Да ну вас, ей-богу! — нетерпеливо отозвался Иванушка и даже локоть выставил, спасаясь от назойливой ласки инженера. Он быстро двинулся и пошел.

Долгий нарастающий звук возник в воздухе, и тотчас из-за угла дома с Садовой на Бронную вылетел вагон трамвая. Он летел и качался, как пьяный, вертел задом и приседал, стекла в нем дребезжали, а над дугой хлестали зеленые молнии.

У турникета, выводящего на Бронную, внезапно осветилась тревожным светом таблица и на ней выскочили слова «Берегись трамвая!»

— Вздор! — сказал Воланд, — ненужное приспособление, Иван Николаевич, — случая еще не было, чтобы уберечься от трамвая тот, кому под трамвай необходимо попасть!.....

Трамвай проехал по Бронной. На задней площадке стоял Пилат, в плаще и сандалиях, держал в руках портфель.

«Симпатияга этот Пилат, — подумал Иванушка, — псевдоним Варлаам Собакин»...

Иванушка заломил картузик на затылок, выпустил (рубаху), как сапожками топнул, двинул мехи баяна, вздохнул семисотрублевый баян и грянул:

Как поехал наш Пилат
На работу в Наркомат.
Ты-гар-га, маты-гарга!

— Трр!.. — отозвался свисток. Суровый голос послышался:

— Гражданин! Петь под пальмами не полагается. Не для того сажали их.

— В самом деле. Не видал я пальм, что ли, — сказал Иванушка, — да ну их к лысому бесу. Мне бы у Василия Блаженного на паперти сидеть...

И точно учинился Иванушка на паперти. И сидел Иванушка, погромыхая веригами, а из храма выходил страшный грешный человек: исполу — царь, исполу — монах. В трясущейся руке держал посох, острым концом его раздирал плиты. Били колокола. Таяло.

— Студные дела твои, царь, — сурово сказал ему Иванушка, — лют и бесчеловечен, пьешь губительные обещанные дьяволом чаши, вселукавый мних. Ну, а дай мне денежку, царь Иванушка, помолюся уж за тебя.

Отвечал ему царь, заплакавши:

— Почто пужаешь царя, Иванушка. На тебе денежку, Иванушка-верижник, Божий человек, помолись за меня!

И звякнули медяки в деревянной чашке.

Завертелось все в голове у Иванушки, и ушел под землю Василий Блаженный. Очнулся Иван на траве в сумерках на Патриарших Прудах, и пропали пальмы, а на месте их беспокойные коммуны уже липы посадили.

— Ай! — жалобно сказал Иванушка, — я, кажется, с ума сошел! Ой, конец...

Он заплакал, потом вдруг вскочил на ноги.

— Где он? — дико вскричал Иванушка, — держите его, люди! Злодей! Злодей! Куси, куси, куси, Банга, Банга!

Но Банга исчез.

На углу Ермолаевского неожиданно вспыхнул фонарь и залил улицу, и в свете его Иванушка увидел уходящего Воланда.

— Стой! — прокричал Иванушка и одним взмахом перебросился через ограду и кинулся догонять.

Весьма отчетливо он видел, как Воланд повернулся и показал ему фигу. Иванушка надал и внезапно очутился у Мясницких ворот, у почтамта. Золотые огненные часы показали Иванушке половину десятого. Лицо Воланда в ту же секунду высунулось в окне телеграфа. Завыв, Иванушка бросился в двери, завертелся в зеркальной вертушке и через нее выбежал в Савельевский переулок, что на Остоженке, и в нем увидел Воланда, тот, раскланявшись с какой-то дамой, пошел в подъезд. Иванушка за ним, двинулся в дверь, вошел в вестибюль. Швейцар вышел из-под лестницы и сказал:

— Зря приехали, граф Николай Николаевич к Боре в шахматы ушли играть. С вашей милости на чаек... Каждую среду будут ходить.

И фуражку снял с галуном.

— Застрелю! — завыл Иванушка, — с дороги, арамей!

Он взлетел во второй этаж и рассыпным звонком наполнил всю квартиру. Дверь тотчас открыл самостоятельный ребенок лет пяти. Иванушка вбежал в переднюю, увидел в ней бобровую шапку на вешалке, подивился — зачем летом бобровая шапка, ринулся в коридор, крюк в ванной на двери оборвал, увидел в ванне совершенно голую даму с золотым крестом на груди и с мочалкой в руке. Дама так удивилась, что не закричала даже, а сказала:

— Оставьте это, Петрусь, мы не одни в квартире, и Павел Димитриевич сейчас вернется.

— Каналья, каналья, — ответил ей Иванушка и выбежал на Каланчевскую площадь. Воланд нырнул в подъезд оригинального дома.

«Так его не поймашь», — сообразил Иванушка, хватая из кучи камней и стал садить ими в подъезд. Через минуту он забился трепетно в руках дворника сатанинского вида.

— Ах, ты, буржуазное рыло, — сказал дворник, давя Иванушкины ребра, — здесь кооперация, пролетарские дома. Окна зеркальные, медные ручки, штучный паркет, — и начал бить Иванушку, не спеша и сладко.

— Бей, бей! — сказал Иванушка, — бей, но помни! Не по буржуазному рылу лупишь, по пролетарскому. Я ловлю инженера, в ГПУ его доставлю.

При слове «ГПУ» дворник выпустил Иванушку, на колени стал и сказал:

— Прости, Христа ради, распятого же за нас при Понтийском Пилате. Запутались мы на Каланчевской, кого не надо лупим...

Надрав из его бороды волосьев, Иванушка скакнул и выскочил на набережной Храма Христа Спасителя. Приятная вонь поднималась с Москвы-реки вместе с туманом. Иванушка увидел несколько человек мужчин. Они снимали с себя штаны, сидя на камушках. За компанию снял и Иванушка башмаки, носки, рубаху и штаны. Снявши, посидел и поплакал, а мимо него в это время бросались в воду люди и плавали, от удовольствия фыркая. Наплававшись, Иванушка поднялся и увидел, что нет его носков, башмаков, штанов и рубахи.

«Украли, — подумал Иванушка, — и быстро, и незаметно»...

Над Храмом в это время зажглась звезда, и побрел Иванушка в одном белье по набережной, запел громко:

В моем саду растет малина...
А я влюбила в сукиного сына!

В Москве в это время во всех переулках играли балалайки и гармоники, изредка свистали в свистки, окна были раскрыты и в них горели оранжевые абажуры...

— Готов, — сказал чей-то бас.

МАНИЯ ФУРИБУНДА

Писательский ресторан, помещавшийся в городе Москве на бульваре, как раз насупротив памятника знаменитому поэту Александру Ивановичу Житомирскому, отравившемуся в 1933 году осетриной, носил дикое название «Шалаш Грибоедова».

«Шалашом» его почему-то прозвал известный всей Москве необузданный лгун Козобоев — театральный рецензент, в день открытия ресторана напившийся в нем до положения риз.

Всегда у нас так бывает, что глупое слово точно прилипнет к человеку или вещи, как ярлык. Черт знает, почему «шалаш»?!. Возможно, что сыграли здесь роль давившие на алкоголические полушария проклятого Козобоева низкие сводчатые потолки ресторана. Неизвестно. Известно, что вся Москва стала называть ресторан «Шалашом».

А не будь Козобоева, дом, в коем помещался ресторан, носил бы свое официальное и законное название «Дом Грибоедова», вследствие того, что, если опять-таки не лжет Козобоев, дом этот не то принадлежал тетке Грибоедова, не то в нем проживала племянница знаменитого драматурга. Впрочем, кажется, никакой тетки у Грибоедова не было, равно так же как и племянницы. Но это не суть важно. Народный комиссариат просвещения, терзаемый вопросом об устройстве дел и жизни советских писателей, количество коих к тридцатым годам поднялось до угрожающей цифры 4500 человек, из них 3494 проживали в городе Москве, а шесть человек в Ленинграде...

.....

МАСТЕР И МАРГАРИТА

Черновые варианты романа

ТЕТРАДЬ 3. 1929 — 1931 гг.

ДЕЛО БЫЛО В ГРИБОЕДОВЕ

В вечер той страшной субботы, 14 июня 1943 года, когда потухшее солнце упало за Садовую, а на Патриарших Прудах кровь несчастного Антона Антоновича смешалась с постным маслом на камушке, писательский ресторан «Шалаш Грибоедова» был полным-полон.

Почему такое дикое название? Дело вот какого рода: когда количество писателей в Союзе, неуклонно возрастающая из года в год, наконец выразилось в угрожающей цифре 5011 человек, из коих 5004 проживало в Москве, а 7 человек в Ленинграде, соответствующее ведомство, озабоченное судьбой служителей муз, отвело им дом.

Дом сей помещался в глубине двора, за садом, и, по словам беллетриста Поплавкова, принадлежал некогда не то тетке Грибоедова, не то в доме проживала племянница автора знаменитой комедии.

Заранее предупреждаю, что ни здесь, ни впредь ни малейшей ответственности за слова Поплавкова я на себя не беру. Жуткий лгун, но талантливейший парнище. Кажется, ни малейшей тетки у Грибоедова не было, равно как и племянницы. Впрочем, желающие могут справиться. Во всяком случае, дом назывался грибоедовским.

Заимев славный двухэтажный дом с колоннами, писательские организации разместились в нем как надо. Все комнаты верхнего этажа отошли под канцелярии и редакции журналов, зал, где тетка якобы слушала отрывки из «Горя от ума», пошел под публичные заседания, а в подвале открылся ресторан.

В день открытия его Поплавков глянул на расписанные сводчатые потолки и прозвал ресторан «Шалашом».

И с того момента и вплоть до сего дня, когда дом этот стал перед безумным воспаленным моим взором в

виде обуглившихся развалин, название «Шалаш Грибоедова» прилипло к зданию и в историю перейдет.

Итак, упало 14 июня солнце за Садовую в Цыганские Грузины, и над истомленным и жутким городом взошла ночь со звездами. И никто, никто еще не подозревал тогда, что ждет каждого из нас.

Столики на веранде под тентом заполнились уже к восьми часам вечера. Город дышал тяжело, стены отдавали накопленный за день жар, визжали трамваи на бульваре, электричество горело плохо, почему-то казалось, что наступает сочельник тревожного праздника, всякому хотелось боржоу. Но тек холодный боржом в раскаленную глотку и ничуть не освежал. От боржоу хотелось шницеля, шницель вызывал на водку, водка — жажду, в Крым, в сосновый лес!..

За столиками пошел говорок. Пыльная пудренная зелень сада молчала, и молчал гипсовый поэт Александр Иванович Житомирский, во весь рост стоящий под ветвями с книгой в одной руке и обломком меча в другой. За три года поэт покрылся зелеными пятнами и от меча осталась лишь рукоять.

Тем, кому не хватило места под тентом, приходилось спускаться вниз, располагаться под сводами за скатертями с желтыми пятнами у стен, отделанных под мрамор, похожий на зеленую чешую. Здесь был ад.

Представляется невероятным, но тем не менее это так, что в течение часа с того момента, как редактор Марк Антонович Берлиоз погиб на Патриарших, и вплоть до того момента, как столы оказались занятыми, ни один из пришедших в «Шалаш» не знал о гибели, несмотря на адскую работу Бержеракиной, Поплавкова и телефонный гром. Очевидно, все, кто заполнял ресторан, были в пути, шли и ехали в трамваях, задыхаясь, глотая пот, пыль и мучаясь жаждой.

В служебном кабинете самого Берлиоза звонок на настольном телефоне работал непрерывно. Рвались голоса, хотели что-то узнать, что-то сообщить, но кабинет был заперт на ключ, некому было ответить, сам Берлиоз был неизвестно где, но во всяком случае там, где не слышны телефонные звонки, и забытая лампа освещала исписанную номерами телефонов промокашку с крупной надписью «Софья дрянь». Молчал верхний теткин этаж.

В девять часов ударил странный птичий звук, побежал резаный петуший, превратясь в гром. Первым снялся из-за столика кто-то в коротких до колен штанах рижского материала, в очках колесами, с жирными волосами, в клетчатых чулках, обхватил крепко тонкую женщину с потертым лицом и пошел меж столов, виляя очень выкормленным задом. Потом пошел знаменитый беллетрист Копейко — рыжий, мясистый, затем женщина, затем лохматый беззубый с луком в бороде. В громе и звоне тарелок он крикнул тоскливо: «Не умею я!»

Но снялся и перехватил девочку лет 17-ти и стал топтать ее ножки в лакированных туфлях без каблуков. Девочка страдала от запаха водки и луку изо рта, отворачивала голову, скалила зубы, шла задом... Лакеи несли северюгу в блестящих блюдах с крышками, с искаженными от злобы лицами ворчали ненавистно... «Виноват»... В трубу гулко кричал кто-то — «Пожарские р-раз!» Бледный, истощенный и порочный пианист маленькими ручками бил по клавишам громадного рояля, играл виртуозно. Кто-то подпел по-английски, кто-то рассмеялся, кто-то кому-то пообещал дать в рожу, но не дал... И давно, давно я понял, что в дымном подвале, в первую из цепи страшных московских ночей, я видел ад.

И родилось видение. В дни, когда никто, ни один человек не носил фрака в мировой столице, прошел человек во фраке ловко и бесшумно через ад, сквозь расступившихся лакеев и вышел под тент. Был час десятый, когда он сделал это, и стал, глядя гордо на гудевшую веранду, где не танцевали. Синева ложилась под глаза его, сверкал бриллиант на белой руке, гордая мудрая голова...

Мне говорил Поплавков, что он явился под тент прямо из океана, где был командиром пиратского брига, плававшего у Антильских и Багамских островов. Вероятно, лжет Поплавков. Давно не ходят в Карибском море разбойничьи бригаи и не гонятся за ними с пушечным громом быстроходные английские корветы. Лжет Поплавков...

Когда плясали все в дыму и испарениях, над бледным пианистом склонилась голова пирата и сказала тихим красивым шепотом:

— Прошу прекратить фокстрот.

Пианист вздрогнул, спросил изумленно:

— На каком основании, Арчибальд Арчибальдович?

Пират склонился пониже, шепнул:

— Председатель Всеобписа Марк Антонович Берлиоз убит трамваем на Патриарших Прудах.

И мгновенно музыка прекратилась. И тут застыл весь «Шалаш».

Не обошлось, конечно, и без чепухи, без которой, как известно, ничего не обходится. Кто-то предложил сгоряча почтить память вставанием. И ничего не вышло. Кой-кто встал, кой-кто не расслышал. Словом — нехорошо. Трудно почтить, хмуро глядя на свиную отбивную. Поэт же Рюхин и вовсе нагробил. Воспаленно глядя, он предложил спеть «Вечную память». Уняли, и справедливо. Вечная память дело благое, но не в «Шалаше» ее петь, согласитесь сами!

Затем кто-то предлагал послать какую-то телеграмму, кто-то в морг захотел ехать, кто-то зачем-то отправился в кабинет Берлиоза, кто-то куда-то покатыл на извозчике. Все это, по сути дела, ни к чему. Ну какие уж тут телеграммы, кому и зачем, когда человек лежит в морге на цинковом столе, а голова его лежит отдельно.

В бурном хаосе и возбуждении тут же стали рождаться слухи: несчастная любовь к акушерке Кандалаки, второе — впал в правый уклон. Прямо и точно сообщая, что все это вранье. Не только никакой акушерки Кандалаки Берлиоз не любил, но и вообще никакой акушерки Кандалаки в Москве нет, есть Кондалини, но она не акушерка, а статистик на кинофабрике. Насчет правого уклона категорически заявляю — неправда. Поплавковское вранье. Если уж и впал бы Антон Антонович, то ни в коем случае не в правый уклон, а, скорее, в левый загиб. Но он никуда не впал.

Пока веранда и внутренность гудела говором, произошло то, чего еще никогда не происходило. Именно: извозчики в синих кафтанах, караулившие у ворот «Шалаша», вдруг полезли на резные чугунные решетки. Кто-то крикнул:

— Тю!..

Кто-то свистнул...

Затем показался маленький тепленький огонечек, а затем от решетки отделилось белое привидение. Оно проследовало быстро и деловито по асфальтовой дорожке, мимо веранды, прямо к зимнему входу в ресторан и за углом скрылось, не вызвав даже особенного изумления на

веранде. Ну, прошел человек в белом, а в пуках мотнулся огонечек. Однако через минуту-две в аду наступило молчание, затем это молчание перешло в возбужденный говор, а затем привидение вышло из ада на веранду. И тут все ахнули и застыли, ахнув. «Шалаш» многое видел на своем веку, но такого еще не происходило ни разу.

Привидение оказалось не привидением, а известным всей Москве поэтом Иванушкой Безродным, и Иванушка имел в руке зажженную церковную свечу зеленого воску. Огонечек метался на нем, и она оплывала. Буйные волосы Иванушки не были прикрыты никаким убором, под левым глазом был большой синяк, а щека расцарапана. На Иванушке надета была рубашка белая и белые же кальсоны с тесемками, ноги босые, а на груди, покрытой запекшейся кровью, непосредственно к коже была приколота бумажная иконка, изображающая Иисуса.

Молчание на веранде продолжалось долго, и во время его изнутри «Шалаша» на веранду валил народ с искаженными лицами.

Иванушка оглянулся тоскливо, поклонился низко и хрипло сказал:

— Здорово, православные.

От такого приветствия молчание усилилось.

Затем Иванушка наклонился под столик, на котором стояла вазочка с зернистой икрой и торчащими из нее зелеными листьями, посветил, вздохнул и сказал:

— Нету и здесь!

Тут послышались два голоса.

Бас паскудный и бесчеловечный сказал:

— Готово дело. Делириум тременс¹.

А добрый тенор сказал:

— Не понимаю, как милиция его пропустила по улицам?

Иванушка услышал последнее и отозвался, глядя поверх толпы:

— На Бронной мильтон вздумал ловить, но я скрылся через забор.

И тут все увидели, что у Иванушки были когда-то коричневые глаза, а стали перламутровые, и все забыли Берлиоза, и страх и удивление вселились в сердца.

¹ Белая горячка (лат.).

— Друзья, — вдруг вскричал Иванушка, и голос его стал и тепел и горяч, — друзья, слушайте! Он появился!

Иванушка значительно и страшно поднял свечу над головой.

— Он появился! Православные! Ловите его немедленно, иначе погибнет Москва!

— Кто появился? — выкрикнул страдальческий женский голос.

— Инженер! — хрипло крикнул Иванушка, — и этот инженер убил сегодня Антошу Берлиоза на Патриарших Прудах!

— Что? Что? Что он сказал?

— Убил! Кто? Белая горячка. Они были друзья. Помешался.

— Слушайте, кретины! — завопил Иванушка. — Говорю вам, что появился он!

— Виноват. Скажите точнее, — послышался тихий и вежливый голос над ухом Иванушки, и над этим же ухом появилось бритое внимательное лицо.

— Неизвестный консультант, — заговорил Иванушка, озираясь, и толпа сдвинулась плотнее, — погубитель появился в Москве и сегодня убил Антошу!

— Как его фамилия? — спросил вежливо на ухо.

— То-то фамилия! — тоскливо крикнул Иван, — ах, я! Черт возьми! Не разглядел я на визитной карточке фамилию! На букву Ве! На букву Ве! Граждане! Вспоминайте сейчас же, иначе будет беда Красной столице и горе ей! Во.. Ву... Влу... — забормотал Иванушка, и волосы от напряжения стали ездить у него на голове.

— Вульф! — крикнул женский голос.

— Да не Вульф... — ответил Иванушка, — сама ты Вульф! Граждане, вот чего, я сейчас кинусь дальше ловить, а вы спысывайте кого-нибудь в Кремль, в верхний коммутатор, скажите, чтобы тотчас сажали бы стрелцов на мотоциклетки с секирами, с пулеметами в разных направлениях инженера ловить! Приметы: зубы платиновые, воротнички крахмальные, ужасного роста!

Тут Иванушка проявил беспокойство, стал заглядывать под столы, размахивать свечой.

Народ загудел... Послышалось слово — «доктор»... И лицо приятное, мясистое, лицо в огромных очках, в чер-

ной фальшивой оправе, бритое и сытое, участливо появилось у Иванушкина лица.

— Товарищ Безродный, — заговорило лицо юбилейным голосом, — вы расстроены смертью всеми нами любимого и уважаемого Антона... нет Антоши Берлиоза. Мы это отлично понимаем. Возьмите покой. Сейчас кто-нибудь из товарищей проводит вас домой, в постельку...

— Ты, — заговорил Иван и стукнул зубами, — понимаешь, что Берлиоза убил инженер! Или нет? Понимаешь, арамей?

— Товарищ Безродный! Помилуйте, — ответило лицо.

— Нет, не помилую, — тихо ответил Иван и, размахнувшись широко, ударил лицо по морде.

Тут догадались броситься на Ивана. Он издал визг, отозвавшийся даже на бульваре. Окна в домиках, окаймляющих сад с поэтом, стали открываться. Столик с икрой, с листьями и с бутылкой Абрау рухнул, взлетели босые ноги, кто-то упал в обморок.

В окошке возникла голова фурии, закричала:

— Царица небесная! Когда же будет этому конец? Когда, когда, наконец, власть закроет проклятый «Шалаш»! Дети оборались, не спят — каждый вечер в «Шалаше» скандал...

Мощная и волосатая рука сгребла фурию, и голова ее провалилась в окне.

В то время, когда на веранде бушевал неслыханный еще скандал, в раздевалке командир брига стоял перед швейцаром.

— Ты видел, что он в подштанниках? — спросил холодно пират.

— Да ведь, Арчибальд Арчибальдович, — отвечал швейцар трусливо, но и нагло вато бегая глазами, — они ведь члены Описа...

— Ты видел, что он в подштанниках? — хладнокровно спросил пират.

Швейцар замолк, и лицо его приняло тифозный цвет. Наглость в глазах потухла. Ужас сменил ее. Он снизу вверх стал смотреть на командира. Он видел ясно, как черные волосы покрылись шелковой косынкой. Исчез фрак, за ременным поясом возникли пистолеты. Он видел безжалостные глаза, черную бороду, слышал предсмертный плеск волны у борта брига и наконец увидел себя висящим с головой набок и высунутым до плеча языком

на фок-марс-рее, черный флаг с мертвой головой. Океан покачивался и сверкал. Колени швейцара подогнулись, но флибустьер прекратил попытку взглядом.

— Ох, Иван, плачет по тебе биржа труда, Рахмановский милый переулок, — сквозь зубы сказал капитан.

— Арчибальд...

— Пантелея. Протокол. Милиционера, — ясно и точно распорядился авралом пират, — таксомотор. В психиатрическую.

— Пантелей, выходит... — начал было швейцар; но пират не заинтересовался этим.

— Пантелея, — повторил он и размеренно пошел внутрь.

Минут через десять весь «Шалаш» был свидетелем, как окровавленного человека, босого, в белье, поверх которого было накинуто пальто Пантелея, под руки вели к воротам. Страшные извозчики у решетки дрались кнутами за обладание Иванушкой, кричали:

— На резвой! Я возил в психическую!

Иванушка шел плача и пытался укунить за руку то правого Пантелея, то левого поэта Рюхина, и Рюхин скорбно шептал:

— Иван, Иван...

В тылу на веранде гудел народ, лакеи выметали и уносили осколки, повторялось слово «Берлиоз». В драную пролетку у ворот мостилось бледное лицо без очков, совершенно убитое незаслуженной плухою, и дама убитая мостилась с ним рядом.

В глазах у Рюхина затем замелькали, как во сне, огни на Страстной площади, потом бесконечные круглые огненные часы, затем толпы народа, затем каша из автомобильных фонарей, шляп...

Затем, светя и рыча и кашляя, таксомотор вкатил в какой-то волшебный сад, затем Рюхин, милиционер и Пантелей ввели Иванушку в роскошный подъезд, причем Рюхин, ослепленный техникой, все более трезвел и жадно хотел пить. Затем все оказались в большой комнате, в которой стоял столик, клеенчатая новенькая кушетка, два кресла. Круглые часы подвешены были высоко и показывали 11 с четвертью.

Милиционер, Пантелей удалились. Рюхин огляделся и увидел себя в компании двух мужчин и женщины. Все

трое были в белых балахонах, очень чистых, и женщина сидела за столиком.

Иванушка, очень тихий, странно широкоплечий в Пантелеевском пальто, не плачущий, поместился под стеной и руки сложил на груди. Рюхин напился из графина с такой жадностью, что руки у него задрожали.

Тут же дверь бесшумно открылась и в комнату вошел еще один человек, тоже в балахоне, из кармашка коего торчал черный конец трубочки. Человек этот был очень серьезен. Необыкновенно весь спокоен, но при крайне беспокойных глазах. И даже по бородке его было видно, что он величайший скептик. Пессимист.

Все подтянулись.

Рюхин сконфузился, поправил поясок на толстовке и произнес:

— Здравствуйте, доктор. Позвольте познакомиться. Поэт Рюхин.

Доктор вежливо поклонился Рюхину, но, кланяясь, смотрел не на Рюхина, а на Иванушку.

— А это... — почему-то понизив голос, представил Рюхин, — знаменитый поэт Иван Бездомный.

По доктору видно было, что имя это он слышит впервые в жизни, он вопросительно посмотрел на Рюхина. И тот, повернувшись к Иванушке спиной, зашептал:

— Мы опасаемся, не белая ли горячка...

— Пил очень сильно? — сквозь зубы спросил доктор.

— Нет, доктор...

— Тараканов, крыс, чертиков или шмыгающих собак не ловил?

— Нет, — ответил Рюхин, — я его вчера видел. Он речь говорил!

— Почему в белье? С постели взяли?

— Нет, доктор, он в ресторан пришел в таком виде.

— Ага, — сказал доктор так, как будто ему очень понравилось, что Иванушка в белье пришел в ресторан, — а почему окровавлен? Дрался?

Рюхин замялся.

— Так.

Тут совещание шепотом кончилось и все обратились к Иванушке.

— Здравствуйте, — сказал доктор Иванушке.

— Здорово, вредитель! — ясным громким голосом ответил Иванушка, и Рюхин от сраму захотел провалиться

сквозь землю. Ему было стыдно поднять глаза на вежливого доктора, от бороды которого пахло явно одеколоном.

Тот, однако, не обиделся, а снял привычным ловким жестом пенсне с носа и спрятал его, подняв полу балахона, в задний карман брюк.

— Сколько вам лет? — спросил доктор.

— Поди ты от меня к чертям, в самом деле, — хмуро ответил Иванушка.

— Иван, Иван... — робко воскликнул Рюхин. А доктор сказал вежливо и печально, щуя близорукие глаза:

— Зачем же вы сердитесь? Я решительно не понимаю...

— Двадцать пять лет мне, — сурово ответил Иванушка, — и я завтра на вас на всех пожалуюсь. И на тебя, гнида! — отнесся он уже персонально к Рюхину.

— За что же вы хотите пожаловаться?

— За то, что меня силой схватили и притащили куда-то.

Рюхин глянул тут на Иванушку и похолодел. Глаза у Иванушки из перламутровых превратились в зеленые, ясные. «Батюшки, да он вполне свеж и нормален, — подумал Рюхин. — Зачем же такая чепуха... зачем же мы малого в психическую поволокли. Нормален, только рожа расцарапана».

— Куда это меня приволокли? — надменно спросил Иван.

Рюхину захотелось конспирации, но врач сейчас же открыл тайну.

— Вы находитесь в психиатрической лечебнице, оборудованной по последнему слову техники. Кстати добавлю: где вам не причинят ни малейшего вреда и где вас никто не собирается задерживать силой.

Иванушка недоверчиво покосился, потом пробурчал:

— Хвала Аллаху, кажется, нашелся один нормальный среди идиотов, из которых первый — величайшая бездарность и балбес Пашка.

— Кто этот Пашка-бездарность? — спросил врач.

— Вот он — Рюхин, — ответил Иванушка и указал на Рюхина.

— Простите, — сказал доктор.

Рюхин был красен, и глаза его засверкали. «Вот так так, — думал он, — и сколько раз я давал себе слово не

ввязываться ни в какие истории. Вот и спасибо. Свинья какая-то, и притом нормален». И горькое чувство шевельнулось в душе Рюхина.

— Типичный кулачок-подголосок, тщательно маскируется под пролетария, — продолжал Иванушка сурово обличать Рюхина, — «и развеетесь красные знамена», а посмотрели бы вы, что он думает, хе... — и Иванушка рассмеялся зловеще.

Доктор повернулся спиной к Иванушке и шепнул:

— У него нет белой горячки.

Затем повернулся к Ивану и заговорил:

— Почему, собственно, вас доставили к нам?

— Да черт их возьми, идиотов! Схватили, затолкали в такси и поволокли!

— Простите, вы пили сегодня, — осведомился доктор.

— Ничего я не пил, ни сегодня, ни вчера, — ответил Иван.

— Гм... — сказал врач, — но вы почему, собственно, в ресторан, вот как говорит гражданин Рюхин, пришли в одном белье?

— Вы Москву знаете? — спросил Иван.

— Да, более или менее... — протянул доктор.

— Как вы полагаете, — страстно спросил Иван, — мыслимо ли думать, чтобы вы в Москве оставили на берегу реки что-нибудь и чтобы вещь не попятити? Купаться я стал, ну и украли, понятно, и штаны, и толстовку, и туфли. А я спешил в «Шалаш».

— Свидание? — спросил врач.

— Нет, брат, не свидание, а я ловлю инженера!

— Какого инженера?

— Который сегодня на Патриарших, — раздельно продолжал Иван, — убил Антона Берлиоза. А поймать его требуется срочно, потому что он натворит таких дел, что нам всем небо с овчинку покажется.

Тут врач вопросительно отнесся к Рюхину. Переживающий еще жгучую обиду, Рюхин ответил мрачно:

— Председатель Вседрупса Берлиоз сегодня под трамвай попал.

— Он под трамвай попал, говорят?

— Его убил инженер.

— Толкнул, что ли, под трамвай?

— Да не толкнул! — Иван раздражился, — почему такое детское понимание вещей. Убил — значит толкнул! Он пальцем не коснулся Антона. Такой вам толкнет!

— А кто-нибудь еще видел кроме вас этого инженера?

— Я один. То-то и беда.

— Фамилию его знаете?

— На «Ве» фамилия, — хмуро ответил Иван. И стал потирать лоб.

— Инженер Наве?

— Да не Наве, а на букву «Ве» фамилия. Не прочитал я до конца на карточке фамилию. Да ну тебя тоже к черту. Что за допросчик такой нашелся! Убирайтесь вы от меня! Где выход?

— Помилуйте, — воскликнул доктор, — у меня и в мыслях не было допрашивать вас! Но ведь вы сообщаете такие важные вещи об убийстве, которого вы были свидетелем... Быть может, здесь можно чем-нибудь помочь...

— Ну, вот именно, а эти негодяи волокут куда-то! — вскричал Иван.

— Ну вот! — вскричал и доктор, — возможно, здесь недоразумение!.. Скажите же, какие меры вы приняли, чтобы поймать этого инженера?

— Слава тебе, Господи, ты не вредитель, а молодец! — и Иван потянулся поцеловать, — меры я принял такие: первым делом с Москвы-реки бросился в Кремль, но у Спасских ворот стремянные стрельцы не пустили! Иди, говорят, Божий человек, проспись.

— Скажите! — воскликнул врач и головой покачал, а Рюхин забыл про обиды и вытянул шею.

— Ну-те-с, ну-те-с, — говорил врач крайне заинтересованный, и женщина за столом развернула лист и стала записывать. Санитары стояли тихо и руки держали по швам, не сводили с Ивана Безродного глаз. Часы стучали.

— Вооруженные были стрельцы?

— Пищали в руках, как полагается, — продолжал Иван, — тут я, понимаешь ли, вижу, ничего не поделаешь, и брызнул за ним на телеграф, а он проклятый вышел на Остоженку, я за ним в квартиру, а там голая гражданка в мыле и в ванне, я тут подобрал иконку и пришил к груди, потому что без иконки его не поймать... Ну... — тут Иван поднял голову, глянул на часы и ахнул.

— Батюшки, одиннадцать, — закричал он, — а я тут с вами время теряю. Будьте любезны, где у вас телефон?..

Один из санитаров тотчас загородил его спиной, но врач приказал:

— Пропустите к телефону.

И Иван уцепился за трубку и вытаращил глаза на блестящие чашки звонков. В это время женщина тихо спросила Рюхина:

— Женат он?

— Холост, — испуганно ответил Рюхин.

— Родные в Москве есть?

— Нету.

— Член профсоюза?

Рюхин кивнул. Женщина записала.

— Дайте Кремль, — сказал вдруг Иван в трубку, в комнате воцарилось молчание. — Кремль? Передайте в Совнарком, чтобы послали сейчас же отряд на мотоциклетах в психиатрическую лечебницу... Говорит Бездомный... Инженера ловить, который Москву погубит... Дура. Дура, — вскричал Иван и грохотнул трубкой, — вредительница! — и с трубки соскочил рупор.

Санитар тотчас повесил трубку на крюк и загородил телефон.

— Не надо браниться в телефон! — заметил врач.

— Ну-ка, пустите-ка меня, — попросил Иван и стал искать выхода, но выход как сквозь землю провалился.

— Ну, помилуйте, — заметил врач, — куда вам сейчас идти. Поздно, вы не одеты. Я настойчиво советую вам переночевать в лечебнице, а уж днем будет видно.

— Пропустите меня, — сказал Иван глухо и грозно.

— Один вопрос, как вы узнали, что инженер убил?

— Он про постное масло знал заранее, что Аннушка его разольет! — вскрикнул Иван тоскливо, — он с Пилатом Понтийским лично разговаривал... Пустите...

— Помилуйте, куда вы пойдете!

— Мерзавцы, — вдруг взвыл Иван, и перед женщиной засверкала никелированная коробка и склянки, выскочившие из выдвижного ящика.

— Ах, так, ах, так... — забормотал Иван, — это, стало быть, нормально человека силой задерживать в сумасшедшем доме. Гоп! — И тут Иван, сбросив Пантелеево пальто, вдруг головой вперед бросился в окно, прикрытое наглухо белой шторой. Коварная сеть за шторой без вся-

кого вреда для Ивана спружинила и мягко бросила поэта назад и прямо в руки санитаров. И в эту минуту в руках у доктора оказался шприц. Рюхин застыл на месте.

— Ага, — прохрипел Иван, — вот какие шторочки завели в домиках, ага... — Рюхин глянул в лицо Ивану и увидел, что оно покрылось потом, а глаза помутнели, — понимаем! Помогите! Помогите!

Но крик Ивана не разнесся по зданию. Обитые мягким, стеганные стены не пустили воплей несчастного никуда. Лица санитаров исказились и побагровели.

— Ад-ну... адну минуту, голову, голову... — забормотал врач, и тоненькая иголочка впилась в кожу поэта, — вот и все, вот и все... — и он выхватил иглу, — можно отпустить.

Санитары тотчас разжали руки, а женщина выпустила голову Ивана.

— Разбойники! — прокричал тот слабо, как бы томно, метнулся куда-то в сторону, — еще прокричал: — И был час девятый!.. — но вдруг сел на кушетку... — Какая же ты сволочь, — обратился он к Рюхину, но уже не криком, а печальным голосом. Затем повернулся к доктору и пророчески грозно сказал:

— Ну, пусть погибает Красная столица, я в лето от Рождества Христова 1943-е все сделал, чтобы спасти ее! Но... но победил ты меня, сын гибели, и заточили меня, спасителя.

Он поднялся и вытянул руки, и глаза его стали мутны, но неземной красоты.

— И увижу ее в огне пожаров, в дыму увижу безумных бегущих по Бульварному Кольцу... — тут он сладко и зябко передернул плечами, зевнул... и заговорил мягко и нежно:

— Березки, талый снег, мостки, а под мостки с гор потоки. Колокола звонят, хорошо, тихо...

Где-то за стеной протрещал звоночек, и Рюхин раскрыл рот: стеганая стена ушла вверх, открыв лакированную красную стену, а затем та распалась и беззвучно на резиновых шинах въехала кровать. Ивана она не заинтересовала. Он глядел вдаль восторженно, слушал весенние громовые потоки и колокола, слышал пение, стихи...

— Ложитесь, ложитесь, — услышал Иван голос приятный и негрозный. Правда, на мгновение его перебил гус-

той и тяжелый бас инженера и тоже сказал «ложитесь», но тотчас же потух.

Когда кровать с лежащим Иваном уходила в стену, Иван уже спал, подложив ладонь под изуродованную щеку. Стена сомкнулась. Стало тихо и мирно, и вверху на стене приятно стучали часы.

— Доктор... это что же, он, стало быть, болен? — спросил Рюхин тихо, смятенно.

— И очень серьезно, — ответил доктор, сквозь пенсне проверяя то, что написала женщина. Он устало зевнул, и Рюхин увидел, что он очень нервный, вероятно, добрый и, кажется, нуждающийся человек...

— Какая же это болезнь у него?

— Мания фурибунда, — ответил доктор и добавил, — по-видимому.

— Это что такое? — спросил Рюхин и побледнел.

— Яростная мания, — пояснил доктор и закурил дрянную смятую папироску.

— Это, что ж, неизлечимо?

— Нет, думаю, излечимо.

— И он останется здесь?

— Конечно.

Тут доктор изъявил желание попрощаться и слегка поклонился Рюхину. Но Рюхин спросил заискивающе:

— Скажите, доктор, что это он все инженера ловит и поминает! Видел он какого-нибудь инженера?

Доктор вскинул на Рюхина глаза и ответил:

— Не знаю.

Потом подумал, зевнул, страдальчески сморщился, пожегил и добавил:

— Кто его знает, может быть, и видел какого-нибудь инженера, который поразил его воображение...

И тут поэт и врач расстались.

Рюхин вышел в волшебный сад с каменного крыльца дома скорби и ужаса. Потом долго мучился. Все никак не мог попасть в трамвай. Нервы у него заиграли. Он злился, чувствовал себя несчастным, хотел выпить. Трамваи пролетели переполненные. Задыхающиеся люди висели, уцепившись за поручни. И лишь в начале второго Рюхин совсем больным неврастеником приехал в «Шалаш». И тот был пуст. На веранде сидели только двое. Толстый и нехороший, в белых брюках и желтом поясе, по которому вилась золотая цепочка от часов, и женщина. Толстый

пил рюмочкой водку, а женщина ела шницель. Сад молчал, и ад молчал.

Рюхин сел и болезненным голосом спросил малый графинчик... Он пил водку и чем больше пил, тем становился трезвей и тем больше темной злобы на Пушкина и на судьбу рождалось в душе...

Помоги, Господи, кончить роман.
1931 г.

ПОЛЕТ ВОЛАНДА

— Об чем волынка, граждане? — спросил Бегемот и для официальности в слове «граждане» сделал ударение на «да». — Куда это вы скакаете?

.....

Кота в Бутырки? Прокурор накрутит вам хвосты.

.....

Свист.

...и стая галок поднялась и улетела.

— Это свистнуто, — снисходительно заметил Фагот, — не спорю, — свистнуто! Но, откровенно говоря, свистнуто неважно.

— Я не музыкант, — отозвался Бегемот и сделал вид, что обиделся.

— Эх, ваше здоровье! — пронзительным тенором обратился Фагот к Воланду, — дозвоьте уж мне, старому регенту, свистнуть.

— Вы не возражаете? — вежливо обратился Воланд к Маргарите и ко мне.

— Нет, нет, — счастливо вскричала Маргарита, — пусть свистнет! Прошу вас! Я так давно не веселилась!

— Вам посвящается, — сказал галантный Фагот и предпринял некоторые приготовления. Вытянулся, как резинка, и устроил из пальцев замысловатую фигуру. Яглянул на лица милиционеров, и мне показалось, что им хочется прекратить это дело и уехать.

Затем Фагот вложил фигуру в рот. Должен заметить, что свиста я не услышал, но я его увидал. Весь кустарник вывернуло с корнем и унесло. В роще не осталось ни одного листика. Лопнули обе шины в мотоциклетке и треснул бак. Когда я очнулся, я видел, как сползает берег

в реку, а в мутной пене плывут эскадронные лошади. Всадники же сидят на растрескавшейся земле группами.

— Нет, не то, — со вздохом сказал Фагот, осматривая пальцы, — не в голосе я сегодня.

— А вот это уже и лишнее, — сказал Воланд, указывая на землю, и тут я разглядел, что человек с портфелем лежит раскинувшись и из головы течет кровь.

— Виноват, мастер, я здесь ни при чем. Это он головой стукнулся об мотоциклетку.

— Ах, ах, бедняжка, ах, — явно лицемерно заговорил весельчак Бегемот, наклоняясь к павшему, — уж не осталась ли супруга вдовою из-за твоего свиста.

— Ну-с, едем!

.....
Нежным голосом завел Фагот... «черные скалы мой покой...»
.....

— Ты встретишь там Шуберта и светлые утра.

КОНСУЛЬТАНТ С КОПЫТОМ

На закате двое вышли на Патриаршие Пруды. Первый был лет тридцати, второй — двадцати четырех. Первый был в пенсне, лысоватый, гладко выбритый, глаза живые, одет в гимнастерку, защитные штаны и сапоги. Ножки тоненькие, но с брюшком.

Второй в кепке, блузе, носящей идиотское название «толстовка», в зеленой гаврилке и дешевеньком сером костюме. Парусиновые туфли. Особая примета: над правой бровью грандиозный прыщ.

Свидетели? То-то, что свидетелей не было, за исключением одного: домработницы Анны Семеновой, служащей у гражданки Клюх-Пелиенко. Впоследствии на допросе означенная Семенова Анна показала, что: а) у Клюх-Пелиенко она служит третий год, б) Клюх — ведьма... Семенова собиралась подавать в народный суд за то, что та (Клюх) ее (Семенову) обозвала «экспортной дурой», желая этим сказать, что она (Семенова) не простая дура, а исключительная. Что в профсоюз она платит аккуратно, что на Патриарших Прудах она оказалась по приказанию Клюх, чтобы прогулять сына Клюх Вову.

Что Вова золотушен, что Вова идиот (экспортный). Веле-
но водить Вову на Патриаршие Пруды.

Товарищ Курочкин, на что был опытный человек, но еле избавился от всего этого потока чепухи и поставил вопрос в упор: о чем они говорили и откуда вышел профессор на Патриаршие? По первому вопросу отвечено было товарищем Семеновой, что лысенький в пенсне ругал Господа Бога, а молодой слушал, а к тому времени, как человека зарезало, они с Вовой уже были дома. По второму — ничего не знает. И ведать не ведает. И если бы она знала такое дело, то она бы и не пошла на Патриаршие. Словом, товарищ Курочкин добился только того, что товарищ Семенова действительно дура, так что и в суд, собственно, у нее никаких оснований подавать на гражданку Клох нету. Поэтому отпустил ее с миром. А более действительно в аллее у Пруда, как на грех, никого не было.

Так что уж позвольте мне рассказывать, не беспокоя домработницу.

Что ругал он Господа Бога — это, само собой, глупости. Антон Миронович Берлиоз (потому что это именно был он) вел серьезнейшую беседу с Иваном Петровичем Тешкиным, заслужившим громадную славу под псевдонимом Беспризорный. Антону Миронычу нужно было большое антирелигиозное стихотворение в очередную книжку журнала. Вот он и предлагал кой-какие установки Ване Беспризорному.

Солнце в громе, удушье, в пыли падало за Садовое Кольцо, Антон Миронович, сняв кепочку и вытирая платком лысину, говорил, и в речи его слышались имена.....

Иванушка рассмеялся и сказал:

— В самом деле, если Бог вездесущ, то, спрашивается, зачем Моисею понадобилось на гору лезть, чтобы с ним беседовать? Превосходнейшим образом он мог с ним и внизу поговорить.

В это время и показался в аллее гражданин. Откуда он вышел? В этом-то весь и вопрос. Но и я на него ответить не могу. Товарищу Курочкину удалось установить.....

КРАТКИЕ КОММЕНТАРИИ

ЗОЙКИНА КВАРТИРА

Пьеса в трех актах

Рукопись не сохранилась. В Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки и в Музее Театра Вахтангова хранится несколько машинописных копий пьесы, отражающих ее творческую историю.

В авторизованной машинописи 1925 — 1926 гг. (Музей Театра Вахтангова, № 437) среди действующих лиц упоминаются два дворника, Мифическая личность как Ромуальд Муфтер, с необыкновенной легкостью используются такие исторические личности, как Маркс, Калинин, Луначарский, президент Франции Пуанкаре, шутят по адресу МХАТа, «типичных» домовладельцев; есть и другие сцены и эпизоды, в частности, «сцена с аппаратами» в МУРе, наполненные современными «реалиями», злободневным содержанием, от которых пришлось отказаться после первой же генеральной репетиции и обсуждения ее итогов на Совете Театра: Главрепертком высказал множество пожеланий, исполнение которых было обязательным для разрешения спектакля. Так закончилась история с первым вариантом первой редакции пьесы.

К первому варианту первой редакции можно отнести и машинопись, хранящуюся в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (ф. 562, к. 11, ед. хр. 5 и 6), по этим двум экземплярам можно проследить ход летней доработки в 1926 году и возникновение второго варианта первой редакции, который и послужил текстом спектакля.

Публикуется по экземпляру машинописи с правкой автора, хранящемуся в Музее Театра Вахтангова, № 435 и № 436 на первой странице которого есть надпись: «Точный текст спектакля». На этом экземпляре имеется печать Главреперткома и надпись: «Разрешается к исполнению 21.X.1926». С внесением необходимой правки по машинописи, хранящейся в ОР РГБ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 5

Впервые сценическую редакцию пьесы опубликовали в книге: М. А. Булгаков Пьесы 20-х годов. Искусство. Ленинградское отделение. 1989 Составление и общая редакция А. А. Нинова. В собрании сочинений в 5 томах публикуется также по экземпляру машинописи, хранящемуся в Музее Театра Вахтангова, с незначительными разночтениями. Так что текстологам при подготовке академического издания «Зойкиной квартиры» есть над чем поработать и есть что обсудить.

Подробнее о творческой истории пьесы см.: В. Гудкова. «Зойкина квартира» М. А. Булгакова. — В сб.: М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988, с. 96 — 124.

В отзывах критики чуть ли не постоянно ругали автора и отделяли от него спектакль; «изумительное мастерство коллектива», и «почти

никчемный, ненужный и отчасти даже вредный сюжет «Зойкиной квартиры», «сборник пошлейших обывательских анекдотов и словечек», «режиссура пыталась спасти, но потерпела крушение», — такими оценками встретили спектакль критики. И наконец в Киеве 29 октября написали постыднейшие слова: «Литературный уборщик Булгаков ползает на полу, бережно подбирает объедки и кормит ими публику...» («Киевский пролетарий», 1926 г.).

«Но резкость печатных откликов еще не приводит к «оргвыводам», — писала В. Гудкова в вышеупомянутой статье, — и «Зойкина квартира» широко идет по сценам страны — в Ленинграде (БДТ), Саратовском театре им. Н. Г. Чернышевского, в Тифлисском рабочем театре и Крымском госдрамтеатре, Театре имени А. В. Луначарского Ростова-на-Дону, Бакинском рабочем театре, в Рижском театре русской драмы и в Свердловском драматическом. Всюду спектакли по пьесе приносят ощутимый материальный успех и практически единодушное осуждение критики. Столь же единодушно отмечается литературная вторичность «Зойкиной квартиры». В частности, указывается на близость булгаковской пьесы к произведениям двух пишущих в это же время авторов Б. Ромашова и С. Сабурова». И сопоставляя Булгакова и Сабурова, В. Гудкова приходит к выводу, что их сближает лишь некоторое жанровое сходство: «Комедия-буфф салонного типа» — это «настоящее направление творчества». Но все решает другое: какое вино аливаает Булгаков в старые мехи». И после такого сближения критикам легче было обвинить Булгакова в «развлекательности», «мещанстве», «вульгарности», тем самым пьеса компрометировалась как бессодержательная и бульварная» (с. 97 — 99).

Режиссер А. Д. Попов, как известно, призывал актеров обвинять своих персонажей, потому что, как вспоминала Л. Е. Белозерская, «отрицательными здесь были все», а «играть отрицательных было очень увлекательно (у порока, как известно, больше сценических красок)» (См.: Воспоминания, с. 107). Но содержание пьесы глубже, сложнее, многограннее такого толкования. И самые проинципательные зрители и критики обратили на это внимание, а потому отделяли автора пьесы от исполнителей на сцене и от ее постановщика, который делился своим замыслом: он стремился к тому, чтобы увидеть суд над всеми булгаковскими героями. «Каждый образ пьесы — жуткая гримаса... Позтому режиссер театра должен быть крепким и острым», — говорил он в интервью («Вечерняя Москва», 1926, 26 октября). «Может, конечно, показаться странным, как Алексей Попов, издавна тяготеющий к образам сложного состава, не распознал булгаковской сложности. Но в том-то и дело, что персонажи «Зойкиной квартиры» не вызывали у режиссера ничего, кроме отвращения. Это были типы, чуждые ему психологически, социально, наконец! Все они для него лишь туеядцы, каждый из них сам виновен в собственных несчастьях. Суровый ригоризм послеоктябрьских вошел в сознание Попова категоричностью классовых и моральных оценок...» — писала Н. Зоркая в книге «Алексей Попов». (См.: Искусство, 1983, с. 141.)

Но спектакль, по свидетельствам критиков, зрителей и историков театра, не был судебным разбирательством, хотя в одной из современных статей о «Зойкиной квартире» прямо говорится об этом: «Авторская адвокатура и режиссерская прокуратура спорили в игре актеров, вовлекая в спор зрителей-присяжных. У зрителей спектакль вызывал

живой интерес и за три сезона прошел, по данным издания «Советский театр. Документы и материалы», — 188 раз, а по данным Вахтанговского театра — ровно 200. Обе цифры достаточно внушительны». (См.: Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. Сборник научных трудов, Л., 1987, с. 63.) И судебного разбирательства не получалось на сцене потому, что актеры чаще всего интуитивно, поддаваясь своему внутреннему «голосу», создавали образы, не укладывавшиеся в «прокрустово ложе» отрицательного, угадывая своим талантом многомерность человеческого характера, рожденного автором. Да и в беседах с актерами сам М. А. Булгаков раскрывал тот или иной образ, разыгрывал целые сценки, показывая тот или иной персонаж в действии. «Самая интересная и яркая сцена была, пожалуй, с графом Обольяниновым, так называемая «сцена тоски». В последнем акте, мучаясь тревожными предчувствиями, сидели в гостиной два человека — граф Обольянинов и проходимец Аметистов. С графом Аметистов вел себя как истинный дворянин, у которого советская власть отобрала имение (имения у Аметистова, конечно, никогда не было). Граф садился за пианино, я пел романс «Ты придешь ли ко мне, дорогая». Музыцируя, граф неожиданно переходил на «Боже, царя храни...». Тогда Аметистов вскакивал верхом на пианино, как на лошадь, брал под козырек и, ощущая себя на параде в присутствии воображаемой высочайшей особы, истонно патристическим голосом кричал: «Ура!!»

Эта сцена родилась на самостоятельной репетиции. Мы ее показали Алексею Дмитриевичу Попову. Тот просил нас зафиксировать то, что было нами сделано, и эта лучшая сцена так и вошла в спектакль. Михаил Афанасьевич принял и горячо похвалил Козловского и меня, считая, что мы до конца раскрыли авторский замысел... Я получал огромное удовольствие от бесед с Михаилом Афанасьевичем». (См.: Рубен Симон. Творческое наследие... ВТО, М., 1981, с. 154.)

Недовольный тем, что режиссер пытается и внешними приметами снизить задуманные им образы, М. Булгаков в «Тетради с шуточными записями» радуется: «Ну, все равно сам себе признаюсь: Тумская очаровательна! (ОР РГБ, ф. 562, оп. 17, ед. хр. 19. В. Ф. Тумская по очереди с А. А. Орошко исполняли роль Алты.)

Д. И. Золотницкий, привлекая обширный материал по сценической истории «Зойкиной квартиры», подводил итог своим наблюдениям: «Спектакль вахтанговцев был противоречив и талантлив. Режиссура добивалась открытого суда и обвинительного вердикта в адрес героев и жертв. Не все актеры следовали этой задаче буквально. Вердикта не получалось, зрители выражали сочувствие то тому, то этому участнику обозначавшейся драмы, критики досадовали на хорошую работу актеров и сбивались в подсчетах... Нападки предвзятости отскакивали от спектакля, он способен был устоять в любую погоду, его оставалось только снять... Не каждого грел прокурорский надзор над сценическим исследованием судеб и душ, не всегда лица виднелись поголовно отрицательными. И тут актеры нередко выходили победителями». (См.: Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова, Л., 1987, с. 66 — 67.)

Весной 1929 года по предложению художественно-политического совета, созданного в 1928 году при Главреперткоме, спектакль был снят из репертуара Вахтанговского театра. 6 марта 1929 года «Вечерняя Мос-

ква» в хронике «Театры освобождаются от пьес Булгакова» не без удовольствия констатировала этот факт. А 10 марта 1929 года «Жизнь искусства» дала статью — «Конец булгаковщины».

С тех пор «Зойкина квартира» в этой редакции не ставилась на сцене.

БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

Генеральная репетиция пьесы гражданина Жюль Верна в театре Геннадия Панфиловича. С музыкой, извержением вулкана и английскими матросами

В 4-х действиях с прологом и эпилогом

11 декабря 1928 года — премьера в Камерном театре, режиссер А. Я. Танров совместно с Л. Л. Лукьяновым, художник В. Ф. Рындин, музыка А. К. Метнера, танцы Н. Глан. Главные исполнители: И. И. Аркадин, П. А. Бакшеев, Н. И. Быков, Е. Вибер, В. Ганшин, С. Гортинский, В. Карманов, В. Матисен, Н. Соколов, С. Тихонравов, Ю. Хмельницкий, С. Ценин и др. В конце мая 1929 года спектакль был исключен из репертуара театра после того, как стало широко известно письмо И. В. Сталина В. Н. Биль-Белоцерковскому, в котором, в частности, говорилось: «4. Верно, что т. Свицерский сплошь и рядом допускает самые невероятные ошибки и искривления. Но верно также и то, что Репертком в своей работе допускает не меньше ошибок, хотя и в другую сторону. Вспомните «Багровый остров», «Заговор равных» и тому подобную макулатуру, почему-то охотно пропускаемую для действительно буржуазного Камерного театра». (Сочинения, т. 11, М., 1955, с. 328 — 329.)

После этого письма, написанного 2 февраля 1929 года, обострились гонения на спектакль «Багровый остров», с успехом шедший в театре. И наконец, Художественный совет через полгода после премьеры принял решение снять спектакль из репертуара театра.

«1. Пьеса «Багровый остров» если и может быть причислена к жанру сатиры, то только как сатира, направленная своим острым против советской общественности в целом, но не против элементов приспособленчества и бюрократизма, как это представляют себе постановщики.

2 Пьеса не может считаться художественным произведением, имеющим какую-либо ценность для тех творческих возможностей, которыми располагает Камерный театр.

3. Получив столь вредный идеологически и столь недоброкачественный драматургический материал, театр пытался сделать достаточно много для того, чтобы повернуть политическое острие пьесы в сторону приспособленчества, бюрократизма и головоутиательства, затратив для этого немало творческой энергии. Однако это театру не удалось, ибо такое коренное изменение социального смысла пьесы в данном случае может быть осуществлено по линии радикальных переделок самой пьесы, но не по линии ее режиссерской трактовки.

Художественный совет считает, что выдача Реперткомом разрешения на постановку «Багрового острова» является большой ошибкой, ударяющей по театру, общественное лицо которого никак не может быть симво-

лизировано пьесой «Багровый остров» (ИРЛИ, ф. 369, № 118, л. 4 Цигирию по книге: М. А. Булгаков. Пьесы 20-х годов, Л., 1989, с. 581).

А за полгода до этой оценки собственного спектакля ничто, казалось бы, не предвещало подобного исхода. Чуть ли не вся труппа была вовлечена в постановку. Накануне премьеры режиссер Таиров в беседах с журналистами постоянно подчеркивал, что театр ставит перед собой скромные цели и задачи: «Постановка «Багрового острова» Булгакова является продолжением и углублением работ Камерного театра по линии арлекинады, т. е. по линии гротескного выявления в сценических формах уродливых явлений жизни и сатирического обнажения их мещанской сущности и примиренчества с ней... Местом действия «Багрового острова» является театр... И директор театра Геннадий Панфилов, и драматург Дымогацкий (он же Жюль Верн) — оба на курьерских, вперегонки приспособляются» и оба полны почти мистического трепета перед третьим — «Саввой Лукичом», ибо от него, от этого Саввы Лукича, зависит «разрешеньце» пьесы или «запрещеньце».

Для получения этого «разрешеньца» они готовы на все как угодно перефасонивать пьесу, только что раздав роли, тут же под суфлера устраивать генеральную репетицию в гриме и костюмах, ибо «Савва Лукич» в Крым уезжает. А «Савва Лукич», уродливо бюрократически восприняв важные общественные функции, уверовав, как папа римский, в свою мудрость и непогрешимость, вершит судьбы Геннадиев Паифилов и Дымогацких, перекраивает вместе с ними наспех пьесы, в бюрократическом ослеплении своем не ведая, что с ними насаждает отвратительное мещанское, беспринципное приспособленчество и плодит уродливые штампы псевдореволюционных пьес, способных лишь осквернить дело революции и сыграть обратную, антиобщественную роль, заменяя подлинный пафос и силу революционной природы мещанским сладковатым сиропом беспомощного и штампованного суррогата.

В нашу эпоху, эпоху подлинной культурной революции, является, на наш взгляд, серьезной общественной задачей в порядке самокритики окончательно разоблачить лживость подобных приемов, к сожалению, еще до конца не изжитых до настоящего времени. Эту общественную и культурно важную цель преследует в нашем театре «Багровый остров» — спектакль, задачей которого является путем сатиры ниспровергнуть готовые пустые штампы как общественного, так и театрального порядка.

Вот почему в нашей постановке и в области ее театральной композиции мы стремимся оттенить никчемность этого приспособленчества, готового в любой момент совместить Жюль Верна с «революцией», конструктивизм с натурализмом, некультурность с идеологичностью и проч.

В этом плане выдерживается вся постановка и весь стиль спектакля, как в порядке его режиссерской трактовки, так и в приемах игры, сценического «оформления» и музыкального «монтажа...». (См: Жизнь искусства, 1928, № 49, с. 14.)

Уверен, что и Булгаков во многом был согласен с точкой зрения постановщика.

После премьеры и до письма Сталина Билль-Белоцерковскому шла обычная критическая травля рапповского толка: в различных газетах и журналах писали о провале спектакля «Багровый остров», что «Камерный театр совершил явную ошибку», что новая постановка театра — «эффектный, но холостой выстрел»... Иной раз даже похваливая поста-

новку за художественное оформление, за актерские удачи, за режиссерские находки. Многих поразило выступление критика и общественного деятеля П. И. Новицкого, высказавшего в основном положительное отношение к пьесе и спектаклю, «интересной и остроумной пародии»: «Пародирован революционный процесс, революционный лексикон, приемы советской тенденциозно-скороспелой драматургии. Шаблоны стопроцентных, «выдержанных идеологически» пьес высмеяны зло и остро.

Но пародия и ирония автора, как всегда, двусторонни... Встает злобующая тень Великого Инквизитора, подавляющего художественное творчество, культивирующего рабские, подхалимски нелепые драматургические штампы, стирающие личность актера и писателя.

Идеологические финалы надо высмеивать. С казенными штампами надо бороться. Приспосаблиющихся подхалимов надо гнать. Дураков — истреблять. Но надо также различать беспощадную сатиру преданных революции драматургов, не выносящих фальши, лживости и тупости услужливых глупцов, спекулирующих на революционном сюжете, и грациозно-остроумные памфлеты врагов, с изысканным злорадством и холодным сердцем высмеивающих простоту служащих и политическое игло рабочего класса.

Режиссер, конечно, может перенести центр тяжести на пьесу Василия Артуровича. Он обязательно это сделает, повинаясь побуждениям Геннадия Панфиловича. И выйдет памфлет против бездарной фальши современных драматургов. Но дело не в илотах, а в злобующей мрачной силе, воспитывающей илотов, подхалимов и панегиристов. «Желал бы я видеть человека, который не желает международной революции!» — восклицает Геннадий Панфилович. Если такая мрачная сила существует, негодование и злое остроумие прославленного буржуазией драматурга оправдано. Если ее нет, то драматург снова оказывается в роли клеветнического врага, ловко маскирующего свои удары.

В пьесе, которая очень театральна и драматургически выразительна, 13 мужских и 2 женские роли. Много народа нужно для массовых сцен. И много такта — для режиссера.

Для провинциальной сцены пьеса рискованна. Она требует чрезвычайно тонкого истолкования. Следует предостеречь от увлечения ее экзотическими и сатирическими розамн» (Репертуарный бюллетень, 1928, № 12, с. 9 — 10).

Но это был все еще 1928 год... И уж совсем поразительный случай. московский художественно-литературный журнал сочувственно цитирует отзыв из берлинской социал-демократической газеты: «Новая вещь Булгакова, конечно, не драматическое произведение крупного масштаба, как «Дни Турбиных»; это лишь гениальная драматическая шутка с несколько едкой современной сатирой и с большой внутренней иронией. Внутреннее волнение зрителя и злободневность, которую эта вещь приобрела у московской интеллигенции, показались бы нам такими же странными в другой среде, как нам странным кажется волнение, вызванное постановкой «Свадьбы Фигаро» Бомарше у парижской публики старого режима... Русская публика, которая обычно при театральных постановках так много говорит об игре и режиссере, на этот раз захвачена только содержанием. На багровом острове Советского Союза среди моря «капиталистических стран» самый одаренный писатель современной России в этой вещи бояз-

ливо и придушено посредством самовысмеивания поднял голос за духовную свободу» (цитирую по: Молодая гвардия, 1929, № 2).

Отзыв Сталина о «Багровом острове» развязал руки бесчестным критикам рапповского толка, в частности, О. С. Литовский опустил на до прямого доносительства: «В этом году мы имели одну постановку, представляющую собой злостный пасквиль на Октябрьскую революцию, целиком сыгранную на руку враждебным силам: речь идет о «Багровом острове» (Известия, 1929, № 139, 20 июня, с. 4). Под напором подобной «критики» пришлось и вполне приличному человеку и критику П. И. Новицкому изменить свое отношение к спектаклю и пьесе: «До сих пор не сходит с репертуара Камерного театра клеветническая пьеса М. Булгакова «Багровый остров», с холодным злорадством высмеивающая политическое иго рабочего класса и пародирующая ход Октябрьской революции» (Печать и революция, 1929, кн. 6, с. 62 — 63).

Из всех отзывов критиков М. А. Булгаков выделял положительный отзыв П. И. Новицкого и публикацию в журнале «Молодая гвардия».

«...Позволительно спросить — где истина? — писал Булгаков в письме к «Правительству СССР» 28 марта 1930 года. — Что же такое, в конце концов, — «Багровый остров»? — «Убогая, бездарная пьеса» или это «остроумный памфлет?»»

Истина заключается в рецензии Новицкого. Я не берусь судить, насколько моя пьеса остроумна, но я сознаюсь в том, что в пьесе действительно встает зловещая тень, и это тень Главного репертуарного комитета. Это он воспитывает илотов, панегиристов и запуганных «услужающих». Это он убивает творческую мысль. Он губит советскую драматургию и погубит ее.

Я не шепотом в углу выражал свои мысли. Я заключил их в драматургический памфлет и поставил этот памфлет на сцене. Советская пресса, заступаясь за Главрепертком, написала, что «Багровый остров» — пасквиль на революцию. Это несерьезный лепет. Пасквиля на революцию в пьесе нет по многим причинам, из которых, за недостатком места, я укажу одну: пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности ее, написать невозможно. Памфлет не есть пасквиль, а Главрепертком — не революция.

Но когда германская печать пишет, что «Багровый остров» — это «первый призыв к свободе печати», — она пишет правду. Я в этом сознаюсь. Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, — мой писательский долг, так же как призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверявшей, что ей не нужна вода». (См.: Письма, с. 173 — 174.)

Но голос Булгакова не был услышан в то время. Более того, его коллеги из РАППа злорадствовали по поводу запрещения его пьес, снятия их из репертуара театров. 3 июня 1929 года Ф. Ф. Раскольников в «Вечерней Москве» писал: «Огромным плюсом минувшего сезона является сильный удар, нанесенный по необузданной драматургии запрещением «Бега» и снятием Театром Вахтангова «Зойкиной квартиры».

«Багровый остров» стал предметом серьезных критических и литературоведческих исследований. В частности, назову следующие работы: Киселев Н. Н. Комедии М. Булгакова «Зойкина квартира» и «Багровый

остров» в книге «Проблемы метода и жанра», Томск, 1974; Бабичева Ю. В. Комедия-пародия М. Булгакова «Багровый остров» в книге «Жанры в историко-литературном процессе», Вологда, 1985; Золотницкий Д. И. Комедии М. А. Булгакова на сцене 1920-х годов в книге «Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова», Л., 1987.

Впервые опубликован за границей с «грубыми искажениями и ошибками в тексте», как утверждают исследователи, сверявшие тексты публикаций. Впервые в России — в «Дружбе народов», 1987, № 8; в сборнике. Михаил Булгаков. Чаша жизни. М., Советская Россия, 1988. Другую редакцию «Багрового острова» опубликовали в книге Михаил Булгаков. Пьесы 20-х годов (Театральное наследие), Л., 1989. Эта же редакция опубликована и в собрании сочинений в пяти томах. Этот машинописный текст «Багрового острова», считают исследователи, больше всего соответствует последней воле автора: «.. содержит многочисленные вымарки, поправки и вставки рукой Булгакова. На полях и в тексте имеются также режиссерские пометы А. И. Таирова. Это единственный известный нам авторизованный экземпляр машинописи «Багрового острова», представляющий особую литературную и научную ценность» (См. Пьесы 20-х годов, с. 566 — 567.) Публикаторы пьесы в собрании сочинений в пяти томах также ссылаются на этот машинописный текст как на единственный авторизованный экземпляр пьесы, а это механически доказывает правоту их выбора текста.

Вопрос, думается, гораздо сложнее. М. А. Булгаков не раз возвращался к пьесе под влиянием различных обстоятельств. Самый задушевный вариант — это первый... Потом он мог дорабатывать только под влиянием внешних обстоятельств, что, естественно, искажало творческий замысел.

В Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки, ф. 562, к. 11, ед. хр. 10, машинописная копия редакции 1927 года, полный авторский текст пьесы, представленный автором 4 марта 1927 года в Камерный театр. Этот экземпляр пьесы и был опубликован за границей и в России.

Этот же текст был опубликован и в книге. Михаил Булгаков. Белая гвардия, М., Современник, 1990.

Здесь текст пьесы публикуется по расклейке этой книги, сверенной с машинописной копией, хранящейся в Отделе рукописей РГБ.

БЕГ

Восемь снов

Пьеса в пяти действиях

Л. Е. Белозерская свидетельствует: «На большом подъеме в эти годы была написана пьеса «Бег» (1928 г.), которую совершенно произвольно называют продолжением «Дней Турбиных». Сам Михаил Афанасьевич никогда не рассматривал ее как продолжение «Дней Турбиных». Хотя пьеса была посвящена основным исполнителям «Турбиных» и ему мечталось увидеть их на сцене в «Беге», все же драматургическое звучание этой вещи совершенно иное, камертон дан на иной отправной ноте. Хватка драматурга окрепла, вкус установился, диапазон писателя рас-

ширился, и его изобразительная палитра расцвела новыми красками. В «Днях Турбиных» показано начало белого движения, в «Беге» — конец. Таким образом, вторая пьеса продолжает первую только по времени. Впрочем, в мою задачу не входит полемика с теми, кто думает иначе. «Бег» — моя любимая пьеса, и я считаю ее пьесой необыкновенной силы, самой значительной и интересной из всех драматургических произведений писателя Булгакова... Чтобы «надышаться» атмосферой Константинополя, в котором я прожила несколько месяцев, М. А. просил меня рассказывать о городе. Я рассказывала, а он как художник брал только самые яркие пятна, нужные ему для сценического изображения.

Крики, суета, интернациональная толпа большого восточного города показаны им выразительно и правдиво... Не раз рассказывала я М. А. о самых различных встречах, происшествиях и переживаниях предшествующих нашему браку лет. Он находил их интересными и собственноручно (по моим рассказам) набросал для меня план предполагаемой книги. С особым вниманием отнесся М. А. к моему устному портрету Владимира Пименовича Крымова, петербургского литератора. Он чем-то заинтересовал творческую лабораторию писателя и выплился позже в окарикатурный образ Парамона Ильича Корзухина.. Сцена в Париже у Корзухина написана под влиянием моего рассказа о том, как я села играть в девятку с Владимиром Пименовичем и его компанией (в первый раз в жизни!) и всех обыграла...

...Ужасен был удар, когда ее запретили. Как будто в доме объявился покойник» (Воспоминания, М., 1990, с. 175 — 177).

А начал писать Булгаков под впечатлением счастливой поры, когда он был влюблен в свою жену Любовь Евгеньевну, когда заказы сыпались на него со всех сторон, когда хорошо и полноценно работалось.

Впервые публикуется фрагмент пьесы 1 октября 1932 года в Вечерней Красной газете Михаил Булгаков. Бег. Седьмая картина, то есть — «сон седьмой». Сценическая история «Бега» началась спектаклем Сталинградского драматического театра им. А. М. Горького в 1957 году.

В различных архивах Москвы и Петербурга хранятся несколько машинописных экземпляров с авторской правкой.

Публикуется по машинописной копии, хранящейся в РГБ, фонд 562, к. 11, ед. хр. 11, 161 л. л. Скорее всего эта машинопись и есть первая редакция пьесы, во всяком случае из дошедших до нас

Впервые опубликована в книге: М. А. Булгаков. Пьесы 20-х годов. Искусство, Ленинградское отделение. 1989. В. И. Лосев опубликовал этот же текст пьесы с разночтениями. (См.: Михаил Булгаков. Из лучших произведений. М., Изофакс, 1993)

Анализ публикаций и машинописи первой редакции дал любопытные результаты: машинопись испещрена авторской правкой карандашом и чернилами. Е. С. Булгакова свидетельствует: «Экземпляр с пометками и исправлениями, сделанными рукой М. А. Булгакова».

В пояснительной записке к этой машинописи Е. С. Булгакова сообщила следующее: «Перепечатки 1928 года. На первой странице было посвящение: В. С. Соколовой, Н. П. Хмелеву и М. М. Яшину. Вырвано руками М. А. Булгакова в ту пору, когда он, обозлившись при воспоминании, как у него иногда вынуживали посвящения, — стал вырывать из всех экземпляров с посвящениями свою подпись и самое посвящение.

В 1937 г., в связи с разговорами (оказавшимися пустыми), что будто в МХАТ может пойти пьеса, начал чистить «Бег», как он назвал. Получился экземпляр, который и вышел в печати» (ОР РГБ, ф. 562, лл. 11).

В машинописи синим карандашом густо зачеркнуты некоторые слова, фразы, реплики, эпизоды. М. А. Булгаков тем самым улучшал текст, делал его более динамичным, художественно более весомым.

В. И. Лосев восстановил в большинстве случаев зачеркнутое автором; питерские публикаторы зачеркнутое в нескольких случаях восстановили, заключив текст в квадратные скобки.

В частности, в тексте В. И. Лосева во фразе: «Как странно» восстановлению далее следовавшие зачеркнутые фразы: «и страшно все это. Вы знаете...» и далее по тексту В первом собрании сочинений в пяти томах в этой же фразе возникает еще одно словечко: «В сущности, как странно все это!» — с восклицательным знаком.

Три публикации — и столько разночтений в одной фразе...

В. И. Лосев и публикаторы «Бега» в собрании сочинений в пяти томах почему-то восстановили во фразе Голубкова слово «зеленая»: «Вдруг так отчетливо вспомнилась моя зеленая лампа в кабинете ..», а «книги» опущено в пятитомнике.

Эти разночтения наводят на мысль, что и «Бег» нуждается в академическом издании, то есть необходимо выбрать один источник, наиболее отвечающий воле автора и дать свод вариантов и комментарии.

В данной публикации я последовал за питерскими публикаторами, заключив в квадратные скобки вычеркнутый автором текст, но показавший мне чем-то дополняющим основной текст. Так я заключил в квадратные скобки уточнение во фразе: «А сам я — приват-доцент при кафедре философии... И вот сопровождаю Серафиму Владимировну.» При публикации подчеркнутые фразы заключены в квадратные скобки автор вычеркнул их густым синим карандашом. В квадратные скобки заключена и фраза: «Вот фальшивые документы, а вот мой настоящий паспорт».

Научная подготовка текста «Бега» продолжается, и данную публикацию я рассматриваю как частицу нашей общей работы над подготовкой академического собрания сочинений М. А. Булгакова.

В «Сне четвертом» я восстановил фразу Главнокомандующего Де Бризару: «Я о вас позабочусь за границей, может быть, и даже, наверно, вы еще будете нужны отечеству». Главнокомандующий — Корзухину: «А. Вовремя. Вызвать вас хотел. Невзирая на кутерьму...» Африкан — Хлудову: «Торчите? Роман Валерианович! Уважение к сану терять не следует». Корзухин — Голубкову: «...молодому человеку, да еще рассказывающему явно сомнительные вещи, целую тысячу долларов!»

Так что машинопись, хранящаяся в ф. 562, к. 11, ед. хр. 11, таит в себе сразу две редакции: первоначальную редакцию и редакцию с авторской правкой синим и красным карандашом, а фраза: «Позвольте представиться — Де Бризар», вписана сверху чернилами.

Есть и мелкие разночтения, которые будут учтены при подготовке академического издания.

Внимательное и тщательная подготовка пьесы к печати поможет некоторым критикам и литературоведам более полно и глубоко понять и творческий замысел писателя, более глубоко понять и раскрыть характеры основных действующих лиц в их неповторимости и индивидуальности устремлений. Ведь только поверхностным прочтением пьесы можно объ-

яснить такие выводы В. В. Гудковой «Но, начав с репрессий, оправдываемых серьезностью, даже величием задачи, Хлудов кончает тем, что вешает солдата за слова правды о себе»; «..сломленные Серафима и Голубков и потерпевший жизненный крах Хлудов». (См.: Собрание сочинений в пяти томах, М., Художественная литература, 1990, т. 3, с. 626, 645)

Не за слова правды о себе Хлудов приказывает повесить Крапилина, а за трусость, за то, что упал на колени и стал умолять о прощении, за то, что испугался той правды, которую только что высказал. И ведь достаточно вспомнить настроение Хлудова в этот момент: он обрадовался, что перед ним наконец-то заговорили искренние люди, Серафима и Крапилин, он так ждал от своих подчиненных, от окружающих искренности, правдивости, и он почувствовал эту искренность и правдивость в словах «красноречивого вестового», но, увидев его упавшим к его ногам, сломленным, раздавленным под грузом своей искренности, приказал его повесить... И после этого начались его мучительные страдания, муки совести, и в итоге — прозрение, что он должен быть вместе со своим народом, с Россней, покаяться за жесткость, за содеянное на родной земле Зло. Это не крах, а душевное просветление. Как не сломленными вернулись Голубков и Серафима, они вернулись в Россию после долгих и мучительных тревог и страданий; они испытали себя в тяжких ситуациях и трудных положениях и выдержали эти испытания. Они остались верными своей России, верными своему предназначению — оставаться русскими людьми, а не безродными космополитами, каким надеется стать Чарнота, только к нему не удастся стать Летучим Голландцем, потянет и его в Россию, слишком ярким, колоритным получился он под пером М. А. Булгакова, воплощением национальных черт истинно народного характера.

ТАЙНОМУ ДРУГУ

Впервые — Неделя, 1974, № 43; Памир, 1987, № 4, Новый мир, 1987, № 8.

Публикуется по «новомирскому» изданию, сверенному с машинописной рукописью, копией, хранящейся в ОР РГБ, ф. 562, к. 5, ед. хр. 2.

Эту повесть М. А. Булгаков начал писать, когда положение его как драматурга, автора четырех пьес, оказалось плачевным. три пьесы были сняты из репертуаров трех театров, а «Бег» то разрешали, то запрещали к постановке. В это же время он начал оказывать внимание умной, образованной и чуткой к его литературным поискам Елене Сергеевне Шиловской, замужней женщине в расцвете лет, матери двух сыновей, покорившей его своей чуткостью и пониманием его положения в обществе. Она все расспрашивала его, как он стал драматургом, как сложилась его творческая судьба вообще.

Эта повесть, датированная сентябрем 1929 года, и является как бы ответом на многочисленные вопросы ТАЙНОГО ДРУГА.

В июле 1929 года М. Булгаков написал заявление руководству страной с просьбой об изгнании его за пределы СССР вместе с женой

Л. Е. Булгаковой. 24 августа 1929 года он в письме брату Николаю сообщал, что все «моя пьесы запрещены к представлению в СССР... В 1929 году совершилось мое писательское уничтожение... В сердце у меня нет надежды... Вокруг меня уже ползет змейкой темный слух о том, что я обречен во всех смыслах...» (См.: Письма, с. 151.)

А 3 сентября 1929 года М. А. Булгаков вновь обращается в высший государственный орган, во ВЦИК, к А. С. Енукидзе, с просьбой: «разрешить мне вместе с женой моей Любовию Евгеньевной Булгаковой выехать за границу...» В тот же день с аналогичной просьбой обращается к А. М. Горькому. 28 сентября он вновь обращается к Горькому с просьбой. «Прошу вынести гуманное решение — отпустить меня!» (Письма, с. 156.)

В таком душевном состоянии и начал Булгаков писать эту повесть.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗОЙКИНА КВАРТИРА

Трагический фарс в трех актах

Это вторая редакция пьесы, существенно отличающаяся от первой. М. А. Булгаков горько переживал снятие и запрещение своих пьес, не мог смириться с таким произволом и постоянно перерабатывал свои пьесы, ничуть не нарушая своего творческого замысла и доводя сценическую форму до блеска. Так произошло и со второй редакцией «Зойкиной квартиры».

Над второй редакцией пьесы Булгаков начал работать после того, как пьесой заинтересовались на Западе, ее перевели на английский и немецкий языки, показывали в Америке и Чехословакии. И вот французская актриса Мария Рейнгардт, заинтересовавшись пьесой и желая ее поставить в театре «Старая голубятня» в Париже, написала Булгакову, что «Зойкина квартира» произвела на нее «глубокое впечатление», что хотела бы перевести ее на французский язык.

М. А. Булгаков ответил согласием и на перевод, и на постановку пьесы, указав условия, на которых он готов сотрудничать. Тут и обнаружилось, что за границей ходит по рукам неуправленный экземпляр с грубейшими опечатками и искажениями в тексте. И потом прошло десять лет с того времени, когда пьеса была написана и имела на сцене успех, многое из особенностей нэпманского быта безвозвратно кануло в Лету, многое окажется просто непонятным зарубежному зрителю и читателю. Так возникла вторая редакция «Зойкиной квартиры».

Булгаков устранил «длинноты», на которые указывал ему еще А. Д. Попов и которые были приняты лишь частично.

1 августа 1934 года М. А. Булгаков, не уверенный в том, что в Париже правильно поймут его творческий замысел и конкретную обстановку, в которой действуют его своеобразные персонажи, дал подробные «авторские комментарии к пьесе» в письме к Марии Рейнгардт:

ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ.

А Б о л ь я н н и н о в: бывший граф, лет 35, в прошлом очень богатый человек, в настоящее время разорен. Морфинист. Действительности, которая его окружает, не может ни понять, ни принять; одержим одним желанием уехать за границу. Единственно, что связывает его с жизнью в Москве, это Зоя; без нее он, при его полнейшей непрактичности, а кроме того, при его тяжелой болезни, пропал бы.

Воля его разрушена. Для него характерны только два состояния: при лишении яда — тоскливое беспокойство и физические страдания, после впрыскивания морфия — оживление, веселое и ироническое к окружающим явлениям.

Внешне. одет у хорошего портного по моде 1924 года, скромно и дорого, безукоризнен в смысле галстуков и обуви.

Чрезвычайно воспитан. Очаровательные манеры Широка в смысле денег, если они есть.

Музыкален. Романс, который он постоянно напевает, «Не пой, красавица, при мне...» и дальше: «Напоминают мне они...», вне сомнения, какое-то навязчивое явление у Абольянинова.

А м е т и с т о в Александр Тарасович: кузен Зои, проходимец и карточный шулер. Человек во всех отношениях беспринципный. Ни перед чем не останавливается.

Смел, решителен, нагл. Его идеи рождаются в нем мгновенно, и тут же он приступает к их осуществлению.

Видал всякие виды, но мечтает о богатой жизни, при которой можно было бы открыть игорный дом.

При всех его отрицательных качествах почему-то обладает необыкновенной привлекательностью, легко сходится с людьми и в компании незаменим. Его дикое вранье поражает окружающих. Абольянинов почему-то к нему очень привязался. Аметистов врет с необыкновенной легкостью в великолепной, талантливой актерской манере. Любит щеголять французскими фразами (у Вас — английскими), причем произносит по-французски или по-английски чудовищно.

Одет чудовищно. В первом акте, когда он появляется, на нем маленькое, серенькое, распоротое по шву кэпи, вроде тапков, как носят туристы в поездах или мальчики, которые ездят на велосипеде («кепка») — ни в каком случае шляпа. Начищенные тупоносые ботинки на шнурках со стоптанными каблуками. Серенькие рыночные брюки с дырой назади и с пузырями на коленях. Белая грязная блуза, односторонняя, с поясом из той же материи, с большими карманами на груди («толстовка»)...

Столь же подробно М. А. Булгаков описывает и других персонажей своей пьесы: Гусь — «толстый, квадратный, с упрямой челюстью, тусклыми, оловянными глазами, лысоват, невоспитан, нагл...»; Зойка — «в прошлом жена богатого фабриканта», «стала циничной, привыкла ко всему, защищает сама себя и Абольянинова, которого любит»; Курильщик — «в черном костюме, небрежен и вообще похож на видение».

Автор подробно описывает все, что может касаться обстановки, одежды, быстроты смены декораций, тем самым подчеркивая какую-то таинственность в происходящем: «...происходит одно из Зойкиных чудес», «Свет после этого исчезает, и опять волшебная перемена — под лампой видно лицо сатанински смеющегося Аметистова». «Сцена куте-

жа ни в каком случае не должна быть вульгарна. Мертвое тело производит не отвратительное впечатление, а странное, как бы видение. То же самое и Курильщик. Ни одного грубого момента в обращении мужчин с женщинами... Побег стремительные. Вообще все темпы стремительные. У зрителя должно остаться впечатление, что он видел сон в квартире Зойки, в котором промелькнули странные люди, произошли соблазнительные и кровавые происшествия, и все это исчезло...» (См.: Современная драматургия», 1986, № 4, с. 262 — 267.)

В мае 1935 года Булгаков завершил работу над второй редакцией пьесы. В 1937 году она была поставлена в театре «Старая голубятня» в Париже.

1 августа 1934 года М. А. Булгаков писал своему брату в Париж: «...Этим летом и именно как раз в то время, когда к тебе придет это письмо, я должен был быть в Париже. Я был настолько близок к этому, что разметил весь план двухмесячной поездки. Тогда я устроил бы все дела. Но в самый последний момент совершенно неожиданно, при полной надежде, что поездка мне будет разрешена, — я получил отказ

Если бы я был в Париже, я показал бы сам все мизансцены, я дал бы полное, не только авторское, но и режиссерское толкование, и — можешь быть уверен, что пьеса бы выиграла от этого. Но, увы! — судьба моя сложна». (Письма, с. 313.)

Опубликована в «Современной драматургии», 1982 г., № 2. Перепечатана в книге: Михаил Булгаков. Пьесы. Составители: Л. Е. Белозерская, И. Ю. Ковалева. Советский писатель. 1986 г.; Михаил Булгаков. Белая гвардия. Составитель В. В. Петелин. Современник. 1990 г.

Публикуется по расклейке последней книги, текст который сверен с машинописными копиями, хранящимися в ОР РГБ, ф. 562, к. 11, ед. хр. 7, ед. хр. 8.

Существует мнение, что вторая редакция — это третья по счету, так во всяком случае указывается на титульном листе машинописной копии, хранящейся в ОР РГБ в самодельной бумажной обложке, на титульном листе надпись рукой Е. С. Булгаковой: «Окончательный вариант», в тексте ее корректорская правка. «Листы пробиты дыроколом. Бумага пожелтела, первые четыре листа порваны, по краям обложка порвана». Но в нашу задачу не входит подсчет редакций и вариантов этой талантливой и популярной в наши дни пьесы. Это задача академического собрания сочинений М. А. Булгакова.

БЕГ

Восемь снов

Пьеса в четырех действиях

Впервые опубликована в книге: Михаил Булгаков. Пьесы. М., 1962; затем — в книге: Михаил Булгаков. Драмы и комедии. М., 1965; в книге: Михаил Булгаков. Белая гвардия. Современник. 1990.

Публикуется по этому изданию, текст которого сверен по машинописной копии, хранящейся в ОР РГБ, ф. 562.

Это широко известная редакция знаменитой пьесы — редакция 1937 года, окончательный вариант уступок, на которые мог пойти Булгаков в своем устремлении все-таки увидеть свою пьесу на сценах театров. В главном, принципиальном — Булгаков не уступил, но кое-что «почистил»...

Работа над второй редакцией началась вроде бы случайно. Вот как это произошло, записывает в «Дневнике» Е. С. Булгакова: «27 сентября 1937 года. Удивительный звонок Смирнова: нужен экземпляр «Бега». Для кого, кто спрашивает? — Говорит, что по телефону сказать не может. Решили переписывать «Бег». Днем М. А. ходил на репетицию «Травяты». Обедал у нас Дмитриев. После обеда, как всегда, легли отдохнуть, после чего М. А. стал диктовать «Бег»...

28 сентября.

М. А. диктует «Бег», сильно сокращает. Звонил Олеша, спрашивал у М. А. совета по поводу своих болезненных ощущений. Он расстроен нервно, к тому же у него несчастье. Не он говорил, а знаю из газеты и рассказов его пасынок выбросился из окна, разбился насмерть. Вечером, на короткое время, перед поездом, — Дмитриев с женой.

Потом «Бег» до ночи.

29 сентября.

«Бег» с утра.

30 сентября.

«Целый день «Бег».

1 октября. Кончили «Бег». Позвонила Виленкину. Старалась спросить. Но он говорит, что звонила некая Омедор, кажется, из Комитета искусств. Дело, конечно, не в Омедор, это-то ясно. Но в ком?

2 октября. Приходили от Виленкина из МХАТа за экземпляром. Выдала.

Позвонила Смирнову, что есть экземпляр. Пыталась узнать, с кем он говорил. Безрезультатно.

3 октября. Днем приехал Смирнов за «Бегом». Вошел, не снимая пальто, явно боясь расспросов. Расспрашивать не стали. Он успокоился, сняв пальто, и тут пошел разговор. В разговоре М. А. сказал:

— Я работаю на холостом ходу... Я похож на завод, который делает зажигалки...

Смирнов попросил, чтобы ему показали рецензии Горького на «Бег», а также Пикеля (который зарезал пьесу). Я показала ему — они вклеены в толстую тетрадь вырезок о М. А. Он оживился и попросил перепечатать отзывы Горького и рецензию Пикеля. И увез вместе с экземпляром. Загадка.

4 октября. ...Оленька — с какими-то пустяками по телефону. М. А. говорит:

— Это означает, что «Бег» умер.

9 октября. Обедал Дмитриев. Говорил, что нужно написать новую картину в «Беге» — тогда пойдет пьеса. Вздор какой!»

Такова творческая история второй редакции «Бега», редакции 1937 года; а потом начались аресты, так и не удалось выяснить, кто же заказывал экземпляр пьесы, в результате чего и возникла эта редакция «Бега».

За время работы над «Бегом» автор несколько раз возвращался к финальным сценам, в 1933 — 1937 гг., то Хлудов вместе с Голубковым и Серафимой возвращался в Россию, то Хлудов кончал жизнь самоубий-

ством, а Голубков и Серафима отправлялась в Европу, были и другие варианты, с которыми читатели познакомятся в этом томе

В связи с публикациями разных редакций «Бега» возникает вопрос: какой же финал более всего соответствует авторской воле. Легче всего было бы ответить: авторской воле больше всего соответствует первая редакция «Бега» в пяти действиях, опубликованная в основном корпусе этого тома. Да и Елена Сергеевна Булгакова, и Любовь Евгеньевна Белозерская-Булгакова, два близких автору человека, стояли за возвращение Хлудова, Серафимы и Голубкова в Россию, как и было в творческом замысле.

Самоубийство Хлудова и различные варианты финала для Голубкова и Серафимы возникли под давлением обстоятельств сложнейшей обстановки 30-х годов

Лавина репрессий покатила по всей стране. Ничто не могло остановить ее. Жизнь диктовала свои условия существования в этом мире. Заинтересованные в постановке «Бега» начали искать возможности ее возобновления: ведь одно время даже приступали к репетициям. А. М. Горький, бывая во МХАТе, не раз вспоминал «Бег», советовал автору переделать последние картины, сделать Голубкова и Серафиму более четкими, дабы прояснить направление авторского замысла.

И. Я. Судаков, приступивший к репетициям «Бега», вел переговоры с А. С. Енукидзе, О. С. Литовским и другими ответственными чиновниками о возобновлении пьесы, постановке спектакля по пьесе. Основное требование доработки сводилось к тому, чтобы автор показал, что белое движение погибло как следствие порочности самой белой идеи, а поэтому необходимо было пересмотреть образ Хлудова как носителя этой идеи, то есть выполнить требования И. В. Сталина, которые он изложил в ответе на донос В. Н. Биль-Белоцерковского. (См. Сочинения. Т. II. М., 1955. С. 327.)

29 апреля 1933 года Булгаков вынужден был заключить новый договор на переделку пьесы. По договору он получил 6000 рублей, но при этом должен был: а) переработать последнюю картину по линии Хлудова, причем линия Хлудова должна привести его к самоубийству как человека, осознавшего беспочвенность своей идеи; б) переработать последнюю картину по линии Голубкова и Серафимы так, чтобы оба эти персонажа остались за границей; в) переработать в 4-й картине сцену между главнокомандующим и Хлудовым так, чтобы наилучше разъяснить болезнь Хлудова, связанную с осознанием порочности той идеи, которой он отдался, и происходящую отсюда ненависть его к главнокомандующему, который своей идеей подменял хлудовскую идею». Тут же рукой М.А.Булгакова разъяснено: «Своей узкой идеей подменял широкую Хлудова». И это уточнение довольно символично: И соглашаясь на доработку, Булгаков не давал в обиду своего любимого героя, руководствовавшегося в своей борьбе «широкой» идеей, то есть верность присяге, воинской чести, защите Отечества и любовь к России...

(Цитирую по книге: Михаил Булгаков. Пьесы 20-х годов, с. 558.)

Летом 1933 года Булгаков сделал так, как было сказано в договоре: Хлудов кончает жизнь самоубийством, а Голубков и Серафима остались за границей.

В письме брату Николаю М.А.Булгаков писал 14 сентября 1933 года: «В «Беге» мне было предложено сделать изменения. Так как изменения

эти вполне совпадают с первым моим черновым вариантом и ни на йоту не нарушают писательской совести, я их сделал». (Письма, с. 270.)

Казалось бы, это свидетельствует в пользу того, чтобы давать «Бег» в четырех действиях с финалом 1933 — 37 гг., но нельзя забывать и о том, что этот финал возник под давлением трагических обстоятельств 30-х годов. К тому же совершенно уверен также и в том, что переписка с братом перлюстрировалась, так как сам М.А.Булгаков был давно под «колпаком», за ним велось повседневное наблюдение. Так что этот вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Другие варианты «Бега» публикуются по книге: Михаил Булгаков. Пьесы 20-х годов. Л., 1989 г.

МАСТЕР И МАРГАРИТА

Черновые варианты романа.

Тетрадь 1. Тетрадь 2. 1928 — 1929 гг. Тетрадь 3. 1929 — 1931 гг.

Исследователи романа «Мастер и Маргарита» давно заинтересовались черновыми вариантами романа.

Глава «Якобы деньги» черного варианта романа опубликована в журнале «Даугава», 1983, № 10; глава «Шестое доказательство» — в журнале «Памир», 1984, № 7.

Серьезное изучение черновых вариантов романа начал несколько лет тому назад В. И. Лосев, опубликовавший первые две тетради черного варианта романа в книге: Михаил Булгаков. Избранные произведения. Киев, «Днипро», 1990; затем — в книге: Михаил Булгаков. Великий Канцлер. Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». Москва, Новости. 1992; и — в книге: Неизвестный Булгаков. Москва. Книжная палата. 1993. В этих книгах были опубликованы основные черновые редакции великого романа.

В. И. Лосев провел большую исследовательскую работу по восстановлению текста первых редакций романа, дал основательные комментарии к каждой публикации.

Не могу согласиться только с тем, что каждой публикации В. И. Лосев давал разные названия, а потому у доверчивых читателей возникла надежда, что, кроме романов «Белая гвардия», «Жизнь господина де Мольера», «Театрального романа» и «Мастера и Маргариты», он написал и романы «Черный маг», «Великий Канцлер», «Князь тьмы». Так что, приступая к чтению романа «Черный маг», он тут же догадывался, что его ввели в заблуждение.

Публикуется по книге: Михаил Булгаков. Великий Канцлер. Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». Москва. 1992, сверенному с автографами, хранящимися в ОР РГБ, ф. 562, к. 6, ед. хр. 1 — 2.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Виктор ПЕТЕЛИН. Годы перелома в великой судьбе</i>	<i>5</i>
ЗОЙКИНА КВАРТИРА. Пьесы в трех актах. Первая редакция	51
БАГРОВЫЙ ОСТРОВ.....	130
БЕГ. Пьесы в пяти действиях	218
ТАЙНОМУ ДРУГУ.	301

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗОЙКИНА КВАРТИРА. Трагический фарс в трех действиях	331
БЕГ. Пьесы в четырех действиях	377
БЕГ. Переделки пьесы в 1933 г.	442
БЕГ. Вариант финала в 1934 г.	451
БЕГ. Вариант финала 1937 г.	456
МАСТЕР И МАРГАРИТА. Черновые варианты романа.	
Тетрадь 1. 1928 — 1929 гг.	458
МАСТЕР И МАРГАРИТА. Черновые варианты романа.	
Тетрадь 2. 1928 — 1929 гг.	474
МАСТЕР И МАРГАРИТА. Черновые варианты романа.	
Тетрадь 3. 1929 — 1931 гг.	502
Краткие комментарии	520

Булгаков М. А.

Б 90 Собрание сочинений в 10 томах. Т. 5. Багровый остров. Пьесы, повесть. Черновые тетради романа «Мастер и Маргарита». — М.: Голос, 1997. — 544 с.

ISBN 5-7117-0309-9 (Т. 5)

ISBN 5-7117-0304-8

Пятый том Собрания сочинений Михаила Булгакова составили пьесы «Зойкина квартира», «Багровый остров», «Бег», повесть «Тайному другу», в Приложении — черновые тетради романа «Мастер и Маргарита».

УДК 882

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Михаил Афанасьевич БУЛГАКОВ

Собрание сочинений

Том 5

БАГРОВЫЙ ОСТРОВ

Редактор А. Меньков

Художественный редактор В. Голубев

Технический редактор Н. Александрова

Корректор Н. Балашова

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 040020 от 07.02.97.

Сдано в набор 23.08.95. Подписано в печать 17.12.95.

Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать высокая.

Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 28,56.

Тираж 13 000 экз. Зак. № 755.

Издательство «Голос», 113184, Москва, ул. Пятницкая, д. 52, стр.

Оригинал-макет изготовлен ТОО «Компания ДЛШ»

ул. 8-я Текстильщиков, 14, тел. 178-57-79

Отпечатано на издательско-полиграфическом предприятии

«Правда Севера»

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32

